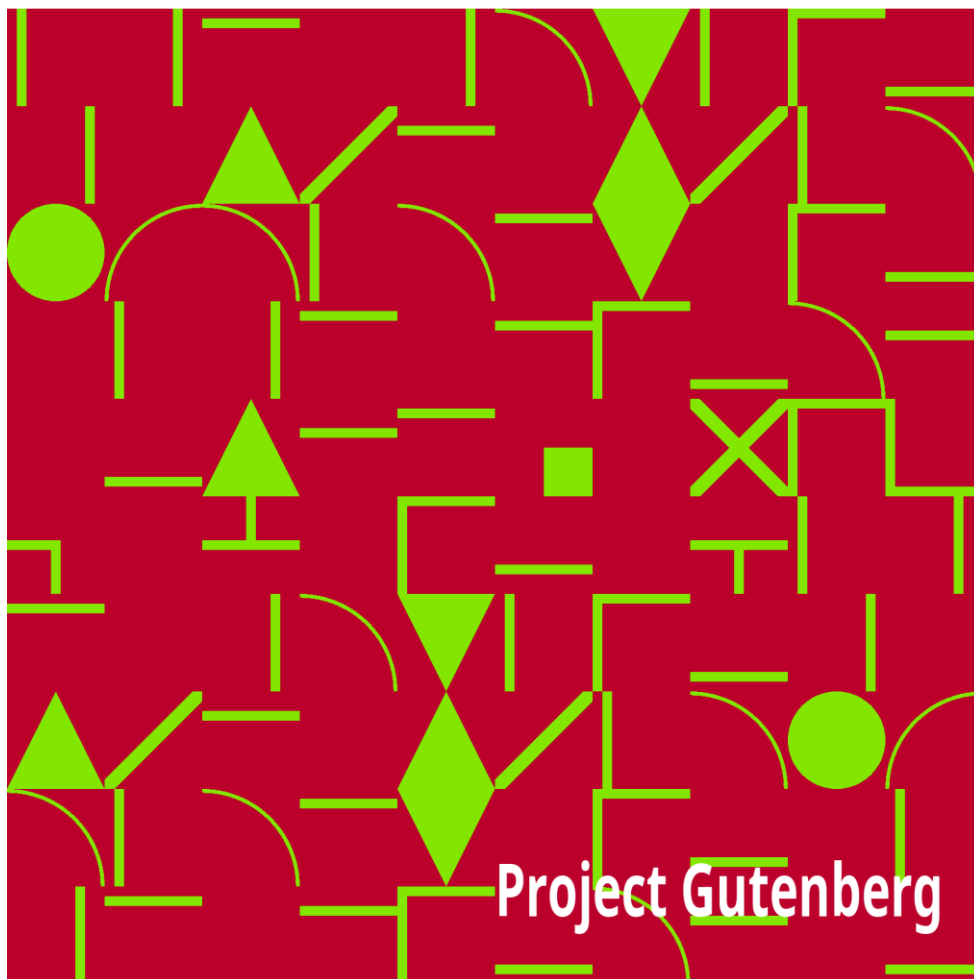

История и древности дорийской расы, том 1 из 2

Карл Отфрид Мюллер

The History and Antiquities of the Doric Race, Vol. 1 of 2

Karl Otfried Müller

The Project Gutenberg eBook of The History and Antiquities of the Doric Race, Vol. 1 of 2

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История и древности дорийской расы, том 1 из 2

Автор: Карл Отфрид Мюллер

Переводчик: Сэр Джордж Корнуолл Льюис

Генри Тафнелл

Дата выхода: 17 сентября 2010 [eBook #33743]

Язык: Английский

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY AND ANTIQUITIES OF THE DORIC RACE, VOL. 1 OF 2 ***

История и древности дорийской расы

Карл Отфрид Мюллер

Профессор Геттингенского университета

Переведено с немецкого

Генри Тафнелл, эск.

И Джордж Корнуолл Льюис, эсквайр, А.М.

Студента Крайст-Черч.

Второе издание, пересмотренное.

Том I

Лондон:

John Murray, Albemarle Street.

1839.

Содержание

- Отрывок из предисловия переводчиков к первому изданию.
- Реклама ко второму изданию.
- Введение.
- Книга I. История дорийской расы с древнейших времен до окончания Пелопоннесской войны.
 - Глава I.
 - Глава II.
 - Глава III.
 - Глава IV.
 - Глава V.
 - Глава VI.
 - Глава VII.
 - Глава VIII.
 - Глава IX.
- Книга II. Религия и мифология дорийцев.
 - Глава I.
 - Глава II.
 - Глава III.
 - Глава IV.
 - Глава V.
 - Глава VI.
 - Глава VII.
 - Глава VIII.
 - Глава IX.
 - Глава X.
 - Глава XI.
 - Глава XII.
- Приложение I.
- Приложение II. Родословная Эллина.
- Приложение III. Переселение дорийцев на Крит.
- Приложение IV. История греческого конгресса или синедриона во время Персидской войны.
- Сноски

Выдержка из предисловия переводчиков к первому изданию.

Эта история, английский перевод которой мы предлагаем вниманию публики, составляет второй и третий тома работы профессора К. О. Мюллера под названием "Истории греческих племен и городов". Первый том этой серии был опубликован отдельно под названием "Орхомен и минийцы"; он содержит наиболее научное исследование мифологии и ранней истории Орхомена и других городов Беотии, а также миграции минийцев, вместе с другими вопросами, более или менее связанными с этими темами. Это во всех отношениях отдельное произведение, отличное от "Дорийцев", вошедших во второй и третий тома; и нам было более необходимо опубликовать перевод этого первого тома, поскольку на него часто ссылаются в последующих томах, чем многих других замечательных трудов по греческой истории, о которых также упоминается, но которые недоступны для лиц, не знакомых с немецким языком.

[pg iv]

В то время, когда большая часть настоящего перевода была завершена, переводчики сообщили в письме профессору Мюллеру о своих намерениях в отношении его работы о дорийцах и попросили его прочитать рукопись их перевода до того, как он будет напечатан, на случай, если они где-либо допустят какие-либо ошибки или не поймут смысл его слов. Г-н Мюллер, хотя и не был лично знаком ни с одним из переводчиков, не только согласился на эту просьбу, но и с неожиданной и нежданной либеральностью выразил готовность внести в наш перевод все изменения и дополнения, которые он предложил прочитать с момента появления оригинального произведения. Рукопись была передана автору и тщательно пересмотрена, исправлена и дополнена. О ценности этих изменений, возможно, было бы неуместно говорить в тех выражениях, которых они, как нам кажется, заслуживают: об их количестве, однако, поскольку это можно проверить, мы рискуем утверждать, что немногие книги претерпевают столь значительные изменения после их первой публикации; и что настоящая работа может считаться, строго говоря, не только переводом, но и новым изданием оригинала. Внося эти изменения, автор также хотел прояснить неясности или неясность смысла, либо путем изменения выражения, либо более полного развития мысли: и мы не можем не надеяться, что даже для человека, [pg v] знакомого с немецким языком, наш перевод во многих местах будет признан более ясным и удовлетворительным, чем оригинальный текст.

Помимо тех изменений, которые впервые появляются в данном переводе, сюда были включены дополнения и исправления, опубликованные автором в его "Введении в научную систему мифологии"; в Приложение была включена диссертация о ранней истории македонского народа, опубликованная автором отдельно, спустя некоторое время после появления дорийцев.

В наш перевод была включена не только небольшая карта Македонии, приложенная к этой Диссертации, в дополнение к карте Пелопоннеса, которая одна содержалась в оригинале, но и карта Северной Греции, которая вместе с пояснительной статьей, помещенной в Приложении, теперь впервые представлена публике. Эти три карты вместе дают полное географическое представление о древней Греции от мыса Тхенарум до севера Македонии; и мы можем позволить себе сказать, что по точности и полноте деталей они соперничают, если не превосходят, все другие карты тех же [регионов](#)¹.

[pg vi].

После завершения печати всей работы (за исключением Приложения) листы были отправлены г-ну Мюллеру, благодаря чему не только перевод оригинала, но и дополнения к рукописи получили одобрение автора. Поэтому все расхождения, которые могут возникнуть между переводом и оригиналом, должны рассматриваться как санкционированные автором. В то же время переводчики считают правильным заявить на случай, если г-н Мюллер подвергнется каким-либо искажениям в своей стране, что при переводе они не считали себя обязанными следовать букве оригинала и иногда допускали вольный пересказ, а в некоторых местах предлагали более значительные изменения, ввиду разницы между мнениями по многим важным вопросам, которые обычно преобладают в Англии и Германии.

(1830.)

[pg vii]

Реклама ко второму изданию.

Первое издание настоящего перевода было пересмотрено автором; он внес несколько исправлений и дополнений, которые были вставлены на свои места.

Рассказы о географии Пелопоннеса и Северной Греции, которые были вставлены в приложение к первому изданию перевода, в настоящем издании опущены.

Апрель, 1839.

[pg 001]

Введение.

§ 1. Происхождение дорийцев на севере Греции. § 2. Северная граница Греции. § 3. Македоняне. § 4. Фессалийцы. § 5. Распространение иллирийцев в Западной Греции. § 6. Фригийцы. § 7. Фракийцы. § 8. Эллыны, ахейцы, минийцы, ионийцы и дорийцы. § 9. Хиллеане. § 10. Отношение вышеперечисленных народов к пеласгам. § 11. Разница между пеласгической и эллинской религиями. § 12. Ранний язык Греции и его основные диалекты.

1. Дорийцы происходят из тех районов, где греческий народ граничил на севере с многочисленными и непохожими друг на друга расами варваров. Что касается племен, обитавших за этими границами, то мы действительно полностью лишены информации; нет ни малейших следов каких-либо воспоминаний или традиций о том, что греки изначально были выходцами из этих мест. Однако именно на этих границах произошли события, которые полностью изменили внутреннее состояние всего греческого народа, и здесь же были даны многие из тех импульсов, последствия которых так долго и повсеместно ощущались. Преобладающим характером событий, о которых идет речь, было постоянное продвижение варварских рас, особенно иллирийцев, в более южные районы; однако Греция, несмотря на

преследования, ограничения и даже вынужденное оставление части своей территории, никогда не пыталась оказать объединенное сопротивление их посягательствам. Причиной такой небрежности, вероятно, было то, что все ее взгляды были обращены на юг, и на вышеупомянутые кварталы не обращалось никакого внимания.

[pg 002]

2. Для начала наметим линию границы (которая впоследствии может быть изменена для большей точности), предположим, что это горный хребет, который тянется от Олимпа на запад до Акроцераунских гор (включающих Камбунский хребет и гору Лакмон), а в середине соприкасается с цепью Пинда, которая тянется в направлении с севера на юг. Западная часть этой цепи отделяет самые далекие греческие племена от великого иллирийского народа, который простирался вплоть до кельтов на юге Германии. Любая информация о связи, особенностях и первоначальном языке этого народа должна быть интересной, а диалекты албанцев, особенно тех, кто живет в горах, где первоначальные обычаи и язык сохранились в большей чистоте, дадут материал для исследования.² Для нашей цели будет достаточно сказать, что они составляли северную границу греческого народа, от которого они отличались как по языку, так и по обычаям.

3. По манере носить мантию и укладывать волосы,³ а также по своему диалекту МАКЕДОНЦЫ имели большое сходство с иллирийцами; отсюда очевидно, что македонцы принадлежали к иллирийской нации.⁴ Несмотря на это, не может быть сомнений, что греки были **коренными**⁵ жителями [pg 003] этого района. Равнины Эматии, самого красивого района страны, были заняты пеласгами,⁶ которые, согласно Геродоту, также владели Крестоном над Халкидикой, куда они пришли из Фессалиотиса.⁷ Поэтому македонский диалект был полон греческих коренных слов. А то, что они не были введены царской семьей (которая была эллинской по происхождению или по манерам), видно из того факта, что многие знаки самых простых идей (которые ни один язык никогда не заимствует у другого) были одинаковыми в обоих, а также из того обстоятельства, что эти слова не появляются в их греческой форме, а были изменены в соответствии с родным диалектом.⁸ В македонском диалекте встречаются грамматические формы, которые принято называть **эолийскими**⁹, а также многие **аркадийские**¹⁰ и **фессалийские**¹¹ слова: и, что, возможно, еще более важно, несколько слов, которые, хотя и не встречаются в греческом, сохранились в латинском **языке**¹². Не похоже, что существует какое-либо особое родство с [pg 004] дорийским диалектом: поэтому мы не придаем большого значения ничем не подкрепленному утверждению Геродота о первоначальной идентичности дорийского и македонского (македонского) народов. У других авторов Македон называется сыном Ликаона, от которого, как говорят, произошли **аркадяне**¹³, или Македон - брат Магнеса, или сын Эола, согласно Гесиоду и **Элланику**¹⁴, что является лишь различными попытками установить генеалогическую связь между этой полуварварской расой и остальной частью греческого **народа**¹⁵.

4. ФЕССАЛИЙЦЫ, как и македонцы, были, как видно, иллирийской расой, покорившей коренное греческое население; но в этом случае численность интервентов была меньше, а количество и цивилизованность коренных жителей - значительными. Поэтому фессалийцы походили на греков больше, чем любая из северных рас, с которыми они были связаны: в частности, их язык был почти чисто греческим и, возможно, имел большее сходство с языком древних эпических поэтов, чем любой другой диалект.¹⁶ Но основные особенности этого народа, с которыми мы знакомы, не носили греческого характера. Достаточным примером этого является их национальная одежда,¹⁷ которая частично состояла из плоской и широкополой шляпы καυρία и хламиды (последняя была общей для обоих народов, но была неизвестна грекам времен Гомера, и действительно [pg 005] долгое время после этого,¹⁸

пока не была принята в качестве костюма конного ордена в Афинах). Фессалийцы, кроме того, несомненно, первыми ввели в Греции использование конницы. Однако более важные отличия, чем то, что было заявлено первыми, можно найти, пожалуй, в их порывистом и страстном характере, а также в низком уровне их интеллекта. Вкус к искусствам, проявленный богатым домом Скопадеев, не больше доказывает, что таковы были склонности всего народа, чем наличие тех же качеств у Архелая доказывает их распространенность в Македонии. Этого достаточно, чтобы выделить их из расы греков, столь высоко одаренных природой. Поэтому мы склонны предположить, что этот народ, который незадолго до экспедиции Гераклидов переселился из Феспротии, а также с территории Эфиры (Кихиры) на равнину Пеня, первоначально происходил из Иллирии. С другой стороны, в обычаях фессалийцев и дорийцев можно найти много сходных моментов. Так, например, любовь к мужскому полу (обычай, свойственный дорийцам) была распространена и среди иллирийцев, а объекты привязанности, как и в Спарте, назывались *ἄται*¹⁹; к женщинам, как и среди дорийцев, обращались с титулом "дамы" (δέσποιναι), титулом, редко встречающимся в Греции и выражающим оценку, которую они *получали*²⁰. Большая свобода в манерах женского пола была [pg 006] тем не менее обычной у иллирийцев, которые в этом отношении имели более близкое сходство с северными народами.²¹ В целом, однако, эти миграции с севера привели к распространению среди греков манер и институтов, которые были совершенно неизвестны их предкам, как их представлял Гомер.

5. Теперь мы перейдем к выяснению того, каковы были размеры территории, завоеванной иллирийцами на западе Греции. Большая часть Эпира в ранние времена была заселена пеласгами,²² к которым, как утверждают лучшие авторитеты, принадлежали жители Додоны, а также весь народ феспротийцев;²³ также хаонийцы у подножия Акроцераунских гор,²⁴ и хоны, Ænotrians и реусетяны на противоположном побережье Италии, как говорят, были представителями этой расы.²⁵ Древние здания, учреждения и религиозные культы эпиротов также явно имеют пеласгическое происхождение. Мы всегда предполагаем, что пеласги были греками и говорили на греческом языке: мнение, в поддержку которого мы в данном случае приведем лишь несколько аргументов. Следует помнить, что все расы, чьи миграции произошли в поздний период, такие как ахейцы, ионийцы, дорийцы, не были (особенно последние) достаточно сильными и многочисленными, чтобы полностью изменить обычаи [pg 007] варварского *населения*²⁶; что многие районы, например, Аркадия и Перребия, оставались полностью пеласгийскими, не населенными ни одним народом не греческого происхождения; что древнейшие названия греческих мест или упоминания в их традициях действительно принадлежат к другой эпохе диалекта, но не к другому языку; что, наконец, большое сходство между латинским и греческим языками можно объяснить, только предположив, что пеласгический язык был связующим звеном. В настоящее время народы Эпира почти доведены до полного варварства действием причин, которые могли иметь свое происхождение только в *Иллирии*²⁷; а в историческую эпоху границей Греции был Амбракийский залив. В более поздние времена более половины Этолии перестали быть греками и, без сомнения, приняли нравы и язык *иллирийцев*²⁸; отсюда атаманы, эпиротский и иллирийский народ, потеснили юг Фессалии.²⁹ Миграции и хищнические походы, подобные тем, что предпринимали энхилийцы в баснословные времена, продолжали без перерыва подавлять и сдерживать подлинное население Греции.

[pg 008]

6. Иллирийцы в эти древние времена были также ограничены на востоке фригийцами и фракийцами, а также пеласгами. Фригийцы в это время были непосредственными соседями македонян в Лебее, от которых они получили название бригийцев (Βρύγες, Βρύγοι, Βρίγες)³⁰;

они жили у подножия снежного Бермиуса, где находились сказочные розовые сады царя Мидаса, во время прогулки по которым, как говорят, был взят в плен мудрый Силен. Отсюда же они воевали (как сообщает Телегония Эвгаммона)³¹ с феспротийцами из Эпира. На небольшом расстоянии от этого места находились мигдонийцы, народ, наиболее близкий к фригийцам. Согласно Ксанфу, этот народ переселился в Азию только после Троянской войны.³² Но, во-первых, критские традиции начинаются с религиозных обрядов и басен, которые, судя по древнейшим свидетельствам, происходят от фригийцев из Азии.³³ И, во-вторых, армяне, которые, несомненно, были родственны фригийцам,³⁴ считались коренным народом на своей территории.³⁵ Поэтому будет достаточно признать одну и ту же расу [pg 009] мужчин в Армении, Малой Азии и у подножия горы Бермиус, не предполагая, что все армяне и фригийцы эмигрировали из последнего поселения на македонском побережье. Промежуточное пространство между Иллирией и Азией, через которое в древности мигрировали многочисленные народы, было заселено неравномерно со стольких сторон, что национальное единообразие, которое, по-видимому, когда-то существовало в этих местах, было быстро нарушено. Самыми важными документами, свидетельствующими о связи фригийцев с другими народами, являются следы, оставшиеся от их диалекта. Во времена Платона было хорошо известно, что многие примитивные слова греческого языка с небольшими изменениями узнаются во фригийском, например, τῦρ, ὕδωρ, χύων;³⁶ и большое сходство грамматической структуры, которое армянский язык демонстрирует сейчас с греческим, должно быть связано с этой первоначальной связью.³⁷ Фригийцы [pg 010] в Азии, однако, должны были смешаться с сирийцами, которые обосновались не только на правом берегу Халиса, но и на левом, в Ликаонии³⁸ и вплоть до Ликийи³⁹, и, соответственно, переняли многое из сирийского языка и религии⁴⁰. Их восторженные и неистовые церемонии, несомненно, всегда были частью их религии: они были общими со своими ближайшими соседями фракийцами, но древние греки, похоже, почти не были знакомы с такими обрядами.

7. Фракийцы, поселившиеся в Пиерии у подножия горы Олимп и спустившиеся оттуда к горе Геликон, как родоначальники поклонения Дионису и Музам, а также отцы греческой поэзии⁴¹, являются народом, имеющим огромное значение в истории цивилизации. Нельзя не предположить, что они говорили на диалекте, очень похожем на греческий, поскольку в противном случае они не могли бы оказать значительного влияния на последний народ. По всей вероятности, они происходили из страны, называемой в более поздние времена Фракией, где бессы, племя из народа сатр⁴², у подножия горы Пангеум, руководили оракулом Диониса. Следует ли считать всю многочисленную расу эдонов, одомантов, одрисов, треров и т. д. идентичной фракийцам в [pg 011] Пиерии, или же более вероятно, что эти варварские народы⁴³ получили от греков общее название фракийцев, с которым они были знакомы с ранних времен, - это вопросы, которые я не буду пытаться определить. К этим народам, однако, впоследствии проникло большое количество пеонийцев, которые перешли сюда во время очень древнего переселения тевкрийцев вместе с мисийцами.⁴⁴ К этой пеонийской расе принадлежали пелагонцы, жившие на берегах Аксия; они также продвинулись в Фессалию, как будет показано далее. О тевкрийцах, однако, мы ничего не знаем, за исключением того, что в сотрудничестве с (пеласгическими) дарданцами они основали город Трою, где использовался язык, вероятно, близкий к греческому и отличный от фригийского.⁴⁵

8. Именно в пределах вышеописанных горных барьеров мы должны искать происхождение народов, которые в героической мифологии всегда представлены как обладающие властью и могуществом и всегда противопоставляются аборигенному населению. По моему мнению, это были северные ветви греческого народа, которые захватили и покорили греков, живших

южнее. Древнейшее обиталище собственно эллинов (которые в мифологии являются лишь небольшим народом во [Фтии46](#)) находилось, [pg 012] согласно Аристотелю, в Эпире, недалеко от Додоны, богу которой молится [Ахилл47](#), как древнему защитнику своей семьи. По всей вероятности, ахейцы, правящий народ Фессалии и Пелопоннеса в мифические времена, были той же расы и происхождения, что и эллины. Минийцы, флегийцы, лапиты и эолийцы из Коринфа и Салмона происходили из районов выше Пиерии, на границах Македонии, где находились очень древние Орхомен, Миния и Салмония или [Халмопия48](#). Не меньше неясностей и в отношении северных поселений ионийцев; они, похоже, как бы упали с небес в Аттику и Гигиалею: однако они ни в коем случае не были идентичны коренным жителям этих районов и, возможно, отделились от какой-то северной, вероятно ахейской, [расы49](#). Наконец, дорийцы упоминаются в древних легендах и поэмах как обитатели одной оконечности великой горной цепи Верхней Греции, а именно у подножия Олимпа; однако есть основания предполагать, что в более ранний период они обитали на другой северной оконечности, у самого дальнего предела греческой нации.

[pg 013]

9. Теперь мы обратимся к необычному народу гиллийцев (*Υλλεῖς, Ὑλλοι*), который, как предполагается, жил в Иллирии, но во многих отношениях удивительным образом связан с дорийцами. Настоящее место их обитания вряд ли можно определить, так как гиллийцы никогда не упоминаются ни в одном историческом повествовании, а всегда в мифических легендах, и, по-видимому, они были известны географам только от мифологических писателей. Тем не менее, их обычно размещают на островах Мелита и Черная Корсира, к югу от Либурнии.[50](#) Имя гиллийцев удивительным образом совпадает с именем первого и самого знатного племени дорийцев. Кроме того, утверждается, что, живя среди иллирийцев, гиллийцы все же были настоящими греками. Более того, предполагается, что они, как и дорийские хиллины, произошли от Хилла, сына Геракла, которого этот герой родил от Мелиты, дочери Эгея:[51](#) здесь имя Эгей относится к реке на Корсире, а Мелита - к только что упомянутому острову. Аполлон был главным богом дорийцев; так [pg 014] же и эти гиллийцы, как говорят, спрятали под землей, в знак неприкосновенной святости, столь важный в религии Аполлона инструмент - [треножник52](#). Страна гиллийцев описывается как большой полуостров и сравнивается с Пелопоннесом: говорят, что в ней было пятнадцать городов, которые, однако, имели не более реальное существование, чем такой же большой полуостров Пелопоннес на побережье Иллирии. Как следует понимать все эти утверждения, сказать трудно. Однако представляется, что их можно согласовать только следующим образом: у дорийских гиллийцев была традиция, что они пришли из этих северных районов, которые тогда граничили с Иллирией, а затем были заняты этим народом; и в тех краях все еще оставались некоторые представители их племени, другие гиллийцы. Это представление о греческих гиллийцах на самом севере Греции, которые также происходили от Геракла и поклонялись Аполлону, было подхвачено и приукрашено поэтами, хотя маловероятно, что кто-то действительно когда-либо видел этих гиллийцев и посещал их страну. Как и гиперборейцы, они существовали лишь в предании и воображении. Возможно также, что корсирцы, на острове которых находилась "гиллейская" [гавань53](#), внесли свой вклад в формирование этих легенд, о чем свидетельствуют некоторые обстоятельства, указанные выше; но нельзя считать, что вся традиция возникла в корсирских колониях.

10. На этом мы могли бы закончить наши замечания на эту тему, если бы следующий важный вопрос не заслуживал рассмотрения. Какие отношения, по нашему мнению, существовали между расами, мигрировавшими в эти северные районы, и местными племенами, а [pg 015] какие между различными расами самой Греции? Все поиски на эту тему приводят нас к

пеласгам, которые, хотя и не встречаются во всех частях древней Греции (ибо традиция проводит столь широкое различие между ними и многими другими народами, что путаницы никогда не происходит)⁵⁴, все же встречаются почти повсеместно там, где существовала ранняя цивилизация, древние поселения и культы особой святости и важности. И на самом деле нет никаких сомнений в том, что большинство древних религий Греции обязаны своим происхождением этой расе. Зевс и Диона из Додоны, Зевс и Гере из Аргоса, Гефест и Афина из Афин, Деметра и Кора из Элевсиса, Гермес и Артемида из Аркадии, а также Кадм и Кабири из Фив не могут быть отнесены к какому-либо другому происхождению. Поэтому мы должны приписать этому народу чрезмерную готовность к созданию и метаморфозам объектов религиозного поклонения, так что одни и те же фундаментальные концепции по-разному развивались в разных местах; это разнообразие было вызвано, главным образом, произвольным пренебрежением или приверженностью к определенным частям одной и той же легенды. Во многих местах мы также можем распознать единство характера, которое пронизывало различные поклонения вышеупомянутым богам; везде мы видим проявляющееся в символах, именах, обрядах и легендах единообразие идей и чувств. Религии, привнесенные из Фригии и Фракии, такие как религия критского Зевса и Диониса или Вакха, можно легко отличить по их более восторженному характеру от родного пеласгического поклонения. [pg 016] Финикийская и египетская религии находились на большом расстоянии от ранних греков, были почти неизвестны даже там, где они существовали в непосредственной близости, были почти неразборчивы, когда греки пытались их изучить, и противны их природе, когда их понимали. В целом, пеласгические культы представляются частью простой элементарной религии, которая легко представляла различные формы, порожденные изменениями природы в разные климатические периоды и времена года, и изобиловала выразительными знаками для всех оттенков чувств, которые пробуждали эти явления.

11. С другой стороны, религия северных народов (которые, будучи эллинского происхождения, противопоставляются пеласгам) в ранние времена приняла более нравственный характер, чему, несомненно, способствовали их политические отношения. Героическая жизнь (которая не является выдумкой поэтов), любовь к энергичным и активным действиям, несклонность к безобидным занятиям земледелием, которая так замечательно прослеживается в завоевательной расе эллинов, неизбежно пробуждала и лелеяла совершенно иные религиозные чувства. Поэтому Зевс Эланий из Эака, Зевс Лафистий из Атамаса и, наконец, дорийский Зевс, чьим сыном является Аполлон, пророк и **воин**⁵⁵, - это скорее изображения морального порядка и гармонии вселенной, согласно античному методу, чем творческих сил природы. Однако я не отрицаю, что было время, когда эти различные взгляды еще не приняли отдельного направления. Так, можно показать, что Аполлон Ликей у дорийцев передавал почти те же представления, что и Зевс Ликей у аркадян, хотя поклонение любому из божеств [pg 017] развивалось независимо от поклонения другому. Таким образом, и некоторые древние аркадские и дорийские обычаи имели в своих основных чертах значительное сходство. Точки схождения в этих различных культах можно только путем сравнения: традиция с самого начала представляет бесчисленное собрание несогласованных форм культа, принадлежащих нескольким расам, но не объясняет нам, как они оказались разделены. Ведь эти различные обряды не объединялись в единое целое, пока не были сначала разделены; и как в результате соединения культов, так и под влиянием поэзии появлялись новые комбинации, которые существенно отличались от тех, что существовали ранее.

12. Язык древней греческой расы (который, вместе с ее религией, составляет древнейшую запись ее истории), если судить по разновидностям диалекта и по сравнению с латинским

языком, должен был быть очень совершенным по своей структуре, богатым и выразительным в своих флексиях и образованиях; хотя многое из этого было отшлифовано греками более поздних веков: в ранние времена отчетливость и точность в обозначении примитивных слов и отклонений были более важны, чем удобство произношения. Там, где сохранялись древние формы, они звучали чужеродно и непривычно для современного слуха; а язык более поздних времен был значительно смягчен по сравнению с латынью. Но особенности чистого дорического диалекта - это (там, где они не были обусловлены точным сохранением архаичных форм) фактические отклонения от первоначального диалекта, и, следовательно, они не встречаются в латыни; они носят, если мне будет позволено выражение, *северный* характер. Употребление артикля, которого не было ни в латинском языке, ни в языке эпической поэзии, можно приписать ни одной [pg 018] причине, кроме иммиграции новых племен, особенно дорийцев. Его введение, как и в романских языках, должно рассматриваться почти как знак великой революции. Особенности дорийского диалекта должны были существовать до периода миграций, поскольку только так можно объяснить, что особые формы дорийского диалекта были общими для Крита, Аргоса и Спарты: то же самое верно и для диалектов, которые обычно рассматриваются как подразделения эолийского; единственная причина сходства языка Лесбоса с языком Беотии заключается в том, что беотийцы мигрировали в этот период на Лесбос. С другой стороны, особенности ионийского диалекта можно рассматривать как отклонения, вызванные благоприятным климатом [Азии](#)⁵⁶; ведь язык аттической расы, к которой ионийцы были наиболее близки, вряд ли мог бы так сильно отличаться от языка афинских колоний, если бы последний не был сильно [изменен](#)⁵⁷.

[pg 019]

Книга I. История дорийской расы с древнейших времен до конца Пелопоннесской войны.

Глава I.

§ 1. Древнейшее поселение дорийцев в Фессалии. § 2. Описание долины Темпе. § 3. О перевалах Олимпа. § 4. И о Хестиэотисе. § 5. Перребийцы. § 6. Lapithæ. § 7. Пределы территории в Фессалии, занятой дорийцами. § 8. Содержание эпической поэмы Ægimius. § 9. Миграция дорийцев из Фессалии на Крит. § 10. Отношение дорийцев к македонцам.

1. "С ранних времен дорийцы и ионийцы были главными расами греческого народа; последние - пеласгического, первые - эллинского происхождения; последние - аборигены, первые - люди, пристрастившиеся к скитаниям. Первые под властью Девкалиона жили во Фтиотисе, а во времена Доруса, сына Эллина, они населяли страну у подножия Оссы и Олимпа, которая называлась Хестиэотис. Однако затем, будучи изгнаны из Эстиэотиса кадмейцами, они поселились под горой Пинд и стали называться македонцами. Оттуда они снова переселились в Дриопис, а перейдя из Дриописа в Пелопоннес, стали называться дорийской расой "[58](#).

Это связное повествование нельзя рассматривать как происходящее непосредственно из древней традиции; его можно рассматривать только как попытку отца истории упорядочить и примирить различные легенды. Также несложно обнаружить и изучить этапы аргументации, которая привела его к такому выводу. Ясно, что он считает генеалогию [Эллина59](#), а именно, что он был сыном Девкалиона и отцом Дора, Ксута и Эола, историческим фактом; хотя она, по крайней мере, более поздняя, чем поэмы Гомера, где название "эллины" не включает эти расы, а является обозначением одного народа во Фтиотисе; и что его цель - утвердить положение, что дорийцы были настоящими эллинами. Так как Девкалион, отец Эллина и дед Доруса, предположительно жил во [Фтиотисе60](#), Геродот представляет дорийцев как выходцев из Фтиотиса; хотя люди, которых в этих легендах называют Девкалион и Эллин, были настоящими древними эллинами, [мирмидонами61](#), которые впоследствии оказались под властью [Эакидов62](#), и совершенно не похожи на дорийцев. Далее Дорус представлен как преемник Эллина в качестве царя того же народа; а затем, поскольку имя Доруса было [pg 021] в этих сказочных историях, связанных с Эстиэотисом, он делает вывод, что дорийцы пришли туда из Фтиотиса. Но современный мифолог, конечно, должен отказаться от этой дедукции как от необоснованной; он может только принять данные, с которых начал историк, а именно, что, согласно древней традиции, "Дорус жил у подножия Олимпа и Оссы". И тут перед нами предстает реальный факт. Цепь Олимпа, разделителя народов, чью возвышенную вершину жители до сих пор называют небесным особняком, - это место, где дорийцы впервые появляются в истории Греции.

2. Горная долина, которая в более поздние времена носила название Фессалия, была ограничена на западе Пиндом, на юге - Отрисом, на востоке - Пелионом и Оссой, а на севере - Олимпом, под названием которого древние писатели, например Геродот, также включают цепь, которая в более поздние времена (вероятно, от иллирийского слова)[63](#) называлась Камбунийской горой. Русло Пеней расположено так, что отделяет открытую равнину на юге, древний пеласгический Аргос, от гористой местности на севере; на северо-востоке он прорывается сквозь горный хребет, отделяющий Оссу от Олимпа; здесь же река пробирается под высокими горами [Олимпа64](#), так что путь проходит по склону более изрезанной и обрывистой Оссы. Это ущелье было известно под древним родовым названием Темпея или Темпе (разрез, от τέμνω) и часто поэтически описывалось, но редко рассматривалось в достаточной степени как имеющее отношение к истории [Греции65](#).

Прежде чем вступить на перевал, путешественник пересекает небольшую круглую долину, приятно расположенную; в конце ее с левой стороны, где горы подходят друг к другу с обеих сторон, находилась древняя крепость Гоннус (или Гонни), удаленная на 160 стадий от Лариссы, главного города равнины.[66](#) От этого места горы теснее смыкаются друг с другом, пока не поднимаются по обе стороны долины двумя скалистыми парапетами, образуя овраг, где во многих местах пробита тропа вдоль реки. Примерно посередине этой тропы сейчас стоит на отвесном выступе Оссы крепость римской постройки под названием Хорэо-Кастро, охватывающая также поперечный склон этой горы: вероятно, именно здесь находилась крепость Гоннокондилум, получившая свое название от "извилистости" [долины67](#). Недалеко от этого места находится самая узкая часть оврага, едва ли 100 футов в ширину: в надписи говорится, что она была укреплена Л. Кассием Лонгином, проконсулом и партизаном И. Цезаря; но без помощи укреплений несколько вооруженных людей, вероятно, смогли бы остановить продвижение войска, во много раз превышающего их численность. В этом районе нет ничего красивого или приятного, он скорее производит впечатление дикой

местности: Перпендикулярные массивы скал из одного и того же вида камня кажутся как бы разорванными на части, без всякого покрова деревьев или травы; чернота теней в глубокой впадине и тусклое эхо усиливают мрачное впечатление: внизу бурлят серебряные воды Пеней (Ἀργυροδίνης).⁶⁸ Недалеко от этого узкого прохода открывается проход к морю, к которому Пеней течет через болота; отсюда видна улыбающаяся страна Пиерия на восточной стороне Олимпа, особенно равнины Филы, Гераклеи и Лейбетрума, которые ведут к южным частям Македонии.

3. Это единственная дорога между Фессалией и северными районами, которая на всем своем протяжении проходит по долине; все остальные - горные перевалы. Такой была и другая дорога в Македонию, которая пересекала гору Олимп (ὁσβολὴ Ὀλυμπική).⁶⁹ Эта дорога тоже начинается у сильно укрепленного города Гонна, ключа страны на севере; затем она идет вдоль южной стороны Олимпа, пока не достигнет городов Азорум и Долихе. Между этими двумя городами находится место, где встречаются три дороги.⁷⁰ Главная дорога проходит в северном направлении через вершину Камбунской цепи к Македонскому нагорью; именно здесь Ксеркс поджег лес, чтобы открыть проход для своей армии, которую греки ожидали увидеть по более удобному пути через Пиерию и долину Темпе; по ней часто проходили большие армии во время римских войн.⁷¹ С юга от Олимпа через высоты Олимпа вели две трудные горные дороги, соединявшие [pg 024] Северную Фессалию с Пиерией. Одна из них обходила долину Темпе, проходя мимо крепости Лапат к северу от этого дефила⁷², затем вдоль небольшого озера Аскурий, откуда открывался вид на город Диум на берегу моря на расстоянии 96 стадий; после этого она спускалась на равнины Пиерии. Однако нам следует более подробно остановиться на другой дороге, идущей в более северном направлении и проходящей над высокими склонами Олимпа, где раньше стоял замок Петра и храм пифийского Аполлона, обычно называемый Пифием, вместе с одноименной деревней⁷³, высота которой, по геометрическим измерениям Ксенагора, составляла 6096 греческих футов⁷⁴. От этого места был горный проход, ведущий к побережью в Гераклею и Филу в Пиерии, а другой путь вел вдоль гребня Олимпа по трудным и опасным переходам до Верхней Македонии⁷⁵.

Эти горные проходы и дефиле не были исследованы ни одним современным путешественником, но для нашей темы было важно узнать об их расположении из трудов древних. Здесь не только Персей и Эмилий Паулюс боролись за судьбу Македонии, [pg 025] но именно в этом регионе греческие народы героической эпохи оспаривали право на владение плодородной Фессалией. Когда-то через эти перевалы теснились народы, на долю которых когда-то выпали лучшие части Греции; здесь каждый шаг давался с трудом, а сыны гор терпели лишения в своих непрекращающихся войнах. Из многочисленных цитаделей, которые в этих районах покрывают каждый важный пункт, большая часть, вероятно, была построена в очень ранний период. Так, было три крепости⁷⁶ для защиты перевала Олимп или дороги от Гонна к Азоруму и Долихе, два этих места вместе с Пифием на горе были объединены под названием Пелагонийский Триполис⁷⁷.

4. Горные районы, граничащие с Македонией, так редко упоминаются в греческой истории, что мы находим в них лишь несколько названий мест, в то время как в долине Пеней всегда сохранялись некоторые традиционные и исторические памятники. И хотя северные горы не были обделены фонтанами, травянистыми склонами и плодородными пастбищами, народы постоянно устремлялись вниз, к плодородным землям долины. На этой равнине Гонн и Элатье сменились Мопсием справа, а Гиртон и Фаланна - слева от потока; и вскоре Лариса стояла посреди открытой местности,⁷⁸ которая когда-то была отложена из застойных вод Пеней и, будучи постоянно орошаемой, всегда давала [pg 026] обильный урожай. К западу от

Лариссы, в более узкой части долины, где холмы подходят к реке с северной стороны, в 40 стадиях от Лариссы стоял город [Аргура](#)⁷⁹, а на таком же расстоянии - крепость Атракс; на северном берегу реки находились знаменитый город [Пелинна](#)⁸⁰ и замок [Фаркедон](#)⁸¹; выше, на левом берегу, где горы на севере отступают и образуют другую равнину, был древний город [Трикка](#)⁸². Между Триккой и Пелинной стоял, судя по всему, город *Ἰσχαλία*, столь прославленный в мифологии; руины его, возможно, были обнаружены путешественником в некоторых древних стенах массивной конструкции,⁸³ которых Пукевиль видел немало в этом районе. Если теперь следовать за Пенеем, который течет с северо-запада, то выше по течению, чем Трикка, мы придем в горный район Эстиэотис. Примерно в трех с половиной часах езды от [Трикки](#)⁸⁴ находится монастырь Метеора, название которого объясняется его необычным расположением на возвышенных скальных колоннах⁸⁵:⁸⁵ От этого места было два пути, один из которых вел выше по Пенее в [pg 027] западном направлении в Эпир, а другой проходил через Стимфею в Элимиотис в Македонии,⁸⁶ Примерно так располагалась древняя крепость Гомфи, которая находилась недалеко от Пинда и не очень далеко от истоков Пенее.⁸⁷ Действительно, вполне вероятно, что название *Γόμφος* выражает клиновидную форму этих скал. Согласно Страбону, Гомфи (на северо-западе), Трикка (на юго-западе), Пелинна (на северо-востоке) и более поздний город Метрополис (на юго-востоке) образовывали квадрат крепостей, в центре которого находилась древняя Итома; которую Гомер, из-за крутизны скалы, на которой она стояла, называет обрывистой (*κλῶμακόςσση* или *κλῖακόςσση*).⁸⁸ От Метеоры по Пенее можно пройти в северном направлении до его истока из двух небольших ручьев; оттуда шел путь, который перекидывался через высокую цепь Пинда и таким образом достигал страны Эпир. В древности эта дорога соединяла две страны, и до сих пор на ней сохранились несколько циклопических стен, крепостей прежних веков.

5. В долине Пенее с древнейших времен обитал пеласгический народ, который возносил благодарения богам за обладание столь плодородной территорией на празднике Пелории.⁸⁹ Их привычки [pg 028], несомненно, были приспособлены к природе страны, которая до сих пор оказывает такое же влияние на современных жителей; те, кто живет у реки, отличаются мягким и мирным нравом, а горцы - более сильным и свободным умонастроением.⁹⁰ Древней столицей этого народа была Лариса.⁹¹ Но в очень раннее время первобытные жители были либо изгнаны, либо подчинены более северными племенами.⁹² Те, кто ушел в горы, стали народом ПЕРРЕБИЕВ и всегда сохраняли определенную степень независимости. В гомеровском каталоге перребы упоминаются как обитатели холма Киф под Олимпом и берегов Титаресии, которая, протекая вдоль западного края Олимпа, отличается своим чистым и темным цветом от мутных и белых вод Пенее.⁹³ В наши дни жители ее берегов отличаются здоровым цветом лица, в то время как Пенее окружает болезненное население.⁹⁴ Однако древним Титаресий напоминал о Стиксе и адских областях не в силу каких-либо естественных обстоятельств, а потому, что и среди этих перребийцев, и среди эллинов-пеласгов было распространено название Додоны и поклонение ей.⁹⁵ Соответственно, в обоих местах, похоже, существовал *Ψυχοπομπεῖον*, или оракул мертвых. Князя [pg 029] этих перребийцев звали Гуней. Столько сведений можно почерпнуть из гомеровского отрывка. Впоследствии, в исторические времена, мы видим, что Перрæбии расширили свои пределы до Камбунских гор, Темпейского перевала и Пенее, а на западе достигли цепи Пинда.⁹⁶ Гонн и Атракс также были городами Перрæбии.⁹⁷ Перребы удерживались в горах, даже когда фессалийцы захватили равнину, не совсем как независимый, но все же как отдельный и, вплоть до македонского господства, как амфикифонийский народ.

6. Однако равнину по обе стороны Пеней занимали лапифы - народ, ведущий свое происхождение из Алмопии в Македонии и, по крайней мере, очень тесно связанный с минийцами и эолийцами из [Эфиры](#)⁹⁸. Если позволительно говорить об этой героической расе, обладающей сверхчеловеческой силой и мужеством, в тех же терминах, что и о настоящем народе, то мы должны сказать, что города Элатея, Гиртон, Мопсиум, Лариса, Атракс, *Æchalia*, Ithome и Трикка находились под их властью. Мы считаем, что Лапитæ, Элatus, Сенеус, Мопсус, Коронус, Эврит и Гипподамея по народной традиции считались жителями этих городов, на что указывают имена некоторых из этих героев. Два последних из этих городов были родными местами Асклепиадов, которых генеалогические и другие легенды всегда представляют связанными с Лапифами. У Гомера жители Трикки, Итома и *Æchalia* представлены как последователи сыновей Эскулапа; жители Аргиссы, Гиртона, Орте, Элона и Олооссона возглавляются потомками [pg 030] лапифов. Из исследований, упомянутых Страбоном, следует, что Орте - крепость Фаланна, Аргисса - город Аргура, оба на реке Пенее; Элон - небольшой город на горе Олимп, а также Олооссон;⁹⁹ и получается, что гомеровский каталог достаточно хорошо согласуется с другими традициями и предполагает, что лапитеи занимали долину Пеней с некоторыми частями горной страны на севере.

7. Так много пришлось изложить, чтобы дать точное описание места, в котором дорийцы впервые появляются в традициях Греции. Они граничили с лапифами, но, по словам Геродота, населяли горный район [Эстиэотис](#)¹⁰⁰, а не страну шампанского, как последние. Однако из того же отрывка этого автора следует, что Темпе находилась на территории Хестиэотиса и принадлежала в то время дорийцам; далее мы увидим, насколько этот рассказ подтверждается алтарем пифийского Аполлона в этой долине.¹⁰¹ Кроме того, становится вероятным, что упомянутая Пифия располагалась на горных высотах. Поэтому мы можем предположить, что весь Триполис когда-то принадлежал дорийцам; ведь даже Азориум не всегда был населен иллирийскими пелагонцами, а [pg 031] когда-то принадлежал эллинам.¹⁰² Также вероятно, что Киф, город, который, как говорят, принадлежал перребийцам, находился под властью дорийцев, поскольку эта раса имела во втором своем поселении город под названием Ацифас.¹⁰³ Примечательно, что не сохранилось ни одного прямого и положительного упоминания о каком-либо дорийском городе в этом районе, что можно объяснить утратой эпической поэмы Эгимия.

8. Эта поэма, написанная в гесиодском тоне (хотя автор, вероятно, жил около 30-й Олимпиады, 660 г. до н. э., в последний период эпической поэзии)¹⁰⁴, воспевала древнейшие подвиги дорийской расы. Так, в ней рассказывалось о том, как дорийский князь Эгимий, вовлеченный в трудную и опасную войну с лапифами, призвал на помощь странствующего Геракла и обещанием третьей части территории добился его союза; таким образом враги были побеждены, их князь убит, а спорная территория завоевана.¹⁰⁵ Название поэмы [pg 032] является достаточным доказательством того, что именно таким было ее содержание.¹⁰⁶ Вероятно, были также представлены герои Иолка и фтиоты как союзники лапифов и, по крайней мере, приключения Фрикса и Ахилла.¹⁰⁷ Местом действия второй книги была Эвбея, название которой остров получил от коровы Ио;¹⁰⁸ нападение Геракла на эвбейский город *Æchalia* также составляло, как я предполагаю, часть сюжета. Однако предполагалось, что Эгимий царствовал в Эстиэотисе только потому, что дорийцы граничили в этом направлении с лапифами; его легко перенесли во вторые поселения расы под горой [Удита](#)¹⁰⁹. Этот герой вообще является мифическим прародителем и героем дорийского народа; поэтому Пиндар называл обычаи и законы этого народа "постановлениями Эгимия".¹¹⁰ Тем не менее только два племени дорийцев, как утверждается, происходят от него: диманцы и памфилийцы; третье и самое выдающееся, эллины, предположительно происходят от Хилла, сына Геракла, и были приняты [pg 033]

Эгимием. А поскольку земля в дорийских государствах была поровну разделена между этими тремя племенами, Геракл, по преданию, получил для своих потомков третью часть территории, которая по праву принадлежала гиллейцам. Об этом тройном разделе земли прямо говорит эпический поэт, который использует слово τριχῆϊκες, чтобы выразить, что дорийцы получили и разделили между собой, вдали от своей родины (главным образом в Пелопоннесе)¹¹¹, территорию, разделенную на три части. Мнение о том, что первая раса отличалась от двух других как имеющая разное происхождение, будет рассмотрено в следующей главе¹¹².

Мы также должны отослать читателя к исследованию [pg 034] поклонения Аполлону и мифологии Геракла во второй книге, поскольку только из них можно почерпнуть внутреннюю историю дорийской расы в ее самый ранний период.

9. Одно из событий, которое, даже если бы оно не было отмечено традицией, все равно было бы ощутимо и узнаваемо по произведенному им эффекту, - это переселение дорийцев из района Олимпа на Крит. Это, действительно, удивительное переселение из одного конца греческого мира в другой, и оно представляет собой поразительную аномалию в истории древних колоний. Мы должны предположить, что дорийцы, находясь в своих первых поселениях, исключенных из равнины, подавленных нуждой или беспокойством от бездействия, построили пиратские каноэ, укомплектовали эти хрупкие и узкие барки солдатами, которые сами работали за веслами, и таким образом, превратившись из горцев в моряков - норманнов Греции - отправились на далекий остров Крит. Самый ранний след миграции, о которой идет речь, содержится в "Одиссее", где упоминается, что трижды разделенные дорийцы составляли часть населения Крита.¹¹³ Андрон утверждает, даже с географической точностью, что эти дорийцы прибыли на Крит из Гестиеотиды, которая в то время называлась Дорис, при Тектафе, сыне Доруса, вместе с ахейцами и некоторыми пеласгами, которые остались в Фессалии.¹¹⁴ Согласно Дикеарху, дорийцы переселились на Крит из Пеласгиотиса¹¹⁵; под этим [pg 035] подразумевается тот же район, который Андрон называл Эстиэотисом, поскольку Пеласгиотис и Эстиэотис граничили друг с другом в окрестностях Темпы. Диодор также утверждает, что Астерий, царь Крита, приемный отец Миноса-законодателя, был сыном Тектама (Тевтама).¹¹⁶ Существенные части этих утверждений подтверждаются двумя доказательствами: первое из них - то, что поклонение Аполлону совершалось на Крите с точно такими же церемониями, как и в Темпе, и было связано со многими из тех же традиций; второе - очень отдаленный период, когда принципы дорической конституции были систематизированы и установлены на Крите, чтобы впоследствии стать образцом и стандартом для других государств этой расы. Это дает нам полное право считать Миноса Кносского дорийцем. Мы можем с большим основанием утверждать, что имя Миноса указывает на период, когда дорийские завоеватели объединили часть острова в единое государство и, распространив свою власть на Киклады и многие морские районы, получили, по выражению Геродота, Фукидида и Аристотеля, владычество на море. Дискредитировать эту дорийскую миграцию означало бы отвергнуть простое объяснение многих фактов, зафиксированных в более поздней истории. В то же время, однако, мы не хотим подвергать сомнению более поздние миграции из Пелопоннеса, когда он уже попал под власть дорийцев.¹¹⁷ Мы лишь утверждаем, что [pg 036] они произошли в слишком поздний период, чтобы объяснить многие неоспоримые факты. Часть Крита, которую первыми заняли дорийцы, была, согласно Стафилу, восточным побережьем¹¹⁸, или, если говорить более точно, восточной частью северного побережья. Здесь находился минойский город Кносус с гаванью Гераклея и колонией Аполлония. Отсюда владычество, обычаи и культ дорийцев очень рано распространились на районы, населенные этеокретянами, пеласгами и кидонянами, и с помощью более поздних миграций охватили

весь остров.¹¹⁹ И хотя во времена Гомера еще можно было различить разные диалекты,¹²⁰ в более поздние времена дорийский язык, похоже, был принят повсеместно.¹²¹

10. Теперь вернемся к отрывку из Геродота, часть которого уже цитировалась: "Когда же дорийцы были изгнаны кадмейцами, они поселились под горой Пинд и стали называться македонским народом". В этом отрывке автор ссылается на легенду о том, что кадмейцы, изгнанные аргивянами из Фив, бежали в Энхелею Иллирийскую, где они граничили с Гомолеем, магнезиальной горой близ долины Темпе. В этом поселении они, несомненно, находились по соседству [pg 037] дорийцами. Но мы должны помнить, насколько запутанной является басня, которую мы имеем перед собой.¹²² Хищнический поход энхелийцев в Фокис и Беотию не вызывает сомнений, поскольку он был отмечен дельфийским оракулом терпимой древности и традицией фиванцев. Эта же орда, возможно, при своем проходе потревожила дорийцев в их поселениях; но не менее удивительно, что беглые фиванцы добровольно укрылись у энхелийцев в Иллирии, чем то, что этот последний народ изгнал дорийцев из их поселений. Может быть, и правда, что какие-то северные орды изгнали дорийцев с горы Олимп, поскольку в более поздний период мы находим пеонийскую (тевкийскую) расу пелагонов, произошедших от Аксия¹²³, которые стали хозяевами Триполиса, Азорума, Долихи и Пифии, владея их древними поселениями.

Что касается утверждения Геродота, что македоняне, или древние македоняне (которые при его жизни населяли территорию между реками Галиакмон и Лидия, от гор до побережья)¹²⁴, произошли от дорийцев, когда жили под горой Пинд, то он, вероятно, следовал некоторым рассказам македонян, которые, не удовлетворившись установлением [pg 038] дорийского происхождения своей царской семьи, хотели претендовать на ту же честь для всего народа: Но, похоже, для этого утверждения нет никаких исторических оснований. Ведь македонцы, как уже было отмечено выше, действительно были по большей части греками, но ни их язык, ни обычаи не позволяют нам считать их дорийцами.¹²⁵

Глава II.

§ 1. Миграция дорийцев из Фессалии в долину Сета и Парнас. § 2. Район Сета. § 3. Пределы Дориды. § 4. Дриопийцы. § 5. Малийцы. § 6. Иниане.

1. "Оттуда, - продолжает Геродот, - род дорийцев переселился в Дриопис, который впоследствии назывался Дорис, или дорийский Тетраполис". Здесь также необходимо дать некоторую иллюстрацию географии страны; начиная от Фермопилы (точки, где гора Сета соприкасается с морем) до изломанного хребта, где она поглощается Парнасом, и оба хребта теряются в горах Пинда, и где эта последняя, великая цепь Греции, разделяется и разветвляется в разных направлениях.

Следуя по равнине Фокиса, которая лежит между горами Сета и Парнас и омывается рекой Цефис, мы вскоре увидим горы, приближающиеся друг к другу с обеих сторон и сужающие долину реки. Последними городами Фокиса в этом направлении являются Амфикея, Титрония и Дримфея, которые до сих пор можно [pg 039] узнать по развалинам, и места, носящие название Палеокастро.¹²⁶ Продолжая двигаться на запад в более высокую страну, мы вскоре прибываем к истокам реки Кефис, которые невозможно перепутать, поскольку они сразу же образуют поток значительных размеров. Цефис действительно берет начало не в Сета, а на Парнасе, и течет сначала на северо-восток, чтобы затем сделать изгиб к юго-востоку.¹²⁷ На его местоположение особенно указывает древняя цитадель города, расположенная недалеко от истоков, на крутом выступе Парнаса; это место следует

признать Лилеей. Пейзажи вокруг величественны и смелы. В двадцати стадиях от этого места находилась Харадра, где горный поток вливался в Цефис. Но река Пинд, впадающая в Цефис неподалеку от Лилеи, спускается с гораздо большей высоты. Эти долины, лежащие к северо-западу от [Лилеи128](#), составляют собственно район Дорис, мало описанный древними и до недавнего времени не посещавшийся современными путешественниками. Крутая цитадель в полутора часах езды от Лилеи, расположенная на выступе Парнаса у деревни Мариолатис, - это, возможно, Бёум. Древние стены в долине на западе у Стагни должны быть [\[pg 040\]](#) отнесены к крепости Цитиниум. [129](#) Эринея, вероятно, следует искать в дефиле [Ceta](#), ближе к истокам только что упомянутого потока. [130](#) Рядом с [Ceta](#) находилась Ацифа, [131](#) вероятно, та же, что и город [Пинд132](#) выше Эринея, и с тем же названием реки; оба эти названия дорийцы принесли с собой из своих ранних поселений. Этот уголок земли, расположенный под главной горной цепью Греции и нависающий над равнинами, которые тянутся оттуда, был ограничен верхними районами Этолии, территорией озолийских локрийцев, Фокисом и южной Фессалией. [133](#) От Цитиниума горная тропа вела по склону Парнаса в страну локрийцев: [134](#) она также была исследована современными путешественниками. Этот проход сделал небольшую крепость Цитиниум настолько важным военным пунктом, что Филипп Македонский, вторгшись в Северную Грецию перед битвой при Херонее, сразу же занял Элатею и [Цитиниум135](#), очевидно, как ключ к [\[pg 041\]](#) западным районам. Из Дельф другая горная тропа (по подсчетам древнего путешественника, 180 [стадий136](#)) шла в направлении Лилеи. Современная дорога на север, из долины Пинда, также идет по горному проходу через дефиле и овраги [Ceta](#), на противоположную сторону долины Сперхея, которая теперь называется Эллада. [137](#) Если она была проходима в древности, то через нее осуществлялось сообщение между Дорисом и страной малийцев.

2. Гора [Ceta](#) простирается в западном направлении на 200 стадий в сторону Малийского залива, которого она достигает у Термопилеи. Она отделяет Дорис, Фокис и Эпикнемидскую Локриду от долины реки Сперхей. С ним связаны, во-первых, только что упомянутый перевал, во-вторых, другой, ведущий из Фокиса в скалистую долину [Трахинии138](#), и, наконец, Фермопильский перевал вместе с верхним путем, прославившимся благодаря битве с персами. Проход Фермопилы образован с одной стороны крутым склоном горы, а с другой - глубоким и непроходимым солончаком: в самой узкой части они удалены друг от друга всего на 60 [шагов139](#), в середине же бьют горячие серные источники, давшие название дефиле. На небольшом расстоянии от них находится небольшая равнина Антела, разбивающаяся на две узкие части прохода. У северного входа в проход сохранились руины стены, которая, возможно, [\[pg 042\]](#) служила барьером от нашествий фессалийских, персидских и римских армий. Недалеко от этого места из склона горы вытекает ручей Асопус. На южном конце перевала находился небольшой город Альпенус, протяженность которого составляла около пяти миль. От Фермопилеи мощеная и поднятая военная дорога ведет на север через Сперхей в Фессалию, на юг через Альпенус, Скарфею и Тронию, оттуда в Элатею и, таким образом, в землю Фокиса.

Хотя изломанная и обрывистая форма гор и долин делала цепь [Ceta](#) мало пригодной для проживания людей, в древности здесь было значительное количество городов, тянувшихся по линии от дорического Тетраполиса до самого моря. Амфанея, должно быть, была построена на горе [Ceta](#), но в направлении Трахинии; так что, с некоторой долей условности, она считалась расположенной в Фессалии. [140](#) Родунтия и Тейхия были укрепленными высотами на дороге через гору [Ceta](#). [141](#) Фрикий находился недалеко от Фермопил со стороны Локрии; отсюда некоторые колонисты отправлялись в Эолийскую Куму, а Лариса - во Фрикий. [142](#) На другой стороне, на склоне горы над долиной небольших ручьев Мелас и

Дирас, лежал Трахис. Гераклея находилась в шести стадиях от древнего Трахиса.¹⁴³ Недалеко от нее, вероятно, располагалась Эгоней.¹⁴⁴

3. Обозначив теперь топографию этого района по следам, которые, хотя и не так четко, как хотелось бы, но все же совершенно точны, мы перейдем к расспросам о небольших туземных племенах, которые [pg 043] в разные периоды селились в этих краях, и особенно о самих дорийцах. Дорис, в ограниченном значении этого термина, была долина реки Пинд. Когда упоминается дорийский Триполис, подразумеваются три города: Бёум, Цитиниум и [Эриней](#)¹⁴⁵; последний, как наиболее значительный, по-видимому, также назывался [Дориум](#)¹⁴⁶, но когда авторы говорят о Тетраполисе, Ацифас (или Пинд) добавляется в качестве четвертого [города](#)¹⁴⁷. Это страна, которую, как говорят, населял Дорус, сын Эллина, когда он собрал свой народ на [Парнасе](#)¹⁴⁸; традиция, которая полностью упускает из виду более древние поселения дорийской расы. Однако, судя по всему, дорийцы, находясь в этих пределах, не ограничивались владением этой узкой долиной, а занимали несколько мест вдоль горы [Ceta](#), одним из которых была Амфаней.¹⁴⁹ Неизвестный [писатель](#)¹⁵⁰ назвал шесть дорийских [pg 044] городов, - а именно, Эриней, Цитиний, Беум, Лилеум, Карфея и Дриопа: из них под Лилеумом подразумевается город Лилея, под Карфеей, вероятно, Тарф близ Термопила,¹⁵¹ а под Дриопой - страна, некогда принадлежавшая дриопийцам. Таким образом, вероятно, было время, когда высоты у истоков Кефиса и узкая полоса земли вдоль горы [Ceta](#) до самого моря находились во владении дорийцев. Отчасти так было даже во время Персидской войны; ведь и в то время Дорис простирался узкой полосой земли шириной в тридцать стадий между Малией и Финикией, почти до [Фермопил](#)¹⁵²: Сцилак также упоминает дорийцев как жителей морского [побережья](#)¹⁵³. Однако этот район, расположенный у горы Умита, - это тот самый район, который ранее населяли дриопийцы (как видно из отрывка Геродота)¹⁵⁴, прежде чем их полностью вытеснили дорийцы, их соседи в Тетраполисе. Таким образом, с помощью этого географического исследования мы подошли к историческому событию. Представляется вероятным, что дорийцы, медленно продвигаясь от Эстиэотиса к горе [Ceta](#), сначала завладели самым дальним краем горной долины, а затем [pg 045] постепенно распространились к побережью по земле дриопийцев. Эта раса, как правило, не наступала на всех сразу, а медленно переходила в районы, которые были захвачены какой-то их частью в более ранний [период](#)¹⁵⁵.

4. Дриопийцы (фрагменты истории которых мы приводим здесь) - коренной народ, который можно назвать пеласгическим, поскольку Аристотель и другие ученые приписывают им аркадское происхождение.¹⁵⁶ Их родство с аркадянами подтверждается поклонением Деметре Хтони, Коре Мелибее и Аиду Климену, которые имели большое сходство с Фигалеей, Тельпусой и другими городами Аркадии.¹⁵⁷ Их территория граничила с территорией малийцев, так что они простирались в долину Сперхея за [Ceta](#), а в другую сторону - до [Парнаса](#)¹⁵⁸; на востоке их поселения доходили до [Фермопилы](#)¹⁵⁹. Их изгнание описывается [pg 046] совершенно мифическим образом, будучи связанным с распространением поклонения Аполлону (которое тесно связано с миграциями дорийцев), а также с приключениями Геракла; но когда разгадка этого метода повествования будет однажды обнаружена, окажется, что он не менее, а возможно, и более поучителен и передает гораздо более полную информацию, чем простое историческое повествование. В данном случае пифийский Аполлон представлен как бог, к которому побежденные дриопийцы отправляются в качестве рабов и который отправляет их в [Пелопоннес](#)¹⁶⁰; а Геракл вместе с трахинянами покоряет их и посвящает Аполлону, либо выделяет им поселения в Арголиде, а их земли отдает дорийцам или [малийцам](#)¹⁶¹.

Из этой традиции можно сделать вывод, что дриопийцы сопровождали дорийцев в их переселении в Пелопоннес и поселились там вместе с ними. Но расположение мест, принадлежащих дриопийцам, заставляет искать другое объяснение; ведь колонии этой расы разбросаны по стольким побережьям и островам, что они могли быть основаны только одиночными экспедициями через море. В Арголиде, например, они построили Гермionу, Асину и Эйон (Халиес) на выступающих мысах и [pg 047] мысах; в Эвбее им принадлежали Стира и [Карыстус162](#); среди островов у них были поселения на [Китносе163](#) и, возможно, Микносе; они проникли также в Ионию и на [Кипр164](#). Отсюда следует вывод, что дриопийцы, преследуемые или вытесняемые своими соседями, рассеялись в различных направлениях по морю. Однако *исторически* достоверно, что большая часть дриопийцев была посвящена в подданные пифийскому Аполлону (обычай древних времен, которому есть много примеров), и что они долгое время служили в этом качестве; даже во фрагментарной истории разрушения Криссы (Olymp. 47, 590 г. до н.э.) мы находим упоминание Craugallidæ вместе с Crissæans,[165](#) что было названием дриопийцев, происходящим от баснословного предка.[166](#) Состояние подданных храмов, а следовательно, и этих Craugallidæ, будет подробно рассмотрено в другом месте.[167](#)

5. Но дорийцы, хотя и враждовали со своими соседями дриопийцами, были в дружеских отношениях с малийцами. Этот народ обитал в долине Сперхея, со всех сторон окруженной скалистыми горами и открытой только в направлении моря; они делились на жителей побережья, сакердотов и трахианцев.[168](#) Второй из этих классов [pg 048], вероятно, обитал недалеко от амфикинионского храма в Фермопиле, третий - на скалистых склонах горы Cēta. Именно эти люди были в таком тесном союзе с дорийцами, что Диодор говорит о Трахисе как о материнском городе Лакедемона.[169](#) Дружба Цейкса и Геракла, а также его сыновей - мифическое выражение этой связи. Малийцы всегда были воинственным народом, и только те, кто служил гоплитами, были допущены к участию в управлении государством.[170](#) Однако их страна славилась прежде всего своими пращниками и стрелками.[171](#)

6. Впоследствии в этих краях появился народ, который древние традиции страны не признают, а именно эллинские эниане или Cētæans; последнее название обозначает область, в которой поселился этот народ, а первое - его [расу172](#); хотя я не утверждаю, что четырнадцать общин [Cētæan173](#) составляли весь народ энианов. Ведь они также жили на берегах Инаха и у истоков Сперхея, недалеко от города Гипата.[174](#) В ранние времена они населяли внутренние районы Фессалии, а к концу баснословного периода спустились в те поселения, откуда в более поздние времена их вытеснили иллирийские атаманы.[175](#) Хотя эниане не отказались от определенной зависимости от дельфийского оракула и хотя они [pg 049] приняли в свои традиции басни о Геракле, издревле распространенные в их новых поселениях,[176](#) все же из-за своего географического положения они жили в оппозиции и враждебности к малийцам и дорийцам,[177](#) которые, как утверждает Страбон, были лишены ими части своей территории.[178](#) Более того, вполне вероятно, что эмиграция дорийцев, завоевавших Пелопоннес, была так или иначе связана с прибытием энианов в этот регион. Между лакедемонянами и Cētæans существовала *древняя вражда*.[179](#) В основном по этой причине Спарта основала город Гераклею в Трахинии, что, несомненно, привело бы к возрождению важной дорийской державы в этой части Греции, если бы ревность фессалийцев и долопийцев, и даже самих малийцев, не пробудилась при ее первом основании.

Таково положение дорийцев в их поселениях у горы Cēta. Однако эта тема еще не исчерпана, поскольку нам еще предстоит проследить происхождение большого влияния, которое оказало поселение дорийцев в Ликорее на Парнасе на религию Дельф (о том, что Ликорея

была дорийским городом, станет известно ниже), а также рассказать об Амфикионийской лиге, в основании которой, несомненно, большая доля принадлежала дорийцам; но обсуждение обоих этих вопросов следует отложить до второй [книги](#)¹⁸⁰.

Что касается колоний дорийских городов у горы Парнас, то Булис на границе Фокисы и Беотии, [pg 050] на берегу Криссейского залива, вероятно, был основан оттуда во времена дорийской миграции.¹⁸¹

Глава III.

§ 1. Миграция дорийцев в Пелопоннес, представленная как возвращение потомков Геракла. § 2. Неправдоподобность общего рассказа. § 3. Источники общего рассказа. § 4. Легенды, противоречащие общему счету. § 5. Общий рассказ. Гераклиды бегут из Трахиса в Аттику, и афиняне помогают им в борьбе с Эврисфеем. § 6. Экспедиции Гераклидов в Пелопоннес. § 7. Слияние Гераклидов с дорийцами. § 8. Гераклиды переходят в Пелопоннес через Риум. § 9. Связь дорийцев с локрийцами и этолийцами. § 10. Тисамен и пелопоннесцы разбиты дорийцами. § 11. Раздел Пелопоннеса. § 12. Непосредственные последствия переселения дорийцев.

1. Самой важной и плодотворной по последствиям из всех миграций греческих рас, которая продолжала оказывать свое влияние на греческий характер даже в самые поздние времена, была экспедиция дорийцев в Пелопоннес. Однако она настолько полностью окутана преданиями, и эти предания были сформированы в очень ранний период в такой связанной манере, что бесполезно рассматривать ее в деталях, не попытавшись сначала разделить составные части.

Традиционное название этой экспедиции - "Возвращение потомков Геракла".¹⁸² Геракл, [pg 051] сын Зевса, является (даже в "Илиаде"), как по рождению, так и по судьбе, наследственным князем Тирина и Микен и правителем окрестных народов.¹⁸³ Но по какой-то злой случайности Эврисфеем получил первенство, и сын Зевса был вынужден служить ему. Тем не менее он завещал своим потомкам право на владение Пелопоннесом, которое они впоследствии реализовали вместе с дорийцами; Геракл также совершил такие деяния в интересах этой расы, что его потомки всегда имели право на владение одной третьей территории. Таким образом, героическая жизнь Геракла стала мифическим названием, благодаря которому дорийцы предстали не как несправедливо вторгшиеся, а как вновь завоевавшие страну, которая в прежние времена принадлежала их князьям. Поэтому сообщается, что Геракл вел войны с некоторой долей уместности, покорил главные страны дорийской расы (кроме родного Аргоса), Лакедемон и мессенский Пилус, учредил национальный праздник в Олимпии и даже заложил основы самых отдаленных колоний. Считать реальными эти завоевания и поселения, эти мифические предтечи реальной истории, несовместимо с ясным взглядом на эти вопросы; и едва ли мы могли бы всерьез спросить даже самых доверчивых, как в то время, когда осады были в высшей степени утомительны, Геракл мог взять штурмом и захватить столько крепостей, окруженных почти неприступными стенами?¹⁸⁴

Более суровая критика требует, чтобы мы проследили мифическое повествование до его центра и попытались установить, действительно ли суверенная раса дорийцев произошла от ранних государей Микен; такой [pg 052] является не только эпический рассказ, но и

традиция, поддерживаемая в самой Спарте. Тиртеус в своей поэме под названием "Эвномия" говорит: "Сам Зевс отдал эту территорию (Лаконию) роду Геракла; вместе с ним мы (дорийцы) покинули бурный Эриней и достигли широкого острова Пелопс"¹⁸⁵. "И еще более важным доказательством является ответ царя Клеомена, упомянутого Геродотом, который, когда жрица в афинском Акрополе запретила ему войти в храм, как дорийцу, ответил: "Я не дориец, а ахейец", ссылаясь на свое происхождение от Геракла."¹⁸⁶ Из этого следует, что среди дорийцев существовала ахейская фратрия, к которой принадлежали цари Аргоса, Спарты и Мессении, основатели и правители Коринфа, Сикиона, Эпидавра, Эгины, Родоса, Коса и т.д., и которая вместе с дорийцами вернула свои наследственные права только путем [завоевания](#)¹⁸⁷.

2. Конечно, опасно сразу же отвергать обширную и связную систему героических традиций ради того, чтобы установить вместо нее предположение, которое приносит сообщения, признанные в эпохи, предшествующие историческим сведениям, и прославленные самыми ранними поэтами, в жертву простой теории исторической вероятности. Мы [pg 053] должны, однако, помнить, что мифические легенды в целом представляют собой лишь взгляды и мнения народов о происхождении их фактического состояния; эти мнения в то же время чаще направляются и определяются религиозными и другими представлениями, особенно определенным чувством справедливости, чем реальной традицией, и поэтому они часто скорее скрывают, чем выражают историческую правду. Следующие замечания, частично выведенные из последующих исследований, могут служить для противопоставления друг другу характеристик истории и мифологии.

Во-первых, если рассматривать данное повествование как простое историческое изложение и, следовательно, предположить, что Гераклиды были изгнанными ахейцами, то это же предположение следует распространить и на все племя гиллейцев. Ибо Хиллус, представитель гиллийцев, называется сыном Геракла, и именно в отношении этого племени потомкам Геракла была закреплена третья часть территории: поэтому и Пиндар называет дорийцев универсальными потомками Геракла и Эгимия.¹⁸⁸ В таком случае только памфилийцы и диманцы останутся собственно дорийцами. Однако отнюдь не вероятно, что, если бы наиболее выдающаяся часть дорийского народа была ахейского происхождения, разница между языком, религией и обычаями этих двух рас была бы столь сильно и точно выражена.

Во-вторых, все, что говорится о подвигах Геракла на севере [pg 054] Греции, относится исключительно к истории дорийцев; и наоборот, все действия дорийской расы в их ранних поселениях мифически представлены под личиной Геракла. Этого нельзя объяснить, если предположить, что между этим героем и дорийской расой существовала лишь временная связь.

Наконец, если мы сравним приведенные ниже басни о Геракле, относящиеся к дорийцам, с теми, что бытовали среди древних аргивян, и отделим от них связи, с помощью которых эпические поэты придали им видимую историческую связь, мы не найдем между ними никакого реального сходства. Поклонение Аполлону, которое почти в каждом случае может быть показано как реальный мотив, двигавший дорийцами, было совершенно чуждо аргивянам. Если среди дорийцев и появилось ахейское племя, принесшее с собой историю Геракла или героя, которого так называли, то этот последний народ должен был применить и развить свою мифологию совершенно иначе, чем те, кому они были обязаны ею. И в конце концов, мы должны были бы предположить, что задолго до своего вторжения в Пелопоннес

эти Гераклиды настолько смешались с дорийцами, что их традиции сформировались полностью в соответствии с предрасположенностью этой расы, поскольку Геракл в Фессалии представлен как полный дориец. Однако здесь мы снова вступаем в противоречие с басней, которая представляет Гераклидов как бежавших к дорийцам за короткое время до их вступления в Пелопоннес.

Таким образом, мы постоянно сталкиваемся с противоречиями и не можем получить ясного представления о вопросе, если не согласимся с утверждением, что [pg 055] Геракл с очень отдаленного периода был одновременно дорийским и пелопоннесским героем, и особенно героем племени гиллеев, которое в самых ранних поселениях дорийцев, вероятно, объединилось с двумя другими небольшими народами, а Гераклиды были наследственными князьями дорийской расы. История о том, что Гераклиды происходят от аргивского Геракла, исполнявшего повеления Эврисфея, была придумана только после того, как в традицию вошел Пелопоннес.

3. Вряд ли найдется часть традиционной истории Греции, чьи подлинные источники так мало известны нам, как экспедиция Гераклидов. Никто не может не заметить, что она имеет такой же мифический характер, как и Троянская война; и все же мы лишены того, что делает изучение мифического повествования столь поучительным, а именно традиционных преданий, в таком изобилии разбросанных по древним эпическим поэмам. Однако это событие, как бы рано оно ни произошло, не входило в круг эпической поэзии, и поэтому, когда бы ни упоминались связанные с ним обстоятельства, они должны были быть введены либо случайно, либо в связи с какой-то другой темой. Ни в одном большом классе эпических поэм это событие не рассматривалось подробно, ни у циклических поэтов, ни у авторов *Nóτοι*. В *Ἠοΐαι*, приписываемых Гесиоду, оно упоминается лишь в нескольких коротких отрывках.¹⁸⁹ Тем не менее, Геродот упоминает [pg 056] поэтов, которые рассказывают о переселении гераклидов и дорийцев в Лаконию.¹⁹⁰ Возможно, они принадлежали к тому классу поэтов, которые продолжали генеалогию мифических сказаний, как Кинетон Лаконский, а также Асий, который воспевал происхождение Геракла и, судя по характеру его стихов, также воспевал его [потомков](#)¹⁹¹. Или же это могли быть исторические поэты, такие как Эвмел Коринфский, хотя те, о ком упоминает Геродот, не могли написать отдельную поэтическую историю (как это сделал первый из них о Коринфе); поскольку они, несомненно, следовали национальной традиции Спарты; а она, в отношении первых принцев Гераклидов, отличалась от рассказов всех поэтов, с которыми был знаком Геродот, и не была общей традицией [Греции](#)¹⁹². И, несомненно, среди отдельных народов сохранилось множество таких местных традиций, касающихся события, которое надолго определило состояние Пелопоннеса. Так, [тегейцы](#)¹⁹³ отмечали бой своего полководца Эхема с Гилеем. Собрали ли ранние историки эти рассказы из устных записей, или же они почерпнули их у вышеупомянутых поэтов (хотя последнее более соответствует их манере), определить невозможно; [pg 057] ведь сохранились только два фрагмента этих писателей о Гераклидах, один от Гекатея, другой от Ферекида, которые связаны непосредственно со смертью Геракла, и поэтому не доказывают, что эти авторы написали какой-либо непрерывный рассказ об истории этого переселения. Ранняя традиция получила более полное развитие в аттической драме, но она неизбежно была представлена в очень неполном виде. Гераклиды Эсхила и Иолай Софокла, возможно, как и Гераклиды Еврипида, в целом имели тенденцию к воспеванию тех заслуг, которые афиняне, согласно [Геродоту](#)¹⁹⁴, получили еще до битвы при Платее, а именно их доброе отношение к Гераклидам в то время, когда они укрылись в Аттике. Последний из названных трагиков в своих "Темениде", "Архелаете" и "Кресфонте" углубился в историю дорийских государств и спустился ниже в исторический период, чем любой поэт до его времени; причиной этого, возможно, было исчерпание законного

мифического материала.¹⁹⁵ Эти аттические трагики явно взяли за основу рассказ Аполлодора, который сам был афинянином, что можно показать на примере некоторых конкретных обстоятельств. Возможно, Эфор больше опирался на более ранних поэтов и историков, насколько мы знакомы с их высказываниями; но его рассказ, даже если бы он сохранился, не в большей степени, чем рассказы первых, можно было бы считать основанным на критическом исследовании; поскольку, во-первых, из-за полного непонимания характера традиции он все перевел в историю, а затем попытался восстановить недостатки [pg 058] устных рассказов путем вероятных рассуждений; ошибочность этого метода мы приведем несколько доказательств.

4. После всего сказанного мы не будем извиняться за то, что ограничились несколькими замечаниями о происхождении и значении традиций, касающихся дорийского переселения, вместо того, чтобы попытаться изложить историю этого события. И действительно, мы могли бы привести несколько самых удивительных легенд, но тем лучше, чтобы убедить каждого, какова природа основания, на котором мы стоим.

В 'Νοῖαι, приписываемой Гесиоду, говорится, что Поликаон, сын Бутеса, чье имя представляет древнее (т.е. лелегийское) население Мессены, женился на Евтихии (Εὐαίχη, т.е. прославленной копьем), дочери Гилея и внучке Геракла. Таким простым и непритязательным способом ранняя традиция передала идею о том, что гиллийцы и дорийцы силой копья стали хозяевами Мессены и объединились с ее исконными жителями¹⁹⁶.

В лаконской деревне Абия был храм Геракла, который, как говорили, построила Абия, кормилица Глена, брата Гилея.¹⁹⁷ Поэтому предполагалось, что Гилей и Глен сами пришли в Лаконию. Павсаний пытается [pg 059] примирить местную традицию с общепринятой историей и предполагает, что Абий бежал сюда после смерти Гилея; это, однако, не согласуется с общепринятым мнением, что Пелопоннес был в руках врага и что битва, в которой пал Гилей, произошла на перешейке. Теперь мы переходим к общему отношению к порядку событий.

5. Согласно этому рассказу, Гераклиды после смерти своего отца находились в Трахисе у своего хозяина Цейкса, который великодушно защищал их некоторое время, но затем был вынужден угрозами Эврисфея отказать им в убежище; Цейкс, по словам Гекатея,¹⁹⁸ был вынужден сказать им: "У меня нет сил помочь вам, поэтому уходите к другому народу", и после этого они нашли убежище в Аттике. Однако те ранние историки, которые утверждают, что Геракл умер как царь в Микенах, рассказывают об этом обстоятельстве совершенно иначе, а именно, что Эврисфей после смерти Геракла изгнал его сыновей и снова узурпировал власть,¹⁹⁹ а они в связи с этим бежали в Аттику.

В Афинах они сели в качестве сторонников у алтаря Жалости, получили защиту Тесея или Демофона, поселились в Тетраполисе²⁰⁰ и вместе с афинянами, под командованием Гилея [pg 060] и Иолая (по молитвам которого боги даровали вторую молодость), сразились с Эврисфеем у перевала Сцирон; Макария (вероятно, совершенно символическое существо, но в данном случае дочь Геракла) ранее принесла себя в искупительную жертву. В этом бою они победили аргивского царя, которого Алкмена с женской мстительностью предала смерти, и чью могилу афиняне выставили перед храмом палленской Минервы.²⁰¹ Это [pg 061] басня, столь прославляемая трагиками и ораторами, locus communis, как таковой, который афиняне иногда даже упоминали в своих постановлениях,²⁰² или там, где он служил, чтобы показать, насколько плохо пелопоннесцы отплатили своим древним благодетелям. Неизвестно, с каким доверием отнесся бы лакедемонянин к этим рассказам; Пиндар, конечно, ничего о них не знал, поскольку утверждает, что Иолай под Фивами

получил кратковременное восстановление юношеской силы, чтобы предать смерти Эврисфея, после чего он немедленно скончался и был похоронен фиванцами в семейной гробнице [Амфитриона](#)²⁰³. Однако не стоит считать афинскую традицию полностью беспочвенной и специально придуманной: вероятно, она была основана на каком-то реальном событии, а затем изменена и приукрашена. Связующим звеном, несомненно, был храм Геракла в Аттике. Естественно, что, если афиняне поклонялись этому герою, они должны были желать, чтобы его потомки были защищены. Поэтому сыновья Геракла, как говорят, обитали в Тетраполисе в Марафоне, где находился главный храм Геракла в Аттике, а по соседству с ним протекал фонтан Макария, представленный как дочь этого героя. Именно по этой причине, как сообщается, весь Тетраполис был пощажен лакедемонянами во время Пелопоннесской войны. Многие обстоятельства, [pg 062] которые будут приведены далее, свидетельствуют о том, что между дорийцами Пелопоннеса и некоторыми северными городами Аттики существовал союз и сношения,²⁰⁴ основа которых, по-видимому, была заложена во времена дорийского переселения, когда в этих городах поселились дорийцы и беотийцы. Но это поселение, несомненно, к моменту изобретения этих басен уже затерялось в массе афинского народа.

6. После этой битвы, выигранной с помощью афинян, Гераклиды, как говорят (и с полным основанием, так как им помогали афиняне), получили во владение весь Пелопоннес и правили в течение одного года (или какого-то определенного периода), по истечении которого мор (как трагическая катастрофа) изгнал их обратно в Аттику. Мифологи используют это время для отправки Тлеполема Гераклида на Родос, чтобы он прибыл туда до начала Троянской войны. Обо всем этом, однако, Ферекид ничего не мог знать, так как он сообщает, что Гиллий, покорив Эврисфея, отправился в [Фивы](#)²⁰⁵, не покорив Пелопоннес, и там вместе с другими Гераклидами основал поселение у ворот Электры, о чем мы расскажем [ниже](#)²⁰⁶. В Пелопоннесе же, согласно хронологически выстроенным традициям, Эврисфея сменили Пелопиды, которые, соответственно, предстают как изгнанники законных государей из рода Персея.²⁰⁷ Было ли [pg 063] известно ранним поэтам какое-либо подобное обстоятельство, можно сильно сомневаться; но по крайней мере ясно, что в данном случае мы располагаем не самой настоящей традицией, а ее научными комбинациями. Против этих новых государей были направлены походы Гераклидов, которых, как принято считать, было три. Рассказ о них соответствует общей идее о полной зависимости дорийцев от дельфийского [оракула](#)²⁰⁸; но неправильное понимание его предписаний, которое смущает и озадачивает весь вопрос, можно, как нам кажется, полностью приписать изобретению афинян. Оракул упоминал третий плод и узкий морской проход (στένυυρδ) как время и способ обещанного возвращения, что афиняне ошибочно истолковали как третий год и Коринфский перешеек. Но рассказ Аполлодора, почти вписывающийся в ямбический или трохаический метр, не оставляет сомнений в том, что он взял свой рассказ об оракуле у аттических трагиков,²⁰⁹ как было отмечено выше. Обманутый этими предсказаниями, Гиллий на третий год ворвался в Пелопоннес и застал на перешейке аркадян, ионийцев и ахейцев, уже собравшихся на полуострове. В одном бою с Эхемом, сыном Эропа, князем Тегеи, Гилель пал, [pg 064] и был похоронен в Мегаре; после чего Гераклиды обещали не возобновлять попыток в течение пятидесяти или ста лет с того времени.²¹⁰ Здесь каждый признает битву тегейцев с гилельцами как древнее предание. Но в том, что экспедиции Гераклидов не были приурочены к Троянской войне и юности Ореста, мы без колебаний подозреваем промыслы древних систематических мифологов.

7. Когда Гераклиды были отделены от дорийцев как принадлежащие к другой расе, а Хиллус был назван лишь приемным сыном дорийского царя, сразу же возникло сомнение, в какое время следует объединить дорийцев и Гераклидов в одну экспедицию. Иногда дорийцев

представляют присоединившимися к Гераклидам до первой, иногда до второй, иногда до третьей экспедиции; у одного автора они отправляются из Гестиэотиса, у другого - с Парнаса.²¹¹ Несомненно, не было никаких реальных традиционных оснований для какого-либо одного сообщения; и тем более не было никаких достаточных оснований, чтобы отнести имя Хиллуса и связанные с ним события к какой-либо определенной эпохе. Поэтому и Хиллус в одно время называется современником Атрея, а в другое - Ореста;²¹² Памфил и Димас, как утверждается, жили со времен Геракла до завоевания Пелопоннеса.²¹³ В этом нет никакой нелепости, поскольку это собирательные названия рас, существовавших на протяжении [pg 065] всего этого периода. Потомки Гилея, однако, уже не расы, а, как выясняется, реальные люди: его сын Клеодэй,²¹⁴ и внук Аристомах. Эти имена стояли во главе генеалогии Гераклидов, как, например, царей Спарты, и вряд ли они могли быть простым творением фантазии. Из их преемственности, вероятно, вычисляется знаменитая эпоха экспедиции Гераклидов, т.е. 80 лет после Троянской войны, которая, без сомнения, была определена ранними историками, поскольку Фукидид был с ней знаком. Александрийские критики в целом приняли его, как мы знаем из Эратосфена, Кратеса и Аполлодора.²¹⁵ Но все, что рассказывается об экспедициях этих двух принцев, как бы мало они ни были,²¹⁶ не могло быть признано теми, кто, подобно Геродоту и, вероятно, всем ранним авторам, утверждал, что перемирие после смерти Гилея длилось 100 лет.²¹⁷

8. Наконец сам Аполлон открывает глаза гераклидам на смысл прорицания. Они должны были переправиться в Пелопоннес не через перешеек, а через Риумский пролив, причем после того, как вымрет третье поколение. Поэтому они сначала отплыли из Наупакта к Моликрийскому мысу (Антирриуму), а оттуда к Риуму в Пелопоннесе, который находился всего в пяти стадиях от них.²¹⁸ То, что дорийцы [pg 066] действительно пришли с этой стороны в Пелопоннес, - утверждение, которое можно рассматривать как несомненное; оно согласуется с тем фактом, что страны вблизи перешейка были последними, в которые проникли дорийцы. Название Наупактус подразумевает существование там кораблестроения в ранние времена²¹⁹; и существует традиция, что Гераклиды проплывали на плотах, подражания которым затем публично выставлялись на празднике и назывались Στεμματια, то есть увенчанные гирляндами.²²⁰ Этот праздник, несомненно, был Карнеями, поскольку карнейский Аполлон почитался в Спарте под именем Стемматий. Также сообщается, что акарнанский прорицатель Карнус (который, по преданию, основал поклонение карнейскому Аполлону) был убит во время этой экспедиции Гиппотесом, сыном Фила, и поэтому Гераклиды принесли искупительные жертвы в его память.²²¹ Из этого следует, что во время этого перехода были совершены некоторые обряды особого поклонения Аполлону, которые, вероятно, носили в основном искупительный характер. В другом месте я показал, что карнейское или гиацинтийское поклонение [pg 067] эгидам зародилось в Фивах и преобладало в Пелопоннесе до прихода дорийцев, в частности в Амиклее²²², следовательно, оно было распространено в Пелопоннесе до прихода дорийцев:²²² Следовательно, то, что преобладало у пролива Наупакт, могло быть другой, вероятно, акарнанской²²³ ветвью религии Аполлона, которая впоследствии была включена в карнейский праздник; предположение, которое, если его принять, позволило бы нам объяснить многие высказывания древних авторов. На самом деле религиозные обряды и праздники часто настолько смешаны и перепутаны, что приходится проследивать их составные части по многим и отдаленным источникам.

9. При переходе из Наупакта дорийцы очень нуждались в дружбе и помощи местных жителей, озолийских локрийцев и этолийцев. Локрийцы заняли Наупакт в ранние времена²²⁴; этолийцы были их непосредственными соседями, а их могущественный город Калидон был хозяйкой региона. Говорят, что локрийцы помогли дорийцам в их переходе,

обманув пелопоннесцев ложными сигнальными [огнями](#)²²⁵ ; в дальнейшем мы встретим следы прочной дружбы между локрийцами и Спартой. Мифология придала союзу дорийцев и иетойцев необычную, но, несомненно, по этой причине древнейшую форму. Эта связь, которая была необходима для перехода из Наупакта, подразумевается и в других легендах, в общем [pg 068] характере традиции - выражать одно и то же разными способами. Среди них можно упомянуть брак Геракла с Деянирой, дочерью калидонского царя Инея.²²⁶ В это время дорийцы получили от оракула приказ искать вождя с тремя глазами. Таким человеком они признали Оксила Итолийского, который либо сидел на коне, имея один глаз, либо ехал на одноглазом муле. Как ни трудно удовлетвориться этим толкованием оракула, столь случайным обстоятельством, не имеющим никакой связи с общим ходом событий, но раскрыть истинное значение слова τριόφθαλμος представляется невозможным.²²⁷ По всей вероятности, это выражение, обозначающее весь род эйтолийцев, было передано только в мифической форме, а извинительное объяснение было придумано лишь в поздний период.²²⁸ Утверждается, что род Оксила происходил из Калидона, так что эйтолийцы (которые в более поздние времена стали хозяевами Элиса), по-видимому, в большинстве своем происходили из этого места.²²⁹ Однако существовал древний союз и родство между жителями Элиды, эпейцами, и этолийцами, жившими по другую сторону Коринфского залива; и сам Оксил, как говорят, первоначально принадлежал к Элиде;²³⁰ Поэтому не похоже, что между этими двумя государствами была война, а только то, что элейцы приняли этолийцев и признали за ними [pg 069] права гражданства;²³¹ и в то же время героям и героиням элейцев были разрешены те же почести, что и их собственным.²³²

10. Далее в систематизированной традиции упоминается битва, произошедшая между объединенными силами Пелопоннеса под командованием Тисамена, внука Агамемнона, и сыновьями Аристомаха; в ней последние одержали победу, и Пелопоннес перешел в их владение. В зависимости от цели повествователя, это столкновение представлено либо как морское и сухопутное, либо как произошедшее во время [перехода](#)²³³ , либо после похода через Аркадию. Мы можем справедливо предположить, что это было сделано лишь на основании вероятного предположения, что битва *должна была* произойти с Тисаменом, которого традиция представляет как принца ахейцев при взятии Эгиалеи.²³⁴ Многие традиции сходятся в том, что Гераклиды в то время шли через Аркадию; говорят, что Оксил вел их этим путем, [pg 070] чтобы они не завидовали его плодородной территории в Элисе;²³⁵ кроме того, утверждается, что Кресфонт был шурином аркадского царя Кипсела, который имел свою царскую резиденцию в Василисе, на Алфее, в стране паррасиев.²³⁶

11. Далее следует раздел Пелопоннеса между тремя братьями - Теменом, Кресфонтом и Аристодамом или его сыновьями. Мы должны благодарить только трагиков за изобретение и приукрашивание этой [басни](#)²³⁷ ; то, что в ней мало или совсем нет правды, сразу же становится очевидным; ведь только спустя долгое время дорийцы овладели большей частью [Пелопоннеса](#)²³⁸ , а раздел еще не завоеванных земель не имеет примера в греческой истории. В то же время рассказывается, что на алтарях, где братья приносили жертвы своему деду Зевсу, были найдены лягушка для Аргоса, змея для Спарты и лисица для Мессении. Однако представляется вероятным, что это всего лишь символы, с помощью которых изобретатели (возможно, враждебные афиняне) [pg 071] пытались изобразить характер этих народов. Ибо нельзя предположить, что имеются в виду национальные гербы или знаки отличия, если только не верить предполагаемому открытию Фурмона, который утверждает, что нашел в храме Амикла Аполлона щит с надписью Телекла как полководца (βάρος), со змеей посередине; и другой щит Анаксидама, со змеей и двумя [лисицами](#)²³⁹. Но он изобразил щит столь необычной формы, с острыми концами и выемками по бокам, что обман

сразу же обнаруживается; следовательно, предположение о том, что змея была гербом Спарты, остается совершенно [необоснованным](#)²⁴⁰.

12. Хотя мы не можем дать здесь полный отчет о великой революции, которую повсеместно произвело нашествие дорийцев на различные расы [Греции](#)²⁴¹, тем не менее, можно отметить, что очень большая часть ахейцев, которые первоначально пришли из Фтии, ушли на северное побережье Пелопоннеса и вынудили ионийцев перейти в Аттику. Уменьшение главной крепости этой страны, посидонской Гелике, приписывается Тисамену; а то, что Гелица на самом деле была местом обитания самых знатных семей ахейцев, явствует из легенды, согласно которой Оксил Итолиец, по повелению оракула, разделил владычество [pg 072] с Агорием, пелопидцем, который происходил от Пентила, сына Ореста, и жил в [Гелике](#)²⁴². Хронологические трудности, связанные с тем, что Оксила называют современником внука Пентила, не имеют особого значения. В Гелике была также обнаружена гробница Тисамена, прах которого спартанцы (несомненно, желая таким образом загладить несправедливость его изгнания) впоследствии принесли в свой город, как и труп Ореста в Тегее.²⁴³ Но затем следует ряд переселений в основанный в более поздние времена азиатский город Эолис, в котором преобладало число ахейцев. Хотя Орест назван предводителем первой [экспедиции](#)²⁴⁴, он, вероятно, обозначает только своих потомков: Пентилий также, возможно, обозначает только ту часть его потомков, которая отправилась с колонией на Лесбос и в Эолис. Ибо не все Пентилиды отправились туда; мы находим Пентилидов в [Митилене](#)²⁴⁵, а других - в Гелисе, как мы только что видели. Писандр, лаконский ахеец, также упоминается как отправившийся с экспедицией Ореста; и во времена Пиндара на Тенедосе были люди из его [рода](#)²⁴⁶.

[pg 073]

Глава IV.

§ 1. Физическая структура Греции и Пелопоннеса. § 2. Физическая структура Аркадии. § 3. Лакония. § 4. Арголида. § 5. Из Ахайи и Элиды. § 6. Улучшение почвы искусственным путем. § 7. Раннее возделывание почвы пеласгами и лелегами. § 8. Численность дорийских завоевателей. § 9. Способ, которым они завоевали Пелопоннес.

1. Физическая организация Греции столь замечательна, что каждая из ее частей получила свое особое назначение и отчетливый характер; она подобна телу, члены которого различны по форме, но между которыми обязательно существует взаимная связь и зависимость. Северные районы, вплоть до Фессалии, являются питательными органами, которые время от времени вносят свежие и энергичные запасы: по мере приближения к югу ее структура принимает более выраженную и определенную форму, и на нее накладываются более характерные черты. Аттику и острова можно рассматривать как конечности, которые, так сказать, служили активными инструментами для тела Греции и посредством которых она поддерживала постоянную связь с другими; в то время как Пелопоннес, с другой стороны, кажется сформированным для состояния жизни, занятой больше своими собственными, чем внешними заботами, и чьи интересы и чувства сосредоточены в себе. Поскольку это была окончательность Греции, природа положила конец всякой перемене места и места жительства, и поэтому характер пелопоннесцев был твердым, устойчивым и исключительным. Поэтому с полным основанием регион, где преобладали эти принципы, греки считали центром и [акрополем](#)²⁴⁷ [pg 074] своей страны, а те, кто им владел, по всеобщему признанию, занимали первое место в Греции.

2. Этот характер Пелопоннеса станет более очевидным, если мы рассмотрим особенности его горных цепей. Хотя Коринфский перешеек соединял полуостров с континентом узкой горловиной, на всем своем протяжении он не был пронизан непрерывной цепью гор; холмы Инеи были полностью отделены от гор [Пелопоннеса248](#). Основные возвышенности Пелопоннеса образуют почти круг, окружность которого проходит через горы Фолоя, Лампе, Арония, Киллена, Артемизия, Парфения и Парнона; затем через Бореум, а оттуда до северного подъема горы Тайгет и, наконец, через гору Ликаон вдоль реки Алфей. Самым высоким хребтом, по-видимому, является та часть Киллины, которая смотрит на Парнон: высота Киллины, согласно утверждению [Дикеарха249](#), была не совсем 15 стадий; по другому измерению, она составляла девять стадий, то есть 80 [футов250](#); это значительная высота, если вспомнить, что море близко и что Пелопоннес - последнее звено великой цепи, которая спускается с севера Македонии. Но и восточные равнины, например, Тегея, находятся на большой высоте [pg 075] над морем и часто покрыты снегом поздней весной.[251](#) От круга гор, на который было указано, берут начало все сколько-нибудь значимые реки; от него же расходятся все горные хребты, образующие многочисленные мысы и пункты Пелопоннеса. Однако внутренняя часть страны имеет только одно отверстие в сторону западного моря, через которое все ее воды стекают, объединяясь в Алфее. Своеобразие этого внутреннего района усиливается еще и тем, что его пересекают несколько нижних цепей холмов, которые заставляют воды долин, ближайших к большим цепям, либо образовывать озера, либо искать выход в подземных ходах.[252](#) Поэтому в горном районе на северо-востоке Пелопоннеса многие потоки исчезают и снова выходят из-под земли. Эта область - Аркадия; страна, состоящая из гряд холмов и возвышенных равнин, глубоких и узких долин, с ручьями, текущими по каналам, образованным обрывистыми скалами; страна, столь явно отделенная природой от остального Пелопоннеса, что, хотя и не объединенная политически, она всегда рассматривалась в свете единого сообщества. Климат здесь был чрезвычайно холодным, атмосфера - плотной, особенно в горах на [севере253](#), а влияние, которое это оказывало на характер и склонности жителей, мастерски описал Полибий, сам уроженец Аркадии.

3. Лакония образована двумя горными цепями [pg 076], идущими непосредственно от Аркадии и замыкающими реку Евротас, исток которой отделен от аркадского потока весьма незначительной возвышенностью. На протяжении некоторого времени ниже города Спарты Евротас представляет собой стремительный горный поток; затем, образовав каскад, он застаивается в болоте; но ниже он проходит по твердой почве пологим и прямым руслом.[254](#) Возле города Спарты скалы и холмы подступают к берегам с обеих сторон и почти полностью закрывают реку как выше, так и ниже города:[255](#) эта закрытая равнина, несомненно, является "полым Лакедемоном" Гомера.[256](#) Здесь узость долины и высоты Тайгета, выступающие над ней высоким парапетом, усиливают летнюю жару, концентрируя солнечные лучи в фокусе и создавая преграду для прохладных морских [бризов257](#), а зимой холод становится вдвойне жестоким. Те же природные обстоятельства порождают сильные ливни, а многочисленные горные потоки часто вызывают наводнения в узких долинах.[258](#) Горы, хотя и идут связанными цепями, все же сильно прерываются; их изломанные и изрезанные формы древние приписывали землетрясениям,[259](#) одно из которых вызвало столь сильное волнение в Спарте за некоторое время до войны с гелотами. Однако страна не лишена равнин; действительно, вдоль нижней части Евротаса находится одна из лучших в Греции, [pg 077] простирающаяся к югу и защищенная горами от северного ветра; кроме того, приморский район, окруженный скалами, от Малеи до Эпидавра Лимера (Мальвазия), чрезвычайно [плодороден260](#). Долины на границах Мессении также не менее плодородны; однако по направлению к мысу Тенарум почва постоянно становится более твердой, сухой и ожелезненной. Ошибочность предположения, что эта страна была почти пустыней, вытекает из большого количества ее растительных продуктов, упоминаемых Теофрастом и другими:

Алкман и Феогнис также прославляют ее вина: виноградники были посажены до самой вершины горы Тайгет, и их усердно поливали из фонтанов в лесах [платанов](#)²⁶¹; в этом отношении страна была способна обеспечить себя всем необходимым. Но самым ценным продуктом, по мнению новых жителей, несомненно, было горное железо.²⁶² Еще более удачным было положение страны для целей обороны: во внутренние районы Лаконии из Аркадии, Аргolidы и Мессении можно попасть только по узким проходам и горным дорогам, а наиболее плодородная часть наименее подвержена вторжениям врагов из этих районов; отсутствие [гаваней](#)²⁶³ также способствует естественной изоляции Лаконии от других земель. В целом Еврипид очень удачно подметил особенность страны в следующих строках и противопоставил ее более благоприятной территории Мессении:²⁶⁴

[pg 078]

Далеко раскинулась Лакония,
С высокими скалами, окруженными кругом,
Угрозу захватчиков презирая;
Но голая и суровая земля
Не вознаграждает пахаря за мучительный труд;
Скудные урожаи там растут.
В то время как над прекрасной землей Мессении
Широководные ручьи простирают свои руки,
Дары природы изобилуют;
Яркое изобилие венчает ее улыбающуюся равнину;
Плодовитые деревья, урожайные злаки,
Their richest stores produce.
Большие стада наполняют ее просторные долины,
На многих холмах с мягким спуском
Ее стада без числа бродят;
Ее климат не знает жестоких крайностей,
Ни ледяных морозов, ни ветреных снегов,
Ни палящего луча звезды.

Вдоль берегов Памиса (который, несмотря на краткость своего течения, является одной из самых широких рек в Пелопоннесе), вплоть до Мессенского залива, тянется большая и красивая долина, справедливо называемая Макарией, или "Счастливой", и вполне заслуживающая той хитрости, с помощью которой, как говорят, Кресфонт получил ее. К северу, в направлении Аркадии, лежит равнина Стениклар, окруженная холмистой преградой. Западная часть страны более гориста, хотя и не имеет таких высот, как гора Тайгет; к реке Неда, на границах Аркадии, страна приобретает характер самой дикой и романтической красоты.

4. Арголис образован грядой холмов, ответвляющихся от горы Циллины и Парфения в Аркадии, и соединен с ней горной цепью, сильно изломанной, изобилующей оврагами и [pg 079] пещерами (отсюда название Τρητόν);²⁶⁵ через которую проходит знаменитая Контопория,²⁶⁶ дорога, вырубленная, как бы, между стенами скал, соединяющая Аргос с Коринфом. Аналогичные проходы соединяли Клеону, Немею и Флиус, расположенные южнее, и Микены, Тиринс и Эпидавр, расположенные восточнее; это естественное разделение на множество небольших районов оказало значительное влияние на политическое состояние Аргоса. Южная часть этой цепи заканчивается равниной, в начале которой, у только что упомянутого перевала, располагались Микены, а в более широкой ее части - город Аргос. Природа этой древней возделанной равнины весьма примечательна; она, как очевидно, постепенно формировалась потоками, постоянно заполнявшими залив между горами, и поэтому первоначально представляла собой не что иное, как болото и [трясину](#)²⁶⁷. Инах, "поток", и Мелия, дочь Океана, "влажная долина" (где растут ясени, μελίαι), были названы родителями древних аргивян; а эпитет "жаждущий" (πολυδίψιον "Ἀργός), который применяется к Аргосу в древних поэмах, относится только к нехватке родниковой воды в окрестностях города. Однако, несмотря на изрезанный характер остальной части Арголиды, как во внутренних районах, так и у моря то тут, то там встречаются небольшие равнины, которые плодородием своей почвы привлекают и поощряют земледельцев; юго-восточное побережье плавно спускается к морю. К северу от горного хребта, ограничивающего Арголиду, простирающегося от перешейка [pg 080] до узкого прохода на границах Ахайи, находится красивая и в древности очень почитаемая равнина, на которой располагались Коринф и [Сикион](#)²⁶⁸. Что касается развития цивилизации в Аргосе, важно знать, что горы между этим городом и Коринфом содержат медь.²⁶⁹ Соответственно, в первом городе, по-видимому, рано начали ковать металлы, и отсюда возникла древняя слава аргивских щитов.²⁷⁰ Но ни в одной части Пелопоннеса не было найдено драгоценных металлов: это обстоятельство в значительной степени способствовало тому, что внимание его жителей было направлено на сельское хозяйство и войну, а не на торговлю и производство.

5. Регион, который в более поздние времена назывался Ахайей, представляет собой лишь узкий участок земли вдоль побережья, лежащий на склоне северного горного хребта Аркадии. Поэтому большинство ахейских городов расположено на холмах над морем, а несколько - в закрытых долинах. Истоки многочисленных ручьев, которыми орошается страна, почти без исключения находятся в Аркадии, границы которой здесь выходят за линию воды.

Но самый низкий склон Пелопоннеса и самый постепенный наклон к морю находится на западной стороне; именно в этой четверти мы находим наибольшую протяженность страны шампанского на полуострове, которая, будучи окружена цепью, начинающейся от гор Сколлис и Фолоэ, была названа впадиной Элиса. То, что эти широкие [pg 081] равнины почти непрерывно пребывали в состоянии покоя, было счастливым обстоятельством. Ближе к побережью почва становится песчаной; широкая полоса песка тянется вдоль моря почти до самого трифилийского Пилоса, о котором Гомер так часто говорит как о "песчаном".²⁷¹ Поскольку эта местность очень мало возвышается над уровнем моря, образовалось несколько небольших озер или лагун, которые тянутся вдоль большей части побережья и иногда соединяются друг с другом, иногда с морем. Река Альфея течет между невысокими цепями холмов и через небольшие долины впадает в море. К югу страна становится более гористой и больше приближается к характеру Аркадии.

6. Если мы представим себе эту необычную страну до усовершенствования искусства и сельского хозяйства, то она предстанет перед нами в очень необычном виде. Воды Аркадии, очевидно, больше рассчитаны на то, чтобы заполнять глубокие овраги и впадины этой страны или производить нерегулярные наводнения, чем на то, чтобы удобрять почву тихими и нежными потоками. Долины Стимфала, Фенея, Орхомена и Кафиз в Аркадии нуждались в каналах, плотинах и т. д., прежде чем их можно было использовать для земледелия. Одна часть равнины Аргоса была тщательно осушена, чтобы она не стала частью болот Лерны. В нижней части течения Евротаса необходимо было использовать какие-то искусственные средства для ограничения реки: о том, что эта забота в какой-то момент была проявлена, свидетельствуют остатки набережных,²⁷² которые придают реке вид [pg 082] канала. Древний несторианский Пилус был расположен на реке (Анигрус), которая и сейчас, когда она разливается, делает страну очень нездоровым местом для проживания; и ни один путешественник не может провести ночь в Лерне без опасности. Таким образом, во многих частях Пелопоннеса было необходимо, не только для использования земли, но даже ради здоровья и безопасности, регулировать природу усилиями искусства. В настоящее время из-за бездеятельности туземцев, неизбежного следствия угнетения, в некоторых частях страны царит настолько плохая атмосфера, что, вместо того чтобы, как раньше, порождать энергичную и здоровую расу, одно большое поколение сменяет другое, сходя в могилу. А то, что подобные улучшения были начаты в самые ранние периоды, явствует из того факта, что следы первобытных городов обнаружены именно в тех долинах, которые больше всего нуждались в человеческом труде.²⁷³ Эта индукция также подтверждается свидетельствами многих традиций. В скудных рассказах о первых временах существования Спарты говорится, что Милес, сын рожденного на земле Лелекса, строил мельницы и молот кукурузу в Алесиз, и что у него был сын по имени Евротас, который провел воду, застоявшуюся на равнине, в море по каналу, названному впоследствии его именем.²⁷⁴ Действительно, положение Спарты, кажется, подразумевает, что стоячая вода была сначала отведена:²⁷⁵ да и в более поздние времена, остановив течение реки, можно было упрятать под воду большую часть страны между Спартой и противоположными высотами.²⁷⁶

[pg 083]

7. Рассмотрение этих природных обстоятельств и традиций заставляет нас предположить, что расы, на которые смотрят как на древних жителей Пелопоннеса (пеласги на востоке и севере и лелеги на юге и западе), были первыми, кто привел землю в то состояние обработки, в котором она впоследствии оставалась в этой и других частях Греции. И, пожалуй, только этим двум народам принадлежала забота о земледелии, скоте и всем, что связано с продуктами земли, во все времена и перемены. Ведь, во-первых, численность вторгшихся ахейцев, ионийцев, а затем и дорийцев была весьма незначительной по сравнению со всем населением Пелопоннеса; во-вторых, эти расы завоевали *как народ*, так и *страну* и, сохранив их в своем владении, вели независимую и легкую жизнь, так что, какое бы племя ни получило власть, прежние народы всегда составляли основную массу населения. Благодаря этим узурпациям сельское хозяйство находилось в постоянном состоянии зависимости и неясности, так что мы редко слышим о благоустройстве страны, которое является необходимой частью деятельности земледельца. Однако за сельским хозяйством всегда следили с большой энергией и успехом. Во время Пелопоннесской войны, когда население Пелопоннеса, должно быть, было очень велико, здесь производилось больше кукурузы, чем потреблялось, и она постоянно экспортировалась из Лаконии и Аркадии вниз, к побережью *Коринфа*²⁷⁷.

8. Не для того, чтобы основывать на них какие-либо расчеты, а лишь для того, чтобы дать общее представление о численности греческого племени (которое многие [pg 084] считают большой нацией), я предлагаю следующие замечания. В период расцвета дорийской державы, примерно во время Персидской войны, в Спарте, которая тогда завоевала Мессению, насчитывалось 8000 семей, в Аргосе - более 6000; в то время как в Сикионе, Коринфе, Флиусе, Эпидавре и Эгине дорийцы были не столь многочисленны, а конституция в этих государствах была еще более олигархической. Хотя в колониях, где они были менее ограничены из-за отсутствия достаточного пространства и строгости законов, жители размножались очень быстро, число первоначальных колонистов, как и дорийцев, было очень небольшим. Так как в государствах Пелопоннеса, даже после того как они прочно обосновались, число жителей, особенно дорийцев, никогда, по ряду причин, не увеличивалось,²⁷⁸ кажется вероятным, что во время их первого вторжения общее число их мужчин не превышало 20 000.²⁷⁹ Не были более значительными и ранние поселения ахейцев и ионийцев. Ибо ионийцы, как явствует из их традиций, появились в Аттике как военный род и, вероятно, образовали, хотя, возможно, вместе со многими семьями иного происхождения, одно, и, конечно, наименьшее из четырех племен (*ῥπλητες*²⁸⁰). Прибытие ахейцев представлено в древних традициях следующим простым образом: "Архандр и Архител, сыновья Аххея, будучи изгнаны из Фтиотиса, пришли в Аргос и Лакедемон".²⁸¹ Их имена означают "правитель" и "главный правитель". [pg 085] Конечно, ахейцы пришли не для того, чтобы обрабатывать землю; это видно и из того, что, когда дорийцы были изгнаны на северное побережье, они завладели Патреем, жили только в городе и не рассеивались по мелким *деревням*²⁸².

Кажется вполне определенным, что дорийцы переселились вместе со своими женами и детьми. Спартанцы не стали бы уделять столько внимания женщинам другой расы, и все домашние институты дорийцев были бы сформированы совсем не так, как в действительности. Только это обстоятельство полностью отличает миграцию дорийцев от миграции ионийцев, которые, по словам Геродота, отплыв из Аттики без женщин, взяли в жены или, скорее, в рабыни местных карийских женщин, которые, по словам того же писателя, даже не смели обращаться к своим мужьям по имени. И так было, вероятно, со всеми ранними поселениями за морем, поскольку форма древнегреческой галеры вряд ли позволяла перевозить женщин.

9. Было бы не так сложно объяснить, за счет какого превосходства дорийцы завоевали Пелопоннес, если бы они получили его в открытом бою. Поскольку Гомер описывает способ ведения боя, использовавшийся древними ахейцами, метод сражения с линиями тяжеловооруженных людей, выстроенных в тесном и регулярном порядке, должен был быть введен в Пелопоннес дорийцами; среди которых Тиртеус описывает его как устоявшийся. И очевидно, что колесницы и дротики гомеровских героев никогда не смогли бы одолеть атаку глубокого и компактного корпуса, вооруженного длинными копьями. Но еще труднее понять, [pg 086] как дорийцы могли войти в те неприступные укрепления, которыми был полон Пелопоннес; ведь их народ никогда не был искусен в искусстве осады, и главная сила здесь была бесполезна. Как, спрашивается, они взяли штурмом цитадель Акро-Коринфа, этого Гибралтара *Пелопоннеса*²⁸³, как аргивскую Лариссу и подобные крепости? По этим вопросам, однако, сохранились некоторые рассказы о завоевании Аргоса и Коринфа, которые, исходя из их согласия друг с другом и с обстоятельствами тех мест, должны быть приняты за достоверные исторические воспоминания. Из них мы узнаем, что дорийцы всегда старались укрепить какой-нибудь пост на небольшом расстоянии от древней крепости; оттуда они опустошали страну постоянными вторжениями и, продолжая эту систему досады и мелких нападений, дожидались, пока защитники либо рисковали

сражением, либо сдавали свой город. Таким образом, в поздний период все еще показывались места, откуда Темен и Алет с успехом вели подобные состязания.²⁸⁴ И даже в исторические времена этот способ ведения войны в стране противника (называемый ἑπιτεῖχισμός τῇ χώρῃ) нередко использовался против мест, которые нельзя было атаковать напрямую.²⁸⁵

[pg 087]

Глава V.

§ 1. Покорение Аргоса дорийцами. § 2. Сикион. § 3. Флий и Клеон. § 4. Акте, Эпидавре, Эгине и Трезене. § 5. Независимость Микен и Тирина. § 6. Древнее почтение городов Акте к Аργοлиде. § 7. Территория дриопийцев в Аργοлиде. § 8. Уменьшение Коринфа дорийцами. § 9. Древние жители Коринфа. § 10. Уменьшение Мегары дорийцами. § 11. Уменьшение Лаконии дорийцами при Аристодеме. § 12. Соппротивление Амиклеи. Положение Спарты. § 13. Соппротивление других лаконских городов дорийцам. § 14. Предания об Эврисфене и Прокле. § 15. Уменьшение Мессении дорийцами. § 16. Политическое состояние Мессении.

1. До прихода дорийцев Микены, расположенные на возвышенной части равнины у оконечности горной цепи, несомненно, были самым важным и выдающимся местом в Аργοлиде; Аргос же, хотя и был местом самой ранней цивилизации, зависел от него и уступал ему. В Микенах находились циклопический зал [Эврисфея](#)²⁸⁶ и роскошный дворец Агамемнона; и хотя, как правильно говорит Фукидид, укрепленный город был незначительным по площади, он изобиловал огромными и богато украшенными резьбой памятниками, чье полуварварское, но искусственное великолепие составляло поразительный контраст с неорнаментированным и простым стилем, появившимся после дорийского [периода](#)²⁸⁷. Дорические завоеватели, с другой стороны, не начинали свои операции с крепостей, защищенных как природой, так и искусством, а продвигались [pg 088] вглубь страны с побережья. Так, у моря между Лерной и Науплией, в устье [Фрикса](#)²⁸⁸, находилось укрепленное место под названием Темениум, откуда Темен, сын Аристомаха, вместе с дорийцами вел войну с Тисаменом и ахейцами и, вероятно, досаждал им неоднократными вторжениями, пока они не были вынуждены рискнуть на открытое сражение. Оттуда дорийцы после тяжелых боев стали хозяевами города Аргоса.²⁸⁹ В одном из преданий говорится, что Эргизей, потомок Диомеда, украл и отдал Темену палладий, привезенный его предком из Трои в Аргос, что немедленно привело к сдаче города.²⁹⁰ Поэтому предполагается, что Аргос был взят самим Теменом.

2. Дальнейшее расширение дорийской державы, однако, приписывается не Темену, а его сыновьям, которых дорийская традиция называет Цейсом, Церином, Фалкесом и Аглеем или Агеем.²⁹¹ Из них Цейс, как представляется, управлял в Аргосе, а Фалкес - в Сикионе. Древний Мекон или Сикион в ранние времена находился под властью ионийцев, а затем подчинялся ахейцам из Аргоса. Весьма обширная мифология этого древнего [pg 089] города содержит символические и исторические элементы самого разнообразного характера: мы коснемся лишь части истории, непосредственно предшествующей дорийскому вторжению. Утверждается, что Фест, сын Геракла, был царем Аргоса до этого события; он отправился на Крит, где основал город своего [имени](#)²⁹², и ему наследовали его потомки Рхопал, Ипполит и Лакестада, последний из которых жил в дружбе с Фалькесом. Между ними, однако, помещен Зевксипп, сын Аполлона и нимфы [Гиллис](#)²⁹³. Здесь мы видим следы связи между Фестусом

на Крите и введением поклонения Аполлону и Гераклу; эта традиция, однако, не позволяет нам делать какие-либо хронологические выводы.

3. Вопрос о том, был ли Флий (расположенный в одном из уголков Аркадии, в прекрасной долине, откуда берут начало четыре источника [Асопа294](#)) основан из Сикиона или Аргоса, был предметом спора между этими двумя городами: последние просто называли Флия сыном [Сейса295](#). Однако этот Флиас - не что иное, как олицетворенная страна; название происходит от $\phi\lambda\acute{\epsilon}\omega$ или $\phi\lambda\iota\delta\acute{\alpha}\omega$ и означает "влажный" или "изобилующий источниками", что вполне оправдывалось природой места. Поэтому Флиас с большим основанием назывался сыном Диониса ($\Phi\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$, $\Phi\lambda\epsilon\acute{\omega}\nu$), который любил обитать в таких долинах. Поэтому в рассказе сикионцев больше вероятности, что Фалкес и Регнидас были основателями дорийского [pg 090] [владычества296](#); кроме того, легче проложить путь во Флиасию из Сикиона по Асопу, чем из Аргоса. Известно, что Пифагор Самийский происходил от некоего Гиппаса, который покинул Флиус по этому случаю; а ионический город Клазомены, как говорят, был частично основан некоторыми жителями Клеон и Флиасии, изгнанными [дорийцами297](#); из этих двух фактов мы можем сделать вывод о существовании связи между ранними жителями этих мест и ионийцами. Клеона, расположенная в узкой долине, где горы открываются в сторону Коринфа, и граничащая с Флием, судя по этому рассказу, была колонизирована одновременно с этим городом, но, вероятно, из Аргоса. Ибо мы видим, что правящая власть там находилась в руках одной семьи Гераклидов, ветвь которой шла из Аргоса в Эпидавр.[298](#)

4. Актея (так называлось северное побережье Арголиды, расположенное напротив Аттики)[299](#) была уменьшена, согласно рассказу Эфора, Дейфонт и [Агеем300](#). Первый из них, которого называли потомком [pg 091] Ктесиппа и зятем Темена, и чья судьба давала материал для трагических поэтов, стал хозяином города Эпидавра и вытеснил оттуда ионийцев: последние под командованием своего царя Питирея перешли в Аттику, откуда царский сын Прокл впоследствии, при общем ионийском переселении, отправился на Самос.[301](#) Однако часть дорийцев из Эпидавра под руководством Триакона ушла в [Эгину302](#), где прежде правили эллины из Фессалии, объединившие остров и материнское государство в одно государство с равными правами и одинаковыми магистратами. Поскольку кроме Эпидавра только Трезен принадлежал Акте, а Аггей и Деифонт упоминаются как дорийские колонизаторы этого побережья, то, вероятно, именно Аггей подчинил Трезен [дорийцам303](#). В этом городе он также, должно быть, столкнулся с ионийцами, поскольку и мифические генеалогии, и религиозные обряды древнего Трезена свидетельствуют о тесной связи между его ранними жителями и афинянами.[304](#) Ведь Трезен даже разделял с ионийскими городами особое поклонение апатурийской Афине, богине фратрий и гентов,[305](#) а также Посейдону и его сыну Тесею.

5. Уже приведенные рассказы показывают, что Сикион, [pg 092] Флий, Клеон, Эпидавр, Трезен и Эгина получили свою долю дорийских жителей либо опосредованно, либо сразу из Аргоса. Мы можем только сожалеть об отсутствии точных сведений о Микенах и Тирине; завоевание этих городов, должно быть, было очень трудным, но, когда оно было завершено, решающим для суверенитета дорийцев. [Пиндар306](#) считает изгнание ахейских данайцев из Аргосского залива и из Микен идентичным экспедиции Гераклидов, а Страбон утверждает, что аргивяне объединили Микены с собой.[307](#) Тем не менее, мы видим, что во время Персидской войны Микены и Тиринс все еще были независимыми государствами, и возникает сомнение, принадлежали ли они ранее Аргосу в течение какого-либо времени. О том, что некоторые древние жители, по крайней мере, еще сохранились в горах над Аргосом, свидетельствует пример Орнеаты. Жители Орнеи, города на горной границе Мантинеи, долгое время враждовавшие с дорийцами и воевавшие с [сикионцами308](#), в конце концов

были побеждены Аргосом и низведены до состояния [перизков309](#). Так как более вероятно, что подобная операция была проведена против людей другой расы, а не против колонии Аргоса, а также потому, что нигде не упоминается о дорийском поселении в Орнее, очевидно, что жители Орнеи до этого времени были либо ахейцами, либо аркадянами.

6. Хотя из вышеприведенных рассказов следует, что Аргос почти полностью утратил свою власть над городами, которые благодаря ему оказались под властью дорийцев, в ранние времена существовали определенные [pg 093] обязательства со стороны этих городов по отношению к Аргосу, которые в более поздний период превратились в простые формы. В Аргосе, на берегу Лариссы, находился храм Аполлона Пифея, который, вероятно, был возведен вскоре после вторжения дорийцев как святилище национального божества, приведшего их в эту страну. Это был храм, общий для всей округи, хотя и принадлежавший в большей степени аргивянам.[310](#) Эпидавры были обязаны в определенные времена приносить ему жертвы.[311](#) Дриопийцы в ранние времена, а также впоследствии, в качестве краугаллидов, или служителей дельфийского бога, воздвигли в Асине и Гермione храмы Аполлону Пифею в знак аналогичной зависимости; и это был единственный храм, который аргивяне пощадили при разрушении прежнего города.[312](#)

7. Сохранившиеся фрагменты древней истории дриопийцев были собраны в предыдущей [главе313](#), здесь же отметим лишь, что этот народ владел значительным районом в самой южной части Арголитиды, границы которого, пока они оставались неприкосновенными, определялись двумя пунктами, а именно. храм Деметры Термезии на границе между Гермioneй и Трезеном, в восьмидесяти стадиях от мыса Сциллеум, и холм между Асином, Эпидавром и [Трезеном314](#), и их можно указать с достаточной уверенностью и сейчас. Геракл, который, согласно дорийской традиции, привел сюда дриопийцев, [pg 094] точно обозначил эти границы. Однако есть сведения, что дриопийцы обосновались за этими пределами в [Немее315](#) в Арголитиде: впрочем, как и Олимпия, это был не какой-то конкретный город, а всего лишь название долины и, в частности, расположенного там храма Зевса.

8. История основания Коринфа, хотя и удивительная и неясная, тем не менее содержит некоторые исторические следы, отнюдь не заслуживающие внимания. Прежде всего, утверждается, что этот город получил своих жителей *не* из Аргоса. Предание гласит следующее: "Когда Гиппотес во время перехода дорийцев из Наупакта убил прорицателя, он был изгнан (согласно Аполлодору, на десять лет)[316](#), в течение которых вел бродячую и хищническую жизнь"[317](#), отчего его сын был назван Ἀλήτης, или [Странник318](#). Во фрагменте [традиции319](#) также говорится, что Гиппотес, пересекая Мелийский залив, проклял тех, кто хотел остаться позади: "Пусть их суда будут дырявыми, а они сами - рабами своих жен". Таким же образом его сын Алет прошел через территорию, которая в то время называлась Эфирой, где получил от презрения ком [земли320](#), который на древнем оракульном языке был символом суверенитета.[321](#) [pg 095] Из этих преданий можно почти догадаться, что дорийские воины преследовали и в конце концов покорили древних эфирян, опустошая их земли и совершая неоднократные вторжения. Это подтверждается весьма достоверным рассказом Фукидида, относящимся к этому вопросу.[322](#) В гористой местности, примерно в шестидесяти стадиях от Коринфа и в двенадцати от Саронического залива, находился холм Солигий, которым дорийцы однажды завладели для войны с эолийскими жителями Коринфа. Однако этот холм (по крайней мере, во времена Фукидида) был совершенно не укреплен. Здесь мы можем распознать тот же метод ведения войны, что и в приведенном выше рассказе о Темене, метод, который во время Пелопоннесской войны был применен спартанцами при укреплении Децелеи. В одном из преданий, связанных с эллинским праздником, говорится, что при взятии Коринфа дорийцы подожгли город и даже

храм Афины, в котором укрылись женщины.³²³ В другом - что Алет, которому оракул посоветовал напасть на город в "коронованный день", взял его во время большого погребального торжества благодаря предательству младшей дочери Креона: однако все это по большей части лишь попытки исторической интерпретации древних праздничных церемоний. Поскольку Алет (согласно его генеалогии) жил через одно поколение после завоевателей Пелопоннеса, взятие Коринфа было датировано тридцатью годами после экспедиции [Гераклидов](#)³²⁴; отсюда, вероятно, и возникла ошибка [pg 096] в предположении, что в Коринфе ранее жили дорийцы; предполагалось, что дорийцы получили все свое владычество над Пелопоннесом *в одно время*, в результате *одной* экспедиции. Город, по-видимому, получил название Коринф в это время, вместо прежнего [Эфира](#)³²⁵; похоже, что дорийцы называли его с определенным предпочтением "Коринф Зевса"; хотя древние толкователи тщетно пытались дать удовлетворительное объяснение этому названию.

9. Первые жители Коринфа были, по выражению Фукидида, [золийцами](#)³²⁶; их традиции и религия показывают, что они были очень тесно связаны с минийцами Иолка и Орхомена.³²⁷ Их царями были Сисифиды, чья генеалогия заканчивается Гиантидой и Доридой. В последнем имени мы находим ту же путаницу, которая была отмечена (среди прочих) в легенде о Фессале, сыне Ясона,³²⁸ а именно: приход другого народа выражался через генеалогическую связь новых пришельцев с героями правящей расы. Таким образом, Доридас, то есть дорийцы в патронимической форме, - потомок Сизифа. Здесь начинается власть дорийцев, которые, однако, не изгнали полностью древних жителей, как утверждает [Павсаний](#)³²⁹, а составили аристократический класс нового государства. Пиндар и Каллимах, правда, называют весь коринфский народ [алетиадами](#)³³⁰, но лишь по поэтической лицензии; единственными прямыми потомками Алета был [pg 097] правящий дом, Вакхиады, от которых в течение долгого времени происходили цари и пританы Коринфа и всех его колоний. Однако в Коринфе были и знатные семьи иного происхождения. Семья Кипсела, которая впоследствии овладела тиранией, была, по словам Геродота, из рода Лапитеев и происходила от Кенея.³³¹ Они пришли, по словам Павсания, из Гонуса, близ Сикиона, чтобы помочь дорийцам против Коринфа.³³² Алет, однако, по совету оракула, сначала отказался принять их, но затем впустил в город, где они впоследствии свергли его собственных потомков. Мы позволим этому рассказу, содержащему постсобытийное пророчество о тирании Кипселид, остаться в силе, отметив лишь, что у кенидов было больше причин помогать древним золийцам, чем у дорийцев, и лишь сделаем из него вывод о существовании в Коринфе знатных семей, не имевших дорийского происхождения.

10. Поскольку в этой главе мы до сих пор придерживались скорее географического, чем хронологического порядка, перейдем к основанию Мегары.³³³ Это событие представлено древней традицией как связанное с экспедицией пелопоннесцев против Афин;³³⁴ что, несомненно, верно, поскольку Мегара до той эпохи была тесно объединена с Атикой и входила в состав Ионии. Эта [pg 098] экспедиция, по мнению большинства авторов, была предпринята всем Пелопоннесом; некоторые, однако, называют настоящими ее авторами коринфян, а вождем - Алета, к которому, тем не менее, присоединился Алфемен из Аргоса, сын Цейса. Поражение дорийских захватчиков благодаря добровольной жертве Кодр было излюбленной темой поэтов и риториков.³³⁵ Для нашей цели достаточно противопоставить этой знаменитой легенде неясное предание о том, что некоторые афиняне, которых Ликофрон называет Кодрами, принимали участие в экспедиции Гераклидов.³³⁶ Независимо от того, встретились ли ионийцы и дорийцы на границе по этому случаю, несомненно то, что Мегара в результате этого вторжения стала дорийским городом, а вскоре после этого и коринфской колонией.³³⁷ Она также оставалась некоторое время в полной зависимости от

Коринфа, как Эгина от Эпидавра; в доказательство этого упоминается, что мегаряне были обязаны оплакивать каждую смерть, случившуюся в семье Вакхиадов в Коринфе.³³⁸ Когда, однако, внутренняя сила Мегары возросла, она решилась расторгнуть эту связь и, наперекор Коринфу Зевса, разгромить коринфян в поле.³³⁹ [pg 099] пограничные войны мегарян и коринфян продолжались без перерыва.³⁴⁰ Мегара, по-видимому, стала правящим городом только после обретения независимости, поскольку в более ранние времена она была одной из пяти деревень (κῶμαι), на которые делилась страна: геренцы, пирейцы, мегаряне, киносирийцы и **триподийцы**³⁴¹. Эти небольшие общины также воевали друг с другом, но с необычайной мягкостью, о которой сохранились почти чудесные рассказы; завоеватели уводили пленных домой, обращались с ними как с гостями и товарищами, которых поэтому называли *δоруῖενοι*, в противоположность *δоруῖῶτοι*.

11. Теперь мы обратимся к Лаконии, которая, согласно вышеупомянутой легенде о разделе Пелопоннеса, досталась на долю Аристодема или его **сыновей**³⁴². Согласно общепринятой традиции (заимствованной у эпических **поэтов**³⁴³), братья-близнецы [pg 100] Эврисфен и **Прокл**³⁴⁴ завладели Спартой после смерти своего отца; тогда как национальная традиция Спарты, как сообщает нам Геродот, представляет самого Аристодема как первого **правителя**³⁴⁵, а двойное владычество его детей как не установленное до его смерти; первенец, однако, пользуется определенной степенью **старшинства**³⁴⁶. Этому, правда, противоречит рассказ Фукидида,³⁴⁷ который упоминает в качестве лакедемонской традиции, что цари, которые первыми овладели Лакедемоном (т.е. Эврисфен и Прокл), были проведены туда с танцами и жертвоприношениями, честь, которая по велению дельфийского оракула была впоследствии оказана Плейстоанаксу при его восстановлении. Впрочем, эта вариация, возможно, является лишь следствием простительной небрежности автора.

12. Однако гораздо сложнее установить, в каком состоянии находилась Лакония сразу после вторжения дорийцев. Ведь очевидно, что история, как она была изложена Эфором и передана от него другим авторам, противоречит многим отдельным традициям, которые, однако, по этой самой причине имеют большее значение. Действительно, далеко не вся территория Лаконии, непосредственно [pg 101] попавшая в руки дорийцев,³⁴⁸ несомненно, что мощная крепость древних ахейцев, расположенная на небольшом расстоянии от самой Спарты, продержалась почти три столетия после дорийского вторжения.

В древности была известна поговорка о "молчаливом Амикле", названном так потому, что его жителей так часто тревожили сообщения о приближении врага, что в конце концов они издали закон о том, что никто не должен сообщать о его приближении; в результате город был взят.³⁴⁹ Эта поговорка и история, на которой она основана, доказывают существование долгой и решительной борьбы между двумя соседними городами. Они также подтверждают рассказ Павсания о том, что дорийцы в царствование Телекла построили **храм**³⁵⁰ Зевсу Трофею, потому что в конце концов после утомительной и тяжелой борьбы они одолели ахейцев Амикла и взяли их город. Этот город Амикла, один из самых древних и значительных в Пелопоннесе, от которого до сих пор сохранилась крепость, расположенная на скале со стороны горы Тайгет, не сразу был разрушен спартанцами и продержался до правления Телекла, через 278 лет после вторжения, незадолго до первой Мессенской войны; И [pg 102] тогда был взят только после утомительного поединка, который, из-за близости Амиклеи и Спарты, должен был быть очень опасным для последнего города. Невозможно, чтобы до этой победы Амикла и Спарта, удаленные друг от друга всего на 20 стадий (2-1/2 мили), вели постоянную войну, так как она должна была вскоре закончиться разрушением одного или другого города: их перемирия, однако, несомненно, часто прерывались внезапными вторжениями. Важная территория у горы Тайгет в то время принадлежала Амиклам, и вся эта

страна все еще находилась во владении ахейцев, с которыми объединились некоторые минийцы с Лемноса и кадмейские греки, известные под именем эгидцев. Именно из этой территории вышли колонии Теры, Мелоса и Гортины; согласно Пиндару, Амikleя была пунктом, откуда отправились первые колонии на Лесбос и Тенедос, а также (как можно заключить из других сообщений) те ахейцы, которые завладели [Патреей](#)³⁵¹.

С другой стороны, Спарта, должно быть, была очень незначительна до переселения дорийцев; только благодаря этому событию она смогла стать владычицей всех окружающих государств. Ведь, во-первых, Спарта была построена не так, как Микены, Тирин и другие правящие города, основанные до дорийского вторжения; Акрополь представляет собой холм незначительной высоты, на который легко подняться, без каких-либо следов древних укреплений или стен. Во-вторых, в нем удивительно мало памятников и местных мемориалов о временах Пелопида и других мифических принцев; спартанцы в других случаях цеплялись за традиции [pg 103] и записи такого рода: в то время как Амikleя и Ферапна имели их в большом изобилии. Амikleя, расположенная в красивой и лесистой [местности](#)³⁵², была местом жительства Тындарея и его семьи; здесь находились гробницы Кассандры и Агамемнона, которые, согласно местному преданию (сохраненному Стесихором и Симонидом)³⁵³, правили в этом городе. На небольшом расстоянии находился город Ферапн. Алкман называет его "хорошо укрепленным Ферапном"³⁵⁴, Пиндар упоминает о его высоком [положении](#)³⁵⁵, под которым они явно подразумевают положение и укрепления, схожие с Тиринем. Последний также называет его древней метрополией ахейцев, среди которых жили Диоскуры; здесь находились подземные кладбища Кастора и [Поллукса](#)³⁵⁶, сводчатые, возможно, на древний манер; здесь же храмы Братьев и Елены в Фиваиде и многие остатки древней символической [религии](#)³⁵⁷. Весьма примечательно и то, что на берегу Евротаса, в районе между Ферапном и Амikleей, было обнаружено [здание](#)³⁵⁸, напоминающее известную сокровищницу в Микенах, и [pg 104], которое служит определенным доказательством того, что владения Пелопидов распространялись и на этот район.

Но хотя местные традиции позволяют предположить, что дорийские правители страны жили в Амikleе и Ферапне, Гомер описывает Спарту как резиденцию Пелопидов, перенося, очевидно, обстоятельства своего времени на более ранний период. Иногда Гомер называет Лакедемон местом жительства Менелая; под Лакедемоном он подразумевает всю страну, и особенно долину вокруг Спарты, которая гораздо лучше согласуется с эпитетом "*полый Лакедемон*", чем район Амikleи, выходящий к морю.³⁵⁹ Иногда он прямо упоминает Спарту как город, в котором Менелай поселился.³⁶⁰

13. Амikleя, однако, не единственный ахейский город, который не был разрушен дорийцами до позднего времени. Говорят, что Гигис на границах Аркадии был отнят у ахейцев Архелаем и Харилой за некоторое время до Ликурга; Фарис вместе с Геронтой - [Телекием](#)³⁶¹, а Гелос на равнине, близ устья Евротаса, - Алкаменом, сыном [Телекиа](#)³⁶². Пока эти места принадлежали ахейцам, спартанцы были закрыты от моря и со всех сторон окружены владениями другой расы. Однако, судя по всему, дорийцы владели и другими местами, кроме Спарты [pg 105], до того как они получили во владение всю Лаконию; такими местами были, например, Бёэ возле Малей,³⁶³ а также, возможно, Абия на границах Мессении.³⁶⁴ Но о многочисленных состязаниях, которые, несомненно, происходили в этот период, до нас дошло мало сведений, поскольку они лежат между областями мифологии и истории.

Тем не менее, мы можем с уверенностью сказать, что Эфор явно ошибается, когда упоминает о разделе Лаконии, произведенном дорийцами сразу после завоевания, ради беспрепятственного владычества над страной.³⁶⁵ Далее тот же историк утверждает, что

"Спарта была оставлена дорийцами как место их собственной империи; что [Амиклея366](#) была отдана Филоному, который вероломно отдал им страну, и что в остальные четыре части были посланы губернаторы". Кроме того, "главными городами этих четырех провинций были Лас, Эпидавр Лимера (или Гитея), Эгис и Фарис; из них первый служил цитаделью [Лаконии367](#), второй - отличной гаванью, третий - удобным арсеналом для войн с Аркадией, а четвертый - внутренним пунктом объединения. В этих городах жили периэки, которые находились [pg 106] зависимости от спартанцев, не теряя при этом своей свободы". Этот рассказ, несомненно, соответствует историческому стилю Эфора, но он не согласуется с отдельными, но подлинными традициями, которые уже упоминались.

Разделение на шесть провинций, тем не менее, по моему мнению, следует рассматривать как исторический факт; только это соглашение могло быть сделано только в гораздо более поздний период. Из этих провинций первая включала в себя район города, вторая - горную цепь Тайгета с западным побережьем, третья - Лаконский залив, четвертая, возможно, современную Законию на восточной стороне Евротаса, пятая - северную границу и шестая - нижнюю долину Евротаса. Реальность такого деления также подтверждается существованием подобного деления в Мессении, о котором говорят и другие авторы, помимо [Эфора368](#). Ибо эта страна, как говорят, была разделена Кресфонтом, так что в Стеникларе жили дорийцы и их царь, под властью которого находились мессенские округа Пилос, Риум, Месола и Гиамия; из них Пилос, очевидно, охватывал все западное побережье; Риум - мыс Метона и соседнее южное побережье; Гиамия, возможно, берег Мессенского залива, ближайший к границам Лаконии; [pg 107] Месола означает средний [район369](#) близ Памиса; а Стениктар - северная равнина Мессении.

14. Теперь мы имеем еще один пример того, как произвольно Эфор сочиняет свою историю, опираясь на вероятные аргументы. Он исходит из того, что Эврисфен и Прокл, хотя и были основателями Спарты, не почитались как таковые (как ἀρχηγέται), что они не пользовались никакой божественной честью, не дали своего имени никакому племени и т. д. (Первое из этих утверждений ложно, поскольку Эврисфен и Прокл, согласно местной традиции, не были основателями Спарты, как было показано выше). Отсюда Эфор делает вывод, что они должны были обидеть дорийцев, и причину этой обиды он находит в принятии иностранных граждан, с помощью которых они расширяли свою власть. Этот случай является достаточным основанием для того, чтобы мы отвергли историческую систему Эфора и пренебрегли результатами, которые он получил с ее помощью.

В древности наверняка существовало множество историй об Эврисфене и Прокле, которые не дошли до нас. Существовала общая традиция об их постоянных разногласиях; и мы знаем, что военная слава Прокла была столь же велика, сколь ничтожна слава Эврисфена.[370](#) Однако есть нечто особенно достойное внимания в случайном замечании Цицерона,[371](#) что Прокл умер за год до Эврисфена. Могли ли существовать хроники столь раннего периода, или возможно ли, чтобы традиция [pg 108] сохранила такие точные даты? Примечательно и то, что женами обоих царей были сестры-близнецы, Латриа и Анаксандра, дочери клеонского царя Терсандра, о происхождении которого мы упоминали выше.[372](#) В Спарте также прославлялись великие героические деяния [Соуса373](#) ("буйного"), сына Прокла.[374](#) Говорили даже, что он вел войну против клиторианцев; рассказывали, что в узкой долине Клитора, будучи окружен врагами и мучимый нестерпимой жаждой, он обещал отказаться от всех своих завоеваний при условии, что ему и его войску будет позволено пить из фонтана; что за это он предложил корону любому, кто воздержится от питья, но, поскольку никто не захотел получить ее такой ценой, он смочил себя водой из фонтана и ушел, не напившись.[375](#) Но спартанский царь вряд ли решился бы, даже спустя несколько веков

после этого, провести армию через враждебную территорию Аркадии к месту, расположенному на таком значительном расстоянии, как Клитор, оставляя позади столько пологих дефиле, оврагов и гор.

15. В стране, которая с этого времени получила название Мессении,³⁷⁶ Пилос был до переселения дорийцев самым важным городом, куда семья Нелидов удалилась из Трифилии.³⁷⁷ Дорийцы под командованием Кресфонта³⁷⁸ [pg 109] сначала обосновались в противоположной части страны, в Стеникларе, в средней полосе; однако вскоре они, должно быть, так тесно прижали Пилос, что часть жителей была вынуждена эмигрировать. То, что многие знатные семьи, как в Афинах, так и в Малой Азии, происходили из Пилоса, не вызывает сомнений благодаря согласию многих национальных и семейных традиций; и столь же несомненно, что они покинули Пелопоннес незадолго до ионийского переселения. Мимнерм, древнейший свидетель этого факта, говорит, что основатели его родного города Колофона пришли из Нелеанского Пилоса³⁷⁹; т.е. он называет Андрамона, основателя Колофона, пилийцем; почти кажется, что поэт имел в виду прямую миграцию из этого места. Однако Пилос (хотя принято считать, что с этой эпохи он находился во владении дорийцев), вероятно, некоторое время оставался независимым городом с ограниченной территорией; даже во время второй Мессенской войны некоторые нестори́дцы перешли в качестве союзников к мессенцам³⁸⁰, а после поражения мессенцев пилийцы и мэфонцы смогли приютить их на значительное время³⁸¹.

16. О внутреннем состоянии Мессении мы не можем знать даже столько же, сколько о состоянии Лаконии, поскольку после прекращения ее политического существования погибли и ее памятники, и даже ее жители; таким образом, все средства для сохранения сведений о ее прежнем состоянии были [pg 110] полностью утрачены. Однако, если отбросить рассказы Эфора, остаются некоторые очень простые обстоятельства, на основании которых мы можем составить представление о состоянии страны. Рассказывают, что когда Кресфонт был вероломно убит, аркадяне вместе с царями Спарты и аргосским царем Сейсом восстановили на его месте его сына Эпитуса³⁸², который воспитывался у Кипсела Аркадского, отца его матери Меропы³⁸³, и который так прославился, что все его потомки стали называться Эпитидами. Имя Эпитида, очевидно, связано с Эпитисом, районом на границе Аркадии и Мессении, недалеко от древней Андании, самого раннего очага цивилизации и религиозного культа в стране. Имена его потомков, Глаука, Истмия, Дотадеса, Сиботаса (свинопаса), Финтаса (или Φιλῆτης), заметно контрастируют с именами лакедемонских царей, Эврисфен (широко правящий), Прокл (знаменитый), Агис (полководец), Соус (буйный), Эхестрат (полководец), Эврипон (широко правящий), Лаботас (пастух народа) и др; Ибо если последние означают сильных князей-воинов, то в первых звучит что-то мирное и пастушеское. То, что Павсаний рассказывает об этих мессенских князьях, относится [pg 111] почти исключительно к мирной деятельности - учреждению праздников; боги, которым они были посвящены, также согласуются с тем же общим характером. Глаук и Истмий, как нам говорят, установили или способствовали поклонению Эскулапу в Герении и Фаре: Сибот присоединил к древнему поклонению великим богам в Андании погребальные жертвоприношения героя Эврита, перенесенные из фессалийской в мессенскую Ἐχάλια; и другие в том же духе. На самом деле кабирское поклонение Деметре в Андании, аналогичное распространенному в Аттике в Элевсисе и Филах, было одним из древнейших в Пелопоннесе и в то время процветало в Мессении³⁸⁴, тогда как, по словам Геродота, дорийцы повсеместно истребили древние обряды Деметры³⁸⁵. Поэтому и мистическое посвящение Андании было прекращено, пока Мессенией управляли спартанцы, и кануло в Лету, пока много веков спустя Эпаминондас торжественно не восстановил его, либо по воспоминаниям жителей, либо, если рассказ верен, на основании

надписи на оловянной пластинке, найденной в медной урне, содержащей несколько непонятных слов, относящихся к древним мистическим [церемониям](#)³⁸⁶.

Восстановление Эпитета, однако, могло произойти благодаря тройственному союзу князей и народов Аргоса, Спарты и Мессении, которым они гарантировали свои права, союзу, от которого Платон сохранил слабый, хотя [pg 112] несомненный след, отмеченный в духе его политической [философии](#)³⁸⁷.

От поселений дорийцев *на* Пелопоннесе мы переходим к поселениям *за пределами* полуострова.

Глава VI.

§ 1. Дорийские колонии в Аргосе, Эпидавре и Трезене. § 2. Дорическая лига в Малой Азии. § 3. Мифические рассказы о колонизации Галикарнаса, Родоса, Коса, Нисира, Карпатоса и Касоса. § 4. Родосские колонии. § 5 и 6. Легенды об основании Маллуса, Мопсуэстии, Мопсукрены и Фазелиса. § 7 и 8. Колонии Коринфа. § 9 и 10. Колонии Мегары. § 11 и 12. Колонии Спарты.

1. Ввиду многочисленности тем, которые нам предстоит рассмотреть, мы вынуждены сократить обсуждение некоторых пунктов и принять как должное многие сопутствующие вопросы, за исключением тех, где нас может побудить к более подробному изложению надежда открыть новые поля для исследований других.

Самым удобным методом будет сделать основой нашей схемы материнские государства, поскольку они известны с гораздо большей достоверностью, чем даты основания соответствующих колоний; таким образом, мы также сможем расположить в правильном порядке те поселения, которые находятся рядом и были связаны друг с другом.

Во-первых, колонии АРГОС, ЭПИДАВР и ТРЕЗЕН. Мы будем рассматривать их вместе, поскольку все они лежат в одном направлении, и поскольку колонии [pg 113] двух последних государств более или менее признавали главенство Аргоса и нередко следовали за общим лидером. Они простираются вплоть до южной оконечности Малой Азии.

Дорийцы на юго-западном побережье Малой Азии происходили, по словам [Геродота](#)³⁸⁸, из Пелопоннеса. И действительно, их принято считать колонией [Аргоса](#)³⁸⁹ (от которого Страбон ведет происхождение Родоса, Галикарнаса, Книда и Коса), возглавляемой князьями Гераклидов, от которых происходили знатные родосские семьи - например, Эратиды или Диагорида в [Иалисе](#)³⁹⁰. Эта эмиграция считалась современной и имеющей некоторую связь с экспедицией Алфемена, сына Цейса, из Аргоса на Крит.³⁹¹ Теперь мы знаем от [Геродота](#)³⁹², что коаны, калиднийцы и нисирийцы пришли из Эпидавра; [pg 114] однако, как очевидно из уже приведенных аргументов, нельзя считать, что имели место две разные экспедиции. Таким образом, и Эгина называлась колонией Аргоса, а также Эпидавра. Рассказ Геродота подтверждается сходством поклонения Эскулапу в Косе и Эпидавре, которое было достаточно велико, чтобы доказать колониальную связь.³⁹³ Мы также имеем традицию о некоторых священных миссиях между Косом и Эпидавром; корабль последнего, как говорят, привез змею Эскулапа в первое государство.³⁹⁴ Если рассматривать это как исторический факт, то, как представляется, мы можем вывести из него больше, чем обычно предполагают, а именно, что дорийские колонисты из Коса, Калидны и т.д. оставались в

Эпидавре достаточно долгое время до их перехода в Малую Азию, чтобы принять поклонение Эскулапу. А поскольку мы видим, что поклонение Эскулапу также преобладало в Книдосе и на [Родосе](#)³⁹⁵, можно сделать справедливый вывод, что часть жителей этих островов, по крайней мере, прошла через Эпидавр. Это подтверждает и оратор Аристид, который, опираясь на национальную традицию, говорит о родосцах, что "с древних времен они были дорийцами и имели своими князьями Гераклидов и Асклепиадов".³⁹⁶ Так же существовали семьи Асклепиадов и Гераклидов на Косе, с первыми из которых Гиппократ был связан по отцовской линии, а со вторыми - по материнской.³⁹⁷ Одновременно [pg 115] этой миграцией из Аргоса и Эпидавра была миграция из Трезена,³⁹⁸ в котором был основан Галикарнас, цитадель на море (ἄλι-κάρηνον); этот факт также подтверждается сходством религиозных культов.³⁹⁹ И действительно, есть основания полагать, что этот город был колонизирован только одним дорийским племенем, диманами,⁴⁰⁰ которые укрепились, собрав вместе более ранних жителей, лелегов и карийцев.⁴⁰¹

2. Однако только те города, которые составляли дорийский Триполис Родос (число которых, вероятно, возникло в результате разделения племен), вместе с Книдосом, Косом и Галикарнасом образовали регулярную дорийскую лигу (до отделения Галикарнаса называвшуюся Гексаполисом, а затем Пентаполисом). Члены этого союза собирались на Триопийском мысе, чтобы публично отмечать национальные праздники, обряды Аполлона и Деметры, которые были чрезвычайно древними.⁴⁰² Однако его влияние в политических делах было, вероятно, очень незначительным.⁴⁰³ Но, кроме уже упомянутых, многие города и острова в этом районе были населены дорийцами.⁴⁰⁴ [pg 116] Небольшой остров Телос, расположенный недалеко от Триопиума, вероятно, зависел от Линдоса.⁴⁰⁵ Нисир и Калидна (или Калимна) уже упоминались; их жители - эпидаврские дорийцы, принадлежавшие к колонии Коса.⁴⁰⁶ Карпат также принял некоторых аргивских колонистов. Говорят, что его взял Иокл, сын Демолеона, аргивянин по происхождению.⁴⁰⁷ Симы также были колонизированы из Книдоса: об этом городе мы еще упомянем, когда будем говорить о лаконских поселениях. Жители Астипалеи были частично выходцами из [Мегаары](#)⁴⁰⁸; их дорийское происхождение подтверждается диалектом декретов, дошедших до нас⁴⁰⁹; то же обстоятельство позволяет нам признать дорийской колонией [Анафу](#)⁴¹⁰, расположенную рядом с дорийскими островами Тера, [Фолегандрос](#)⁴¹¹ и Мелос; расположение этих островов, вместе образующих цепь через южную часть Эгейского моря, показывает, что они были колонизированы в последовательной и регулярной последовательности. Минд, однако, на материке принял жителей из того же города, что и Галикарнас;⁴¹² возможно, Миласа также имела какие-то связи с дорийцами.⁴¹³ Криасса в Карию была колонизирована жителями [pg 117] дорийского острова Мелос.⁴¹⁴ Даже Синнада и Норикум, расположенные дальше вглубь Фригии, имели жителей дорийского [происхождения](#)⁴¹⁵; однако спартанское поселение в Норикуме - факт, который трудно понять; что же касается первого, то мы совершенно не можем сказать, как дорийцы могли проникнуть так далеко.

Теперь я, хотя и не без некоторой задержки в регулярном ходе этих исследований, рассказал обо всех известных городах на этой территории, которые были основаны дорийцами из Пелопоннеса; если к ним добавить колонии с Родоса на противоположном побережье Азии и города Ликии, основанные на острове Крит, где, несомненно, говорили на дорийском диалекте, то перед нами окажется весьма обширный круг колоний, принадлежавших этой расе. Некоторые из них, вероятно, зависели от более значительных; многие, напротив, стояли совершенно особняком, так как, судя по всему, очень ранние разногласия отделили их от лиги шести [городов](#)⁴¹⁶. Поэтому калимнийцы [pg 118] (или калиднийцы) в более поздний период при возникновении затруднительных тяжб прибегали не к более крупным государствам той же расы, а к иасийцам (которые, хотя и были колонией из Аргоса,

впоследствии узнали привычки и характер ионийской расы по переселению из Милета)⁴¹⁷, а те прислали им пять судей. Это обстоятельство, однако, можно объяснить временным сходством их конституций⁴¹⁸.

3. Таким образом, собрав воедино самые простые исторические сведения об основании этих дорических городов, нам остается рассмотреть мифические повествования, которыми они сопровождаются и которые были придуманы, представляя одни и те же колонии под разными именами и приписывая их основанию ложную древность. То, что так и было на самом деле, видно из мифического рассказа, связанного с колонией Трезен, а именно: "Антес и его сын Аэций, древние князья Трезенцев, в ранние времена основали Галикарнас".⁴¹⁹ Эта традиция, однако, противоречит сама себе, если сравнить ее с дополнительным рассказом Каллимаха,⁴²⁰ "что Антес взял с собой Диманес", который был исключительно гражданским подразделением дорийцев. Поэтому гораздо предпочтительнее следовать утверждению Павсания⁴²¹, что потомки Аэтия перешли в Галикарнас и Мынду спустя долгое время после его смерти. Однако из этого обстоятельства не следует делать вывод, что потомки Аэтия были лидерами колонии, поскольку необходимо, чтобы это были дорийские Гераклиды. Но, по всей вероятности, это была семья, которая культивировала поклонение Посейдону, предпочитая его любому другому, и перенесла его с собой в колонию. Но то, что подобная семья, а вместе с ней традиция и имя Антеса, действительно преобладали в Галикарнасе, видно также из поэтического названия галикарнасцев (Antheadæ)⁴²².

Большое сходство наблюдается и в том, какую роль играет Тлеподем в истории колонизации Родоса. В этом случае мифический герой также представлен как выходец из *Αργος*⁴²³, как и историческая колония, только в более ранний период. Но можно возразить, что колония, как утверждается, прибыла сразу из Эпидавра, а не герой. Однако у нас есть явные следы мифических родосских генеалогий, в которых Тлеподем был представлен как непосредственно связанный с Гераклидами из Эпидавра. Ведь Пиндар отмечает Диагоридов как происходящих по отцовской линии от Зевса, а по материнской - от Аминтора, поскольку оба они были дедами Тлеподема.⁴²⁴ Теперь Дейфонт из Эпидавра также происходил по материнской линии от Аминтора, и был [pg 120] поэтому очень близким родственником Тлеподема. Мы также можем предположить, что в этой аргивской и эпидаврской колонии была семья, которая происходила от Тлеподема, сына Геракла, и таким образом традиции о нем были связаны с этой миграцией.⁴²⁵ Та же самая непоследовательность, которую мы заметили выше, может быть обнаружена и в утверждении Гомера, что колония Тлеподема была разделена на три части, в соответствии с различными расами поселенцев;⁴²⁶ отсюда очевидно, что он всегда считался дорийским принцем.

В-третьих, колонии Кос, Нисир, Карпат и Касос также имели вождей или героических основателей, чья экспедиция, как сообщается, произошла не в то время, когда была основана колония, и отнесена в отдаленный период: Фидипп и Антиф, сыновья Фессала Гераклида, [pg 121] или самого Геракла. Их происхождение басня выводит из вторжения Геракла в Кос, где он забеременел дочерью Эврифила; затем они, как говорят, переселились в Эфиру в Феспротии, а их потомки отправились оттуда в Фессалию, где Алеуады, самая знатная и богатая семья Лариссы, объявили их своими *предками*⁴²⁷. Опять же, я не отрицаю, что семьи Гераклидов в изгнании на Косе вели свое происхождение от обоих этих героев (именно таким образом имя Фессала попало в семью Асклепиадов Гиппократы); но то, что эти семьи родились на самом острове Кос, очевидно, патристическая выдумка коанцев. Как мы видели, существовали традиции относительно Фидиппа и Антифа в Косе, а также в Эфире в

Феспротии; эти традиции басни и поэмы, касающиеся возвращения героев из Трои, пытались примирить, заставляя Антифа достичь Эфиры после ряда странствий, вместо того чтобы отправиться прямо в Кос; предположение, которое не найдет много верующих. Из эпиграммы [Аристотеля](#)⁴²⁸ также ясно, что, согласно традициям Эфиры, этот город считался *родиной* и местом жительства двух героев, а потому прямо противоречил коанской традиции. То, что семья Гераклидов должна была отправиться из Коса в Эфиру в Эпире, противоречит всем другим примерам миграций греческих рас и колоний, а также всему, что мы знаем о рассеянии родов или семей Гераклидов. С другой стороны, часть мифологии Геракла, которая представляется очень древней,⁴²⁹ ссылается на эту Эфиру в Эпире; и [pg 122] тогда было вполне естественно, что с завоеванием Эфиры (сказочный подвиг Геракла) должно быть связано происхождение ветви Гераклидов, которые затем пришли с дорийцами в Пелопоннес, а через эпидаврскую колонию на остров Кос.

4. Выгодное положение этих дорийских городов на островах и мысах, наличие удобных для морского сообщения дорог и гаваней уже в ранние времена привлекло сюда значительное число колоний. Примечательно, что родосцы основали меньше и менее значительные колонии на побережье Малой Азии, чем в странах к западу: ведь, за исключением Перреи, которая до позднейших времен не зависела от этого острова, единственными родосскими городами в Малой Азии были [Гагэ](#)⁴³⁰ и [Коридалла](#)⁴³¹ в Ликии, [Фазелис](#)⁴³² на границе Ликии и Памфилии и Соли в Киликии.⁴³³ С другой стороны, в Olymp. 16. 4. 713 г. до н. э., согласно Фукидиду, примерно во время колонизации Фазелиса, они основали в Сицилии великолепный город Гела, мать города Агригентум. Эта колония была отправлена из Линда, который предоставил своего лидера Антифема (или Дейномена)⁴³⁴. Ее сопровождали жители [pg 123] небольшого острова [Телос](#)⁴³⁵, и в то же время к ним присоединились некоторые критские эмигранты. О том, что среди них преобладали выходцы из первого города, свидетельствует первоначальное название поселения - Λίγδοι - и установленная там религия. Дорические институты были общими для всех вышеупомянутых основателей и, следовательно, были установлены в их поселениях.⁴³⁶ Связь и сношения с этими островами продолжались без перерыва; поэтому в более поздние времена семья Фалариса, прибывшая из Астипалеи, нашла радушный прием в Агригентуме;⁴³⁷ а семья Эмменидов, которая свергла Фалариса, прибыла из того же региона, то есть с Теры.⁴³⁸ Кроме того, Парфенопа в стране Оски и Эльпий, или Салапий, на территории даунов (в основании которых принимали участие жители Коса), несомненно, были поселениями родосцев; и действительно, этот же народ в ранний период проник даже в Иберию и основал там Роду; мы также имеем следы их присутствия в устье [Роны](#)⁴³⁹. Отсюда же, возможно, возник рассказ об экспедиции Тлеполема на Балеарские острова; этот рассказ и утверждение, что Сибарис был [pg 124] основан им, можно понимать просто как мифическое выражение путешествий, предпринятых родьями в западном море.

5. Однако еще большую сложность представляет выяснение подлинной истории нескольких городов в Малой Азии, которые, по преданию, были колониями Аргоса и, как правило, имели величайшую древность. Но не нужно быть абсолютным суевером, чтобы поверить, что Тарс был основан Ио, или Персеем Аргивским,⁴⁴⁰ который, вместе со своим потомком Гераклом, почитался здесь как божество-покровитель;⁴⁴¹ или что Маллус, Мопсуестия, Мопсукрина и Фазелис были основаны аргивскими прорицателями во время Троянской войны.⁴⁴² К ним можно добавить Аспендус в Памфилии, Куриум на Кипре и даже Ионе, близ Антиохии, в [Сирии](#)⁴⁴³, основание которой приписывается аргивянам. Ибо, если не принимать во внимание период, когда древние пелопоннесцы, как представляется, предприняли столь далекие (и в то время невозможные) путешествия вокруг Хелидонских островов, весьма необычно, что Аргос, который ни разу не упоминается среди морских народов Греции,

должен был основать на одной линии побережья ряд колоний в столь связанном порядке и столь бесполезных для себя. Поэтому мы рискуем выдвинуть гипотезу, которая, хотя, возможно, и не может быть полностью доказана, все же имеет достаточно следов, чтобы привести нас к ней, а именно: [pg 125] что все эти города были колонизированы с Родоса; но что, по часто используемой форме, они были выведены от имени Аргоса, матери-страны Родоса, и под покровительством аргивских богов и героев.⁴⁴⁴ В первую очередь, аргивяне и родосцы упоминаются вместе как основатели, как в случае с Соли, которая, тем не менее, защищала родосцев как братское государство перед римским сенатом.⁴⁴⁵ То, как герои принимались в качестве основателей, хорошо иллюстрирует только что упомянутый город. Здесь, как говорят, появился аргивский прорицатель Амфилохий, который, согласно поэмам Гесиода, был предан смерти Аполлоном в Соли.⁴⁴⁶ Следующий пример дает еще более ясное представление о том, как создавались эти басни. Родосцы построили Фазелис одновременно с Гелой (Olymp. 16. 713 г. до н. э.); его основателя называют Лацием, которого дельфийский оракул послал на восток, как Антифема на запад.⁴⁴⁷ В другой части этой работы⁴⁴⁸ показано, что Laci^{us} - это критская форма имени Rhaci^{us}; так звали мужа Манто и отца Мопсуса, древнего мифического пророка из храма в Кларосе. Ибо, не оставляя сомнений в том, что имеется в виду именно этот человек, традиция также говорит, что этот Мопсус, сын Рация, основал Фазелис:⁴⁴⁹ сама Памфилия называется [pg 126] дочерью Рация и Манто;⁴⁵⁰ и, наконец, тот же Лаций представлен как современник Мопсуса, и как посланный Манто в качестве основателя одновременно с последним.⁴⁵¹ Отсюда следует вывод, что не было такого человека, как Лаций, который лично вел линдийцев в Фазелис, но что он был просто мифическим существом и представлял кларианский оракул, который, по-видимому, сотрудничал в этом случае.⁴⁵² Те, кто разбирается в толковании мифических повествований, также сделают вывод, что то же самое было и с его противоположностью, Ἀντιόφημος. Однако, чтобы придать материнскому государству, Аргосу, долю в мифическом рассказе об основании памфилийских колоний, было необходимо, чтобы Амфилохий, принадлежавший к роду Амифаонидов, вместе с Калхасом был как-то связан с ними всеми; и, в сущности, не исключено, что прорицатели из Аргоса, называвшие себя потомками этого пророка и героя, были привлечены родосцами для этой службы.

6. Теперь мы можем несколько глубже проникнуть в неясные традиции киликийских городов Маллуса, Мопсуестии и Мопсукрены. В баснях об основании этих городов Амфилохий и Мопсус всегда упоминаются вместе; в то же время рассказ об их аргивском происхождении очень [pg 127] часто привлекает внимание. Цицерон называет обоих этих пророков царями Аргоса.⁴⁵³ Здесь мы можем также предположить, что прорицатели были привезены из родной страны, и допустить, что пророки амфилохийского оракула Маллуса были на самом деле уроженцами Аргоса; и хотя, как будет показано ниже, влияние кларианского культа также ощущалось,⁴⁵⁴ все же люди, которые были настоящими колонизаторами, могли быть только морскими жителями, такими как родосцы. Однако из-за того, что эти поселения были основаны в очень ранний период, когда все колонии еще полностью зависели от оракулов и, следовательно, всегда находились под руководством пророков, а также из-за того, что изобретательский и творческий дух тогда был в полном расцвете сил, их подлинная история была окутана густым облаком мифологического вымысла, который мы, по крайней мере, начали удалять.

7. Далее мы переходим к коринфским колониям, одно только географическое положение которых дает замечательный результат в отношении морских экспедиций, предпринятых страной-матерью. Хотя у Коринфа было две гавани - Лехейм в Хризее и Ценхрея в Сароническом заливе, очевидно, что все его колонии были отправлены из западного порта. Почти без исключения они были основаны на побережье Ионического моря, у входа в

которое коринфяне, возможно, в очень ранний период, основали город Моликреум.⁴⁵⁵ Несмотря на это, самая первая колония из Коринфа, дата основания которой известна в течение нескольких лет (Olymp. 5. 760-757 гг. до н. э.),⁴⁵⁶ отважилась пересечь [pg 128] Ионическое море и основать в самой красивой части Сицилии знаменитый город Сиракузы. Его основателем был Архиас из Гераклида, вероятно, из рода [Вакхиадов](#)⁴⁵⁷; за ним последовали коринфяне, в основном из [Тенеи](#)⁴⁵⁸, а по дороге к ним присоединились некоторые дорийцы из [Мегары](#)⁴⁵⁹; экспедицию также сопровождал пророк из священного рода Олимпии, Иамиды, чьи потомки процветали в Сиракузах во времена [Пиндара](#)⁴⁶⁰. Однако, судя по всему, Сиракузы в то время заимствовали многие религиозные институты из Олимпии, о чем свидетельствует поклонение Аретузе, Артемиде Ортыгии и Зевсу Олимпийскому.⁴⁶¹ Эти первооснователи построили город на острове Ортыгия, название которого можно объяснить только поклонением только что упомянутой богине. Земли, отобранные у коренных сицилийцев, они разделили на участки, в соответствии с количеством колонистов. Ибо при основании колоний повсеместно применялся метод, при котором авантюристы получали обещание доли в территории, что также называлось лотом. Говорят, что по случаю такого поселения коринфский обжора Эфиоп [pg 129] продал такое обещание своему товарищу за один медовый торт.⁴⁶² Эвмел Вакхиад, знаменитый коринфский поэт, похоже, был одним из этих колонистов,⁴⁶³ так как он упоминается в связи с Архиасом. Хотя дем, или население города, в основном, возможно, состоял из жителей разных народов, которые взяли себя под защиту этой колонии, и хотя территория вокруг была заселена сицилийскими бондами, все же по своему диалекту и, вероятно, в течение значительного периода по своим обычаям Сиракузы оставались чисто дорийским государством: как говорят женщины в "Феокрите",⁴⁶⁴ "Наше происхождение - коринфское, и поэтому мы говорим на пелопоннесском языке. Ибо дорийцам разрешено, я полагаю, говорить по-дорийски". Поэтому сиракузяне были так рады послу из Лукании, который научился говорить по-дорийски, чтобы обращаться к ним на их родном языке.⁴⁶⁵ Сиракузы так быстро росли в численности населения и могуществе, что через семьдесят лет после своего основания колонизировали Акру, а также Энну, расположенную в центре острова; через двадцать лет после этого - город Касмен, а еще через сорок пять - Камарину. Также говорят, что некие беглецы-сиракузяне⁴⁶⁶ по имени Милетиды, вместе с халкидянами из Занкла, основали Гимеру: [pg 130] поэтому диалект, который там использовался, представлял собой смесь халкидского и дорического; но учреждения были полностью халкидскими.

8. Другие коринфские колонии, как уже было отмечено, располагались к востоку от Ионического моря. Ближайшие из них, кроме колонии Моликрей, - Халкис в [Итолии](#)⁴⁶⁷ и Солиум в [Акарнании](#)⁴⁶⁸; далее мы узнаем, что Амбракия была в очень ранние времена основана [Коринфом](#)⁴⁶⁹ и, соответственно, управлялась братом [Периандра](#)⁴⁷⁰; под влиянием этого поселения амфилохийский Аргос сменил свой язык и обычаи на [греческие](#)⁴⁷¹; Анакторий был основан коринфянами под руководством Периандра совместно с коркирянами. В то же время и в связи с теми же лицами они заняли остров [Леукадия](#)⁴⁷²; на владение которым, однако, коринфяне, поскольку в то [pg 131] время они подчинялись Коринфу, не имели справедливых притязаний; и Фемистокл, несомненно, ошибся, приписывая им какое-либо [право](#)⁴⁷³; леукадийцы также всегда оставались твердыми в отношении своего настоящего родительского государства. Далее следует сама Корсира, основание которой Херсикратом [Вакхидом](#)⁴⁷⁴ представлено как вторичное отделение колонии, отправленной в [Сиракузы](#)⁴⁷⁵, но уже в ранний период она стала соперницей матери-государства на Ионическом море, чье древнее могущество, вероятно, было сломлено еще до Персидской войны. На противоположном берегу лежал Эпидамн, город, основанный в основном корсирцами, но под командованием Фалия, сына

Эратоклеида, коринфского Гераклида, которого корсирцы, согласно древнему колониальному праву, послали вместе с некоторыми из его земляков (в Olymр. 38. 2. 629 г. до н. э., согласно Евсевию), а затем были усилены эмигрантами из Диспонттии в Писатисе. И наконец, Гилакс, коринфянин, вместе с 200 своими соотечественниками и большим количеством корсирцев основал Аполлонию во времена Периандра. На этом заканчивается список коринфских колоний, которые образовали прочную и непрерывную цепь вдоль побережья; таким образом, даже варвары внутренних районов, особенно [pg 132] эпироты Феспротии, были вынуждены поддерживать вечную связь с [Коринфом](#)⁴⁷⁶, поэтому и цари линкестов в Македонии считали честью происходить от [вакхиадов](#)⁴⁷⁷. Еще дальше лежал остров Исса, который был колонизирован из Сиракуз.⁴⁷⁸ Корсира же имела поселения вплоть до Фланатийского залива.⁴⁷⁹ Из этих фактов видно, что было время, когда Коринф господствовал в этих морях, и с помощью Корсиры, Амбракии и других городов властвовал над многими народами варваров. Но потеря Корсиры, которая воевала со своей матерью-государством в 28-ю Олимпиаду (около 668 г. до н. э.)⁴⁸⁰ еще до времен Периандра (хотя и была на короткое время вновь приведена в подчинение предприимчивыми Кипселидами), стала для Коринфа неизлечимой раной. Другие колонии, однако, проявляли удивительную покорность.⁴⁸¹ Только после потери своего морского господства в этих краях (событие, которое, тем не менее, произошло до Персидской войны) коринфяне основали Потидею на противоположной стороне Греции в Халкидике, которую они пытались удержать в своей власти, постоянно вмешиваясь в ее внутреннее управление, и с этой целью ежегодно посылали туда магистратов, названных эпидемиургами.⁴⁸²

9. С другой стороны, МЕГАРА, в силу своего положения, была вынуждена отправить даже свои первые колонии в противоположную [pg 133] сторону Греции, на фракийское побережье. Так, в Olymр. 17. 3. 710 г. до н. э. он основал Астеус в [Вифинии](#)⁴⁸³; затем Халкидон, у входа в [Босфор](#)⁴⁸⁴, в Olymр. 26. 2. 675 до н. э. (согласно Евсевию); а 17 лет спустя (Olymр. 30. 3. 658 до н. э.) Византий в более благоприятном месте, напротив Халкидона.⁴⁸⁵ Аргивяне также принимали участие в основании этого города; мы можем доверять общему утверждению Гесихия Милетского, что его косвенная и баснословная история ранних времен этого города была получена от древних поэтов и историков. Ведь передача поклонения Ере (чей храм и в Византии, и в Аргосе находился на цитадели)⁴⁸⁶ и предания об Ио, служительнице аргивянки Ере, подтверждают не допускающие сомнений претензии Аргоса на долю в этой колонии. Ио, изображавшаяся с рогами на лбу, по преданию, родила здесь Зевсу дочь, Кероэссу "Рогатую" по имени (которое, однако, является лишь другим именем самой Ио), которая, будучи вскормлена нимфой Семестрой, впоследствии родила [Визаса](#)⁴⁸⁷. Отсюда басня о корове, переплывающей море, стала свойственна этому месту.⁴⁸⁸ В других отношениях комбинации [pg 134] религиозных церемоний, найденные в Византии, почти в точности напоминали те, что существовали в Мегаре. Более того, византийцы, находясь вдали от родного государства, так бережно хранили память о нем, что перенесли почти все названия родной страны и соседнего региона. На побережье мы находим храм Посейдона, сына которого звали Визас, а также Деметры и Коры; Сциронийские скалы, истмийский мыс с гробницей Гиппостена, мегарейского героя, храм Аполлона на высоком мысе Метопум; алтарь Сарона, притворного героя, чье имя относилось к Сароническому [заливу](#)⁴⁸⁹. Таким образом, Византия никогда не отделялась от своих пелопоннесских предков, хотя и приняла большое количество дополнительных колонистов,⁴⁹⁰ а также управляла фракийскими подданными. Более того, преобладающий диалект, который встречается в некоторых дошедших до нас государственных постановлениях, долгое время оставался дорическим.⁴⁹¹ Византийцы вместе с халкидонянами во время экспедиции Дария против скифов или восстания ионийцев основали Месамбрию на Понте,⁴⁹² которую некоторые считают колонией Мегары. Мегарейцы также основали Селимбрию еще до заселения

Византии,⁴⁹³ и, вероятно, вели отсюда войну с [pg 135] саамийцами в Перинфе,⁴⁹⁴ когда этот остров еще управлялся Геомором, до времен Поликрата. Кроме того, мегарейцы сыграли большую роль в основании Гераклеи на Понте; хотя они были усилены некоторыми танагрцами из Беотии, их численность настолько преобладала, что этот город в целом считался дорийским.⁴⁹⁵

10. Мегара, однако, в то же время основала несколько очень значительных колоний на западе, то есть на Сицилии. Достаточно в общих чертах сказать, что Гибла в Сицилии была мегарейской колонией, основанной в 13-ю Олимпиаду (около 728 г. до н. э.), и даже называлась **Мегапа**⁴⁹⁶. Вероятно, она поддерживала постоянную связь с материнским государством, поскольку [pg 136] Феогнис, который, по словам Платона, был мегарейцем из Сицилии, тем не менее долгое время жил в Мегаре близ Афин, к которой относятся многие его стихи.⁴⁹⁷ Основание небольшого города Трогила и более важного города Тапсос предшествовало строительству Мегары. Столетие спустя некоторые жители Мегары основали Селинус в окрестностях этой части острова, город, которым в ранние времена владели финикийцы, а в более поздние - карфагеняне.

11. Колонии Спарты, которые еще предстоит рассмотреть, были более многочисленными, чем можно было бы ожидать от государства, столь не склонного к морским делам. В истории переселений Гераклидов мы находим колонии Феры, Мелоса, Гортины и Киринеи, которые, хотя ради чести они признавали Спарту своим материнским государством, на самом деле были основаны ахейцами, минийцами и эгидами, жившими в то время в почти полностью независимом состоянии в одном из районов **Лаконии**⁴⁹⁸. Все эти государства, однако, сохранили дорийское название; а Киринея, хотя даже ее основатели женились на ливийских женщинах,⁴⁹⁹ [pg 137] всегда в меру своих сил сохраняла институты, обычаи и язык своей родины.⁵⁰⁰ Основание Цнидоса также произошло в ранний период и обычно приписывается лакедемонянам.⁵⁰¹ Вождь колонии был, согласно Диодору, некто Гиппотес.⁵⁰² Сима также была в то время заселена из Цнидоса.⁵⁰³ Главная религия этого города, религия **Афродиты**⁵⁰⁴ (которой здесь поклонялись в тройном качестве), несомненно, была той же, что существовала на Китере, будучи перенесена лакедемонянами-колонистами. Великолепный город Книдос, защищенный с востока Акрополем, который, как доказывает его циклопическая **архитектура**⁵⁰⁵ и сказочная история, существовал еще до времен дорийцев, был расположен на участке суши с гаванью на каждой стороне, одна из которых была одной из крупнейших в Греции. Будучи от природы приспособленными к торговле, Книдос основал и свои колонии, среди которых Липара, основанная (в Олимпиаде 50, около 580 г. до н. э.) на одном из Эолийских островов под руководством потомков **Гиппотеса**⁵⁰⁶, победила этрусков в нескольких войнах и украсила Дельфы подношениями [pg 138] в честь **победы**⁵⁰⁷. Еще одна колония из Книдоса, примечательная главным образом своей удаленностью от материнской страны, - Черная Корсира, на побережье Иллирии. Сама Лакедемон, однако, как говорят, посылала колонии во Фригию, Писидию и на Кипр. В первой стране спартанец Писистрат, как говорят, основал Норикум близ Келене на реке Марсиас.⁵⁰⁸ Древние обычно считают, что Сельге в Писидии была лакедемонской колонией, и мы часто находим на монетах позднего времени признание этого происхождения. Представителем государства является дорический герой Геракл: более того, свободный дух, храбрость и хорошие законы сельгеев (хотя иногда им приписывают обратное) были заимствованы из их матери-государства.⁵⁰⁹ Борющиеся юноши, схватившиеся друг с другом (*ἀκροχεῖρίζομενοι*), изображенные на их монетах, свидетельствуют о любви к гимнастическим упражнениям. Следует, однако, помнить, что основателями этой колонии были, согласно более точному утверждению, **амиклеяне**⁵¹⁰, то есть беглые периеки, которые, возможно, [pg 139] прошли через Книдос на пути в эти

районы. Похоже, что сельгеи основали [Сагаласс511](#) , который на своих монетах назван Лакедемонским. Возможно, в то же время Праксандр отправился из Ферапны в Лаконии вместе с Кефасом Оленским (оба ахейцы по происхождению) на остров Кипр, где они основали Лапатус и Церонию.[512](#)

12. Но самой знаменитой из всех лакедемонских колоний, которая действительно происходила из Спарты, был Тарентум. История его возникновения погребена в преданиях, в рассказах о первой Мессенской войне; сопутствующие обстоятельства будут упомянуты ниже. Вождем этой колонии был Фалант, сын Арата, Гераклид.[513](#) Тарас же называется сыном Посейдона, поскольку эта колония перенесла поклонение этому божеству из Тейнарума в Италию. Эти эмигранты принесли с собой и другие религиозные обряды, например, поклонение [Гиацинту514](#) , а также многие названия из своей родной страны, например, Евротас, которое они дали реке [Галесу515](#). Но плодородная и пышная [pg 140] территория, на которую они переселились, ее мягкий и сладострастный климат, а также торговля, для которой Тарентум был хорошо [расположен516](#) и всегда открыт (хотя он никогда не занимался ею активно), способствовали появлению той женственности характера, которая дала повод для басни о том, что основатели были сыновьями незамужних женщин (παρθενίαι). Тем не менее, несмотря на все свое вырождение, Тарентум сохранил определенную зависимость от родины: при основании Гераклеи тарентинцы позволили спартанцу Клеандриду стать одним из первых колонистов.[517](#) Дружба книйцев с тарентинцами,[518](#) как и дружба с киринейцами, была основана на признании общего происхождения. Колония Кротон (Olymp. 19. 2. 703 г. до н.э, согласно Евсевию) действительно состояла из ахейцев, прибывших частично из приморского города [Рифея519](#) , а частично из Лаконии:[520](#) однако он, должно быть, был основан под властью дорийского государства Спарта, поскольку Аполлон и Геракл, дорийские бог и герой, почитались здесь с особым [почтением521](#) ; ранняя конституция также была дорийской; и хотя в целом мы не должны искать истину в поэзии Овидия, в данном случае мы можем доверять его утверждению, что основатель Миселл был Гераклидом.[522](#) Точно так же локрийцы, которые (в Олимпии 24. 2. 683 г. до н. э.) основали Локри, должно быть, наняли спартанцев в качестве [вождей523](#) , поскольку (как показывают их монеты) они оказывали особые [pg 141] почести Диоскурам, во время военных бедствий статуи этих богов были присланы им из Спарты, как народу того же [происхождения524](#) ; и даже в Пелопоннесской войне они все еще придерживались дела [Спарты525](#). Совершенно иной характер носили быстрые и временные поселения Дориея, сына Анаксандрида, царя Спарты, которые этот благородный авантюрист основал в Сицилии и Ливии, когда, не желая подчиняться никчемному брату и полагаясь на свои силы, он надеялся завоевать царство в далекой стране.[526](#) Наконец, ликийцы Крита и другие жители этого острова называли себя колонистами Спарты. По всей вероятности, многие из древних дорийских городов этой страны получили новых поселенцев из Лакедемонии; это государство в начале [Олимпиад527](#) , во времена Алкамена и даже при жизни [Ликурга528](#) оказывало весьма значительное влияние на внутренние дела Крита.

Рассмотрев дорийские поселения за пределами Пелопоннеса, мы вернемся к истории [pg 142] этого полуострова, которую разделим на два периода, а именно до и после 40-й Олимпиады, или 620 года до н.э.

Глава VII.

§ 1. Источники ранней истории Пелопоннеса. § 2. Квит Ифита, реестры победителей на Олимпийских и Карнейских играх, реестры в Сикионе и Аргосе. § 3. Реестры спартанских царей. § 4. Спартанские ретры, земельные знаки. § 5. Лирические поэты, устная традиция и политические институты. § 6. Мифический характер Ликурга. § 7. Ликург - основатель священного перемирия в Олимпии. § 8. и 9. Мессенские войны: источники их истории. § 10. Первая Мессенская война. § 11. Вторая Мессенская война. § 12. Влияние в Аркадии, полученное спартанцами. § 13. Ограниченное господство Аргоса в Арголиде. § 14. Споры между Аргосом и Спартой. § 15. Фидон Аргосский. § 16. Дальнейшая борьба между Аргосом и Спартой.

1. Прежде чем приступить к сбору и систематизации сохранившихся сведений о ранней истории Пелопоннеса, необходимо выяснить, из каких источников мы черпаем информацию о событиях этого периода. Ведь эпические поэты, которые вели непрерывный ряд преданий о событиях мифических веков и таким образом набросили на этот темный период слабые отблески, которые во многих местах могут быть сгущены в отчетливый и полезный свет, затрагивают лишь некоторые моменты периода, историю которого мы собираемся изучить. С другой стороны, действительно, в это время искусство письма было введено среди греков благодаря их общению с Азией; но то, что прошло много времени, прежде чем оно [pg 143] вошло в общее употребление, видно из почти удивительного несовершенства тех письменных документов, которые сохранились до нас от даты, предшествующей 60-й Олимпиаде, по сравнению с большим совершенством произведений греческого искусства. По этой причине письмо долгое время считалось в Греции чужеземным ремеслом, а буквы рассматривались (например, в Теанских проклятиях) как финикийские символы. Тем не менее, эти немногочисленные и скудные записи являются первыми материалами для реальной истории и хронологии, дошедшими до нас. Из Пелопоннеса до нас дошли следующие сведения.

2. Квит Ифита, на котором в круге была начертана формула провозглашения священного перемирия в Элисе, и в котором Ифит и Ликург упоминались как его основатели.⁵²⁹ Нет причин сомневаться в его подлинности, которую признавал Аристотель, а учреждение, о котором в нем говорится, рассматривалось всеми древними писателями как реальный факт.⁵³⁰ Во-вторых, списки победителей на Олимпийских играх, ведущиеся непрерывно со времен победы [Хорибуса](#)⁵³¹, в которых всегда отмечались победители в пешем беге, а в более поздние времена, по крайней мере, и в других [играх](#)⁵³². Вероятно, первоначально они были выгравированы на отдельных столбах, а затем собраны под контролем Hellanodicæ.⁵³³ Подобные каталоги победителей в других [pg 144] играх, помимо четырех великих, также, вероятно, не были редкостью, но они обычно были выгравированы на отдельных столбах, и поэтому были мало полезны для историка.⁵³⁴ Имена победителей на Карнейских играх в Спарте также регистрировались, так что Элланик смог составить на их основе сочинение под названием *Καρνεῶνικαί*. Реестр в Сикионе содержал список жриц Эре в Аргосе, поэтов и музыкантов на играх.⁵³⁵ Но в нем также содержались баснословные рассказы: например, об изобретении Амфионом игры и пения на арфе. Не были свободны от басни и каталоги жриц Эре, которые, вероятно, хранились в Аргосе, о чем можно судить по фрагментам хронологического труда Элланика об этих жрицах, который, вероятно, был основан на официальных [каталогах](#)⁵³⁶.

3. В Лакедемонии также существовали государственные реестры, в которых Плутарх нашел упоминание о дочерях [Агесилая](#)⁵³⁷; в этих же реестрах более раннего времени тот же автор обнаружил пифийский оракул, касающийся [Ликурга](#)⁵³⁸, о котором упоминает Геродот в

своей первой книге. В них, несомненно, содержались имена всех царей, а также, вероятно, и годы их правления, вплоть до Прокла, который, согласно вышеприведенному сообщению, умер за год до своего [pg 145] брата Эврисфена.⁵³⁹ Этот факт вряд ли мог быть получен из какого-либо другого источника, кроме некоторых национальных анналов, хотя не исключено, что он был впервые передан в них из устных рассказов; в таком случае, однако, трудно понять, как традиция, вопреки своему общему характеру, сохранила даты. Несомненно, именно на основе этих реестров Харон из Лампсака еще до Геродота составил свой труд под названием "Прытаны, или правители, Лакедемонии"⁵⁴⁰, в котором он также отметил священные жертвоприношения и памятники древних [времен](#)⁵⁴¹. Относительно хронологических трудов Тимея [Полибий](#)⁵⁴² говорит, что "этот писатель с самого начала сравнивал эфоров с лакедемонскими царями, а архонтов в Афинах и жриц в Аргосе - с победителями на Олимпийских играх, и отмечал ошибки, допущенные городами при регистрации, даже когда они различались всего на три месяца". Эратосфен и Аполлодор основывали свою хронологию, особенно до Олимпийских игр, на одном и том же списке [царей](#)⁵⁴³; оба они почти сходились в том, что считали 327 или 328 лет от экспедиции Гераклидов до первой Олимпиады (776 г. до н. э.),⁵⁴⁴ и это вычисление было сделано в соответствии с принципами, принятыми в древней Греции. до н. э.)⁵⁴⁴, что было бы невозможно [pg 146], если бы не была известна продолжительность правления каждого царя; ведь если это вычисление произвести по поколениям, считая примерно от трех до столетия, то получится совсем другое [число](#)⁵⁴⁵. Ликург, однако, помещен Эратосфеном за 108 лет до первой [Олимпиады](#)⁵⁴⁶; в этом вычислении он, несомненно, опирался на авторитет Квита Ифита; это согласуется с утверждением Аполлодора, что Гомер, который, согласно этому хронологу, процветал за 148 лет до первой Олимпиады, был современником Ликурга, когда тот был молодым [человеком](#)⁵⁴⁷. Оказывается, однако, что имя Ликурга не сохранилось ни в одном реестре царей, поскольку в таком случае было бы невозможно, чтобы Геродот назвал его опекуном своего племянника Лабота Эврисфенида,⁵⁴⁸ Симонид (живший в большой близости с царем Павсанием)⁵⁴⁹ сыном Пританиса и братом Евномия Проклида, а другие - сыном Евномия и опекуном его племянника Харилая,⁵⁵⁰ если бы существовала какая-либо генеалогия [pg 147] него, которая была бы достаточно достоверной. Отсюда следует вывод, что эти каталоги содержали имена только царей, но даже не царских опекунов или покровителей, таких как Ликург. С другой стороны, расхождения в перечислении царей незначительны и сводятся к тому, что в родословной Проклида [Геродот](#)⁵⁵¹ (или его переписчики) опускает имя Соуса, которое встречается во всех остальных, и, вопреки Павсанию, меняет порядок следования Евномия и Полидекта. Поскольку имя Полидекта полностью отсутствует у Симонида и Евсевия, можно предположить, что Полидект и Евномий - это разные имена одного и того же царя, и что Полидект был собственным именем, а Евномий - почетным титулом.⁵⁵² При таком предположении мы с достаточной уверенностью получаем следующий ряд царей из линии Проклида - Пританис, Полидект, Харилай. Должны были существовать также реестры имен и годов принцев Коринфа и семьи Вакхиадов, поскольку никто не мог иметь смелости их [придумать](#)⁵⁵³. Действительно, существовало множество [pg 148] родословных, особенно Гераклидов: например, семейств в [Киринее](#)⁵⁵⁴ и [Птолемеях](#)⁵⁵⁵; их авторитет, однако, не мог быть очень велик; в последнем, действительно, нельзя не признать беспринципную руку александрийских льстецов. Древние хроники Элиды, которые видел Павсаний, содержали, по-видимому, полную родословную от Оксила до [Ифита](#)⁵⁵⁶, хотя потомки первого не были царями. Отец Ифита, как утверждается, также носил имя Ифит, что противоречит общепринятому [мнению](#)⁵⁵⁷.

4. Ни один из этих реестров, похоже, не содержал ничего, кроме имен завоевателей на играх (которые редко имеют какое-либо отношение к истории) и принцев с годами их правления.

Если что-то еще и записывалось, то это, возможно, отдельные оракулы, как те, что относятся к истории Спарты у [Геродота](#)⁵⁵⁸, которые, без сомнения, были привезены пифиями в Спарту в письменном виде в очень ранний период. К ним можно, пожалуй, добавить и древние [риторы](#)⁵⁵⁹, под которыми древние дорийцы подразумевали все политические документы, законы и договоры. Самым древним примером последнего вида [pg 149] является договор между элейцами и жителями Герцеговины, обнаруженный сэром Уильямом Геллом,⁵⁶⁰ написание которого настолько грубое, что доказывает, что они мало практиковались в этом искусстве, когда его гравировали. Однако весьма сомнительно, как были составлены спартанские речения Ликурга. Некоторые предполагают, что изначально они были составлены в метрической форме, чтобы их распевала молодежь [Спарты](#)⁵⁶¹; но это опровергается достоверным [свидетельством](#)⁵⁶², что Терпандр из Антиссы, которого спартанцы так высоко почитали, был первым, кто положил эти законы на музыку и придал им метрическую и поэтическую форму; а Терпандр жил только после 26-й Олимпиады, или 672 года до н. э.⁵⁶³ Но ритра, которую Плутарх сохранил как подлинную конституционную формулу, носит поистине архаический характер, поскольку содержит повеление пифийского Аполлона законодателю в инфинитивном настроении и не переходит в стихотворную форму. Я не понимаю, почему она не могла быть написана, так же как и современная надпись на квоите Ифита и древние оракулы, цитируемые Геродотом; по крайней мере, мы не можем объяснить сохранность этих слов каким-либо другим способом. Первоначальные ретры, однако, были очень немногочисленны и составляли лишь ядро системы законов, больше помогая памяти, чем являясь совершенным кодексом; поэтому древние могли с полным основанием сказать, что Залевк был первым, кто зафиксировал законы в письменном [виде](#)⁵⁶⁴. Три ретра, сохранившиеся помимо первого, были всего лишь [pg 150] некими общими формулами, но никак не четкими законами; они имели форму оракула, как исходящие от пифийского [бога](#)⁵⁶⁵, но были написаны полностью [прозой](#)⁵⁶⁶.

Далее в списке общественных памятников следуют *бροι*, или ориентиры территории. Хорошо известно, что мы располагаем такими записями более позднего периода, относящимися к священной территории пифийского Аполлона (в которых упоминаются более ранние исследования амфикифонийских иеромнемонов и древние надписи на межевых камнях), к критским городам, а также к Самосу и Приене, в которых жители Приены ссылаются на древние записи, сохранившиеся со времен Биаса в храме Афины.⁵⁶⁷ На основе этих памятников были также составлены исторические труды.⁵⁶⁸ Теперь, должно быть, подобные записи были и в Пелопоннесе, хотя надписи, с помощью которых мессенцы хотели доказать [pg 151] римлянам свою первоначальную границу с Лаконией, были сделаны, очевидно, только после того, как их восстановил Эпаминондас.⁵⁶⁹

5. Эти документы, будь они в нашем распоряжении, послужили бы ценным фундаментом для отчета о трех веках до начала регулярной истории; но это лишь набросок, который необходимо восполнить из других источников. Частично это можно было бы сделать на основе сочинений лирических поэтов, процветавших в то время, таких как Эвмел, Талет, Тиртэй, Алкман и [Терпандр](#)⁵⁷⁰; эти авторы часто общались со спартанцами и в гораздо большей степени, чем эпические поэты, ввели события того времени в свою поэзию. И на самом деле во фрагментах Тиртея и Алкмены мы находим живое отображение чувств и нравов того времени. Следующим источником информации является устная традиция, которая, хотя и постоянно ошибается в именах и числах, но всегда сообщает что-то существенное; и, наконец, политические институты, продолжающие существовать в более поздние времена, которые имели свое начало в этот период.

Эти, и никакие другие, средства могли быть использованы авторами, писавшими о делах Лаконии в век, когда история приближалась к зрелости, такими как Элланик, Харон и Геродот; и прямо или косвенно они должны были предоставить материалы тем, кто занимался временами Ликурга в более поздний век греческой образованности. Но как мало мы узнаем древнюю [pg 152] простоту и живость, которые характеризуют все подлинные остатки того времени, в историческом стиле Эфора, [Гермиппа571](#) и их последователей. Цель этих писателей состояла в том, чтобы как можно лучше приспособить представления античности к представлениям своего времени и попытаться в той или иной мере представить каждый поступок как исходящий из тех мотивов, которые двигали бы их современниками. Они поистине недрогнувшей рукой счистили почтенную ржавчину древних традиций и, полностью ошибаясь в самых мощных источниках действия, преобладавших в то время, придали всем событиям, о которых сохранились какие-либо записи, связную форму, более подходящую для современной истории. Почти невозможно описать, с каким несчастливym рвением Плутарх, где Ликург лишь воплотил в законах политические чувства своей расы и нации, приписывает этому законодателю планы и взгляды, в целом неудовлетворительные, а зачастую и совершенно детские.

6. Если теперь мы применим вышеизложенный метод к истории Ликурга, то обнаружим, что у нас нет абсолютно никаких сведений о нем как об *отдельном человеке*. Традиция очень правильно представляет его тесно связанным с храмом в Дельфах (которым дорийцы, и особенно государство Спарта, в то время полностью руководили), а также с Критом, самым ранним цивилизованным государством дорийской расы. Эта связь обычно изображалась в виде путешествия в оба места; его гробница также была показана как в Кирре, так и в Пергаме на Крите. Легко представить, что реформы Ликурга вызывали яростное [pg 153] противодействие и приводили к волнениям и беспорядкам.[572](#) Но история о том, как Алкандр выколол один из глаз Ликурга (вероятно, популярная сказка), основана на ложном объяснении титула Палласа Опилетиса.[573](#) Действительно, древнее предание гласило, что он был опекуном спартанского царя; но распространенное сообщение о том, что это был [Харилай574](#), не вполне достоверно, как мы видели выше; и для того, чтобы объяснить и свои путешествия, и регентство, он, как говорят, отрекся от престола, чтобы избежать подозрений.[575](#) Если отбросить все выдумки такого рода, которые имеют почти дух нравоучительной сказки, как Киропедия Ксенофонта, то остается очень мало традиционных преданий. О его законодательстве мы поговорим [ниже576](#).

7. Очень странно, что историки так мало упоминают о действиях Ликурга, которые по важности стоят на втором месте после тех, о которых только что шла [речь577](#); я имею в виду его участие в установлении священного перемирия и игр в Олимпии, которые, без сомнения, стали началом более спокойного состояния дел в Пелопоннесе. Ликург, как представитель дорийской расы, Ифит, представитель итолийцев и элейцев, и [Клеостен578](#), сын [pg 154] Клеоника Пизанского, города, которому принадлежал храм Олимпии и который тогда еще не утратил права управления им, совместно, возможно, с несколькими другими, составили основной закон Пелопоннесского перемирия. Он состоял из двух пунктов. Во-первых, вся территория элейцев (которые после изгнания пизанцев с каждым годом становились все более исключительными хозяевами игр) должна навсегда оставаться свободной от вражеских набегов и опустошений, так что даже вооруженные войска должны были пропускаться только при условии, что они предварительно сложат [оружие579](#); во-вторых, на время праздника должно быть объявлено о прекращении огня и на всей остальной территории Пелопоннеса. Но поскольку между отдельными государствами не было согласия в исчислении времени, и только элейцы знали точное время, когда наступал четырехлетний праздник, а также, возможно, для того, чтобы сделать предписание бога более

впечатляющим, элейцы всегда посылали в разные государства специальных людей, "вестников сезона, элейских перемирителей Зевса" [580](#); эти люди объявляли об олимпийском перемирии сначала своим соотечественникам, а затем другим пелопоннесцам: После этого ни одна армия не должна была вторгаться на чужую территорию. [581](#) Штраф, который должны были заплатить спартанцы в Пелопоннесской войне за то, что отправили [\[pg 155\]](#) солдат после этого срока, составлял две мины за каждого гоплита - ту самую сумму, которая по соглашению пелопоннесцев требовалась для выкупа [военнопленных](#) [582](#) ; отсюда ясно, что нарушители перемирия считались рабами бога и должны были быть снова выкуплены у него. Постановление было вынесено трибуналом храма в Элисе в соответствии с "олимпийским законом". [583](#) Штраф был разделен между элейцами и казной храма в Олимпии. В этот храм также перечислялись все штрафы за нарушение [договоров](#) [584](#) , а иногда целые города были обязаны ежегодно платить богу фиксированную [дань](#) [585](#) . Этими и подобными законами было защищено перемирие, которое, несомненно, было призвано не только обезопасить празднование игр от нарушений, но и обеспечить мирную встречу пелопоннесцев, а значит, дать повод для разрешения споров и заключения союзов. Даже во время Пелопоннесской войны государственные дела решались на этом собрании. [586](#) Но одним из главных последствий Олимпийского фестиваля, по-видимому, было установление более дружественных отношений между этолийской и дорийской расами. Этот факт подтверждается традицией, согласно которой Ифит ввел в Элисе поклонение Гераклу, которое до этого было свойственно дорийцам. [587](#) Аполлон, дорийский бог, в это время также считался покровителем священного перемирия в Олимпии, как мы увидим далее. [588](#)

[\[pg 156\]](#)

8. Теперь мы сразу же переходим к *мессенским войнам*, поскольку вряд ли можно найти хоть одно независимое событие между их началом и временем Ифита. Однако они действительно исторические, поскольку у Тиртея мы имеем почти современный рассказ о первой войне и фактически такой же рассказ о второй. Фрагменты и рассказы его поэм являются нашими главными проводниками для получения правильного знания об этих сделках. И только в них многие обстоятельства предстают в совершенно ином свете, чем в романе Павсания. В последнем спартанцы - только агрессоры, мессенцы - только объекты нападения; но, если послушать Тиртея, первые тоже должны были сражаться за свою страну. Но поскольку даже древние располагали лишь немногими останками Тиртея, а до нас дошла почти вся историческая часть его поэм, откуда Павсаний взял свое обширное повествование и те подробности, которыми он его украсил? Может быть, от древних эпических поэтов? Однако о них нигде не упоминается, и вообще исторические события, если они не были облечены в совершенно сказочную форму, как, например, истории возникновения и основания многих колоний, были совершенно не подвластны ранней поэзии. Конечно, возможно, что в "Наупактии", на которую ссылаются в связи с мифической историей [Мессении](#) [589](#) , иногда встречались исторические заметки, возможно, также в работах Синетона и Евмела: но древние, которым не нравился труд составлять историю из разрозненных фрагментов, вероятно, не давали себе труда обнаружить их. С другой стороны, [\[pg 157\]](#) существовал ряд традиционных легенд, характер которых свидетельствует об их высокой древности; так, у мессенцев Аристомен *трижды* приносил гекатомфонион, или жертву за сотню врагов, убитых в [бою](#) [590](#); были ли это человеческие жертвы - [сомнительно](#) [591](#) . В этом жертвоприношении принимал участие и Феокл, которого называют элеаном, поскольку он принадлежал к роду Иамидов, который, как выяснилось, обосновался в Мессении; но этот род, хотя и рассеялся по разным местам, всегда сохранял свои права в Олимпии. [592](#) Тот же характер можно усмотреть и в легенде о том, что Аристомен трижды подвергался

смертельной опасности. В первом случае, когда его бросили в Каиду, он был спасен лисой, символом Мессении; во втором, когда его стража спала, он обратился к огню и сжег надвое шнуры, связывавшие его [конечности](#)⁵⁹³, история, более определенно происходящая из традиции, чем любовное приключение, которое занимает место у Павсания: в третий раз, когда он попал в руки своих врагов, они вскрыли его грудь и нашли волосатое [сердце](#)⁵⁹⁴.

[pg 158]

9. Подобные предания, вероятно, в разных формах циркулировали среди победивших [лакедемонян](#)⁵⁹⁵, среди беженцев-мессенцев в Италии и Наупакте, подданных мессенцев, оставшихся в стране, и других пелопоннесцев, когда о них вспомнили после восстановления Мессенского государства Эпаминондасом. Еще до битвы при Лектре беотийцы, по совету оракула, повесили в качестве трофея щит [Аристомена](#)⁵⁹⁶, на котором был изображен распростертый [орел](#)⁵⁹⁷, а когда Эпаминонд вспомнил о беглецах из Италии, Сицилии и даже Ливии и возвел их вместе с многочисленными гелотами и людьми, собранными из разных мест, в новое [государство](#)⁵⁹⁸, Аристомен был особо упомянут перед основанием [города](#)⁵⁹⁹. Таким образом, древние традиции получили новое обоснование и развитие в связной форме. За тему, которая начала вызывать столь большой интерес, взялись несколько писателей, из которых нам известны поэт Риан и прозаик Мирон.⁶⁰⁰ Мирон рассказал о первой Мессенской войне вплоть до смерти Аристодема, но, по мнению Павсания, совершенно независимо от того, приводил он ложь и неправду или нет; так, вопреки всем традициям, он ввел Аристомена, [pg 159] героя второй войны, в первую; и писал он с явным предубеждением *против* Спарты.⁶⁰¹ Однако Риан, уроженец Бены на Крите, описал действия Аристомена во второй войне, начиная с битвы у Великой траншеи (Μεγάλη Τάφρος) и до конца войны, как Гомер описал действия Ахилла; и хотя Павсаний опроверг некоторые утверждения Тиртея о конкретных [фактах](#)⁶⁰², он часто следовал ему, особенно в поэтических приукрашиваниях своего повествования.⁶⁰³ Он никогда не упоминает таких историков, как Эфор, Феопомп, Антиох или Каллистен.⁶⁰⁴ Однако Риан, хотя он, возможно, и не принял исключительно мессенский рассказ,⁶⁰⁵ но, насколько мы можем судить по Павсанию, дал волю своей фантазии и смешал многие обстоятельства и обычаи более поздних времен с древней традицией.⁶⁰⁶ Поэтому в наши намерения не входит [pg 160] ни отвлекать читателя непрерывным рассказом об этих вымыслах в ущерб истине, ни утомлять его подробной критикой, но просто изложить ему основные обстоятельства, как они известны с исторической достоверностью.

10. Первая война, по словам Тиртея, длилась девятнадцать лет, а на двадцатый враги покинули свою страну и бежали с горы Итоме.⁶⁰⁷ Тот же авторитет указывает время, прошедшее между первой и второй войнами, а именно: в первой участвовали деды, во второй - внуки.⁶⁰⁸ Дату первой войны определяет Полихарес, который, как утверждается, был ее [автором](#)⁶⁰⁹, победив в беге на [pg 161] 4-й [Олимпиаде](#)⁶¹⁰ (764 г. до н. э.); с этой датой хорошо согласуется и то, что Эвмел, который был современником Архия, основателя Сиракуз (на 5-й Олимпиаде), сочинил поэму для *свободной* Мессении. Павсаний помещает начало (мы не знаем, на каком основании) в Olymр. 9. 2, (743 г. до н. э.), а окончание - девятнадцатью годами позже, Olymр. 14. 1. (724 г. до н. э.) Интервал между двумя войнами, по его мнению (хотя мы не знаем, на каком основании, и вопреки мнению Тиртея), составлял тридцать девять [лет](#)⁶¹¹, так что вторая длилась с Olymр. 23. 4. до Olymр. 28. 1. (или с 685 по 668 г. до н. э.)⁶¹² Однако далее мы увидим, что дата этой войны, вероятно, была позже на несколько лет, хотя и не так поздно, как установил Диодор, согласно которому война началась в Olymр. 35. 3.⁶¹³ Мы также знаем от Тиртея, что спартанским [pg 162] царем, который завершил покорение Мессении, был Теопомп.⁶¹⁴ Что же касается происхождения этой войны, то его

можно проследить прежде всего в росте могущества, которым Спарта до начала Олимпиад была обязана усилиям своего царя Телекла; этому царевичу удалось покорить соседний город Амиклею и поставить в зависимость от Спарты несколько других ахейских городов⁶¹⁵. В самом деле, если мы правильно понимаем изолированное уведомление⁶¹⁶, Телекл разрушил город Недон на границе Мессении и Лаконии⁶¹⁷ и переселил его жителей в города Писса, Эхея и Трагис. Отсюда возникли пограничные войны между дорийцами в Спарте и в Стеникларе. Храм Артемиды Лимнатис⁶¹⁸, владение которым оспаривалось между двумя народами (хотя его праздник был общим для обоих), послужил, как можно узнать из романа Павсания⁶¹⁹, непосредственным поводом для войны. Ведь еще при Тиберии лакедемоняне подкрепляли свои притязания на этот храм древними анналами и оракулами⁶²⁰, а мессенцы, напротив, приводили уже цитированный документ, согласно которому этот храм вместе со всей территорией Дентелеатиса, на которой он находился, принадлежал им. Раздоры в Мессении, должно быть, [pg 163] ускорили начало войны, поскольку известно, что Гиамия, одна из пяти провинций Мессении, была отдана спартанцами Андроклидам, ветви рода Эпитидов⁶²¹. История первой войны содержит следы высокой и возвышенной поэтической традиции: например, Аристодем, хотя и готов был утишить гнев богов кровью собственной дочери⁶²², все же не смог осуществить свою цель; девица была предана смерти напрасно; и после этого, признав волю богов, чтобы Мессения пала, и будучи напуган предзнаменованиями, он зарезал себя на могиле своего убитого ребенка⁶²³. Война, по-видимому, велась главным образом в окрестностях Истома, крепость которой, расположенная посреди страны, выходила на равнину Стениклара и Памиса. Покорение этой крепости неизбежно повлекло за собой порабощение всей страны, и многие мессенцы начали эмигрировать. С этим событием связана дорийская колония Регий. Гераклid Понтийский⁶²⁴ просто рассказывает, что некоторые мессенцы (оказавшиеся в это время в Мацисте в Трифилии из-за нарушения спартанских девственников) присоединились к халкидским основателям этого города (которые были высланы из Дельф). Вероятно, он имеет в виду тех мессенцев, которые хотели возместить ущерб за нарушение спартанских девственников в храме Артемиды Лимнатис и в результате были [pg 164] изгнаны своими соотечественниками⁶²⁵. Но, согласно Павсанию⁶²⁶, даже эта группа мессенцев получила округ Гиамия; и мессенцы переселились в Регий только после взятия Итома при Алкидамиде и после второй мессенской войны при Горге и Мантикле, сыне Феокла, одного из Иамидов⁶²⁷. Тиран Анаксилай (живший после 70 г.) впоследствии вел свой род от мессенцев⁶²⁸ которые в целом составляли первую аристократию города Региума.⁶²⁹

Основание Тарентума связано с историей первой Мессенской войны; но оно облечено в такие невразумительные басни (в основном, возможно, из-за незнания лакедемонских институтов), что все, что мы можем из них узнать, это то, что Тарентум был основан в то время из Спарты.⁶³⁰

11. Во фрагменте Тиртея мы находим несколько очень отчетливых следов состояния подданных Мессении после первой войны, которые будут отдельно рассмотрены далее. Вторая война явно разразилась в северо-восточной части страны, на границе с Аркадией, где находились древние города Андания и Æchalia. По всей вероятности, эта территория никогда не была покорена [pg 165] спартанцами. Аристомен, герой этой войны, родился в Андании,⁶³¹ из этого города он досаждал спартанцам постоянными вторжениями и нападениями. В своем первом походе он дошел до равнины Стениклар, но после победы при Кабаньей могиле вернулся в Анданию. Но эта попытка мессенцев восстановить свою независимость приобрела серьезное значение благодаря тому, что в ней приняли участие большая часть государств Пелопоннеса. Страбон⁶³², цитируя Тиртея, утверждает, что в этой борьбе мессенцам помогали элейцы, аргивяне, аркадяне и пизанцы⁶³³. Пизанцев

возглавлял Панталеон, сын Омфалиона, который праздновал 34-ю Олимпиаду вместо [элейцев634](#) , что позволяет нам точно установить время (644 г. до н. э.). Во главе аркадян стоял Аристократ, которого Павсаний называет трапезунтцем, сыном Гикета, и упоминает [pg 166] его предательство в битве у Траншей, после чего аркадяне лишили его семью суверенитета Аркадии.[635](#) Тот же рассказ приводит и [Каллистен636](#) , и оба автора цитируют надпись на столбе, воздвигнутом у горного алтаря Зевса Ликейского в память об обнаружении предателя. Теперь мы знаем из достоверных [источников637](#) , что Аристократ был на самом деле царем только Орхомена в Аркадии,[638](#) где его семья была так далека от потери суверенитета, что его сын Аристодам правил им, а также большей частью Аркадии. Дата правления [Аристодама639](#), по-видимому, относится к 680-640 гг. до н. э.[640](#)

Таким образом, в этой войне лакедемоняне были действительно потеснены превосходящим по силе противником, о чем упоминает Тиртеус. Тем временем Спарте помогали коринфяне,[641](#) возможно, [pg 167] лепреаты,[642](#) и даже некоторые корабли саамов,[643](#) но главным образом Тиртэй из Афидны, которого абсурдная и искаженная басня превратила в хромого афинского школьного учителя. Тот факт, что Спарта искала воинственного менестреля в Афиднах, можно объяснить ее древними связями с этим районом Аттики, который, как говорят, находился в руках Диоскуров. Вопрос о том, принадлежала ли в то время Афидна Аттике и подчинялась ли она Афинам, мы оставим без ответа; но, похоже, нет никаких оснований заключать вместе со Страбоном на основании отрывка из самого Тиртея, что вся традиция была ложной и что Тиртей был лакедемонянином по рождению,[644](#) хотя он, несомненно, стал им по усыновлению. К сожалению, у нас очень мало сведений о войне Спарты с остальными [pg 168] [пелопоннесцами645](#) , но мессенцы в более поздний период ушли из Андании в Эйру, горную крепость на реке Неда, пограничной с Аркадией, недалеко от морского побережья. Когда они были вынуждены покинуть эту крепость, их приняли сначала аркадяне, их древние и верные союзники (которые, согласно преданию, отдали им в жены своих [дочерей646](#)); затем изгнанники попросили убежища у своих сородичей в Регии. Сам Аристомен (если он не был предан смерти спартанцами), как говорят, умер на Родосе, в доме знатного рода [Эратидов647](#).

12. Кроме владения Мессенией, ничто не имело для спартанцев такого значения, как влияние, которое они приобрели на города Аркадии. Но каким образом они попали в их руки, известно очень мало.[648](#) Во время Мессенской войны Аркадия постоянно выступала против Спарты. Так, в 659 году до н. э. спартанцы внезапно напали на город Фигалею, расположенный в углу Мессении и Трифилии, и взяли его, но вскоре были вытеснены оттуда соседними орестасийцами.[649](#) Но местом, которого больше всего боялась [pg 169] Спарта, как одного из самых мощных кантонов Аркадии и главного входа в Лаконию, была Тегея. Говорят, что Харилай, один из первых царей Спарты, был вынужден из-за доблести тегейских женщин подчиниться позорному договору.[650](#) В более поздний период, при Эврикрате и Леоне Эврисфениде,[651](#) Спарта страдала от того же государства,[652](#) пока, наконец, не получила превосходство при следующем царе Анаксандриде. Однако не только изобретательность горного племени в защите и укреплении своих дефиле сделала победу столь трудной для спартанцев; хотя перевал, отделяющий Тегею от Лаконии и даже в настоящее время сохранивший остатки оборонительных стен, сослужил большую службу в отражении вторжений из [Лаконии653](#) , Тегея была грозной и в открытом поле благодаря своим тяжеловооруженным войскам, которые в более поздние времена всегда занимали второе место в союзной армии Пелопоннеса.[654](#)

13. Аргос никогда не пользовался в Арголиде таким большим авторитетом, как Спарта в Лаконии, поскольку в первой стране дорийцы разделились на несколько древних и

значительных городов⁶⁵⁵, а лишить дорийцев их независимости, по-видимому, было [pg 170] более противоречащим принципам этой расы, чем изгнать их, как спартанцы сделали с мессенцами. Таким образом, Аргос был вынужден довольствоваться созданием лиги, которая должна была объединить силы страны для общей обороны и регулировать все внутренние дела. Подобный союз действительно существовал, хотя и не достиг своей цели. Вероятно, он был связан с храмом Аполлона Пифея, который, как мы отмечали выше, считался общим для эпидавров и дриопийцев. Аргивский амфикиционный совет упоминается в рассказе о Мессенской войне⁶⁵⁶, и это, очевидно, не выдумка, хотя и ошибочно введенная туда. То, что он все еще продолжал существовать в 66-ю Олимпиаду, ясно из того факта, что, когда жители Сикиона и Эгины предоставили Клеомену корабли для использования против Аргоса, каждый город был приговорен к уплате штрафа в 500 талантов.⁶⁵⁷ Эти штрафы могли быть наложены Аргосом не как отдельным городом, а от имени конфедерации, которая была ослаблена и ущемлена этим актом. Мы находим, что элейцы могли налагать подобные штрафы от имени олимпийского Зевса.⁶⁵⁸ Но сам приведенный случай показывает, насколько непримиримым было поведение членов этого союза по отношению к мерам, принятым главным конфедератом.

14. К этим внутренним разногласиям добавились постоянные споры с Лакедемоном. Геродот утверждает, [pg 171] что в древние времена (т.е. около 50-й Олимпиады или 580 г. до н.э.) все восточное побережье Пелопоннеса до Малей (включающей города Прасия, Кифанта, Эпидавр Лимера и Эпиделиум), вместе с Китерой и другими островами, принадлежало аргивянам⁶⁵⁹. Согласно рассказу Павсания, территория Кинурии, долины между двумя горными хребтами, на границе Лаконии и Аргоса, населенная коренными пелопоннесцами, с ранних времен была вечным предметом спора между двумя государствами. Лакедемоняне покорили этот район в царствование Эхестрата и Эврипона.⁶⁶⁰ В царствование Лабота и Пританиса спартанцы жаловались на попытку аргивян отторгнуть привязанность своих периеков в Кинурии.⁶⁶¹ Однако, поскольку мы не знаем, каким авторитетом подкреплено это утверждение, мы позволим ему опираться на собственные достоинства. В царствование Харилая лакедемоняне опустошили территорию Аргоса.⁶⁶² Его сын Никандр заключил союз с дриопийцами Асина против Аргоса. Соответственно, этот народ был изгнан Эратом, аргивским царем, из своего города,⁶⁶³ и бежал к своим союзникам в Лаконию; от них он получил, после окончания первой Мессенской войны, приморский район, где построил новый Асин, и долгое время сохранял свои национальные нравы,⁶⁶⁴ а также связь с древним религиозным [pg 172] поклонением своих сородичей, жителей Гермियोны.⁶⁶⁵

15. Более ясным моментом в аргивской и пелопоннесской истории является правление Фидона. Рассказы об этом царевиче были собраны и рассмотрены в другой работе, поэтому здесь просто необходимо повторить результат.⁶⁶⁶ Фидон Аргивянин, сын Аристодамида, происходил из царского рода Темена, власть которого, правда, со времен Медона, сына Цейса, сильно уменьшилась, но все же долгое время оставалась в силе. Фидон преодолел ограничения, сковывавшие его власть, и поэтому, вопреки древнему словоупотреблению, был назван тираном. Поначалу его взгляды были направлены на то, чтобы поставить независимые города Арголиды в зависимость от Аргоса. Он предпринял войну против Коринфа, который впоследствии ему удалось разрушить. По всей вероятности, Эпидавр и, конечно, Эгина принадлежали ему; ни один из других окрестных городов не смог противостоять смелому и решительному завоевателю.⁶⁶⁷ Завершающим штрихом [pg 173] его достижений, очевидно, стало проведение Олимпийских игр, на которых он, как потомок Геракла (первого завоевателя Олимпии), упразднив этолийско-эльские элладодики, председательствовал совместно с жителями Пизы, древнего города Пелопса, который и в это время, и много веков спустя не отказался от претензий на руководство праздником. Это

обстоятельство также позволяет нам с уверенностью определить период его правления, поскольку в элейских реестрах 8-я Олимпиада отмечена как проведенная им (747 год до н. э.). Но именно эта узурпация объединила против него элейцев и лакедемонян, что и привело к его свержению. Пока начинания Фидона оставались без пользы для его преемников, потомство осуждало его как самого хищного из тиранов Греции; но если бы ему удалось установить постоянное положение дел, он получил бы равные почести с Ликургом. Тем не менее, несмотря на неудачу, некоторые из его учреждений остались в живых и украшают память о нем. Известно, что он уравнил все веса и меры в Пелопоннесе, которые до его времени были разными в каждом государстве; он также был первым, кто чеканил деньги. Ему удалось сделать и то, и другое с большим успехом, поскольку в его владениях находились два единственных торговых города, принадлежавших в то время Пелопоннесу, - Коринф (поэтому его иногда называют коринфянином) и Эгина. По самым точным сведениям, он впервые отчеканил серебряные [деньги](#)⁶⁶⁸ в Эгине (где в то время, несомненно, существовали кузницы) и, пустив их в обращение, освятил древние и [\[pg 174\]](#) тогда бесполезные слитки металла в Аргосе, где они выставлялись в более поздние времена перед чужестранцами.⁶⁶⁹ Многие из древнейших драхм Эгины с изображением черепахи, возможно, относятся к этому периоду, поскольку греческие монеты, выпущенные до Пелопоннесской войны, свидетельствуют о многовековом прогрессе в искусстве чеканки денег. Однако и тех, что мы имеем, достаточно, чтобы показать, что по всему Пелопоннесу был распространен один и тот же [стандарт](#)⁶⁷⁰, а различия в весе, мере и стандарте были введены только после Пелопоннесской войны. Во второй раз это было отменено Ахейской лигой, и было восстановлено равенство [мер](#)⁶⁷¹.

16. После падения Фидона старый спор с Лакедемоном все еще продолжался.⁶⁷² В 15-ю Олимпиаду (720 г. до н. э.) война за пограничную территорию Кинурии вспыхнула вновь;⁶⁷³ аргивяне теперь удерживали ее некоторое время,⁶⁷⁴ и закрепили за собой владение этим районом главным образом благодаря победе при Гисие в Олимпии. 27. 4. (669 г. до н. э.⁶⁷⁵) И они удерживали его до времени Крѐза (Olymp. 58.), когда они потеряли его в знаменитой битве трехсот, в которой Отриада, [\[pg 175\]](#) хотя и потерявшая сознание от ран, воздвигла трофей победы для Спарты:⁶⁷⁶ история тем более сказочная, что она была отмечена священными песнями в Гимнопедии.⁶⁷⁷ Как ни незначительна была [территория](#)⁶⁷⁸, за которую было пролито столько крови, но ее обладание решило, кому быть ведущей державой в Пелопоннесе. Только после этого Клеомен, в правление которого граница Лакедемонии проходила у маленькой речки Эрасин, смог успешно атаковать Аргос.

Власть Аргоса в окрестностях города была очень ненадежной и колеблющейся. К концу второй Мессенской войны Аргос захватил соседний город Науплию; лакедемоняне отдали изгнанным жителям Метону в Мессении.⁶⁷⁹ Храм в Немее, в горах по направлению к Коринфу, по своему положению принадлежал независимому дорийскому городу Клеоне; аргивяне отняли его у них до Олимпиады. 53. 1. 568 г. до н. э.⁶⁸⁰ [\[pg 176\]](#) и отныне праздновали игры Зевса. Однако аргивяне снова потеряли его, и за некоторое время до 80-й Олимпиады клеонцы снова регулировали [праздник](#)⁶⁸¹, и, вероятно, недолго сохраняли эту привилегию. Вероятно, около 580 г. до н. э. город Орнея, расположенный между Аргосом и Сикионом, который издревле вел войны с последним, был подчинен первому, отчего аргосские перизеки получили общее название орнеатов; к этому классу принадлежали и кинурийцы до битвы при Тирее.⁶⁸² Но эти события относятся к периоду, к истории которого мы сейчас приступаем и который мы в целом обозначим как время тиранов.

Глава VIII.

§ 1. Дорические принципы правления, противопоставленные деспотической (или тиранической) власти. § 2. Тираны Сикиона. § 3. Тираны Коринфа. § 4. Эпидавр и Мегара, свергнутые Спартой. § 5. Другие тираны, свергнутые Спартой. § 6. Экспедиция Клеомена против Аргоса. § 7. Внутренняя история Аргоса. § 8. Состязания между Мегарой и Афинами.

1. Тема этой главы может быть лучше всего выражена словами Фукидида:⁶⁸³ "Тираны Афин и остальной Греции, из которых многие [pg 177] государства управлялись тиранами до афинян, были, за исключением сицилийских, в большинстве случаев, и особенно в более поздние времена, свергнуты лакедемонянами, чье государство никогда не находилось под деспотическим управлением, и которые, став могущественными благодаря раннему установлению собственной конституции, получили возможность устраивать по своему вкусу правительства других государств." Примечательным обстоятельством в истории Греции является то, что в один и тот же период времени тираны повсеместно получали верховную власть в дорических, ионических и эолийских городах; доказательство того, что, хотя эти народы произошли от разных рас, один и тот же этап в развитии общественной жизни везде сопровождался одними и теми же явлениями. Только те государства, в которых черты дорического характера были наиболее ярко выражены, а именно Спарта и Аргос, сопротивлялись этому влиянию; и в целом мы увидим, что тираны получили свою власть именно путем подрыва дорических принципов. Это станет очевидным, если мы рассмотрим абсолютные монархии в дорийских государствах Пелопоннеса.

2. Жители Сикиона в древности отличались от других дорийцев живым и возбудимым темпераментом, а также склонностью, которую они в ранний период передали своему мифическому герою Адрасту, чей "язык был мягко убедителен".⁶⁸⁴ Однако именно эта склонность при реальном положении дел открывала путь к тирании. В данном случае [pg 178] Сикиона, как и во многих других, тираном был лидер низших классов, выступавших против аристократии. Именно в этом качестве выступил Ортагор, который, не будучи выходцем из древнего рода, назывался вельможами кухаркой.⁶⁸⁵ Но, несмотря на свое низкое происхождение, семья этого человека сохраняла верховенство дольше, чем любая другая, по словам [Аристотеля](#)⁶⁸⁶, в течение целого столетия, поскольку они не жестоко обращались с гражданами и в целом соблюдали законы. Их сменяли друг друга Ортагор, Андреас, Мирон, Аристоним и [Клисфен](#)⁶⁸⁷, из которых, однако, второй и четвертый никогда не вступали на престол или правили лишь короткое время. Мирон был победителем в Олимпии на соревнованиях колесниц в 33-ю Олимпиаду (648 г. до н. э.), после чего построил сокровищницу, в которой два апартамента были инкрустированы тартесской латунью и украшены дорическими и ионическими колоннами.⁶⁸⁸ И архитектурные ордера, использованные в этом здании, и тартесская латунь, которую фокейцы в то время в большом количестве привезли в Грецию от гостеприимного царя Аргантония,⁶⁸⁹ свидетельствуют о сношениях Мирона с азиатами; в дальнейшем мы увидим, что эта же переписка имела большое значение для мер других тиранов. Клисфен, по-видимому, использовал насилие [pg 179] для получения [суверенитета](#)⁶⁹⁰, который он удерживал непоколебимо, отчасти наводя ужас своей военной славой и ратными подвигами, а отчасти заручаясь поддержкой народа путем введения в конституцию некоторых демократических элементов. Что касается последней меры, то необычные изменения, которые он произвел в племенах Сикиона, будут объяснены ниже.⁶⁹¹ Здесь же отметим только, что Клисфен сам принадлежал к этому племени, которое не было дорийского происхождения; и в то время как он старался возвысить последнее, он в то же время стремился угнетать и даже бесчестить дорийские племена, так что он полностью разрушил и перевернул все положение вещей, которое

существовало ранее. По этой причине Клисфен враждовал с Аргосом, главным дорийским городом этого района.⁶⁹² По той же причине он запретил поклонение аргивскому герою Адрасту и вместо него стал поклоняться Дионису, божеству, чуждому дорийскому характеру; и, наконец, запретил гомеровским рапсодам входить в город, потому что Гомер прославил Аргос и, мы можем добавить, аристократическую форму правления. Эти характерные черты смелого и всеобъемлющего ума можно почерпнуть из живого повествования Геродота. Ту же политическую тенденцию унаследовал его зять Мегакл, муж прекрасной Агаристе, чтобы добиться руки Елены, за которой во дворце Клисфена собралось множество соперничающих юношей, подобно [pg 180] старым женихам;⁶⁹³ и она особенно проявилась в Клисфене Афинском, который изменил афинскую конституцию, упразднив последние следы разделения сословий. Что же касается военных действий Клисфена, то он, должно быть, славился своей доблестью, поскольку в войне амфикионов против Кирры, хотя пифийская жрица и осудила его как камнеметателя (то есть человека самого низкого ранга)⁶⁹⁴, он разделил главное командование войском с фессалийским Гераклидом Эврилохом и помог завоевать город⁶⁹⁵. Это произошло в третий год 47-й Олимпиады, или 592 г. до н. э.⁶⁹⁶ Из награбленного города Клисфен построил портик для украшения Сикиона;⁶⁹⁷ он также был победителем в гонках на колесницах на второй Пифиаде (Olymp. 49. 3. 584 г. до н. э.)⁶⁹⁸ Из разрозненных рассказов об этом царевиче можно, пожалуй, составить представление о его характере. Клисфен, несомненно, был человеком, который сумел уловить дух времени, нацеленный на большую свободу и возбуждение - прямо противоположный устоявшемуся спокойствию дорийцев; сочетая таланты и разносторонность с любовью к пышности и зрелищам, он высмеивал [pg 181] многие вещи, на которые до сих пор смотрели с благоговением, и не ставил границ своей любви к переменам. Несмотря на эти качества, он был, как можно судить по общему свидетельству Фукидида, свергнут Спартой, возможно, вскоре после 580 года до н. э.⁶⁹⁹; древнее положение вещей было восстановлено в Сикионе лишь через 60 лет после этого⁷⁰⁰, в течение которых правил другой тиран по имени Эсхин, принадлежавший, однако, к другой семье.

3. Коринфские **тираны**⁷⁰¹ были почти единомышленниками сицилийских, поскольку первые, не принадлежа к дорийской знати, находились в том же положении, что и последние по отношению к этому сословию. В Коринфе до начала династии тиранов правящая власть принадлежала **многочисленному**⁷⁰² клану Гераклидов Вакхиадов, который превратил первоначальную конституцию в олигархию, отделив себя, как касту, от всех других семей, и только он один обеспечивал город ежегодными пританами, главными магистратами. Кипсел, сын Аэтиона, внук Эхекрата, родом из коринфского района **Петра**⁷⁰³, не дорийского происхождения, хотя и связанный по материнской линии с Вакхиадами, одолел при помощи опять же низших **классов**⁷⁰⁴ олигархов, ставших теперь одиозными из-за своей **роскоши**⁷⁰⁵ и наглости, большая часть которых добровольно или по принуждению покинула Коринф;⁷⁰⁶ и Кипсел стал тираном около 30-й [pg 182] Олимпиады (660 г. до н. э.),⁷⁰⁷ из которой он вышел. До н. э.),⁷⁰⁷ от неспособности народа самостоятельно управлять собой. Как бы жестоко ни обвинял этого князя коринфский оратор Геродот, в целом суждение античности было совершенно иным. Кипсел был мирного нрава, правил без **телохранителей**⁷⁰⁸ и никогда не забывал, что взошел на трон от демагога. Он также занимался строительством, то ли из любви к искусству, то ли для того, чтобы занять народ. Сокровищница в Дельфах и платаны - дело его рук.⁷⁰⁹ Ему наследовал его сын Периандр, который поначалу был таким же или более мягким, чем его отец.⁷¹⁰ Вскоре, однако, его поведение стало заметно более жестоким, и, по словам Геродота, его подстрекала переписка с Фрасибулом, тираном Милета, который советовал ему всеми способами ослабить или даже истребить аристократию своего города.⁷¹¹ Многие из его действий, очевидно, были продиктованы желанием полностью искоренить особенности дорийской расы, которые были тесно

связаны с аристократическим духом. По этой причине он упразднил общественные столы и запретил древнее образование.⁷¹² Он поражал народ своим военным великолепием и держал триремы на обоих побережьях перешейка [pg 183];⁷¹³ свою персону он охранял тремя сотнями телохранителей.⁷¹⁴ Поддерживать мир в городе и избегать любых насильственных беспорядков было принципом, от соблюдения которого зависела безопасность его владычества, и на котором была основана полная система правил. С этой целью он упразднил уголовный суд⁷¹⁵ для осуждения тех, кто расточал свое достояние, поскольку люди в таком положении могли стать новаторами. Он запретил неумеренную роскошь и чрезмерное количество рабов. Безделье он считал особенно опасным. Он так мало придерживался демократических принципов своего отца, что изгнал народ из города⁷¹⁶, а чтобы приучить его к сельскохозяйственному и механическому труду, разрешил носить крестьянскую одежду.⁷¹⁷ Его собственные расходы были незначительны, и поэтому он не требовал других налогов, кроме портовых сборов и рыночных пошлин. Он также избегал насилия и открытой несправедливости там, где этого не требовали его проекты, и даже иногда так строго следил за общественной моралью, что многочисленные сводницы роскошного Коринфа по его приказу были брошены в море⁷¹⁸; гостеприимные девы Афродиты⁷¹⁹ были защищены религией. Он, как и его отец, сделал строительство [pg 184] великолепных памятников искусства⁷²⁰ средством обложения налогом имущества богатых и использования тела народа; хотя его собственный изысканный вкус получал удовольствие от таких работ. И в целом, если рассматривать эпоху тиранов с точки зрения развития вкуса и интеллекта, а также интересов сельского хозяйства и торговли, она дала очень большой прогресс греческим государствам. Непокорный нрав, строгий в соблюдении всех древних обычаев и устоев, был тогда впервые смят и покорен, и стали преобладать более либеральные и широкие взгляды. Тираны часто вступали в тесные связи с жителями Малой Азии, которых Спарта презирала за роскошь и распутство; а от лидийского султана в его гареме в Сардах через милетских и самосских князей была установлена связь, очень важная по своим последствиям, со странами, находящимися в непосредственной близости от Спарты. Периандр состоял в переписке не только с Фрасибулом, но и с Халиаттом, царем Лидии, и послал последнему несколько корсирских юношей для кастрации по восточному обычаю.⁷²¹ Имена его родственников, Псамметиха и Гордия, последнего фригийца, первого египтянина, свидетельствуют о гостеприимном общении с этими странами. На другой стороне Греции политика Кипселидов привела к тому, что они попытались занять побережье [pg 185] Ионического моря вплоть до Иллирии и установить связь с варварскими народами внутренней части страны.⁷²² Периандр обладал смелым и всеобъемлющим духом, с которым мало кто из его современников мог соперничать: смелый в поле, политичный в советах, хотя и введенный в заблуждение постоянным недоверием, чтобы предпринять недостойные меры, и слишком мало заботившийся о благе народа, когда оно мешало его собственным замыслам; друг искусств, просвещенный ум, но в то же время побежденный силой своих страстей; и, хотя лишенный благоговения перед всеми святынями, временами становившийся жертвой самого отвратительного суеверия. После смерти Периандра на престол вступил Псамметих⁷²³, сын Гордия, из той же семьи, но царствовал он всего три года, будучи, без сомнения, свергнут спартанцами в Олимпии. 49. 3. 582 Г. ДО Н. Э.⁷²⁴

[pg 186]

4. Периандр был женат на прекрасной Мелиссе, красота которой пленила его в доме ее отца, тирана Прокла, когда она в тонком дорическом платье раздавала вино рабочим⁷²⁵. Прокл был правителем Эпидавра и острова Эгина, которые в то время были еще тесно объединены; он сам состоял в браке с князьями Орхомена и, судя по этому обстоятельству, а также по его

связи с семьей Кипсела, принадлежал к числу тиранов, которые, будучи враждебны дорийской аристократии, получали свою власть с помощью низших сословий.

А если добавить, что Теаген из Мегары, тесть афинянина Килона, [726](#) по своему поведению в точности напоминал уже упомянутых князей (ведь он тоже получил свою власть, нападая [pg 187] богатых землевладельцев и убивая их стада на пастбищах у реки), [727](#) и что, как и другие, он старался порадовать народ, украшая город, строя акведуки и красивые фонтаны; [728](#) Легко заметить, что династии сицилийских, коринфских, эпидаврских и мегарийских тиранов составляли мощную коалицию против господства дорийцев и древних принципов этой расы, тем более мощную, что они умели подчинить своим целям мнения, возникшие в последнее время; и удивительно, что Спарте удалось свергнуть эту комбинацию.

5. Если, конечно, принять во внимание, что ионические, а также эолийские и [дорические](#) [729](#) острова и города [pg 188] Азии, а также Афины, Фоки, Фессалия и колонии в Сицилии и Италии находились в руках тиранов, которые, несомненно, помогали друг другу и знали свои общие интересы; И что только Спарта, в большинстве случаев по наущению дельфийского оракула, объявила всем этим правителям продолжительную войну и фактически свергла их всех, за исключением сицилийских тиранов; следует признать, что в этот период греческой истории не происходило ни одного более крупного поединка, ни по своим масштабам, ни по своим принципам не имевшего более важных политических и моральных последствий. Следующие тираны, как утверждают древние историки, были свергнуты [спартанцами](#) [730](#) : Кипселиды из Коринфа и Амбракии, первая - в Олимп. 49. 3. (584 г. до н. э.), второй, вероятно, несколько позже; Писистратиды из Афин, которые были в союзе с фессалийцами, в Олимп. 67. 3. (510 г. до н. э.) [731](#) ; их приверженец Лигдамис из [Наксоса](#) [732](#) , вероятно, примерно в то же время: Эсхинес из Сикиона, около [pg 189] 65-й [Олимпиады](#) [733](#) (520 г. до н. э.); Симмах из Фасоса; Аулис из Фокиса; Аристоклен из Милета, о которых мы знаем только [имена](#) [734](#) ; большее число было свергнуто при царях Анаксандриде и Аристоне, Клеомене и Демарате. Некоторых из этих тиранов они свергали с помощью военной силы, как Писистратидов; но чаще, как говорит Плутарх, они свергали деспотию, "не шевеля щитом", посылая глашатая, которому все немедленно подчинялись, "как при появлении пчелиной королевы остальные выстраиваются в порядке" [735](#).) Спарта вместе с коринфскими и другими союзниками отправила большое войско против Поликрата Самосского, первой дорийской экспедиции в Азию, но, как видно из банальной причины, указанной Геродотом, не для того, чтобы отомстить за разграбление котла и нагрудника, а для того, чтобы следовать своему принципу свержения всех [тиранов](#) [736](#). Но осада укрепленного города, расположенного на берегу моря и на таком большом расстоянии, была не под силу пелопоннесцам. Последняя экспедиция Спарты против тиранов относится к периоду после Персидской войны, когда царь Леотихид, победитель в Микале, был послан с целью изгнания фессалийских алеуадов, которые сдали страну персам в 470 году до н. э. или несколько позже. Аристомед и Ангелус были фактически свергнуты с престола, но царь, подкупив других, не добился полного [успеха](#) [737](#).

Можно предположить, с какой гордостью посол [pg 190] Спарты отвечал Гелону, тирану Сиракуз (каким бы блестящим и благотворным ни было его правление), когда тот потребовал командования в персидской войне: "Воистину пелопид Агамемнон оплакивал бы себя, если бы услышал, что превосходство у спартанцев отняли Гелон и сиракузяне!" [738](#)

6. К этим важным изменениям в политической истории того времени можно добавить и второстепенные события во внутренних районах Пелопоннеса.

Спарта, завоевав Кинурию, получила ключ к аргивской территории. Вскоре после этого на престол вступил Клеомен, старший сын Анаксандрида Эврисфенида, человек очень смелый

и сильный, проницательный, предприимчивый, привыкший, по обычаю своего века и страны, выражаться кратко и резко, только слишком раздутый семейной и личной гордостью, и по нраву скорее похожий на своих современников-тиранов, чем на царя Спарты. Первым подвигом этого [принца739](#) стала экспедиция против Аргоса. Он высадился на кораблях из Сикиона и Эгины на побережье Тирина, одолел аргивян у Аргосского [леса740](#), перебил большую часть мужчин, способных носить оружие, и [pg 191] бы захватил их город, если бы из немыслимого суеверия не распустил союзное войско, не воспользовавшись победой, и не довольствовался жертвоприношением в храме [Ере741](#). В то же время Аргос, вследствие этого поражения, долгое время оставался искалеченным, и даже необходимо было полностью изменить его политическое состояние, чтобы обновить то слабое и беспорядочное состояние, в которое он впал.

7. Ибо после того, как аргосские рабы, или [гимнесии742](#), некоторое время управляли государством, лишенным свободных жителей, пока юноши, достигшие за это время зрелости, не одолели и не изгнали их, аргивяне, как рассказывает [Аристотель743](#), сочли себя вынужденными, чтобы восстановить численность своего свободного населения, собрать вокруг себя окрестных подданных своего города, периэков, и [pg 192] распределить их по ближайшим окрестностям. [744](#) Завершение этого плана произошло через одно поколение после роковой битвы с Клеоменом, во время персидской войны, в которой Аргос, чье внимание было полностью занято укреплением своих дел дома, не принимал никакого участия. В это время аргивяне, чтобы увеличить свою численность, разорили почти все крупные города в окрестностях и переселили их жителей в [Аргос745](#), в частности Тиринс, Микены, Гисею, Орнею и [Мидею746](#). Тиринс и Микены во время персидской войны были свободными и даже независимыми общинами, которые подчинялись командованию Спарты без согласия Аргоса; последний действительно оспаривал у Аргоса право на управление храмом Здесь и председательство на Немейских играх. [747](#) Разрушение их города, которое аргивяне предприняли совместно с клеонцами и тегейцами, [748](#) было осуществлено в 464 г. до н. э. (Olymp. 79. 1). Но из микенцев лишь немногие последовали за аргивянами, а большая часть укрылась в Клеоне (этот город в то время был независимым и некоторое время руководил Немейскими играми) [749](#), в Керинее в Ахайе и даже в Македонии. [750](#) Из тиринфян [pg 193] также некоторые бежали в Эпидавр, а некоторые в Галию на территории дриопийцев, в которой нашли убежище и изгнанные гермионцы. [751](#) Ибо Гермiona, которую Геродот во время Персидской войны считает дриопийским [городом752](#), впоследствии была захвачена [аргивянами753](#). Другие упомянутые города, как мы знаем, Орнею и Гисею, ранее принадлежали Периекам, будучи подданными Аргоса, и были присоединены к нему лишь с целью расширения [метрополии754](#). Этим произволом аргивяне обезопасили себя как от внешних врагов, так и от своих прежних врагов - рабов, а также приобрели большое количество трудолюбивых и работающих жителей, которые, сохранив мир, вскоре восстановили процветание и богатство [Апрока755](#). Оракул хорошо обозначил принципы, которые в то время были целесообразны для благополучия этого государства, когда рекомендовал ему, как *"врагу своих соседей и другу богов, взять в руки оружие и [pg 194] оставаться в бдительном спокойствии, охраняя свою голову; ибо голова спасет тело."* [756](#) В то же время, однако, в результате этих действий произошли полные изменения в конституции, и Аргос, как мы увидим далее, постепенно утратил особенности дорийского характера.

Другие действия Клеомена, о которых нам известно, относятся к политическим изменениям в Афинах и могут быть связаны только с историей афинской конституции или с событиями в Эгине, о которых мы рассказывали в другом месте.

8. Примечательно, что за все это время, в течение которого Спарта основала свою империю, мы не читаем ни об одном серьезном столкновении между дорийцами и ионийцами. И хотя пограничные государства, Мегара и Эгина (последняя после восстания из Эпидавра), вели непрерывную войну с Афинами, весь род не принимал в ней участия, а сама Спарта исполняла обязанности беспристрастного арбитра между Афинами и Мегарой. Еще до времен Солона афиняне и мегаряне воевали на территории Элевсиса.⁷⁵⁷ Главная борьба велась за остров Саламин, который Солон, как предполагается, получил с помощью хорошо известной хитрости,⁷⁵⁸ что, однако, отрицал Даймах из Платеи.⁷⁵⁹ Согласно рассказу мегарцев, некоторые беженцы из их собственного города (названные Δορύκλειοι) предали остров афинянам.⁷⁶⁰ Несомненно и то, что пять спартанских арбитров (Критолайдас, Амомфарет, Гипсехидас, Анаксилай, [pg 195] и Клеомен), повинувшись древним традициям и преданиям о первоначальных владельцах Саламины, присудили владение Саламиной афинянам. Однако в ходе смуты, последовавшей за изгнанием Мегакла, этот остров был вновь потерян, как и завоеванная ранее гавань Ниссея.⁷⁶¹ Однако вскоре они вернули его себе, и Мегара, похоже, с этого времени потеряла всякую надежду на восстановление: в эту эпоху могущество Афин росло так быстро, что Мегара уже не могла и думать о возобновлении своих древних состязаний.

Поскольку моей целью не является непрерывное и общее изложение фактов, а только извлечение того, что наиболее поучительно для состояния дорийской расы, я не буду продолжать историю дорийцев за пределами Пелопоннеса, так как их местные связи завели бы нас далеко в другие регионы. По той же причине я коснусь лишь некоторых событий персидских войн, ограничившись внутренними делами Пелопоннеса в этот период, среди которых господство Спарты является наиболее важным и примечательным.

[pg 196]

Глава IX.

§ 1. Спарта - глава Пелопоннесской конфедерации. Ее члены и их порядок старшинства. § 2. Способ, которым осуществлялось верховенство Спарты. § 3. Конгресс конфедерации. § 4. Невмешательство конфедерации во внутренние дела конфедеративных штатов. § 5. Спарта - глава конфедерации по всеобщему признанию. § 6. Эллинская лига во время Пелопоннесской войны. § 7. Спарта отказывается от командования союзной армией. § 8. Иония, так и не освобожденная полностью Афинами от власти Персии. § 9. Война между Спартой и Аркадией. § 10. Восстание гелотов; третья Мессенская война. § 11. Расторжение союза между Спартой и Афинами. Битвы при Танагре и Ctenophyta. Пятилетнее перемирие. Тридцатилетнее перемирие. § 12. Происхождение Пелопоннесской войны. § 13. Противоположные принципы противоборствующих сторон в Пелопоннесской войне. § 14. Ее влияние на Спарту.

1. Спарта, завоевав Мессению и Тегею, заняла первое место в Пелопоннесе, которое она подтвердила, изгнав тиранов и свергнув Аргос. Примерно с 580 года до н. э. она выступала в качестве признанного полководца не только Пелопоннеса, но и всей Греции. Однако сама конфедерация была сформирована только жителями этого полуострова на основе фиксированных и регулярных законов, в то время как остальные греки присоединялись к ней лишь временно. Порядок старшинства членов этой лиги можно определить по надписи на подножии статуи Зевса, посвященной в Олимпии после Персидской войны; ионийцы, которые были союзниками лишь на время, были опущены.⁷⁶² Она гласит следующее: Лакедемон, [pg 197] Коринф, Сикион, Гигина, Мегара, Эпидавр⁷⁶³, Тегея, Орхомен, Флиус, Трезен, Гермiona, Тиринс, Микены, Лепреум и Элида; это государство довольствовалось последним местом, из-за малой доли, которую оно приняло в войне. Защитники перешейка перечислены в следующем порядке:⁷⁶⁴ лакедемоняне, аркадяне, элейцы, коринфяне, сикионцы, эпидавры, флиасийцы, тризены и гермионцы, что почти совпадает с другим списком, только аркадяне, присутствовавшие со всеми своими силами, а также элейцы занимают более раннее место; а мегаряне и эгинеты опущены, как не принимавшие участия в обороне. Такой порядок старшинства сам по себе является доказательством прочного союза. Тегейцы, перешедшие на сторону Лакедемонии, пользовались рядом привилегий, и особенно почетным местом на левом фланге союзной армии⁷⁶⁵. Аргос остался в стороне от пелопоннесских народов, так как никогда не подчинялся командованию Спарты; ахейцы, равнодушные к внешним делам, лишь на время присоединились к союзу:⁷⁶⁶ но мантинейцы, хотя в последнее время они придерживались политики Аргоса,⁷⁶⁷ долгое время были привержены Пелопоннесской лиге; в конце Персидской войны они послали войско, которое прибыло слишком поздно для битвы при Платеях;⁷⁶⁸ до этого они вместе с другими аркадянами помогали защищать перешеек⁷⁶⁹; они также участвовали в первых днях сражения при [pg 198] Фермопилах⁷⁷⁰; и в это время они все еще были верными союзниками лакедемонян.⁷⁷¹ Их последующее отпадение от Спарты можно частично объяснить их стремлением получить власть над Паррасией, которую защищал Лакедемон⁷⁷²; их враждой с Тегеей⁷⁷³, которая осталась верна Спарте после большой войны с Аркадией, начавшейся около 470 г. до н. э., и укреплением их города (συνοικισμός) и установлением демократического правительства благодаря влиянию Апрога⁷⁷⁴.

2. Верховенство Спарты⁷⁷⁵ осуществлялось в походах всей конфедерации и в сделках того же характера. В первом случае главнокомандующим был спартанский царь - после того, как было решено никогда не посылать двоих вместе, - в полномочиях которого было много остатков власти древних гомеровских князей. Однако время от времени Спарта была вынуждена уступать свои привилегии другим полководцам, особенно на море, как, например, флот при Саламине Эврибиаду. Когда задумывалась какая-либо экспедиция, спартанцы рассылали по всем государствам, входящим в состав союза,⁷⁷⁶ чтобы потребовать от них готовности людей и запасов.⁷⁷⁷ Наибольшая сумма, которую каждое государство могло призвать к поставке, была установлена раз и навсегда, и только в каждом конкретном случае определялось, [pg 199] какая часть этой суммы требуется.⁷⁷⁸ Таким же образом регулярно назначались поставки денег и запасов,⁷⁷⁹ так что армия со всем ее снаряжением могла быть собрана по простому призыву. Но сельскохозяйственный труд, праздники и природная медлительность дорийской расы часто сильно замедляли сбор этой армии. Взносы, в основном, вероятно, добровольные, как государства, так и отдельных лиц, фиксировались на камне: до сих пор сохранилась надпись, найденная в Тегее, в которой записаны военные запасы эфесцев, мелийцев и т. д., в деньгах и кукурузе.⁷⁸⁰ Но лакедемоняне никогда не требовали от Пелопоннесской конфедерации регулярных ежегодных взносов, не зависящих от обстоятельств; это было бы фактически данью: однажды такая мера была предложена царю Архидаму, он ответил, "что война не потребляет

по правилам "781."Перикл, однако, правильно считает недостатком пелопоннесцев то, что у них не было платных войск и что ни в целом, ни в отдельных государствах они не накопили никаких [сокровищ](#)782. Цель экспедиции объявлялась публично: иногда, однако, когда требовалась секретность, она [pg 200] известна ни государствам, ни их армии.783 Отдельные союзные государства, если того требовала необходимость, могли также немедленно призвать армию других;784 но неясно, насколько этот призыв был для них обязательным. Спартанская военная конституция, о которой мы расскажем ниже, распространялась на всю союзную армию; но она, несомненно, по-разному сочеталась с тактикой нескольких народов.785 На военный совет, который к тому же только обсуждал, но не принимал решений, спартанский царь созывал вождей нескольких государств, а также других военачальников и вообще наиболее выдающихся людей в армии.786

3. Согласно конституции Пелопоннесской лиги, каждое общее действие, такое как объявление войны, заключение мира или договора, согласовывалось на съезде конфедератов. Но поскольку регулярного собрания такого рода не существовало, несколько государств посылали посланников (ἄγγελοι), подобных депутатам (πρόβουλοι) ионийцев, которые обычно оставались вместе лишь на короткое время.787 Все члены имели равные голоса по закону;788 и большинство иногда принимало решение вопреки сильной оппозиции;789 Спарта часто [pg 201] перевешивала, а Коринф всегда был готов выступить против.790 Однако у нас мало сведений о точном состоянии конфедерации; вероятно, судя по аристократическим чувствам пелопоннесцев, авторитет в целом имел больший вес, чем численность, и для таких крупных начинаний, как Пелопоннесская война, требовалось согласие главного государства в дополнение к согласию других [конфедератов](#)791. Когда конгресс созывался в Спарту, посланники часто общались с общественным собранием (ἑκκλησίαι)792 спартанцев, хотя они, естественно, удалялись во время разделения. Из этих посланников, кроме Сосикла Коринфского, известно имя Хилея из Тегеи, который после долгой задержки убедил эфоров отправить армию в Платею и немало сделал для смягчения разногласий между членами многочисленной тогда [конфедерации](#)793.

4. Но на *внутренние* дела, законы и институты союзных государств конфедерация юридически не имела никакого влияния. Основным законом было то, что каждое государство (πόλις) должно, согласно своим древним обычаям (κατὰ πάτρια), быть независимым и суверенным (αὐτόνομος καὶ αὐτόπολις);794 и заслугой Спарты является то, что за все время существования лиги она ни разу, даже при благоприятном стечении обстоятельств, не лишила независимости ни одно пелопоннесское государство. Споры между [pg 202] отдельными государствами не выносились на конгресс союзников, что, ввиду перевеса Спарты, поставило бы под угрозу их свободу; они обычно передавались либо дельфийскому оракулу, либо арбитрам, выбранным обоими государствами.795 Когда Элис потребовал древнюю дань с Лепрея, оба государства согласились сделать Спарту своим арбитром по специальной ссылке. В этом обращении Спарта заявила, что Лепреум, будучи независимым членом конфедерации, не обязан платить дань, а Элис поступила несправедливо, отказавшись выполнить свое соглашение, сославшись на то, что не ожидала такого [решения](#)796. В спорах между гражданами разных государств существовало совершенно свободное и равное взаимодействие правосудия (commercium juris dandi repetendique).797 Юрисдикция государств также была абсолютно свободна от иностранного вмешательства (αὐτόδοκοι).798 Таковы основные черты конституции Пелопоннесской конфедерации; единственной, которая в эпоху расцвета Греции сочетала широкую власть со справедливостью и уважением к независимости ее более слабых членов.

5. Спарта стала главой этой лиги не по соглашению, и тем более не по узурпации; но по молчаливому признанию она была лидером не только этой, но и всей Греции; и она действовала как таковая во всех внешних отношениях примерно с 580 года до н. э. Ее союза добивался Крѐз: ионийцы, когда на них давил Кир, прибегали к помощи спартанцев [pg], которые прибегали к их помощи. Ее союза добивался Крѐз: а ионийцы, когда Кир оказал на них давление, прибегли к помощи спартанцев, [pg 203] которые, пребывая в забавном неведении относительно положения дел за морем, думали устроить персидского царя угрозой военных действий. Примечательно, что в это время в Спарте находились скифские посланники, с которыми, как говорят, был согласован большой план действий против Персии; в это нелегко [поверить](#)⁷⁹⁹. В 520 году до н.э. В 520 году до н. э. платейне взяли под защиту Клеомена,⁸⁰⁰ который направил их в Афины; глашатай Спарты изгнал Алкмеонидов из их города,⁸⁰¹ после чего Аристагор искал у защитника [Греции](#)⁸⁰² помощи против национального врага; когда эгинеты дали персам землю и воду, афиняне обвинили их в предательстве перед спартанцами; и, наконец, во время персидской войны Греция нашла в высоком характере этого государства единственное средство осуществить союз, столь необходимый для ее безопасности и успеха.⁸⁰³

6. В этой войне была образована новая конфедерация, которая вышла за пределы Пелопоннеса; общность опасности и победы, помимо кратковременного объединения, породила союз, рассчитанный на определенное время. Именно собрание этой лиги - постоянный конгресс в Коринфе во время войны и в Спарте после нее - урегулировало внутренние разногласия Греции, пригласило Аргос, Корсиру и Гелон присоединиться к лиге, а затем призвало Фемистокла к ответу за свои действия.⁸⁰⁴ Так много оно сделало для нынешней чрезвычайной ситуации. Но в то же [pg 204] время Павсаний, регент Спарты, после великой победы при Платее (во время которой, по словам Эсхила, могущество Персии пало от дорийского копья)⁸⁰⁵, убедил союзников заключить новый договор. Под покровительством богов конфедерации, в частности элевтинского (или греческого) Зевса, они обязались поддерживать независимость всех государств и выполнять многие другие условия, память о которых утеряна. В частности, платейцам была обещана безопасность от опасностей.⁸⁰⁶ Ионийцы также были приняты в эту конфедерацию после битвы при Микале.⁸⁰⁷

7. Блистательные победы над персами на некоторое время вывели Спарту, которая была приспособлена к спокойному и пассивному существованию, из ее естественной сферы; ее царь Павсаний хотел предать свою страну ради блеска азиатского принца. Но это государство вскоре осознало свои истинные интересы и больше не посылало полководцев в Азию, "чтобы не ухудшить положение своих генералов": оно также решило избегать дальнейшей войны с персами, считая, что Афины лучше приспособлены для ее ведения, чем оно само.⁸⁰⁸ На решение спартанцев, несомненно, повлияло отступление ионийцев от Павсания и их отказ подчиниться Доркису, которого спартанцы послали вместо себя с небольшим отрядом. Тем не менее, главные мотивы, побудившие их к этому, должны были лежать глубже; ведь без малоазийских греков они могли бы, опираясь на помощь морских сил Пелопоннеса, Коринфа, Игины и т. д., продолжать [pg 205] войну, которая сулила больше выгоды и грабежа, чем неприятностей и опасностей. Если бы сохранилась речь Гетозмарида Гераклида, в которой он доказывал членам совета, что Спарте не следует стремиться к овладению [морем](#)⁸⁰⁹, мы, несомненно, имели бы глубокое представление о тех вещах, на которые мы привыкли смотреть афинскими глазами, со спартанской стороны. Нельзя сказать, что господство над греками вообще перешло от Спарты к Афинам, если рассматривать этот вопрос так, как его рассматривала Спарта, но как бы велико ни было влияние этого изменения на могущество Афин. Но Спарта продолжала удерживать свое

первенство в Пелопоннесе, и большинство народов материнской страны присоединились к ней: никто, кроме греков Малой Азии и островов, которые ранее были подданными Персии, а затем были лишь частично освобождены и, возможно, слишком презираемы Спартой, не подчинились [Афинам](#)⁸¹⁰.

8. Но *полное* освобождение Малой Азии от персидского ига, которое считается одним из главных подвигов Афин, на самом деле так и не было осуществлено. Не вступая в дискуссию по поводу проблематичного договора [Кимона](#)⁸¹¹, мы просто попытаемся выяснить фактическое состояние азиатских греков в этот период. Геродот утверждает, что Артаферн, сатрап Сард при Дарии, установил дань, которую должны были платить ионийцы, и она сохранялась до времени [pg 206] писателя,⁸¹² то есть до конца Пелопоннесской войны. Очевидно, что это была дань, выплачиваемая персидскому царю: поборы афинян явно не регулировались никаким персидским реестром собственности. Опять же, на девятнадцатом году войны Тиссаферн обратился за помощью к Афинам, чтобы иметь возможность выплатить персидскому царю дань, причитающуюся с греческих приморских городов, которую афиняне мешали ему собирать.⁸¹³ Из этого ясно, что шах Суз не знал, что большинство этих городов более шестидесяти лет платили афинянам, а не ему, и объяснял задолженность только небрежностью своих наместников. Я говорю только о большинстве; ведь афиняне далеко не завершили славное дело великого Кимона, а после того как военные контрибуции превратились в непосильную дань, эти города, возможно, и сами не очень хотели менять своего хозяина. Поэтому Фемистокл, будучи вассалом Персии, при воцарении Артаксеркса безраздельно владел прекрасными городами Магнесией на реке Меандр, Лампсаком, Миусом, Перкотом и древним Скепсисом.⁸¹⁴ В более поздний период потомки царя Демарата, Эврисфен и Прокл, под тем же названием правили Галисарной в Мисии.⁸¹⁵ Соседние города Гамбриум, Палегамбриум, Мирина и Гриниум были [pg 207] отданы Дарием Гонгилусу, и его потомки все еще жили там после Пелопоннесской войны.⁸¹⁶ Когда Афины несправедливо изгнали делийцев со своего острова, они нашли убежище в Адрамиттеуме, на побережье Иолиса, которое им предоставил сатрап Фарнак.⁸¹⁷ Таким образом, Афинская империя не мешала вассалам и подданным персидского царя властвовать над греками Малой Азии, вплоть до самого побережья. Нам нет нужды углубляться, чтобы доказать полную ложность рассказа, обычно приводимого афинскими риториками в панегириках.

9. Пелопоннес меньше всего интересовали эти события, так как внутренние разногласия возникли по неизвестной причине, что привело к открытой войне между Спартой и Аркадией. Мы знаем только, что между битвой при Платее (в которой Тегея, как и позднее, проявила большую верность Спарте) и войной с гелотами (то есть между 479 и 465 гг. до н. э.) лакедемоняне провели два больших сражения: одно против тегейцев и аргивян при Тегее, другое против всех аркадян, за исключением мантинейцев, при Дипее на территории Меналии. Тисамен, элонец из рода Иамидов, был в обоих сражениях в составе спартанской армии; и в обоих Спарта одержала победу.⁸¹⁸ Однако в эпиграмме Симонида восхваляется доблесть тегейцев, которые своей смертью спасли свой город от разрушения,⁸¹⁹ вероятно, после поражения в первой битве. Поскольку мы видим, что Аргос принимал участие в этой войне,⁸²⁰ возможно, [pg 208] что взгляды этого государства были направлены против господства Спарты; возможно также, что независимость меналийцев, паррасиев и т. д. подверглась, как это часто случалось, нападению со стороны более могущественных государств Аркадии, и ее защищал глава Пелопоннесской конфедерации.

10. Эта война еще не была доведена до конца, когда в 465 году до н. э., в царствование [Архидама](#)⁸²¹ и Плейстоанакса, сильное землетрясение (которое, как говорят, было предсказано [Анаксимандром](#)⁸²²) разрушило Спарту, и внезапная гибель грозила

захлестнуть греческое государство. В надежде полностью уничтожить своих правителей многие гелоты (возможно, вдвойне возбужденные недавним возмущением сторонников у алтаря тэнарского бога)⁸²³, особенно древние жители Мессении и двух городов Перизки, восстали против Спарты; все эти мятежники были названы мессенцами, а война получила название третьей Мессенской.⁸²⁴ Обстоятельства этого ужасного поединка нам почти неизвестны, и мы можем лишь собрать немногие фрагменты его истории. Спартанец Азимнест, убивший Мардония, сражался с 300 воинами при Стеникларе против мессенцев и был убит со всеми своими людьми.⁸²⁵ За этим последовало большое сражение с [pg 209] тем же врагом при Итоме,⁸²⁶ в котором спартанцы одержали победу. Большая часть побежденных мессенцев укрепились на крутой вершине Итомы, которая уже тогда была священной для Зевса Итомата; вероятно, они восстановили древние стены и оборонительные сооружения, которые обрушились. После этого лакедемоняне, предвидя утомительную осаду, призвали на помощь своих союзников; на этот призыв откликнулись, в частности, эгинетяне⁸²⁷, мантинейцы⁸²⁸, платейцы⁸²⁹ и афиняне, которые по просьбе спартанского посланника Периклида отправили 4000 голплитов⁸³⁰ под командованием Кимона; Спартанцы, однако, уволили их до взятия крепости, в чем им помогло превосходство афинян в искусстве осады, не без подозрений в новаторском духе своего союзника.⁸³¹ На десятом году осады, в 455 г. до н. э., Итома сдалась на условиях, и мессенцы вместе с [pg 210] женами и детьми покинули Пелопоннес, пообещав никогда больше не вступать в него. Похоже, что война между Лакедемоном и Аркадией была заключена на условиях, одно из которых заключалось в том, что никто не должен быть предан смерти ради лакедемонской партии в Тегее, а другое - что Спарта должна была изгнать мессенцев из страны, но не убивать их - эти условия были начертаны на столбе на берегу Алфея.⁸³² Афиняне, однако, отдали беглецам город Наупакт, который они незадолго до этого завоевали и который был удобно расположен, чтобы склонить их, вопреки их обещанию, к набегам и набегам на Пелопоннес. Во время Пелопоннесской войны мессенцы по-прежнему отличались от соседних народов своим дорическим [диалектом](#)⁸³³.

11. Сразу же после вытеснения афинян из Итома афинский народ, чтобы возмутиться, расторг союз со Спартой, существовавший со времен Персидской [войны](#)⁸³⁴; заключил договор с Аргосом, врагом Спарты, а также с фессалийцами; и даже присоединил к себе Мегару, которая зависела от его торговых сношений. Затем последовала война с приморскими городами Аргolidy, в которой Афинам, после многих поражений, удалось уничтожить флот Эгины и подчинить себе этот остров (457 г. до н. э.).⁸³⁵ Спарта была вынуждена спокойно наблюдать за покорением столь важного члена своей конфедерации, так как она все еще была занята осадой Итома, а в том же году отправила армию для освобождения своей материнской страны, Дориды, от ига фокийцев. Но когда после выполнения этой задачи спартанцы поспешили вернуться в Пелопоннес, они были вынуждены форсировать свой путь домой в битве при Танагре, которую при содействии фиванцев они выиграли у армии, состоявшей из афинян, ионийцев, аргивян и фессалийцев. Эта помощь была оказана им при условии, что они помогут фиванцам восстановить свое господство в Беотии, которое фиванцы потеряли в результате своего отступления от греческого дела во время персидской войны.⁸³⁶ Однако Спарта после столь решительной победы заключила с Афинами четырехмесячное перемирие, во время которого это государство покорило фиванцев при Умнофите, завершило блокаду Эгины, подчинило себе всю Беотию за исключением Фив и Фокисы и распространило свою демократическую конституцию, которая после битвы при Танагре была почти под угрозой [уничтожения](#)⁸³⁷, даже на город Фивы. Бездействие Спарты во время этих поразительных успехов ее врага (ведь заключая перемирие с Афинами, она должна была отчасти предвидеть его последствия), по-видимому, доказывает, что она была полностью занята окончательным

захватом [pg 212] Итомеи и урегулированием своих интересов в [Аркадии838](#). Но о том, что война, возобновленная Афинами, тем не менее распространялась на всю Пелопоннесскую лигу, свидетельствуют связанные между собой нападения Толмида на спартанскую гавань Гитею, города Сикион и Коринф, а также экспедиция Перикла в Коринфский залив. Пятилетнее перемирие в 451 году до н. э. было лишь перемирием между Афинами и Пелопоннесской конфедерацией, которое оставляло Беотию избавляться от афинского ига собственными силами. Это было также время Священной войны, в которой спартанское и афинское войско, пришедшее одно за другим, первое передало управление храмом дельфийцам, а второе, вопреки всему древнему [праву839](#), - фокийцам. По истечении этих пяти лет Мегара восстала против афинян, вследствие чего произошло вторжение пелопоннесцев в Аттику, которое, хотя и не привело к немедленным результатам, вскоре последовало за тридцатилетним перемирием, по которому Афины уступили свои завоевания в Мегаре и [Пелопоннесе840](#), а на материке вернулись в свои древние пределы; но сохранили ту же власть над другими своими единоверцами. Когда вскоре после этого афиняне напали на восставший остров Самос, пелопоннесцы [pg 213] действительно обсуждали, должны ли они его защищать, но было принято предложение Коринфа, согласно которому Афинам было позволено поступать со своими союзниками по своему [усмотрению841](#).

12. Если теперь мы рассмотрим события, которые были кратко описаны на предыдущих страницах, то увидим, что принцип, по которому постоянно действовали лакедемоняне, заключался в самообороне, восстановлении утраченного или сохранении того, что находилось под угрозой; в то время как афиняне всегда стремились к нападению, завоеванию или изменению существующих институтов. В то время как спартанцы в этот период, даже после величайших побед, не завоевали ни пяди земли, не подчинили себе ни одного независимого государства, не разрушили ни одного существующего института; афиняне, то на более длительное, то на более короткое время, подчинили своей власти огромные территории страны, расширили свой союз (как это называлось) со всех сторон и не уважали ни одной связи, санкционированной природой, родом или древностью, когда она вступала в противоречие с их планами империи. Но поразительная энергия афинского народа, который из одной точки держал в постоянном колебании всю Грецию, почти парализовала Спарту; природная медлительность этого государства становилась все более очевидной: как бы насильственно пересаженное в чужой регион, оно лишь постепенно начало постигать политику Афин.

Но когда Афины увидели, что Пелопоннесская конфедерация снова создана, и поскольку она не могла, в силу перемирия, напасть на нее напрямую, она обратилась к колониальному праву, которое опиралось скорее на наследственные чувства, чем на позитивные установления, за возможностью [pg 214] косвенного нападения. Такая возможность вскоре была найдена в оборонительном договоре с Корсирой, государство которой было вовлечено вместе со своей матерью Коринфом в войну, согласно древнегреческим принципам, совершенно незаконную и несправедливую. Кроме того, это было фактическим нарушением тридцатилетнего перемирия.⁸⁴² И те же принципы были выражены в требовании, чтобы Потидея ради афинской конфедерации отказалась от своей первоначальной связи с родительским государством. В обоих этих случаях очевидно, что максимы афинской политики прямо противоречили общему чувству справедливости, присущему грекам, и особенно уважению к кровному родству; и это фундаментальное различие стало истинной причиной Пелопоннесской войны.

13. Поскольку подробное изложение влияния Пелопоннесской войны на политический и частный характер греков не соответствует плану этого труда, мы должны довольствоваться указанием на следующие очевидные пункты противостояния между спорящими сторонами. Прежде всего, дорийцы противостояли ионийцам; поэтому в известном оракуле война называется дорийской.⁸⁴³ Отдельные исключения по большей части лишь кажущиеся;⁸⁴⁴ когда афиняне напали на Сицилию, все дорийские города выступили против них.⁸⁴⁵ На стороне Афин были все ионийцы Европы, [pg 215] острова и Азии, не совсем добровольно, но все же не совсем против их склонности. Объединение свободных греков против злых амбиций одного государства. В начале войны общий голос Греции был в пользу Спарты⁸⁴⁶ (он был услышан через дельфийский оракул, когда тот обещал ей помощь)⁸⁴⁷, и она никого не принуждала присоединиться к ней. Союзники Афин, бывшие ранее персидскими подданными, привыкли подчиняться, а в данном случае были вынуждены подчиниться; общественное собрание Афин было единственным свободным голосом в столь многочисленном объединении. Сухопутные войска против морских. Согласно речи Перикла, Пелопоннес был способен в бою с тяжеловооруженными войсками противостоять всей остальной Греции вместе взятой; Афины же с необычайной изобретательностью избегали такого способа ведения боя. Флот пелопоннесцев, напротив, в начале войны был весьма незначительным.⁸⁴⁸ Поэтому прошло некоторое время, прежде чем воюющие стороны столкнулись друг с другом. Суша была средством сообщения для одной стороны, море - для другой: поэтому дружественные Афинам государства сразу же были вынуждены строить *длинные стены*, чтобы соединить главный город с морем и изолировать его от суши, как Мегара до войны, Аргос и Патрей во время войны.⁸⁴⁹ Большие группы людей практиковались в войне против богатства. Пелопоннесцы вели войну с туземцами, тогда как Афины укомплектовали свой флот - основу [pg 216] своего могущества - в основном иностранными моряками, так что коринфяне справедливо говорили, что сила Афин скорее куплена, чем рождена.⁸⁵⁰ Это был главный принцип политики Перикла, и он же принят Фукидидом в знаменитом введении к его "Истории", что не страна и народ, а движимое имущество (χρήματα, в собственном смысле этого слова) делает государства великими и могущественными. Медленное и обдуманное убеждение против решительной опрометчивости. Это явствует как из различного направления союзов двух партий, так и из их национального характера. Оракул не без оснований советовал Спарте вести войну решительно и твердо; ведь это государство всегда осторожно относилось к войне и было готово к миру.⁸⁵¹ Сохранение древних обычаев в противовес желанию новизны. Первое было главной чертой дорийской, второе - ионической расы. Дорийцы хотели сохранить свое древнее достоинство и власть, а также свои обычаи и религиозные чувства: ионийцы обычно стремились к чему-то новому, часто, как в случае с сицилийской экспедицией, но неясно увиденному и задуманному. Союз народов и рас против одной произвольно созданной. Как уже было показано, именно это различие стало причиной войны; и действительно, Афины в ходе ее вряд ли признавали за малыми государствами обязанность хранить верность городам той же расы и своим странам-матерям; иначе почему Мелос был так варварски наказан за то, что помнил, что он скорее колония Спарты, чем остров? Таким образом, и во внутренних [pg 217] государствах афиняне поощряли политические объединения или клубы (ἐταίριαί), в то время как спартанцы доверяли узам родства.⁸⁵² Аристократия против демократии.⁸⁵³ Это различие проявилось в первой половине войны в том, что Афины меняли, а Спарта только восстанавливала правительства; ибо и в этом случае сила Спарты строго использовалась только для поддержания древних установлений, так как аристократию действительно можно свергнуть, но нельзя создать в одно мгновение.

14. Этих очевидных различий достаточно, чтобы обосновать результат, к которому мы хотим прийти. Очевидно, что вторая из двух сил, которые в каждом из этих случаев пришли в

столкновение, обязательно должна была всегда побеждать первую. Медленное, громоздкое, неповоротливое тело спартанской конфедерации непременно должно было пострадать под ударами умелого, стремительного и предприимчивого антагониста. Распространенные в это время, по словам [Фукидида](#)⁸⁵⁴, максимы о том, что опрометчивость следует называть храбростью в деле друга, предусмотрительность - скрытой трусостью, умеренность - прикрытием для пассивности и что быть благоразумным во всем - значит быть активным ни в чем, неизбежно препятствовали и сковывали благотворное влияние мер дорийской партии. Честность и открытость" дорийского характера, благородная простота древней Греции, скоро исчезли в этот бурный век.⁸⁵⁵ Поэтому Спарта и [pg 218] пелопоннесцы выходят из борьбы измененными и как бы перевернутыми; и еще до ее окончания предстают в характере, в котором они прежде, вероятно, содержали лишь первые зачатки.

Но во второй половине войны, когда спартанцы отказались от большого сухопутного вооружения и стали снаряжать флоты наемными моряками, когда они научились считать деньги главным орудием войны и просили их при персидском дворе, когда они стремились не столько защитить государства, связанные с ними родством и союзом, сколько распустить афинскую конфедерацию; Когда они начали защищать завоеванные государства с помощью собственных гармоний и олигархов, навязанных народу, и обнаружили, что тайное управление политическими клубами отвечает их интересам больше, чем открытые переговоры с правительством; Мы видим, что, с одной стороны, развилась энергия и целеустремленность, которая впервые проявилась в предприятиях великого Брасида, а с другой - мирская политика, как это было показано в Гилиппе, а затем более сильно в Лисандре; когда потомки Геракла сочли целесообразным поменять львиную шкуру на лисью.⁸⁵⁶ И поскольку предприятия, проводимые в духе прежних времен, либо полностью проваливались, либо оставались бесплодными, эта новая система, несмотря на внутренний упадок государства, принесла с собой, в насмешку судьбы, внешнюю славу и [победу](#)⁸⁵⁷.

[pg 219]

Книга II. Религия и мифология дорийцев.

Глава I.

§ 1. Аполлон и Артемида - главные божества дорийской расы. § 2. Следы поклонения Аполлону в Темпе. § 3. Маршрут теорий из Темпе в Дельфы. § 4. Установление культа Аполлона в Дельфах; § 5. Крит; § 6. И Делос. § 7. Ранняя история Криссы. § 8. Дорийское население Дельф. § 9. Противодействие поклонению дельфийскому Аполлону.

1. Переходя от истории внешних дел дорийцев к рассмотрению их интеллектуального существования, мы должны первым делом поинтересоваться их религией; для этого мы проанализируем и разложим ее на различные культы и церемонии, из которых она состояла,

и проследим происхождение и связь этих культов по мере их последовательного возникновения.

Теперь можно с уверенностью утверждать, что главными божествами дорийцев были Аполлон и Артемида, так как их поклонение преобладало во всех поселениях этой расы; и наоборот, дорийское происхождение можно проследить вблизи или отдаленно везде, где были значительные учреждения, посвященные поклонению Аполлону; так что поклонение этому богу, как можно показать из древнейших свидетельств мифологии, постепенно развивалось вместе с расширением дорийской [pg 220] нации. Тем не менее, мы не должны понимать, что поклонение Аполлону и дорийская раса были настолько точно сопряжены, что присутствие последнего всегда доказывает либо предыдущее, либо фактическое существование первого. Ведь несомненно, что как в древние, так и в современные времена поклонение конкретным богам распространялось не только путем миграции и завоеваний, но и путем мирного общения и, так сказать, морального контакта.

Чтобы обосновать претензии дорийской расы на поклонение Аполлону на надежном фундаменте, необходимо сначала привести прямое опровержение всех тех утверждений, которые утверждают ее связь с какой-либо расой не эллинского происхождения. Прежде всего, Аполлон не был национальным божеством исконных *пеласгов* Греции.⁸⁵⁸ Если бы это было так, он, несомненно, пользовался бы частыми и выдающимися почестями в тех странах, где численность этой расы не уменьшилась; например, в Аркадии. В Аркадии было очень мало храмов Аполлона, и, кроме того, основание большинства из них либо связано с иностранным героем, либо приписывается какому-то внешнему влиянию.⁸⁵⁹ Во-вторых, [pg 221] предполагалось, что поклонение этому богу было принесено с *Востока* (мнение, основанное главным образом на установлениях его религии в Ликийи); но мы сейчас покажем, что его учреждение в этом квартале было на самом деле заимствовано от дорийцев. К этому можно добавить, что ни среди одного из *полугреческих* народов, например, лелегов, карийцев, итолийцев, фригийцев и фракийцев, поклонение этому богу не было национальным. То же самое можно сказать и об *италийских* народах. Аполлон никогда не встречается в древней *этрусской* религии. *Рим* также не был знаком с этим культом, пока его не ввели сивиллины; тогда на Фламиниевом лугу было выделено священное место, и возведенный там храм (324 г. н. э.) до времен Цицерона был единственным в *Риме*⁸⁶⁰. О том, что италийцы приняли Аполлона как иноземное божество, свидетельствует тот факт, что они не объединили его со своим родным Юпитером или Меркурием, как это сделали греческие Зевс, Гермес и т. д. Таким образом, в наших поисках истоков поклонения Аполлону мы ограничиваемся расами, имеющими чисто греческое происхождение. Остается только показать, почему из всех этих различных племен мы выбрали именно *дорийцев*. И мы лишь делаем предварительное замечание, что мифическая генеалогия [pg 222], в которой Дорус называется сыном Аполлона,⁸⁶¹ была простым выражением этого факта.

2. Самыми древними поселениями дорийской расы, о которых сохранились какие-либо исторические свидетельства, были, как мы уже выяснили,⁸⁶² страны у подножия Олимпа и Оссы, недалеко от долины Темпе. В этом районе находились два святилища, носившие характер величайшей древности, а именно, Пифий, на гребне Олимпа, у крутого горного прохода, ведущего в Македонию, и алтарь в ущелье Пеней,⁸⁶³ от которого сам бог назывался Τερπεΐτας; а в надписи, обнаруженной неподалеку от этого места, на берегу реки между Темпе и Лариссой, есть слова ΑΠΛΟΥΝΙ ΤΕΜΠΕΙΤΑ, "Аполлону из Темпе".⁸⁶⁴ Из другой надписи, найденной в этом районе, мы узнаем о некоторых местных фессалийских праздниках, на которых носили ветви лавра, несомненно, добытые в рощах в долине Темпе; туда же дельфийцы каждые восемь лет, по истечении священного периода, посылали

пифийских теори, которые после совершения жертвоприношения отламывали искупительную ветвь [pg 223] от священного лаврового дерева.⁸⁶⁵ По признанию самих дельфийцев, храм Аполлона в Темпе был более древним, чем их собственный, поскольку совершенное искупление могло быть совершено только в этом святилище. По преданию, сам Аполлон, убив Пифона, бежал к алтарю в Темпе, чтобы очиститься от загрязнения, и священный мальчик в каждый назначенный день возвращался в Темпе по определенному пути⁸⁶⁶, подражая богу, которого он почитал, чтобы вернуться домой под радостные песни хоров девственниц, как δαφνιφόρος, или лавроносец. Религиозные обряды на этом празднике будут рассмотрены позже, а сейчас мы лишь рассмотрим маршрут, по которому двигалась процессия. Она шла через Фессалию и Пеласгию (то есть через равнину Пеней, простирающуюся на юг до Фере), затем через страну малийцев и энианов, через гору Οἶτα, через Дорис и западную часть Локриды;⁸⁶⁷ избегая более короткого и часто посещаемого пути из Фессалии через Фермопилы, через Фокис и через проход Панопея и Даулис в Дельфы. Причинами такого отклонения могли быть противодействие, оказываемое в ранние времена враждебными племенами с восточной стороны Дельф мирному шествию священных процессий; а также то, что теория могла пройти через вторые поселения дорийцев, между Уметой и Парнасом, где [pg 224], несомненно, также преобладало поклонение Аполлону.⁸⁶⁸

3. Первая половина Пифийской дороги, проходящая через Фессалию, очень точно определена по совокупности различных свидетельств. Первый ее этап пролегал от Темпы до Лариссы. Недалеко от этого места находилась деревня Дейпния, где мальчик, несший лавровую ветвь, впервые прервал свой долгий пост⁸⁶⁹, как, по преданию, сделал и сам Аполлон. То, что это место получило свое название благодаря этому обстоятельству, является достаточным доказательством древности этого обычая. Далее феория отправилась в Фере, где мальчик по пути в Темпу и перед очищением представлял рабство Аполлона, когда тот был беженцем во дворце Адмета. Это использование рабства в качестве подготовительного средства для искупления вины, несомненно, взято из какой-то очень древней традиции; на него ссылаются самые ранние эпические поэты; в "Илиаде" говорится, что лошади Эвмела, сына Адмета, достигли своего совершенства благодаря тому, что находились под присмотром Аполлона в Фере.⁸⁷⁰ Гавань Фере была Пагасэ, в самой отдаленной части Пагасского залива, где находился знаменитый алтарь [pg 225] пагасского Аполлона, расположенный в обширной роще⁸⁷¹, где было много священных воронов⁸⁷². Это святилище является театром поэмы Гесиода о щите Геракла; на небольшом расстоянии от него в море впадает река Анавр,⁸⁷³ которая, разбухая от сильных ливней, уносила гробницу Цикна, сына Марса, "ибо так пожелал Аполлон, сын Латоны, потому что Цикн разграбил гекатомбы, которые народы приносили в храм Пифона".⁸⁷⁴ Таким образом, очевидно, что пагасейское святилище находилось на дороге, освященной процессиями в Дельфы и обратно; кроме того, в этих словах Гесиода можно усмотреть намек на басню, возможно, широко известную у ранних поэтов, а именно, что Цикн был убит за то, что осквернил храм Аполлона.⁸⁷⁵ Более того, легенда, рассказанная Гераклидом Понтийским, о том, что Трофоний основал храм Аполлона в Пагасе,⁸⁷⁶ указывает на связь с Дельфами; тот же Трофоний, знаменитый [pg 226] архитектор мифической эпохи, как говорят, построил древнейший храм Пифона.

4. Таким образом, мы прибываем в Дельфы, вторую грандиозную станцию поклонения Аполлону и, как бы, фокус, от которого он расходился в бесчисленных направлениях и к которому он снова частично отражался. И хотя с ранних времен необычный и поразительный характер этого места мог часто поднимать чувства до экстаза и возбуждать в зрителях туманные и теневые предчувствия будущего, все же установление *фиксированного*

института, с его священными правилами и правами, было тесно связано с введением поклонения Аполлону. В какое время, однако, оно впервые утвердилось в Дельфах? Вероятно, когда дорийская раса пришла из Эстезотиса на Парнас и поселилась над Дельфами, что произошло в очень ранний период. Это предположение, к которому нас привело предыдущее исследование, не противоречит знаменитой традиции, согласно которой критские мореплаватели высадились на этом побережье во времена Миноса и ввели здесь поклонение Аполлону. Однако, чтобы примирить эти две версии, мы должны сначала изучить критское поклонение этому богу.

5. Население Крита в ранние времена состояло из разнородной смеси различных народов, поэтому естественно, что там преобладали поклонения многим различным богам; однако во многих случаях можно установить, от какого народа они произошли. Среди них дорийцы, чье главное поселение находилось на северо-восточном побережье близ Кноса (откуда, однако, они очень скоро распространились по другим частям острова), принесли с собой поклонение Аполлону из своих поселений на Олимпе. Согласно преданию, сохранившемуся [pg 227] в гомеровском гимне Аполлону, корабль, который Аполлон в виде дельфина вел в Дельфы, отправился из города Кноса. В этом городе главным храмом был храм Аполлона Дельфийского.⁸⁷⁷ На его территории находилось местечко Аполлония, а также примечательный город Амнис с гротом Эйлеития, где, как предполагалось, родилась сама богиня, помогавшая рождению Аполлона.⁸⁷⁸ На том же побережье находятся Милет, где (как будет сказано далее) преобладало поклонение Аполлону, и Лато (Камира), название которого напоминает нам о богине Латоне. Не приходится сомневаться, что то же поклонение преобладало и в древнем дорийском городе Ликте, расположенном в глубине острова.⁸⁷⁹ Ближе к южному побережью находилась Гортина, которая, хотя и была основана представителями другой расы, в более поздние времена признала господство и поклонение того же народа, что и Кносс: соответственно, самый центральный пункт этого города назывался Пифиум.⁸⁸⁰ Непосредственно к нему примыкал Фест, место рождения Эпименида, который, как говорят, получил свое происхождение и название от сикионского Гераклида.⁸⁸¹ Здесь, наряду с Гераклом, особые почести оказывались Аполлону и Латоне.⁸⁸² Далее к [pg 228] западу, в горах, находилась Тарра, один из самых древних и значительных храмов Аполлона.⁸⁸³ Здесь, согласно критской традиции, жил Карманор, отец менестреля Хрисотемиса, жрец, который, как говорят, очистил самого Аполлона от крови [питона](#)⁸⁸⁴; эта легенда, если сравнить ее с рассказом о его искуплении на алтаре в долине Темпе, показывает, как легенды, связанные с поклонением Аполлону, перешли на Крит и там снова пустили корни. С проживанием Аполлона в качестве беженца в доме Карманора связано предание о его любви к Акакаллис, которая родила ему Наксос,⁸⁸⁵ или Милет,⁸⁸⁶ или Филандер и Филакис, которые в священном приношении элейцев в Дельфах были представлены сосущими сосок козы.⁸⁸⁷ Этот Элирус, как и большинство древних городов Крита, был расположен в горах внутренней части острова, вероятно, недалеко от Тарры.⁸⁸⁸ Хотя не сохранилось [pg 229] свидетельств, достаточных для общего вывода, но те, что мы привели, утверждают, что не коренные жители горы Ида и не предполагаемые колонисты из Финикии, а только дорийские захватчики сделали Крит штаб-квартирой поклонения Аполлону: Поэтому мы утверждаем, что это поклонение (как первоначально основанное на Крите) не имело ни малейшего отношения к восторженным (и, вероятно, фригийским) оргиям в честь иддейского Зевса, корибантов и т. д. Однако из-за того, что эти церемонии проводились на столь близком расстоянии друг от друга, вскоре возникла путаница, так что в более поздние времена куреты стали называться сыновьями Аполлона.⁸⁸⁹ Согласно некоторым писателям, отцом Аполлона был Корибас, который, как сообщается, оспаривал у Зевса суверенитет Крита.⁸⁹⁰

6. С Крита мы теперь отправимся на Делос. Вергилий, основываясь на авторитете (как представляется) какого-то древнего эпического поэта, называет критян служителями делийских алтарей.⁸⁹¹ Путешествие Тесея из Кноса на Делос также основано на той же связи, как будет более подробно объяснено далее.⁸⁹² Однако мы не должны слишком поспешно заключать, что в эпоху Миноса, когда критяне были доминирующей нацией на греческом архипелаге, Делос получил поклонение Аполлону от критской колонии.⁸⁹³ С большей [pg 230] вероятностью можно предположить, что дорийцы во время своей первой экспедиции на Крит (которая вряд ли могла пройти столь большое расстояние, не оставив после себя следов своего существования) основали святилище на Делосе; поскольку традиция передачи священных даров из страны гиперборейцев на этот остров наиболее просто объясняется как память о религиозной связи, которая когда-то долго поддерживалась с помощью священных процессий с северными поселениями дорийцев.

7. Что касается присутствия критян в Дельфах, то это не что иное, как попытка этих островитян, живших на самой границе греческой территории, получить для себя кредит взаимного влияния на ранние поселения своей собственной расы и религии. В "Гимне" Гомера мы находим, что Аполлон, спустившись с Олимпа, сам основал свой храм в Пифо, а затем получил опытных жрецов, менестрелей и [пророков](#)⁸⁹⁴ из Кноса; для этого он, в виде дельфина, провел критское судно в Криссу. Крисса, или Цирра (поскольку одно и то же место первоначально обозначалось обоими названиями, я считаю [несомненным](#)⁸⁹⁵), укрепленный город в самой глубине Криссейского залива, вероятно, был поселением этой критской колонии, поскольку название Κρίσσα, похоже, означает не что иное, как *критский* город (Κρησῖα πόλις).⁸⁹⁶ Хотя само пифийское святилище находилось на территории Криссы,⁸⁹⁷ [pg 231] однако город Крисса обладал, помимо алтаря Аполлона Дельфийского на берегу, в ранние времена одним из главных храмов Аполлона:⁸⁹⁸ поэтому в "Каталоге" Гомера *священная* Крисса упоминается вместе со скалой Пифо; а пифийское святилище римский поэт называет Crissæa templa, основываясь на какой-то древней традиции. Это выражение, должно быть, заимствовано из стихов, написанных до разрушения Цирры (около 585 г. до н. э.), до того, как этот город своими поборами и притеснениями паломников заслужил гнев Амфикифонийской конфедерации; маловероятно, что он сохранил долю в управлении Дельфийским храмом до самого последнего момента своего политического существования, когда его посетило разрушение, настолько полное, что почти лишило нас всякого знания о его предыдущей истории. Неукрепленный город Дельфы, который вместе с амфикифонами получил после этой войны единоличное управление храмом, ранее, возможно, не был важным местом; по крайней мере, он не упоминается ни в каких более ранних сочинениях, кроме одного из самых поздних гимнов Гомера и Гераклита Эфесского.⁸⁹⁹

8. В древности службу в храме, как явствует из гомеровского гимна, как на Делосе, так и в Дельфах совершали критяне, но вряд ли они составляли все население страны. Ведь, во-первых, обширная территория храма [pg 232] обрабатывалась подвластным народом, о котором мы будем говорить далее, и который, конечно, не был дорийского, а возможно, в редких случаях и критского [происхождения](#)⁹⁰⁰; кроме того, существовала местная знать, влияние которой на храм было очень значительным. Это те, кто, по словам Еврипида, "сидел у треножника, дельфийская знать, избранная по жребию"⁹⁰¹; их также называли "владыками и князьями дельфийцев". Они же образовали уголовный суд, который по решению пифии приговаривал всех преступников против храма к сбрасыванию с обрыва.⁹⁰² Этим же лицам, несомненно, принадлежало разрешение и руководство древним обрядом изгнания; в их обязанности (как и в обязанности суда жрецов Самофракии) входило определять, подлежит ли убийца изгнанию или нет. Их влияние на оракул было настолько

велико, что можно считать, что они были его фактическими руководителями. Об их политических пристрастиях можно судить по тому факту, что дельфиец Тимаситей отличился своей смелостью и решительностью среди аристократической партии Исагора в Афинах.⁹⁰³ Похоже, что эти семьи первоначально пришли в Дельфы из горной страны, расположенной в глубине материка. Так, главные жрецы бога, пять Ὀσίοι, были выбраны по жребию из нескольких семей, ведущих свое происхождение от Девкалиона,⁹⁰⁴ что, вероятно, означало их происхождение [pg 233] из Ликореи на высотах Парнаса, основанной (как предполагалось) Девкалионом, отцом Эллина;⁹⁰⁵ из этого города, как известно, происходила большая часть населения Дельф.⁹⁰⁶ Это место, следы которого до сих пор сохранились в деревне Лиакура (ныне заселенной только летом горными пастухами)⁹⁰⁷, по всей вероятности, было дорийского происхождения, так как через него проходило сообщение между Тетраполисом и Дельфами.⁹⁰⁸ Язык, на котором говорили в Дельфах, также был дорийским диалектом.⁹⁰⁹

Если это так, то дорийские горцы с высот Парнаса и критские колонисты на морском побережье встретились вместе (по очень неопределенным подсчетам, примерно за 200 лет до переселения дорийцев в Пелопоннес), чтобы установить дельфийский культ. Следует отметить, что дорийский диалект, который преобладал в Дельфах, был общим для обеих сторон. Из многих традиций и исторических следов известно, что связь, установленная критянами, продолжалась долгое время.⁹¹⁰ Древние палатки из перьев и деревянная статуя [pg 234] Аполлона, возможно, один из самых древних образцов грубой резьбы, также, как сообщается, были привезены с Крита. Сказочная череда дельфийских менестрелей началась с Хрисотемиса, сына Карманора, вышеупомянутого жреца Тарры.⁹¹¹ Крит, однако, посылал в Дельфы не только произведения скульптуры и гимны, но иногда даже людей,⁹¹² для служения пифийскому Аполлону.

9. Я не знаю, достаточно ли этих рассказов, чтобы дать внятное описание того времени, когда поклонение Аполлону, установившееся у подножия Олимпа, на Парнасе и на далеком острове Крит и обеспечившее определенную степень связи между этими пунктами, еще не проникло ни в одну часть Греции, лежащую к югу от СЕта и Парнаса.

Кроме того, очевидно, что распространение этого культа встретило длительное противодействие. Аполлон в древних традициях представлен как сам защищающий свой храм.⁹¹³ Флегийцы на востоке и этолийцы на западе, по-видимому, были особенно против поклонения дельфийскому Аполлону. О том, что национальное противостояние было вызвано тем, что флегийцы владели крепостью Панопея в горных проходах в Беотию, свидетельствуют легенды о том, что их вождь Форбас боролся там с Аполлоном; что Флегий сжег храм дотла; и, наконец, что Аполлон истребил весь их род громом и молнией.⁹¹⁴ Этот же народ представлен здесь как ведущий войну с [pg 235] великим божеством дорийцев, которое под именем Лапитæ противостояло самим дорийцам в Фессалии. А с другой стороны, Аполлон, согласно "Поэмам" Гесиода и Миняда, помогал локрийским куретам против этолийцев и убил их князя Мелеагра.⁹¹⁵

Глава II.

§ 1. Распространение поклонения Аполлону с Крита. § 2. в Ликийи. § 3 и 4. в Троаде. § 5. во Фракийи. § 6 и 7. на побережье Малой Азии. § 8. в Трезене, Тхенаруме, Мегаре. § 9. Торик. § 10. и Лейкатас. § 11 и 12. в Беотии. § 13. 14. и 15. и в Аттике.

1. Но в то время как поклонение Аполлону испытывало столь сильное противодействие на севере Греции, море с соседними побережьями и островами предоставляло широкие возможности для его распространения с берегов Крита. Этим объясняется тот необычный факт, что древнейшие храмы Аполлона на юге Греции находятся в приморских районах и, как правило, на мысах и мысовидных островах.

Колонии Аполлона разветвлялись в различных направлениях от северного побережья Крита, неся с собой искупительные и оракульные церемонии его поклонения.⁹¹⁶ Однако удивительную регулярность, с которой создавались эти поселения, нельзя рассматривать как работу миссий [pg 236], проводимых систематически, или как часть политики Миноса.⁹¹⁷ Их следует объяснить естественным желанием племен Крита, мигрировавших вдоль побережья Эгейского моря, возводить везде, где они касались его, храмы тому богу, поклонение которому было связано с их духовным существованием.

Сначала мы расскажем о тех поселениях, которые (принимая побережье Крита за центр) были основаны в направлении Ликийи, Милета, Клароса и Троады; первое и последнее из них были самыми древними, а остальные, возможно, возникли столетием [позже](#)⁹¹⁸.

2. Геродот утверждает, что Сарпедон переселился с некоторыми *варварскими* народами с Крита в Ликийю или Милию.⁹¹⁹ Этот ничем не подкрепленный и необычный рассказ, однако, вероятно, не основан на традиции; популярно мнение, что он был братом Миноса Кносского, которого представляли как принца чисто эллинской крови. Таким образом, критские законы (то есть дорийские обычаи, которые впервые получили полное развитие на Крите), а также дорийское поклонение Аполлону были распространены в Ликийи. Ибо расположение главных храмов является достаточным доказательством того, что поселенцы Ликийи пришли не из внутренних стран Азии, а через море на побережье. Ксанф, город, прославившийся доблестью своих [жителей](#)⁹²⁰ и расположенный на одноименной реке, был критским [pg 237] [поселением](#)⁹²¹. По ликийской традиции, Ксанф был отцом Миноса, Радаманта и [Сарпедона](#)⁹²²; в этом городе был храм, посвященный [Сарпедону](#)⁹²³; но неясно, старшему ли Сарпедону, брату Миноса, или младшему, герою из той же семьи, упомянутому у Гомера, чей труп Аполлон спас от греков и доставил на [родину](#)⁹²⁴. Аполлону также поклонялись под именем Сарпедония.⁹²⁵ В шестидесяти стадиях ниже города и в десяти от устья реки Ксанф находилась роща, священная для Латоны, рядом с древним храмом ликийского Аполлона.⁹²⁶ Сюда богиню привели волки; здесь же она искупала в реке своих новорожденных [младенцев](#)⁹²⁷ и была гостеприимно принята старухой в убогой [лачуге](#)⁹²⁸. Это единственные остатки национальной традиции, которая по своему характеру, возможно, была лишь другой версией той, что была распространена на Делосе. Но главным храмом был храм в Патаре, в южной части Ликийи,⁹²⁹ зимнем жилище бога, где он также произносил оракулы устами жрицы.⁹³⁰ Подношения пирогов в форме лир, луков и [pg 238] стрел, которые приносили Аполлону в Патаре, напоминают нам о подобных обычаях на Делосе и служат новым доказательством тесной связи между культами этих двух стран.⁹³¹

Еще дальше к востоку находился оракул Аполлона Тиркса у Кианских [островов](#)⁹³²; к западу - Тельмис с его толкователями снов, которые приписывали их происхождение [Аполлону](#)⁹³³. Не только упомянутые города, но и почти все другие на побережье Ликийи почитали бога, от которого произошло даже название [страны](#)⁹³⁴.

К числу таких поселений, вероятно, следует отнести и поселение на мысе Корик в Киликийи, поскольку в его окрестностях мы находим храм Зевса Сарпедона. Название этого места, если сравнить его с названием Корикийского грота на Парнасе, само по себе является достаточным доказательством того, что там преобладало поклонение Аполлону, что еще

больше подтверждается традицией, согласно которой олени переплывали оттуда в Куриум на Кипре.⁹³⁵ Здесь также стоял алтарь Аполлона, отличавшийся особой святостью, к которому никому не разрешалось прикасаться под страхом быть сброшенным со скал соседнего мыса. В этом наказании мы сейчас [pg 239] узнаем одну из форм искупительных обрядов, которые повсеместно сопровождали поклонение Аполлону.

3. Ни в одном месте не было столько храмов Аполлона на столь малом пространстве, как на побережье Трои; Килия, в углублении Адрамитского залива; Хриза, на территории Гипоплакийских Фив⁹³⁶; Сминтеум, в непосредственной близости от него⁹³⁷; остров Тенедос (чьи религиозные церемонии каким-то непостижимым образом были перенесены в Коринф и Сиракузы)⁹³⁸, - все они упоминаются в нескольких стихах "Илиады"⁹³⁹. Не менее знаменитой была Тимбра, расположенная у слияния рек Тимбрия и Скамандр, где Кассандра, по преданию, воспитывалась в храме Аполлона и таким образом научилась искусству пророчества.⁹⁴⁰ В самой троянской цитадели Пергама находился храм Аполлона с Артемидой и Латоной, и поэтому Гомер представляет этих трех божеств как защитников падающего города⁹⁴¹. Однако важно отметить, что жители Зелеи, города у [pg 240] северного подножия горы Ида, родного места лучника Пандара, сына Ликаона, поклонялись Аполлону под именем Ликий, или Лицеген; и что Зелея также называлась Ликией⁹⁴², ибо эти факты показывают, что между названием Ликия и поклонением Аполлону существовала реальная связь и что именно поклонение Аполлону дало название этому району Трои, как и стране Солимийцев. В Хризе Аполлон также назывался Ликей.⁹⁴³ Происхождение этого культа нельзя отнести ни к коренной троянской и дарданской расе, ни к более поздним эолийцам, хотя они в большинстве своем приняли его в свои религиозные обряды.⁹⁴⁴ Однако из древней традиции известно, что критяне также колонизировали это побережье, хотя нам неизвестно, что именно рассказал о нем Каллин, древний элегический поэт,⁹⁴⁵ который сохранил его. Однако было распространено мнение, что Аполлон Сминфей и весь троянский народ происходили с Крита.⁹⁴⁶ Последнее предположение, что все троянцы были критского происхождения, в высшей степени невероятно; но вряд ли [pg 241] можно отрицать, что в Трое появилась критская колония в связи с Аполлоном Сминфеем. Действительно, критяне, населявшие окрестности Трои, должно быть, часто упоминались в древних преданиях, поскольку сохранился странный рассказ об их строгом отправлении правосудия.⁹⁴⁷ Если бы мы могли получить более достоверный источник преданий, касающихся религиозного культа, чем лживые рассказы поэтов, мы, возможно, нашли бы в нем много подтверждений исторических следов, на которые мы только что обратили внимание. Уже сейчас мы можем понять, что рабство Аполлона при Лаомедоне⁹⁴⁸ - та же басня, что и рабство Адмета в Фере, изменилось лишь место действия.

4. Наблюдая за тем, как Гомер рассказывает о поклонении Аполлону в разных троянских семьях, мы можем обнаружить удивительную последовательность и связь в древней традиции.

Прежде всего, он представляет его как принадлежащего главным образом к роду Пантоидов. Пант (от которого племя в современном Илиуме получило свое название Πανθωϊς)⁹⁴⁹ был жрецом бога,⁹⁵⁰ и поэтому его сыновья находились под защитой Аполлона в бою.⁹⁵¹ Отсюда и Эвфорб, потомок Панта, выбран для убийства Патрокла, который, как и все другие закиды, в героической мифологии был представлен как одиозный для Аполлона.⁹⁵²

[pg 242]

Другая семья, описанная в "Илиаде" как связанная с Аполлоном, - это семья Энея, которого, раненного Диомедом, сам бог отвел в свой храм в цитадели Трои и передал на попечение

Латоны и Артемиды.⁹⁵³ То, что эта история не была просто произвольным вымыслом поэта, может быть ясно доказано. Ведь мы знаем, что после падения Трои оставшиеся троянцы все еще держались в горах; Геродот упоминает их как отдельное государство, существовавшее в крепости Горгис, в дефиле [Иды](#)⁹⁵⁴, и даже после Пелопоннесской войны дарданские князья правили здесь и в [Скепсисе](#)⁹⁵⁵. Мы думаем, можно доказать, что пророчество [Гомера](#)⁹⁵⁶ о будущем господстве потомков Энея над остатками троянского народа относится исключительно к городу Горгису и, возможно, к соседним долинам. В Горгисе был главный храм [Аполлона](#)⁹⁵⁷, и в этом же городе находился древний сивиллинский оракул, известный под названием Эллиспонтского или Мермесского. Теперь мы видим, что древний поэт, будучи хорошо знакомым с существованием Энеады в Горгисе, ее праздниками и жертвоприношениями, считал себя обязанным, согласно [pg 243] духу мифологии, представить Аполлона как древнего хранителя этой семьи.

Мы воспользуемся этой возможностью, чтобы кратко указать на результаты, которые можно извлечь из этих фактов в качестве иллюстрации к басне об Энее. Прежде всего, мы должны предположить, что вышеупомянутый оракул Аполлона в Горгисе возвестил троянским горгитянам о восстановлении их народа под властью потомков Энея. Такое пророчество, на самом деле, настолько точно соответствует духу и системе древних оракулов, что в его существовании едва ли можно сомневаться. Надежды, стремление к восстановлению древнего могущества обязательно должны были принять такую форму среди бедствующих и покоренных троянцев. Колония горгитов также населяла территорию Эолийского [кума](#)⁹⁵⁸, где находился великолепный храм [Аполлона](#)⁹⁵⁹, и если бы эти оракулы были известны кумеям, они бы с готовностью перешли к их родственникам - кумеям Кампании. В этом последнем месте на вершине скалы стоял храм Аполлона (один из древнейших во всем поселении, и, как утверждали, построенный Дедалом)⁹⁶⁰; под ним находился грот Сибиллы. Здесь, как говорят, высадился Эней; и здесь же, по словам Стесихора, он остался и никогда не ходил дальше на север.⁹⁶¹ Нет ничего более вероятного, чем то, что эти оракулы в обоих случаях применялись на месте, и что в результате новая Троя была [pg 244] основана как в Азии, так и в Италии. Поэтому, когда греческие сивиллины оракулы, связанные с поклонением Аполлону, стали государственными оракулами Рима, все, что было предсказано о районах вблизи Геллеспонта, без всяких угрызений совести и церемоний (хотя и не без изобретательности комментаторов и толкователей) было применено к Риму. Очевидно, что происхождение странной басни об Энее, отце Ромула, и всего того, что было добавлено к ней впоследствии, можно объяснить таким простым способом.

5. Древнейший храм Аполлона во Фракии также был основан критянами, как и храм в Исмарусе или [Маронее](#)⁹⁶²; жрец Марона, согласно традиции, был критским [авантюристом](#)⁹⁶³. С этим святилищем, вероятно, был связан древний оракульный храм Аполлона в Дерене близ [Абдеры](#)⁹⁶⁴, о котором упоминается в изображении на монетах Абдеры; на одной стороне которого изображен Аполлон со стрелой в руке, а на реверсе - грифон, символ, который, по-видимому, был принят тейцами в связи с тем, что они некоторое время проживали в своей колонии Абдера.

6. Критские поклонники Аполлона также основали несколько значительных храмов на ионическом побережье. Главным из них был Дидимеум на территории Милета. До ионического переселения Милет был критской крепостью на побережье, в стране, которая в то время называлась Кария.⁹⁶⁵ Разногласия в традициях относительно того, кто был основателем - Сарпедон или Милет (критянин), скорее подтверждают, чем ослабляют [pg 245] основной факт его переселения с Крита, причем обе традиции описывают один и тот же факт по-разному. С основанием этой крепости было связано основание храма, который

приписывается Бранху, искупительному [жрецу](#)⁹⁶⁶ из Дельф, чье имя (хорошо подходящее для пророка)⁹⁶⁷, превратившееся в отчество, было впоследствии принято жрецами [храма](#)⁹⁶⁸; сам храм и даже место (которое также называлось Дидима). Таким образом, мы снова видим новую связь между дельфийцами и критянами, между которыми почти не было различий до того, как они были рассеяны различными миграциями дорийской расы. Поклонение в Дидиме было фактически таким же, как на Крите и в Дельфах; искупительные церемонии и пророчества были объединены, и последние произносились с обрядами, очень похожими на те, что наблюдались у пифийского оракула. Аполлон здесь назывался Филесий и Дельфиний, эти имена впоследствии были приняты другими [ионийцами](#)⁹⁶⁹; с ним был связан Зевс, оба, согласно Каллимаху, были предками Дидимы; а также Артемида, которая в древнем гимне, приписываемом Бранху, вместе с Аполлоном обращается под именами ἑκάεργος и ἑκαέρυη.⁹⁷⁰ Руины этого храма, столь высоко чтимого в Азии, до сих пор свидетельствуют о его древней славе и великолепии. От храма [pg 246] до [гавани](#)⁹⁷¹ Панормуса шла священная дорога, украшенная с обеих сторон более чем шестьюдесятью статуями очень древней работы: среди них египетский лев, свидетельствующий о связи царя Нехо с [оракулом](#)⁹⁷². Ионийцы из Милета, однако, признали бога Бранхид главным божеством в своем городе и ввели его в свои многочисленные колонии, от [Наукратиса](#)⁹⁷³ до [Кизика](#)⁹⁷⁴, [Париума](#)⁹⁷⁵, Аполлонии [Понтийской](#)⁹⁷⁶ и далекой Таврики: монеты и надписи этих мест сходятся в том, что он изображается как божество-хранитель (προστάτης).⁹⁷⁷

7. Братом-близнецом дидимейского бога, как по происхождению, так и по сходству поклонения, является кларский Аполлон. Как бы ни были сказочны конкретные обстоятельства его основания, в древности все же невозможно было придумать религиозную колониальную связь там, где ее на самом деле не существовало. Предания явно подразумевают двойную зависимость заведения в Кларосе: от Дельф и Крита. Манто, дочь фиванского прорицателя Тейресия, была, по словам эпических поэтов, посвящена Эпигонами дельфийскому Аполлону после [pg 247] взятия Фив,⁹⁷⁸ а затем была послана Аполлоном на место, где ионийцы в более поздний период основали город Колофон; Повинуясь велению оракула, она вышла замуж по пути за критянина Рация, чье имя, согласно диалекту Крита, имело двойную форму - Раций и Лаций.⁹⁷⁹ Аугиас, поэт-циклист, упоминает гробницу ее отца Тейресия в Колофоне,⁹⁸⁰ который, как принято считать, находился в Беотии. Потомком этого брака был Мопсус, которого, вероятно, называли родоначальником семьи, из которой даже в римское время выбирали жрецов оракула.⁹⁸¹ Формы пророчества в этом храме также были похожи на те, что были в Дельфах.

Другие храмы Аполлона на побережье Малой Азии, как правило, были связаны с одним из четырех уже упомянутых. Храм Левкей, между Смирной и Фокеей (где кумейцы отмечали праздник)⁹⁸², вероятно, принадлежал к троянской семье, к которой, по-видимому, относится и гринейский Аполлон на территории Мирины близ Кумэ (где также находился оракул)⁹⁸³. Аполлон [pg 248] Маллойский, на территории Митилены, на Лесбосе, был ответвлением кларианского [культа](#)⁹⁸⁴: к этой же ветви принадлежал и оракул Аполлона в Малле в [Киликии](#)⁹⁸⁵, так как его, по преданию, основал Мопсус, сын Манто.

8. Поклонение Аполлону проникло и в некоторые районы европейской Греции, где оно было установлено критскими искателями приключений на мысах и мысах, в частности, в Трезене, Тенаруме, Мегаре и Торики.

ТРЕЗЕН, как уже отмечалось [выше](#)⁹⁸⁶, имел с Афинами общую расу жителей и культ, а также связь между Афинами и Критом, значение которой будет объяснено [далее](#)⁹⁸⁷. Таким образом, мы можем предположить критское происхождение девяти семей, которые существовали в Трезене в поздние времена и в ранние времена совершали обряды

искупления и очищения (первым из которых, как говорят, был Орест) возле лаврового дерева перед храмом Аполлона и священного камня перед храмом ликийской [Артемиды](#)⁹⁸⁸.

[стр. 249].

Считается, что искупительное [учреждение](#)⁹⁸⁹ на мысе ТЕНАРУМ также было основано критянином [Теттиксом](#)⁹⁹⁰, который является просто олицетворенным символом Аполлона, как Лик, Коракс, Цикнус и т.д. в других местах. Считается, что Каллондас очистил душу убитого Архилоха у этих ворот в адские области. Учитывая близость Делиума в [Лаконии](#)⁹⁹¹ и маленького острова Миноа к этому храму, мы можем заключить, что происхождение этого святилища было связано с этими местами.

Перед гаванью МЕГАРЫ находился другой остров, называвшийся Миноа, и там сохранились многочисленные легенды, в которых критяне Миноа (хотя, возможно, лишь в результате искажения первоначальной традиции) представлялись врагами и грабителями. В Мегаре было две цитадели: карийская с храмом Деметры и более современная, расположенная в сторону моря, над которой возвышались храмы Аполлона. Считается, что ее построил Алкаф, сын Пелопса, а Аполлон стоял рядом и играл на своей лире. На том месте, где бог положил свою лиру, был выставлен каменный звукоряд.⁹⁹² На эту же басню ссылаются и Феогнис из Мегары.⁹⁹³ Здесь, таким образом, есть культ и храмы более раннего времени, чем дорийская миграция, и которые, несомненно, происходили [pg 250] с Крита. На бывшей цитадели стояла статуя Аполлона Декатефора,⁹⁹⁴ "получателя десятины", чье имя объясняется басней о том, что дочь Алкафа была однажды отправлена в качестве дани на Крит, как и афинские юноши и девы. Таким образом, факт, который вскоре будет доказан в отношении Афин, относится и к Мегаре - то, что эти миссии всегда передавали священную десятину.⁹⁹⁵

9. Процесс нашего исследования вскоре приведет нас к рассмотрению аттических легенд, состоящих из путаной массы преданий, которыми было озадачено поклонение всем богам, включая Аполлона, в этой стране.

Начнем с легенд, связанных с храмом Аполлона в ТОРИКУСЕ. Торик, расположенный на юго-восточном побережье Аттики, был одним из древних двенадцати городов этой страны, [pg 251] и всегда оставался значимым местом, от которого до сих пор сохранились значительные остатки. Благодаря своему выгодному положению, он вскоре стал торговой станцией; критские суда в древности имели обыкновение бросать якорь в его гавани.⁹⁹⁶ Басня о Цефале и Прокриде, судя по некоторым поэтическим и мифологическим рассказам, была связана с Критом и поклонением Аполлону.⁹⁹⁷ Мы точно знаем, что Цефалиды, существовавшие в Аттике в более поздний [период](#)⁹⁹⁸, сохранили некоторые наследственные обряды Аполлона: когда в десятом поколении Халкин и Дейт, потомки героя, вернулись в страну, которую их предок покинул из-за убийства, они немедленно построили храм этому богу на дороге в Элевсис.⁹⁹⁹

10. Но басня о Цефале была связана и с другим великим храмом Аполлона, который на западе Греции смотрел вниз с меловых скал мыса Леукатас на Ионическое море, и от которого до сих пор сохранились руины.¹⁰⁰⁰ Говорят, что Кефал, герой Торики, достиг этих мест в компании с [Амфитрионом](#)¹⁰⁰¹, он же первым совершил знаменитый прыжок со скалы Лейкатас.¹⁰⁰² Этот прыжок, несомненно, изначально имел религиозное значение и был искупительным [pg 252] обрядом. На афинском празднике Таргелия, священном для Аполлона, преступников, увенчанных жертвами, подводили к краю скалы и сбрасывали вниз; та же церемония, похоже, совершалась в некоторых священных случаях в Леукатасе.¹⁰⁰³ Здесь, однако, падение преступника прерывалось привязыванием к его телу перьев и даже

птиц; внизу его поднимали и относили на расстояние, чтобы он мог унести с собой все частицы вины. В этом, несомненно, заключался первоначальный смысл прыжка Цефала, который был запятнан виной в убийстве и по этой причине бежал из своей страны. Согласно легенде, приведенной в древней эпической поэме, его очищение произошло в [Фивах1004](#), в то время как лейкадская традиция, несомненно, представляла его прыжок со скалы как акт искупления.

В более поздние времена, правда, цель этого прыжка была полностью изменена; предполагалось, что он был характерен для разочарованной любви. [1005](#) Такое необычное применение древнего обычая придало романтическую окраску легенде, связанной с ним. В последующие времена Цефал и Прокрис также представлялись как мучимые любовью и ревностью. Вероятно, эта история отчасти приобрела такую форму на Кипре, острове Афродиты, куда басню о [Цефале1006](#) рано перенесли аттические поселенцы. Но как бы она ни была извращена, мы не можем сомневаться, что прыжок Цефала с [pg 253] лейкадской скалы был частью искупительного поклонения Аполлону.

Эти соображения относятся к критским обрядам, совершавшимся в Торикусе. В самих Афинах традиции Крита и Дельф были объединены вместе, поэтому нам необходимо сначала вернуться к последним и проследить за пифийским поклонением через Беотию.

11. Сейчас не время и не место рассказывать о том, как пифийский культ, несмотря на противодействие враждебных рас, проследил маршрут процессии через перевалы Парнаса. Этот факт действительно очевиден из почти непрерывной цепи храмов и оракулов, звенья которой - Турий, Тильфосий, храм Галаксия, оракул Эвтресиса, Исмений, Тенериум, Птум и Тегира - связаны либо традицией, либо религиозными обрядами с Дельфами. Делиум, вероятно, единственное место на восточном побережье, основанное из Делоса. Пиндар представляет создание нескольких таких храмов в виде переселения самого бога. [1007](#)

Я ограничусь тем, что остановлюсь на некоторых из вышеупомянутых храмов.

Первый по порядку - оракул у фонтана Тильфоссы под горой Геликон, известной могилой Тиресия и памятником Радаманту, который, как говорят, жил здесь с Алкменой, матерью [Геракла1008](#). С этим местом связаны некоторые примечательные традиции критских поклонников Аполлона, составляющих ветвь колонизации Цирры; на них ссылается Гомер в своем рассказе [pg 254] о том, как фракийцы привели Радаманта на Эвбею, чтобы он увидел [Тития1009](#) - примечательный отрывок, который я могу понять только так, что критский герой желал увидеть Тития, побежденного Аполлоном.

Тегира была местом, имеющим большое значение в беотийской традиции, как место рождения Аполлона. [1010](#) Дельфийский оракул был более благоприятен для этой традиции, чем Делосский. [Пиндар1011](#) представляет юношу-бога как прибывшего, чтобы завладеть Пифой из Тегиры, а не с Делоса, как аттические поэты.

12. Тождество беотийского и дельфийского поклонения Аполлону особенно ярко проявилось в храме Исмены в Фивах. Как в Дельфах каждые восемь лет убивали Пифона и заново ломали лавр, так и в Фивах в те же периоды происходила процессия лавроносцев, использование которой в качестве меры времени очевидно. [1012](#) Здесь также, как и в Дельфах, перед храмом ставили статую Афины (πρόναος). [1013](#) Священными сосудами в обоих храмах были треножники, хотя в последнем они никогда не использовались для пророчеств. В более поздние времена жрецы довольствовались наблюдением за предзнаменованиями по пламени и пеплу жертвоприношений, [1014](#) как πυρφοοί в Дельфах; [1015](#) хотя [pg 255] способ произнесения оракулов под влиянием душевного энтузиазма был распространен и в Фивах в

более ранний период; По крайней мере, Тиресий (которого мы можем рассматривать как пророка из храма Исмены)¹⁰¹⁶ ни у Гомера, ни у трагиков не фигурирует в качестве прорицателя из огня.

Однако то, что весь культ Аполлона не был одним из тех, что первоначально были установлены в Фивах, станет ясно из следующих наблюдений. В древних легендах о Кадме, в которых последовательно преобладают Деметра, Кора, Кадм, а затем Вакх, Аполлон никогда не появляется в заметном образе. Ибо отдельные добавления поэтов можно легко отличить от подлинной народной традиции. Басню о том, что Кадм после убийства змеи, как и Аполлон, был вынужден прожить *восемь лет* в рабстве,¹⁰¹⁷ следует считать поэтическим переложением. Изначально Кадм и Аполлон не имели между собой никакого сходства. Расположение храма Аполлона в Фивах является самым убедительным доказательством того, что его поклонение было совершенно отличным от любого другого. Древние национальные боги были построены в цитадели Кадмеи, в то время как Аполлону поклонялись не только не в цитадели, но даже без ворот, в храме Исмены,¹⁰¹⁸ который, по словам Павсания, должен был находиться напротив храма Геракла и дома Амфитриона. Эта близость героя и бога, как и все другие точки соприкосновения между ними в Фивах, будут [pg 256] использованы для установления дальнейших выводов, когда мы будем объяснять легенду о Геракле.¹⁰¹⁹

Установить с какой-либо точностью на основании преданий о Тиресии и Геракле время основания беотийских храмов Аполлона вряд ли возможно, поскольку первые не содержат никакой хронологической информации, а вторые совершенно не связаны с остальной фиванской мифологией. Предание об учреждении праздника Дафнефория относит его ко времени переселения *эолийцев*¹⁰²⁰, из чего можно сделать вывод, что эолийцы ввели поклонение Аполлону в Беотии. Однако эта гипотеза привела бы нас к бесконечным недоумениям, и наиболее вероятно, что его распространение происходило постепенно, вскоре после поселения на Цирре, примерно в то время, когда поклонение Аполлону приобрело большое значение в Афинах.

13. Введение этого культа в Аттике точно совпадает с приходом ионийцев в эту страну. Предания о древнейших царях, Хекропсе, Эрихтонии и Эрехтее, в основном касаются храмов, символов и праздничных обрядов Афины; эта богиня, наряду с другими божествами Акрополя, играет в них главную роль, особенно в ее связи с благословениями земледелия. Но с воцарением Иона аттическая мифология принимает совершенно иной характер.¹⁰²¹ Это, как мне кажется, полностью опровергает утверждение ионийцев об их идентичности с коренным народом пеласгов.¹⁰²² Еще более очевидно, [pg 257] что в той мере, в какой ионийцы, будучи воинственным народом,¹⁰²³ отделились от коренных жителей, чьим занятием было сельское хозяйство и земледелие, их эллинское поклонение отклонилось от древнего культа этой страны. Аристотель, правда, говорит об Аполлоне-отце (Ἀπόλλων πατὴρ) как о сыне Афины и *Гефеста*¹⁰²⁴; но это не более чем попытка создать семейную связь между главными богами одного города: ведь где мы найдем храм, посвященный Афине и Аполлону? какие церемонии и жертвы им приносились совместно? и в каких легендах они связаны? Пока не будет обнаружен такой союз двух божеств, мы должны считать Афину древним и родным божеством, а Аполлона - гораздо более поздним. Афиняне, правда, утверждали, что древний герой их страны Эрисихтон, сын самого Кекропса, воздвиг первую статую Аполлона на *Делосе*¹⁰²⁵, но в этом утверждении легко распознать попытку афинян укрепить свои притязания на владычество в Делийском храме и представить свои права как главенствующие над всеми остальными. Во всех рассказах об ионийских князьях (к которым принадлежат *Эгей*¹⁰²⁶ и Тесей), касающихся религиозных институтов, редко упоминаются древние афинские божества, Афина и Гефест. Весь [pg 258] занят рассказами либо об

установлении поклонения Посейдону (которое преобладало в ионийских городах и в местах их народных собраний), либо об установлении и поддержании связи с храмами Аполлона на Делосе, в Дельфах и на Кносе.

14. Во-вторых, сказочная история этих героев также связана с поклонением Аполлону, в той мере, в какой в ней содержится происхождение пифийских теорий. Ион даже является настоящим сыном или приемным учеником пифийского бога; и, по всей вероятности, между двумя его отцами, Аполлоном и [Ксутом1027](#), первоначально было не больше различий, чем между двумя отцами Тесея, Эгеем и Посейдоном. Тесей посвятил свои волосы тому же богу; место в Дельфах называлось Тесея.[1028](#) Об Эгее также рассказывают, что его царство, охватывающее равнину Аттики, простиралось до Пифии, где оно граничило с Мегарисом.[1029](#) Эта Пифия находилась в "священном СЕпоё"[1030](#), укрепленном городе племени Гиппофонтис, на границе Мегариса, Беотии и [Аттики1031](#), к северу от равнины Элевсиса и в местности, отличавшейся необычайным [плодородием1032](#).

Этот храм, очевидно, был построен на границе [pg 259], чтобы предоставить место для отдыха священной процессии, которая в начале весны отправлялась из Афин в Пифо. Если в самом городе наблюдались благоприятные предзнаменования и предполагалось отправить процессию, пророк в Пифе в СЕпоё каждый день совершал жертвоприношения, чтобы обеспечить благоприятное путешествие, подобно тому, как Делийская процессия регулировалась предзнаменованиями, наблюдавшимися в Делии в [Марафоне1033](#). Семьи, которым поручалась подготовка к отправке процессии (вероятно, все они были древнеионийского происхождения), назывались пифаистами и делиастами.[1034](#) Знаменами, на которые обращали внимание, были пифийские молнии - очень необычный способ гадания в Греции. Пифаисты занимали свой пост в городе, возле алтаря Зевса Астрада, между Олимпией и Пифией, которые были одними из самых ранних святилищ, хотя своим величием они обязаны Писистрату.[1035](#) С этого места было принято наблюдать девять ночей в течение трех месяцев за возвышенной вершиной горы [Парнес1036](#), называемой Харма; и только в том случае, если желанные молнии благоприятно вспыхивали над высотами, посольство могло отправиться по пифийской дороге. Эта дорога вела из Афин, близ горы Коридалл (на которой находился храм Аполлона),[1037](#) через Элевсинскую [pg 260] равнину к СЕпоё; оттуда через Дриоскефалльский проход в Беотию, где она касалась Феспий или Фив, затем Лебадеи и Херанеи, а затем проходила через Панопей и Даулис по дефиле между Парнасом и Кирфисом в Дельфы: горная дорога, которую, по словам афинян, они сами [открыли1038](#) и которую Тесей, как говорят, освободил от [разбойников1039](#), подобно тому как он очистил от чудовищ дорогу к перешейку. Эта дорога была священной и для пелопоннесцев, если не считать той ее части, которая проходила через Аттику.[1040](#)

Остается упомянуть еще один примечательный факт, касающийся СЕпоё, который очень поможет нам объяснить басню о путешествии Тесея на Крит: я ссылаюсь на существование гробницы Андрогее, сына Миноса, которого туземцы предали смерти, когда он проходил по пифийской [дороге1041](#). Критянин был убит на священном пути критского культа; Минос пришел отомстить за нарушение священного перемирия, и поэтому Афины были вынуждены послать дань в Кнос. О характере этой дани можно судить по преданию, сохраненному [Аристотелем1042](#), что мальчики, отправленные афинянами на Крит, жили в Кносе в качестве рабов; и что [pg 261] после этого, когда критяне, в силу древнего обета, отправили десятину мужчин в Дельфы, потомки этих рабов отправились с ними и впоследствии перешли оттуда в Италию. Отсюда следует, что афиняне были вынуждены посылать священных рабов в главный храм в Кносе - храм Аполлона. По этой причине они отправлялись каждые восемь лет ($\delta\iota' \ \epsilon\acute{\nu}\nu\epsilon\alpha \ \epsilon\tau\acute{\omega}\nu$)[1043](#), то есть, вероятно, в каждый Эннеатерис критского и дельфийского

праздника; по той же причине они состояли из семи юношей и девушек, так как это число было особенно священным для [Аполлона1044](#).

Хорошо известно, как сильно эта традиция была изуродована афинянами (первоначально, возможно, в их народных легендах, а затем поэтами), в каком одиозном свете она была представлена и настолько смешана с посторонними вещами, что мы только усложним задачу, если попытаемся исследовать все ее составные части.

Однако мы можем с уверенностью утверждать, что путешествие Тесея на Крит изначально не имело иного смысла, чем связанные с ним высадки на [Наксос1045](#) и Делос - распространение религиозного культа.

[pg 262]

Высадка на Делосе - это мифический тип теорий, которые афиняне, как и все жители Ионических островов, с ранних времен отправляли в это [место1046](#) ; кроме того, корабль, доставивший Тесея домой, всегда считался священным судном. Его отправляли на Таргелии, после того как жрец в шестой день Таргелиона увенчивал [крышу1047](#).

Среди прочих дельфийских обрядов поклонение Эйлитии также было в то время перенесено в Афины, вероятно, с острова Крит, где уже упоминалась древняя пещера богини, расположенная недалеко от [Амниса1048](#). Одним из пунктов, которого касалась процессия из Аттики на Крит, был город-порт и гавань Прасия на восточном побережье Аттики, где, кроме храма Аполлона, находилась гробница Эрисихтона, дельфийского и афинского героя; по преданию, из этого порта на священный остров перевозили дары [гиперборейцев1049](#).

Наконец, происхождение дельфийского праздника искупления из Дельф и Крита столь же очевидно, как и его введение ионийскими князьями; ведь Эгей жил в Дельфах и был там похоронен. Ему же приписывают учреждение дельфийского [pg 263] трибунала. Тесей перед походом на Крит положил здесь оливковую ветвь, перевязанную шерстью, в шестой день [Мунихиона1050](#) , и очистился от убийства [Паллантиды1051](#).

15. Политическая ситуация, связанная с поклонением Аполлону в Афинах, все еще требует внимания. Из наших предыдущих наблюдений ясно, что ионийцы переняли его у дорийцев; поэтому сам Ион называется сыном пифийского бога. Отцовским божеством Афин был, как говорит Демосфен, не кто иной, как пифийский Аполлон. [1052](#) Тогда мы можем без колебаний утверждать, что ионийцы были единственной расой, у которой существовали гентильные обряды Аполлона, и что только они могли быть правильно названы $\gamma\epsilon\nu\tilde{\iota}\tau\alpha\iota \text{ Ἀπόλλωνος πατρῶου}$. Так, когда архонты при проверке клялись, что кроме Зевса Герцея, домашнего бога, они поклоняются также Аполлону [πατρῶς1053](#) ; эта форма клятвы возникла в то время, когда только Евпатриды, то есть знатные ионические и эллинские семьи, имели право на достоинство архонта. И только после того, как при тимократии Солона и демократии Аристиды к этой должности был допущен более богатый класс в целом и весь [pg 264] народ, Аполлон πατρῶς стал рассматриваться как божество, общее для всех семей. [1054](#) Демократические судьи Афин также ежегодно приносили клятву перед этим божеством: [1055](#) эта церемония сначала, возможно, требовалась только от уголовных судей аристократического происхождения, т.е. эфетов. Однако очевидно, что первоначально религия Аполлона была предназначена только для военной касты, древних гоплитов; поэтому он был богом не ремесленников и земледельцев, а воинов. Отсюда же Ион или Ксуф

принял его в качестве афинского бога войны (πολέμαρχος) на празднике [Боэдромии1056](#) , название которого происходит от вступления вооруженных войск в бой.

Поскольку первоначально только евпатриды культивировали поклонение Аполлону, только они владели церемонией очищения, которая здесь, как и в других местах, смешана с обрядами критского культа. Согласно [Плутарху1057](#) , Ион наставлял афинян в религии, то есть в религии Аполлона; и тот же автор [сообщает1058](#) , что Тесей учредил Евпатридов в качестве управляющих правительством, судей и толкователей священных обрядов (ἐξηγῆται ὁσίων καὶ ἱερῶν).

[pg 265].

Под этим мы понимаем, что в их обязанности входило давать информацию обо всем, что касалось *jus sacrum*; в древние времена это особенно включало наказания и отлучения за убийство. Обряды, необходимые для очищения, также полностью находились в руках [евпатридов1059](#) , и именно по этой причине в древние времена они рассматривали каждое убийство, а в более поздние - непредумышленное убийство, связь которых с поклонением Аполлону будет показана [далее1060](#).

Выставить эти моменты в как можно более выгодном свете меня побудила демократическая тенденция афинской поэзии, которая стремилась стереть все следы насильственного захвата Аттики и иноземного происхождения семей Евпатридов. По этой причине свободный период между эпохами Эрехтидов и Эгидов, как известно, заполнялся произвольными вставками, а басня об Ионе была представлена тысячей различных способов. Эта тенденция прослеживается и в трагедии "Ион" Еврипида, искусный и гениальный замысел которой не может не вызывать восхищения. Согласно античной традиции, Ион был сыном героя Ксута или пифийского Аполлона (которые первоначально считались идентичными), и, возможно, Креусы, уроженки Аттики, что было способом выразить его новое поселение там. Еврипид же отделяет Иона от [Ксута1061](#) , который всегда изображается несколько грубым и грубоватым, [pg 266] даже [тираническим1062](#) , и так изменяет всю историю, что герой предстает не как новоприбывший, а как законный отпрыск женской линии расы Эрекхид. Этим приемом поэт сохранил идею о том, что афиняне - коренной народ, которой они так [гордились1063](#) , и отбросил, в наиболее приемлемой для их чувств манере, басню, которая противоречила этой претензии на древность. Сам Ион в трагедии высказывает некоторые весьма популярные чувства; а о власти аристократии, некогда столь прочно установленной, последнее слабое воспоминание почти похоронено в [забвении1064](#).

Глава III.

§ 1. Распространение поклонения Аполлону в Пелопоннесе дорийцами. § 2. Представление его дорийцами на Олимпийском празднике. § 3. Влияние дельфийского оракула Аполлона. Предметы оракула. § 4. Миграции, вызванные оракулом. § 5. Связь Дельфийского храма с Амфиктионами в Фермопилах. § 6. Поклонение Аполлону в Малой Азии и на островах. § 7. В Италии и Сицилии, в Аполлонии и Киринее.

1. Мы подошли к *третьей* эпохе распространения поклонения Аполлону. Первая охватывает самые ранние миграции дорийского народа, когда из Темпы были основаны великие храмы в Дельфах, Кносе и Делосе. Второй период - это [pg 267] морское господство

Миноса, когда берега Азии и Греции были покрыты рощами и искупительными алтарями этого бога. Третья включает в себя главную миграцию дорийцев и другие, вызванные ею. Благодаря этому Аполлон стал главным божеством в Пелопоннесе, где в ранние времена мы находим мало следов его существования. То, что карнейский Аполлон лакедемонян и Аполлон Номий аркадян не являются исключениями из нашего утверждения, будет доказано в последующем исследовании природы и происхождения этих культов. [1065](#)

После дорийского завоевания Пелопоннесе главные храмы повсеместно посвящались Аполлону. Мы уже говорили о святилище Аполлона Пифея, в котором проводили свои собрания аргивские [конфедераты](#)[1066](#); не менее знаменит был и храм Аполлона Ликейя на рыночной [площади](#)[1067](#). Спартанцы также поклонялись этому божеству под первым [именем](#)[1068](#), а жители Сикиона - под [вторым](#)[1069](#). Гекатус, как [pg 268] утверждается, был прорицателем, пришедшим в Спарту вместе с сыновьями Аристодема; его потомок во время второй Мессенской войны занимал ту же должность. [1070](#) Имя этой семьи относится к поклонению Аполлону Гекатусу (богу дальнего плавания). В Спарте Аполлон был национальным божеством; цари приносили ему жертвы в первый и седьмой день каждого [месяца](#)[1071](#); влияние столицы вызвало его распространение по всей [стране](#)[1072](#); [Коринф](#)[1073](#), [Эпидавр](#)[1074](#), [Эгина](#)[1075](#) и [Трезен](#)[1076](#) последовали тому же примеру.

Имя дельфийского бога теперь завоевало на всем Пелопоннесе всеобщее уважение, которым оно так долго пользовалось: оно даже привело к заселению [pg 269] и завоеванию этого полуострова, и поэтому Аполлон был назван дорийцами их *вождем* и *основателем*. [1077](#) Только позднее цари Мессении (которые в целом придерживались дорийских обычаев менее строго, чем спартанцы) вступили в связь со святилищем на Делосе, которое к тому времени уже перешло под власть ионийцев. Около пятой Олимпиады (760 г. до н. э.) Эвмел, коринфский поэт, сочинил для мессенского хора оду этому священному острову. [1078](#) С другой стороны, именно благодаря дорийцам (особенно спартанцам) пифийское святилище осталось независимым, в руках дельфийцев; сохранение его в таком состоянии было одной из обязанностей, унаследованных ими от отцов; [1079](#) и они не раз защищали его, особенно против афинян.

2. Политическая власть дорийцев над всем Пелопоннесом неизбежно обеспечивала преобладание их религиозных институтов; тем не менее мы видим, что у ахейцев и аркадян было мало храмов Аполлона, да и те не были главными в их городах. [1080](#) Поклонение Аполлону, однако, благодаря спартанскому влиянию, пользовалось большим уважением в Тегее (обычаи этого города действительно стали почти полностью дорийскими), где также существовало племя аполлонатидов. [1081](#) Кроме того, страну во всех направлениях пересекали дороги в Олимпию и Дельфы (куда Пелопоннес отправлял свои [pg 270] гекатомбы в начале весны) [1082](#), должно быть, именно это обстоятельство побуждало к созданию храмов в честь Аполлона, примером которых может служить храм в Анфинуме.

Главное божество дорического имени вскоре заняло видное место в национальном празднике, одинаково священном для всех пелопоннесцев; я имею в виду праздник в Олимпии. Учреждение этого праздника, вероятно, относится к раннему периоду; возможно, он имел место в то время, когда власть Пелопида распространилась от Писы и Олимпии на большую часть полуострова. Поэтому элевсинские этолийцы, захватив председательство на этих играх, по велению оракула были вынуждены взять в князья одного из пелопидцев из ахейского города [Гелиса](#)[1083](#). Более того, древнее соперничество между олимпийским и истмийским культом, которое стало причиной запрета на участие в состязаниях на [Перешейке](#)[1084](#), вряд ли могло возникнуть в другое время, чем когда (до дорийской

узурпации) олимпийский Зевс был главным богом [ахейцев1085](#) , а истмийский Посейдон - ионийцев.

Но только после того, как дорийцы, собирая всех пелопоннесцев, по крайней мере каждые четыре года, под защиту своего бога, завладели храмом в Олимпии, а Ифит Итолийский и Ликург Дорийский возобновили эти состязания или придали им большую важность, Аполлон и Зевс оказываются связаны друг с другом и даже соревнуются в ходе [pg 271] Олимпии. Еще один пример изменений: священное перемирие в Олимпии стало называться [Термы1086](#) , а Аполлон, как божество-покровитель и хранитель этого учреждения, стал называться Термием и под этим именем почитался в роще [Альтис1087](#). В это время Геракл (чье поклонение, некогда совершенно неизвестное в Элисе, было введено Ифитом)[1088](#) , как сообщается, также принес дикое оливковое дерево из Гипербореи на Алфей и посадил священную рощу Алтиса.[1089](#) Важное влияние дельфийского оракула на Олимпийские игры привело также к тому, что время их празднования регулировалось пифийским циклом в восемь лет.[1090](#) Ибо если весь цикл в восемь лет состоял из девятиста девяти лунных месяцев, по истечении которых обороты луны и солнца снова почти совпадали, то в Олимпии этот период был разделен на две неравные части по пятьдесят и сорок девять месяцев, так что праздник проходил то в месяц Аполлоний, то в Парфений.

[pg 272]

Введение поклонения Аполлону, должно быть, оказало не меньшее влияние на семьи прорицателей, которые служили у алтарей олимпийских божеств. Это были Клитиады, Иамиды и [Теллиады1091](#) ; из них Клитиады считали себя принадлежащими к роду, от которого произошло очень много прорицателей, а именно [Меламподиды1092](#) . Это объясняет басню о том, что Меламп получил дар пророчества от Аполлона на берегах [Алфея1093](#) , в том месте, где его потомки Клитиады осуществляли этот дар.

3. Дорийская миграция породила множество других, которые распространили поклонение Аполлону в различных направлениях; однако теперь он перестал быть божеством дорийцев и критян, а в более широком смысле стал национальным богом греков. Это произошло в основном под влиянием Дельф, которые, по-видимому, дали главный стимул этой великой миграции. Фактически, с этого времени он стал наделен властью, которая вряд ли принадлежала какому-либо последующему учреждению. Аполлон изображен управляющим народами по своему произволу, заставляющим их, пусть и нехотя, отправляться в далекие экспедиции и указывающим на поселения, которые они должны занять. Для того чтобы составить более четкое представление об этом необычном явлении, необходимо более внимательно изучить состояние непосредственных обитателей пифийского храма.

Когда округ кирхейцев в результате Амфикиционной войны отошел к храму [pg 273] Дельфах, принадлежащие ему священные земли составляли весьма значительную территорию. Две надписи содержат исследования иеромнемона относительно ее границ: одна относится к тем, что находятся в направлении Антикирры на востоке, другая - к тем, что находятся в направлении Амфиссы на западе.[1094](#) Теперь, конечно, видно, что в древние времена, когда существовала Цирра, ни одна из этих земель не принадлежала храму, который, следовательно, должен был обладать небольшой территорией или вообще не обладать ею. Но, несмотря на общепринятые рассказы об Амфикиционной войне, можно с уверенностью доказать, что в более ранние времена Цирра и храм с его придатками составляли единое государство.[1095](#) Их территория действительно состояла по большей части из скал, гор и узких ущелий;[1096](#) но на юге она охватывала просторную равнину Криссы, а на севере, по крайней мере, роскошные виноградники Парнаса. Кто же

возделывал эту территорию? Конечно, не дорийские вельможи и не критские колонисты, которых в гомеровском гимне бог высмеивает за то, что они думают о земледельческих трудах, и велит им заниматься только принесением жертв.¹⁰⁹⁷ Таким образом, очевидно, что при храме были подданные, которые, помимо скромного труда по возделыванию земли, должны были ухаживать за стадами, принадлежащими храму. Это были служители храма, о которых мы так часто упоминаем.¹⁰⁹⁸ Подобное сословие существовало и на Крите, как мы уже доказали на примере дани, посылаемой Афинами; а Крит, в свою очередь, а также Эретрия и [pg 274] Магнесия,¹⁰⁹⁹ посылали таких "человеческих первенцев" в храм Пифона. Упоминается также город на Крите, состоящий из тысячи мужчин, все из которых были священными рабами.¹¹⁰⁰ Эти рабы в Дельфах могли быть получены разными способами, либо в качестве дани (причем как от города, так и от отдельных людей), либо как добровольные кабалы, либо путем покупки:¹¹⁰¹ последний способ, вероятно, редко встречался в ранние времена. До сих пор сохранилось значительное количество дельфийских памятников, в которых частные лица дарят или продают богу тех рабов, которых они хотят облагодетельствовать.¹¹⁰² Положение этих вассалов соответствует положению дорийских кабальеров;¹¹⁰³ но их рабство, вероятно, было более мягким; ведь мы часто встречаем утверждение, что священные рабы жили в неприкосновенности под защитой бога, хотя (по крайней мере, в ранние времена) они полностью зависели от священного совета храма. Первоначально большую часть составляли пленники, взятые на войне. Из древних эпических поэм мы узнаем, что [pg 275] Манто, дочь Тиресия, после войны с эпигонами была отправлена к пифийскому богу как доля добычи¹¹⁰⁴ (ἀκροθίνιον): один человек, как это обычно бывает в языке мифологии, стоял за многих. Гефирейцы также, как говорят, были в то время уничтожены, отправлены из Фив в Дельфы и таким образом прибыли в Афины.¹¹⁰⁵ После персидской войны возникла идея возродить это наказание против фиванцев, враги которых считали их в еще более поздний период уничтоженными в глазах правосудия и отданными в рабство Аполлону.¹¹⁰⁶

4. Когда пифийский бог не хотел или не мог удержать на своей территории собранные таким образом толпы, он отправлял их в качестве колонистов, не отказываясь, однако, полностью от претензий на их послушание. Ранняя греческая история дает несколько примеров такого поведения: самый ранний из них - дорийская традиция о дриопах, которая в некоторых отношениях отличается от их собственного рассказа. Геракл, представленный здесь как дорийский герой, покорил дриопов и привел их в Дельфы в качестве подношения Аполлону, который повелел ему поселить их на южном побережье Аргolidy.¹¹⁰⁷ То, что этот народ, вероятно, пеласгийского происхождения, в ранние времена не поклонялся дорийскому богу, явствует из предания о том, что дриопиец Леогор нарушил храм Аполлона.¹¹⁰⁸ Но столь же несомненно, что отныне они были вынуждены служить Аполлону как своему [pg 276] главному божеству, особенно в образе Аполлона Пифейского в Аргосе.¹¹⁰⁹ Часть этого народа, однако, осталась в Дельфах, где она часто упоминается в более поздние времена под именем *Craugallidæ*, которые, вместе с киррхейцами, появляются как враги храма¹¹¹⁰; из этого обстоятельства можно сделать вывод, что большинство этих киррхейцев были восставшими подданными храма.

Миграция магнезийцев приближается к исторической эпохе. Эта раса, обитавшая под горой Пелион, примерно во время фессалийского переселения почувствовала, что ей так не хватает территории, что она прибегла к помощи дельфийского оракула, по совету которого сократила свою численность; то есть она выслала десятую часть молодого мужского населения, которое (подобно *ver sacrum* в Италии)¹¹¹¹ отказалось от своей родины¹¹¹². Эти молодые колонисты в основном были отправлены к поклонникам Аполлона на Крит, где они основали город Магнесию, о котором Платон говорит как о месте, которое было разрушено, и

считает его прообразом своего идеального государства, Аполлон был его единственным [pg 277] законодателем. [1113](#) Сообщение Крита с побережьем Малой Азии вскоре перенесло этих переселенцев на берега Меандра и Летея, в месте слияния которых они поселились за некоторое время до ионийского [переселения](#) [1114](#) ; они были, как было объявлено впоследствии панэллинским декретом, первыми греками, поселившимися в Малой [Азии](#) [1115](#). Тем не менее, будучи оторванными от своей родины, они, как священные колонисты (ἱεροὶ ἄποικοι), поддерживали вечную связь с Дельфами и были обязаны в древние времена предоставлять всем путешественникам пищу и ночлег. [1116](#) Дельфийцы могли ожидать подобного приема на Делосе. [1117](#) И действительно, продолжительное выполнение обязанностей гостеприимства составляло один из главных объектов этого поклонения. [Павсаний](#) [1118](#) рассказывает об этом очень важном поклонении Аполлону в Магнесии следующим образом: [1119](#) "В Хиле, местечке на территории магнезийцев, [1120](#) есть пещера, посвященная Аполлону; [pg 278] не отличается размерами, но в ней находится статуя Аполлона большой древности, которая дает силу для любого вида работ. Некоторые почитатели с помощью этого изображения бросаются с крутых и высоких обрывов; или вырывают с корнем большие деревья, идя со своей ношей по самым крутым тропинкам". Мы попытались бы более подробно проследить связь Магнесии с Критом и Дельфами, если бы все ниточки истории не были неизбежно прерваны завоеванием этого гордого и процветающего города эфесцами и его полным разрушением киммерийским племенем треров во времена лидийского монарха [Ардиса](#) [1121](#).

У нас есть время, чтобы отметить еще несколько событий подобного рода. Так, эниане пришли к оракулу примерно в то же время и по той же причине, что и магнезийцы; несколько лет они прожили на территории Цирры, а затем были отправлены на берега Инаха в южной Фессалии. [1122](#) Примером исторического авторитета служат халкидеи в Эвбее, молодая часть населения которой была отправлена Аполлоном в Региум в [Италии](#) [1123](#) ; поэтому этот город также отмечал поклонение богу искупительными обрядами и [праздниками](#) [1124](#) , на которые мессенцы Сицилии посылали хоры из тридцати пяти мальчиков через [проливы](#) [1125](#).

[pg 279]

5. Эти события, которые по своей связной форме не могут быть поэтическими вымыслами, дают некоторое представление о широком влиянии Дельфийского храма, могущество которого, вероятно, достигло наивысшей точки в период, непосредственно следующий за дорийскими миграциями. Следовательно, это также была эпоха наибольшего влияния Амфиктионов в Фермопилах; [1126](#) конфедерация фессалийских племен и племен, происходящих из Фессалии, объединила поклонение дорийскому храму Аполлона с поклонением Деметре в Фермопилах, и таким образом эллинское и древнее пеласгическое поклонение были соединены вместе, [1127](#) вероятно, не без цели создать более тесный союз между различными расами Греции. Собрание весной в Дельфах, вероятно, было скопировано с собрания соседних городов на весеннем празднике в Темпе, на котором иногда решались политические [дела](#) [1128](#). Однако власть Амфиктионов в Фермопилах ни в коем случае не была политической, и, за редким исключением, все их постановления и начинания касались защиты прав и владений двух храмов, прав других храмов Греции и поддержания некоторых принципов международного права (νόμοι Ἀμφικτιονικοί), основанных на религиозных представлениях.

6. Дорийские колонии ввели Аполлона в Малую Азию в качестве главного божества своего национального и федерального праздника на мысе Триопиум, [1129](#) где [pg 280] они, вероятно, впервые насадили его поклонение, не исключая, однако, более древних пеласгических обрядов Деметры и inferнальных богов, которые, хотя и имели другую

природу, были объединены в церемониях в Триопиуме с церемониями Аполлона.¹¹³⁰ Таким же образом двенадцать городов эолийцев, с которыми Аполлон не был так тесно связан, отмечали в его честь, как кажется, свой федеральный праздник в роще Гринеум близ [Мирины](#)¹¹³¹. И хотя ионийцы, перейдя из Афин в Малую Азию, остались настолько постоянны в поклонении Посейдону, что посвятили ему свой национальный праздник в Микале, а также построили на острове Тенос великолепный храм Посейдона и Амфитриты, удостоенный празднеств и священных посольств¹¹³², критское поклонение все же сохранилось;¹¹³² Однако критское поклонение было настолько распространено на Делосе, когда его впервые захватили ионийцы, что этот остров сам по себе был религиозной метрополией Киклад,¹¹³³ на праздниках и состязаниях которых высшие классы островитян присутствовали со своими семьями даже в древние времена; Что, естественно, привело к созданию храмов [pg 281] Аполлону, главному божеству, на остальных Кикладах, как Кифнус,¹¹³⁴ Сифнус,¹¹³⁵ Сеос,¹¹³⁶ Наксос,¹¹³⁷ и т.д.

7. Главные места в Италии, которые следует упомянуть, помимо Региума, это Кротон и Метапонтум. Первый был ахейской и лакедемонской колонией, в основании которой, согласно традиции, важную роль сыграл [оракул](#)¹¹³⁸; память об этом сохранили храмы Аполлона Пифия, [Гиперборея](#)¹¹³⁹ и [Аллея](#)¹¹⁴⁰, расположенные в самом городе и неподалеку от него. Кротон был особенно подвержен влиянию Аполлона, чье поклонение в необычайной степени воздействовало на характер и обычаи его жителей. Об основании Метапонта наши сведения скудны. Жители обычно считали себя ахейцами; однако Эфор сохранил замечательную, хотя и путаную традицию, согласно которой Даулий, тиран Криссы, был основателем этого города.¹¹⁴¹ Тогда [pg 282] кажется, что жители Даулиса, в узкой долине Парнаса, и криссцы, с побережья, перешли в Италию в очень ранние времена. Жители Метапонта, как древние подданные Аполлона, посылали ему золотые колосья кукурузы ($\chi\rho\iota\sigma\theta\upsilon\nu\ \theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$) в качестве десятины своего урожая; на их монетах мы видим полные колосья ячменя, которые выплачивались в качестве дани, а на реверсе - самого бога, вооруженного шлемом, стрелами и луком, как завоевателя, и держащего ветвь лавра; в точности совпадает с символами, используемыми в храме Дельф.¹¹⁴² Таким образом, и историческая традиция, и религиозные символы указывают на один и тот же [вывод](#)¹¹⁴³.

В период, о котором мы рассказываем, регулирование колоний дельфийским оракулом было главным инструментом, распространявшим поклонение Аполлону на побережье Средиземного моря. В честь этого божества халкидеи, основавшие Наксос, первую греческую колонию на Сицилии (Olymp. 5. 2. 759 г. до н. э.), воздвигли на побережье алтарь Аполлона Архегетаса, на котором сицилийские теори всегда приносили жертвы, когда плыли в храм Аполлона на [родине](#)¹¹⁴⁴.

[pg 283]

Аполлония, коринфское поселение на Ионическом море, также считалась основанной [Аполлоном](#)¹¹⁴⁵, поэтому в этом городе преобладал вышеупомянутый обычай посылать "золотое лето" в [Дельфы](#)¹¹⁴⁶. В одной из своих [работ](#)¹¹⁴⁷ мы показали, что поклонение в Фере и Киринее воздавалось божеству фиванской Эгиды - карнейскому Аполлону, который, однако, при основании колонии (Olymp. 37) уже считался одним и тем же с дорийским богом; отсюда фонтан Аполлона в Киринее, ее колония Аполлония и т. д. Мифология, которая часто сначала облачает события истории в сказочные одежды, а затем относит их к раннему и неизвестному времени, выразила основание Кириinei под руководством храма Аполлона в следующем изящном олицетворении: фессалийская нимфа Кириная, любимица Аполлона, была перенесена ее божественным любовником в Африку на его колеснице, запряженной [лебедями](#)¹¹⁴⁸.

Мы воздержимся от того, чтобы отнести колонизацию этой религии к более позднему периоду, так как в последующие времена живой принцип, который сначала двигал поклонниками Аполлона, был утрачен; и, вместо того чтобы рассматривать свои действия как эффект сверхъестественного принуждения, люди были скорее склонны регулировать свое поведение в соответствии с велениями разума и свободной воли.

[pg 284]

Глава IV.

§ 1. Связь басни гиперборейцев с поклонением Аполлону. § 2. Ее связь с храмами в Дельфах; § 3. и Делосе. § 4. Первоначальное местонахождение гиперборейцев. § 5. Места, впоследствии присвоенные поэтами и географами. § 6. Гиперборейцы считались священным народом.

1. Как ни утомительно проследить цепь отдаленных событий, которые привели к широкому распространению поклонения Аполлону, тем не менее предание о гиперборейцах, относя ряд конкретных обстоятельств к одной голове, очень хорошо подходит для того, чтобы задержать и зафиксировать наше внимание.

Итак, мы утверждаем, что эта традиция связана с первоначальным поклонением Аполлону. Никаких аргументов в пользу обратного нельзя привести, поскольку она не упоминается ни в "Илиаде", ни в "Одиссее"; эти поэмы не предоставляют никакой возможности для ее введения. Более того, о гиперборейцах говорится в поэме "Эпигоны" и у Гесиода.¹¹⁴⁹ Басня, действительно, могла появиться не так поздно в области поэтической мифологии; как местная традиция, она должна была возникнуть, когда примитивная связь между храмами Темпе, Дельф и Делоса (которая впоследствии была полностью разорвана) все еще существовала в полной силе.

2. Согласно дорическому гимну Бёо, поэтессы из Дельф, который цитирует [Павсаний](#)¹¹⁵⁰, Пагас и богоподобный Агий, сыновья гиперборейцев, основали знаменитый оракул в Дельфах. Агий - это просто другое имя самого Аполлона. Пагас относится к Пагасейскому храму на священной дороге.¹¹⁵¹ [pg 285] С ними пришел Олен, первый пророк и бард Аполлона. Два других гиперборейских героя, Гиперох и Лаодик, помогали в истреблении галлов в [Дельфах](#)¹¹⁵²; в соответствии с аналогичными традициями Мнасей из Патары называл всех жителей Дельф потомками [гиперборейцев](#)¹¹⁵³.

[Алкей](#)¹¹⁵⁴ в гимне Аполлону рассказывал, как "Зевс украсил новорожденного бога золотой филейной частью и лирой и отправил его на колеснице, запряженной лебедями, в Дельфы, чтобы ввести справедливость и закон среди греков. Однако Аполлон приказал лебедям сначала лететь к гиперборейцам. Дельфийцы, соскучившись по богу, устроили песнопения, выстроили хоры юношей вокруг треножника и призвали его прилететь из Гипербореи. Целый год бог оставался с этим народом, и в назначенное время, когда треножники в Дельфах должны были зазвучать, он приказал лебедям возобновить свой полет. Возвращение Аполлона происходит ровно в середине лета; соловьи, ласточки и кузнечики поют в честь бога, и даже Касталия и [Кефис](#)¹¹⁵⁵ вздымают свои волны, приветствуя его".

Если Алкей посвятил этот пеан, как Пиндар свой [pg 286] пеан, поклонению дельфийскому богу, он вряд ли осмелился бы сделать больше, чем приукрасить местные традиции. Однако,

если предположить, что это не так, он все равно взял бы главное событие (а именно, прибытие Аполлона из Гипербореи) скорее из общепризнанной басни, чем из несанкционированных поэтических вымыслов. Весь рассказ, и даже время, явно взяты из мистерий культа. Согласно дельфийской традиции, Аполлон по истечении великого периода посетил любимый народ гиперборейцев, танцевал и играл с ними от весеннего равноденствия до раннего захода Плеяд; а когда в Греции была срезана первая кукуруза, он вернулся в Дельфы, как я полагаю, с полными созревшими колосьями, подношениями гиперборейцев¹¹⁵⁶. Даже история о лебедях не была добавлением Алкея; ведь расписные вазы на юге Италии (крайняя точка греческого мира) представляют ту же выдумку, что и лесбийский поэт; более того, они настолько точно соответствуют друг другу, что мы узнаем не Алкея, а предания, на которых основан рассказ, как они, возможно, были рассказаны в Метапонтуме и Кротоне. Мальчик Аполлон, со скипетром и кубком в одной руке и полными колосьями ячменя в другой (что намекает на жертвоприношения гиперборейцев и "золотое лето"), восседает с мягким видом на машине, оси которой связаны лебедиными перьями. Гиперборейские женщины, с факелами и кувшинами для священных возлияний, провожают его.¹¹⁵⁷ [pg 287] лебеди, с которыми здесь появляется Аполлон, встречаются и в других дельфийских легендах, где говорится о гиперборейцах. Древнейший храм в Дельфах, по утверждению жрецов, был всего лишь низкой хижинкой, построенной из ветвей священного лавра Темпе; второй был шатром, который либо гиперборейцы, либо птеры с Крита соорудили из лебединых перьев и воска¹¹⁵⁸. Пения протекала у алтаря Темпе; ноты лебедей на берегах этой реки упоминаются в коротком гимне, приписываемом Гомеру.¹¹⁵⁹ И если допустить, что эти птицы были здесь особенно многочисленны, то очевидно, что их яркий цвет и величественные движения особенно подходили для символов Аполлона.

3. Мы находим ту же традицию, только с некоторыми местными изменениями, на Делосе.¹¹⁶⁰ Латона, во-первых, как говорят, прибыла на этот остров из страны гиперборейцев в виде волчицы, проделав весь путь, преследуемая Здесь, за двенадцать дней и ночей.¹¹⁶¹ После этого с Аполлоном и Артемидой прибыли юные [pg 288] девы Арге и Опис; в память о них на Делосе была воздвигнута возвышенная гробница, на которой приносились жертвы; древний гимн, приписываемый древнему менестрелю Олену, отмечал их появление¹¹⁶². После этого гиперборейцы послали двух других дев, Гипероху и Лаодику, те же имена, что встречаются выше, и с ними пять мужчин, которых называют перферами¹¹⁶³ (от того, что они принесли священные дары, завернутые в пшеничную соломку): это точно соответствует "золотому лету" дельфийцев. Перфереи пользовались на Делосе большими почестями; а делийские девы перед свадьбой клали на могилу двух гиперборейских дев веретено, юноши - ветку, и то и другое переплеталось с локонами волос. Однако, как утверждалось, подношение гиперборейских женщин на самом деле предназначалось Илифии, покровительнице рожениц, чтобы исполнить обет, данный этой богине в связи с рождением Аполлона и Артемиды. Теперь эти миссии, согласно делийским традициям, всегда продолжали выполняться. Гиперборейцы должны были передать их своим соседям скифам; от них они передавались через цепь народов на побережье Адриатики, через Додону,¹¹⁶⁴ через Фессалию, [pg 289] Эвбею и остров Тенос, и приходили в сопровождении флейт и труб,¹¹⁶⁵ на Делос.¹¹⁶⁶ Эта история не может быть простым поэтическим вымыслом; она, несомненно, возникла в результате активной связи, поддерживаемой с помощью священных миссий с древними поселениями поклонения Аполлону на севере Фессалии¹¹⁶⁷. На Делосе также, как и в Дельфах, существовала история о том, что бог некоторое время отдыхал среди гиперборейцев, хотя место действия обычно менялось на Ликию.¹¹⁶⁸ На расписной вазе изображен бог с лирой в руке, приземляющийся возле пальмы Делоса: молодая женщина, представляющая целый хор, принимает его, играя на струнном инструменте.¹¹⁶⁹

Поскольку храм в Олимпии был связан с Дельфами, мы также находим здесь некоторые предания о стране гипербореев, как родине дикой маслины, процветавшей в роще Зевса.

4. Итак, что касается мест, где действительно существовала басня о гиперборейцах, мы должны обратить внимание на то, что обычно приписывают этому священному народу. В этом нам поможет название. Во-первых, оно указывает на *северный* народ; [pg 290] эта идея в достаточной степени объясняется тем фактом, что поклонение Аполлону пришло из самой северной части Греции, из района Темпе; [1170](#) и хотя на самом деле расстояние было невелико, все же воображение могло быть движимо этим обстоятельством, чтобы представить Аполлона как пришедшего из самых отдаленных областей севера. Но, во-вторых, гиперборейцы, как говорят, живут *за* Бореем, так что этот счастливый народ никогда не ощущал холодного северного ветра: точно так же Гомер представляет вершину Олимпа возвышающейся над бурями, никогда не покрытой снегом, но окруженной атмосферой безоблачного и ничем не нарушаемого спокойствия.

5. Это почти вся наша информация о происхождении этого сказочного народа. Однако поэты и географы, неудовлетворенные такими рассказами, попытались закрепить за ним место жительства в каталоге народов: для этого они соединили разнообразные и чужие рассказы о северных регионах мира с религиозной басней о гиперборейцах и слепили из всего этого воображаемую картину якобы реального народа.

Среди этих историй наиболее примечательна та, что связывает гиперборейцев со скифами. Геродот нашел упоминание о них в "Аримаспее" Аристея Проконнесского, в поэме которого его представления о поклонении Аполлону перемежались с неясными рассказами о северных [регионах](#) [1171](#). Он пришел, ведомый духом Аполлона, через Скифию к [pg 291] исседонам, [1172](#) одноглазым аримаспийцам, грифонам, стерегущим золото, и, наконец, достиг гипербореев, населявших берега на дальней стороне океана. Аристей, должно быть, собрал предания об этих народах и чудовищах из тех же источников, что и Геродот, а именно: от греков, живших на Понте, и Бористена, а через них - от скифов.

В перечне баснословных народов севера древний Дамаст точно согласуется с Аримаспеей Аристея. [1173](#) За скифами он помещает исседонов, затем аримаспийцев, потом Рипейские горы, с которых дует северный ветер, а по другую сторону от них, на морском побережье, гипербореев. [1174](#) Без сомнения, этот географ поместил исседонов в районы к северу от Эвксинского моря, а скорее к востоку от Греции. [1175](#) И действительно, ни исседоны, ни аримаспы, ни грифоны не могли быть помещены ни в какой другой регион, кроме того, который лежит к северу от Эвксинского моря, поскольку все эти районы стали известны грекам благодаря скифам, которые жили в этих краях; только в этом районе греки слышали об аримаспах. Совершенно иначе обстоят дела с гиперборейцами и рипейцами. О первых скифы, как рассказывает Геродот, ничего не знали; а вторые - просто политическая выдумка Греции, поскольку получили свое название от ураганов (*ῥιπταί*), вырывающихся из пещеры, от которых они [pg 292] от гиперборейцев и направлялись к более южным народам. По этой причине гиперборейцев можно было поместить и в другую часть, удаленную от Скифии; однако они сохранили свое первоначальное положение на севере. Так, [Пиндар](#) [1176](#), а также Эсхил в "Прометее несвязанном" [1177](#) помещают гиперборейцев у истоков Истра. Если вместе с Геродотом считать Истер рекой, которая протекает через всю Европу от ее *западной* оконечности, то гиперборейцев, несмотря на их название, следует поместить в *западные области* [1178](#). Но в древности также существовало представление о том, что Истер - это огромный поток, спускающийся с крайнего *севера* [1179](#), и это представление, очевидно, разделяли два упомянутых поэта; так, Эсхил в "Прометее несвязанном" представляет Геракла проникающим туда, где Борей бросается с гор; вместе с этим, несомненно, упоминаются

Рипейские горы, Гиперборея и Истер. Софокл также поместил "древний сад Фив", то есть страну гиперборейцев, на краю земли и рядом с жилищем [Борея1180](#). Это естественное представление о гиперборейцах, так хорошо согласующееся с происхождением легенды, является универсальным среди ранних поэтов; только в произведениях [pg 293] более поздних авторов мы находим некоторые следы перевода гиперборейцев в Италию и другие западные страны, а также смешения рипейцев с Альпами и Пиренеями.

6. Мы видим, что, несмотря на произвол, допущенный поэтами, религиозные представления о гиперборейцах везде сохранялись без малейших изменений. Они представлены как благочестивый народ, воздерживающийся от животной плоти и живущий в вечном спокойствии, служа своему богу, в течение тысячи лет. [1181](#) "Муза, - говорит Пиндар, - не отрывается от их нравов. Со всех сторон доносятся хоры девственниц и сладостный напев лиры или трубы; и, обвив волосы сверкающим лавром, они радостно пируют. Ни болезни, ни старость не являются уделом этого священного рода; они живут вдали от трудов и сражений, не тревожимые мстительной Немезидой" [1182](#).

Что касается их праздников, которые, как предполагалось, проходили под открытым [небом1183](#), то, по словам Гекатея Младшего из Абдеры, они отмечались тремя гигантскими бореадами, чьи песни и танцы сопровождалась бесчисленными стаями [лебедей1184](#). Но самым странным является рассказ Пиндара о том, что на этих праздниках в жертву приносились целые гекатомбы [ослов1185](#): [pg 294] это, однако, заимствовано из реального культа, из одного из священных обрядов в Дельфах, где ослов приносили в жертву на пифийском [празднике1186](#). Наконец, рассказ о смерти гиперборейцев сильно напоминает нам обряды Таргелии и прыжок в Леукате; нам говорят, что, устав от долгого существования, они прыгнули, увенчанные гирляндами, со скалы в [море1187](#).

Глава V.

§ 1. Аполлон в Темпе, Дельфах, Делосе, на Крите, в Ликий, Трое, Афинах и Пелопоннесе - одно и то же божество. § 2. Аполлон Номий из Аркадии, справедливо отличающийся от предыдущего. § 3. Аполлон, отец Эскулапа, также отдельное божество. § 4 и 5. Аполлон не был первоначально элементарным божеством, или богом солнца. § 6. Происхождение этой идеи. § 7. Обряды Аполлона в отличие от обрядов элементарных божеств.

1. Рассмотрев вопрос о распространении культа Аполлона, а также некоторые из наиболее примечательных легенд и басен, связанных с ним, мы переходим к рассмотрению природы и характера самой религии.

Прежде всего, мы напомним читателю о положении, достаточно установленном предыдущими исследованиями, что Аполлон из Темпе, Дельф, Делоса, [pg 295] Крита, Ликий, Трои, Афин и Пелопоннеса - это один и тот же бог, а не, как это часто случалось в религиях Греции, сочетание нескольких божеств под одним именем. Этот вывод подтверждается как историческими свидетельствами об основании многочисленных храмов, так и доказательствами, вытекающими из повторения одних и тех же имен, обрядов и символов, таких, например, как титулы Ликий и Ликия, Дельфиний и Пифий; оракулы и сивиллы; очищения и изгнания; обычай прыгать со скал; децимации; золотое лето и бескровные жертвоприношения; лавровые ягоды; легенда о гиперборейцах и восьмилетний цикл.

Поэтому богословы, упомянутые [Цицероном](#)¹¹⁸⁸, были неправы, пытаясь без всяких оснований провести различие между афинским, критским и гиперборейским Аполлоном.

2. Однако, похоже, они были правы, выделяя из остальных Аполлона Номеуса из Аркадии; хотя в своей этимологии [имени](#)¹¹⁸⁹, согласно которой он был божественным законодателем, они отнюдь не следовали самым достоверным источникам религиозной истории. Правильным, без сомнения, является рассказ Пиндара,¹¹⁹⁰ который называет Аристея вместе с Зевсом и Аполлоном защитником стад и покровителем охотников. На самом деле Аристей и его сын Актеон были древними божествами ранних пеласгов, населявших Грецию.¹¹⁹¹ Этот бог также защищал земледелие и пастбища, отгонял палящий летний зной, заклинал мягкие этесские ветры и [pg 296] любил охоту и уход за пчелами. Его главными местами обитания были равнины под горами Пелион и Иолк, откуда его поклонение было перенесено в Киринею, плодородная долина Фив, Паррасия в Аркадии,¹¹⁹² и паррасийский остров Сеос;¹¹⁹³ в Киринее Аполлон и Киринея назывались его родителями.¹¹⁹⁴ Генеалогия, приписываемая Аристею, значительно варьировалась в разных местах; из-за распространенности греческого культа в Аркадии его считали идентичным Аполлону. Помнили, что дельфийский бог также ухаживал за стадами Адмета; возможно, национальное поклонение Аристею в Фере отчасти способствовало формированию этой басни.¹¹⁹⁵ Божества, чье поклонение в ранний период вышло из употребления, были адаптированы и изменены различными способами в соответствии с правящими силами: и даже если полная и последовательная система мифологии была искоренена и уничтожена в целом, отдельные ее части объединялись с преобладающей религией и таким образом получали новое существование. Так и древнее элементарное божество, получившее имя Аполлон Номеус, называлось сыном древнего Силена,¹¹⁹⁶ потому что его атрибуты, казалось, напоминали атрибуты сопровождающих Вакха.¹¹⁹⁷ В дальнейшем я воспользуюсь случаем, чтобы объяснить [pg 297] связь между карнейским Аполлоном и этим божеством.¹¹⁹⁸

3. Следует также отметить, что Аполлон и Эскулап были связаны в баснях и мифологии, причем в ранний период, так как Гесиод называл Эскулапа сыном [Аполлона](#)¹¹⁹⁹, но, как видно, только в мифологии, а не в религиозных культах. Так, ни в Трикке, ни в Лебадее, ни в Эпидавре, ни в Косе Аполлон Пеанский и Эскулап не были тесно связаны; мы также не находим, что у них были общие алтари, праздники или жертвоприношения, за исключением, возможно, храма в современном городе Мегалополис.¹²⁰⁰ Это практическое различие может быть объяснено национальным происхождением двух культов. Ведь Флегий, предок Эскулапа, и сыновья Эскулапа, упомянутые в гомеровском каталоге, принадлежали к расам, которые были враждебны и дорийцам, и дельфийскому храму; а распространение школ Асклепиадов по Греции не имело ничего общего с основанием храмов Аполлона.

4. Проведя эти различия, мы возвращаемся к главному положению, установленному предыдущими исследованиями, а именно: именно у дорийцев религия Аполлона была самым древним, важным и истинно национальным культом.

Дорийцы были активным и героическим народом, поэтому естественно, что их особые религиозные чувства должны были иметь подобную тенденцию. Поэтому, поскольку они демонстрировали постоянное отвращение к невинным занятиям земледелием и любовь к активным и военным действиям, их национальный бог был в точности противоположен элементарным божествам, которым поклонялись земледельческие расы.

[pg 298]

Но этот вывод, похоже, опровергается мнением, которого придерживались, по крайней мере, многие поздние греки и большинство современных авторов по мифологии, что Аполлон был элементарным божеством, обожествленным олицетворением солнца. Я не намерен сейчас вдаваться в подробности этого сложного и сомнительного вопроса; мне будет достаточно представить читателю основные аргументы с обеих сторон, а затем изложить свои собственные взгляды на этот предмет.

5. Прежде всего, приведенные выше рассказы об Аполлоне, вернувшемся из Гипербореи со спелыми колосьями кукурузы, и о дани в виде золотых колосьев, несомненно, наводят на мысль о покровителе сельского хозяйства.¹²⁰¹ На монетах Метапонта мы часто видим эти колосья кукурузы с кузнечиком или мышью, ползущей по реверсу. К обоим символам применимо одно и то же объяснение. Мышь и кузнечик - животные, вредящие кукурузе, которую бог просил защитить от их нападков. Таким же образом критский Аполлон Σμίνθειος, несомненно, был уничтожителем полевых мышей (σμίνοι);¹²⁰² и его статуя изображалась с одной ногой на мыши.¹²⁰³

[pg 299]

Кроме того, на Родосе его называли ἑρπιβίος, "отвращающий плесень"¹²⁰⁴, и этот атрибут особенно подходил ему, поскольку он был одним из божеств Триопии, одной из которых была Деметра, разрушительница Эрисихтона. Это, пожалуй, главные причины, которые можно привести в пользу того, что Аполлон был элементарным божеством; причины, которые основаны на символах и церемониях реального поклонения, а не на мнениях более поздних философов. Но, во-первых, аргумент, что Аполлон был элементарным богом, потому что он был покровителем и защитником сельского хозяйства, неубедителен; ведь он выполняет эту функцию в своем характере хранителя и отвратителя несчастий в целом. Дело действительно обстоит бы иначе, если бы предполагалось, что Аполлон либо вызывает семя из земли, либо доводит его до зрелости; однако никаких следов приписывания ему этих функций никогда не встречается. Поэтому нет необходимости отождествлять его с солнцем. Также можно отметить, что главные праздники Аполлона не были связаны с какими-либо примечательными эпохами солнечного пути, а скорее с восходом звезд, особенно Плеяд, и фазами луны. Так, новолуние было священным для Аполлона, который поэтому получил имя Νεομήνιος;¹²⁰⁵ также первая четверть, или седьмой день; и, наконец, полнолуние (δύομηνία), особенно на острове Закинф.¹²⁰⁶ Из этих обстоятельств, однако, никто не сделает вывод, что Аполлон был богом луны.

Мы, однако, не отрицаем, что Аполлон и бог солнца допускали в отдельных пунктах сравнения [pg 300] и параллели друг с другом; источник внешнего света мог быть символом "светлого и чистого" бога; и действительно, платоники поддерживали это предположение,¹²⁰⁷ которое, однако, не подкреплено никакими историческими авторитетами. Поклонение солнцу практиковалось в Акрополе Коринфа, на Родосе, в Афинах, а в более ранние времена также в Калаурии и Тхенаруме; но ни в одном из этих мест оно не было связано с обрядами Аполлона¹²⁰⁸.

6. Это, естественно, заставляет нас задаться вопросом, как идеальная связь между Аполлоном и солнцем, если она действительно существовала, должна была полностью игнорироваться на протяжении стольких веков; как получилось, что эти божества не были отождествлены до тех пор, пока греческая мифология не перестала оказывать влияние на идеи и чувства человечества? Даже когда египетские толкователи отождествляли Гору с Аполлоном, они, по всей вероятности, руководствовались лишь сходством между разрушителем Пифоном и похитителем Младенца (Тифоном по-гречески).¹²⁰⁹ Однако

персидские волхвы, обнаружив связь между поклонением Аполлону и своей религией (по этой причине Ксеркс сохранил от ранений остров, где родились Аполлон и Артемида)¹²¹⁰, руководствовались вполне обоснованным сравнением, которое мы найдем случай подтвердить в одной из последующих глав;¹²¹¹ однако, по всей вероятности, они приняли за Аполлона не солнце, а Ормузда. Только [pg 301] тех пор, пока философы ионийской школы не отождествили божества народного вероучения частично с материальными силами и предметами, а частично с атрибутами универсального интеллекта (νοῦς), была выдвинута доктрина о том, что Аполлон - это солнце. От них Еврипид, называвший Зевса воздухом, а Весту - землей, естественно, воспринял ее одним из первых. В трагедии "Фаэтон" мать несчастного юноши жалуется на его отца Гелия так: "Справедливо тот, кто знает тайные имена богов, называет тебя Аполлоном" (разрушителем)¹²¹², имея в виду, без сомнения, не какую-либо доктрину, связанную с мистериями или открытую в них, а философское толкование. Это мнение, принятое Еврипидом, стало еще более распространенным в Александрии; Каллимах порицает тех, "кто отделяет Аполлона от солнца, а Артемиду от луны"¹²¹³.¹²¹³ Вскоре после этого было сказано, что оно возникло в очень ранние времена; автор астрономического трактата, приписываемого [Эратосфену](#)¹²¹⁴, рассказывает, что фракиец Орфей с вершины горы в рассветный час молился солнцу, которое он также называл Аполлоном, как величайшему из всех [божеств](#)¹²¹⁵. Тем не менее, это утверждение не дает нам права делать вывод, что в древних орфических гимнах, предшествовавших Геродоту, Аполлон и солнце отождествлялись. Ведь эта система религиозных [pg 302] спекуляций была связана главным образом с Вакхом; и во всех орфических фрагментах любой древности Аполлон почти никогда не встречается.¹²¹⁶

7. Таким образом, кажется, что какими бы ни были поэтические атрибуты Аполлона в поздние времена, в своем религиозном характере он никогда не был элементарным божеством, суть божества которого - олицетворение творческих сил природы. Ни один из характерных признаков такой религии не обнаруживается в его поклонении. Далеко не будучи богом [порождения](#)¹²¹⁷ и производства, он остается неженатым и юным; легко заметить, что его поэтический роман с нимфой Дафной и его сыновья, упоминаемые в поэзии и пророчествах, не имеют никакой связи с его поклонением. В его священных обрядах и символах нет и следа поклонения порождающим силам, подобного тому, что встречается в древнем аркадском поклонении Гермесу, аргивских баснях о Ере или аттических легендах о Гефесте и Афине. Поклонение Аполлону еще более удалено от бурных и неистовых оргий, столь характерных для фракийских обрядов Диониса. И хотя это последнее поклонение процветало на Геликоне и Парнасе, рядом с пифийским храмом, и оба вида религиозного культа практиковались в непосредственной близости друг от друга, [pg 303]¹²¹⁸ тем не менее религиозные чувства и обряды, отличающие служение этим двум богам, всегда оставались несхожими.

В последующих рассуждениях мы, соответственно, будем считать само собой разумеющимся изначальное различие Аполлона и солнца; и хотя обряды поклонения Аполлону, сохраненные и записанные в более поздние времена, несомненно, имеют большую древность, чем любые письменные документы, которыми обладали мы или греки, сначала будет удобно изложить более ясные и понятные рассказы Гомера об Аполлоне, его божественном характере и поклонении.

Глава VI.

§ 1. Представление Гомера об Аполлоне. § 2. Аполлон как карающее божество. § 3. Аполлон как благодетельное божество. § 4. Объяснение имени Pæan. § 5. Имя Agyieus. § 6. Имя Аполлон. § 7. Из имени Phœbus. § 8. Из имени Lyseus. § 9. Религиозные атрибуты Аполлона.

1. Гомер, как мы уже видели, по слухам и личным наблюдениям получил очень точные сведения о критском поклонении Аполлону в Сминтеуме, в цитадели Трои, в Ликий у гор Ида и Краг, а также о Пифо и Делийской пальме. Однако его представление об Аполлоне значительно меняется из-за того, что бог выступает в роли друга троянцев и врага греков, хотя и те, и другие одинаково почитают его жертвоприношениями и пеанами. Однако в целом он предстает перед [pg 304] греками в более мрачном и неблагоприятном свете. "Бойтесь сына Зевса", - говорит грекам жрец Хриза, - "он ходит мрачный, как ночь; верные и смертоносные стрелы гремят на его плечах". Его наказаниями являются внезапные болезни, эпидемии и смерть, причина и повод которых обычно не видны; однако иногда он дарует смерть как благословение.¹²¹⁹ Считается, что его стрелы ранят издали, поскольку они непредвиденны и неожиданны. Его называют далеко летящим [богом](#)¹²²⁰; его божественная месть никогда не упускает своей цели. Он предстает в ужасе своей мощи, когда с высоты цитадели побуждает троянцев громким воинским кличем к [бою](#)¹²²¹, и ведет их, с облаком на плечах и эгидой в руке, в гущу [битвы](#)¹²²², подобно самому [Аресу](#)¹²²³, хотя и далеко не проявляя бурной уверенности этого божества. Ахилл, к которому он действительно особенно враждебен, называет его самым пагубным из всех богов. Даже когда он появляется среди богов, "все трепещут перед ним во дворце Зевса и встанут со своих мест; одна Латона радуется, что произвела на свет столь сильного сына и столь могучего лучника"¹²²⁴.

Примечательно, насколько серьезно Гомер (который в иных случаях отзывается о богах, особенно о дружественных Трое, с некоторым легкомыслием)¹²²⁵ описывает [pg 305] характер Аполлона. Он никогда не представлен как торопящийся в слепой ярости. Он никогда не выступает против греков без причины или по капризу, но только тогда, когда они пренебрегают священными правами жрецов и сторонников или проявляют необычную степень высокомерия. Но когда боги разделяются на два тела и спускаются на состязание, он, не движимый страстью, избегает боя и говорит о быстрой преемственности рода человеческого в манере, выдающей прорицательское божество Пифо.¹²²⁶ Схожий дух прослеживается в его обращении к дерзкому Диомеду: "Род бессмертных богов не похож на род смертных". Таким образом, Аполлон предстает как служитель мести, каратель высокомерия. В соответствии с этим характером он уничтожает гордую [Ниобу](#)¹²²⁷, непокорную [Алоидею](#)¹²²⁸, Титию и Пифона, врагов богов. Его состязания с Эвритом из Удихалии и с Хорбасом-флегийцем основаны на исторических фактах; в первом случае речь идет о вражде между дорийцами и удихалийцами, во втором - о вражде между пифийским святилищем и [флегийцами](#)¹²²⁹.

2. Теперь мы рассмотрим представления других поэтов о характере Аполлона как мстящего и карающего божества, в каком свете он представлен Гомером. [pg 306] Архилох призывает Аполлона "наказать и уничтожить виновных, как он обычно их уничтожает".¹²³⁰ Гиппонакс, преемник Архилоха в язвительной сатирической поэзии, молится, чтобы "Артемиде и Аполлону уничтожили тебя"¹²³¹, а Эсхил, явно ссылаясь на это имя, говорит: Ἀπόλλων ἄπώλεσας;¹²³² что, однако, едва ли может дать нам право заключить, что имя Аполлона действительно произошло от ἀπολεῖν;¹²³³ ибо мы должны были бы упустить из виду один главный момент, а именно., Мы должны были бы упустить из виду объект, против которого была направлена его разрушительная сила, или считать его универсальным разрушителем, что не подходит для обозначения природы божественного существа любого рода. Аполлон

убивает, конечно, но только для того, чтобы нанести заслуженное наказание. В Мегаре была выставлена гробница Корибуса, который убил фурию, посланную Аполлоном против этого города, чтобы наказать преступления отцов, уничтожив их детей.¹²³⁴ После этого действия Корибусу было приказано нести на руках треножник из Пифо и воздвигнуть на том месте, где он упадет от изнеможения, город (Tripodiscus) и храм в честь бога. Это объясняет, почему многие священные штрафы в Коринфе, Патаре и Амфиполе¹²³⁵ вносились в храм Аполлона, который, таким образом, в некоторой степени приводил в исполнение свои собственные приговоры. [pg 307] Эсхил, говоря о его службе возмездия за убийство, упоминает Аполлона, Пана и Зевса как богов, насылающих фурий¹²³⁶; Зевса как правителя мира, Пана как деймона, расстраивающего рассудок, Аполлона как бога наказания. Поэтому римляне не без основания считали, что Аполлон представлен в статуе бога Вейовиса, страшного бога, вооруженного стрелами.¹²³⁷ По крайней мере, существует некоторая связь между ним и Аполлоном καταβάσιος, "который бросается вниз в молнии"; которому фессалийцы ежегодно приносили в жертву гекатомбы людей.¹²³⁸ В Аргосе был обычай сразу после смерти приносить жертву Аполлону как богу смерти; жрец Аполлона (амфиполь) приносил жертву, а для уничтожения фрагментов жертвы всегда разжигался новый огонь. На тридцатый день после этого жертва приносилась Гермесу как проводнику душ.¹²³⁹

3. Хотя мы и остановились на мрачной стороне характера Аполлона, не следует думать, что он рассматривался в свете злобной и разрушительной силы. Так, Пиндар заявляет, что из всех богов "он наиболее дружелюбен к людям".¹²⁴⁰ Его титулы, связанные с различными храмами, также служат для устранения этого впечатления. Так, его называли Целителем в Элисе¹²⁴¹, Помощником в Фигалее¹²⁴², Защитником, Отвратителем зла¹²⁴³ в Афинах и во многих [pg 308] оракулах¹²⁴⁴. Хотя некоторые из этих имен, возможно, были введены не ранее Пелопоннесской войны, а ограничение его мстительной силы физическим злом впервые прослеживается у Пиндара и трагиков¹²⁴⁵, все же идея о целительной и защитной силе Аполлона, должно быть, имела далекую древность. Под всеми этими именами Аполлон предстает не столько дарующим позитивное добро, сколько успокаивающим и отгоняющим зло; и в этом образе его призывали (согласно оракулу), чтобы послать здоровье и удачу¹²⁴⁶.

4. Предыдущие аргументы, возможно, получают подтверждение в описании бога ПЕРАНА (Παιήων) у Гомера. Это имя явно обозначает божество врачевания, и хотя поэт действительно говорит о нем как об отдельном человеке и враче Олимпа,¹²⁴⁷ однако это разделение, по-видимому, было просто поэтическим, без какой-либо связи с реальным поклонением; поскольку с очень ранних времен пеан в пифийском храме,¹²⁴⁸ был назначен для пения в честь [pg 309] Аполлона.¹²⁴⁹ Песня, как и другие гимны, получила свое название от имени бога, которому она воспевалась. Сначала бог назывался рæап, затем гимн, и, наконец, сами певцы.¹²⁵⁰ Теперь мы знаем, что рæап первоначально пели при прекращении чумы и после победы, и вообще, когда любое зло было предотвращено, она исполнялась как очищение от загрязнения.¹²⁵¹ Песня была громкой и радостной, как празднование победы божества, хранящего и исцеляющего.¹²⁵² Кроме победных песнопений,¹²⁵³ были и другие, которые пелись в начале битвы,¹²⁵⁴ и существовало предание, что хор дельфийских дев воспевал "Io Рæап" во время состязания Аполлона с Пифоном.¹²⁵⁵ Победные песнопения различались у разных племен; все дорийцы, а именно, ¹²⁵⁶ Такое использование пæана как песни ликования [pg 310] в честь победы достаточно хорошо объясняет его двойной смысл; он имел скорбный смысл в связи с битвой и радостный - в связи с победой. Поэтому Аполлон под этим именем считался либо разрушающим (от παίω), либо защищающим и исцеляющим божеством, освобождающим разум от забот и печали¹²⁵⁷; соответственно, трагики, по аналогии с этим словом, также называли Смерть, которой принадлежали оба эти атрибута, титулом Pæan¹²⁵⁸. И, таким образом, этот двойной характер Аполлона, в силу которого он

был в равной степени грозен как враг и желанен как союзник, ¹²⁵⁹ был разрешен двусмысленностью его имени.

5. С другой стороны, титул Агий имел одно значение. ¹²⁶⁰ Это прозвище Аполлона было свойственно дорийцам, ¹²⁶¹ и, следовательно, имело большую древность в Дельфах, ¹²⁶² откуда, однако, оно было перенесено в Афины в очень ранний период, и действительно, частично по велению оракула. ¹²⁶³ Его статую устанавливали во дворах и перед дверями домов, то есть на границе частных и общественных владений, чтобы признать бога покровителем и отвести зло. Символ или образ бога [pg 311] был очень прост и представлял собой конусообразный каменный блок. Древние не знали, считать ли его алтарем или статуей. ¹²⁶⁴ Поклонение состояло из постоянной череды пустяковых услуг и знаков обожания. ¹²⁶⁵ Перед столбом сжигали ладан; ¹²⁶⁶ его украшали венками из мирта, гирляндами и т. д. Этого было достаточно, чтобы напомнить и в то же время заверить древних дорийцев в защитном присутствии их божества. Афиняне представляли своего Гермеса похожим образом. Этот бог, хотя и отличался по сути от Аполлона, был наделен ими теми же функциями: так, статуи обоих богов ставились перед домами как защищающие силы: оба бога должны были даровать благословение тем, кто входил или выходил из дома: оба были представлены простыми колонными статуями. Однако у Аполлона эта защита носила скорее духовный и внутренний характер, в то время как фаллическая форма, которая всегда отличала афинский Гермес, показывает, что этот бог считался способным оказывать более внешнюю и физическую помощь, увеличивая плодovitость полей и скота, и вообще всех продуктов природы.

6. К этим названиям можно, пожалуй, добавить и само имя Аполлона. То, что мы должны искать его этимологию только в греческом языке и что оно не могло быть получено ни из какого другого источника, очевидно [pg 312] из предыдущих исследований. Прежде всего, мы не можем вывести его от солнца, ΑΦΕΛΙΟΣ, ¹²⁶⁷ поскольку дигамма никогда не меняется на Π. Вывод от ΟΛΩ мы уже отвергли, как основанный на частичном и случайном атрибуте бога. ¹²⁶⁸ С другой стороны, мы можем заметить, что древняя дорийско-эолийская форма имени была не Ἀπόλλων, а Ἀπέλλων, ¹²⁶⁹ которая также встречалась у древних латинян, ¹²⁷⁰ и от которой македонский и дельфийский месяц Апеллес, очевидно, получил свое название. Если признать, что это первоначальная форма, то Ἀπέλλων означает просто *отвращающий* или *защищающий* ¹²⁷¹ и относится к тому же классу, что и Ἀλεξίκακος, Ἀποτροπαῖος и другие имена, упомянутые выше.

7. Все эти имена, однако, указывают лишь на атрибуты и действия божества; но имя ΡΗΑΕΒУS более точно выражает его особую природу. Из его первоначального значения "яркий", "ясный" легко выводится его вторичное значение "чистый", "незапятнанный"; ¹²⁷² и отсюда термин φοῦράζειν (который, возможно, [pg 313] связан с латинским februare), "искупать". Таким образом, Феб - это чистый и безупречный бог, которого часто называют "чистым и святым" (ἄγνός θεός). ¹²⁷³ Это имя особенно часто применяется к нему, когда он возвращается очищенным из Темпы. ¹²⁷⁴ То же значение подразумевается в эпитете ξανθός, который также означает "чистый" и "ясный"; ¹²⁷⁵ поэтому ручьи возле храмов Аполлона в Трое и Ликий назывались Ксанф, ¹²⁷⁶ а среди македонцев искупительный праздник армии носил название Ксантика. ¹²⁷⁷ В связи с тем, что Аполлон - бог радости и веселья, Эсхил часто запрещает обращаться к нему в печали. ¹²⁷⁸ В поддержку этой идеи можно привести еще несколько отрывков из поэтов и грамматиков. ¹²⁷⁹

8. Теперь мы переходим к самому загадочному из всех титулов Аполлона, а именно "Ликий". Выше было показано, что Аполлону Ликийю поклонялись в Ликорее на горе Парнас, в Ликийи у подножия горы Крагус, в Ликийи под горой Ида, в Афинах, Аргосе, Спарте и Сикионе. Эта

религия, должно быть, была более древней, чем греческие колонии в Малой Азии, поскольку была перенесена туда во времена [pg 314] их основания. Гомер также был знаком с этим титулом Аполлона.

В объяснение этого эпитета мы повсюду находим предания о волках. Потомки Девкалиона, пережившего потоп, послушавшись волчьего рева, основали Ликорею на гребне горы Парнас. Латона пришла в виде волчицы из Гипербореи на Делос: волки проводили ее до реки Ксанф. Волки охраняли сокровища Аполлона; возле большого алтаря в Дельфах стоял железный волк с древними надписями. [1280](#) Нападение волка на стадо скота стало причиной поклонения Аполлону Ликею в Аргосе, где на рыночной площади была воздвигнута группа фигур из меди в память об этом обстоятельстве. [1281](#) Сицилийская традиция об Аполлоне, "уничтожающем волков", несомненно, менее древняя, как и эпитет Λυκοκτόνος (Луперк), который встречается у Софокла и других [авторов](#) [1282](#).

Теперь, выясняя значение символа волка в этом значении, следует прежде всего отметить, что это хищный зверь. С этой точки зрения не может не показаться удивительным совпадением, что Аполлон в "Илиаде" принимает облик ястреба, [1283](#) а один из видов соколов называется его быстрым посланником. [1284](#) Так же и трагики часто [pg 315] представляли Аполлона в его образе разрушителя под именем Лицея. [1285](#) Однако мы не должны полагать, что именно этот образ Аполлона как разрушительной силы дал имя не только бесчисленным храмам, но даже целым странам; такое предположение противоречило бы истории и аналогии, делая раннее состояние этой религии одним из самых грубых варварств и суеверий. Гораздо более вероятно, что название Λυσεus связано с древним первобытным словом lux (отсюда λευκός). Греческое слово λύκη наиболее отчетливо сохранилось в λυκάβας, т. е. течение [света](#) [1286](#); а под эпитетом Λυκηγένης, примененным к Аполлону [Гомером](#) [1287](#) и, вероятно, взятым из некоторых древних гимнов, мы должны (исходя из идиом греческого языка) скорее понимать *того, кто рожден от света*, чем *ликийского бога*. То, что свет и величие часто используются как в символах поклонения, так и в языке поэтов для выражения атрибутов Аполлона, нельзя [отрицать](#) [1288](#); и мы лишь напоминаем читателю о вере в то, что огонь, горевший на алтаре Аполлона Ликея в Аргосе, первоначально упал с [небес](#) [1289](#), и таким образом эпитет Ликей, похоже, принадлежит к тому же классу, что и Ægletes, Phœbus и Xanthus. [1290](#)

[pg 316]

Не следует думать, что волк был использован в качестве символа Аполлона только из-за случайного сходства имен; но трудно понять, какую аналогию даже живое воображение греков могло найти между волком и светом. Позднее этот символ пытались объяснить тем обстоятельством, что все волки приносят потомство в течение двенадцати дней в году, то есть именно в то время, когда Латона странствовала в образе волчицы от Гипербореи до Делоса. [1291](#) Однако это физическое толкование было основано на басне, а не басня на нем. Возможно, острое зрение [волчицы](#) [1292](#) (если мы можем доверять рассказам древних) или даже яркий окрас животного могут дать лучшее объяснение. [1293](#)

В древнегреческом культе, однако, есть еще один пример, и в высшей степени примечательный, связи между светом и волком. На возвышенной вершине Ликея, горы в Аркадии, над древней Ликосурой, стоял (как говорит Пиндар) возвышенный и великолепный алтарь Зевса Ликея, с которым были каким-то образом связаны все предания о Ликаоне, который принес в жертву Зевсу своего ребенка и в результате превратился в волка. Теперь в этом месте не только встречается символ [волка](#) [1294](#), но и есть ссылка на [pg 317] свет. Здесь находилось священное святилище или адитум, которое должно было быть недоступным; по

народному поверью, тот, кто входил в него, не отбрасывал тени; и чтобы избежать жертвоприношения, агрессор должен был убегать в виде оленя: поэтому преследующий бог естественно представлялся воображению в виде волка.¹²⁹⁵ Мы понимаем, что свет должен был обитать внутри святилища. Таким образом, в этом очень древнем культе паррасиев, который в других отношениях имеет мало общего с дорийским поклонением Аполлону, мы обнаруживаем то же сочетание идей и символов, которое существует в последнем, и не можем не считать его пережитком какой-то очень древней символической идеи, свойственной и общей для греков.

9. Прodelав этот путь, мы попытаемся объединить и согласовать различные факты, которые уже были собраны. Аполлон, каким его представляет Гомер, имеет характер разрушающей и мстительной, а также освобождающей и защищающей силы. Но он мститель за нечестие и высокомерие, каратель за несправедливость и грех, а не автор зла для людей ради зла. Поэтому он всегда считался связанным с некими существами, чья природа противоречила его собственной; его характер мог быть показан только в противопоставлении с системой враждебных атрибутов и сил. Как *воинственный* и *победоносный* бог, он требовал врагов для борьбы и завоевания: как *чистый* и *светлый* бог, он подразумевал существование темной и нечистой стороны природы. Таким образом, поклонение Аполлону напоминало те религии, например, древнеперсидскую, которые были [pg 318] основаны на учении о *двух принципах*, один из которых - добро, а другой - зло. В то же время он не является обожествленным олицетворением творческих или генеративных сил природы, а также какого-либо природного объекта или явления, и поэтому у него нет ничего общего с божествами элементарных религий.

Эти идеи, которые, как представляется, с достаточной отчетливостью выражены в древнейших эпитетах и символах, связанных с поклонением Аполлону, а также в образах и вымыслах поэтов вплоть до эпохи Еврипида, мы рассмотрим сначала в связи с мифической историей и приключениями Аполлона, а затем постараемся указать на влияние, которое эти представления оказали на само поклонение.

Глава VII.

§ 1. Зевс и Аполлон первоначально были единственными мужскими божествами у дорийцев. § 2. Рождение Аполлона. § 3. Святость острова Делос. § 4. Боли Латоны. § 5. Место рождения Аполлона. § 6. Битва с питоном. § 7. Аполлон поет пифийский гимн. § 8. Захват Аполлона. § 9. Бой с Титием. § 10. Принятие Аполлоном прорицательской власти.

1. В нашем настоящем исследовании мы вынуждены обратиться к периоду, когда первобытная религия дорийцев проявляла отчетливый и оригинальный характер, прежде чем она была объединена с поклонением другим божествам. В то время у этого народа было только два мужских божества, Зевс и Аполлон, ибо существование последнего везде предполагает существование первого, и оба они были тесно связаны на Крите, в Дельфах и других местах; хотя дорийский Зевс не получал больших [pg 319] религиозных почестей. В храме в Дельфах Зевс и Аполлон были представлены как Мойрагеты, сопровождаемые двумя судьбами.¹²⁹⁶ Однако верховное божество, связанное с Аполлоном, не было ни рождено, ни видимо на земле, и, возможно, никогда не рассматривалось как имеющее непосредственное влияние на людей. Но Аполлон, которого часто называют сыном Зевса,¹²⁹⁷ выступает в качестве его заступника, посла и пророка в отношениях с

человечеством.¹²⁹⁸ И в то время как отец богов представляется неясно и на расстоянии, обитая в эфире и возвышаясь в небесах, Аполлон описывается как божественный герой, чей долг - отгонять зло и опасности, устанавливать права на воздаяние и объявлять о предписаниях судьбы. Наша цель - исследовать эти последние атрибуты, особенно в мифологии Делоса и Дельфы.

2. Легенда о рождении Аполлона на Делосе действительно была признана ионийцами и афинянами, но не дельфийцами, ни беотийцами, ни [пелопоннесцами](#)¹²⁹⁹; это видно из того безразличия, которое они [pg 320] вообще проявляли к храму на этом острове. Мы также знаем, что беотийцы представляли Тегиру как место рождения Аполлона.

Аполлон, говорит Пиндар, родился со [временем](#)¹³⁰⁰, имея в виду многочисленные препятствия и задержки, возникшие при его рождении. Они были вызваны влиянием враждебной силы, той самой, что вызвала Тифона из глубин [Тартара](#)¹³⁰¹, называемого поэтами Здесь.

Эта сила отказала в помощи при рождении Аполлона и заставила Латону в родовых муках скитаться по земле и морю, пока она не добралась до скалистого острова Делос.

3. Таким образом, сам остров Делос стал одним из сюжетов мифологии. Пиндар в оде, посвященной Делосу, обращается к нему как к "дочери моря, непоколебимому вундеркинду земли, который смертные называют Делосом, а боги на Олимпе - прославленной звездой темной земли"¹³⁰², и рассказывает, как "остров, гонимый ветрами и волнами, как только Латона поставила ногу на его берег, стал быстро привязан к корням земли четырьмя колоннами"¹³⁰³.¹³⁰³ Басня о плавающем [острове](#)¹³⁰⁴ (которая, впрочем, относится к более позднему времени, чем гомеровский гимн Аполлону) всего лишь обозначала беспокойное состояние, предшествовавшее спокойствию и яркости, наступившим с явлением бога. Отныне Делос оставался неподвижным, непоколебимым, по убеждению греков, даже при землетрясениях; [pg 321] по этой причине вся Греция была встревожена, когда это явление произошло перед Персидской войной.¹³⁰⁵ Словами "звезда темной земли" Пиндар намекает на то, что Делос (как видно из названия) считался чистым и светлым островом, чьи берега, слишком святые для загрязнения, всегда были свободны от трупов, вид которых омерзителен для бога. Отсюда и предание о том, что Астерия, чье имя происходит от ἀστὴρ, отпрыска титанов, бросилась в море и окаменела на берегу.

4. Рождение Аполлона, ставшее эпохой в мифологии, несомненно, отмечалось в древних гимнах, простота которых представляла поразительный контраст с высоким блеском гомеровских поэм. Гимн такого рода, приписываемый Олену, был адресован Эйлеитии, поклонение которой богине, вместе с другими религиозными церемониями, было перенесено (как уже отмечалось выше)¹³⁰⁶ из Кноса на Делос, а оттуда в [Афины](#)¹³⁰⁷. Называя Эйлеитию матерью бога любви,¹³⁰⁸ Олен вышел за пределы традиций в отношении Аполлона, спутав поклонение чужому богу с этим божеством, и, вероятно, [pg 322] отождествил ее с древней Афродитой (Ἀφροδίτη Ἀρχαία), алтарь которой Тесей, как говорят, воздвиг на Делосе.¹³⁰⁹ В любом случае, установление этого древнего аттического культа на священном острове и его связь с делийскими обрядами иллюстрирует упоминание Эроса в делийском гимне.

Девять дней и девять ночей Латона билась в безнадежных родовых муках, окруженная благосклонными Титанидами, Дионой, Реей, Фемидой и Амфитритой, которые в конце концов (согласно гомеровскому гимну) одержали верх над Эйлеитией, пообещав ей золотое ожерелье. Тогда боль охватила Латону; она обхватила пальму и родила божественного сына.

Объяснения взятки, предложенной Эйлеитии, слишком надуманны: вероятно, беременные женщины на Делосе посвящали свои ожерелья этой богине.

5. Точное место рождения Аполлона было показано в Делосе, поскольку малейшее обстоятельство, связанное с таким важным событием, не могло не вызвать интереса. Искать его надо там, где поток Инопус стекает с горы Синт. [1310](#) Здесь находился круглый бассейн (λίμνη τροχόεσσα), форма которого часто упоминается. [1311](#) У его борта росли два священных дерева, пальма и олива, которые в других местах не причисляются к священным для Аполлона; так как в Греции первое не растет совсем, а второе - не без большой осторожности. Только Делийский храм мог похвастаться пальмой, а использование [pg 323] пальмовых ветвей на играх также зародилось на Делосе. [1312](#)

Этот остров приобрел такую святость благодаря рождению Аполлона, что в его пределах не разрешалось ни рождаться, ни умирать. [1313](#) Каждая беременная женщина была обязана отправиться на соседний остров Ренея, чтобы принять роды. Одно из представлений греков о религиозной чистоте (которое в целом можно отнести к поклонению Аполлону) заключалось в том, что любое сношение с беременными женщинами загрязнялось так же, как и прикосновение к трупам. Запрет на содержание собак имел то же происхождение. [1314](#) В целом, делийские традиции не следует считать очень древними или заслуживающими доверия; они, действительно, почти не содержат оригинальных источников информации об Аполлоне, в основном состоят из описаний святости самого острова; некоторые легенды, например, о том, что он когда-то плавал по океану и т.д., похоже, были изобретением ионийцев; эта раса, даже в вымысле, позволяла себе гораздо большую свободу действий, чем дорийцы.

6. Аполлон, согласно аттической легенде, прошел в Дельфы из Делоса через Аттику и Беотию; в гомеровском гимне Аполлону он прибыл из северных районов, но также через Беотию: согласно другим традициям, он пришел от гиперборейцев. Согласно другой, Латона несла на руках двух младенцев, Аполлона и Артемиду, когда [pg 324] напал Пифон, [1315](#) а мать искала убежища на священном камне у платана в Дельфах: [1316](#) по другой, Аполлон был ребенком во время этого события; [1317](#) и, соответственно, дельфийский мальчик, оба родителя которого были живы, представлял действия божества на великом празднике. Однако главным событием священного сказания всегда было уничтожение питона. Именно благодаря этому подвигу Аполлон овладел прорицательной пропастью, из которой когда-то говорила богиня Земля. Однако не без некоторого сопротивления она уступила притязаниям юного бога, которого, по словам Пиндара, она даже пыталась сбросить в [Тартар](#) [1318](#). Змей Пифон представлен как страж древнего оракула Земли, [1319](#) и сын самой Земли, возникший из теплой глины, оставшейся после всеобщего потопа, и обитающий в темном осквернении возле фонтана, который, как говорили, бил из Стикса. [1320](#) Змей, как обычно, представляет земное существо, под которым олицетворяется грубое и бесформенное порождение природы. Предполагалось, что она связана с природой воды и моря; поэтому ее называли Дельфина, или [pg 325] [Дельфина](#) [1321](#), как и одноименную рыбу, которая была особенно священна для Аполлона и, по всей вероятности, также считалась покоренной им. После этого змея, наблюдавшая за оракулом, осталась, хотя и побежденная, как память о древней борьбе и победе бога, и была помещена у скалистой пропасти у подножия треножника во внутреннем [святилище](#) [1322](#).

7. После завершения битвы с [пифоном](#) [1323](#) Аполлон сам срывает лавр, чтобы сплести венец победы. [1324](#) Здесь же он, как говорят, впервые запел пеан, как торжественный гимн. В драматическом представлении, с помощью которого дельфийцы представляли приключения Аполлона, была введена пифийская мелодия (νόμος Πύθιος). Этот воздух, который

первоначально был не более чем простой мелодией, вскоре получил все украшения искусства; и, будучи возведен [pg 326] Тимосфеном в достоинство великого музыкального произведения, [1325](#) был (вопреки древнему обычаю) исполнен с флейтами, лирами и трубами, без сопровождения голоса. Рассказы об этом празднике действительно многочисленны, но, к сожалению, слишком позднего времени, чтобы дать нам представление о его древнем и подлинном характере. Во времена [Плутарха](#) [1326](#) это было не полое змеиное логово, а имитация княжеского дома (καλιὰς), который возводился во дворе (ἄλως) на каждом восьмилетнем празднике. [1327](#) В это здание женщины одной дельфийской семьи [1328](#) ввели мальчика потайным ходом (δολωνεία) с зажженными факелами и скрылись через дверь, опрокинув стол и поджегши дом.

8. Хотя уничтожение питона характеризуется как триумф высшей и божественной силы божества, все же победивший бог считался оскверненным кровью чудовища и обязан был претерпеть ряд бед и несчастий. По преданию, сразу после битвы он отправился по священной дороге в Темпе, которую мальчик, олицетворявший Аполлона, возглавил во время религиозной процессии. [1329](#) Направление этой дороги было точно указано выше. Главным обстоятельством этого странствия было рабство θήτευσις [pg 327] Аполлона при Адмете Ферейском, которому бог подверг себя, чтобы искупить свою вину. Его тоже представлял мальчик, который, вероятно, подражал тому, как бог, будучи пастухом и рабом, подчинялся самым унижительным услугам. [1330](#) Возможно, именно благочестие Адмета, прославленное в традиции, дало ему право обладать таким рабом; однако следует усомниться, что в соответствии с духом античной мифологии под этим именем изначально не должно было быть представлено идеальное существо, а не смертный герой. Ἄδμητος - обычное название бога inferнальных областей, которому, согласно первоначальной идее, был порабощен Аполлон. Поклонение этому божеству связано с поклонением Гекате, которую называли θεὰ Φεραία, дочерью Адмета. [1331](#) Не можем ли мы в спасении Алкестиды из преисподней [Аполлоном](#) [1332](#) и Гераклом найти подсказку, позволяющую предположить, что басня об Адмете относится к поклонению inferнальным божествам? В Греции распевали древний дирг, называемый песней Адмета, который, как утверждали, был впервые исполнен Адметом после смерти его жены и первоначально, возможно, был обращен к Αἴδεσ [pg 328] Ἄδμητος. [1333](#) Как хорошо соответствует возвышенному характеру религиозной поэзии, о которой идет речь, то, что бог, оскверненный битвой с нечистым существом, должен был, чтобы завершить свое покаяние, спуститься в inferнальные области. В подтверждение этого сохранились неясные предания, которые представляют Аполлона фактически умирающим, то есть спускающимся в преисподнюю. [1334](#) Однако после восьми лет, назначенного срока рабства, бог идет к древнему алтарю Темпе, где, окропляясь лавровыми ветвями и совершая другие искупительные обряды, символически восстанавливает свою чистоту. [1335](#) После этого очищенное божество возвращается той же дорогой в Дейпниас, близ Лариссы, и там прерывает свой долгий пост.

9. Эти дельфийские традиции в очень ранние времена стали темой эпической поэзии, в которой, однако, рабство Аполлона объяснялось другой причиной; оно представлялось как наказание, наложенное Зевсом за убийство циклопа, который выковал молнию, которой Зевс поразил своего сына Эскулапа, поскольку, не довольствуясь выздоровлением больных, он возвращал к жизни даже [мертвых](#) [1336](#). Однако некоторые поэты также утверждают, что [pg 329] Pheræ был местом его рабства, ссылаясь на пифийскую дорогу, и упоминают *великий год* (μῆγαν ἐνιαυτὸν) как время его [рабства](#) [1337](#), под которым они подразумевают дельфийский период. Возможно, мы можем найти след более древней традиции в рассказе о том, что янтарь - это окаменевшая слеза, которую Аполлон пролил во время своего рабства в своей древней обители среди гипербореев, в стране [кельтов](#) [1338](#).

Бой с Титеем почти аналогичен бою с питоном. Это чудовище земного происхождения, обитающее в Панопее, городе, расположенном на священной дороге, и враждебное дельфийцам, наложило руки на Латону, когда она проходила через это место: но ее дети вскоре одолели хищника и отправили его в нижние тени, где стервятник непрерывно охотится на его печень,¹³³⁹ место неумеренных желаний.

10. Враждебная часть природы теперь побеждена, а спокойствие одержало победу над беспорядком, и Аполлон приступает к выполнению другой задачи, ради которой он был послан в мир. Он поднимается на треножник дельфийского оракула, уже не для того, чтобы озвучивать мрачные ответы земли, а для того, чтобы [pg 330] провозгласить "непреложный указ Зевса".¹³⁴⁰ Ибо очевидно, что на языке этой религии судьба рассматривалась как воля Зевса (Διὸς νοῦς, Διὸς αἴσα), который в Дельфах назывался Μοιραῦτής, "предводитель судьбы";, в то время как эпические поэты, исходя из своего обычая делать каждого бога отдельной личностью, обычно (хотя иногда можно проследить проблеск более возвышенной идеи) делали Зевса, как и всех других людей, подвластным судьбе. Пророческие способности Аполлона будут более подробно рассмотрены в следующей главе.

Глава VIII.

§ 1. Ритуальное поклонение Аполлону. Бескровные жертвоприношения. § 2. Искупительные обряды. § 3. Мирные жертвоприношения. § 4. Праздники Аполлона. § 5. Следы фестивального календаря. § 6. Изгнание за убийство. § 7. Обряды очищения - использование лавра в них. § 8. Пророческий характер Аполлона. § 9. Его способы гадания. § 10. Использование музыки в поклонении Аполлону. § 11. Аполлон, изображаемый играющим на кифаре. § 12. Состязание Аполлона и Линуса. Древние простецкие песни. § 13. Древние гимны Аполлону. § 14. Пеан и гипорхема. § 15. Праздники Гиацинта и Карнея. § 16. Аполлон в изображении скульпторов. § 17. Древние статуи Аполлона. § 18. Аполлон в изображении сменявших друг друга школ скульпторов. § 19. Политическое влияние поклонения Аполлону. § 20. Его связь с пифагорейской философией.

1. В этой главе мы намерены показать, что, помимо мифологии, обряды поклонения Аполлону настолько согласуются и гармонируют друг с другом, [pg 331] что служат решающим доказательством его регулярного и систематического развития; После чего мы попытаемся указать на это согласие и прояснить его относительные аспекты; хотя попытка такого рода обязательно должна быть очень несовершенной, поскольку религия, которую, чтобы постичь, мы должны рассматривать с пылом преданности, сейчас является лишь предметом холодных и бессердечных спекуляций.

Во-первых, что касается жертвоприношений, то примечательно, что во многих главных храмах особую святость и важность придавали *бескровным* жертвоприношениям. В Дельфах лепешки и ладан освящались в священных *корзинах*¹³⁴¹; в Патаре - лепешки в виде луков, стрел и лир, эмблемы как гнева, так и умиротворения *божества*¹³⁴². На Делосе за алтарем, сооруженным из рогов, стоял алтарь, называемый алтарем благочестивых, на который клали только лепешки из пшеницы и ячменя; по преданию, только на нем приносил жертвы Пифагор.¹³⁴³ На этом острове также на праздниках приносили в жертву мальвы и колосья кукурузы;¹³⁴⁴ самую простую пищу человека, в память о первобытной простоте и воздержанности. В Дельфах молодые женщины Парнаса, как говорят, приносили первые плоды года Аполлону, [pg 332] сразу после уничтожения Пифона.¹³⁴⁵ Благочестивые приношения гиперборейцев, как уже было отмечено выше, были такими же, как и те, что

были перечислены в прошлый раз. И, возможно, мы можем добавить к нашему списку обычай на аттическом осеннем празднике Пианепсии подвешивать виноград, фрукты и небольшие кувшины с медом и маслом к ветвям оливы или лавра, обвязанным шерстью, и нести их к дверям храма [Аполлона1346](#) , хотя, возможно, этот обряд принадлежал скорее Вакху, Солнцу и [Часам1347](#) , которые разделяли честь этого праздника с Аполлоном.

2. Вышеупомянутые жертвоприношения, несомненно, выражают существование чистых и сыновних отношений, подобных тем, в которых гиперборейцы находились с Аполлоном; для людей, находящихся в столь невинном состоянии, было вполне достаточно постоянно выражать признание благосклонности и силы, с которой бог защищает и оберегает их. Но как чистое божество само должно было быть запятнано кровью, так и умы его поклонников могли запятнаться грехом и потерять внутреннее спокойствие. Находясь в таком состоянии под влиянием изверга и развратителя (Ἄτη), разум, естественно, желает покончить со своим несчастным состоянием каким-то конкретным и определенным действием. Это достигается путем торжественного искупления и очищения в религии Аполлона. Таким образом, искупительные обряды были введены в регулярную систему поклонения и стали частью древнего *jus sacrum*. Вскоре, однако, было замечено, что обычная рутина [pg 333] жизни иногда нуждается в такой же церемонии, и поэтому с публичным поклонением богу были связаны искупительные *фестивали*, с помощью которых очищались не только отдельные люди, но и целые города. Эти праздники , естественно, отмечались весной, когда зимние бури утихают и природа вступает в новую жизнь.[1348](#) Но для их проведения уже не хватало благочестивых даров отдельных людей и даже жертвоприношений животных; казалось, что беспокойный разум требует для своего очищения более значительных жертв. В Афинах во время Таргелии двух мужчин (или мужчину и женщину), украшенных цветами и плодами, натертых душистыми травами, вели самым торжественным образом, как жертву, перед воротами и с проклятиями бросали со скалы; но, по всей вероятности, их подхватывали внизу и уносили за границы. Лица, использовавшиеся для этих изгнаний (Φαρμακοὶ), были осужденными преступниками, которых город предоставлял для этой цели.[1349](#) Этот праздник был общим для всех ионийцев; он особенно упоминается в [Милете1350](#) и [Паросе1351](#) ; те же обряды практиковались и в фокейской колонии [Массалия1352](#). В Ионии жертвы избивали ветвями смоковницы и морскими луками; в то же время на флейте [pg 334] исполнялась мелодия (называемая *храδίης*), которая, по свидетельству Гиппонакса, была переведена Мимнермом в элегическую меру.[1353](#) В Афинах жертвы также увенчивали фигами и фиговыми ветвями, что, вероятно, было символом полной никчемности. Древность этого способа очищения была показана выше, в наших замечаниях о религиозных церемониях Леукадии.[1354](#)

3. *Мирные жертвы* (ἱ λασμοὶ), которыми Аполлон сначала умиротворялся и отводил свой гнев, следует, как видно, отличать от *очищений* (καθαρμοὶ), с помощью которых он должен был возвращать разум к чистоте и спокойствию. В Сикионе (где религия Аполлона процветала в очень ранний период) рассказывали, что Аполлон и Артемида после разрушения Пифона пожелали очиститься там, но, прогоняемые призраком (откуда впоследствии определенное место в городе стало называться *φόβος*), они направились в другое место. После этого на жителей напал мор, и провидцы велели им умиротворить божества. Семь мальчиков и столько же девочек должны были пойти к реке Сифас и искупаться в ее водах, затем отнести статуи двух божеств в храм Пейто, а оттуда обратно в храм Аполлона.[1355](#) Аттический праздник Дельфинии (шестого числа Мунихиона) имел, очевидно, то же значение; на нем семь юношей и девушек благоговейно вносили *ἱκέτηρια*, оливковую ветвь, перевязанную белыми нитями шерсти, в [pg 335] Дельфинию.[1356](#) Это

происходило ровно за месяц до Таргелии; и, по всей вероятности, мирные жертвы и очищения (ἱλασμοὶ и καθαρμοὶ) праздновались в один и тот же период по всей Греции.

4. Сопоставив и упорядочив разрозненные фрагменты информации о времени проведения праздников, относящихся к этим двум классам, мы получим следующий ясный и простой отчет¹³⁵⁷.

В начале аполлинийского года, в первый месяц весны, называемый в Дельфах Бисием (т.е. Πύθιος), в Афинах - Мунихионом, Аполлон должен был прийти через Парнасское дефиле в Дельфы и начать битву с Дельфинами. Затем он принимает облик гневного бога, которого необходимо умиротворить; поэтому в шестой день месяца в Афинах, а также, вероятно, в Милете и Массалии проходил искупительный праздник Дельфинии; можно предположить, что это был тот же месяц, который в Эгине и Фере носил название **Дельфиний**¹³⁵⁸ : седьмого числа Аполлон уничтожил **Пифона**¹³⁵⁹ . Это был день, когда оракул впервые нарушил молчание; в поздний период он также считался в Дельфах днем рождения Аполлона.¹³⁶⁰ Сразу же после этого дельфийская процессия двинулась в Темпу; в это же время десятины людей были отправлены Аполлону на Крит.¹³⁶¹

Во втором месяце весны, называемом ионийцами Таргелион, Аполлон очищался у алтаря в Темпе, и, вероятно, в седьмой день месяца; ведь великий искупительный праздник обоих божеств, Аполлона и Артемиды, отмечался в Афинах на шестой и седьмой день; и Делос был очищен в то же время; за этой церемонией сразу же следовал благодарственный пир в честь бога света. Согласно дельийской традиции, Артемида и Аполлон (Ἐβδωραγέτης)¹³⁶² родились на шестой и седьмой день этого месяца.¹³⁶³ Однако в тот же день, когда дельфийский мальчик сорвал лавр и повернул домой, очищающие лавровые ветви (от которых [pg 337] получил свое название праздник Дафнефория)¹³⁶⁴, вероятно, также носили по всей Беотии и остальной **Греции**¹³⁶⁵. Вскоре после этого происходило захождение Плеяд (за день до майских идов, согласно Евдоксу);¹³⁶⁶ в это время Гесиод дает начало жатве; затем, как уже отмечалось выше, по свидетельству Диодора и древних произведений искусства,¹³⁶⁷ Аполлон, получив первые колосья кукурузы, покидает Гиперборею и появляется в более мягком и благородном виде в Дельфах.

Если бы хотели, чтобы заход Плеяд происходил через регулярный интервал после предыдущего праздника, это можно было бы сделать только с помощью циклов, в которых лунный и боковой годы должны были совпадать. Теперь нетрудно было заметить, что через девяносто девять лунных месяцев заход Плеяд довольно точно совпадал с одной и той же фазой Луны. Из этого обстоятельства возник период в *восемь лет*, называемый греками ἑνναετηρίς, в соответствии с которым с древнейших времен устраивались великие праздники Аполлона в Дельфах, на Крите и в **Фивах**¹³⁶⁸.

[pg 338]

5. Эти данные служат достаточным доказательством удивительной и отнюдь не случайной связи между искупительными праздниками Аполлона: мы можем обнаружить остатки священного календаря, который когда-то, без сомнения, сохранялся целиком, но который в результате различных комбинаций, внесенных в греческое богослужение, стал разрозненным и нарушенным. Особенно это касается аттических праздников, где один и тот же праздник часто как бы удваивается и помещается в разные части года. Нам сразу же приходит на ум замечательный пример, иллюстрирующий вышеприведенное замечание. Как месяцы Мунихион и Таргелион сменяли друг друга во *второй* половине года, так и Боэдромион и Пианепсион - в *первой*. Шестой Боэдромион был священным для Артемиды; седьмой, без сомнения, для Аполлона Боэдромиуса, *бога войны*; поэтому он соответствует

дельфийскому Аполлону, а праздник - Дельфинии. Пианепсии, однако, были очень похожи на Таргелии; лавровые ветви, обернутые шерстью, которые несли во время празднования обоих праздников, напоминают нам о Дафнефориях;¹³⁶⁹ только, как было отмечено выше, к нему примешивалось поклонение Вакху, которое Тесей, как говорят, установил на Наксосе после своего возвращения с островов, и это можно узнать по ношению ветвей (ὄσχοφορία), которое было введено в этот праздник. Таким образом, эти четыре седьмых дня (ἑβδομαί) соотносятся друг с другом следующим образом:

7-й Мунихион.

7-й Таргелион.

7-й Боэдромион.

7-й Пианепсион.

[pg 339]

6. От этих повсеместных искупительных праздников мы переходим к искуплениям, которые религия Аполлона предписывала тем, кто понес вину за [убийство](#)¹³⁷⁰. Мы уже отмечали некоторые учреждения такого рода, связанные с храмами в Тхенаруме, Трезене и Бранхидее: подобное существовало и в Дельфах, как можно понять из басни об Оресте, рассказанной Эсхилом, в которой Аполлон выступает одновременно и как предводитель мстящих фурий, и как очиститель убийцы. Сразу же после этого поступка отцеубийца берет оливковую ветвь, перевязанную шерстяными [нитками](#)¹³⁷¹, и летит, как испуганный [олень](#)¹³⁷², в Дельфы, где Аполлон сам очищает его окровавленные руки жертвоприношением свиньи и [омовением](#)¹³⁷³, освобождая его от фурий, в качестве защиты от которых он (по словам Стесихора) дал ему также лук и [стрелы](#)¹³⁷⁴. [pg 340] После очищения Ореста в Дельфах афинские поэты утверждают, что он отправился в Афины и под защитой бога расположился перед Ареопагом, где в аналогичной ситуации стоял и [Кефал](#)¹³⁷⁵.

В Афинах, как уже отмечалось выше, искупительные обряды поклонения Аполлону были связаны с уголовными судами, причем на аристократических эфетов возлагались как обряд очищения, так и обязанности судей. Это были пятьдесят один человек знатного происхождения,¹³⁷⁶ которые в ранние времена в пяти судебных инстанциях (в число которых, конечно, входил и ареопаг) рассматривали все виды убийств.¹³⁷⁷ Солон, вероятно, сначала отделил ареопаг от остальных четырех судов; чтобы сделать его тимократическим трибуналом, рассматривающим дела об умышленных убийствах, он дал ему большую [pg 341] политическую, но не религиозную власть; последней он не мог наделить. Юрисдикция эфетов теперь ограничивалась делами о непреднамеренном или оправданном убийстве, а также некоторыми другими, не имеющими большого значения; таким образом, в условиях всеобщего изменения сохранился необычный остаток древних судебных форм. Теперь мы опишем церемонии, использовавшиеся при искуплении убийц. Однако прежде всего необходимо отличать умышленного убийцу, который либо навсегда покидал свою родину, теряя все привилегии и имущество, либо подвергался наказанию по законам, от человека, убившего другого без умысла или по какой-то уважительной причине, которая должна быть утверждена приговором эфетов. Человек в последнем случае покидал свою страну по определенной дороге на определенное время; в течение этого времени он также держался на расстоянии от мест общественного отдыха (ἀπενίαυτιςμός).¹³⁷⁸ После этого происходило примирение либо с родственниками, либо с некоторыми избранными phratores; но только в том случае, если они были согласны,¹³⁷⁹ и если речь шла только об убийстве второго рода.¹³⁸⁰ Употреблялся термин αἰδέσασθαι, потому что преступник такого [pg 342] рода был

несчастливым человеком, а потому, по мнению древних греков, заслуживал уважения. После этого преступник очищался от всякой вины с помощью жертвоприношений и искупительных обрядов. В ранние времена очищение, вероятно, всегда происходило за границей, часто в древних поселениях пострадавшей семьи. В Афинах оно совершалось после возвращения преступника; и там случаи искупительных убийств были, конечно, менее частыми, чем в героический век, поскольку при менее регулярном правительстве и более тесных семейных связях было больше подстрекательств и оправданий для этого преступления. Поэтому в то время эти институты должны были иметь двойное значение, которые сдерживали страшные последствия неудачного поступка, успокаивали беспокойную совесть и сдерживали слишком сильную жажду [мести](#)¹³⁸¹.

Из этой древней связи религиозных обрядов и уголовной юрисдикции легко понять, почему в Афинах Аполлон должен был председательствовать во всех судах [правосудия](#)¹³⁸² и почему он также изображался на Тенедосе вооруженным двойной [секирой](#)¹³⁸³ - орудием, используемым на этом острове для казни [прелюбодеев](#)¹³⁸⁴.

[pg 343]

7. Предполагалось, что Аполлон также руководит очищением домов, городов и [районов](#)¹³⁸⁵, и, соответственно, их проводил Тиресий, пророк Исмены, в [Фивах](#)¹³⁸⁶, а также в более поздние времена Эпименид в образе критского поклонника Аполлона в Афинах (после Olymр. 46. 1.) и на Делосе в еще более ранний [период](#)¹³⁸⁷. Это первое очищение Делоса, о котором у нас есть сведения; второе - учрежденное Писистратом (около 60-й Олимпиады); третье - начатое Афинами (Olymр. 88. 3. 426 г. до н. э.), когда остров был полностью освобожден от тропов, столь одиозных для [Аполлона](#)¹³⁸⁸.

Во всех этих обрядах часто используется лавр (δάφνη Ἀπολλωνιάς),¹³⁸⁹ которому приписывалась способность отгонять зло, как при окроплении, так и когда его просто несли в процессии.¹³⁹⁰ Это дерево также служило нескольким целям при произнесении оракулов; ветвь его в древние времена выделяла [пророков](#)¹³⁹¹ и даже самого бога как [такового](#)¹³⁹²; поэтому его сестры, как говорили некоторые, были [Κορυθαίεια](#)¹³⁹³, т. е. "сам лавр". т. е. "сам лавр"; и Ἀλήθεια, или "исполнение оракулов"¹³⁹⁴. Причина, по которой лавр [pg 344] должен был обладать этими способностями, столь же неясна, как и происхождение древнего символического языка в целом. Возможно, просто внешний вид вечнозеленого дерева с его стройной формой и сверкающими листьями сделал его символом Аполлона. Лавр переносит довольно суровую [зиму](#)¹³⁹⁵, поэтому его выращивают на севере Греции, в то время как олива, дерево Афины, принадлежит к более южным регионам. Но, как бы то ни было, расположение Темпы, где этот кустарник до сих пор растет с большой пышностью, несомненно, добавляло святости [символу](#)¹³⁹⁶, и по этой причине амур бога с Дафной часто помещали на берегу Пеней.¹³⁹⁷ Действительно, Аполлон, как предполагалось, любил все рощи, особенно лесные деревья, лавры, дикие оливы и т. д. Освежающая прохлада и священная тишина таких мест считались надлежащей подготовкой к входу в святилище.¹³⁹⁸

8. Многим казалось непонятным, почему Аполлон должен быть богом пророчества и как можно совместить эту должность с другими его атрибутами. Многие довольствовались предположением о случайном объединении музыки, пророчества и стрельбы из лука, не будучи в состоянии обнаружить какой-либо принцип объединения. На следующих страницах мы попытаемся объяснить сочетание [pg 345] в одном и том же божестве атрибутов, очевидно, столь не связанных между собой.

Пророчество, согласно представлениям древних, - это объявление судьбы (μοῖρα, αἵσα). Теперь судьба считалась правильным порядком вещей, установленной физической и

моральной гармонией мира, в котором каждая вещь занимает место, соответствующее ее возможностям и функциям. Судьба, таким образом, совпадает с высшей справедливостью (Θέμις); это понятие Гесиод выразил, сказав, что Зевс женился на Фемиде, которая произвела на свет его судьбу. Благочестивый, религиозный ум не мог разделить Зевса и Судьбу: Судьба была волей и мыслью высшего из богов. Человек, чьи действия согласовывались с этой установленной гармонией и следовали назначенному ходу вещей, поступал *справедливо* (κατ' αἵσαν, ἐναίσιμα); жестокий и высокомерный человек стремился по крайней мере нарушить законы Судьбы. Именно этот правильный порядок событий должны были возвещать древние оракулы; поэтому их называли θέμιστες, постановлениями или законами *справедливости*.¹³⁹⁹ Не считалось, что они исходят из предвидения будущего; они просто возвещали то, что, согласно необходимому ходу событий, должно произойти. Нас не может не удивлять, что оракул был произнесен женщиной в состоянии экстаза, а не в результате серьезных размышлений. Но разве в более ранний период греческой философии (особенно в ионийской школе) каждое новое и глубокое открытие [pg 346] появлялось как результат внезапного озарения и экстаза, да еще и часто сопровождалось чудесными обстоятельствами? И разве не был бы разум в ту эпоху естественным образом приведен в такое возбужденное и восторженное состояние, когда, стремясь вырваться из узких рамок повседневной жизни, он распознал бы в общем ходе событий влияние богов? Средства, использовавшиеся для достижения этого вдохновения: пар из пропасти, жевание лавровых листьев, питье воды из колодца, - имеют самое невинное описание. Однако мы не хотим отрицать, что вскоре эти церемонии приобрели невразумительную форму, а оракул был подчинен политическим целям.

Обычай, когда женщина произносит постановления бога, возник отчасти из-за особого отношения дорийцев к женщинам, а отчасти из-за естественной склонности женского пола (так часто отмечаемой древними) к приступам экстаза. В других местах пророчицы также часто были связаны с храмами Аполлона, как, например, Манто в сказочную эпоху с исменским и кларианским храмами, а Кассандра с храмом Тимбра, чья природа была почти аналогична природе сивилл, которые также всегда были связаны с храмами того же бога. Что касается способа, которым произносились ответы пифийской жрицы, Гераклит Эфесский говорит, что "бог, чей оракул находится в Дельфах, ничего не произносит и не скрывает, но дает знаки"¹⁴⁰⁰, что, по крайней мере, опровергает [pg 347] распространенное представление о предназначенной двусмысленности этого оракула.

Однако этот храм, должно быть, потерял большую часть своего достоинства, когда ради богатых подношений от лидийского монарха снизошел до того, чтобы загадочно отвечать на коварные вопросы, которые Крёс задавал греческим оракулам. В прежние времена грек не осмелился бы без величайшей веры в его ответы приблизиться к храму, который регулировал почти все политическое состояние Греции, управлял ее колониями, устанавливал священные перемирия и своим авторитетом утверждал законодательство Ликурга. Ведь в целом бог должен был возвещать не то, что *будет*, а то, что *должно* произойти; и он часто объявлял события не как происходящие независимо от его предписаний, а как следствие его ответов. Все дорийцы находились в определенной зависимости от пифийского храма; и пока эта раса занимала господствующее положение в Греции, очаг в центре земли (μυσόμφαλος ἑστία) с его вечным огнем в **Пифо**¹⁴⁰¹ считался пританеем и религиозным центром всей **Греции**¹⁴⁰².

9. Однако в Древней Греции пророчество ни в коем случае не было полностью производным от Аполлона, а лишь той его разновидностью, которая исходила из восторженного и одухотворенного состояния души. Тем не менее, восторженное и мечтательное состояние

духа, в котором прохладные гроты с их текущими водами и полым эхом, казалось, переносили верующего в прежний мир, было заимствовано от нимф: И Бакиды, которые считались находящимися под влиянием нимф [pg 348] (νυμφόπληκτοι), имеют не больше отношения к Аполлону, чем σεληνιακοί, к которым причисляют Мусея.

Из различных способов гадания по [знамениям1403](#) только два или три относились к этому богу, да и то скорее случайно, чем в соответствии с каким-либо фиксированным [принципом1404](#), например, гадание по [молнии1405](#), по [птицам1406](#), по [жертвоприношениям1407](#) и по жребию, который, однако, либо презирался им, как ниже его достоинства, либо передавался [Гермесу1408](#).

Соединяя представление об Аполлоне, которое мы теперь получили, с нашими предыдущими вопросами, мы видим, что все это сочетается легко и естественно. Аполлон, как божественный герой, преодолевает все препятствия на пути к порядку и законам небесным; это небесные правила и законы, которые он провозглашает как пророк Зевса. С их помощью повсюду устанавливаются спокойствие, яркость и гармония, устраняется все, что их разрушает. Вера в неизменную систему законов, исполнителем которых был Аполлон, легла в основу всех пророчеств в его культе.

10. Далее нам предстоит рассмотреть, по какой причине и в какой степени *музыка* была включена в число торжественных мероприятий (τιμὰι) в честь Аполлона. В этом вопросе, однако, [pg 349] мы должны остерегаться делать слишком много выводов из поэтов. Древние изображали его играющим на кифаре (φόρμιγξ), часто в окружении хора муз, поющих и танцующих; [1409](#) место которого в Гимне пифийскому Аполлону занимают десять богинь, среди которых "Арес и Гермес сводчаты и пружинисты" (возможно, как критские кубки или *κυβότητῆρες*), "в то время как Аполлон, в красиво сотканном одеянии, играет и в то же время танцует быстрыми движениями ног"; ибо Аполлон считался не просто богом музыки; поэтому Пиндар обращается к нему как к богу танца. [1410](#) Но мы не можем на основании этой поэтической выдумки сделать вывод о религиозном союзе Муз и Аполлона, да и не прослеживается такая связь; более того, поклонение этим богиням было как по происхождению, так и по месту [жительства1411](#), совершенно отличным от поклонения Аполлону. Кроме того, среди ранних писателей Аполлон никогда не считался покровителем поэтов и не призывался, как Музы, даровать поэтическое вдохновение: только игроки на кифаре находились под его защитой. Китара была его атрибутом, как на многих древних [статуях1412](#), так и на дельфийских монетах; это его древний и подходящий инструмент; лиру более глубокого тона, с дугообразной декой, Аполлон получил от [Гермеса1413](#): [pg 350] случаи, когда он изображается с ней, очень редки.

11. Но по какой причине Аполлон изображен играющим на кифаре? Не иначе, как потому, что музыка кифары со времен далекой древности была связана с его поклонением, и потому, что она лучше всего подходит для выражения спокойной и простой гармонии; поклонение Аполлону, как мы уже часто отмечали, всегда стремится к торжественной тишине и неподвижности души. Пиндар прекрасно говорит об этом боге, что он "изобрел китарис и дарует музу тому, кому пожелает, чтобы ввести мирный закон в сердце". [1414](#) К этому же относятся золотые *κληιδόνες*, которые, согласно рассказу того же поэта, [1415](#) были подвешены к крыше медного храма в Дельфах; без сомнения, они предназначались для эмблемы мягкого и успокаивающего влияния бога. Естественно, это было главной целью музыки, когда она использовалась для очищения и заклинаний (*ἐπιφῆ*), когда нужно было победить страсти и успокоить боль; в древности это было одним из самых важных ее применений. [1416](#) Хрисотемис, древний пифийский менестрель из мифологии, был назван сыном Карманора, искупительного жреца [Тарпы1417](#); также и Талетас, критский поэт,

очистил Спарту музыкой, когда на нее напала [pg 351] [чума1418](#). Пифагорейцы, воздававшие особую честь Аполлону, пошли еще дальше и использовали музыку как талисман, успокаивающий страсти, настраивающий дух на гармонию и исцеляющий как тело, так и разум. Поэтому они предпочитали кифару [флейте1419](#), так как, согласно греческим представлениям, в звуках флейты было что-то дикое и в то же время мрачное; по этой же причине Аполлон не любил музыку этого [инструмента1420](#). Этим объясняется и его поединок с Марсием, фригийским Силеном и флейтистом, чья жесткая кожа, содрванная завоевателем, всегда шевелилась (по рассказам жителей Селены), с радостью, как считалось, при звуках [флейты1421](#).

Флейта не была древним инструментом у греков; Гомер упоминает ее только у троянцев. [1422](#) Во времена Гесиода она появилась в комусе, группе шумных весельчаков. [1423](#) Но только китара долгое время сохраняла свое место в качестве инструмента для хора: даже во времена Алкмана флейтисты были в основном из Малой Азии; их имена (Самбас, Адон, [Телос1424](#)) часто имели, в силу этого обстоятельства, варварское звучание. Такая музыка была принята в основном в тех местах, где поклонялись [pg 352] Дионису; например, в Беотии. Конечно, она также широко использовалась в обрядах фригийской Магны-Матери и фригийского [Пана1425](#), поэтому Пиндар, унаследовавший от отца характер флейтиста, посвятил святилище матери богов и Пану. [1426](#) Когда, однако, она стала распространенной по всей Греции, ее нельзя было исключить из такого знаменитого музыкального места, как Дельфы, и слух Аполлона стал менее прихотливым. Алкман и Коринна, действительно, были слишком пристрастны к этому искусству (первый - лидиец, вторая - беотийка), когда изображали самого Аполлона, играющего на флейте. [1427](#) Этот инструмент, однако, в то время был принят даже в священной экспозиции дельфийского культа: дирг на смерть [Пифона1428](#) (номинально созданный на Олимпе фригийским музыкантом, современником или несколько позже Терпандра) [1429](#), был сыгран на флейте в лидийском стиле, и, вероятно, составлял часть этого драматического представления. Кроме того, этот инструмент использовался для сопровождения Prosodia (песен, которые пелись по дороге в храм) в процессии в Темпе и в Пентатлоне на гимнастических состязаниях. [1430](#) Особый вид флейты, использовавшийся в пеанах, получил название [пифийской1431](#), однако музыка флейты в сочетании с пением ($\alpha\upsilon\lambda\omega\delta\acute{\iota}\alpha$), в лирических и элегических [pg 353] мерах, была исключена из пифийских игр, после того как ее однажды услышали, как производящая слишком мрачное впечатление: [1432](#) ибо всякая печаль, а значит, и все пронзительные мелодии, повсюду исключались из поклонения Аполлону, а музыка в его храмах всегда должна была оказывать оживляющее и успокаивающее воздействие на ум.

12. Исходя из этого взгляда на предмет, мы можем объяснить необычную историю о состязании Аполлона с Линусом, о поражении и последующей смерти последнего. [1433](#) Для этого необходимо вкратце изложить мои идеи относительно реального характера Линуса. Итак, Линус, о котором говорится в песне, названной его именем, первоначально был богом элементарной религии (в которой существовало множество символов, означавших смерть всего одушевленного): он был почти связан с Нарциссом (то есть *Торпидом*), чья гробница была показана в Фивах и Аргосе, где матроны и девы оплакивали его в месяц Арней, как мальчика, воспитанного среди ягнят и разорванного на части собаками. [1434](#) Песня оплакивания безвременной смерти Линуса, любимого [мальчика1435](#), исполнялась под арфу [pg 354] низким и приглушенным голосом и с удовольствием слушалась во времена Гомера и [Гесиода1436](#), хотя тогда, возможно, воздух не всегда был очень меланхоличным. Но в последующие времена это было преобладающим характером, о чем свидетельствуют названия Αἴλιος и Οἰτόλιος . [1437](#) Он был очень любим земледельцами, [1438](#) которые, как правило, были коренными жителями. В этом отношении можно отметить сходство между

обычаями Древней Греции и Малой Азии, где были распространены религиозные песнопения такого рода, правда, разные в разных районах, но везде с одинаковой скорбной [мелодией](#)¹⁴³⁹. Таковы, например, причитания племени [долионов](#)¹⁴⁴⁰; гилас, исполнявшийся у фонтанов в стране мисийцев и [вифинян](#)¹⁴⁴¹ (вероятно, то же, что и мисийская песня)¹⁴⁴²; песня прекрасной Бормус, чью водяную смерть оплакивали на флейте в середине лета мужа Мариандины;¹⁴⁴³ о Литиерсе, которого фригийцы оплакивали ежегодно во время сбора урожая в Келене, родном городе [Марсия](#)¹⁴⁴⁴, и который, с меланхоличным карийским напевом, исполнялся на фригийской флейте.¹⁴⁴⁵ Кроме того, существовали Гинграс, или песня Адониса, и Манерос, деревенская песня Пелусия в Египте, которую Геродот сравнивает [pg 355] с Линусом.¹⁴⁴⁶ И даже на Кипре в какой-то мере возобновилось состязание двух противоположных видов музыки; существует предание, что Кинирас, жрец Афродиты и автор траурных песен в честь Адониса, был, подобно Марсиасу и Лину, побежден и предан смерти Аполлоном.¹⁴⁴⁷

Таким образом, мы видим Аполлона, представителя суровой, ровной и простой музыки греков, в соперничестве с тем бесстрастным духом, чередующим крайности ярости и апатии, который исповедующие элементарную религию стремились изобразить даже в своей музыке; следовательно, эта басня также гармонирует с фундаментальными принципами религии Аполлона.

13. Теперь, выяснив общий характер музыки, используемой в поклонении Аполлону, мы попытаемся получить более точное представление о ее разновидностях.

Одним из древнейших видов композиции (в которой, как говорят, Хрисотемис Критский и Филаммон спорили в Дельфах) был гимн [Аполлону](#)¹⁴⁴⁸; мы должны предположить, что он был сочинен на древнем дорийском диалекте и исполнялся просто под китару. По музыкальному исполнению этот гимн также назывался ном, ¹⁴⁴⁹ изобретение которого приписывалось самому Аполлону.¹⁴⁵⁰ На Делосе [pg 356] также существовали номы, которые исполнялись на циклических хоровых танцах и приписывались Олену, другому представителю древней поэзии гимнов.¹⁴⁵¹ Их общим характером было спокойствие и [регулярность](#)¹⁴⁵²; мерой в древности (как мы знаем из определенных свидетельств) был только [гекзаметр](#)¹⁴⁵³, что хорошо согласуется с тем, что происхождение гекзаметра было от [Пифо](#)¹⁴⁵⁴. В рассказе о том, что Филаммон, древний сочинитель гимнов, поставил вокруг алтаря хоры молодых женщин, которые воспевали рождение Латоны и ее детей в лирических мерах (*ἐν μέλεσι*),¹⁴⁵⁵ номы Филаммона,¹⁴⁵⁶ усовершенствованные Терпандером, древним лирическим поэтом, по-видимому, смешиваются с оригинальными; поскольку они, по моде древнейших композиторов, содержали только гекзаметры.¹⁴⁵⁷ Древние религиозные поэты, упомянутые в этих рассказах, Хрисотемис, Филаммон и Олен, могут считаться дорийцами с той же уверенностью, что и основатели храмов Тарра, Дельф и Патары, к которым они особенно [принадлежали](#)¹⁴⁵⁸. Язык стихов, приписываемых [pg 357], также должен быть дорийским; хотя факт поэтического использования этого диалекта до исторических времен не согласуется с преобладающими, хотя, возможно, и не вполне обоснованными представлениями о развитии поэзии в Греции.

14. О том, что пеан был песней благодарения за избавление, говорилось выше. Однако, что касается способа исполнения, мы узнаем от Гомера, что она исполнялась после жертвенного [пира](#)¹⁴⁵⁹, когда кубки несли по кругу после священного возлияния; так было и в Спарте, и в [Афинах](#)¹⁴⁶⁰. Обычно ее пели сидя, хотя в гомеровском гимне Аполлону этот бог представлен как сопровождающий критян, которые поют размеренным шагом.¹⁴⁶¹ В Спарте ее танцевали хором.¹⁴⁶² В целом она требовала регулярной и спокойной меры,¹⁴⁶³ даже когда

она принимала более оживленный характер, как в случае с номой и торжественным *ᾠδὴν ἀνὰ κῶν*, исполняемым во время возлияний. [1464](#)

Но самым оживленным танцем, сопровождавшим песни, используемые в поклонении Аполлону, был тот, который назывался гипорхем. [1465](#) В нем, помимо хора певцов, которые обычно танцевали вокруг пылающего алтаря, [pg 358] несколько человек назначались для сопровождения действия поэмы соответствующим пантомимическим показом (*ὑπορχεῖσθαι*). Гомер сам свидетельствует о критском происхождении этого обычая, поскольку кносский танец, изображенный Гефестом на щите Ахилла, судя по описанию, был своего рода [гипорхемой](#) [1466](#), и поэтому все танцы такого рода назывались критскими. [1467](#) С этого острова они рано перешли на Делос, где еще во времена Лукиана странствия Латоны и ее острова с их окончательным упокоением представлялись подобным образом. [1468](#) В это же время, вероятно, возник и обычай, упомянутый в гимне делийскому Аполлону как характеризующий песни молодых женщин этого острова, а именно: они представляли голоса и жесты всех [народов](#) [1469](#), возможно, в них были представлены особые танцы различных стран, которые Латона посетила в своих странствиях. Нелепый и в то же время сложный танец (*γέρανος*), который, как говорят, Тесей впервые станцевал со своей командой вокруг алтаря на [Делосе](#) [1470](#), вероятно, был того же рода. Все, что можно четко установить [pg 359] отношении ритма этих композиций, это то, что гекзаметр был совершенно не приспособлен к их игривому и веселому характеру. [1471](#) Но и гипорхема, и пеан были обязаны своим систематическим усовершенствованием дорийским музыкантам, Ксенодаму из Спарты и Талету из Элиры на Крите (около 620 г. до н.э.), [1472](#) которые впервые ввели в общее употребление кретический или пеонический метр; эти имена указывают на его критское происхождение и использование в пеанах. [1473](#) Критика образует быстрый и живой, хотя приятный и отнюдь не [негармоничный](#) [1474](#) ритм, будучи особенно приспособленной к быстрому движению. Таким образом, на праздниках Аполлона к серьезной и торжественной музыке добавлялась радостная и приятная гармония, хотя мягкость и несерьезность некоторых ионийских и азиатских мелодий, без сомнения, всегда отвергалась.

Таким образом, если исключить очистительные и умиловительные обряды, празднества Аполлона носили характер безмятежного и радостного умонастроения, все остальные атрибуты божества терялись в победах и милосердии. Поэтому в своих статуях в [Дельфах](#) [1475](#) и на [Делосе](#) [1476](#) он был [pg 360] представлен как несущий в руке Граций, которые придавали дополнительную пышность и элегантность его празднествам танцами, музыкой и [пирами](#) [1477](#).

15. Мы до сих пор опускали упоминание о двух великих национальных праздниках, которые спартанцы отмечали в Амиклах в честь главного божества своей [расы](#) [1478](#), а именно Гиацинтея и Карнея, из убеждения, что они не принадлежат Аполлону. То, что поклонение карнейскому Аполлону, в которое были включены оба божества, происходило из Фив, откуда оно было перенесено эгидами в Амиклею, было доказано в предыдущей [работе](#) [1479](#); наша настоящая цель - показать на основе символов и обрядов этого поклонения, что первоначально оно происходило скорее от древней религии Деметры, чем от религии Аполлона. Юноша Гиацинт, которого карнейский Аполлон случайно ударил квоитом, [1480](#) очевидно, получил свое имя от цветка (темно-окрашенного вида ириса), который в древнем символическом языке был эмблемой смерти; и басня о его смерти явно является пережитком древней элементарной религии. Теперь гиацинт чаще всего встречается в этом смысле в поклонении Деметре; так, например, он был под именем *Κορροσάνδαλος* священным для Деметры Хтониис в Гермione. [1481](#) Мы находим дальнейшее подтверждение этому в древних

скульптурах, которыми была украшена могила и [pg 361] одновременно алтарь Гиацента: художники действительно, кажется, полностью постигли дух поклонения. Мы видим Деметру, Кору, Плутона, Кадмея Диониса, Ино и Семелу, самого Гиацента, а также сестру по имени Полибия. [1482](#) Полибия едва ли отличается от Кору, [1483](#) которую Ласус из Гермियोны называл Мелибией. К этому можно добавить жертвоприношения мертвым и причитания, обычные в первый [день 1484](#) (которые были запрещены на всех других праздниках Аполлона); ночные [процессии 1485](#) и некоторые другие отдельные следы символов Деметры и Диониса, [1486](#) которые внимательный наблюдатель может легко отличить от символов Аполлона. Время проведения праздника также отличалось: он проходил в самый длинный день спартанского месяца Гекатомб, который соответствует аттическому [Гекатомбеону 1487](#), в то время, когда на горах Вифинии призывают Гиласа, а нежные произведения природы опускают свои томные головы.

Карнейский праздник проходил, судя по всему, в следующем месяце за гиацинтийским, в честь Аполлона Амиклского. Но дорическая религия здесь, похоже, преобладала и вытеснила элементарные символы, столь очевидные в Гиацинте. Карнея, насколько мы знаем, была в целом воинственным праздником, похожим на аттическую Боэдромию. [pg 362] Он длился девять дней, в течение которых возле города ставили девять палаток, в каждой из которых на время праздника жили девять человек, как в военном лагере. Нет никаких упоминаний об элементарной религии, кроме некоторых неясных церемоний жреца Агета и карнеатов. [1488](#) Это заставляет нас предположить, что при объединении амиклейского культа, введенного эгидами, с дорийским культом Аполлона в Спарте, гиацинтийцы сохранили больше особенностей первого, а карнеаты - второго, хотя священные обряды обоих были полностью объединены. В то же время мы не отрицаем трудности выяснения происхождения и первобытной формы церемоний, история которых так сложна; и только это должно извинить краткость нашего рассказа об этих двух праздниках.

16. Наконец, то, как Аполлон изображается в *скульптуре*, особенно древними художниками, может помочь нам в исследовании идей и чувств, на которых основывалось его поклонение. Аполлон был предметом, специально приспособленным для скульптуры. Поскольку его связь с элементарной религией была незначительной, и в его характере не было ничего мистического, скульпторы вскоре смогли зафиксировать регулярные черты, чтобы отличить его от других божеств: ведь Аполлон не только в поэзии, но и в баснях, наиболее тесно связанных с его поклонением, обычно представлен как человеческий бог, и во всех своих действиях и страданиях более тесно связан с героями, чем любое другое божество. Но до этого совершенства и общепринятого единообразия искусства ранним скульпторам очень помогали [pg 363] характеризовать статуи Аполлона его многочисленные и значимые символы, такие как лук, китара, лавр и т. д.: и таким образом они могли в какой-то мере дать представление о силе и свойствах Аполлона, хотя и только в жестких и грубых изображениях из дерева и камня.

17. Простой Киппус Аполлона Агиева не представлял никакого конкретного атрибута, а просто предназначался как память о присутствии бога-покровителя. [1489](#) В попытке более полно выразить его характер символы власти, естественно, были следующими. Его атрибуты возмездия, несомненно, предшествовали атрибутам милосердия, хотя оба, по сути, гармонично сочетались друг с другом: должно быть, прошло немало времени, прежде чем превзойденная красота бога (воспетая даже в "Теогонии" Гесиода) стала предметом скульптуры. Атрибут силы, а также всеведения древние лакедемоняне хотели изобразить в виде Аполлона с четырьмя руками и четырьмя ушами в Амиклах. [1490](#) Но главной статуей на этом месте было изображение, на котором, кроме лука, были шлем и копье: такого же рода

была и статуя на горе Торнакс, лицо которой было позолочено лакедемонянами.¹⁴⁹¹ Мегаряне также освятили в Дельфах статую Аполлона с [копьем](#)¹⁴⁹², а на Тенедосе он был вооружен двойной [секирой](#)¹⁴⁹³, как [pg 364] лабранденовский Зевс [карийцев](#)¹⁴⁹⁴. На очень древнем барельефе, обнаруженном Додвеллом на устье колодца в Коринфе, который мы рассмотрим далее, Аполлон держит в руке [китару](#)¹⁴⁹⁵; вся его форма, как и во всех древних скульптурах, более крепкая и мужественная, чем обычно.

18. Задавшись вопросом о художниках древнейших символических статуй Аполлона, мы обнаруживаем, что критяне были первыми скульпторами, а также музыкантами этого культа. С Крита в Дельфы была привезена древняя деревянная статуя Аполлона самой грубой [работы](#)¹⁴⁹⁶, отсюда же (около 50 г. до н. э., 580 г. до н. э.) прибыли Дипинус и Сциллис Дедалиды, которые изготовили для сицилийцев статуи Аполлона, Артемиды, Геракла и Афины, о которых мы расскажем далее. Пифийский оракул проявлял большой интерес к трудам этих художников; когда зависть местных художников изгнала их из Сикиона, он заставил жителей вернуть их. Управляющие храмом в Дельфах, похоже, с ранних времен были большими [pg 365] покровителями искусства скульптуры, особенно медной. Подземный храм в Пифо (существование которого подвергалось сомнению, но, на мой взгляд, без достаточных оснований) был покрыт латунью, как и несколько сокровищниц древних князей Греции. Храмы и дворы были оснащены многочисленными треножниками; в них беспорядочно расставлены котлы, кубки и оружие из латуни, относящиеся к периоду глубокой древности. Существовал также нож, использовавшийся при жертвоприношениях и называвшийся [дельфийским](#)¹⁴⁹⁷, а поющие золотые Κηληδόνες , которых Пиндар изображает подвешенными к крыше медной храмовницы, не кажутся простым поэтическим вымыслом.

Но критская школа скульптуры породила Тектея и Ангелиона, которые воздвигли знаменитую и, вероятно, колоссальную статую Аполлона на Делосе, который (как уже говорилось) держал в одной руке Граций, а в другой - лук. С той же школой, хотя и в более отдаленной степени, был связан и Канах из Сикиона, который около семьдесят третьей Олимпиады сделал знаменитую бронзовую статую для [Дидимеума](#)¹⁴⁹⁸, а также деревянную для Исмениума. Из рассказов и различных подражаний этому произведению искусства мы можем составить некоторое представление о его характере. Бог изображался мужественным: грудь широкая и выдающаяся, туловище квадратное, ноги почти как столбы, в твердой позе, левая нога немного выдвинута вперед. Волосы, окруженные филейной частью, лежали [pg 366] стройными закрученными локонами надо лбом; над каждым плечом было по три уложенных локона, а сзади волосы ниспадали широким пучком по спине. Лицо почти не отличалось от тех, что изображены на мраморах Эгины. В правой руке, вытянутой вперед, был олененок (непонятный символ, который мы не будем пытаться объяснить); левая, не так сильно поднятая, сжимала лук. Все это должно было иметь ужасный и внушительный вид, передавая идею возвышенности и достоинства гораздо больше, чем изящества или красоты.¹⁴⁹⁹ Мы не можем предположить, что стиль колоссальной статуи Аполлона, которую несколько Олимпиад спустя Каламис отлил из меди для Аполлонии на Понте, а затем Лукулл привез в Рим, был совсем [другим](#)¹⁵⁰⁰, как и стиль Аполлона Алексикака, воздвигнутого в Афинах тем же художником в начале Пелопоннесской [войны](#)¹⁵⁰¹. Аполлон, которого Онатас из Гигины, современник Каламиса, выполнил для жителей Пергама, был колоссальной статуей, отличающейся большой красотой форм и, как видно, более юным видом, чем это было принято для статуй Аполлона в то [время](#)¹⁵⁰². В ней Аполлон был представлен [pg 367] как καλλιτέκνος , как прекрасный сын Латоны; под этим именем ему поклонялись в [Пергаме](#)¹⁵⁰³. Не исключено, что союз силы и красоты, столь ярко представленный в идеальных формах двух детей Латоны, был подсказан особым характером

дорического воспитания; и что художник представил бога в виде Эфеба, чье мастерство в хоре и на поле боя было совершенно одинаковым.

Но фигура, которую мы привыкли считать принадлежащей Аполлону, не возникла даже в школе Поликлета и [Мирона](#)¹⁵⁰⁴, а была творением более позднего периода; поскольку и монеты, датируемые временем до [Александра](#)¹⁵⁰⁵, и одиночные головы, которые следует отнести к тому же [периоду](#)¹⁵⁰⁶, действительно не сохранили черт, приписываемых работе Ханаха, но все же сильно отличаются от самых знаменитых из ныне существующих статуй, имея более широкие щеки, более короткий и толстый нос; одним словом, пропорции являются тем, что древние называли *quadrate*, или квадратом. Только во времена Скопаса, Леохара, Праксителя и Тимархида появился Аполлон, которого мы можем назвать братом-близнецом Венеры, настолько похожи формы обоих божеств. Выражение вдохновения и экстаза, которое демонстрируют некоторые из лучших статуй, также может быть показано, что впервые возникло в школе Скопаса, поскольку ранние художники стремились скорее создать видимость спокойствия и самообладания [pg 368], чем преходящего возбуждения; и изысканный вкус, с которым эти скульпторы смогли выразить вдохновение без экстравагантности, заслуживает наивысшей похвалы. Не останавливаясь подробно на конкретных произведениях этих и более поздних художников, мы лишь покажем, как их лучше всего классифицировать. Аполлон Каллиник из Бельведера стоит сам по себе, раздуваясь от гордости победы: ¹⁵⁰⁷ далее следует Аполлон, отдыхающий после боя, с правой рукой, согнутой над головой, левой, опирающейся на колонну, держащий лук, который, очевидно, был использован, или китару: это, очевидно, статуя отдыхающего Аполлона (*Ἀπόλλων ἀναπαύμενος*); но из-за того, что подобная статуя стояла в Ликее в [Афинах](#)¹⁵⁰⁸, ее обычно называют "Аполлоном Ликейя": Затем следует Аполлон Китароэдус (играющий на арфе), либо обнаженный, в различных позах, либо покрытый пифийской столгой, и в почти театральной позе". ¹⁵⁰⁹ Было бы чуждо нашей [pg 369] теме входить в подробности относительно этого класса статуй и тех, что произошли от них, как Sauroctonus, Nomius и т.д.

19. Наконец, мы попытались бы проследить влияние поклонения Аполлону на политику и философию Греции, если бы этот вопрос не занимал столь широкое поле, лежащее, как и в значительной степени, за пределами истории. Однако из того, что уже было сказано, мы можем выделить в качестве доказательств влияния этого культа на политические проблемы перемирия, связанные с праздниками Аполлона, перемирия, соблюдаемые в священных местах и на дорогах, успокаивающее влияние очищений за убийство, вместе с идеей карающего и мстящего бога, а также большое влияние оракулов на регулирование общественных [дел](#)¹⁵¹⁰. Кроме того, часто отмечалось, что своей святостью, величественным и суровым характером музыки, всеми своими символами и обрядами этот культ стремился усыпить разум людей, чтобы привести их в состояние спокойствия и безопасности, но при этом время от времени возвышая до состояния экстатического восторга.

20. Наконец, поклонение Аполлону было так тесно связано с одной из ветвей греческой философии, что та часто устанавливала и объясняла с научной точки зрения то, что другая оставляла только для чувств; я имею в виду пифагорейскую систему. Пифагор обладал наследственными обрядами Аполлона; он жил в Кротоне, где этому богу воздавались столь разнообразные [почести](#)¹⁵¹¹; он жил в основном среди дорийцев, которые повсеместно [pg 370] привержены этому поклонению; среди его последователей упоминается дельфийская жрица по имени [Аристоклея](#)¹⁵¹². Таким образом, не без оснований пифагорейская философия в наше время считается дорийской: в своих политических доктринах она

следовала дорийским принципам, а с дорийской религией была объединена как внешне, так и внутренне: кроме того, попытка реализовать и распространить национальные идеи и мнения, возможно, иллюстрирует быстрый рост могущества пифагорейской лиги. Главный принцип этой философии всегда заключается в том, что сущность вещей заключается в их должной мере и пропорции, в их системе и закономерности; что все существует только благодаря гармонии и симметрии; и что сам мир представляет собой объединение всех этих пропорций (κόσμος, или порядок). Такое же отвлечение от материального было и в религии Аполлона; ведь она тоже предполагает идею порядка, гармонии и закономерности, и в них заключаются природа и действия божества. Поэтому и музыка была одним из главных компонентов пифагорейской философии, а также необходимым элементом поклонения Аполлону, как наилучшим образом выражающая гармонию, на которой были основаны обе религии. И в том, и в другом случае целью было успокоение и умиротворение страстей, чтобы разум мог быть успокоен и укреплен одновременно.¹⁵¹³ Но мы должны оставить полное исследование [pg 371] этой темы тем, кто приобрел более глубокие знания о философии Пифагора.

Глава IX.

§ 1. Поклонение Артемиде. § 2. Артемида, связанная с Аполлоном, отличная от других богинь с этим именем. Ее атрибуты. § 3. Аркадская Артемида. § 4. Басня об Алфее и Аретузе. Пелопоннесская Артемида. § 5. Аттическая Артемида. § 6. Артемида Орфия, или Ифигения. § 7. Обряды поклонения Артемиде Таврии. § 8. Артемида Малой Азии. § 9. Ее связь с амазонками.

1. Мы переходим к рассмотрению поклонения Артемиде; этот предмет не нуждается в столь полном исследовании, как поклонение Аполлону, поскольку в нем, как и в поклонении этому богу, не везде представлены одни и те же фундаментальные представления, и поэтому он не может быть во всех своих первых началах заимствован из религии дорийцев. Но как в целом греческая мифология приняла самые разнообразные и непоследовательные религиозные взгляды и идеи, так и в имени одной богини Артемиды были объединены почти противоположные ветви древнего культа, которые мы должны попытаться разделить. Однако, чтобы не показалось, что мы не в состоянии проследить ассоциацию идей, которая видела простой характер в "различных формах этой великой богини, которая, имея свое происхождение в глубине [pg 372] Азии, перешла оттуда в Грецию и почиталась как луна, богиня леса, охотница, кормилица детей и кормилица вселенной, как в хорах девственниц Карики, так и в танцах храмов;"¹⁵¹⁴ мы попытаемся установить некий исторический критерий, который может отличить поклонение Артемиде от поклонения любому другому божеству, и который не должен быть одной из идей или символов самого поклонения, поскольку именно о возможности или невозможности их связи мы и должны спрашивать.

2. Для этого можно предположить, что Артемида, связанная с Аполлоном, принадлежит к одной и той же системе религиозных представлений: следовательно, Артемида Эфесская, Артемида Орфийская и Артемида Тавропольская имеют другую природу, поскольку Аполлон никогда не изображается их братом: об этом, однако, подробнее далее. Здесь же мы покажем, что во всех главных храмах Аполлона Артемиде поклонялись как его сестре, как соучастнице его природы и его действий и, как бы, части одного и того же божества. Таким образом, обе они были детьми Латоны и в равной степени управляли храмом в [Дельфах](#)¹⁵¹⁵;

победа над Пифоном, бегство и изгнание касались [обеих](#)¹⁵¹⁶; обе почитались на Пифийских играх в Сикионе, вместе с Латоной;¹⁵¹⁷ а также на [pg 373] Крите,¹⁵¹⁸ Делосе, Лесбосе,¹⁵¹⁹ в Карфее,¹⁵²⁰ в Дидимее,¹⁵²¹ на цитадели Трои,¹⁵²² в культе Ликийи,¹⁵²³ а также в культе Метапонта.¹⁵²⁴ Считается, что поклонение Аполлону и Артемиде произошло от [гиперборейцев](#)¹⁵²⁵, а имена гиперборейских жриц, принесших обряды на Делос, Арге и Опис, по мнению других - Гекаэрге и Локсо, являются лишь эпитетами Артемиды. Арге, вероятно, означает "быстрая"; [Опис](#)¹⁵²⁶ (Ἰπίς, Ionice Οὔπις, то же, что ὄπις) хорошо характеризует дух этой религии, поскольку означает постоянное наблюдение и заботу богини о действиях [людей](#)¹⁵²⁷, и в то же время она внушает страх и почитание самой [себе](#)¹⁵²⁸. Под тем же именем она была известна и у дорийцев [pg 374] [Спарты](#)¹⁵²⁹ и прославлялась как таковая в священных [песнопениях](#)¹⁵³⁰, таким образом, почти все атрибуты и действия Аполлона относятся и к Артемиде. Она также является богиней внезапной [смерти](#)¹⁵³¹, которую она иногда причиняет в гневе, а иногда без [гнева](#)¹⁵³², и поэтому ее представляют вооруженной не только луком и стрелами, но в дорийских государствах с полным панцирем.¹⁵³³ У древних поэтов она не только уничтожает диких зверей, но и, как ее брат, святотатцев.¹⁵³⁴ Так, вместе с Аполлоном она убила Тития, а также Алоидея,¹⁵³⁵ и Ориона, который осмелился нарушить Опис, когда приносил колосья кукурузы на Делос.¹⁵³⁶ Поэтому она [pg 375] должна была быть умиротворена искупительными обрядами; и имела равную долю в Фаргелии и подобных праздниках.¹⁵³⁷ По той же причине лавр также был священным для Артемиды.¹⁵³⁸ Ее чествовали песней пеана.¹⁵³⁹ Она одновременно и разрушительница, и хранительница ([λυκεῖα](#)¹⁵⁴⁰ и οὐλία).¹⁵⁴¹ И даже ее имя [Ἄρτεμις](#)¹⁵⁴² явно соотносится с именем защищающего Аполлона, поскольку означает "здоровый", "невредимый".¹⁵⁴³ Принадлежало ли музыкальное искусство только Аполлону, точно не известно; по крайней мере, лакедемоняне устраивали в честь Артемиды музыкальные состязания под названием [καλαφοιδία](#)¹⁵⁴⁴, а ее пение представлено в "Илиаде" как восхищающее богов и [людей](#)¹⁵⁴⁵. На рельефах, изображающих победителей в музыкальных состязаниях, Аполлона всегда сопровождают его мать и сестра.¹⁵⁴⁶ Артемиде также имела право на дар пророчества, по крайней мере, если мы можем приписать какую-либо древность традиции о том, что она была сибиллой.¹⁵⁴⁷ Как и Аполлон, она [pg 376] всегда изображалась незамужней; поэтому она не была божеством элементарной религии и первоначально не была богиней луны, хотя нельзя отрицать, что поклонение луне было очень тесно связано с другими направлениями поклонения Артемиде.

Но, спрашивается, если эта Артемиде всегда обладает теми же характеристиками, что и Аполлон, и не имеет ничего, что было бы свойственно ей самой, то почему должно быть два божества, чтобы выразить одну идею? Зачем нужны мужчина и женщина, если ни один из них не имеет отношения к полу? Трудно дать удовлетворительный ответ на эти вопросы.

Однако это соображение может в какой-то мере помочь; а именно: как только Аполлон стал предполагаться как земной бог, как идеал всех человеческих сил, возникла необходимость добавить к нему еще и женское существо. А близкое сближение мужского божества с женским можно объяснить состоянием дорийских женщин, которые в гораздо большей степени рассматривались как самостоятельные существа и обладали способностью ко всем тем вещам, которые украшают другой пол.

3. Но самая сложная часть нашей проблемы все еще остается нерешенной: выяснить, что представляло собой поклонение Артемиде, которое не имело того же происхождения и природы, что и поклонение Аполлону. Прежде всего следует упомянуть Аркадию. Эта богиня нигде не имеет столько храмов, как в Аркадии; она была там национальным божеством и

издавна почиталась под именем "Гимния" всеми расами этого народа. [1548](#) Она также была введена под именем [pg 377] Каллисто в национальные генеалогии и названа дочерью [Ликаона](#)[1549](#) (то есть ликийского Зевса) и матерью Аркаса (то есть аркадского народа). То, что Каллисто - это лишь другая форма имени Артемиды Каллист, которое является обычным эпитетом Артемиды, ясно из того, что гробница этой героини была изображена в храме [богини](#)[1550](#), и что Каллисто, как говорят, превратилась в медведя, который был символом аркадской [Артемиды](#)[1551](#). Впоследствии, правда, басня была сильно изменена, и в ней говорилось, что Артемида превратила Каллисто в медведя просто от гнева. [1552](#) Но то, что это древнее аркадское божество не было дорической Артемидой, доказывается вышеупомянутым критерием, а именно тем, что она не имеет связи с Аполлоном.

Другое обстоятельство, однако, говорит еще яснее. Аполлон и его сестра редко получали какие-либо конкретные фамилии от мест, где им [поклонялись](#)[1553](#), тогда как другая Артемида имеет почти бесчисленное множество имен от гор, холмов, фонтанов и вод Аркадии и других регионов Пелопоннеса. Поэтому Алкман отмечает, что богиня носит имена тысяч холмов, городов и рек. [1554](#) Должно быть, в атрибутах этой аркадской Артемиды было что-то [pg 378], что породило такое количество местных имен; она должна была считаться единой и связанной с той страной, в которой ей поклонялись. Это наводит на мысль об элементарной богине, имеющей сходную, хотя и более универсальную природу, чем нимфы гор, рек и ручьев. Соответственно, мы видим, что эта древняя пелопоннесская Артемида была почти связана с озерами, фонтанами и реками. Ей поклонялись в нескольких местах под именами Лимнатис и Гелея. [1555](#) В храмах Артемиды часто [pg 379] также были фонтаны: в Коринфе, Мариусе, Мотоне, [1556](#) и в районе Дерриатиса в Лаконии. [1557](#) Ей также оказывали большие почести у Клиторского фонтана в Луси. [1558](#) Среди рек, с которыми она была связана больше всего, - Кладея и Альфея. [1559](#) Влажный и водный район, через который этот последний поток впадает в море, был наполнен храмами нимф Афродиты и Артемиды, среди которых наиболее примечательно святилище Альфейской [Артемиды](#)[1560](#). В этом храме находились картины Клеанта и Арегона из Коринфа, которые в основном были посвящены религии, как, например, картина, на которой Посейдон преподносит Зевсу рыбу-птицу, когда тот производит на свет [Афину](#)[1561](#). Все это, естественно, наводит на мысль о богине, производящей цветущую и энергичную жизнь из водной стихии; поэтому мы не будем полностью отвергать популярную веру фигалеян в то, что Эвринома, богиня рыб, изображаемая в виде половины рыбы, была [Артемидой](#)[1562](#).

[pg 380]

4. Упоминание реки Алфей напоминает нам о Сицилии, где, как говорят, чтобы поймать фонтан Аретузы, который был поглощен землей Элиса, он последовал за ней под водой и впервые достиг ее на острове Ортигия, недалеко от Сиракуз. [1563](#) Эта необычная басня может быть объяснена следующими соображениями. Сиракузы были основаны в 5-ю Олимпиаду коринфянами, вместе с которыми были переселенцы из района Олимпии, и особенно некоторые члены семьи Иамидов, занимавших священную должность у алтаря олимпийского Зевса. [1564](#) Эти совместные колонисты (*συνοικιστῆρες*, по выражению Пиндара), по-видимому, имели достаточный вес в новом городе, чтобы ввести свою собственную религию и мифологию. Как мы видели выше, в Олимпии Артемиде поклонялись как богине Алфея, а в этой стране ее обычно считали покровительницей озер и рек. В роще Алтис у нее был алтарь, вместе с [Алфеем](#)[1565](#), и существовала популярная легенда, что Алфей когда-то любил Артемиду. Поселенцы, отправившиеся из этого района в Сиракузы, в своей первой экспедиции ограничились островом Ортигия. Здесь они построили храм речной богине Артемиде; это святилище пользовалось столь большой славой, что Пиндар

называет весь остров "местом пребывания Артемиды, речной богини.¹⁵⁶⁶" Однако в Ортигии не было реки, и поэтому предполагалось, что Артемида сожалеет о своем возлюбленном Алфее. Отсюда возникло поверье, что Аретуза, фонтан возле храма [pg 381], содержит священную воду [Алфея](#)¹⁵⁶⁷; это поверье было подкреплено тем обстоятельством, что в источнике водилась крупная [рыба](#)¹⁵⁶⁸; отсюда возникла басня, что Алфей последовал за богиней на Сицилию. Но Артемида должна была бежать от преследования Алфея.¹⁵⁶⁹ По крайней мере, такой выдумки придерживалась Телесилла, поэтесса, жившая в 64-ю Олимпиаду;¹⁵⁷⁰ и ту же басню, возможно, перенял Пиндар.¹⁵⁷¹ Впоследствии, однако, точный смысл и происхождение этой басни были забыты, а фонтанирующая нимфа Аретуза заняла место Артемиды и стала объектом преследования речного бога.¹⁵⁷² Такого, по-видимому, было происхождение изящной басни об Алфее и Аретузе.

Теперь мы вернемся к пелопоннесской Артемиде и упомянем некоторые другие ее символы и атрибуты. Ее статуя стояла рядом со статуей Деметры в Мегалополе, одетая в шкуру оленя, с колчаном на спине, держащая факел в одной руке, двух змей в другой, с собакой рядом.¹⁵⁷³ Связь, существовавшая между ней и аркадской Деметрой, вероятно, более древняя, чем эта статуя; и действительно, символ оленя, похоже, был общим в Аркадии как для Артемиды, так и для [pg 382] Керы, называемой в Аркадии *despoena*.¹⁵⁷⁴ Ей также поклонялись вместе с [Вакхом](#)¹⁵⁷⁵, и, как и он, она устраивала фаллические [праздники](#)¹⁵⁷⁶. Из ее связи с фонтанами и реками, а также другими сельскими объектами, естественно, что эта Артемида должна была считаться покровительницей диких животных. Так, Эсхил называет ее "покровительницей молодых львов и детенышей других диких зверей".¹⁵⁷⁷ Подобным образом она должна была следить за разведением лошадей,¹⁵⁷⁸ и вообще за воспитанием младенцев и детей;¹⁵⁷⁹ поэтому в результате извращения первоначальной идеи она приняла образ [pg 383] охотницы, врага и уничтожителя диких животных. Аналогичное несоответствие было отмечено ранее в атрибутах дорических Аполлона и Артемиды, которые были представлены как защищающие и [разрушающие](#)¹⁵⁸⁰.

5. Мифологический символ Артемиды Каллисто - медведица - напоминает нам о некоторых церемониях в Афинах, где молодых девушек в возрасте от пяти до десяти лет (которых посвящали мунихийской и брауронской Артемиде) называли [медведицами](#)¹⁵⁸¹, а сама богиня в некоторых уникальных традициях представлена в виде медведицы, требующей человеческой [крови](#)¹⁵⁸². Когда ионийцы ушли из Афин в Азию, они перенесли поклонение мунихской богине в Милет и [Кизик](#)¹⁵⁸³, а в первый город - родственное поклонение Артемиде Хитонской, как богине, управляющей рождением, деревянные статуи которой были сделаны из фруктового [дерева](#)¹⁵⁸⁴.

6. Рассмотрение аттического праздника Артемиды снова приводит к другой разновидности поклонения Артемиде, а именно, к поклонению Артемиде Ортосии, Орфии или Ифигении. Сначала мы приведем традиции и факты в том виде, в каком они нам известны. Предполагается, что Ифигения, прибыв из Таврии в Аттику, высадилась в [pg 384] Брауроне и в соседнем Хале Арафениде, оставив после себя древнее деревянное изображение [Артемиды](#)¹⁵⁸⁵. Здесь ее сразу же вплели в героическую генеалогию и назвали дочерью Тесея.¹⁵⁸⁶ В Спарте был храм Артемиды Орфии в сырой части города, называемой Лимнеем, где также была выставлена деревянная статуя, прибывшая из Таврии.¹⁵⁸⁷ Что касается введения поклонения, то рассказывают, что Астрабак и Алопек (осел и лиса), сыновья Ирба, потомки Агиса в четвертом поколении (около 900 г. до н. э.), нашли изображение в кустарнике и обезумели от его вида; что лимнатцы и другие деревни Спарты принесли им жертвы, когда возникла ссора и последовало убийство. Несколько мужчин были убиты у алтаря, и, соответственно, богиня призвала жертвы, чтобы искупить загрязнение; вместо

этого в более поздние времена было введено бичевание мальчиков, над суровостью которого председательствовала жрица. [1588](#) Примечательно, что за этим сразу же последовала πορτὴ Λυδῶν, лидийская процессия. [1589](#)

[стр. 385].

Из этого рассказа следует, что бичевание считалось заменой человеческих жертвоприношений; кроме того, на это поклонение смотрели как на чужеземное: несмотря на это, оно было полностью вплетено в лакедемонскую мифологию. Ведь можно доказать, что притворная дочь Агамемнона, Ифигения, - не кто иная, как таврская богиня, которой на самом деле поклонялись в нескольких городах Греции под именем Ἰφιγένεια.

Рассматриваемая как героиня, она, действительно, стала, во-первых, вместо богини, жаждущей человеческих жертв, девственницей, приносимой ей в жертву, и, во-вторых, ее [жрицей-жрицей](#) [1590](#). Согласно кипрским поэмам (поскольку Гомер ничего не знал о ней), Ифигения была принесена в жертву Артемиде, но была доставлена ею в Таврию и сделана бессмертной, вместо нее был оставлен олень (или, согласно другим, медведь, а также бык) [1591](#); Гесиод также представлял ее бессмертной, т.е. как [Гекату](#) [1592](#), Геката. [1592](#) Предполагалось, что жертвоприношение произошло в Аулисе, поскольку рядом с портом находился храм (вероятно, орфической Артемиды), которой приносились жертвы при проходе. [1593](#)

Это поклонение, вероятно, пришло в Лаконию из [Лемноса](#) [1594](#), одного из ее главных мест. В ранней традиции Лемнос, вероятно, был идентичен Таврии, [1595](#) а последняя страна получила свое поэтическое название от символа быка, подобно тому, как Ликия в более поздние времена получила свое название от символа волка. В [pg 386] Лемносе также издревле поклонялись великой богине с жертвоприношениями девственниц; в это место, как говорят, деревянное изображение было привезено из Брауруна. Это мнение становится более очевидным, если сравнить его с поклонением Хрисе. Агамемнон, как говорят, был отцом Хризы, а также Ифигении, [1596](#) а также, по мнению других, сына Хризы, который отправился в Таврию вместе с Орестом. [1597](#) Теперь ясно, что Хриза была богиней, которой с ранних времен поклонялись как на Лемносе, так и на Самофракии. Аргонавты под предводительством Геракла и Ясона, как говорят, приносили ей жертвы; ее древнее деревянное изображение, возвышающееся над очагом из неотесанных камней, часто изображается на древних вазах. [1598](#) Филоктет, как говорят, был укушен [гадюкой](#) [1599](#), когда обнаружил этот алтарь. [1600](#) Эта богиня Хриза, которую также называют Афиной, вероятно, была лишь другой формой своей сестры Ифигении.

Поклонение обеим этим богиням распространилось и в других местах, к северу от Эгейского моря. Так, на побережье Византии находился алтарь Артемиды [Ортосии](#) [1601](#), а напротив него, в Хрисополе, была гробница Хрисея, сына Агамемнона, который, как говорят, умер там в поисках Ифигении. [1602](#) Очевидно, что эта система религиозных имен была произвольно перенесена в генеалогию лакедемонских [pg 387] царей и самым любопытным образом переплетена с троянской мифологией. Греки впервые познакомились с Таврией во время своего путешествия в Милет; они дали ей имя, уже прославленное в их мифологии. Они обнаружили там кровавые обряды богини, которую, частично смягчив имя, назвали Орейлох; [1603](#) они также нашли человеческие жертвы, которые, как они предполагали, были принесены Ифигении; [1604](#) их собственное поклонение этому божеству носило так много признаков древнего варварства, что они были готовы считать северных варваров его авторами. Однако несомненно, что таврическая Артемида произошла от тавров не больше, чем эфиопская Артемида от [эфиопов](#) [1605](#) и т. д. В Малой [Азии](#) [1606](#) также существовали

способы поклонения, которые греки сравнивали с обрядами орфической Артемиды, о сходстве которых мы сейчас расскажем.

7. До сих пор мы просто собирали сказочные повествования древних и пытались показать их связь; далее мы расскажем о церемониях, которые сопровождали поклонение этой богине или богиням.

В первую очередь мы рассмотрим значение и характер этого поистине мистического [поклонения](#)¹⁶⁰⁷. Мы имеем [pg 388] богиню, которую обожали с неистовыми и восторженными оргиями, некоторыми признаками элементарной религии, а также с человеческими жертвоприношениями, которые характер греков старался только умерить и облагородить; похоже, что первоначально она напоминала аркадское поклонение Каллисто; но на Лемносе, из-за близости азиатской религии, она приобрела более дику и экстравагантную форму, которую сохранила после возвращения в Аттику и Лаконию. Не подлежит сомнению, что Артемиды Тавропольская почти идентична таврической богине; это имя богини было установлено на Самосе (где на торжественных праздниках ей подносили пироги из кунжута и меда)¹⁶⁰⁸, на соседнем острове [Икар](#)¹⁶⁰⁹ и в [Амфиполе](#)¹⁶¹⁰. Церемонии, несомненно, были восторженными, поскольку сама богиня считалась поражающей разум [безумием](#)¹⁶¹¹; и кровавыми, поскольку поклонение в Арикии считалось [подобным](#)¹⁶¹².

8. Теперь мы рассмотрим те храмы Артемиды, которые имеют чисто азиатское, а не греческое происхождение, и полностью отличаются не только от дорического, но и от аркадского поклонения Артемиде.

[pg 389]

Эфесская Артемиды, несомненно, была найдена ионийцами, когда они поселились на этом побережье, уже как объект поклонения, в ее храме, [1613](#) расположенном в болотистой долине Кайстера. [1614](#) Из-за некоторого реального или случайного сходства в атрибутах мунийской и эфесской богинь, они называли последнюю "Артемидой"; однако, где бы ни распространялось ее поклонение, она всегда отличалась дополнительным титулом "эфесской". [1615](#) Все, что рассказывается о поклонении этому божеству, необычно и чуждо грекам. Ее постоянным символом является пчела, которую иначе не приписывают Артемиде; другие атрибуты, украшавшие ее статуи в более поздние времена, слишком надуманны, чтобы из них можно было сделать какой-либо вывод. Пчела, однако, по-видимому, первоначально была символом [питания](#)¹⁶¹⁶; сам главный жрец назывался ἑσσην, или царь-пчела: некоторые из других священных имен имеют варварское, а не греческое [происхождение](#)¹⁶¹⁷. Боги, которыми была окружена эта великая [богиня](#)¹⁶¹⁸, также должны были быть особого рода. Маловероятно, что Латона *первоначально* называлась [pg 390] ее мать, [1619](#) поскольку Аполлон никогда не соединялся с ней. [1620](#) Ее кормилица, по-видимому, называлась Амма. [1621](#) Геракл, как говорят, возвестил о ее рождении с горы Серицея. [1622](#) Этот Геракл, возможно, был каким-то местным полубогом, возможно, одним из иддейских дактилей, чьи имена, по некоторым данным, содержались в эфесских заклинаниях, которые были начертаны у подножия ее статуи. [1623](#)

9. Таким образом, многое касается характера этого культа, который выглядит как изолированная точка, выступающая из религиозной системы, в остальном ограниченной западными частями Греции.

Что касается его происхождения, то, по единодушному преданию древности, он был основан амазонками. Эта легенда, вероятно, упоминалась в некоторых древних эпических поэмах

еще до того, как ее упомянул [Пиндар](#)¹⁶²⁴, а то, что она также сохранилась на этом месте, следует из знаменитого конкурса Фидия, Поликлита и других художников на изготовление статуй амазонок для эфесского храма: В последнее время недалеко от [pg 391] Эфеса был найден саркофаг, изображающий битву амазонок.¹⁶²⁵ В преданиях об основании городов Смирны, Кумы, Мирлеи, Мирины, Иолиса, Приены, Митилены и Питаны также упоминаются [амазонки](#)¹⁶²⁶. Что касается значения амазонок, то справедливо (на мой взгляд) считается, что представление о них возникло при виде бесчисленных женщин-рабынь (ἱερόδοιμοι), которые работали при храмах Малой Азии.¹⁶²⁷ Согласно Каллимаху, амазонки также танцевали под звуки трубы вокруг статуи, недавно воздвигнутой на стволе вяза. Также сообщается как исторический факт, что даже во времена ионийцев женщины из рода амазонок обитали вокруг [храма](#)¹⁶²⁸, хотя в само святилище допускались только девственницы.¹⁶²⁹ Таким образом, получается, что богиня, которую посещали эти амазонки, будучи представлена как благотворное и питающее божество, также должна была обладать атрибутами войны и разрушения; двойной и противоположный характер, который мы проследили в других отраслях поклонения Артемиде. Что касается родины амазонок, которые, как предполагается, основали этот культ, то, похоже, это была не Фригия, поскольку в "Илиаде" говорится, что они пришли с востока от Сангария и [pg 392] воевали с фригийцами.¹⁶³⁰ Сирийцы, однако, граничили с этим народом: и Пиндар, который говорит, что амазонки возглавляли сирийскую армию,¹⁶³¹ полностью совпадает с теми, кто отмечает их происхождение на берегах Термодона, Хадеса и Ликаста вдоль побережья Фемиды.¹⁶³² Поразительное согласие нескольких авторов в этом утверждении и его исключительная точность придают ему двойное значение. И какая страна могла быть более вероятной родиной эфесской Артемиды, а также воинственной Иеродулы, чем Каппадокия; где в историческую эпоху было большое количество священных рабов, как мужчин, так и женщин; где также существовала элементарная религия с неистовыми обрядами, а главным божеством была одновременно Беллона и Магна Матер?

Этот же восточный культ в других местах переняли греки Малой Азии. Среди них - Лейкофрина, которой поклонялись во Фригии, вблизи теплого [источника](#)¹⁶³³, а затем особенно почитали на берегах Меандра в Магнесии, и поэтому ее также почитал [Фемистокл](#)¹⁶³⁴. Она изображалась в том же виде, что и эфесская богиня.¹⁶³⁵ Ее священным животным был буйвол.¹⁶³⁶ Сипильской Артемиде поклонялись с развратными играми, от которых она [pg 393] также называлась в Олимпии (согласно Павсанию) Кордакой.¹⁶³⁷ Пергейская Артемиды, известная по всей Греции благодаря своим странствующим [жрецам](#)¹⁶³⁸, и имеющая ту же форму, что и Артемиды [Лейкофрина](#)¹⁶³⁹, и многие [другие](#)¹⁶⁴⁰. Именно в истинном духе этого поклонения музыкант Тимофей назвал Артемиду "бушующей и пенящейся, как вакханка".¹⁶⁴¹ А трагический поэт Диоген в прекрасном, хотя и не очень точном отрывке своей "Семелы" говорит о лидийских и бактрийских девах, которые с нежными песнями поклонялись тмолийской Артемиде на берегу Халиса.¹⁶⁴²

Теперь я попытался дать читателю общее представление о различных ветвях и формах поклонения Артемиде; при этом некоторые сложные и сомнительные вопросы по необходимости были обойдены: но я предпочел скорее рассчитывать на согласие читателя с некоторыми неопределенными предложениями, чем утомлять его терпение подробным рассмотрением всех спорных моментов.

Глава X.

§ 1. О поклонении божествам, отличным от Аполлона и Артемиды, в дорийских государствах. Поклонение Зевсу и Ере. § 2. Афине. § 3 и 4. Деметре. § 5. О Посейдоне. § 6. Дионис. § 7. Об Афродите, Гермесе, Гефесте, Аресе и Эскулапе. § 8. О Харитах, Эросе и Диоскурах. § 9. Общий характер дорийской религии.

1. Рассмотрев поклонение тем божествам, которые либо полностью, либо частично обязаны своим происхождением дорийцам, мы должны теперь, чтобы завершить наш рассказ о религии этой расы, указать на различные культы, которые они переняли у других народов.

Это исследование будет иметь ценность в двух других отношениях, кроме простого и непосредственного результата, к которому оно приводит; а именно, оно прольет свет на историю дорийских колоний, а также на дорийский характер, на который способ поклонения оказал самое сильное влияние.

Но поскольку тема, охваченная в полном объеме, была бы почти бесконечной (нет ни одной части древней истории, о которой имелись бы такие обширные сведения, как о местных культах), мы должны отказаться от всякой попытки полноты и довольствоваться более узким взглядом.

Начнем с ЗЕВСА. Примечательно, что ни в одной из дорийских стран не было установлено большого культа этого бога (за исключением фригийского на Крите), но везде, где он возникал, он был связан с культом какого-либо другого божества и подчинен ему. Поклонение в [Олимпии](#)¹⁶⁴³ было установлено [pg 395] ахейцами, которые в других местах (например, в Эгиуме) посвящали храмы только Зевсу: поклонение Зевсу Эллану в Эгине было введено эллинами из Фессалии. Но весь Арголис, а также Коринф с ранних времен находились под покровительством ЕРЕСА, характер поклонения которому напоминал поклонение Зевсу, хотя и был более выраженным. Главный храм находился в двенадцати стадиях от Микен и в сорока от Аргоса, за округом [Просимна](#)¹⁶⁴⁴; службу в нем совершали самые выдающиеся жрицы, а праздновались первые праздники и игры, он также был одним из самых ранних питомников искусства скульптуры. По-видимому, Аргос был первоначальным местом поклонения Здесь, и там оно впервые приобрело свою особую форму и характер: ведь поклонение саамской Здесь, как и поклонение в Спарте, ¹⁶⁴⁵ предположительно произошло из Аргоса, что подтверждается сходством церемоний; то же самое можно сказать и о поклонении той же богине в Эпидавре, ¹⁶⁴⁶ [Игине](#) и Византии. [pg 396] В ранней мифологии Аргоса ее имя встречается постоянно; и предания об Ио, насколько они были родными, являются лишь сказочными выражениями идей и чувств, возбужденных этой религией. Таким образом, и коринфские басни о Медее относятся к местному поклонению Здесь Акрее. ¹⁶⁴⁷ Поэтому коринфяне ввели в своей колонии Корсира, вместе с религией Здесь, ¹⁶⁴⁸ мифологию и поклонение Медее. ¹⁶⁴⁹ Особенности поклонения Здесь следует частично искать в символических традициях, касающихся Ио и Медеи, и других мифологических персонажей того же описания, а частично - в различных обрядах Самианского фестиваля. Несомненно, он был основан на какой-то элементарной религии, как это видно из предания о том, что Зевс на горе Торнакс в южной Арголиде соблазнил Зере в образе кукушки (чья песня считалась в Греции предсказанием плодородных весенних дождей). Брак с Зевсом (называемый *ἱερὸς γάμος*) всегда занимал видное место в поклонении Зере; ее представляли покрытой вуалью, как невесту, и везли, как невесту, на машине, с другими подобными аллюзиями. ¹⁶⁵⁰ На Самосе рассказывали, что статуя богини когда-то была полностью покрыта ветвями, и это, судя по всему, также изображалось на

праздниках.¹⁶⁵¹ Аргивский праздник Λέχερνα, то есть "ложе из веток", имел то же значение.¹⁶⁵²

[pg 397]

2. В Арголиде поклонение Афине также было очень древним и пользовалось почти таким же почетом, как и здесь; ее храм находился на высоте Лариссы, и, несомненно, она имела тот же характер и происхождение, что и Афина Халкии из Спарты¹⁶⁵³. Их имена в обоих местах были почти одинаковыми, так как в Спарте ее называли Ὀππιλέτις,¹⁶⁵⁴ а в Аргосе Ὠδέρκης, быстровидящая;¹⁶⁵⁵ и хотя в обоих местах имена объяснялись историческими событиями, кажется более точным сравнить их с титулом Афины в Афинах и Сигеуме, Γλαυκῶπις, и другими того же рода. В Аргосе большая часть героической мифологии связана с поклонением Афине: ведь Акрисий, по преданию, был похоронен в ее храме на **цитадели**¹⁶⁵⁶; а поскольку Ἀκρία была титулом самой **богини**¹⁶⁵⁷, мне кажется, что имя Ἀκρίσιος может быть удовлетворительно объяснено таким образом: Тем более что из анализа мифологии Акрисия, Персея и Горгоны ясно, что она полностью основана на символах Афины. Коринф также принимал участие в этих баснях, о чем ясно свидетельствуют фигуры Пегаса, головы Медузы и самой Афины на монетах этого государства и его колоний Леукадии, Анакториума и амфилохийского Аргоса.¹⁶⁵⁸

[pg 398]

Существует также другая ветвь поклонения Афине в дорийских государствах, а именно та, которая простиралась от Линдуса на Родосе до Гелы на Сицилии, а оттуда до Агригентума и Камарины.¹⁶⁵⁹ Во всех этих местах Афина была покровительницей цитадели и города и ассоциировалась с Зевсом Полиеем (также с Зевсом Атабирием.¹⁶⁶⁰.) Что касается церемоний, которыми ее чествовали, мы знаем только от Пиндара, что на Родосе ей приносили жертвы без огня, и что древняя скульптура Родоса была связана с ее поклонением. Поклонение в Иерапитне на Крите (на монетах этого города изображены афинские символы Афины) больше напоминало родосское, если посланцы из Прёса на Родосе были правы, а именно, что в Иерапитне корибанты назывались потомками солнца и Афины.¹⁶⁶¹

3. Хотя поклонение этим божествам, и в частности Ере, вероятно, было более распространено до, чем после дорийского вторжения, религия ДЕМЕТРЫ была еще более подавлена. Это поклонение было почти уничтожено дорийцами, о чем мы знаем от Геродота, который, говоря о некоторых обрядах Деметры Фесмофории, которые, как предполагалось, были основаны дочерьми Даная, утверждает, что когда пелопоннесцы были изгнаны дорийцами, эти обряды были прекращены, и только [pg 399] поддерживались теми пелопоннесцами, которые остались, и аркадянами.¹⁶⁶² Поэтому в главных городах с дорийским названием мы встречаем мало следов поклонения Деметре.¹⁶⁶³ Так, в Аргосе церемонии в честь этой богини были перенесены, с одной стороны, в болота Лерны, а с другой - на восточную оконечность полуострова, населенную дриопами. В первом из этих двух мест долгое время совершались некоторые мистические обряды, а во втором главным было поклонение божествам земли и адских областей (χθόνιοι θεοί). Некоторые надписи, найденные в Гермione, в которых помимо Деметры и Кору упоминается имя **Климена**¹⁶⁶⁴, эпитет Плутона, хорошо согласуются с началом гимна, который Ласус Гермionянин адресовал божествам своего родного города: "Я пою о Деметре и о мелибейской Коре, жене Климена, звучащей в глубокой эоловой гармонии гимнов."¹⁶⁶⁵ А то, что гермионцы считали храм земной Деметры (который был связан с входом в inferнальные области, предположительно находящимся в Гермione) первым в городе, также очевидно из того

факта, что асиinei, изгнанные из Арголиды и жившие в Мессении, посылали оттуда жертвы и священные миссии своей национальной богине в [Гермионе1666](#).

В древности также было распространено поклонение в [pg 400] Аргосе, которое мы обозначим именем Триопийской Деметры. [1667](#) Все басни о Триопе и его сыне Эрисихтоне (от ἔρισιβη, gobigo) относятся к земледельческой религии, которая в то же время относится к inferнальным областям. Места, где эта религия существовала в древности, - фессалийские равнины Дотиума, Аргос и, кроме того, [Аттика1668](#) ; из первого упомянутого места она была передана на юго-западное побережье Малой Азии ранней национальной связью, на которую указывает рассказ о древней пеласгической колонии из Дотиума в Книдос, Родос и [Симе1669](#) ; здесь она легла в основу триопийского культа, на котором впоследствии были основаны федеративные праздники шести дорийских городов. Напротив Триопиума находится небольшой остров Телос, откуда одна семья присоединилась к линдийской колонии, основавшей Гелу на Сицилии, и получила вместе с ней сакральную Триопию. Один из членов этой семьи по имени Телинес настолько развил это частное поклонение inferнальным богам, что оно было включено в национальную религию, и он был назначен управлять им в качестве иерофанта; именно от него происходил Иеро, царь Сиракуз. [1670](#)

4. Эта история колониальных связей, хорошо подтвержденная извне и имеющая большую внутреннюю вероятность, позволила нам установить происхождение одной из ветвей поклонения Деметре на Сицилии. Другая [pg 401] была, вероятно, привнесена кланом Эмменидов, [1671](#) который, будучи изначально фиванского происхождения, попал в Сицилию с колонией Гела: ведь, вероятно, только благодаря традициям этой семьи Агригентум, как и древние Фивы, был назван "даром Зевса Персефоне на их брачном празднике " [1672](#).

Но ни из одного из этих двух источников нельзя вывести знаменитое поклонение Деметре в Сиракузах и их колонии Энне (которое в глазах жителей и римлян сделало Сицилию родиной Цереры), поскольку оно в некоторых отношениях отличалось от обоих вышеупомянутых [культов1673](#). Из его важности мы можем заключить, что он был одной из древнейших религий Сиракуз и был установлен при первом основании этого города; а поскольку некоторые из них пришли из [Олимпии1674](#) , но большая часть из Коринфа, и нет причин предполагать, что он произошел из первого места, он должен был быть принесен из родительского государства. Правда, в Коринфе существовал храм Деметры и Кору, жрицы которых также пророчествовали с помощью снов; [1675](#) но поклонение этим богиням имело там [pg 402] гораздо меньшее значение, чем на Сицилии, где его преобладание, возможно, объясняется плодородием почвы, позволявшим выращивать пшеницу, в то время как греки в своей стране привыкли питаться ячменем, что побуждало колонистов быть особенно благодарными богине кукурузы. Однако если вспомнить, что Мегара также принимала большое участие в колонизации Сиракуз, то вряд ли можно сомневаться в том, что именно это государство было настоящим источником, из которого исходило данное поклонение, поскольку Деметра была там древним национальным божеством и не была нарушена в своем святилище на цитадели Карики даже дорийскими захватчиками. [1676](#)

В Лаконии поклонение Деметре также сохранялось с древних времен, хотя дорийцы в Спарте не могли относиться к нему с большим уважением. Ведь Элевсинии в этой стране праздновали в основном жители древнего города Гелос, которые в определенные дни несли деревянную статую Кору в Элевсинию на высотах Тайгета. [1677](#) Лакедемоняне также переняли поклонение Деметре под названием χθονία, или земная, от гермионцев, некоторые из родственников которых поселились в Мессении. [1678](#)

5. Посейдон не был первоначально богом дорийской расы, а скорее подходил по характеру [pg 403] ионийцам, которые, живя у моря, приобрели любовь к внешним сношениям и большой дух предприимчивости. Поэтому мы находим его лишь в нескольких местах, например, в [Тхенаруме](#)¹⁶⁷⁹ (откуда он был перенесен в Тарентум), в [Киринее](#)¹⁶⁸⁰, в [Игине](#)¹⁶⁸¹ и особенно на Коринфском перешейке; также в Трезене и Калаурии, которые (как уже было показано) были среди древних поселений ионийцев на берегу Саронического [залива](#)¹⁶⁸², к которым в основном относятся легенды о [Тесее](#)¹⁶⁸³. Из Трезена поклонение Посейдону было перенесено в Посидонию в Магна-Греции, а также в Галикарнас, в основном семьей Антедæ.

6. Поклонение Дионису не пользовалось одинаковым почетом у всех дорийцев. Оно действительно проникло в Спарту, где довело даже лакедемонских женщин до [френесии](#)¹⁶⁸⁴, а сам дельфийский оракул приказал учредить род вакхических [девственников](#)¹⁶⁸⁵. Но ничего не известно о пышных или регулярных церемониях в честь Диониса; и мы действительно могли бы предположить à priori, что строгие и жесткие представления спартанцев были бы очень против этого божества. То же самое, вероятно, можно сказать и об Аргосе, который долгое время полностью воздерживался от поклонения Дионису, но [pg 404] впоследствии посвятил ему праздник под названием τὺρβη (turba).¹⁶⁸⁶ Поведение Коринфа и Сикиона в этом отношении было совершенно разным. Первый город получил от [Флиуса](#)¹⁶⁸⁷ поклонение этому богу под названием βακχεῖος, то есть "возбуждающий страх", а также под названием λύσιος, "умиротворяющий" или "успокаивающий", из Фив, куда он, как говорят, пришел во времена дорийского [вторжения](#)¹⁶⁸⁸, и где его отмечали праздниками, о которых мы имеем весьма подробные [сведения](#)¹⁶⁸⁹. В ранние времена из дифирамбических [хоров](#)¹⁶⁹⁰, которые там исполнялись, как сообщает нам традиция Эпигена, возникли грубые зачатки трагедии, хотя это не были регулярные драмы; были также трагические хоры, переданные Вакхом некоторым героям, и Адраст стал предметом этих песен до тирании [Клисфена](#)¹⁶⁹¹. Поклонение этому богу также породило местный вид комических и смехотворных развлечений - фаллофории.¹⁶⁹² В соседнем Коринфе преобладало то же поклонение с его музыкальным и поэтическим сопровождением;¹⁶⁹³ и именно в этом городе, [pg 405] согласно Пиндару,¹⁶⁹⁴ впервые был создан дифирамб, хотя и под руководством иностранца (Ариона). В дорийских колониях Магна-Греции этот культ сохранил тот же характер нерегулярности и чрезмерности; весь город Тарентум был (как говорит Платон) пьян на празднике Вакха. Расписные вазы дают прекрасное представление о выходах и масках этого древнего карнавала.

7. Однако в Коринфе и Сикионе было установлено поклонение Афродите, а также Дионису. Представляется вероятным, что поклонение этому божеству действительно возникло в Греции, но было расширено и изменено финикийскими поселенцами в некоторых приморских городах. Институт "гостеприимных девиц"¹⁶⁹⁵, которым сама богиня, их хозяйка, приказала быть в распоряжении [чужеземцев](#)¹⁶⁹⁶, несомненно, азиатского происхождения и неизвестен древним [грекам](#)¹⁶⁹⁷. Однако Сикион, похоже, заимствовал поклонение этим двум божествам из Коринфа, на монетах которого обычно изображен голубь,¹⁶⁹⁸ а часто и голова Афродиты античной работы; а местная поэтесса Праксилла (452 г. до н. э.) обращалась к Афродите как к матери Диониса,¹⁶⁹⁹ и пела о радостях и бедах финикийского [pg 406] Адониса.¹⁷⁰⁰ Если дорийцы из этих приморских городов отличались определенной восприимчивостью, гибкостью и мягкостью характера, то спартанцев отличало прямо противоположное всем этим качествам. И хотя это государство вступило в связь с финикийским учреждением поклонения Афродите на острове Китера, они преобразовали его, хотя и переняли, и имели свою собственную вооруженную Афродиту, а также закованную и завуалированную богиню брака.¹⁷⁰¹ С того же острова они также

получили бога Адониса под именем Цириса.1702 Афродита, однако, пользовалась большим почетом в спартанской колонии Книдос, откуда она отправилась в Галикарнас под именем Акрæа, а оттуда в город-мать Трезен.1703 Поклонение Афродите в Селинусе на западе Сицилии1704, несомненно, происходило из соседнего города Эрикс, и, следовательно, также было финикийским; храм, вероятно, был одним из самых богатых в этом некогда процветающем городе.1705

Поклонение ГЕРМЕСУ, похоже, не преобладало ни в одном дорийском государстве; в одном отношении он был вытеснен Аполлоном Агием. То же самое можно сказать о ГЕФЕСТЕ и АРЕСЕ, последнему из которых [pg 407] поклонялись спартанцы под именами Теритас и Эниалий. О поклонении Эскулапу уже говорилось1706, что оно было перенесено на Кос, Книдос и Родос из Эпидавра, который в древности получил его через флегийцев из Трикки.1707 Из Эпидавра, согласно Павсанию,1708 также пришло поклонение в Сикион и Киренею в Балагре,1709 с которой, как и на Косе, была связана древняя школа врачей.1710

8. Мы лишь отметим поклонение ХАРИТАМ, установленное на Крите и в Спарте; во-первых, как новое доказательство ранней религиозной связи между этими двумя странами,1711 а также как знак того веселья и радости, которые были самой прекрасной чертой религии греков. В Спарте эти богини назывались Клета и Фаэна; их храм находился на дороге из города в Амikleю, на реке Тиаса1712. С этим было связано поклонение Эросу, которое практиковали критяне и спартанцы, у которых перед каждой битвой самые красивые мужчины собирались и приносили жертвы этому богу1713: не как великому объединителю неба и земли, а как пробуждающему взаимное уважение и привязанность, которые порождают тот страх перед неодобрением друзей, который является самым благородным источником доблести1714.

Самым неясным, пожалуй, из всех направлений религии, происхождение которых нам предстоит исследовать, является [pg 408] поклонение ДИОСКУРАМ, или сыновьям Зевса. Представляется вероятным, что оно имело двойной источник: героические почести человеческих Тындаридов и древнее пелопоннесское поклонение великим богам или Кабирам; с течением времени атрибуты последних, похоже, были перенесены поэзией и традицией на первых, а именно: имя сыновей Зевса, рождение из яйца и яйцевидные колпаки, чередование жизни и смерти, власть над ветрами и волнами. Как относящиеся к их поклонению в Спарте я могу упомянуть древние изображения, называемые δόκνα, - две вертикальные балки с двумя другими, положенными поперек их;1715 обычай в военных походах брать одну или обе статуи Диоскуров в зависимости от того, один или оба царя шли с войском;1716 что ставит Тындаридов в ряд богов войны; и вера в то, что они часто появлялись как помощники в трудную минуту или даже просто как дружелюбные гости,1717 что отличает их от большинства других героев. В целом мы знаем, что дорийцы нашли поклонение и мифологию Тындаридов, установленную в Амikle, Ферапне, Пefносе и других местах; и они приняли ее, не заботясь о сохранении ее первоначальной формы и значения; скорее, [pg 409] пытались придать поклонению сыновей Тындарея военную и политическую направленность.

9. Прежде чем перейти к рассмотрению героической мифологии дорийцев, которая в основном сводится к Гераклу, мы сначала попытаемся набросать основные черты религиозного характера дорийцев, как это видно в нескольких уже перечисленных культах. Как в развитии способов религии, свойственных этой расе, так и в принятии и изменении тех, что были у других народов, прослеживается идеальная тенденция, которая рассматривает божество не столько в связи с произведениями или объектами природы, сколько с действиями и мыслями людей. Поэтому в их религии было мало мистики, которая относится скорее к элементарным культам; но боги принимали более человеческие и героические

формы, хотя и не так сильно, как в эпической поэзии. Поэтому благочестие дорийской расы носило особенно энергичный характер, так как их представления о богах были ясными, четкими и личными; и, вероятно, оно было связано с определенной степенью жизнерадостности и уверенности, в равной степени далекой от буйства энтузиазма и мрачности суеверия. Похоронные церемонии и праздники с бурными причитаниями, равно как и восторженные оргии, не соответствовали характеру дорийцев, хотя их благоговение перед древностью часто побуждало их перенимать такие обряды, когда они уже были установлены. С другой стороны, мы видим в их праздниках и религиозных обрядах яркость и веселье, которые заставляли их думать, что самая приятная жертва, которую они могли принести своим богам, - это радоваться их виду и использовать различные методы, которые искусство позволяло им выразить свою радость. При всем этом их поклонение носило отпечаток величайшей [pg 410] простоты и в то же время сердечной теплоты. Спартанцы молили богов "дать им то, что почетно и хорошо" [1718](#), и хотя они не устраивали пышных процессий и даже обвинялись в скудных жертвоприношениях, Зевс Аммон заявил, что "спокойная торжественность молитв спартанцев была ему дороже всех жертвоприношений греков". [1719](#) Кроме того, они демонстрировали самую верную приверженность обычаям, переданным им от предков, и поэтому были мало склонны к принятию чужеземных [церемоний1720](#), хотя в торговых городах, как, например, в Коринфе, такие обряды охотно принимались из уважения к чужакам других рас и [народов1721](#).

Глава XI.

§ 1. Легенды о Геракле в первых поселениях дорийцев. § 2. Рабство Геракла. § 3. Легенды о Геракле во вторых поселениях дорийцев. § 4. Легенды о Тлеполеме, Антифе и Фидиппе. § 5. Легенда о Герионее. § 6. Легенды о Геракле в окрестностях Фермопилы. § 7, 8 и 9. Беотийские легенды о Геракле. § 10. Аттические легенды о Геракле.

1. В следующей попытке распутать сложную мифологию Геракла мы начнем с [pg 411] тех басен, в которых этот герой предстает, очевидно, как прародитель дорийских [Гераклид1722](#), как представитель героев племени гиллеев, высшего сословия в дорийском народе.

Сначала мы обратим внимание на местность, описанную в начале первой книги, - древнюю страну дорийцев в самой гористой части Фессалии, где этот народ постоянно враждовал со своими ближайшими соседями, лапитянами. В этой войне Геракл выступает как герой племени хилеан, согласно эпической поэме Эгимия, и отвоевывает для них третью часть завоеванной территории. С этим состязанием, как оказывается, связано и знаменитое завоевание [Æchalia](#), тема эпической поэмы под названием [Οἱ χαλίας ἄλωσις](#), которая приписывается Гомеру или Креофилу. [1723](#) В этой поэме рассказывалось, как Эврит из Умехалии, искусный лучник, который, как говорили, превзошел самого Геракла в этом виде боя и осмелился вступить в бой с [Аполлоном1724](#), обещал свою дочь Иоле в качестве приза тому, кто превзойдет его самого и его сыновей в стрельбе из лука; но Геракл принял вызов, Эврит отказался выполнить свое обещание: Тогда Геракл собрал войско, завоевал [Æchalia](#), убил Эврита и его сыновей, увел Иоле в плен и отдал ее в жены своему сыну Хиллу. [1725](#)

[pg 412]

Положение этой "хорошо укрепленной" [1726 Æchalia](#) - древний предмет споров. Существовало три места с таким названием: одно на берегу Пеней в Фессалии, в древней стране лапифов, между Пелинной на востоке и Триккой на западе, недалеко от [Итоме1727](#), другое - на острове Эвбея, в районе [Эретрии1728](#). Третьим был город в Мессении, который в

последние времена назывался Карнасиум, на границе [Аркадии1729](#) ; в этой области также был город под названием Итоме и, как сказано, еще один под названием Трикка; так что мы должны предположить, что существовала какая-то ранняя связь между жителями этого района и племенами около Пеней. Можно предположить, что каждый из этих *Æchalias* рассматривался соответствующими жителями как знаменитый город великого Эврита; отсюда и разногласия среди ранних поэтов по этому вопросу. Мессенская *Æchalia* называется городом Эврита в гомеровском [каталоге1730](#) и в "Одиссее" [1731](#) , за которым последовал [Ферекид1732](#) ; эвбейский город был выбран автором [pg 413] поэмы под названием "Взятие *Æchalia*"; [1733](#) , а также, вероятно, в *Ægimius*, [1734](#) и после этого Гекатеем Милетским; [1735](#) Фессалийцем, в другом отрывке каталога кораблей, очевидно, значительной древности. [1736](#) Поскольку, таким образом, этот вопрос не может быть решен авторитетно, мы можем только сделать вывод (но с большой вероятностью) из связи традиций, что последняя упомянутая *Æchalia* была городом первоначальной басни. Борьба за этот город, очевидно, тесно связана с войной с лапифами; Эврит, как и лапифы, был ненавистен Аполлону. Если *Æchalia* расположена на берегах Пеней, то ее завоевание естественно вписывается в другую традицию; если нет, то она стоит особняком и не связана с ней. Опять же, Геракл, согласно всем традициям, завоевывает Иолу для своего сына Хилла; теперь Хилл никогда не встречается в мифологии, кроме как в связи с дорийцами; следовательно, место битвы нужно искать вблизи дорийской территории.

Еще до начала этой войны (согласно распространенному рассказу) Геракл вступил в противоборство с *Æchalias*, убив Ифита, сына Эврита, который потребовал от него возврата награбленного скота или лошадей. В общепринятой версии этой истории местом столкновения был Пелопоннес, поскольку Геракл, как говорят, сбросил его со стен Тириня. [1737](#) Но чтобы искупить это убийство и [pg 414] нарушение прав гостеприимства, Геракл стал рабом; и, чтобы освободить себя от вины, он был вынужден заплатить отцу Ифита свой собственный выкуп.

2. Смысл этого рабства невозможно правильно объяснить, не обратив внимания на удивительное совпадение некоторых частей мифологии Геракла и Аполлона, которое мы вкратце проясним. Как Эврит представлен иногда убитым Аполлоном, иногда Гераклом, так и в поэме "Щит Геракла" [1738](#) этот герой наказывает Цикна за осквернение пагасейского храма; так, по другой традиции, он убивает Филаса и Лаогора, князей дриопов, за нарушение святыни Дельф и других [храмов1739](#) , и посвящает весь народ пифийскому [Аполлону1740](#). Я также не верю, что Еврипид придумал басню о восстановлении Алкестиды и о состязании между Гераклом и [смертью1741](#). Из легенд эпических поэтов, в которых Геракл представлен как герой в медных доспехах, защищающий мечом священные дороги и повергающий жестоких сыновей Ареса, мешающих жертвенным процессиям в узких проходах и дефиле, можно сделать вывод, что в древних преданиях он считался не только защитником дорийского рода, но и дорийского культа.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению продажи и рабства Геракла; этот момент имеет первостепенное значение для [pg 415] различных форм, которые принимают легенды об этом герое. В данном случае эта деградация произошла из-за убийства Ифита. Здесь также не может не поразить параллель с рабством Аполлона в Фере. Бог и герой были выбраны в качестве примера, чтобы внушить людям в ранние времена сильное чувство священного характера и необходимости наказания за убийство. [1742](#) Кем был куплен Геракл в первоначальной легенде северной Фессалии, мы не знаем; в более поздний период Омфала называлась его хозяйкой, которая (по словам Ферекида) [1743](#) купила его за три таланта.

3. Мы перейдем ко вторым поселениям дорийцев, которые охватывают города между хребтами Ceta и Парнаса, а именно: Эриней, Цитиниум, Беум и [Пинд1744](#).

Соседями дорийцев в этих поселениях были, как уже говорилось, дриопы, мелийцы из Трахиса и этолийцы. Первые были враждебны дорийцам, а двое других в большинстве своем дружелюбны к ним. Эти факты с большой ясностью отражены в мифологии о Геракле. [pg 416] Об отношениях между дорийцами и дриопийцами и о том, как они выражены в баснях Геракла, мы уже рассказывали. [1745](#) Цейкс, трахинец, был верным другом Геракла и его потомков; в одном из рассказов его называют племянником Геракла, [1746](#) который, как говорят, основал для него свой город Трахис. [1747](#) В этом месте была найдена могила Деяниры, [1748](#) дочери Ceneus, чей брак с Гераклом, очевидно, является мифологическим выражением лиги, существовавшей между этолийским и дорийским народами до вторжения в Пелопоннес. [1749](#) Ведь Деянира была жительницей Калидона, [1750](#) а калидонцы принимали главное участие в этой экспедиции. К этому браку приложена серия связанных между собой этолийских басен о Геракле. Особенность этой части героической мифологии в том, что они легко переходили от одного народа к другому, и там, где они обретали твердую почву, образовывали большую массу преданий. Среди них - завоевание быка Ахелуса, [1751](#) и приключение у брода Эвнуса, [1752](#) которое впоследствии стало причиной смерти Геракла. Также вероятно, что пребывание Геракла в Оленусе, в доме Дексамена, было связано с приключениями эфоров; хотя даже Гесиод в этой легенде упоминает не древний эфорский город Оленус в окрестностях Калидона, [pg 417] а одноименный ахейский город на берегу Пира. [1753](#) Дексамена часто связывают с калидонской семьей Ceneus; [1754](#) жена Ceneus происходила из Оленуса и была из той же семьи. Древняя легенда представляла его как гостеприимного героя: это качество также выражено в его имени (Δεξάμενος, от δεξιμενος); в обмен на это Геракл освободил его от жестоких гостей, кентавров; [1755](#) к этой басне, вероятно, относится древняя битва с кентаврами в мифологии Геракла. И наконец, Геракл, как говорят, возглавил эфорийцев против феспротийцев из Эфиры. Эта экспедиция, возможно, была столь же знаменита в древних сказаниях, как и взятие Echalia. Эфира, о которой здесь идет речь, - древний город Феспротии, [1756](#) расположенный на том месте, где Ачерусийское озеро впадает в море через реку Селлеис (Ахерон). В более поздние времена этот город назывался Кихира, но даже в наши дни сохранились остатки оригинальных зданий в циклопическом стиле, не похожие на тиринские. [1757](#) Весь этот район прославлен в баснях как место обитания Аидонея: как место, где находился оракул, о котором спрашивали ушедших духов, жители всегда относились к нему с благоговением, которое еще более усиливалось [pg 418] верой в то, что местные жители были очень искусны в приготовлении яда. [1758](#) Считается, что на этот город Геракл напал как на союзника эфотийцев, поэтому вполне вероятно, что это обстоятельство послужило поводом для введения его поединка с Аидом и его приключений в inferнальных областях, таких как изгнание Цербера, освобождение других [героев1759](#) и т. д. Однако не следует думать, что, следуя стилю Эвгемера, я предполагаю, что в этом районе действительно когда-то царствовал царь Аидоней, у которого был пес, или, скорее, полководец, по имени Цербер, которого Геракл победил в битве и т. д. Более вероятным способом объяснения происхождения этой басни представляется следующий. Мрачные религиозные обряды на берегах Ахерона, которые всегда отпугивали соседние народы от участия в них, в ранний период противопоставлялись свободным и активным привычкам героических племен; трепет, внушаемый присутствием неземных призраков, с гордым духом и смелыми мыслями о военной жизни. Если теперь люди сами вступали в столкновения друг с другом, то их боги неизбежно делали то же самое; результатом этого были традиции состязаний и войн между собой. С другой стороны, не следует думать, что басня имеет чисто символическое значение и что Гераклу поклонялись

вместе с [pg 419] Аидом только как врагу смерти, как божеству, облегчающему и устраняющему ужасы адских областей.

4. Остальная часть этой басни, однако, полностью утрачивает свой символический характер, а именно то, как рождение нескольких дорийских героев связано с захватом Эфиры; которые, хотя и выходят за рамки истории, тем не менее, должны рассматриваться как реальные личности. Прежде всего, утверждается, что Геракл родил Тлеполема на Астиохее, которого, согласно Гомеру, он унес из Эфиры на реку Селлесис, разрушив множество городов; [1760](#) Антиф и Фидипп также, как говорят, происходили из Эфиры в Феспротии, сыновья Фессала и внуки Геракла, к которым относили свое происхождение самые знатные семьи Фессалии, а также Гераклиды из Коса; [1761](#) последние, однако, согласно другой и более поздней традиции, произошли от союза Геракла и дочери Эврипила в самом Косе. [1762](#) Происхождение этой запутанной басни, по-видимому, следующее: В древней стране дорийцев было несколько знатных семей, которые связывали свое происхождение с завоеванием Эфиры; они обозначались именами Тлеполем, Антиф и Фидипп; эти семьи вместе с другими дорийцами отправились в Пелопоннес, прошли через Аргос и Эпидавр на Родос и Кос, где они частично переделали свои оригинальные семейные легенды. Теперь всегда признавалось, [pg 420] что фессалийский народ происходит также из Эфиры и Феспротии; и когда он поселился среди греков и стремился участвовать в их традициях, было естественно, что Геракл, покоритель Эфиры, должен быть поставлен во главе его генеалогий.

5. К битве Геракла и Плутона в Эфире мы теперь добавим легенду о Герионее. Скот Геринея и Плутона пасся вместе на острове [Эритрея](#)[1763](#), но считалось, что он принадлежал [Солнцу](#)[1764](#), и поэтому был ярко-красного цвета. В древности считалось, что Эритрея находится рядом с царством Аида. Ибо утверждение Гекатея, что Эритрея и Гериней принадлежали Эпиру и [Амбракии](#)[1765](#), не могло быть вызвано попыткой придать мифологии видимость реальности: похоже, он воспользовался какой-то реальной традицией. Это несомненно, если исходить из данных Сцилакса, который никогда бы не поместил Эритрею в свой [Periplus](#)[1766](#) на основании авторитета логографа. Согласно этому писателю, она расположена между территорией атинтанов и Кераунскими горами, к северу от Эпира, на границах Греции, на небольшом расстоянии от первых мест обитания дорийцев. Так вот, [pg 421] примечательный факт, что даже в исторические времена в той же стране, то есть возле Ауса, реки, текущей с горы Лакмон, находились священные для Солнца стада, которые днем охранялись на берегу этой реки, а ночью в пещере горы людьми, которым жители греческого города Аполлония вверяли эту должность в качестве особой [честь](#)[1767](#). Маловероятно, что коринфяне, основавшие Аполлонию, первыми ввели этот обычай, хотя на территории Коринфа сохранились следы древнего поклонения [Солнцу](#)[1768](#), но мы можем справедливо предположить, что колонисты просто сохранили местный обычай. Эта гипотеза снимает все трудности. Империя Аида на этой земле граничила с районом, где преобладало поклонение Солнцу и где содержались бесчисленные стада скота, находившиеся под защитой бога; но греческий герой, мало заботясь об их святости, изгнал их и посвятил *своим собственным* богам. Эпир всегда отличался отличной породой скота, который, как говорят, произошел от стад Геринея, которые Геракл принес в жертву додонецкому [Зевсу](#)[1769](#).

6. К этим рассуждениям нас привели этолийские легенды о Геракле, от которых мы [pg 422] вернемся к дорийцам, владевшим гористой местностью вдоль горы Ceta в направлении Thermopylae. Пожалуй, во всей Греции не было региона, который бы в большей степени изобиловал местными преданиями о Геракле. Именно в Фермопильском проходе он поймал этих странных чудовищ - Серкопов; [1770](#) именно здесь Афина вызвала из-под земли горячий источник; [1771](#) на вершине горы Ceta, на фригийской скале, [1772](#) возвышалась роковая

громада, которую тщетно пытался погасить ручей Дирас;¹⁷⁷³ и многие соседние города претендовали на связь с его подвигами:¹⁷⁷⁴ Даже эниане (которые в более поздний период поселились в этом районе) пытались присвоить себе эти традиции;¹⁷⁷⁵ а Гераклея Трахиния, основанная только во время Пелопоннесской войны, и соседние Циликраны были отнесены к мифологии Геракла.¹⁷⁷⁶ Несомненно, что местные традиции такого рода должны были зародиться у жителей этого района. По крайней мере, вероятно ли, что уроженцы Аргоса [pg 423] поместили бы смерть своего обожествленного героя в чужой регион, если бы они были первоначальными изобретателями этого вымысла? Карьера дорийского героя, несомненно, завершилась на погребальной груде *Ceta*; и это приключение положило конец целой серии басен, от которых до наших дней сохранились лишь некоторые фрагменты. С этой точки зрения мы можем увидеть связь между многими легендами, описанными выше.

Общая тенденция и дух этих легенд могут быть описаны следующим образом: Национальный герой представлен как везде готовящий путь для своего народа и его поклонения; и как защищающий его от других рас. Таким образом, он открывает сообщение между Темпе и Дельфами, между сказочными поклонниками Аполлона, гиперборейцами, и поклонниками его собственной эпохи. В то же время его собственная личность является внешним символом национального культа; он исполняет обряды искупления убийств, сам являясь и жертвой, и жертвоприношителем.

7. Далее мы рассмотрим фиванские легенды о Геракле; для ясности изложим сначала те положения, которые должны быть установлены в ходе дальнейшего обсуждения.

Геракла в Фивах не следует считать кадмейцем; он не имеет никакой связи с древними богами и традициями кадмейцев; но его мифология была привнесена в Беотию частично дорийскими Гераклидами, а частично из Дельф, вместе с поклонением Аполлону.

Чтобы доказать, что Геракл не имеет никакой связи с кадмейскими богами, храмами и принцами, достаточно обратиться к генеалогической таблице фиванской мифологии и плану Фив, набросанному по [pg 424] Павсанием. Из первой мы видим, что Геракл (отец которого представлен как беглец из Микен) не является родственником Кадмеев ни по крови, ни по браку, а Креон (κρέων, правитель), его предполагаемый тесть, является лишь фиктивным персонажем, придуманным для заполнения пробела в родословной;¹⁷⁷⁷ из последнего, что храмы Геракла не только не находились в цитадели (как храмы Кадма, Гармонии и Семелы) или в стенах города, но все были за воротами. Этот факт имеет огромное значение для определения древности любого поклонения в городе. Древние и изначальные божества, которые пользовались почестями основателей, владели цитаделью как своим правом первородства; в то время как все боги, введенные впоследствии, пользовались менее почетной обителью в предместьях города. Известно, что дом Амфитриона и гимнасий Геракла стояли перед воротами Электры, напротив *Исменииума*¹⁷⁷⁸; к этому можно добавить рассказ *Ферекида*¹⁷⁷⁹ о деревне у тех же ворот, которую Гераклиды основали до своего вторжения в Пелопоннес, и где на рыночной площади стояла статуя Геракла. Что может быть яснее, чем то, что Гераклиды установили поклонение своему герою в Фивах? Рядом с этим местом (надо заметить) находилось исменское святилище Аполлона. Напротив этого [pg 425] храма Геракл, как говорят, получил образование; на празднике Аполлона он нес лавр перед хором девственниц, а затем освятил треножник в храме, как это было принято в более поздние времена. Этот треножник изображен на знаменитом рельефе аргивского апофеоза Геракла с надписью Ἀμφιτρίων ὑπὲρ Ἀλκαίου τριπόδ' Ἀπόλλωνι.¹⁷⁸⁰

С этим, очевидно, связана история ограбления дельфийского треножника, которая в общепринятой версии выглядит следующим образом: Геракла постигла тяжелая болезнь в

наказание за убийство Ифита; в связи с этим он обратился за помощью в Дельфы; но поскольку пифийская жрица отказалась отвечать на вопросы виновного в убийстве, он пригрозил разграбить храм и унести треножник. Аполлон, соответственно, преследовал его, пока Зевс молнией не разнял бой двух своих сыновей. [1781](#) Далее в басне говорится, что произошло новое освящение дельфийского треножника и примирение бога и героя: об этой части мы знаем только из произведений искусства, которые действительно имеют терпимую древность. [1782](#) Но [pg 426] очевидно, что это не подлинная, древняя и священная традиция. Как мог этот герой, который в других отношениях полностью зависел от предписаний оракула и который так много защищал и поощрял поклонение [Аполлону](#)[1783](#), вдруг стать святотатцем, нарушившим его самый святой и древний храм? Этот перенос треножника, согласно другим традициям, означает не что иное, как распространение поклонения Аполлону. [1784](#) Так куда же, как утверждается, впервые был перенесен этот треножник? Аркадийцы говорят, что Геракл принес его Фенею, но был вынужден вернуть его Аполлону. [1785](#) Герой, отправившийся в Элиду, как говорят, построил храм пифийскому Аполлону; [1786](#) который, однако, вряд ли может быть более древним, чем дорийская миграция. Основание этого храма, как зависящего от Дельфийского оракула, было, следовательно, по традиции, выраженной в этом образе, транспортировкой треножника, носителем которого был Геракл. Но для нашей цели важнее то, что, согласно беотийскому [рассказу](#)[1787](#), Геракл должен был привезти треножник в Фивы, то есть, вероятно, в Исмению. Таким образом, эта басня показывает связь [pg 427] между Исменией и великим святилищем Аполлона; и представляет Геракла как промежуточное звено между этими двумя храмами.

8. Несколько других традиций, бытовавших в Беотии, связаны с приведенным выше объяснением этой традиции. Критская колония, которая, отправившись из Кирры, основала Тильфозианский храм в Окалии в Беотии, была представлена в лице Радаманта. [1788](#) Радамонт, как говорят, жил там с Алкменой и обучал юного героя критскому искусству стрельбы из лука. [1789](#) По этой же причине Зевс воскресил Алкмену из мертвых и отправил ее на острова блаженных в качестве жены Радаманта. В ее гробнице остался камень, который установили в священной роще в Фивах. [1790](#)

9. Фиванские предания о Геракле не все одинаково значимы; одни, как только что упомянутые, имеют религиозное, другие - [политическое](#)[1791](#) значение, а третьи выражают лишь телесную силу этого героя. Воспитание Геракла доверено некоторым сказочным личностям, большинство из которых, как предполагается, проживали в Беотии. [1792](#) Его самым замечательным наставником является менестрель Линус, которого (вероятно, во исполнение воли Аполлона) он предал смерти, [1793](#) оправдывая себя [pg 428] законом Радаманта. Уничтожение китеронского льва - это подражание легенде о Немее, о которой мы поговорим ниже. [1794](#) После этого приключения он отправился в Феспию, в дом Фестия, где за одну или за пятьдесят семь ночей обесцвечивает пятьдесят дочерей своего хозяина - басня, которая, возможно, имеет астрономическую подоплеку. [1795](#)

Что касается необычной легенды о том, как Геракл убил своих детей в Мегаре, бросив их в [огонь](#)[1796](#), то нельзя отрицать, что она имела некий символический смысл, заимствованный из древней элементарной религии. В целом, однако, эта временная ярость является лишь преувеличенной картиной того героического ума, мужество и выносливость которого пронесли Геракла через столько опасностей и трудностей на благо человечества. [1797](#) Согласно беотийской версии, это было меланхоличное безумие, в котором Геракл, невзирая даже на все самое дорогое для него, убил своих детей и даже был готов зарубить своего отца. [1798](#) После этого герой, подавленный глубокой меланхолией, обратился за

облегчением к искупительному Аполлону, а также к богу [Исмении1799](#) или Пифо. [1800](#) Оракул велел ему служить [pg 429] рабом, подобно тому, как служил сам Аполлон после уничтожения Пифона. В прерванном повествовании Аполлодора сохранился замечательный след о времени, в течение которого, согласно беотийской традиции, длилось рабство Геракла, а именно восемь лет и один месяц. [1801](#) Это число нельзя считать случайным; вероятно, имеется в виду Эннеатерис, который состоял из восьми лет и трех промежуточных месяцев; из них здесь упоминается только последний месяц, поскольку два, вставленные в середине, были менее заметны. Таким образом, Геракл, подобно Аполлону в Фере, должен был служить для αἰδῖος ἐνιαυτὸς, для восьмилетнего периода мифологии и древней астрономии. [1802](#)

10. Здесь мы добавим несколько замечаний об аттическом поклонении Гераклу, которое совершалось главным образом в Марафоне в Тетраполисе, [1803](#) в трех деревнях Мелите, Диомее и Коллите, [1804](#) которые лежали близко друг к другу в окрестностях Афин; в частности, в [Циносарге1805](#), принадлежавшем демосу [pg 430] Диомеи; в [Ахарне1806](#) и [Гефестии1807](#) и в самом городе; а также у моря в Тетракомее, или "Четырех гамлетах". [1808](#) То обстоятельство, что те храмы, которые не были расположены вблизи города, все находились в северной части Аттики, кажется, доказывает, что поклонение происходило с северных границ; его приписывали присутствию Гераклидов в Аттике, хотя басня о большой помощи, которую Афины оказали Гераклидам, была свойственна афинянам. [1809](#) Вероятно, однако, что в какой-то ранний период часть дорийского народа прошла через Аттику и основала там культ, который, благодаря господству дорийцев и их различным связям с другими народами, приобретал все больший характер и значение. Если лакедемоняне действительно пощадили Тетраполис во время Пелопоннесской войны, [1810](#) их терпение должно быть объяснено уважением, которое они проявили к своему национальному герою. Существует традиция, заслуживающая внимания, согласно которой Тесей посвятил Гераклу все храмы, которые были посвящены ему [самому1811](#), из чего можно сделать вывод, что поклонение бывшему полубогу было перенесено в какой-то ранний период, только, следует заметить, не во времена самого Тесея. О том, что поклонение Гераклу было лишь наполовину национальным, можно судить по тому, что параситы этого героя в Синосарге всегда были [pg 431] афинянами, из родителей которых только один был гражданином; символический намек на полуиностранное происхождение их культа.

К этому же типу относятся предания, которые были свойственны деревням Афидна, Децелее и Титакида (также расположенным на севере Аттики), о походе тиндаридов, которые, как говорят, завоевали Афидну с помощью Декелы и Титака. [1812](#) Из этой добычи, согласно спартанской легенде, был построен очень древний храм Палласа Халкика в Спарте. И в этом случае предание было признано реальной историей, поскольку лакедемоняне всегда поддерживали дружеские отношения с Децелеей; не без причины, как мы можем быть уверены, они призвали на помощь Тиртея, человека из Офидны, во время Мессенской войны по велению оракула. Но поскольку Тиндариды, то есть их изображения (как уже говорилось выше) [1813](#), сопровождали каждую спартанскую армию в походах, вероятно, эти истории возникли в ходе какой-то дорийской экспедиции в северные районы Аттики, которая оставила после себя эти неизгладимые следы и воспоминания.

[pg 432]

Глава XII.

§ 1. Пелопоннесская мифология о Геракле. Приключения Геракла: его битвы с дикими зверями. § 2. Его боевые подвиги. § 3. Учреждение им Олимпийских игр. § 4. Сложность мифологии Геракла. § 5. Поклонение Гераклу, перенесенное из Спарты в Тарентум и Кротон. § 6. Коанская басня о Геракле. § 7. Геракл и Гилас. § 8. Отождествление Геракла и Мелькарта. § 9. Человеческий характер Геракла. § 10. Его веселость и любовь к веселью.

1. Теперь мы должны попросить снисхождения у наших читателей, когда мы переходим к неясной и трудной части нашего предмета, которая лежит за пределами исторических записей. Мы ссылаемся на пелопоннесскую мифологию о Геракле; сборник легенд, несомненно, большей частью придуманный после дорийского вторжения и предназначенный этой нацией в значительной степени для оправдания своего завоевания полуострова и для того, чтобы их экспедиция выглядела не как акт незаконной агрессии, а как восстановление древнего права. Какой-то герой (возможно, даже одноименный) должен был существовать в аргивских традициях во времена Персидского царства, и сходство могло быть достаточно поразительным, чтобы отождествить его с отцом дорийского Гилея. Поэтому мы будем считать уничтожителя Немейского льва аргивским героем; но задержка с его рождением и последующая подверженность нужде и труду, очевидно, относятся к дорийской традиции, так же как и вражда здесь; басни, которые частично были заимствованы из поклонения Аполлону, а частично, возможно, были призваны указать [pg 433] контраст между древним поклонением Аргоса и поклонением захватнической расы.¹⁸¹⁴

Теперь мы без дальнейших предисловий приступим к рассмотрению различных приключений Геракла, которые можно разделить на два класса; первый состоит из его воинственных подвигов, второй - из его схваток с дикими зверями. Мы начнем с рассмотрения последних.¹⁸¹⁵

Немея была отделена от аргивского храма Здесь, самого древнего в стране, цепью гор и длинным скалистым ущельем. Нельзя отрицать, что в этом храме часто обращались к луне, хотя считать Ере богиней луны было бы небезопасно. Немея называется дочерью [Луны](#)¹⁸¹⁶, от божества которой, как говорят, произошел Немейский лев; о древности этой басни можно судить по тому, что Анаксагор воспользовался ею, как общепринятой, для обоснования физической гипотезы [Антихтона](#)¹⁸¹⁷. С этим связано предание Гесиода о том, что богиня Вот сама принесла [pg 434] льва, что она, по словам поэта, сделала из вражды к Гераклу. Таким образом, мы обнаруживаем символический характер этой басни, напоминающей историю Персея и Горго и т. д., хотя вряд ли мы можем попытаться объяснить всю легенду подобным образом. Бой с лернейской гидрой также может быть объяснен таким образом. Геракл представлен как использующий в этом поединке тот же серп, которым Персей обезглавил Медузу.¹⁸¹⁸

Какое бы значение мы ни придавали этим поединкам, считая их символическими или напоминающими о далекой древности, когда главным занятием героя было освобождение Греции от чудовищ и диких зверей, тем не менее очевидно, что они так же мало соответствуют времени, отведенному для них (незадолго до Пелопида), как и характер других частей басни. Одно лишь рассмотрение костюма Геракла достаточно убеждает нас в этом. Несомненно, что Геракл ранних поэтов был либо героем, вооруженным копьем и пряжкой, как в поэме, приписываемой Гесиоду,¹⁸¹⁹ либо луком и мечом, как в "Одиссее".¹⁸²⁰ Последнее описание особенно часто встречается в битве с гигантами; первое основано на всех традициях, которые представляют Геракла как первого из воинов и завоевателей. Писандр и Стесихор были первыми, кто [pg 435] представил его полуголым дикарем, с

львиной шкурой вокруг чресл, челюстями, закрывающими голову вместо шлема, и просто с дубиной в руке.¹⁸²¹ До времен Страбона сохранилось несколько древних деревянных статуй Геракла, сильно отличающихся от этого описания. Писандр также был (насколько нам известно) первым, кто подробно изобразил схватки Геракла с дикими зверями, собранные из разрозненных рассказов в "Теогонии", и составил "Труды Геракла"; для этого он, возможно, воспользовался различными местными традициями.

2. Теперь мы переходим к боевым подвигам Геракла, которые, судя по всему, были призваны изобразить завоевания дорийцев в Пелопоннесе. Нам достаточно обратить внимание на рассказ о том, что Геракл под конец своей жизни, будучи князем Микенским,¹⁸²² передал Спарту от Гиппоконтидов в руки Тиндарея, а после завоевания Пилоса у Нелея передал его Нестору,¹⁸²³ чтобы увидеть совпадение традиции и истории. Обстоятельства, которые в основном способствовали формированию этих традиций, лучше всего проследить на примере битвы в Пилосе. Доля Аида в этом приключении, когда этот бог был сам ранен смелым сыном [Зевса](#)¹⁸²⁴, может считаться, [pg 436] согласно связи, установленной выше, как перенесенная из Эфиры, где Аид был более склонен к защите угнетенных городов, чем в [Пилосе](#)¹⁸²⁵. Но Геракл, как говорят, разрушил Пилос, потому что Нелей не очистил его от убийства [Ифита](#)¹⁸²⁶; действие, которое Деифоб впоследствии совершил в храме Аполлона в Амиклее.¹⁸²⁷ Здесь, кажется, предполагается, что *Æchalia*, родной город Ифита, находился в Мессении, что, как мы показали [выше](#)¹⁸²⁸, не было первоначальной традицией.

3. Влияние исторических фактов на мифологию наиболее четко прослеживается в легенде о том, что Геракл основал Олимпийские игры, когда вернулся с победой из экспедиции против Элейского Авгея.¹⁸²⁹ После этого тот же герой отмечает первую Олимпиаду как праздник всего Пелопоннеса, с различными сражениями, в которых побеждают герои из Тирина, Тегеи, Мантинеи и Спарты.¹⁸³⁰ Именно Геракл установил пятилетний период и установил священное перемирие.¹⁸³¹ Его привоз дикой оливы из Гипербореи и посадка [pg 437] в роще Алтиса, вероятно, были заимствованы из традиций Северной Греции,¹⁸³² в которых Геракл был представлен как более тесно связанный с Аполлоном, чем в обычных пелопоннесских легендах. Кроме того, следует отметить, что Геракл во время своей экспедиции в Элиду, как сообщается, основал или посетил несколько храмов Аполлона в Фенее и [Тельпусе](#)¹⁸³³, которые лежали на дороге, соединявшей перешеек и север Греции с [Олимпией](#)¹⁸³⁴. Однако нам не составит особого труда датировать традицию о том, что Геракл основал Олимпийские игры, более поздним временем, чем Олимпиада Ифита; поскольку с этого периода элейцы проводили фестиваль и, следовательно, проявляли особое почитание Геракла, вряд ли можно считать войну с *Элисом* причиной учреждения этого фестиваля, если бы сообщение не было передано из более раннего периода. Постоянное требование Пизы вернуть ей председательство в играх как древнее право, однако, является одним из нескольких обстоятельств, которые делают вероятным, что она когда-то пользовалась этой привилегией, прежде чем фестиваль приобрел свою последующую известность; и что Геркулес, которому была воздвигнута очень древняя деревянная статуя в Пизе [1835 года](#), даже в этот ранний [pg 438] период считался основателем: к этим фактам легко присоединяется история о войне с Элисом. Бой с Аугеем, сыном Гелия, кажется, был в значительной степени заимствован из эпиротанской басни о Герионе.

4. Прослеживая различные этапы, которые привели к формированию пелопоннесской мифологии Геракла, мы ни в коем случае не ставили перед собой задачу подробно вникнуть в детали этого вопроса, что вывело бы нас далеко за рамки настоящего исследования; различие между древней и новейшей частями традиции настолько неопределенно, что

точное разделение этих двух явлений практически невозможно. Уже достаточно сказано, чтобы показать, как часто одна и та же легенда появляется в разных формах, и, следовательно, что какая-то первоначальная версия была по-разному изменена в разных местах. Мы раз и навсегда напомним тем, кто считает северную легенду о Геракле более поздней, чем пелопоннесская, потому что последняя упоминается ранними эпическими поэтами, что нужно искать какой-то более высокий источник, чем несколько случайно сохранившихся отрывков этих поэтов: его следует искать (если он вообще есть) в какой-то связанной мифологической традиции, которой конкретные басни обязаны своим появлением и развитием.

Изучение истории басен, действие которых происходит в колониях или странах, с которыми греки не были знакомы до позднего времени, сравнительно легкая задача, поскольку события, на которых они основаны, происходили в эпоху нашего исторического знания. В то же время аналогия этих фактов, достаточно установленных, позволяет нам строить предположения относительно тех, которые окутаны сказочной [pg 439] неясностью; мы можем рассуждать от того, что мы знаем, к тому, чего мы не знаем.

5. Из Спарты поклонение Гераклу распространилось в ее колониях, особенно в [Тарентуме](#)¹⁸³⁶ и Кротоне. В последнем городе Геракл пользовался почестями [основателя](#)¹⁸³⁷, как сообщается, он основал его по возвращении из Эритреи.¹⁸³⁸ После этого традиция его очищения и искупления была перенесена из Амikleи в Лаконии в Кротон, чему немало способствовала высокая репутация, которой пользовалось поклонение Аполлону в этом городе. Поэтому на монетах этого города мы видим юного героя, сидящего с луком, колчаном и стрелами перед пылающим алтарем, на котором он сжигает ветвь лавра.¹⁸³⁹ С этим связано предание о том, что Филоктет положил стрелы Геракла в храм Аполлона Алеуса в Кротоне, откуда они, как говорят, были принесены кротонцами в храм Аполлона в пределах их города.¹⁸⁴⁰ На монетах этого города Геракл часто изображается с кубком в руке, либо в лежачей, либо в прямой позе. Аллюзия объясняется следующей историей: Геракл, которого всегда мучила жажда, попросил немного вина в Кротоне; но хозяйка дома отговорила мужа от того, чтобы он откупорил бочонок для незнакомца; поэтому женщины этой страны никогда не пили вина.¹⁸⁴¹

6. Наши читатели, как мы полагаем, хорошо знакомы [pg 440] с басней о Геракле на острове Кос, рассказанной [Гомером](#)¹⁸⁴². События, способствовавшие ее возникновению, - это, прежде всего, существование нескольких знатных родов Гераклидов, происхождение которых, согласно древним традициям, было связано с завоеванием Эфиры, хотя впоследствии говорили, что они произошли от предполагаемого пребывания Геракла на самом острове, где предок этих семей произошел от связи с дочерью меропийского царя. Этот вымысел о его пребывании на Косе возник из-за ошибочного представления о некоторых церемониях, которые там практиковались: ведь особенность культа, о котором идет речь, когда жрец на празднике ἀντιραχία, отмечаемом весной, надевает женское платье (как Геракл, по преданию, переодевался в женскую одежду)¹⁸⁴³, выдает азиатское происхождение; это побудило поэтов древности считать Геракла из Коса отождествленным с иддейскими дактилями.¹⁸⁴⁴ Это платье, вероятно, носили и в лидийском поклонении [Сандону](#)¹⁸⁴⁵ (которого греки называли Гераклом); ведь Омфала, как говорят, облачила этого слабоумного героя в прозрачную одежду, окрашенную сандиксом, - обычай, который, очевидно, возник в связи с каким-то праздником. Мужчина, описанный как раб похотливой женщины, был символическим изображением мягкой и сладострастной элементарной [pg 441] религии; в то время как та же аллегория была отнесена греками к рабству Геракла в доме Эврисфея. Эта легенда впервые упоминается Ферекидом, затем Элаником Лесбосским

(который ссылается на традиции, бытовавшие в городе Ацеле)¹⁸⁴⁶, а также Геродотом, чья генеалогия древних царей Лидии - Геркулеса, Алкея (из греческой мифологии, Белуса, бога Вавилона), Нина (Ниневия), Агрона и др, ссылается на ассирийское происхождение древних лидийских царей и удивительным образом согласуется с утверждением, что Геракл-Сандон или Сандес изначально был ассирийским божеством, принадлежащим к той же религиозной системе, что и Белус.¹⁸⁴⁷

7. Теперь мы переходим к басне родственного происхождения, басне о Хайласе. К Хиласу обращались в середине лета у фонтанов коренные жители Вифинии¹⁸⁴⁸, задолго до того, как греки основали свой город Киос; последние же приняли историю о мальчике, упавшем в воду, связав ее (поскольку они поклонялись Гераклу как своему основателю)¹⁸⁴⁹ с басней об этом герое. Действительно, ранее существовала очень похожая легенда, в которой приспешником Геракла был (согласно Элланику) Феомен, сын Феодама, царя дриопов¹⁸⁵⁰. Смерть Литиерса была во Фригии темой древней песни; и кто же еще должен был убить его, по преданию греков, как не тот, чьей силы боялись во всех странах варвары?¹⁸⁵¹ Греки без колебаний ввели такие [pg 442] разнородные материи в свою мифологию. Геракл, даже в том месте, где зародилось его поклонение, был представлен как герой, обладающий огромной силой за границей: он был защитником границ и (если мне будет позволено такое выражение) походов: впоследствии, когда его поклонение было принято всей Грецией, он считался общим защитником греческих колонистов. Так, он изображен борцом за территорию Гераклеи на Понте против аборигенов Бебриса и защитником Кирены против местных ливийцев. Весьма вероятно, что битва с Антеем,¹⁸⁵² который обрел новые силы от соприкосновения с землей, была лишь эмблемой борьбы греческих колонистов с ливийскими ордами, которые, хотя и часто побеждались, всегда появлялись из пустынь в большом количестве. Таким образом, басня о Геракле и Бусирисе была придумана в то время, когда греки впервые стали известны в Египте и имели еще лишь слабое знакомство с этой страной; по этой причине Геродот высмеивает ее как глупую выдумку ионийцев. Бусирис, как мне кажется, был именем главного божества с добавлением артикля. В этой истории он описывается как свирепый тиран, который приказывает принести Геракла в жертву, пока тот, внезапно опомнившись, не убивает тирана и его трусливую свиту.

8. Пытаясь примирить эти противоречивые традиции и объединить их в единую историю, греки, естественно, нашли некоторое сходство [pg 443] характера между Гераклом и финикийским богом Мелькартом, сыном Ваала и Астарты (Ἀστὲρία). Именно существованию храма Геракла в Гадире обязана своим происхождением басня о том, что этот герой закончил там свое путешествие после битвы с Герионом; а соседние столбы Геракла или Бриарея¹⁸⁵³ первоначально считались делом рук Мелькарта. Карфагенский Геракл также представлялся странником и завоевателем;¹⁸⁵⁴ его уделом был остров Сардиния;¹⁸⁵⁵ этот остров также вошел в греческую мифологию: говорят, что он также прошел через Испанию.¹⁸⁵⁶ Открыватель пурпурного цвета в тирийской традиции - тот же человек;¹⁸⁵⁷ перепел был для него священным, запах этой птицы воскресил его после смерти.¹⁸⁵⁸ Как ни велика была путаница между дорийской и финикийской традициями в отношении Геракла, их все же можно легко отличить друг от друга; И первое следствие их объединения, возможно, прослеживается в желании Дориея, сына Анаксандрида, основать царство у горы Эрикс, поскольку Геракл ранее [pg 444] завоевал эту страну;¹⁸⁵⁹ теперь на горе Эрикс существовало поклонение и имя финикийской Афродиты (Астарты), а также, вероятно, ее сына Мелькарта.

9. Несмотря на длинное отступление, в которое нас завело изучение нашего предмета, мы боимся, что следующие положения, которые мы пытаемся утвердить в результате

предыдущего исследования, ни в коем случае не будут нести в себе убеждение для всех читателей. Однако мы можем быть уверены, что какие бы следы элементарной религии ни были обнаружены в этой басне, они были дополнениями, полностью расходящимися с ее первоначальной структурой. Основополагающей идеей всей героической мифологии можно назвать врожденное гордое сознание силы, с помощью которого человек стремится поставить себя вровень с богами, причем не под влиянием мягкой и благосклонной судьбы, а путем труда, страданий и борьбы. Гераклу приписывается высшая степень человеческого страдания и мужества: его характер настолько благороден, насколько это можно было представить в те грубые и ранние времена; но он отнюдь не представлен свободным от недостатков человеческой природы; напротив, он часто подвержен диким, неуправляемым страстям, когда благородное негодование и гнев страдающего героя перерастают во френдзону.¹⁸⁶⁰ Однако каждое преступление искупается новым страданием; но ничто не сломит его непобедимого мужества, пока, очищенный от земного разложения, он не взойдет на гору Олимп и не получит прекрасную Гебу в качестве своей [pg 445] невесты, в то время как его тень угрожает испуганным призракам в Аиде.¹⁸⁶¹ Как в басне об Аполлоне божество спускается в круг человеческой жизни, так в Геракле чисто человеческая сила возносится к богам. Геракл также соответствует последнему из упомянутых божеств в своих божественных атрибутах, как отвратитель зла (ἀλεξίκακος и σωτήρ);¹⁸⁶² который Cætæans довели до того, что поклонялись ему как уничтожителю кузнечиков (κορνοπίων), а Erythræans - как убийце виноградного червя (ἵποκτόνος).¹⁸⁶³ Мы не можем, однако, согласиться с Геродотом, который выводит обожествление Геракла из сочетания финикийского или иддейского бога и фиванского героя, поскольку Геракл пользовался божественными почестями и в таких местах (как Мессена и [Марафон](#)¹⁸⁶⁴), где подобное слияние едва ли можно представить. Но он - божество, представляющее высшее совершенство человечества, а потому [pg 446] образец и цель человеческого подражания; и вершина героической энергии проявлялась там, где человеческое переходило в божественное. Его жизнь и действия на земле в древней мифологии совершенно человечески; а те басни, которые возвышают его над человечеством, например, те, в которых говорится о борьбе с великанами,¹⁸⁶⁵ выдают более позднее происхождение.

10. О том, насколько мало древняя мифология стремилась лишить Геракла всякого чувства человечности, можно судить по различным чертам его характера. Геракл, независимо от того, приглашен он или нет, является веселым гостем и не отстает в удовольствиях. Этим объясняются частые упоминания о нем как о большом любителе поесть (βουθοίνας) и выпить, а также геркулесовы кубки и кушетки. Первоисточником всех этих вымыслов была древняя традиция о пребывании Геракла вместе с Цейксом и Дексаменом: более того, они могут быть прослежены до церемоний, соблюдаемых во время его поклонения и праздников.¹⁸⁶⁶ Дорийцы,¹⁸⁶⁷ как и афинские комические поэты и сатирики, просто переняли общий план истории, дополнив детали в соответствии со своей фантазией и юмором: последние добавили несколько шуток над обжорством своих соседей-беотийцев.¹⁸⁶⁸ Именно Геракла, прежде других героев, мифология стремилась поместить в смехотворные ситуации; и [pg 447] иногда становился объектом шутовства других. Так было в басне о Серкопах (о них рассказывается в смехотворной эпической поэме, приписываемой Гомеру)¹⁸⁶⁹, которые представлены как попеременно забавляющие и раздражающие героя. В произведениях искусства они часто изображаются в виде сатиров, которые отнимают у героя колчан, лук и дубину.¹⁸⁷⁰ Геракл, раздосадованный их оскорблениями, привязывает двух из них к столбу, как это изображено на барельефе Селинуса,¹⁸⁷¹ и уходит со своим призом. К счастью для обидчиков, задние части Геракла загорели от постоянного труда и воздействия атмосферы, что напомнило им о старом пророчестве, предупреждавшем их остерегаться человека с таким цветом [лица](#)¹⁸⁷², и это совпадение заставило их разразиться [pg 448] неумеренным

приступом смеха. Это удивило Геркулеса, который поинтересовался причиной и сам так развеселился, что отпустил обоих пленников на свободу. И вообще, ни одна компания не соответствует характеру Геракла, даже в его обожествленном состоянии, лучше, чем сатиры и другие последователи Вакха, что можно легко доказать на примере многих произведений греческого искусства. Похоже также, что веселье и шутовство часто сочетались с праздниками Геракла: так, в Афинах существовало общество из шестидесяти человек, которые в праздник Диомея Геракла нападали и развлекали себя и других остроумными выпадами.¹⁸⁷³ Далее мы покажем, как эти представления возникли из-за склонности дорийской расы к бурлеску и комическому.¹⁸⁷⁴

[pg 451]

Приложение I.

О поселениях, происхождении и ранней истории македонского народа.

Общий очерк страны.¹⁸⁷⁵

1. В Термическом заливе, современном Салоникском заливе, в море впадают три реки значительной величины на очень небольшом расстоянии друг от друга, но которые встречаются в этом месте в очень разных направлениях. Самая крупная из них течет с северо-запада и сейчас называется (как и во времена Цеце и Анны Комнины) Бардарес (или Вардар), а в древности носила имя Аксий. Ее течение увеличивается большими притоками с обеих сторон, и главным образом Эригоном, который течет с гор Иллирии.¹⁸⁷⁶ Следующая по порядку река течет с запада; она теперь называется в глубине страны Потова, а на побережье Карасмак: ее древнее название, как видно из отрывков Геродота и Страбона, было Лидия, или Лудияс.¹⁸⁷⁷ И, наконец, после многих поворотов и изгибов, [pg 452] с юго-запада течет Галиакмон, ныне называемый Бихлиста; во времена Геродота он впадал в море через то же устье, что и Лидия, вероятно, расширенное болотами; на современных картах промежуток между этими двумя реками представлен как очень **небольшой**¹⁸⁷⁸. Легко понять, что весь этот приморский район должен был быть низким и болотистым, и поэтому Пелла, как отмечает Ливий, из всех городов страны лучше всего подходила на роль крепости македонских царей и места хранения их сокровищ, поскольку она лежала, как остров, в болотах и топях, образованных соседними озерами и реками. Эти болота назывались выразительным именем βόρβωρος, или грязь.¹⁸⁷⁹

2. Хотя устья этих рек находились так близко друг от друга, протяженность гор, долин и равнин, которые они пересекали на своем пути, была очень значительной и составляла, согласно современным картам, 140 географических миль с севера и юга и более 60 с востока на запад. Аксий, вместе с его второстепенными ответвлениями, проходит от великой Скардийской цепи, которая в дальнейшем получила названия Орбелус, Скомиус и Хем; в то время как течение Галиакмона проходит близко к высотам горы Олимп (часть которой в более поздние времена называлась Камбунийскими горами), а значит, и к границам Фессалии. Оба хребта идут под прямым углом от великой горной цепи, рассекающей

верхнюю часть Греции в направлении с северо-запада на юго-восток, южные части которой носят название Пинд, хребет в сторону Фессалии и Эпира - Лакмон, [1880](#) а дальше к северо-западу он называется [pg 453] Кандавской [цепью](#)[1881](#) и горой Барнус.[1882](#) Она тянется за всем названным районом и образует как бы позвоночник, к которому, подобно ребрам, прикреплены горы Иллирии, Эпира, Македонии и Фессалии. От этой цепи отходят две линии гор, которые разделяют долины Галиакмона и Аксиуса. Название хребта между Галиакмоном и Лидией известно по упоминанию горы Бермиус над [Берёй](#)[1883](#), а Берёя - это, несомненно, современная Верия или Кара [Верия](#)[1884](#), расположенная у северного берега Галиакмона. В дальнейшем будет показано, что Дисорум - это название горы, разделявшей Лидию и Акий.[1885](#) А хребет, который, простираясь на юг от Скардийской цепи, отделял долину Акия от равнин на востоке, назывался (по крайней мере, в одном месте), как мы знаем из рассказа Фукидида о походе одрисского царя,[1886](#) Церцином.

3. Долины за упомянутым хребтом - это долины Стримона и Ангиты. Как Акий впадает в море в заливе на западе, так и Стримон соединяется с морем к востоку от Халкидского полуострова. Недалеко от своего устья Стримон образует озеро, в которое впадает Ангит; поток значительных размеров, его русло лежит к западу от Стримона. То, что восточный поток - это древний Стримон (несмотря на мнение большинства современных географов), очевидно, во-первых, из его размеров, во-вторых, из названия Струма, которое он носит сейчас, и, в-третьих, из утверждения [Геродота](#)[1887](#), что округ Филлис простирался на юг до Стримона и на запад до Ангита; следовательно, он лежал выше места слияния [pg 454] этих двух рек и озера, которое они образовали своим слиянием. Хребет, лежащий к востоку от Стримона, назывался, по крайней мере, там, где он расширяется вдоль побережья, Пангеем.[1888](#)

Этого достаточно, чтобы дать общее представление о географической структуре региона, древние обитатели которого составляют предмет настоящего исследования.

Древние названия нескольких районов.

4. Теперь мы будем следовать главным образом полным и точным описаниям Геродота, касающимся районов, расположенных вблизи устьев трех только что упомянутых рек. Во-первых, Мигдония, расположенная на берегу Термического залива и вокруг древнего города Термы, простиралась, по словам Геродота, до Акия, который отделял этот район от [Боттиаиса](#)[1889](#); с этим утверждением согласуется и то, что небольшая река Эхеидор (вероятно, современный Галлико), впадавшая в море на болотах возле Акия, в нижней части своего течения проходила через [Мигдонию](#)[1890](#). На востоке этот район простирался еще дальше; озеро Больбе, за Халкидикой, находилось либо в Мигдонии, либо рядом с ней.[1891](#) Фукидид, правда, говорит, что Мигдония простирается до [Стримона](#)[1892](#), но это не может быть согласовано с рассказом Геродота (который, похоже, обладал очень точными знаниями об этом регионе), что как приморский район к западу от Стримона, в котором находился греческий город Аргилус, так и земля дальше вглубь страны, называлась [Бисалтия](#)[1893](#). На другой стороне, над Мигдонией, находился (согласно Геродоту) округ Крестоника, из которого к побережью вытекала река Эхеидор.[1894](#)

[pg 455]

5. За Акием, к западу от потока, сразу после Мигдонии, находился Боттиаис, который с другой стороны был ограничен объединенным устьем Галиакмона и [Лидии](#)[1895](#); таким образом, по направлению к морю он заканчивался узкой клинообразной полосой. На этом участке земли находились города Ихне и Пелла,[1896](#) первый из которых был знаменит древним храмом,[1897](#) а Пелла стала впоследствии царской резиденцией, расположенной на

озере Лидии, на расстоянии 120 стадий от устья реки, [1898](#) и теперь может быть узнана по этим признакам ее положения и некоторым руинам. Согласно Страбону, [1899](#) река Аксий также служила границей Боттиэи и отделяла ее от округа Амфакситис, который назывался по противоположному и более возвышенному берегу Аксия. [1900](#) Фукидид также называет эту местность Боттиэей, [1901](#) и отличает ее от более поздних поселений боттийцев, расположенных около Олинфа, в Халкидике, [1902](#) которые он называет Боттикой. [1903](#)

6. Объединенное устье Лидии и Галиакмона, согласно Геродоту, [1904](#) разделяло Боттиаис и Македонис; ведь он может иметь в виду только это общее устье, когда говорит, что "реки Лидия и Галиакмон разделяют округа [pg 456] Боттиаиса и Македониса, соединяя свои воды в одном русле". Далее вглубь страны только Лидия должна была быть границей Боттиаиса, так как иначе этот округ не заканчивался бы узкой полосой земли; Македонис, следовательно, начинался на западном берегу Лидии. В этом месте больше ничего нельзя сказать о значении слова Macedonis, пока не будет определено точное значение некоторых других имен.

7. Продвигаясь вдоль побережья, Пиерия граничит с Македонией, районом под горой Олимп, [1905](#) хребет которой, где он подходит к этому побережью, разделяется на две ветви, одна из которых тянется к устью Пеней, а другая - к устьям трех рек. Геродот не может считать, что Пиерия простирается до Галиакмона, [1906](#) так как здесь их разделяет Македония; [1907](#) он, вероятно, полагает, что она начинается сразу за горой Олимп и разделяет узкую равнину на морском побережье и внутренние районы. [Страбон1908](#) и [Ливий1909](#) указывают, что южной границей Пиерии был район Диума; [1910](#) таким образом, эти авторы оставляют узкую и гористую полосу земли, простирающуюся в сторону Темпе, которая не принадлежала ни Пиерии, ни Фессалии. Главным местом в Пиерии была Пидна, называвшаяся также Цидной (по Стефану Византийскому), а в более поздние времена Цитроном (по эпитомисту Страбону) [1911](#), название которого до сих пор сохраняется на том же месте.

8. Теперь, когда мы переходим от побережья к внутренним районам, нас покидает, правда, прекрасный рассказ Геродота; но, тем не менее, есть высказывания [pg 457] достаточно точные, чтобы определить древнее название каждого района. Высокая и гористая долина Галиакмона, согласно Ливию, [1912](#) называлась Элимеей; жители - элимиоты, которых [Фукидид1913](#) причисляет к македонянам: округ также называется по их имени Элимиотис. [1914](#) Отсюда идет дорога в Фессалию через Камбунские горы; [1915](#) и еще одна почти непроходимая дорога в Итолию через горную страну к югу от Элимеи. [1916](#) К Элимее примыкала ПАРАВЕЯ, плодородная область, близ истоков реки, называемой Ауус, Иас или Ауус; [1917](#) а к югу снова лежала ПАРОРЕЯ, которую пересекала река Арахт в начале ее течения из-под горы Стимфа; [1918](#) страна близ этой горы называлась Стимфея (или Тимфея), простираясь до истоков Пеней и земли этиев. [1919](#) Атинтанцы простирались за пределы страны паравеев, а в пределах страны хаонийцев - до Иллирии. [1920](#) Все эти районы действительно отделены от Элимеи великой цепью Пинда; но из-за их связи с этим регионом некоторый рассказ о них в этом месте был просто необходим.

9. Небольшая долина в районе Элимеи, которая лежала [pg 458] севера в сторону иллирийских дассаретов, [1921](#) была населена македонцами Орестами, [1922](#) которые, несомненно, были названы так от гор (ὄρη), в которых они обитали, а не от Ореста, сына Агамемнона. В долине [Орестиса1923](#) находилось озеро, в котором на полуострове располагался город Селетрум. [1924](#) Его местоположение совпадает с современной Касторией; [1925](#) и не приходится сомневаться, что дикая горная долина у истоков Галиакмона и была древним Орестисом. Другая долина в Элимее называлась Алмопия, или

Алмония, древнее поселение минийцев, расположенное на границе Македонии и Фессалии, по-видимому, недалеко от Пиерии. [1926](#)

10. Элимея, вместе с окружающими ее горными районами, была холодной и пересеченной, и ее трудно было возделывать. [1927](#) Так же обстояло дело и с соседним районом Линкестис, страной Линкестов, которые получили свое название, согласно македонской инфлексии, [1928](#) от Линка. [1929](#) Линк был названием всего округа, а не какого-то одного города, так как в ранние времена в этой части были только неукрепленные деревни [pg 459] . [1930 год](#) был окружен со всех сторон горами; узкий проход между двумя высотами был главной дорогой к побережью. [1931 год](#). Положение Линка точно определяется ходом эгнатской римской дороги из Диррахия, которая, после пересечения Иллирийских гор у Пилон (или ворот), вела через Гераклею Линкестис и через страну линков и эордов в Эдессу и [Пеллу](#) [1932](#) , а также тем фактом, что mons Bora Ливия, т.е. Бермий, лежал к югу от [него](#) [1933](#). Следовательно, Линкесты должны были населять горы к югу от Эригона и часть долины, в которой протекала эта река; это подтверждают и другие рассказы древних писателей. [1934](#) Страна эордов также определяется направлением Эгнатского пути, т.е., к востоку от Линка и западу от Эдессы, а значит, в долине Лидии, к северу от [Элимеи](#) [1935](#) и Бермиуса. [1936](#) Чтобы попасть из долины Эригона в Фессалию, путь проходил сначала через Эордею, а затем через Элимиотис. [1937](#)

11. Деуриопус (ἡ Δευρίοπος) - название местности вдоль Эригона, [1938](#) которая считалась принадлежащей Пэонии, [1939](#) и, вероятно, лежала к востоку от Линкестиса [pg 460] и к северу от Эордэи. [1940](#) В Пэонии также находился труднопроходимый район Пелагонии, к северу от Линкестиса, [1941](#) имевший на своих северных границах узкие проходы, которые защищали его от вторжений дарданцев. [1942](#) Что касается других частей обширной территории ПЕОНИИ (по сравнению с которой Македония первоначально была очень незначительной по размерам), то необходимо лишь отметить, что, начинаясь у истоков Аксия, берега которого с ранних времен были заняты пеонийскими племенами, узкая полоса земли простиралась до Пеллы и [побережья](#) [1943](#) , хотя, согласно Геродоту, она не могла фактически достигать края моря, поскольку границы Боттиаиса и Мигдонии в этом месте соприкасались друг с другом. [1944](#) Непосредственно к северу от Нижней Македонии, то есть к северу от македонской Пэонии, Боттиаиса и Мигдонии, но без границ этих провинций, находился, как мы узнаем от Фукидида, [1945](#) пеонийский город ДОБЕР. [1946](#) Царь одрисийцев прибыл, по словам того же писателя, [1947](#) в это место, пройдя из своих владений, ограниченных Стримоном, через гору Церцину; в этом проходе он оставил справа пеонийцев, а слева синтов и мæди (фракийские расы, которые, по предположению Гаттерера, проникли сюда, когда сиропеонийцы и другие перешли в Азию). [1948 г.](#) На основании этих сведений я осмелился указать гору, город и народы, о которых шла речь, как видно из прилагаемой карты. [1949 г.](#)

[pg 461]

Ранняя история царства Македонии.

12. В связи с темой этой диссертации нам пришлось подробно рассказать о нескольких провинциях и подразделениях Верхней и Нижней Македонии. Теперь мы должны приступить к исследованию постепенного расширения Македонского царства; в этом исследовании нам, к счастью, помогает ясный и точный рассказ Фукидида, который жил на небольшом расстоянии от страны, которую он описывает, и чьи слова я теперь переписываю следующим образом (II. 99.):

"Соответственно, подданные Ситалцея собрались в Добере и приготовились к походу в Нижнюю Македонию, которая находилась под властью Пердикки. Ибо к македонянам принадлежат 1950 линкесты и элимиоты, а также другие народы в верхних частях страны, которые являются союзниками и подданными 1951 этих македонян, 1952 но, тем не менее, имеют своих собственных князей. Нынешнее царство Македония, простирающееся вдоль моря, 1953 впервые было занято Александром, отцом Пердикки, и его предками из рода Темена, родом из Аргоса; они правили им, силой оружия изгнав пирийцев из Пиерии, 1954 а боттиевцев из района, называемого Боттией. Они также получили в Пелонии узкий участок земли, простирающийся вдоль реки Аксий до Пеллы и моря; а по другую сторону Аксия они владеют районом под названием Мигдония, вплоть до Стримона, из которого они вытеснили эдонов. Они также вытеснили эордов из страны, которая до сих пор называется Эордией, а из Алмопии - альмопийцев. Эти македоняне покорили и другие народы, которыми владеют сейчас, а именно: Антема, Крестонию и Бисалтию, а также большую часть самих македонян. Вся эта страна вместе называется Македонией; и Пердикка, [pg 462] сын Александра, был ее царем, когда Ситалций совершил свое вторжение".

13. Эта глава ни в коем случае не была исчерпана теми, кто писал о росте и размерах Македонии; поэтому будет удобно изложить некоторые из основных выводов, которые можно сделать из нее.

Прежде всего, очевидно, что македонцы, совершившие завоевание и основавшие Македонское царство, *не были всем македонским народом*, а лишь его частью. В горных районах существовали македонские племена, которые имели собственных царей и изначально не подчинялись Теменидам. Это македонские горцы Геродота, 1955 из округа которых через гору Олимп (Камбунскую цепь) проходил путь в страну перребиев, 1956 а начинался он, как уже отмечалось, в Элимее. 1957 Элимиоты, согласно Фукидиду, были одной частью этих македонян, линкесты - другой; оба эти названия были просто местными, а полное название - "македоняне в Линке" или "македонские линкесты". 1958 Из остальных македонских народов в горных округах нам известно только имя Орестæ; 1959 по крайней мере, нет других, которые могли бы с уверенностью считаться македонянами.

14. Таким образом, название Македония не было, как полагают некоторые, присуще только царской династии Эдессы, но было *национальным именем*; настолько, что даже утверждается, что эти самые цари покорили, среди прочих народов, значительную часть македонян. Племена Верхней Македонии долгое время управлялись своими собственными князьями; так, Антиох был царем Орестæ в начале Пелопоннесской войны; 1960 Линкесты находились под властью Арибея, сына Бромера, 1961 прадеда Филиппа Македонского по материнской линии, который вел [pg 463] свое происхождение (не совсем без вероятности) от Вакхиадов, древних правителей Коринфа; 1962 и эти цари, хотя и признавали верховенство Теменид, тем не менее, иногда были их ближайшими, а потому самыми опасными врагами. 1963

15. Македонское царство Теменидов, с другой стороны, началось с одной точки македонской территории, относительно положения которой существуют различные традиции. Согласно Геродоту, три брата из рода Теменидов, Гауан, Аероп и Пердикка, бежали из Аргоса в Иллирию, оттуда перешли в Лебею в Верхней Македонии и служили царю этой страны (который, следовательно, был македонцем) в качестве пастухов. Оттуда они снова бежали и поселились в другой части Македонии, у садов Мидаса, на горе Бермий (близ Берьеи), откуда покорили соседнюю страну. 1964 Фукидид настолько признает эту традицию, что также считает Пердикку основателем царства, причисляя к нему восемь царей вплоть до Архелая. 1965 Однако другой рассказ, согласно которому до Пердикки было

три царя, несомненно, не является простой выдумкой позднейших историков, а был заимствован, как и другой, из какой-то местной традиции. Согласно этому рассказу, Македонское царство началось в Эдессе, [1966](#) которая была захвачена Караном из рода Теменидов и названа им в честь козопаса, оказавшего ему помощь, *Ægæ* (или *Ægeæ*). [1967](#) Оба рассказа имеют одинаково традиционный характер и, несомненно, македонского происхождения, только последний, похоже, был объединен с аргивской [pg 464] легендой о брате могущественного Фидо, ушедшем на север. Притязания Эдессы подтверждает и тот факт, что даже когда она давно перестала быть царской резиденцией, она все еще оставалась местом погребения царей из рода Темена и, как говорит Диодор, *очагом* их империи. [1968](#)

16. Эдесса и сады Мидаса были расположены между Лидией и Галиакмоном, в первоначальной и собственной стране Македонии, согласно рассказу Геродота. [1969](#) О том, как владения Теменидов распространялись вдоль морского побережья и вглубь страны, мы узнаем от Фукидида, который объединяет в один общий обзор все завоевания этих князей до царствования Александра. Ибо полагать, что Александр, сын Аминта, совершил все эти завоевания, - ошибка, которая опровергается даже словами Фукидида; хотя очень возможно, что этот принц, который начал свое правление около 488 года до н. э., во времена персидской власти, и был шурином персидского генерала, [1970](#) значительно увеличил территорию, которую он унаследовал. [1971](#) Но когда Ксеркс предпринял свой великий поход против Греции, власть Македонии была столь же велика, как ее описывает Фукидид; и ее территория не была значительно увеличена в промежутке между персидской и пелопоннесской войнами. [1972](#) Ведь во время Персидской войны (481 г. до н.э.) пирийцы уже были поселены в Новой Пиерии, особенно в укрепленных городах Фагрес и Пергам у подножия горы Пангеум, [1973](#) куда они ушли после того, как были изгнаны македонскими царями из Старой [pg 465] Пиерии; [1974](#) фактически, это расширение территории Македона должно было произойти в ранний период. [1975](#) Более того, Олинф, согласно Геродоту, [1976](#) по крайней мере до 480 г. до н. э., находился в руках боттиев, которые, как мы узнаем от Геродота и Фукидида, изгнали македонцев из древнего Боттиаиса; следовательно, этот район находился под властью македонцев до экспедиции Ксеркса. В-третьих, Аминтас Македонский в 510 году до н. э. предложил Антема в Халкидике Писистратидам; [1977](#) тот же аргумент применим и в этом случае. Однако Антем вряд ли мог быть получен без Мигдонии, и то, что этот район был тогда частью македонских владений, вероятно также по следующим причинам. [1978](#) Согласно Фукидиду, македонцы изгнали народ *эдонян* [1979](#) из Мигдонии, между реками Аксий и Стримон; соответственно, эдоняне всегда упоминаются как обитатели к востоку от Стримона, у подножия горы Пангеум. Эннеа Ходой, расположенная на восточном берегу Стримона, согласно Геродоту, [1980](#) находилась во владении эдонян в 481 году до н. э.; а Мирцин, расположенный в том же регионе, был признан Гистиеем, когда он его посетил, эдонским районом, [1981](#) как и в более поздний период Брасидасом. [1982](#) Последний аргумент сам по себе не является решающим, поскольку можно сказать, что эдоняне были [pg 466] только объединены завоеваниями македонян, а до этого владели дальней стороной Стримона; но в сочетании с предыдущими фактами он представляет собой почти неопровержимое доказательство того, что вся страна от озера Больбе до небольшого расстояния от Пеней была подчинена македонянами до экспедиции Ксеркса. [1983](#) *Метона* [1984](#) была единственным прерыванием в ряду македонских владений на этом побережье; эта эретрийская колония была основана около 746 г. до н. э. [1985](#) вместе с многочисленными эвбейскими поселениями в Халкидике [1986](#) в период, когда власть македонцев на этом побережье была очень незначительной; она сохраняла свою независимость до правления Филиппа, сына Аминта [1987](#).

17. Из установленных фактов мы можем вывести результат, имеющий определенное значение в отношении языка Геродота. Этот историк четко и ясно проводит различие между Боттией и Македонией во времена Ксеркса, [1988](#) хотя несомненно, что Боттия тогда находилась под властью македонцев; [1989](#) Македонию он относит к одному округу с Боттией, Мигдонией и Пиерией. Таким образом, он использует это слово не в *политическом*, а в *национальном* смысле, то есть ограничивает его территорией, изначально принадлежавшей македонскому народу, не применяя его к странам, которые были получены путем завоевания или политического перевеса. Таким образом, Македония Геродота - это территория македонян до всех завоеваний Теменид. Она простиралась, согласно Геродоту, узким языком до самого моря; [1990](#) этот факт игнорируется Фукидидом, когда [pg 467] он заявляет, что побережье Нижней Македонии было впервые уменьшено Теменидами. [1991](#) Однако дальше от моря древняя Македония была гораздо шире и включала в себя районы Эдессы и Бери, Линкестиса, Орестиса и Элимеи: ведь Македония, по словам Геродота, с одной стороны была ограничена горой Олимп (которая в том месте, где она граничит с Пиерией, [1992](#) называлась Македонскими горами), [1993](#) а с другой - горой Дисорум. Последний факт явствует из утверждения того же писателя, что от Празийского озера в Македонию вел очень короткий путь, сначала к шахте, из которой Александр получил огромный запас драгоценного металла, а затем, перейдя через гору Дисорум, вы оказались в [Македонии](#) [1994](#), то есть, очевидно, в *первоначальной* Македонии, поскольку он прямо исключает из нее шахту, которая была присоединена впоследствии. Прасийское озеро находилось в Пеонии, [1995](#) но в каком районе - неизвестно; [1996](#) гору Дисорум же можно искать только к северу от Эдессы и к западу от Аксия, Македония же не простиралась так далеко до этой реки. Таким образом, она помещена на прилагаемой карте, на которой также указаны древние границы македонской расы в соответствии с результатами, полученными в ходе этих исследований.

18. О других завоеваниях македонцев мало что нужно говорить. Захват Бисалтии и Крестоники произошел после экспедиции Ксеркса. Фракийский царь этих областей бежал [1997](#) и оставил свое царство в жертву амбициям Александра, который таким образом расширил свою империю до устья Стримона, что было границей Македонии во времена Фукидида и Сцилакса и оставалось таковой до времен Филиппа. В какое время македонские цари подчинили себе ту часть Пеонии, которая простиралась вдоль Аксия, Эордэю, Алмопию и значительную часть самих македонян, нам нигде не сообщается; [pg 468] И делать вывод из Фукидида, что эти завоевания последовали за завоеваниями Мигдонии и предшествовали завоеваниям Антема, было бы излишним придавать значение порядку, в котором он излагает события; в котором, хотя он, несомненно, уделял некоторое внимание хронологии, контекст требовал, чтобы завоевания на побережье были упомянуты раньше завоеваний во внутренних районах. Эордею, вероятно, была покорена в очень ранний период, поскольку она лежала, как бы, в бухте македонской территории; и очень достоверная традиция была сохранена Дексиппом, [1998](#) что Каран в ранние времена заключил союз с Орестом против эордеев и основал свое царство, покорив этот народ. На самом деле, первым народом, с которым пришлось столкнуться царю Эдессы, были эорды. Согласно Фукидиду, они были почти истреблены истребительной войной; небольшое их число бежало в Фиску в Мигдонии; [1999](#) поэтому этот район еще не был под властью македонцев.

19. Среди тех частей Македонии, которые были покорены Теменидами, можно особенно выделить Элимею, что явствует из следующих обстоятельств. Пердикка, сын Александра,

воевал со своим братом Филиппом, с которым он должен был разделить свое царство,²⁰⁰⁰ а также с Дердасом.²⁰⁰¹ Братья Дердаса перед началом Пелопоннесской войны в союзе с афинянами совершили поход с нагорья, то есть из одного из районов Элимеи, Орестиса или Линка, во владения Пердикки.²⁰⁰² Дердас²⁰⁰³ был сыном Аррибея и двоюродным братом Пердикки; ясно, что Темениды уменьшили Элимею, и ветвь той же семьи получила этот округ в свое особое владение.²⁰⁰⁴ [pg 469] Отдельный царь Элимеи существовал и во времена Архелая,²⁰⁰⁵ который, несомненно, принадлежал к той же семье. Позднее Дердас упоминается как князь элимиотов во времена Агесилая,²⁰⁰⁶ который, возможно, был тем же самым или, скорее, отцом Дердаса, на сестре которого женился Фила Филипп.²⁰⁰⁷ Подобным образом существовал отдельный суверенитет в Стимфее и соседней Эфикии, который принадлежал семье Полисперхона, генерала и опекуна царства.²⁰⁰⁸ Хотя в более поздние времена все эти отдельные суверенитеты, как Теменидов, так и других князей, были подавлены, а Верхняя и Нижняя Македония стали управляться из города Пелла одинаково; тем не менее, племена нагорья все еще оставались в определенной степени отдельными. Даже в битве при Арбеле элимиоты, линкесты, орестеи и тимфеи сражались отдельными телами;²⁰⁰⁹ а в истории Македонии несколько человек обозначены фамилией Линкесты. Пердикка происходил из Орестиса, Птолемей - из Эордеи.²⁰¹⁰ Жители низменности, напротив, были известны под общим названием македонян; следует отметить, что в Пиерии, Боттиаисе, Мигдони, Эордее и Алмопии также жили македоняне,²⁰¹¹ которые, согласно Фукидиду, изгнали местных жителей; тогда как Пеония и Бисалтия, а также Антема и Крестоника оставались во владении тех племен, которые были поселены там до завоевания Македонии.²⁰¹²

[pg 470]

О национальном родстве исконных македонцев.

20. Из того, что уже было сказано, ясно, что независимо от расширения империи Теменидов существовал македонский народ, обладавший с ранних времен значительной территорией, - Македония Геродота, площадь которой на прилагаемой карте составляет 2400 географических квадратных миль.

Теперь мы переходим к самому важному вопросу, который должен быть рассмотрен в этом трактате, а именно: к какой национальной семье принадлежали эти македонцы.

21. Древние писатели выделяют в этих краях следующие народы, причем так заметно, что очевидно, что они отличались друг от друга по костюму, языку и образу жизни.²⁰¹³

Во-первых, фракийцы. Этот великий народ простирался на север до Дуная, куда входили геты;²⁰¹⁴ на восток за море, поскольку тинийцы и вифиняне были фракийцами;²⁰¹⁵ на запад в пределах горы Хем до Стримона, где он граничил с пеонийцами, еще более расширяясь по мере удаления от побережья, поскольку в него входили также трибаллы.²⁰¹⁶ На западном берегу Стримона синтийцы и маэдианцы были фракийского происхождения;²⁰¹⁷ к этому народу также следует отнести бисальтов и эдонов.²⁰¹⁸ Фракию часто представляют как территорию, которая в ранние времена простиралась до Фессалии и Беотии²⁰¹⁹, но только в связи с поселениями пирийцев у подножия Олимпа и Геликона; и есть много причин не считать этих пирийцев той же расой, *что и другие* [pg 471] фракийцы,²⁰²⁰ хотя они и назывались фракийцами в ранний период.²⁰²¹ Гомер, по крайней мере, проводит различие между этими двумя народами, когда заставляя Вот отправиться с Олимпа в Пиерию, затем в Эматю, а после этого к снежным горам **фракийцев**²⁰²², под которыми он, должно быть, подразумевает горы Бисалтэ к северу от Эдессы, поскольку богиня в следующий раз опирается на гору Афон и остров Лемнос.

Во-вторых, ПЕОНИЙЦЫ. Многочисленная раса, разделенная на несколько мелких [народов](#)²⁰²³, населявшая районы по рекам Стримон и Аксий и страны к северу от [Македонии](#)²⁰²⁴, вместе с Паннонией, по мнению [греков](#)²⁰²⁵. Эта раса, согласно *их собственной традиции* (если рассказ Геродота верен)²⁰²⁶, ведет свое происхождение от древних тевкров в Троеде; при переходе из этой страны их сопровождали, по словам Геродота, мисийцы, тот самый народ, который впоследствии дал название Мисийцам большой [провинции](#)²⁰²⁷.

В-третьих, иллирийцы простирались на юг до Акроцераунских гор, на восток - до горной цепи, известной в южных частях под названием Пинд, и на север - до Саве и Альп, если Геродот прав, считая венецианцев [иллирийцами](#)²⁰²⁸.

В-четвертых, народы греческого происхождения.

22. Поскольку македонцы, очевидно, принадлежали к одной из этих четырех рас, наша цель - выяснить, *к какой именно*. Прежде всего, греки могут быть исключены, поскольку, хотя несомненно, что большая часть македонского народа имела греческое происхождение, греки всегда считали македонцев варварами. -Александр Филэллин,²⁰²⁹ отец Пердикки, представлял [pg 472] себя персам (согласно Геродоту)²⁰³⁰ как грека и сатрапа над македонцами; тот же самый человек, которого согнали с дистанции в Олимпии за то, что он был варваром, пока он не доказал свое аргивское происхождение.²⁰³¹ Устье Пеней, или Магнезийская гора Гомоле, с восточной стороны считалась границей Греции,²⁰³² если только Магнезия также не была исключена. Сказочные генеалогии, представляющие Македона сыном Зевса и Тии дочерью Девкалиона или потомком Эола, не имеют никакого веса против преобладающего мнения греков; они также не обязательно имеют большую древность, чем сороковая Олимпиада (620 г. до н. э.),²⁰³³ в которой он был рожден. До н. э.)²⁰³³, в это время Даная и Египет, а также другие расы, столь же не связанные между собой, были сделаны членами одной семьи, когда скифы произошли от [Геракла](#)²⁰³⁴, и даже весь известный мир был включен в обширные генеалогии. На основании этих генеалогий было бы неразумно предполагать, что в Македонии было какое-либо другое переселение греков, кроме теменидского.

23. Во-вторых, что касается ПЕОНИЙЦЕВ: можно показать, что македоняне не принадлежали к этому народу.²⁰³⁵ Владения македонян в Пеонии точно описаны древними писателями; до времен Пердикки это была лишь узкая полоска земли;²⁰³⁶ Пелагония и Пеония по Аксию были покорены позднее. Поскольку пеонийская раса не была коренной в этом районе, ее [pg 473] особенности, вероятно, легко было распознать во времена Фукидида, и поэтому это национальное название встречается чаще, чем названия отдельных провинций. По этой причине большое значение следует придавать тому обстоятельству, что древние никогда не относят самих македонцев к пеонийской расе; возможно, его следует считать решающим. С другой стороны, если речь идет об аборигенных расах с большой территорией и многочисленными связями, такое разделение вряд ли оправдывает подобный вывод, поскольку в противном случае македоняне, которых Геродот и Фукидид упоминают *вместе* с фракийцами и [иллирийцами](#)²⁰³⁷, не могли бы принадлежать ни к одному из этих двух племен, а значит, и ни к одному из великих национальных подразделений человеческого рода. Однако очевидно, что древние часто использовали национальное название в ограниченном смысле, только для обозначения основной массы народа, и не применяли его к отдельным его частям, которые приобрели характер, отличный от характера остальной части их нации,²⁰³⁸ не имея в виду под этим выражение разнообразия происхождения. Поэтому сейчас нам остается только выяснить, были ли македонцы *фракийцами* или *иллирийцами* по происхождению.

24. Мы сделаем один шаг к заключению, спросив, в какой области были первоначальные поселения македонян; этот вопрос следует тщательно отличать от предыдущего расследования относительно первой стоянки Теменид. Продолжая это исследование, мы вскоре убеждаемся, что даже в самой Македонии, из которой были завоеваны Боттиэя, Пиерия и Эордэя, значительная часть не всегда находилась во владении македонян. Гомер, например, помещает Эматию, а не Македонию, между Пиерией и Халкидикой.²⁰³⁹ Несколько писателей вообще утверждают, что Македония [pg 474] в древности называлась Эматией;²⁰⁴⁰ но, как будет показано далее, они имеют в виду не столько нагорье, сколько страну около устьев трех рек и близ Эдессы.²⁰⁴¹ Сказочное название было возобновлено в более поздние времена; [Птолемей](#)²⁰⁴² даже упоминает район Эматии, в котором находились города [Кирр](#)²⁰⁴³, Эйдомена, Гордыня, Эдесса, Беррия и Пелла. Согласно [Фукидиду](#)²⁰⁴⁴ и другим источникам, Эйдомена и Гордыня должны были располагаться в области около Аксия, в рано покоренной стране [Пэонии](#)²⁰⁴⁵; отсюда можно понять, как [Полибий](#)²⁰⁴⁶ мог сказать, что Эматию, расположенную вдали от побережья, в ранние времена называли Пэонией. Ведь древнее название Эматии, очевидно, было распространено на участок земли, принадлежащий Пелонии, который, возможно, до пеонийских завоеваний когда-то носил название Эматии.

25. Хотя страна вокруг Эдессы и ближе к морю первоначально не называлась Македонией, мы находим следы существования названия македонян в его древних формах *Μακέται* и *Μακεδνοί*, в холмистой местности у хребта Пинда. Геродот говорит, что дорийская раса, изгнанная из Хестиэотиса и обитавшая под горой Пинд, называлась македонским народом.²⁰⁴⁷ Под этим утверждением он явно подразумевает, что дорийцы были впервые известны под этим именем в Пелопоннесе;²⁰⁴⁸ а другие его представления о развитии этого народа лишь [pg 475] подходят к детству истории. Но, несмотря на ошибочные выводы рассказчика, из его заявления можно сделать вывод, что македоняне когда-то жили у подножия Пинда, то есть, вероятно, в одном из районов Верхней Македонии, провинцию которой Орестис может считать (на основании предположительной поправки) древней Макетой.²⁰⁴⁹ Ведь речь не может идти о фессалийском районе, поскольку Макета, как мы знаем из определенных свидетельств, была фактически частью Македонии. В пользу этой гипотезы говорит и древнее отчество македонских царей - "Аргеады", если оно правильно выведено Аппианом из Аргоса в "Орестисе"²⁰⁵⁰.

Тот факт, что древняя страна македонян находилась вблизи горного хребта на границе Иллирии и на значительном расстоянии от Фракии, делает вероятным, что Мацеты были иллирийской крови; но эта вероятность уступает аргументам, вытекающим из языка, костюма и манер трех народов. Поэтому возникает вопрос: на кого больше всего походили македонцы - на *иллирийцев* или *фракийцев*?

26. У [Страбона](#)²⁰⁵¹ есть отрывок, который, ввиду его важности, я приведу почти полностью, опуская лишь те части, которые не нужны для контекста. В нем содержится описание населения Эпира.

"Из эпирских народов хаонийцы и феспротийцы населяют побережье от Кераунских гор до Амбракийского залива; за Амбракией находится амфилохийский Аргос. Амфилохийцы также эпироты, вместе с племенами, лежащими более в глубине и примыкающими к горам Иллирии - молоттами, атаманами, эфиками, тимфеями, орестами, парорейями и [pg 476] атинтанами, одни живут ближе к македонцам, другие - к Ионическому морю. К ним примешивались иллирийские народы, жившие к югу от горной страны, а также те, что жили

за Ионическим морем. Ибо между Эпидамном и Аполлонией и Кераунианскими горами живут [Быллионы2052](#) , [Таулантис2053](#) , [Парфины2054](#) и [Брыги2055](#) , а на небольшом расстоянии, у серебряных [рудников2056](#) [Дамастия2057](#) , утвердились Перисады; [Энхелии2058](#) и [Сесарасии2059](#) также названы обитающими в этих краях; кроме них, Линкесты, земля Деуриопа, пелагонский [Триполис2060](#), Эорды, Элимея и Эратира.[2061](#) В ранние времена у этих племен были свои правители: энхелийцами управляли потомки Кадма, линкестами - Аррибæй, молотами - Пирр и его потомки, а всеми остальными народами этого племени управляли местные князья. Однако со временем, когда один народ получил власть над другими, вся территория, за исключением небольшого участка за Ионическим морем, вошла в состав Македонской империи. Также страна около Линкеста, Пелагонии, Орестии и Элимеи когда-то называлась Верхней Македонией, а в более поздний период - Независимой. Некоторые, кроме того, называют Македонией всю страну до Коркиры, объясняя это тем, что жители почти похожи друг на друга в способе ношения волос, в их диалекте, в [pg 477] использовании хламид и в других моментах такого рода: некоторые из них также говорят на двух языках".

27. И хотя исторические рассказы Страбона, собранные в то время, когда эти регионы были опустошены завоеваниями и претерпели множество изменений, не имеют той ценности, которой обладают сообщения Геродота и Фукидида, из них все же можно почерпнуть много информации. Прежде всего, следует отметить, что эпироты и иллирийцы не рассматриваются как два совершенно разных народа. Эпироты, хотя в ранние времена и были кровно связаны с греками, всегда считались [варварами2062](#) , а Амбракия - последним городом [Греции2063](#) ; этот факт, поскольку первоначальные жители были теми же, что и в Аркадии, то есть пеласгами, можно объяснить только предположением, что в их состав входили иллирийцы. Поэтому в то позднее время было трудно отличить эпиротов от иллирийцев; поэтому Страбон включает атинтанцев, которые, согласно [Сцилаксу2064](#) и [Аппиану2065](#) , были иллирийцами, в число эпиротских народов. Более необычно, что он считает эпиротами Орестæ, которых [Полибий2066](#) признает македонским народом; но это, вероятно, можно объяснить тем обстоятельством, что они отделились от дела македонских царей, что обеспечило им независимость в год города 556.[2067](#) Но другие жители Верхней Македонии, настоящие македонцы, такие как линкесты и элимиоты (которые, вероятно, будучи горцами, сохранили свои национальные отличия в большей степени, чем цивилизованные племена низменности), рассматривались Страбоном, как ясно видно из контекста, как исконные иллирийцы; и вряд ли можно сомневаться, что они все еще несут характерные признаки этого народа.

[pg 478]

28. "Некоторые, - как говорит Страбон, - дают всей стране до Коркиры название Македония". Что это за страна, точно известно из свидетельств других писателей и даже самого Страбона. Римляне называли именем Македонии всю область, открывавшую им путь в [Македонию2068](#); она простиралась от Лисса (ныне Алессіо) на реке Дрилон (ныне Дрин) либо до Эгнатской [дороги2069](#) , которая начинается между Диррахием (или Эпидамном) и Аполлонией, либо, как говорит Страбон в цитируемом в тексте отрывке, на небольшое расстояние [дальше2070](#). Жители этой страны, вне всякого сомнения, были иллирийцами (таулантисцами, парфянами, дассаретийцами и т. д.[2071](#)); именно об их одежде и языке говорит здесь Страбон. Важность этих моментов для выявления национального родства легко понять. Действительно, многие греческие племена можно отличить только по способу ношения волос.[2072](#) Хламида пришла к грекам от фессалийцев, и Сапфо - первый греческий писатель, который упоминает о ней:[2073](#) впоследствии она стала военной одеждой и

вытеснила ἰμάτιον, как в Италии сагум занял место тоги, которая изначально подпоясывалась для военных нужд.²⁰⁷⁴ Из этого отрывка Страбона мы узнаем, что она была национальным обычаем иллирийских племен выше Эпира. Подобным образом широкополая, низкая, плоская меховая шапка, известная под названием causia, которая была одинаково не похожа на коническую²⁰⁷⁵ κυνέη беотийцев и низкий, сужающийся²⁰⁷⁶ πέτασος, носили эти северные народы; Это была [pg 479] древняя государственная одежда македонян, которую носили их цари²⁰⁷⁷, и она же была одеждой этолийцев²⁰⁷⁸ и молоссов.²⁰⁷⁹ Но самым примечательным обстоятельством является то, что та же шапочка, которую носят всадники на тетрадрахмах первого Александра, украшает голову иллирийского царя Гентиуса.²⁰⁸⁰ Наконец, решающим доказательством является сходство диалекта. То, что все эти вещи были введены македонскими царями, кажется крайне маловероятным, если вспомнить, что их власть не распространялась даже на всю эту территорию, что она часто прерывалась и вообще не была такой, чтобы изменить характер, язык и костюм местных жителей.²⁰⁸¹

Из этих фактов, я думаю, можно с уверенностью заключить, что македонцы, то есть народ, который изначально и правильно так назывался, принадлежал к иллирийской расе.

О смешении македонцев с другими, в частности греческими, расами.

29. Однако, несмотря на установленный результат, несомненно, что македоняне, продвигаясь с гор, вытеснили и частично присоединили к себе другие, в частности греческие, племена.

Первой в их руки попала древняя Эматия, близ Эдессы и вниз к морю, которую Геродот [pg 480] включает в свою Македонию. Название страны, по-видимому, греческое²⁰⁸², а поскольку Юстин²⁰⁸³ однозначно утверждает, что древние жители Эматии были пеласгами, и поскольку Эсхил, поэт, весьма сведущий в традиционных преданиях, также считает, что царство пеласгов простиралось через Македонию вплоть до Стримона²⁰⁸⁴, следует считать, что, согласно древней традиции, первые жители этой страны принадлежали к пеласгической расе. Также справедливо, руководствуясь несколькими параллельными случаями в греческой мифологии, интерпретировать легенду о том, что аркадский герой Ликаон когда-то правил в Эматии и был отцом Македона²⁰⁸⁵, как означающую просто последовательность, в соответствии с порядком времени, пеласгов и македонцев в занятии этой страны; что язык мифологии выражает, помещая соответствующие расы в генеалогическую связь. Так, Фессал назван сыном Ясона, хотя фессалийцы принадлежали к другой расе, нежели ранние правители страны, минийцы из Иолка, одним из которых был Ясон. Поэтому весьма вероятно, что при первом завоевании этого участка земли, то есть собственно Македонии, народы, родственные грекам, смешались с иллирийцами.

30. Одним из самых ранних завоеваний македонцев была страна их соседей²⁰⁸⁶ - фригийцев, то есть, согласно наиболее точным утверждениям, район около горы Бермий, где в древних садах царя Мидаса, сына Гордия (в которых Силен был однажды взят в плен), во времена Геродота все еще цвела столистная роза²⁰⁸⁷. Весьма вероятно, что, как утверждает Геродот, этот район был занят македонянами до прихода теменидов²⁰⁸⁸; с [pg 481] которым совпадает традиция о древнем переселении фригийцев²⁰⁸⁹, однако также говорится, что Каранус теменид изгнал Мидаса²⁰⁹⁰. То, что фригийцы или бриги были полностью включены в македонскую нацию, не может быть предположено, поскольку мы слышим довольно поздно о племени бригов (Βρύγοι) в этих областях, которые тогда жили у Иллирийских гор за Лихнидом, недалеко от Эригона, вместе с дассаретянами²⁰⁹¹. Племя мигдонян, союзное фригийцам²⁰⁹², должно быть, в ранний период затерялось среди других народов, поскольку их территория была занята эдонами еще до того, как стала частью Македонской империи.

31. При дальнейшем распространении македонцы столкнулись с греческими, пеонийскими и фракийскими племенами, которые они либо покорили, либо вытеснили; но ни одно изгнание, вероятно, не было настолько полным, чтобы не оставить после себя часть прежнего населения. Среди изгнанных таким образом племен были боттиевцы, которые, как сообщалось, пришли из Афин и [Крита2093](#) ; эта традиция вряд ли могла бы возникнуть, если бы они не были греческим народом. Следует также обратить внимание на греческие и пеласгические названия городов на Аксиусе: Ихнэ, Эйдоменэ, Гортиния, Аталант и Европус,[2094](#) которые не могли быть [pg 482] даны пеонийцами, и поэтому должны быть отнесены к древнегреческому населению этого региона. За Аксием, согласно Геродоту,[2095](#) находился Крестон, поселение фессалийских пеласгов, откуда они, похоже, не были изгнаны победившими македонцами; эта участь постигла альмопийцев, древнюю ветвь минийцев.[2096](#) Уже было показано, что общее население Лейбетрума и Пиерии было, по крайней мере, почти родственным грекам: названия Λεῖβηθρα - хорошо поливаемая долина, Πίρπλη - полноводный фонтан и Ἐλικὸν - извилистый ручей, очевидно, [греческие2097](#).

Что касается эордов, древних врагов Македона, то неясно, следует ли их считать принадлежащими к иллирийской или пеонийской [расе2098](#) ; из этого последнего племени в ранние времена небольшая, а в более поздние - значительная часть подчинялась македонским царям. И, наконец, подчинение бисальтов, которые еще во времена Персея составляли одну из главных частей Македонского царства,[2099](#) присоединило к этому народу людей чисто фракийского происхождения; и македонцы в политическом смысле этого слова все больше и больше переставали быть обычной нацией, или совокупностью людей одного происхождения и одного языка.[2100](#)

Об обычаях и языке македонцев.

32. Чтобы проследить национальный характер и происхождение македонцев, необходимо выделить три вещи: во-первых, их иллирийское происхождение; во-вторых, распространение [pg 483] на другие, по большей части греческие страны; в-третьих, внедрение правящей семьей цивилизации и утонченности греков; Это, должно быть, получило большое распространение, когда Александр Филэллин предложил себя в качестве участника Олимпийских игр и почитал поэзию Пиндара;[2101](#) и когда Архелай, сын Пердикки, - тот самый человек, который первым основал множество крепостей и дорог в своих владениях и сформировал македонскую армию,[2102](#) а может быть, даже намеревался обзавестись флотом,[2103](#) - [имел](#) при своем дворе трагедии Еврипида, исполнявшиеся под руководством этого поэта. Эти изменения, должно быть, затронули главным образом области, расположенные вблизи моря; ведь они не могли в равной степени распространиться на македонцев Линка и т. д., которые даже во времена Страбона имели наибольшее сходство с дассаретянами, тавлантами и т. д. и до свержения македонской монархии сохраняли свои древние дикарские привычки, которые Ливий лишь отчасти объясняет их общением с соседними [варварами2104](#).

33. Поскольку иллирийские племена никогда не отличались оригинальной изобретательностью, придумывая новых богов и устанавливая новые способы поклонения; с другой стороны, они охотно перенимали чужие [божества2105](#) , мы находим у македонцев больше следов чужой, чем родной религии. Некоторые божества, которые греки сравнивали с Силенами, они называли Сауадæ,[2106](#) а иллирийцы называли их Деуадæ;[2107](#) македонский бог здоровья носил имя Даррон;[2108](#) у соседних [pg 484] стимфейцев также был бог Дейпатирус.[2109](#) Широкое распространение поклонения Вакху должно быть связано с близостью и ранним общением с Пиерией: мацестийские женщины прославлялись как дикие и неистовые вакханки.[2110](#) Поклонение Зевсу, по-видимому, было завезено среди

македонцев с горы Олимп.²¹¹¹ Гераклу, героическому прародителю царской семьи, поклонялись в их первой резиденции в Эдессе.²¹¹² В Македонии его называли Аретом.²¹¹³ Поклонение Аполлону, которое было распространено в Македонии в ранний период,²¹¹⁴ вероятно, было привезено из Пифиума на горе Олимп.²¹¹⁵ Поклонение Пану в Пелле, возможно, было завезено от пеласгов.²¹¹⁶

34. Многие варварские обычаи северных народов, как, например, татуировка, преобладавшая у иллирийцев и фракийцев,²¹¹⁷ должны были выйти из употребления в Македонии очень рано: ведь греки не забыли бы упомянуть о таких очевидных доказательствах варварского происхождения. Даже обычай древних македонцев, согласно которому каждый человек, не убивший врага, должен был носить какой-нибудь позорный знак, был прекращен во времена Аристотеля.²¹¹⁸ Однако в очень позднее время никому не разрешалось садиться за стол, если он не убил кабана без сетей.²¹¹⁹ К большому сожалению, мы знаем гораздо меньше о древних обычаях иллирийцев, чем фракийцев, о необычных и почти азиатских обычаях которых мы достаточно хорошо осведомлены. Доктрина бессмертия души в поклонении Залмоксису, причитания трауси при рождении человека,²¹²⁰ и заклятие [pg 485] самой дорогой жены на могиле мужа у синтов и мæди,²¹²¹ указывают на особый взгляд на человеческую жизнь, чуждый греческому характеру, но знакомый многим восточным народам.²¹²² Преобладающий обычай многоженства,²¹²³ покупка и наследование женщин, продажа детей в рабство,²¹²⁴ и наслаждение опьянением,²¹²⁵ являются следами подлинного варварского характера; ни одного из них, насколько мне известно, нельзя обнаружить у македонцев; кроме того, у них никогда не встречаются фракийские имена (например, Котис, а также имена, оканчивающиеся на *cetes* и *sades*).

35. С другой стороны, военный нрав, который еще отличал македонцев во времена Полибия, личная доблесть и определенная свобода духа были национальными чертами этого народа. Задолго до того, как Филипп организовал свою фалангу, македонская кавалерия пользовалась большой славой, особенно горная, о чем свидетельствуют тетрадрахмы Александра Первого. В меньшем количестве они атаковали тесные ряды фракийцев Ситалсиса, полагаясь на свое мастерство всадника и защитные доспехи.²¹²⁶ Спартанец Телеутий также восхищался конницей Элимеи;²¹²⁷ а во времена завоевания Азии все еще сохранялся обычай, согласно которому царь не мог осудить кого-либо, не заручившись предварительно голосом народа или армии.²¹²⁸

36. Трудно говорить о македонском языке, так как следует отличать не только *древний* период родного наречия от *второго*, в который был частично введен греческий язык, после того как Архелай, Филипп и Александр познакомили свой народ с афинской цивилизацией, но и от *третьего*, в котором многие варварские слова были переняты от смешения македонцев [pg 486] с индийцами, персами и египтянами.²¹²⁹ Тем не менее можно составить вполне обоснованное мнение о форме македонского языка в первый период. Во-первых, у них было много варварских слов для обозначения очень простых и обычных предметов,²¹³⁰ которые, безусловно, можно считать иллирийскими, поскольку среди *очень скудных* реликтов иллирийского и атаманского *диалектов*²¹³¹ есть некоторые слова, которые также упоминаются как македонские.²¹³² Действительно, если не предположить какую-то варварскую основу такого рода, то вряд ли можно объяснить, что македонский язык был все еще непонятен грекам во времена Александра Македонского.²¹³³ Однако нельзя сомневаться, что греческий перешел в иллирийский диалект до введения афинской литературы, и что их сочетание породило беспородный язык, который впоследствии был назван македонским. Имена существительные на α, такие как ἱππότης, πολίτης и т. д., не могли

быть заимствованы у афинян; но фессалийцы, дриопийцы и, вероятно, все пеласги использовали эту форму.²¹³⁴ То, что в ранний период произошло некоторое смешение с греческим языком, доказывается также большим и почти необъяснимым изменением, которое греческие слова претерпели в устах македонцев, которые, по-видимому, не могли произносить буквы Ф и Θ, и [pg 487] поэтому они всегда заменяли В на первую, а Δ на вторую,²¹³⁵ возможно, из-за особенностей иллирийского народа. С другой стороны, в македонском языке был согласный ОУ или V, о чем свидетельствует Волустана, название страны вокруг Олимпа,²¹³⁶ Кандавские горы,²¹³⁷ и т. д.; и таким образом, как в этом, так и в первом отношении он приближался к вокальной системе латинского языка.

[pg 488]

Примечание к карте Македонии.

Поскольку прилагаемая карта полностью скопирована с карты Барбье дю Бокажа в том, что касается страны, я лишь отмечу некоторые важные моменты, в которых большая карта Турции Эрроусмита, частично основанная на совершенно других авторитетах, отличается от нее. На этой карте небольшое озеро к востоку от Лихниса, или Лихнитиса (Охридского озера), не связано ни с одной рекой, текущей к побережью, а горы к западу от него тянутся непрерывно на юг. (Возможно, это верно: см. с. ⁴⁵³, примечание g. [Примечание переводчика: Это сноска к "Кандавской цепи", начинающаяся словами Птолемея]). Галиакмон поднимается к северу гораздо сильнее, чем на карте Барбье-дю-Бокажа. Кара-Су, которая, несомненно, является Эригоном, впадает в Лидийское озеро. (Неверно, согласно Страбону, цитируемому в р. ⁴⁵¹, примечание b. [Примечание переводчика: Это сноска к "горам Иллирии", начинающаяся словами "Его исток в этих горах"])). Лидия имеет более длинное русло и поднимается в Иллирийских горах. Современная река Галлико, которую я называю Эхеидором, впадает на некотором расстоянии от моря через озеро в Аксий. Приток Ахелуса, называемый древними Инахом, поднимается дальше к югу, под Пиндской цепью (вопреки мнению авторов, цитируемых на с. ⁴⁵², прим. f. [Примечание переводчика: Это сноска к "Эпиру Лакмона", начинающаяся словами "Или Лакмус"]). В целом, карта Барбье дю Бокажа, без сомнения, является более точной".

[pg 489]

Приложение II. Генеалогия Эллина.

Во всех дошедших до нас рассказах о ранней греческой истории прослеживается особая тенденция - сводить все к *генеалогической* форме. Этому немало способствовало мнение позднейших историков, что каждый город и долина получили свое название от какого-нибудь древнего принца или героя; так, даже Павсаний встречается с людьми, которые все объясняли с помощью генеалогий;²¹³⁸ например, из пифийского храма в Дельфах сделали сына Дельфа Пифиса, принца ранних времен. Эта тенденция, однако, явно основана на подлинном древнем языке мифологии. У изобретателей этих сказочных повествований народы, города, горы, реки и боги становились реальными *людьми*, которые находились друг с другом в человеческих отношениях, объединялись в семьи и вступали в брак. И хотя во

многих случаях подобные вымыслы легко просматриваются, а смысл связи легко расшифровывается, все же эти генеалогии, поскольку в них не было ничего произвольного и причудливого, в последующие времена выдавались за реальную историю; и ранние, и поздние историки, будучи полностью уверенными в их общей точности, использовали их для установления своего рода хронологии. Исходя из этих принципов, генеалогии, составленные в эпоху поздних эпических поэтов и, возможно, даже ранних историков, нельзя считать чистой выдумкой; они тоже должны были быть основаны на определенных аргументах и фактах, которые были общепринятыми в то время. Мы постараемся указать на это в знаменитой генеалогии [pg 490] основных рас греков, которая была взята из 'Νοῖαι Γεσίοδα.[2139](#)

[Примечание транскриптора: Вот отношения, показанные в таблице:

У Прометея и Пандоры был Девкалион.

У Девкалиона и Пирры была Эллина.

У Эллины были Дорус, Ксутус и Эол.

У Ксуты были Ахей и Ион].

В этом отрывке Гесиод упоминает только трех братьев, Доруса, Ксуту и Эола, не называя сыновей Ксуты; но очевидно, что в этом ряду Ксут должен также представлять какую-то расу или расы; и поскольку ни одно племя никогда не носило титул Ксути, это имя должно было использоваться Гесиодом для обозначения ионийцев и ахейян, как у Аполлодора и других писателей.[2140](#) Согласно другой традиции, возможно, столь же древней, Зевс, отец богов и людей, был вместо Девкалиона мужем [Пирры](#)[2141](#).

Очевидно, что приведенная выше генеалогия была призвана представить главные расы эллинов, или греков, как принадлежащих к одному народу; и, следовательно, она не могла быть составлена до того, как ко всему народу было применено название "эллины", которое в [Илиаде](#)[2142](#) является лишь названием небольшого племени во [Фтии](#)[2143](#). Более широкое использование этого имени приходится на период поэм, вышедших под именем [Гесиода](#)[2144](#) : впервые оно употребляется в "Сочинениях и [pg 491] днях" настоящего [Гесиода](#)[2145](#) , до которого, следовательно, вышеприведенная генеалогия не могла быть составлена. Но то, что автор ее не был произвольным вымыслом, видно из того обстоятельства, что он поставил Ксуту вместо Ахей и Иона; этим он сильно нарушил симметрию своей генеалогии. Очевидно, что он считал себя обязанным соблюдать традицию, согласно которой Ахей и Ион были сыновьями Ксуты; это не позволило ему сделать Эллина их отцом. Таким образом, остальные братья не были признаны в традиции как имеющие отцов; а некоторые неясные легенды, такие как легенда о Дорусе, сыне Аполлона,[2146](#) не получили всеобщего признания. Нет никаких сомнений в том, что Эллин был признан в древнейшей традиции. В мифологических вымыслах выдумка была связана своего рода причудливой закономерностью, а в сказочной генеалогии часть выводилась из целого, вид из рода, как низшее и подчиненное существо: так, в "Теогонии" холмы - дети земли, а солнце и луна - [света](#)[2147](#). Соответственно, поэт (или тот, кто был его авторитетом) воспевал Эола, Дора и Ксуту, прародителей народов, как сыновей Эллина, сына Зевса, или внука Прометея. Возможно, что до этой генеалогии были придуманы другие, например, что [Дорус](#) был сыном Эллина; ведь еще во времена Ликурга пифийский оракул повелел спартанцам поклоняться Зевсу Эллану и Афине [Эллании](#)[2148](#) , а судьи в спартанской [армии](#)[2149](#) и судьи на Олимпийских играх назывались элланодиками. И когда я принимаю во внимание только что процитированный знаменитый оракул и тесную связь Спарты и

Олимпии с Дельфами, священные семьи дельфийцев (Ὀλίοι), которые связывали свое происхождение с Девкалионом,²¹⁵⁰ и на [pg 492] , с другой стороны, вспоминая, что в беотийской поэме, написанной по соседству с пифийским оракулом, впервые используется слово "эллины" в этом расширенном смысле; Я не могу не предположить, что это национальное святилище эллинского имени имело большую долю в формировании этой действительно прекрасной легенды, с помощью которой все различные расы Греции, разделенные в течение стольких веков жестокими и непрекращающимися спорами, были объединены в мирное сообщество братской привязанности и согласия".

[pg 493]

Приложение III. Переселение дорийцев на Крит.

Кносус,²¹⁵¹ минойский Кносус, был даже во времена Платона первым городом на Крите и главным местом обитания критских законов и обычаев; и Платон в своем "Трактате о законах" берет одного из кносцев как представителя и защитника критских законов в целом;²¹⁵² хотя Кносус в его время пришел в упадок от внутренней коррупции, и слава о сохранении хороших законов древнего Крита вскоре перешла от него к Гортине и Ликту.²¹⁵³ Однако в более ранние времена критские законы (Κρητικοὶ νόμοι), которые Архилох даже упоминает как имеющие особый характер,²¹⁵⁴ сохранялись в Кносе в величайшей чистоте. Теперь, когда современные авторы признают, что критские законы были основаны на обычаях дорийской расы, но утверждают, что эта раса не проникала на Крит до экспедиции Гераклидов, и что впоследствии произошла миграция из Пелопоннеса, им необходимо прежде всего показать, что Кносс получил своих дорийских жителей из этой страны, то есть, вероятно, либо из Аргоса, либо из Спарты. Но если бы это было так, то память об этих миграциях, несомненно, никогда не была бы утрачена: Аргос и Спарта были бы слишком горды, чтобы иметь такую колонию. Поэтому Кносс, должно быть, получил своих дорийских жителей еще раньше, в темные века мифологии; а последующие колонии из Пелопоннеса в Ликтус, Гортину и другие места способствовали увеличению дорийского населения, которое во времена Гомера²¹⁵⁵ было ограничено частью острова, по всему Криту; как это было в [pg 494] поздние века. И в то время, которое описывает Гомер, не только язык, но и обычаи и законы, вероятно, были другими; в то время как Архилох упоминает критские законы как распространенные на всем острове. В целом, дорийцы на Крите - и это очень важный факт - никогда не находились, по сравнению с дорийцами Пелопоннеса, в отношении колонии к своей материнской стране. В Греции родительское государство - так велика была гордость высшей античности - никогда не снисходило до того, чтобы брать институты колонии за образец для своих собственных, как это было в случае со Спартой и Критом; и материнская страна никогда не приобретала жрецов из своей колонии, как это было в случае, когда пифийский Аполлон послал критских жрецов в Спарту²¹⁵⁶. Короче говоря, все свидетельствует о том, что дорийские институты были на Крите очень древними и что различие, которое в последнее время проводится между законами Миноса и дорийскими институтами и обычаями Крита - различие, прямо противоречащее единодушному свидетельству античности, - ложно и несостоятельно.

Но, сохраняя свою убежденность в существовании дорийского поселения на Крите до переселения Гераклидов, и рассматривая его как единственное средство объяснения многих фактов в религиозной и политической истории греков, автор не подразумевает, что эта

дорийская колония была точно такой же, как и более поздняя миграция дорийцев из Аргоса и Спарты. Состояние дорийцев в Хестиэотисе должно было сильно отличаться от того, которого эта же раса достигла в Пелопоннесе. Смешение с другими расами, зашедшее так далеко, что глава мифического поселения носит пеласгическое имя (Тевтамус), не согласуется с характером поздних дорийцев. В то время ни один род князей, называвших себя Гераклидами, не мог стоять во главе дорийцев; ведь на Крите Гераклиды встречаются только в городах, колонизированных из Пелопоннеса; например, в Кносе их нет. Более того, морская, а особенно пиратская жизнь (на которой было основано морское превосходство [pg 495] Миноса) не согласуется с принципами, которых придерживались дорийцы в Пелопоннесе, где они полагались на спокойное и безопасное владение землей. Однако эти принципы не могли быть развиты до тех пор, пока дорийцы были лишены доступа к богатым фессалийским равнинам и были вынуждены добывать свои скудные средства охотой и пиратством. Насколько отличалась грубая и опасная жизнь древних морских королей норманнов от гордого и безопасного существования баронов в Нормандии! И все же глаз наблюдательного историка может проследить единство национального характера даже в самых разных обстоятельствах. По такой же аналогии эта замечательная экспедиция дорийских авантюристов из Эстиэотиса на Крит объясняет ревность критян к поклонению Аполлону, древнюю связь Крита с Дельфами и раннее существование на Крите представлений о строгой регламентации общественной жизни (κόσμος).

[pg 497]

Приложение IV. История греческого конгресса или синедриона во время Персидской войны.

1. В настоящей статье я хочу проследить, каким иностранным влиянием обладала Спарта во время персидской войны и как долго ее господство в Греции оставалось неоспоримым и непоколебимым. Это видно, прежде всего, из заседаний конгресса союзных греческих государств: чтобы точно установить это, необходимо сначала определить хронологию последовательных этапов персидской войны.

В течение 481 года до н. э. (Olymp. 74. 3/4) Ксеркс вышел из своей резиденции в Сузах (Herod. VII. 20), нашел большое войско, собранное в Каппадокии, и отправился в Сарды, из которых он отправил послов в греческие города (ib. 32). Перезимовав здесь, армия весной 480 года до н. э. (Olymp. 74. 4) отправилась в [Абидос2157](#) ; когда она достигла Пиерийских перевалов, персидские посланники вернулись (ib. 131). Вскоре после этого они встретили у Фермопил греческие войска, отправившиеся в путь перед 75-й Олимпиадой и Карнейскими играми, около июня 480 г. до н. э. Битвы при Фермопилах и Артемисии в μέσον θέρος (VIII. 12.), обе, возможно, незадолго до Олимпийского фестиваля (VIII. 26). Завоевание Аттики, через четыре месяца после начала διάβασις τοῦ Ἑλληνιστοῦ (VIII. 51). Битва при Саламине, немного позже времени Ιακχός, после εἰκάς Боэдромиона Olymp. 75. 1., так как этейские ветры либо дули, либо перестали дуть [pg 498] (они дуют от летнего солнцестояния до восхода звезды-собаки), VII. 168. Мардоний зимует в Фессалии и Македонии, персидский флот у Кум и Самоса. Битва при Платее 26 или 27 числа Панема (Μεταγίτνιона), Olymp. 75. 2. 479 г. до н. э. одновременно с битвой при Микале. Год заканчивается взятием Сестоса.

2. Греки, несомненно, получили ранние сведения о приготовлениях в Персии (VII. 138), даже если история Геродота (VII. 239.) о тайном послании Демарата не соответствует действительности. В конце 481 года до н. э. они либо отказались, либо дали посланцам землю и воду (VII. 138.). Государства, отказавшиеся подчиниться, провели [конгресс2158](#) , и теперь Геродот называет их "греками, союзными против персов" (οἱ συνωμόται Ἑλλήνων ἐπὶ τῷ Πέρσῃ, VII. 148.). Это собрание, конечно, было сформировано депутатами от разных городов: о способе его формирования можно судить по месту, в котором оно заседало; и сейчас будет показано, что сначала оно собралось в Коринфе, который принадлежал к Пелопоннесской конфедерации. Таким образом, получается, что Спарта должна была созвать в Коринфе собрание, на которое внепелопоннесские государства, отказавшиеся от земли и воды, отправили посланников. Этот съезд, во-первых, положил конец внутренним разногласиям в Греции (VII. 145.), в ходе которого Хилей из Тегеи и Фемистокл, как говорят, заслужили благодарность своих соотечественников (Плутарх Фемист. 6.). Во-вторых, узнав, что Ксеркс находится в Сардах, они отправили туда шпионов и одновременно посланников в Аргос, Сицилию, Коркиру и на Крит. (VII. 145. 199.) Посланцы, по словам Геродота, были посланы лакедемонянами и их союзниками.[2159](#) Они также дали обет предать дельфийскому богу всех тех греков, которые без нужды отдали персам землю и воду (VII. 132.); лица [pg 499] , давшие этот обет, названы Диодором XI. 3. "греки, собравшиеся на конгресс на перешейке", οἱ ἐν Ἰσθμῷ συνεδρεύοντες τῶν Ἑλλήνων.

3. В этом рассказе, взятом из Геродота, остается одно противоречие, а именно: если греки не собирались до тех пор, пока не отказались от земли и воды (как следует из VII. 138. ср. 145.), то у аргивян уже не было выбора, присоединяться ли им к лиге или нет. Кроме того, отправка греческих посланников произошла бы слишком поздно, в неблагоприятный для плавания сезон, и едва ли нашлось бы время для посланий к оракулам (с. 148, 169.) и других процедур. Поэтому вероятно, что этот конгресс был сформирован до прибытия персидских посланников, которое состоялось в конце 481 г. до н. э.: и Диодор, по-видимому, прав, утверждая, что из народов одни дали землю и воду, пока персидская армия находилась в долине Темпе, а другие - после ее ухода (XI. 3.); и, следовательно, ни один не был до начала 480 г. до н. э.: до этого послы, вероятно, находились на севере; Геродот в VII. 138., по-видимому, имеет в виду только послов Дария. С этим согласуются следующие утверждения, которые он добавляет в VII. 172. "*Как только* фессалийцы узнали, что персы хотят вторгнуться в Европу" - а они должны были узнать об этом зимой 481-80 гг. до н. э. - "они отправили посланников на перешеек". Ἐν δὲ τῷ Ἰσθμῷ (то есть, в деревне, выросшей около храма Нептуна), ἕσαν ἀλισμένοι πρόβουλοι (полномочные представители, VI. 7.) τῆς Ἑλλάδος, ἀραιρημένοι ἀπὸ τῶν πολιῶν τῶν τὰ ἀμείνω φρονεουσέων περὶ τὴν Ἑλλάδα. Это собрание, пока персидский царь находился в Абидосе, а значит, очень рано, в 480 г. до н. э., отправило армию в Темп, которая вскоре вернулась (VII. 173.), и действительно вернулась на перешеек, который, следовательно, должен был быть штаб-квартирой союзной армии. Когда он вернулся, конгресс все еще заседал на перешейке.[2160](#) Этот синедрион или собрание (о котором в этом месте снова упоминает Диодор XI. 4.) теперь решил защищать [pg 500] проходы Фермопилы и Артемисия: и когда пришло известие, что персы находятся в Пиерии, διαλυθέντες ἐκ τοῦ Ἰσθμοῦ (т.е., отойдя от перешейка) ἐστρατεύοντο αὐτῶν οἱ μὲν ἐς Θερμοπύλας πεζῇ, ἄλλοι δὲ κατὰ θάλασσαν ἐπ' Ἀρτεμίσιον. Но что перешеек все еще был местом, где заседал съезд, видно из того, что туда были отправлены Сандок, Аридолис и Пентил, попавшие в руки греков перед битвой при Артемисии (VII. 195.). В это время пелопоннесцы действительно праздновали Олимпиаду, а спартанцы - Карнеи в своих [домах2161](#) , после чего, как было решено ранее, они должны были выйти на поле боя со всеми своими силами (πανδημεῖ, VII. 206. VIII. 26.). Тем не менее, постановление о том, чтобы корабли, пришедшие слишком поздно в Артемизиум, собрались в Трезенском погоне (VIII.

42.), а также другое, о том, чтобы перешеек был укреплен (VIII. 40, 71.), о котором не думали до битвы при Фермопилах, должно быть, было принято в этот промежуток времени. Диодор (XI. 16.) упоминает синедрион в связи с этим указом. Укрепления начались после Карнеи (VIII. 72.). Флотом командовал (как видно из VIII. 2, 9, 56, 58, 74, 108, 111. IX. 90.) спартанский адмирал и совет, συνέδριον из στρατηγοί или ἐν τέλει ὄντες (IX. 106.), на котором адмирал τὸν λόγον προετίθει (VIII. 59.) ставил вопрос на голосование (ἐπεψήφισε, с. 61.), и выдавал указ. Этот полководец был вооружен очень крупными силами, и Леотихид заключил союз с саамийцами (IX. 92.), и даже капитаны флота обсуждали предполагаемое переселение ионийцев (IX. 106.). Ни разу не упоминается, что флот получал приказы с Перешейка. Но то обстоятельство, что после битвы при Саламине флот отплыл на Перешеек за декретом ο ἀριστεῖα (VIII. 123.), доказывает, что Перешеек все еще был местом сбора конфедератов. Диодор также представляет этот указ как исходящий от συνέδριον (XI. 55.); вероятно, членами лиги были [pg 501] "греки", которые отказались подтвердить голос командиров (VIII. 124.). Корабли, участвовавшие в сражении, вернулись домой, так и не приняв никакого решения. В конце года, после затмения солнца 2 октября, Клеомброт вывел большую союзную армию с перешейка и вскоре после этого умер (IX. 10.). Постановление на следующий год о том, что флот должен отправиться в Эгину (VIII. 131.), могло исходить либо из синедриона предыдущего года, либо из Спарты. Ибо то, что в Коринфе больше не собирались депутаты, видно из того, что ионийские посланники отправлялись только в Спарту и Эгину (VIII. 132.); не упоминается впоследствии и перешеек как место проведения собрания, хотя он был укреплен до середины лета, до времени Гиацинтов (IX. 7.). После этого Афины, Платея и Мегара отправили своих посланников в Спарту, где находились и пелопоннесские посланники, как, например, Хилей из Тегеи (IX. 9.), который упоминался выше среди πρόβουλοι; и все они, вместе с послами трех только что упомянутых государств, как видно, называются Геродотом οἱ ἄγγελοι οἱ ἀπικρένοι ἀπὸ τῶν πολιῶν, IX. 10. Вероятно, имело место какое-то совместное действие [союзников2162](#), благодаря которому Павсаний смог собрать большую пелопоннесскую армию. После битвы при Платее в армии был своего рода военный совет, несомненно, συνέδριον τῶν ἐν τέλει ὄντων, который регулировал количество священных приношений, делил добычу (IX. 81, 85.), и определил экспедицию против Фив (с. 86.): лиц, которые были выданы, Павсаний, кажется, в Коринфе приказал казнить по своей собственной власти (с. 88.).

4. Таково содержание повествования Геродота, в котором мы можем только удивляться, что о самом замечательном событии, а именно о договоре Павсания, он не сказал ни слова: молчание можно объяснить только предположением, [pg 502] что он намеревался упомянуть о нем в другом отрывке своего незаконченного труда. Когда Павсаний с помощью союзников выиграл битву при Платее, он принес жертву на платейском рынке Зевсу Элевтерию и созвал собрание всех греков, на котором платейцы (которые ежегодно совершали определенные почетные обряды по отношению к павшим в битве - Thus. III. 58.) было обещано, что их страна и город останутся независимыми и что никто не должен нападать на них без законной причины или с намерением подчинить их себе; и что в случае несоблюдения этих условий все присутствующие союзники будут защищать их (Thus. VI. 71. cf. III. 56, 59.); соглашение, которое спартанцы впоследствии сами нарушили на том основании, что платейцы сначала несправедливо отказались от τὸ ξυνώμοτον (II. 74.). Ведь в "древнем договоре Павсания после персидской войны" было предписано, чтобы союзники в целом и платейцы в их числе оставались в мире друг с другом (Thus. III. 68. ср. II. 72.). Дальнейшие условия этого договора можно почерпнуть из Thusyd. I. 67, (поскольку речь, очевидно, идет именно об этом договоре), где эгинеты жалуются, что они не независимы "согласно договору", ибо тридцатилетнее перемирие (I. 115.) не может иметься в виду, так как оно было заключено только после подчинения Эгины (первое в Olymp. 83. 3, а второе - в Olymp. 80. 4); отсюда

также очевидно, что договор, нарушенный осадой Потидеи и исключением мегарян с рынка Аттики (I. 67, 87. cf. с. 144.), был тем же древним актом, только возобновленным более поздними договорами. Так, Плутарх утверждает, что последний запрет "противоречил общим принципам справедливости и торжественным клятвам греков".²¹⁶³ А в другом месте он упоминает, что на общем собрании греков после битвы при Платее Аристид предложил постановление о том, что греки должны ежегодно посылать депутатов и священных посланников [pg 503] в Платею, и что Элевтерия должна праздноваться каждые пять лет.²¹⁶⁴ Также было решено организовать против персов союзное греческое войско, состоящее из 10 000 тяжеловооруженных пехотинцев, 1000 кавалерии и 100 кораблей, и считать Платеи священными и неприкосновенными. Из того, что было сказано выше, ясно, сколько в этом рассказе правды, а сколько добавлено афинским пристрастием.

5. В последующие годы, когда Спарта все еще продолжала войну против персов и их союзников с помощью Павсания и Леотихида, должен был состояться конгресс, хотя и не постоянно; ведь спартанцы не стали бы определять размер "военного взноса"²¹⁶⁵ по собственному почину; и есть большая вероятность в рассказе Диодора (XI. 55.), что спартанцы вызвали Фемистокла за его участие в измене Павсания на общий совет греков, который в это время собирался в Спарте. По крайней мере, Фукидид этому не противоречит; более того, его рассказ (I. 135.) полностью совпадает в этом вопросе с рассказом Диодора. Слова ἐν τῇ Σπάρτῃ, опущенные в некоторых МСС. Диодора и подозреваемых Весселингом (однако, следует заметить, *только* эти слова), не могут быть хорошо избавлены; и даже если бы они были исключены, вся глава показала бы, что конгресс заседал в Спарте; поскольку он, очевидно, находился под лакедемонским влиянием, и поэтому собирался в Пелопоннесе; и, начиная с упомянутого выше случая, не похоже, чтобы какое-либо из его заседаний проводилось на Перешейке.

Этот рассказ также доказывает, что после того, как Павсаний вызвал отпадение ионийцев и эолийцев от Спарты, которые теперь считались отдельными союзниками Афин, в Спарте продолжал заседать конфедеративный совет, в который входили и другие государства, помимо пелопоннесцев; И [pg 504] дает новые основания предполагать, что этот отказ от спартанского союза не рассматривался как передача главного командования Афинам, но что Спарта лишь поручила афинянам, вместе с теми греками, которые жили на территории персидского царя, продолжение войны в Азии и управление всеми делами, связанными с ней; и по-прежнему считала Афины своим командованием, пока это государство не восстало в Олимпии. 79. Наконец, внутренние войны в Пелопоннесе, Olymp. 79-81, подорвали все отношения Афин и Спарты.

Конец тома I.

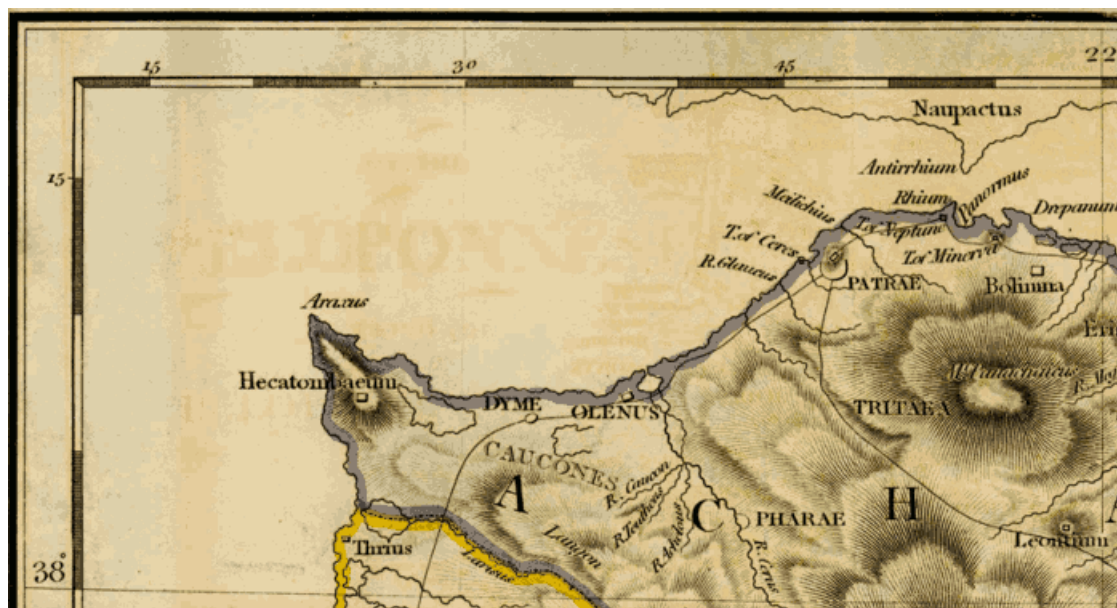
[Примечание переводчика: Следующие изображения представляют собой фрагменты большой карты, прикрепленной к переплету книги. Для того чтобы ее можно было представить в этой электронной книге, она была разделена на 16 частей. Они расположены следующим образом:]

A1 A2 A3 A4

B1 B2 B3 B4

C1 C2 C3 C4

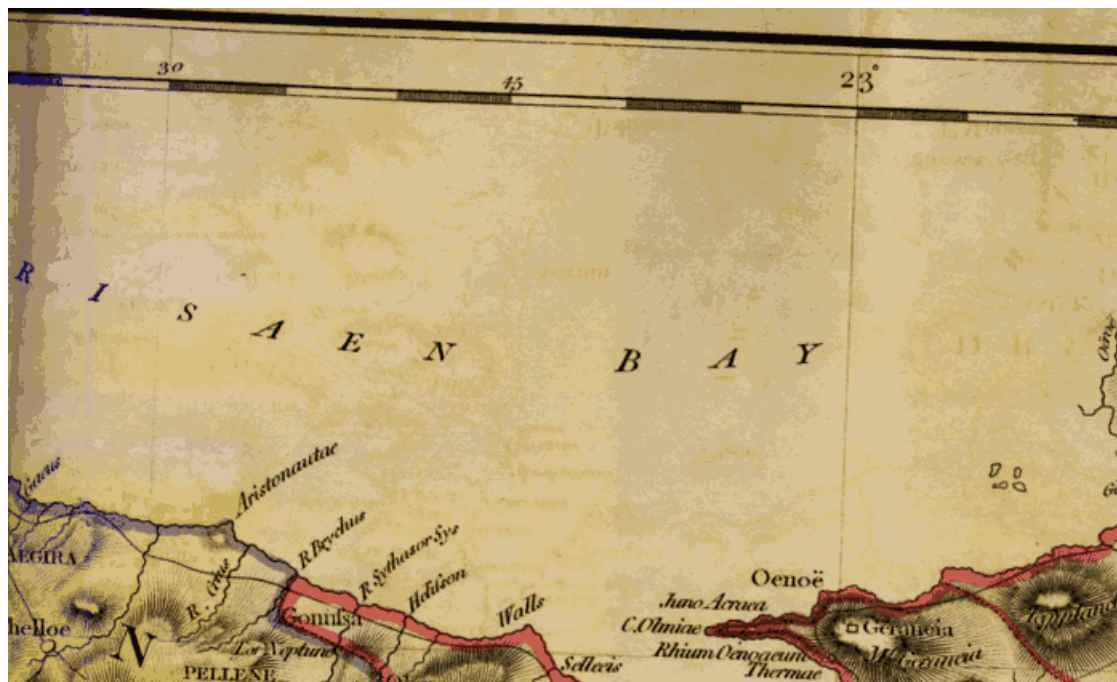
D1 D2 D3 D4

Раздел карты A1.

Раздел карты A2.

Раздел карты А3.

Раздел карты А4.

Раздел карты В2.

Раздел карты В3.

Раздел карты В4.

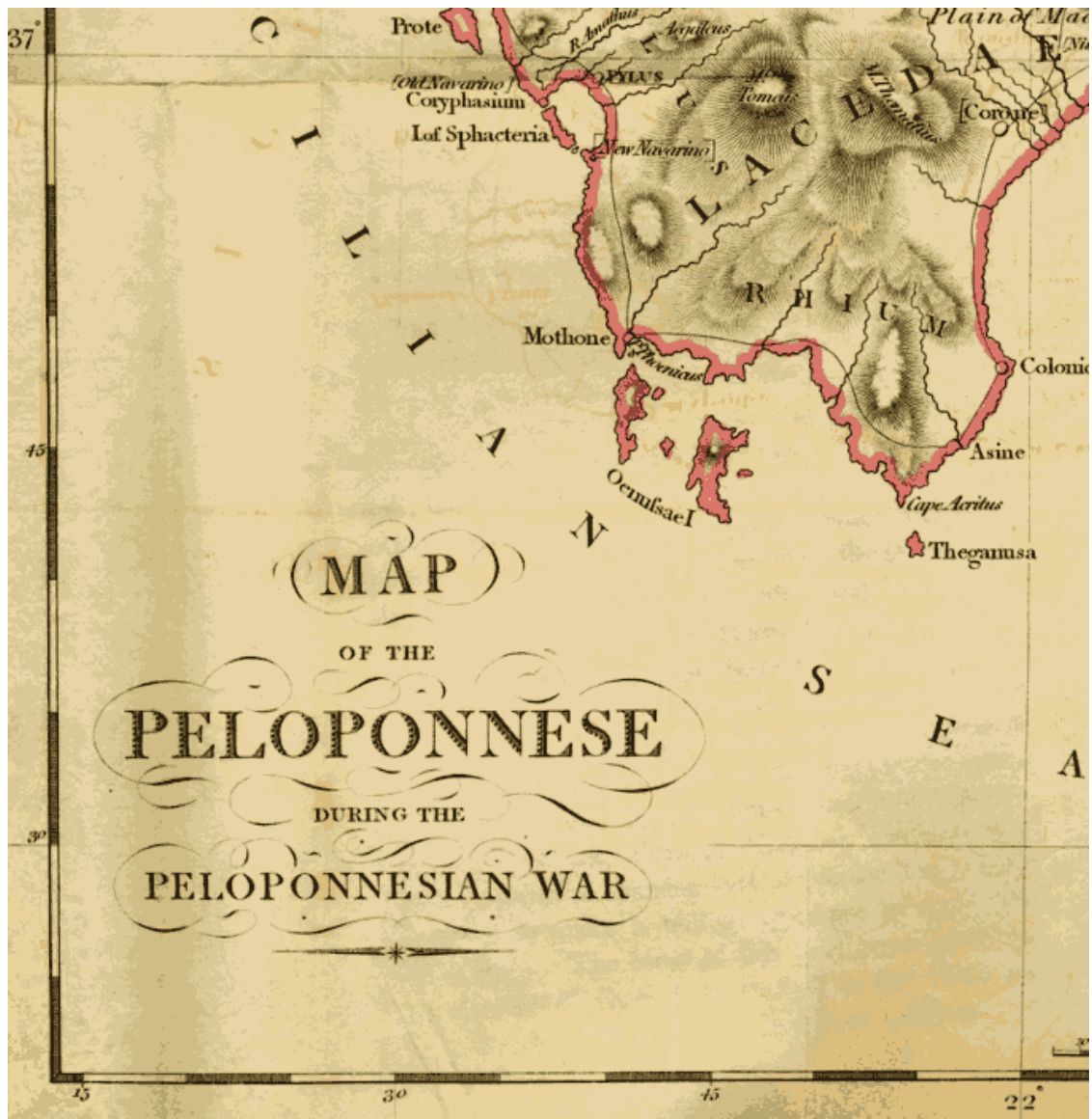
Раздел карты С1.

Раздел карты С3.

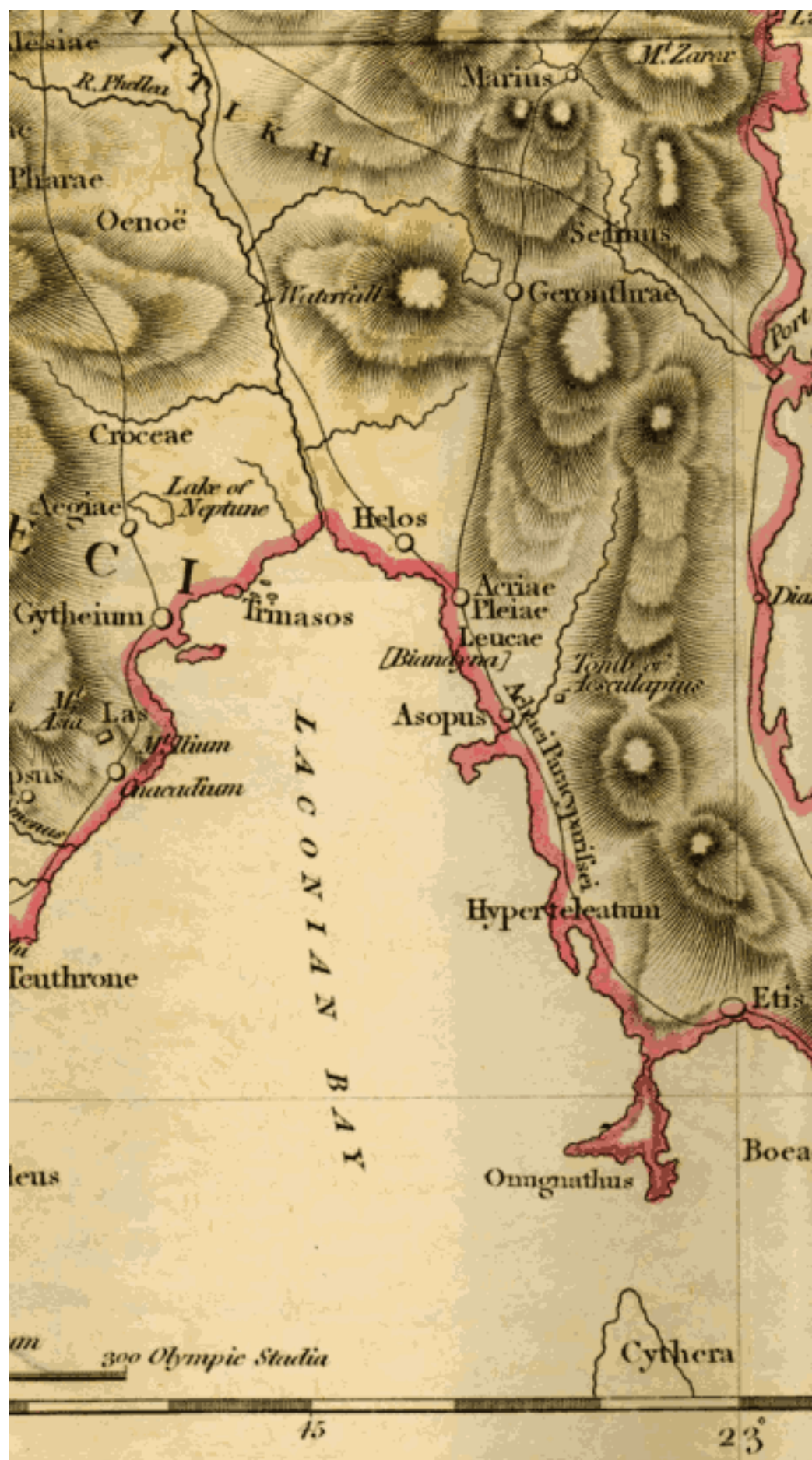
Раздел карты С4.

Раздел карты D1.

Раздел карты D2.

Раздел карты D3.

Раздел карты D4.

Сноски

1.

Карта Северной Греции была получена только после того, как была отгравирована карта Пелопоннеса; и поскольку автор предназначал ее для распространения в Германии, а также в Англии, названия даны на латыни. Это должно служить извинением за отсутствие единообразия в двух картах.

2.

См., в частности, список албанских слов Пукевиля. Сравните "Geschichte der Europäischen Völker" Тунмана, стр. 250. Об иллирийцах см. 1, § 21, 28.

3.

Strabo VII. p. 321 A.

4.

Иллирийские слова в употреблении у македонцев: σαυάδαι (Sileni) в македонском, δευάδαι в иллирийском; δράμις, хлеб, в македонском, δράμικης у атаманцев. Orchomenos, p. 254. Сравните Гесикий в βατάρα. См. обширную коллекцию в Sturz de Dialecto Macedonica.

5.

Поскольку это выражение часто используется на следующих страницах, я пользуюсь случаем, чтобы заявить, что под аборигенным народом я подразумеваю тот, который, насколько нам известно, впервые поселился в стране, до которого мы не знаем других жителей этой страны.

6.

Юстин, VII. 1. Сравните Æsch. Suppl. 261.

7.

Ирод. I. 57. См. Orchomenos, p. 444.

8.

Сравните, например, δαίνειν убивать, δάνος смерть, с θανεῖν, θάνατος; ἐέλδω (ἐέλδωρ у Гомера) с ἐθέλω; ἀδραία для αἰδρία, в которых θ теряет придыхание, как φ в κεφαλῇ (так в немецком haubet для haupt), ἀφροῦτις для ὀφρὺς (лоб), Βίλιππος, Βερενίκη, βαλακρὸς и др. Придыхание также часто утрачивается; ἐνδομενία или ἐνδυμενία, мебель (у Полибия), с изменением u и o.

9.

Например, номинативы ἵπποτα и т. д., которые также называются Æolico-Bœotic, Doric и Thessalian. Sturz ut sup. p. 28.

10.

Например, ζέρεθρα для βάραθρα.

11.

Например, ταῦν ὀν, ведение Тежу, как в Фессалии; ματτύα, лакомства, фессалийское, македонское, а также спартанское слово.

12.

Например, βίρροξ, hirsutus, hirtus; γάρκαν, virgam; ἵλεξ, ilex. Отсутствие придыханий также является поводом для сравнения.

13.

Apollodorus, III. 8, 1.

14.

Ap. Constant. Porph. de Themat. II. 2, p. 1453. Sturz Hellan. Fragm. p. 79. Отрывок Гесиода, вероятно, взят из Ἠοῖαι, и нет оснований считать его поддельным. Второй стих следует читать: οἷε δὴ Μάγνητα Μάκεδόνθ' ἱππιοχάρμην.

15.

О македонцах см. [Приложение I](#).

16.

Здесь я особенно ссылаюсь на окончание родительного падежа второго склонения в ою, которое грамматики цитируют как Фессалийское.

17.

См. [Приложение I. § 28](#). На древних македонских монетах изображено точно такое же платье, как и на фессалийских.

18.

Сравните Θετταλικά πτερὰ у нескольких грамматиков, у Дидима с Аммонием в χλαμύς. Подробнее об этом можно прочитать в кн. IV. с. 2, § 4.

19.

Сравните Феокрита XII. 14, с Алкманом, цитируемым в Схолии, и б. IV. с. 4, § 6.

20.

Гесихий в δεσποίνας. См. кн. IV. с. 4, § 4.

21.

Согласно Илиану, V. Н. III. 15, женщины Иллирии присутствовали на банкетах и винных вечеринках; Herod. V. 18, говорит обратное о македонцах.

22.

Страбон, V. p. 221.

23.

См. особенно Stephan. Визант. в Ἐφουρά.

24.

Alexander Ephesius ap. Stephan. Визант. в Χαονία.

25.

Niebuhr's Roman History, vol. i. p. 46, ed. 2, English tr. Поэтому многие названия были одинаковыми в обеих странах; например, Пандосия (Юстин, XII. 2), Ахерон, Ахеронтия и т. д.

26.

Геродот также говорит, что ионийцы и эолийцы раньше были пеласгами, как бы поглотив этот народ; однако он должен предположить, что они изменили свой язык (μετέμαθον τὴν γλῶσσαν), поскольку язык пеласгов, живших вблизи Крестона и Плакии (который, вероятно, был не более чем древним диалектом), показался ему варварским. Эсхил (Suppl. 911) противопоставляет их, как истинных греков, καρῶνοι, или варварам.

27.

Так, например, амфилохийцы и хаонийцы, согласно Фукиду (Thucyd. II. 68, 80. В эфиротском диалекте встречаются следующие древнегреческие формы: ὑδοῦποσ для δοῦποσ (Maittaire, p. 141), γνῶσκω, posco, Orion p. 42, 17. Ἀσπετος Achilles, Plut. Pyrrh. 1. (α-ἔπομαι.)- Рассказ Страбона VII. p. 327 о том, что в некоторых районах говорили на двух языках, несомненно, относится к сосуществованию греческих и иллирийских диалектов.

28.

Polyb. XVII. 5, 8.

29.

Orchomenos, p. 253.

30.

Согласно Исихию, Βρέκις (Βερεκύντιος) - это то же слово, что и Βρύξ. Брюгге также использовал Энний и, как кажется, Марк Брут (Plutarch, Brut. 45).

31.

См. Хрестоматию Прокла. Бригес, или Фригес, в районе Диррахия, Аппиан, Bell. Civ. II., 39.

32.

Фрагмент Крейцера. Histor. p. 171. Strabo XIV. p. 680. Сравните с Кононом в книге Фотия I.

33.

По этому поводу см. Hoesck's History of Crete, vol. I. p. 109, sqq.

34.

Согласно мнению их колонистов, Herod. VII. 73. Eudoxus ap. Steph. in Ἀρμενία. Сравните Heeren De Linguarum Asiaticarum in Persarum Imperio Cognatione, Comment. Gotting. vol. XIII.

35.

Армяне часто встречаются в древней традиционной истории восточных царств; например, в Diod. II. 1, как завоеванные Нином. Они также представлены как коренные жители в местных легендах, собранных Моисеем Хоренским.

36.

Plato, Cratyl. p. 410 A. Примечательно, что эти слова есть и в германском языке. Пѳр (см. Grimm's Deutsche Grammatik, vol. I. p. 584, 2d ed.) в древневерхненемецком было viuri, в нижненемецком für. Κύων, canis, hund (d добавлено, как в μὴν, μὰν-фригийском для луны и mahnd, mond). Ὑδωρ, в высоком немецком wazar, в низком немецком water; дигамма присутствует в подлинной фригийской форме βέδω, которая, в силу древней близости, была также македонским и орфическим словом (см. Neanth. Cyzicen. ap. Clem. Alexand. Strom. V. p. 673. Jablonsky de Lingua Phrygia, p. 76), и иногда переводится вода, а иногда воздух.

Наконец, фригийская надпись в "Мемуарах" Уолпола, особенно слова ΜΙΔΑΙ ΛΑΦΑΓΤΑΕΙ FANAKTEI, доказывают, что она имела большое сходство, как в радикальных формах, так и в инфлексии, с греческим языком.

37.

Так, глагол sum сохраняет в армянском или хайканском ту же основную форму, которую он имеет во всех языках, родственных греческому (уем, yes, e-sum, es, est). Примечательно, что три фригийских греческих слова, отмеченные в тексте, сохранились и в хайканском: πѳр -

hur (как πατήρ hair, πέντε hink); ὄδωρ - tschur (как θερμός tscherm); κύων - shun. См. Klaproth, Asia Polyglotta, p. 99.

38.

См. Jablonsky de Lingua Lycaon. Opusc. vol. III. p. 119.

39.

То есть, если эпический поэт Херилус говорил о ликийских Солими в известном отрывке, сохранившемся в Josephus cont. Apion. vol. II. p. 454, ed. Haverc. &c. См. Naeke's Chœrilus, p. 130, sq.

40.

Например, ἄδαγους, андрогинное божество (Hesych. in v.), от Дагона; имя Адон (Athen. XIV. p. 624); βαλλήν царь, (Hesych. in v. Eustath. ad Od. т. p. 680. Bas.) от Ваала, и т.д. См. Blomf. ad Æsch. Pers. 663.

41.

См. Orchomenos, p. 379-390.

42.

Ирод. VII. 111.

43.

Все их слова, с которыми мы знакомы, очень не похожи на греческие; например, слово βρία и βρέα для города, которое часто встречается, ζίλα вино, πιτῦγες сокровище, Schol. Apollon. Rhod. I. 933 и др.

44.

Ирод. V. 13. VII, 20, 75. Сравни Hellanicus ut sup.; где читается: ἐφ' οὗ νῦν Μακεδόνες καλοῦνται μόνοι μετὰ Μυσῶν τότε οἰκοῦντες. В то же время это, вероятно, относится к традиции, согласно которой мисийцы (а также тинийцы и другие) пришли из Фракии в Азию, как сообщает Страбон и Плиний Н. N. V. 32, 41. VII. 57.

45.

Гомер, Гимн. Вен. 113.

46.

Æginetica, pp. 12, 155. Сравните также Фаворина в Ἀχαιοὺς ἄρξωσιν. В более поздние времена они, вероятно, все еще находились на территории молоссов, которые считались греками, Herod. VI. 127.

47.

II. XVI. 233.

48.

См. Orchomenos, pp. 139, 248, sqq. Буттманн, правда, в своем "Мемуаре о Минийцах" (Berlin Transactions for 1820, p. 13), отрицает существование этих мест; но некоторые из процитированных мною отрывков имеют решающее значение.

49.

Согласно генеалогии от 'Ноῖαι - Дора, Ксута (от которого произошли Ахей и Ион) и Эола; см. Приложение II. Генеалогия в Еврипиде, Ион 1608. т.е. Ксута, отец Иона, Доруса и Ахея, искажена в угоду национальным чувствам афинян. Однако отрывок из 'Ноῖαι, хотя и в

поэтическом облачении, заслуживает большего доверия, чем свидетельство Геродота, который считает ионийцев аборигенами.

50.

О том, что следует далее, см. Apollonius Rhod. IV. 521, sqq. Schol. ad 1. et ad IV. 1125, 1149. Apollodorus ap. Stephan. Byzant. in Ὑλλεῖς (p. 434, ed. Heyn.) Scylax, p. 7. ed. Voss. Scymnus Chius 404, из Тимея (Fragm. 121. ed. Goeller) и Эратосфена. Дионис. Perieg. 386, с Евстафием и схолиями. Etymol. Magn. p. 776. 39, где они названы кельтским народом (ἔθνος Κελτικόν). Сравните Schoenemann Geograph. Argonaut. p. 53, и кн. III. с. 5.

51.

Apollon. Rh. IV. 538, и др. Паниасис появляется у схолиаста к Аполлонию Род. IV. 1149, чтобы упомянуть двух Хиллусов, сына Мелиты и сына Деяниры. Сравните Schol. Soph. Trachin. 53. Vales, ad Harpocrat. p. 126. В схолиасте к Пиндару Pyth. I. 120, Ὑλλος, ὃς ἐβασίλευσε τῶν περὶ τὴν Ἰταλίαν οἰκησάντων, где Hemsterhuis читает Οἰχαλίαν, Raoul-Rochette (Histoire de l'Etablissement des Colonies Grecques, tom. II. p. 280) предлагает, не без некоторой вероятности, Ἰλλυρίαν.

52.

Apollon. Rh. IV. 528.

53.

Thucyd. III. 81.

54.

Особенно связанная цепочка из этолийцев, эпейцев, локрийцев (о родстве которых см. Voeckh ad Pind. Olymp. IX. 61. p. 191) и лелегийцев (Hesiod ap. Strab. VII. p. 322); и если они, как говорят некоторые, тождественны карийскому народу, к которому принадлежали лидийцы и часть мисийцев, они, по-видимому, составляют очень многочисленную расу.

55.

См. кн. II. гл. 7.

56.

Древние часто говорят, что ионийцы в Азии ἐλυμήναντο τῆς διαλέκτου τὸ πάτριον. Фотий в ст. фармаκός.

57.

О дорийском диалекте см. Приложение VI.

58.

Herod. I. 56; относительно этого отрывка см. Salmasius, de Lingua Hellenica, p. 276, и Mémoires de l'Académie des Inscriptions, tom. XXV. p. 11-28. Сравните VIII. 43. Ἐόντες Δωρικόν τε καὶ Μακεδὼν ἔθνος ἐξ Ἐρινεοῦ τε καὶ Πίνδου καὶ τῆς Δρυοπίδος ὕστατα ὀρμηθέντες.

59.

См. об этом родословии в [Приложении II](#).

60.

Аполлод. I. 7, 2.

61.

Таким образом, Пиндар, Olymp. VIII. 30, называет мирмидонов Δωριεὺς λαὸς, чтобы, как я полагаю, противопоставить их как подлинных греков народам иного происхождения.

62.

Из того обстоятельства, что у Гомера Ахилл Эакид представлен как вождь эллинов и что Эакиды были также древними князьями Эгины, автор в предыдущей работе (*Æginetica*, p. 18) объяснил название храма Зевса в Эгине, Ἐλλάγιον, в более поздние времена называвшегося Παῖελλήγιον. Ибо этот храм, несомненно, древнее того времени, когда все греки назывались эллинами; поэтому его следует рассматривать как святилище первоначальных эллинов, живших также во Фтии, как древний национальный храм мирмидонов.

63.

Приложение I., последнее примечание.

64.

Высота горы Олимп, по данным Бернуа, составляет 1017 тоисов, или 6501 английский фут; высота Оссы, по данным Додуэлла, около 5000 футов.

65.

Более точное описание этой долины, чем у Илиана и Бартелеми, дают Бартольди, Bruchstücke zur Kenntniss Griechenlands, p. 112; Кларк, Путешествия, часть II. раздел iii. p. 273; Хокинс, в Мемуарах Уолпола, относящихся к Европейской Турции, p. 528; Холланд, Албания, p. 291; Додуэлл, Путешествия, т. I. p. 103; и Пукевиль, том. III. с. 73. Среди древних, Теопомп в своем Φιλππικῇ дал точное описание Темпе. См. Theo. Sophist. Progymn. II. p. 19; Фроммель, в "Мелетемате" Крейцера, III. p. 141, 6.

66.

XX. m. p. in ipsis faucibus saltus, Ливий из Polyb. XVIII. 10, 2, на стороне Олимпа. Мелетий упоминает здесь место под названием Гонига.

67.

Liv. XXXIX. 25.

68.

Il. B. 753.

69.

Herod. VII. 128, 173.

70.

Liv. XLIV. 6. Polyb. XXVIII. 11. 1. Ἀζορίου μεταξύ καὶ Δολιχῆς.

71.

См. кроме Геродота, Liv. XLIV. 2, и Плутарх, *Æmil.* 9.

72.

О расположении этого места см. Liv. XLIV. 2 и 6.

73.

Πυθίου Ἀπολλωνος ἱερὸν, τὸ Πύθιον καὶ τὴν Πέτραν Plutarch. *Æmil.* 15. Pythoum (Πυθῶν) et Petra Liv. XLIV. 2, 32, 35. XLII. 53. То, что в этом районе был только *один* Пифий, очевидно из точного изучения маршей. Маннерт (т. VII. с. 520, 563) поместил Пифию на перевале через

Камбунские горы (выше современных Алессона и Сарвиза), от которого она лежала далеко справа. Его мнение опровергается Liv. XLIV. 2. и Плутарх, *ubi sup.* Сравните Стефана в Πύθιον, Πυθιεῖς οἱ τὸ Πύθιον οἱ κοῦντες, ἐν ᾧ Ἀπόλλωνος ἱερόν ἐστι, и в Βάλλα.

74.

960 тозов. См. выше.

75.

См. Плутарх *ubi sup.* Liv. *ubi sup.* и XLIV. 7. *comp.* Polyb. XXVIII. 11.

76.

Liv. XXXI. 41. XXXVI. 10, 13. XLII. 67. XLIV. 2.

77.

Птолемей включает его в Пеласгиотис. К сожалению, у нас нет греческого оригинала отрывка из Ливия о Триполисе, XLII. 53.

78.

Orchomenos, p. 126.

79.

Liv. XXXII. 15. Strabo IX. p. 438, 440.

80.

О Пелинне см., кроме Целлария, Spanheim de Usu Numm. IX. p. 902. Salmasius ad Solin. p. 687. Wesseling ad Diodor. XVIII. 11. и Boeckh Comment. ad Pind. Pyth. X. p. 335.

81.

Кроме Страбона, см. Диодор XVIII. 56. В Polyænus IV. 2, 18, следует писать: Φίλιππος ἐπολιόρκει Φαρκηδόνα πόλιν Θεσσαλικήν.

82.

О Трикке (Трикала в 12-3/4 лигах от Лариссы, согласно Пукевилю) см. Mannert, p. 569, а также Eustathius, vol. II. p. 250. ed. Basil. Tzetzes Chil. IX. 28.

83.

См. II. В. 370, со схолиями и Евстафием. Пелинн, сын Œchalieus, Steph. Визант. в Πέλινα.

84.

Так у Пукевиля: по Голландии двенадцать миль, по Водонкуру четыре часа.

85.

См. Мелетий, Пукевиль, Холланд, Кокерелл в "Путешествиях Хьюза", т. I. с. 504.

86.

Последнее согласно Арриану I. 7; первое согласно Liv. XXXI. 41. XXXII. 15. XXXVIII. 2. Сравните Cæsar B.C. III. 80.

87.

Темпе находился примерно в 500 стадий от Гомфи, Plin. H. N. IV. 8, это расстояние должно быть разделено таким образом: длина Темпе 40 стадий, затем до Лариссы 160, до Трикки около 240, а до Гомфи 60.

88.

Strabo IX. p. 437. II. B. 729. Pausan. IV. 9, 1. Метеора не может быть Ithome; более вероятно, что это руины Кастраки. Но пассаж о Куралиусе и храме итонской Минервы - путаница географа. *Inache de la Porte du Theil Eclaircissement sur Strabon* I. 76, p. 248.

89.

Athen. XIV. p. 639, 640.

90.

Pouqueville, p. 37.

91.

Орхомен, p. 126. Здесь также жил Акрисий Аргосский. Что это именно эта Лариса, ясно из Schol. Apoll. Rhod. I. 40, сравните Hellanicus fragm. 116. Pausan. II. 16. Tzetzes ad Lycoph. 836.

92.

Strabo, IX. p. 439.

93.

По мнению современных путешественников. Древние часто неверно истолковывали Гомера. В более поздние времена Eurotas, или Europus, как в Excerpta Страбона, т.е. темнокожие.

94.

Пукевиль.

95.

Так пишут авторы в Strabo VII. p. 328. Стеф. Визант. в Δωδώνη. См. кн. II. гл. 11, § 3.

96.

Hieronymus, ap. Strab. IX. p. 443.

97.

Steph. Byzant. in Γόννος Liv. XXXII. 15.

98.

Orchomenos, pp. 248 sqq.

99.

Если Олуссон - это современная Алассона на дороге из Лариссы в Македонию, то, согласно мнению епископа Фессалоники на II. B. p. 333. ed. Rom. δοκεῖ δὲ φυλάσσειν καὶ νῦν τὴν κλῆσιν παραφθειρομένην βαρβαρικῶς, ἴσως γὰρ αὕτη ἐστὶν ἡ ἄρτι λεγομένη Ἐλασσών.

100.

См. выше, § 1. Andron ap. Strab. X. p. 475 E. τῆς Δωρίδος πρότερον, νῦν δὲ Ἑστιαιώτιδος λεγομένης. Дорийцы также жили в Эстиэотисе к западу от Пинда, согласно Charax ap. Steph. Визант. в Δώριον. Согласно Schol. Pind. Pyth. I. 124, и Schol. Aristoph. Plut. 385 (в редакции Hemsterhuis, p. 115), они обитали в Перрхебии; а Перрхебия почти совпадает с Хестиэотисом.

101.

См. кн. II. гл. I, § 2.

102.

Был герой по имени Азор, Гесихий в Ἄωρος.

103.

Хемстерхуис ошибочно считает их идентичными, *ubi sup.* p. 116.

104.

Athen. XI. p. 503 D. καὶ ὁ τὸν Αἰγίμιον ποιήσας, εἴθ' Ἡσιόδός ἐστιν ἢ Κέρκωψ ὁ Μιλήσιος.
Путаница имен Гесиода и Серкопа, как мне кажется, может быть объяснена следующим образом. Стих о том, как Тесей бросил Ариадну ради Игла, Плутарх (*vit. Thes.* 20) приписывает Гесиоду, а Афиней (XIII. p. 557 A.) - Церкопсу; очевидно, он взят из Эгимия, который приписывался обоим этим именам. Этот стих был исключен из поэмы Писистратом, как мы узнаем от Хереса, которого цитирует Плутарх. Таким образом, в то время "Эгимий" был упорядочен и изложен в письменном виде вместе с другими эпическими поэмами. Следовательно, Церкопс, орфический пифагореец, живший примерно во времена Писистрата, не мог быть его автором, хотя он мог быть тем *διασκευαστής*, который упорядочил его так же, как Ономакрит упорядочил другие поэмы. Теперь легко могло случиться, особенно если бы его интерполяции то и дело обнаруживались, что *вся поэма* была бы приписана ему.

105.

Wesseling. ad Diod. IV. 37, p. 282.

106.

См. Valckenaer ad Eurip. Phœn. p. 735.

107.

Schol. Apoll. Rhod. III. 584. IV. 816. Характер древней эпической поэзии, которая никогда не допускала истории, выстроенной в хронологическом порядке, не позволяет нам предположить, что в *Ægimius* содержался отчет об экспедиции дорийцев и их колониях, вплоть до основания Киринеи.

108.

Таков смысл отрывка в Steph. Визант. Ἀβαντίς, -ὡς Ἡσιόδος ἐν Αἰγίμιου δευτέρῳ περὶ Ἰοῦς;

-Νήσω δ' ἐν Ἀβαντίδι διῆ,
τὴν πρὶ ν' Ἀβαντίδα κίκλησκον Θεοὶ αἱ ἐν ἑόντες
τὴν ποτ' ἐπώνυμον Εὐβοίαν βοῶς ὠνόμασε Ζεὺς.

За ними следуют четыре стиха об Аргосе и Ио, цитируемые Schol. Eurip. Phœn. 1151. Аполлодор II. 1, 3, ссылается на этот отрывок. Также то, что он упоминает из этой поэмы в II. 1, 5, относится к еврейским басням. Аполлодор в обоих отрывках цитирует Эгимия под именем Церкопса. Сравните Fabric. Bibliothec. vol. I. p. 592. ed. Harles.

109.

См. Ephorus ap. Steph. Byzant. in Δυμᾶνες (p. 96. ed. Marx.), за которым следует Страбон IX. p. 427.

110.

Книга III. гл. 1, § 7.

111.

Этимол. Magn. Τριχάϊκες. -Ἡσιόδος διὰ τὸ τριχῇ αὐτοὺς οἱ κῆσαι, οἶον; Πάντες γὰρ τριχάϊκες καλέοντο Οὐνεκα τρισσὴν γὰρ ἀν' ἑκάς πάτρης ἑδάσαντο. Τρία γὰρ Ἑλληνικὰ ἔθνη τῇ Κρήτῃ ἐπώκησαν, Πελασγοὶ, Ἀχαιοὶ, Δωριεῖς. Последние слова следует рассматривать как простое

невежественное добавление; ведь дорийцы не делили свою территорию на три части, *потому что две другие* греческие расы ушли на Крит. Очевидно, что здесь говорится о троекратном разделении земли, завоеванной дорийцами, которое, как явствует из басен об Эгимии и Геракле, происходило в соответствии с тремя племенами. Согласно нынешнему прочтению, это разделение произошло на расстоянии от родной страны дорийцев. Это может показаться несколько затруднительным, поскольку Геракл, как говорят, отдал Эгимию третью часть территории в качестве паракатаθήκη в Хестиэотисе, древнейшем жилище дорийцев (Diod. IV. 37, ср. Apollodorus II. 7, 3). Следовательно, πάτρης вместо πάτρης можно читать в таком смысле: "Дорийцы разделили свою территорию на три части *для семей* (из которых состояли φυλαὶ или племена)", так что тогда они жили отдельно друг от друга (аналогично Pindar Olym. p. VII. 74). Это изменение, однако, представляется излишним, и старое чтение защищается следующим объяснением, а именно: согласно древней легенде, Хиллус и его потомки не жили ни у горы Ὀἶτα, ни в Эстиэотисе *вместе* с дорийцами, но что они сначала получили в Пелопоннесе третью часть территории, куда они пришли как колонисты на расстоянии от своих более древних мест обитания (ἕκας πάτρης).

112.

Ниже, гл. 3, § 1.

113.

Hom. Od. XIX. 174.

114.

Ap. Strab. X. p. 475 D. и Stephan. Визант. в Δώριον. Diodorus IV. 60. V. 80, дает почти такой же рассказ, опираясь на авторитет критских историков, которых он упоминает в V. 80.

115.

Это можно почерпнуть из отрывка Дикеарха (который, правда, сильно искажен), приведенного в Steph. Byz. в Δώριον. Наиболее точно он приведен в "Библиографии" Монфокона. Coislin. p. 286, 59.

116.

Τεύταρος, по-видимому, правильное имя, то же, что и имя древнего князя Лариссы, с которой граничили древние дорийцы. Князья союзных народов, несомненно, были спутаны в традиции. См. "Этрускер" автора, т. I. с. 94.

117.

Поселения, которые здесь рассматриваются, это: 1. иммиграция, после смерти Миноса (в третьем поколении до осады Трои), различных рас, главным образом эллинов, согласно Ироду. VII. 170; это простое предание городов Полихна и Пржесса, не очень достоверное. 2. Колония Алфемен после экспедиции Гераклидов из Аргоса и Мегары и в связи с Родосом. 3. Дорийцы из Пелопоннеса, Ликты, Лампы и другие места, заселенные из Спарты; Фарæ - колония мессенцев; Гортина - амиклеян (минийцев); Фест - колония из Сикиона; другие города - из Аргоса (Сцилак, с. 18, Диод. V. 80). 4. Эгинеты в Кидонии.

118.

Strabo X. p. 475 C.

119.

Критские города обычно считались дорическими; Menander de Encom. XXXII. 1, p. 81, ed. Heeren. и др.

120.

Od. XIX. 175. ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη.

121.

Об этой миграции дорийцев из их ранних поселений на севере Греции на Крит см. в [Приложении III](#).

122.

Orchomenos, pp. 233, 234. Согласно Андрону (Strabo X. p. 475), они пришли прямо из Хестиэотиса под гору Парнас. Согласно Диодору IV. 67, кадмейцы изгнали дорийцев, которые затем *вернулись* в Дорис (Эриней, Цитиниум, Бозум). В подтверждение Геродота можно было бы привести Ликофрона ст. 1388, поскольку он называет дорийцев Λακμώνιοι (Λάκμων ὄρος Περραιβίας ἔνθα ὥκουν Δωριεῖς), Лакмон - это название хребта Пинда и Камбунских гор. Но Ликофрон упоминает об их поселениях только в Хестиэотисе.

123.

Il. II. 849, XXI. 159. Именно на это ссылается Геродот, когда говорит, что тевкрийцы, к которым он относит пеонийцев, проникли вплоть до Пеней (см. Введение и [Приложение I. § 4](#)).

124.

См. [Приложение I. § 17](#).

125.

Введение, § 3; [Приложение I. § 25](#).

126.

Амфиктиония близ Даджи. См. Leake in Walpole's Travels, p. 509. Clarke, p. 227. Gell, Itinerary, p. 210.

127.

Здесь я следую главным образом за Додуэллом, т. II, с. 133, и Геллом: сравните Orchomenos, p. 41. Пукевиль полностью заблуждается. По его словам, Цефис поднимается в 11-1/2 часах к северо-востоку от Артотины, которую он считает Эринеем, и впадает с севера в Пинд, который, по его словам, впадает в Коринфский залив, что противоречит всем рассказам древних писателей.

128.

Все старые карты неверны; см. теперь карту Гелла к его "Итинерарию". Согласно Страбону, Тетраполис лежал главным образом к востоку от Парнаса, но простирался и на запад, IX. p. 417. Река Пинд сейчас, согласно Додуэллу, Аниани.

129.

См. с. 40, прим. i. [Примечание переводчика: Это сноска ниже к "локрийцам", которая начинается с "Thucyd. III. 95".]

130.

См. Strabo IX. p. 427. X. p. 476 A. Страбон отличает Эриней во Фтиотисе от этого города, IX. p. 434. Etymol. Mag. p. 373, 56, ὁ Ἐρινεὸς - правильная форма. Однако Мела и схолиасты к Пиндару и Аристофану, цитируемые ниже, называют его Erineum.

131.

Strabo IX. p. 427 B. p. 434. Steph. Byz. Ἀκύφας μία τῆς Δωρικῆς τετραπόλεως.-Ὁ Ἀκύφας, Gen. Ἀκύφα, Dorice, см. Bekker's Anecdota, vol. III. p. 1313.

132.

Scymnus Chius v. 591. Δωριεῖς Ἐρινεὸν, Βοιὸν, Κυτίσιον ἀρχαιοτάτας ἔχουσι, Πίνδον τ' ἐχομένην. Comp. Conon. hist. 27. В ответ тем, кто отрицает, что Пинд находился в этом Тетраполисе, достаточно процитировать Herod. VIII. 43. Comp. du Theil Eclairc. sur Strabon IX. tom. III. p. 118. Raoul-Rochette, tom. II. p. 252, IV. p. 392.

133.

Страбон IX. p. 427 С. располагает их таким образом: Этолийцы, Локры Гесперии, Дорийцы, Энианы, Локры Эпикнекиды; ср. с. 425, 430 В.

134.

Thucyd. III. 95, 102. Это Какискала между Стагни и Салоной. Dodwell, vol. I. p. 149, и Gell, p. 206.

135.

См. Philochorus ap. Dionys. ad Ammæum c. 11. Philoch. Fragm. ed. Siebelis p. 76.

136.

Pausan. X. 33, 2.

137.

Эта дорога через Камару, Палеохори и Неврополи описана Додвеллом, т. II. с. 126. Gell, p. 241.

138.

Холланд проехал по этой дороге около Элевтерохори, p. 383, comp. Dodwell, p. 74. На этот путь также ссылается Прокопий де Эдиф. IV. 2.

139.

Liv. XXXVI. 15. Описание Термопиле см. в Orchomenos, p. 486. Clarke, ch. 8, p. 240. Holland, ch. 18, p. 315. Gell, Itinerary, p. 239.

140.

См. Стефан. Byz. in Ἀμφανῶν from Theopompus. Eurip. Herc. Fur. 386.

141.

Strabo IX. p. 428. Liv. XXXVI. 16.

142.

Steph. Byz. in Φρίκιον, и Hellenicus, ibid.

143.

Strabo ubi sup.

144.

См. Ликофрон, Гекатей, Риан, цитируемый Стефаном.

145.

Таким образом, Андрон в Strabo X. p. 476. Thucyd. I. 107.

146.

Æschin. de Fals. Leg. p. 43, 24, τὸν ἦγοντα ἐκ Δωρίου καὶ Κυτίσιου. [Dr. Cramer, Description of Ancient Greece, vol. II. p. 103, исправляет Δωρικοῦ Κυτίσιου в Æschines, после Фукидида, который в III. 95, говорит о Κυτίσιον τὸ Δωρικόν. Перевод].

147.

Theopompus ap. Steph. Ἀκύφας. Scymnus Chius ubi sup.

148.

Strabo VIII. p. 383. Conon. 27. Сцимнус. Сюда же относится утверждение Аполлодора I. 7, 3. о том, что Дорус, сын Эллина, τὴν πέραν χώραν Πελοποννήσου ἔλαβεν. Витрувий IV. 1, однако, дает другой отчет: Achaia Peloponnesoque tota Dorus Hellenis et Orseidis nymphæ (a mountain nymph) filius regnavit.

149.

Hecataeus ap. Stephan.

150.

В схолии к Пиндару, Pyth. I. 121, в которой, однако, есть некоторые перестановки и путаница. Больше нигде не упоминается город в Перрхее с названием Пинд. У Пиндара Πινδόθεν обычно используется для обозначения более ранних поселений; ведь и Эстиеотис, и Дорис касаются цепи Пинда. См. Воескh. Explic. p. 235. Этим схолиям, вероятно, следует схолиаст об Аристофе. Plut. 385, и Цетес ad Lycophr. v. 980. comp. v. 741; но без разделения ошибочных частей.

151.

Тарф находился недалеко от дорийского Тетраполиса между Уметой и Парнасом. Он упоминается в Илиаде II. 533, как локрийский город; согласно Страбону IX. p. 426, впоследствии он назывался Фаригес, который Плутарх, Фокион 33, включает в состав Фокиса и называет рядом с ним холм Акрурион. Тарфе и Карфея могут рассматриваться как различные формы одного и того же имени, т и к часто чередуются. Так, мифологический герой Талаус иногда называется Калаус. (Schol. Soph. Œd. Col. 1320.)

152.

Ирод. VIII. 31, comp. Плутарх. Фемистокл. 9.

153.

P. 24. Διμοῦριεῖς.

154.

Herod. VIII. 31 и 43. ἐόντες οὗτοι Δωρικὸν καὶ Μακεδνὸν ἔθνος ἐξ Ἑρινεοῦ τε καὶ Πίνδου καὶ τῆς Δρυοπίδος ὕστατα ὀρμηθέντες. Таким образом, согласно этому отрывку, Цитиний и Боэум могли быть населены дриопийцами.

155.

Согласно Страбону IX. с. 434, существовал дриопский Тетраполис, а также дорийский.

156.

Ap. Strab. p. 373. Схолии к Аполлону. Rhod. I. 1283, приводят генеалогию: Ликаон, Дий, Дриопс. За ними следуют Цетес ad Lyc. 480, и Etymol. Mag. p. 288, 32. Однако Ферекид, цитируемый в схолии к Аполлонию, приводит другой рассказ.

157.

См. кн. II. гл. 11, § 3.

158.

По соседству с малийцами и мирмидонскими ахейцами, Pherecydes ap. Schol. Apoll. Rh. I. 1823, pp. 93, 107, ed. Sturz. Aristotle ubi sup. У подножия горы Парнас, Аристотель и Павсаний.

IV. 34, 6. Λυκωρεΐταις ὄμοροι. μετοίκησις от Сперхея до Трахиса - это просто путаница схолиаста с Аполлонием. Каллимах упоминал только о переселении в Пелопоннес, Schol. Paris. Замечания Клавдия (ad Apollod. p. 323) очень неточны. Дриопс, сын Сперхея, жил у подножия горы Ὀἶτα, согласно Antoninus Liberalis, 32.

159.

Ibid. 4. Κραγαλεὺς ὁ Δρύοπος ὥκει γῆς τῆς Δρυοπίδος παρὰ τὰ λουτρά τὰ Ἡρακλέους. В этом странном рассказе Меланей, сын Аполлона, царь дриопов, представлен как захвативший Эпир и Амбракию. Это часть той же истории, что и переселение энианов и Неоптолема в Молоссию, *Æginetica*, p. 18.

160.

Книга II. гл. 3, § 3.

161.

Aristot. ap. Strab. ubi sup. Apollod. II. 7, 7. Diod. IV. 37. Pausan. IV. 34, 6. Servius ad *Æn.* IV. 146. Πράξεις Ἡρακλέους, p. 152. Marini Ville Albani. comp. *Æginetica*, p. 33. Heyne Exc. ad *Æn.* IV. 2, p. 610. Raoul-Rochette, tom. I. p. 434. Herod. VIII. 43, οἱ δὲ Ἑρμιονέες εἰσὶ Δρύοπες ὑπὸ Ἡρακλέος τε καὶ Μηλίων ἐκ τῆς νῦν Δωρίδος καλεομένης χώρας ἐξαναστάντες. Своеобразное применение традиции у Суидаса в Δρύοπες, Κάρπος. Стих Каллимаха, сохранившийся в *Etymol. Magn.* p. 154, 7, по-видимому, должен быть написан так: Δειλαίοις Ἀσινεῦσιν ἐπιτριπτήρας ὀπάσσας, объяснение дано самим этимологом. См. выше, с. 45, прим. к. [Примечание переводчика: Это сноска к "Парнасу", начинающаяся словами "По соседству с малийцами"].

162.

Геродот. VIII. 46. Диодор. IV. 57. Фукидид VII. 57, однако, считает стирийцев ионийцами.

163.

Herodot. ubi sup. Diodor. ubi sup. Вероятно, с ней связана сказочная война Амфитриона против Кифна.

164.

Геродот. VII. 90. Diodor. ubi sup. Асина на Кипре, Стефан. Византия. Также в Кизикусе, согласно Страбону XIII. p. 586.

165.

См. *Orchomenos*, p. 496. В *Æschines adv. Ctesiph.* p. 68, 40, согласно Дидиму и Ксенагору в "Арфократии", должно быть написано Κραυγαλλίδαί.

166.

Антонин. Либерал. 4.

167.

Книга II. гл. 3, § 3.

168.

Παράλιοι, Ἰερῆς, Τραχίνιοι Thucyd. III. 92. comp. Dodwell, II. p. 71. Я могу также отметить, что Сцилак и Диодор, XVIII. 11, делают различие между мелийцами и малийцами; но в обоих местах ΛΑΜΙΕΙΣ следует писать как Μαλιεῖς и Μαλεῖς. Мнение Весселинга относительно последнего отрывка несостоятельно, поскольку города с названием Малей никогда не существовало. Диодор не совсем точен.

169.

Диодор. XII. 59.

170.

Aristot. Polit. IV. 13.

171.

Thucyd. IV. 100.

172.

См. Tittmann's Amphiktyonenbund, p. 41.

173.

Strabo IX. p. 434.

174.

Æginetica, p. 17.

175.

Orchomenos, p. 253.

176.

Книга II. гл. 3, § 12.

177.

Thucyd. III. 92.

178.

Strab. IX. p. 442.

179.

Thucyd. VIII. 3. Об основании Гераклеи см. также Stephan. Byz. in v. Δώριον, после хиатуса.

180.

Книга II. гл. 1. § 8, гл. 3. § 5.

181.

Orchomenos, p. 238. Сравните в целом с этой главой: Raoul-Rochette, tom. II. p. 249.

182.

ἡ τῶν Ἡρακλειδῶν κάθοδος. Фукидид I. 12, говорит Δωριεῖς ξὺν Ἡρακλείδαις. Исократ Архидам. с. 119 С. упоминает оракул, повелевающий им ἐπὶ τὴν πατρίαν ἵέναι χώραν.

183.

XIX. 105.

184.

См. Pausan. VII. 25. 3.

185.

Αὐτὸς γὰρ Κρονίων, καλλιστεφάνου πόσις Ἥρης,
Ζεὺς Ἡρακλείδαις τήνδε δέδωκε πόλιν.
Οἷ σιν ἅμα προλιπόντες Ἕρινεὸν ἠνεμόεντα,
Εὐρεῖαν Πέλοπος νῆσον ἀφικόμεθα.

τὴνδε πόλιν - это Лакония. Имеются в виду дорийцы: Эриней Тетрапольский. Страбон VIII. p. 362 неправильно понял и применил эти стихи. (См. ниже, примечание к [гл. 7. § 10.](#)) Тиртей также называет дорийцев в целом Ἠρακλῆος γένος - откуда и Плутарх de Nobil. 2. p. 388.

186.

Herodot. V. 72. Согласно VI. 53, он мог также сказать: "Я египтянин".

187.

Аналогичную мысль высказывает Платон в своих "Законах", III. с. 682: дорийцы были ахейцами, изгнанными из своей страны после Троянской войны, а затем собранными и возвращенными одним Дорием.

188.

Pind. Pyth. V. 70. В Pyth. I. 61 он называет их потомками Памфила и Гераклидов, не упоминая Димаса. Сравните фрагмент об истмийцах, Ὑλλου στρατὸς Δωριεὺς.

189.

См. Pausan. IV. 2. 1. Есть еще два отрывка Гесиода, в которых говорится об экспедиции Гераклидов. Schol. Apollon I. 824.

Θεσσάμενος γενεὴν Κλεαδαίου κυδαλίμοιο,

связь которых очень неясна (см. Bentley ad Callim. Cer. Calath. 48); и Schol. Pind. Olymp. XI. 79. e cod. Vratisl.

Τιμάνδην Ἐχέμος θαλερὴν ποιήσας ἄκοιτιν.

Из этого отрывка Аполлод. III. 10. 6. Pausan. VIII. 5. 1. черпают свои материалы. Это, однако, может происходить и среди действий Геракла, особенно на первом олимпийском празднике, как видно из Пиндара.

190.

VI. 52.

191.

Сравните Pausan. IV. 2. 1. с V. 17. 4. и Valckenar. Диатриба. Eurip. pp. 58, 59.

192.

Herod. ubi sup. et c. 51. Весселинг неверно истолковывает первый отрывок; его смысл таков: "Лакедемоняне рассказывают иначе, чем все поэты, которые заставляют Эврисфена и Прокла первыми прийти в Спарту". Швейгхойзер не видит точного смысла второго отрывка; его смысл таков: "До сих пор речь идет о национальной традиции лакедемонян; далее я рассказываю об общей традиции Греции".

193.

Геродот. IX. 26.

194.

IX. 26.

195.

В целом трагические поэты последовательно спускаются, в соответствии со своим возрастом, к более поздней дате мифологической истории.

196.

Pausan. IV. 2. 1.

197.

Пользуясь случаем, я хочу воскресить в памяти одного из этих дорико-гераклидских вождей, который был настолько забыт, что в отрывке из Pausanias IV. 30. 1. его имя было вытеснено из текста. По МСС следует писать так: "Υλλου δὲ καὶ Δωριέων μάχη κρατηθέντων ὑπὸ Ἀχαιῶν, ἐνταῦθα Ἀβίαν Γλήνου τοῦ Ἡρακλέους τροφὸν ἀποχωρῆσαι λέγουσι, и т. д. Этот Глен встречается как сын Деяниры в Apollod. II. 7. 8. и Schol. Soph. Trachin. 53. Диодор IV. 37. называет его Гленеем. Pherecydes ap. Schol. Pind. Isth. IV. 104. причисляет его к детям Мегары от Геракла.

198.

Ap. Longin. 27. Крейцер. Фрагмент. с. 54. Apollodorus II. 8. 1. почти создает впечатление, что Гераклиды были на приеме у Эврисфея; но это не согласуется с тем, что предшествует. Еврипид Гераклид. 13. 195. представляет их как летящих сначала из Аргоса в Трахис, затем в Ахайю в Фессалии, а затем в Афины.

199.

Таким образом, Ферекид в Antonin. Liber. 33. Штурц (Fragm. 50. p. 196.) не совсем понимает этот отрывок.

200.

При Марафоне, по мнению большинства авторов. Диодор IV. 57. упоминает Трикорит; сравните XII. 45.

201.

В общих чертах это повествование передают Ферекид и Ирод. IX. 27. Подробности - у Еврипида в "Гераклидах", на рассказ которого повлияли обстоятельства времени (Voeskh. trag. Gr. princ. p. 190). Вопрос о том, является ли "Гераклида" Памфила (Aristoph. Plut. 385. Schol. ad I. p. 112, Hemsterh.) *трагедией* или *картиной*, часто оспаривался древними. Последнее представляется наиболее вероятным: см. Winckelmann and Meyer Kunstgeschichte, p. 166. Памфил изобразил битву при Флиусе, одну из тех, что произошли в 102-ю или 103-ю Олимпиаду; и можно с уверенностью предположить, что он процветал около Olymp. 97, 4, в год, когда вышло второе издание "Плута", и он мог дожить до того, чтобы стать мастером Апеллеса, который получил большую известность в царствование Филиппа; о битве см. Elmsley ad Eur. Heraclid. 860; о смерти Эврисфея - Wesseling. ad Diod. IV. 57. и Staveren. Misc. Obs. vol. X. p. 383. Паллена находится между Марафоном и Афинами; согласно Страбону VIII. p. 377. гробница находилась в Гаргете на западном побережье; согласно Павсанию I. 40. в Мегарисе. О Макарии см. Pausan. I. 32. Schol. Aristoph. Eq. 1148. Zenob II. 61. и другие грамматики в ст. βάλλ' εἰς Μακαρίαν. Совершенно иная традиция сохраняется у Duris ap. Schol. Plat. p. 134, Ruhnck. В цитированном выше отрывке Страбона τὴν δὲ κεφαλὴν χωρὶς ἐν τῇ Κορινθῳ, ἀποκόψαντος αὐτὴν Ἰολάου περὶ τὴν κρήνην τῇ Μακαρίαν, вероятно, следует писать ἐν Τρικορυθῳ; так в VIII. p. 383. в одном MS. есть Τρικόρινθος. (В этом исправлении я теперь нахожу, что меня предвосхитил Elmsley ad Eurip. Heracl. 103.) Хейне действительно (ad Apollod. II. 8. 1.) объясняет ἐν τῇ Κορίνθῳ из гробницы Эврисфея в Pausan. I. 44. 14.; но она находилась в Мегарисе, а границы Коринфа и Мегариса никогда не менялись. Хейне также считает гробницу у храма палленской Минервы и гробницу

в Гаргетте идентичными; но это невозможно из-за расположения этих двух мест. - Относительно Гаргетты см. статью Attika в Ersch's Encyclopædia, p. 222.

202.

Demosth. de Corona, p. 147.

203.

Из этого не следует, что Пиндар Pyth. IX. 82. что Иолай был возвращен к жизни, о чем, должно быть, говорилось в другом месте. Я следую второму схолиасту, ἤρξατο δὲ τῷ Διὶ ἐπὶ μίαν ὥραν ἡβῆσαι и т. д. Сравните Овидий. Met. IX. 408.

204.

См. кн. II. гл. 11. § 10.

205.

Ап. Антонин. Lib. 33.- Следы другой традиции можно найти в Apostolius XVIII. 7.

206.

См. кн. II. гл. 11. § 7.

207.

Также Thucyd. I. 9. Plat. Leg. III. p. 686. В Schol. Eurip. Orest. 5. написано αὐτοὺς μὲν (Атриды) ἀποστῆσαι Λακεδαιμόνες, τοὺς δὲ Πελοεῖδας βασιλεῦσαι. Полиэн I. 10. отличается тем, что упоминает Эврисфида в Спарте во время переселения; но под Эврисфидом следует понимать "потомков Эврисфена", а не "Эврисфена и его партию". См. Clinton F. H. vol. I. p. 333.

208.

См. особенно Платон ubi sup.

209.

Apollod. II. 8. 2. ὁ δὲ θεὸς ἀντεῖ πε τῶν ἀτυχημάτων αὐτοὺς αἰτίους εἶναι. τοὺς γὰρ χρημοὺς οὐ συμβάλλειν. λέγειν γὰρ οὐ γῆς ἀλλὰ γενεᾶς καρπὸν τρίτον καὶ στενυγρὰν τὴν εὐρυγάστορα, δεξίαν κατὰ τὸν Ἰσθμὸν ἔχοντι τὴν θάλασσαν. Со словом εὐρυγάστῳ сравните κύτους κοιλογάστορος, Æschyl. Theb. 478. и 1026. В более поздние времена, однако, эти оракулы были переведены в эпическую форму, как можно видеть из CEnomaus ap. Euseb. Præp. Ev. V. 20.

210.

См. Herod. IX. 26. Pausan. I. 41. 3. I. 44. VIII. 5. 1. VIII. 45. 2. Diod. IV. 58. Schol. Пинд. Olymp. N. 80. Van Staveren Misc. Observ. X. 3. p. 385.

211.

Pausan. VIII. 5. Аполлод. II. 7. 7. Диод. IV. 58. Strabo IV. p. 427 C. Isocrat. Archidam. p. 119 B. τελευτήσαντος Εὐρυσθέως.

212.

Manso, Sparta, vol. I. p. 61.

213.

Apollod. II. 8. 3. В Pausan. II. 28. 3. Орсобия, дочь Дейфонта из Эпидавра, жена Памфила.

214.

Его упоминает Гесиод; см. выше, с. 55. примечание к. [Примечание переводчика: На этой странице нет ни этого примечания, ни ссылки на Клеодэя]. Иную генеалогию приводит Цетес ad Lycophr. 804, а именно, что Клеодзей был сыном Хилла, братом Лихаса и Цейкса, мужем некой Перидеи и отцом Темена.

215.

См. Crates ap. Tatian. cont. Græcos, p. 107. ed. Oxf. Interpret. ad Vellei. I. 1.

216.

См. в частности Oenomaus ap. Euseb. Præp. Ev. V. 20.; а о втором см. Apollod. II. 8. 2. Pausan. II. 7.

217.

Исократ Архидам, стр. 119, предполагает только одну экспедицию.

218.

Pausan. V. 3. Eusebius ubi sup. Polyæn. I. 9. Сравните Heyne ad Apollod. p. 208.

219.

См. Strab. IX. p. 427. Ephorus, p. 105. ed. Marx. Сравните Стефана и Суидаса в Ναύπακτος.

220.

Bekk. Anecd. Græc. p. 305. 31. στεμματιαῖον. μίμημα τῶν σχεδιῶν αἷς ἐπλευσαν οἱ Ἡρακλεῖ δαιτὸν μεταξὺ τῶν Ῥίων τόπων. Hesychius, στεμματιαῖον. δίκηλον τι ἐν ἑορτῇ πομπέων δαιμόνων (как следует читать для δαίμονος, а не πομπέως для πομπέων с Siebelis ad Pausan. III. 20. 9). Гесихий объясняет Δίκηλον как лакедемонское слово, означающее "статуя". Этими πομπεῖς δαίμονες, "проводящими божествами", были, вероятно, Зевс Агетор (кн. III. гл. 12. § 5.) и карнейский Аполлон; и их праздник, несомненно, был связан с Карнеями. На этом торжестве тогда (как кажется) возили лодку, а на ней статую карнейского Аполлона (Ἀπόλλων στεμματίας), обе украшенные пышными гирляндами, называемыми δίκηλον στεμματιαῖον, в намек на отрывок из Наупакта. Сравните кн. II. гл. 3. § 1. гл. 8. § 15.

221.

Paus. III. 20. 9.

222.

См. Orchomenos, p. 333. К процитированным там отрывкам можно добавить Этимол. в ст. Ἀλήτης. И см. кн. II. гл. 8. § 15.

223.

В более поздние времена в Фермопиле были акарнанские прорицатели, Herod. VIII. 221. в случае с Писистратом и в других местах.

224.

Thucyd. I. 103. Впоследствии город был эйтолийским: Boeckh. Corp. Inscript. Gr. No. 1756.

225.

Полибий. Excerpt. lib. XII. ap. Mai, Script. Vet. Nov. Coll. vol. II. p. 386.

226.

И о Плероне с Ксантиппой, дочерью Доруса, Apollod. I. 7. 7, хотя Этол также представлен как убийца Доруса, сына Аполлона.

227.

Возможно, этолийцы с ранних времен поклонялись трехглазому Зевсу (Ζεὺς τριόφθαλμος), которого Стенелус Этолийский привез из Трои, согласно Павсанию II. 24. 5.

228.

Говорят, что Оксил заключил союз с Гераклидами на острове Сфактерия (Steph. Byzant.); но эта история, вероятно, основана лишь на этимологии названия Сфактерия.

229.

О чем также говорит Павсаний, V. 1.

230.

Pausan. ubi sup. Strabo X. p. 463. Сравните II. ψ. 630.

231.

Такое представление дает Павсаний V. 4. 1. ἐπὶ ἀναδασμῷ τῆς χώρας.

232.

Pausan. V. 15. 7. О тирренцах, сопровождавших их, см. Орхомен, с. 443. прим. 3, вместе с Pausan. II. 31. 3. О фиванцах, которые, как говорят, присоединились к Аутесиону, см. подробный рассказ там же.

233.

Как, например, очевидно, у Аполлодора.

234.

Имя Тисамена, как эпитет его отца (τισάμενος), соответствует Эврисаксу, сыну Аякса, Телемаху и Птолипорту Улисса, Астианаксу Гектора, Никострату, младшему сыну Менелая по Гесиоду, Горгофоне, дочери Персея, Метанасту, сыну Архандра, Алетесу Гиппотама; Но из этого нельзя сделать вывод, что это просто выдумка, поскольку такой способ давать имена существовал в исторические времена (Polyæn. VI. 1, 6) даже в царской семье Македонии. См. также, что пишет Плутарх де Малигнит. Herodot. 39, где говорится об именах детей Адеиманта Коринфского. Имена, образованные от характеристики родителя (пример этого встречается в Илиаде IX. 562), назывались φερώνυμα, согласно Schol. Steph. in Dionys. Gramm. ap. Bekker Anecd. Gr. vol. II. p. 868.

235.

Pausan. V. 4, 1. См. ниже, [гл. 7, § 6](#), прим.

236.

Pausan. VIII. 29, 4. Об этом как об уловке Кипсела рассказывает Полиэн I. 7. Возможно, Кипсела, форт в Паррасии, недалеко от Сциритиса в Лаконии, - это то же самое, что и Василис, Thucyd. V. 33. Однако было бы не совсем точно сказать о Василисе, что она лежит ἐπὶ τῇ Σκίριτιδι. Оракул, упоминающий о дружбе с аркадянами, сохранился в Schol. Aristid. Panathen. p. 191, ed. Steph.; p. 33, ed. Frommel.

237.

См. Æginetica, p. 39, прим. е, и Euripides ap. Strab. VIII. p. 366. Sophocl. Aj. 1287. (ср. Suidas в v. δραπέτης), Hesychius в ἀνανομήν и καταβολή.-Plato Leg. III. p. 686. Аполлодор, Polyæn. I. 6. Ваза в Tischbein I. 7, представляет ἄνυ ὑδροφορικὸς, а не это бросание жребия, как полагает Италинский. Эта же группа действительно иногда встречается на вооруженных геммах (Gemmæ Florentinæ, tom. II. tab. 29; ср. Winckelmann Monum. ined. n. 164, т. III. его сочинений,

р. xxvii.); но я полагаю, что в равной степени имеется в виду *ἀγὼν ὑδροφορικὸς*, как, например, аргонавты в Apollon. Rhod. IV. 1767, поскольку экспедиция Гераклидов, как бы ранняя она ни была, не относится к числу обычных предметов искусства.

238.

См. ниже, [гл. 5](#).

239.

Boeckh Inscr. I. p. 81, 82.

240.

В оракуле, сохраненном Плутархом de Pyth. Orac. 24, p. 289, спартанцы называются *ὀφιοβόροι*. Слово самого оракула, несомненно, было *ὀφιοόδειροι* (*ὀπφιοόδειροι*), как у Aristot. Mirab. Auscult. 23, которое, однако, можно было бы объяснить тем же значением, что и предыдущее слово, а именно "сдирание кожи со змей, чтобы съесть их". Лягушка была эмблемой аргивян, как никогда не выходящая из своей норы; ср. [гл. 8, § 7](#).

241.

Исократ, Panath. p. 286 A., говорит слишком общо: *μάχη δὲ νικήσαντες τοὺς μὲν ἡττηθέντας ἔκ τε τῶν πόλεων καὶ τῆς χώρας ἐξέβαλον*, что он впоследствии значительно модифицирует.

242.

V. 4, 2. Ахейец из Гелиса встречается как современник Геракла в Theocrit. XXV. 165; большее несоответствие с принятой хронологией, чем обычно позволяют себе поэты.

243.

Павсаний. VII. 1.

244.

Орхоменос, стр. 398, 477.

245.

Aristot. Pol. V. 8, согласно наиболее вероятному прочтению.

246.

Pind. Nem. XI. 32.

247.

Пелопоннес называется *ἀκρόπολις γῆς* в Phlegon de Olymp. p. 129, в Meurs. Op. vol. VII.

248.

Как неоднократно отмечает Пуквилль. Горные цепи более связаны между собой мысом *Σεπαι*, а также горами, идущими на запад от Сикиона и соединяющимися с горой *Cyllene*.

249.

Ap. Gemin. Elem. Astron. XIV. p. 55, в Petavius Uranolog. Отрывок взят из сочинения Дикеарха, озаглавленного *Καταμετρήσεις τῶν ἐν Πελοποννήσῳ ὄρων*, о котором см. Pliny N. H. II. 65, и Суидас в *Δικαίαρχος*.

250.

Apollodorus ap. Steph. Byz. (p. 400, ed. Heyne.) Eustath. ad Hom. p. 1951, 15. По данным капитана Пейтэе, высота Циллины составляет 7266 парижских футов, Тайгета - 7434, Парфениона (Загура) - 6095. По этим измерениям Тайгет несколько выше Циллины.

251.

Holland in Walpole's Travels, p. 426.

252.

Aristot. Meteorol. I. 13.

253.

См. Полибий IV. 21, 1, который особенно упоминает Синэту. Рядом находился холодный источник Λοῦσοι, или Λοῦσσα; Шпренгель в своем переводе Теофраста, т. II. с. 383, хорошо исправляет в Theophrast. IX. 15, 8, τὸ δὲ κώνειον ἄριστον περὶ Λοῦσα καὶ ἐν τοῖς ψυχροτάτοις τόποις.

254.

Из дневника Фурмона младшего.

255.

Polyb. V. 22.

256.

Согласно толкованию венецианского схолиаста и других.

257.

Абарис, как говорят, утихомирил мор, который был вызван этой жарой; Jamblich. in Vit. Pythagor. 19. Сравните Apollon. Dyscol. Hist. Mirab. с. 4, p. 9, ed. Meurs.

258.

Теофраст называет Лаконию ῥώδης, ἔπομβρος, καὶ ἔλειος (de causis pluviae III. 3, 4).

259.

ῥωχμοὺς ἀπὸ σεισμῶν ἔχουσα, Eustath. ad Hom. p. 294, 10, p. 1478, 43, ed. Rom.

260.

См. Des Monceaux в Corneille le Bruyn, tom. V. p. 465.

261.

Alcman ap. Athen. I. p. 31 C. Theognis, v. 879 sq. ed. Bekker.

262.

Книга III. гл. 2, § 3. Boeckh's Economy of Athens, book IV. ch. 19.

263.

Ἀλιμενότης, Xenoph. Hell. IV. 8, 7.

264.

В Strabo VIII. p. 366. См. Cresphont. fr. 1, ed. Dindorf.

265.

Об этом районе прекрасно сказано, что ὄφρυς τε καὶ κοιλαίνεται, Strabo VIII. p. 381.

266.

Polybius XVI. 16. 4. помещает его примерно на запад-юго-запад от Коринфа. Comp. Athenæus II. p. 43 E. Pindar Olymp. XI. 30. означает то же место.

267.

Аристотель. Meteor. I. 14. p. 755 C, и Аристид, Ægypt. vol. II. p. 351, ed. Jebb.

268.

Афины. V. p. 219 A. Лукиан. Икароменипп. 18. Nav. 20. Liv. XXVII. 31. Schol. Аристоф. Av. 969. Зенобий III. 57.

269.

Согласно "Журналу Фурмона" и "Арголиде" Гелла.

270.

См. Schol. Pind. Olymp. VII. 152. Boeckh Comment. Pind. p. 175. Siebelis ad Pausan. II. 25, 6.

271.

Элис вообще является χώρα ὕπαρμος, согласно Теофрасту, Hist. Plant. I. 6.

272.

Здесь я следую дневнику младшего Фурмона, который заслуживает доверия: он также утверждает, что видел железные кольца на каменных блоках.

273.

Сравните с этим Орхоменом, гл. 2.

274.

См. Schol. Eurip. Orest. 626. comp. Manso, Sparta, vol. I. p. 11.

275.

Strabo VIII. p. 363 A.

276.

Polyb. V. 22. 6.

277.

Thucyd. I. 120. катаκομιδὴ τῶν ὠραίων.

278.

См. кн. III. гл. 10. § 2, 5.

279.

Исократ Панат. стр. 286 C, говорит, что в древнейшие времена в Спарте было всего 2000 дорийцев; но его утверждение слишком неопределенно, чтобы на нем можно было основывать какие-либо расчеты.

280.

См. Бозций о четырех древних племенах Аттики, Museum Criticum, vol. II. p. 608.

281.

Pausan. VII. 1. 6, 7.

282.

Паузан. VII. 18. 3, кн. III. гл. 4, § 8.

283.

Clarke's Travels, II. 2. p. 646, &c.

284.

Ниже, гл. 5. § 1 и 8.

285.

См. Thucyd. I. 122. III. 85, и пример Децеля.

286.

Εὐρουσθέος Κυκλώπια πρόθυρα, Пиндар. Фрагмент. Incert. 48, ed. Boeckh.

287.

πολυχρυσοῖο Μυκῆνης, Гомер. Сравните кн. IV. гл. 1.

288.

Фурмон полагает, что он узнал Темениум в цитадели к югу от Лерны, но она должна лежать к северу.

289.

См. Callimach. Fragm. 108. ed. Bentl. from Schol. Pind. Nem. X. 1. О взятии Аргоса см. Polyæn. II. 12.

290.

Плутарх. Qu. Gr. 48. p. 404. Cp. Schol. Callim. Pall. 37.

291.

Pausan. II. 28. 3. Имена, данные Аполлодором II. 7. 6. Агелай, Эврифил и Каллий, вероятно, взяты из "Теменид" Еврипида. Цейсус и Фальсис упоминаются Эфором ап. Strab. VIII. p. 389. Scymn. Chi. V. 525 sq. Pausan. II. 6. 4. II. 12. 6. II. 13. 1. Цейсус также упоминается Гигином, Fab. 124 (где читается Cissus Temeni filius); но его рассказ очень путанный. См. Æginetica, p. 40.

292.

Pausan. II. 6. 3. Eustath. ad Il. V. p. 520. Стефан Визант. говорит: Φαῖ στος Ῥοπάλου, Ἡρακλέους παιδός.

293.

Νύμφης Συλλίδος; я предполагаю Ὑλλίδος.

294.

Журнал Фурмона содержит подробный и точный рассказ об этой реке.

295.

Pausan. II. 11. 2.

296.

Pausan. II. 13. 1. ἐπ' ἀναδασμῶ γῆς.

297.

Pausan. ubi sup. и VII. 3. 5.

298.

Pausan. III. 16. 5. Θερσάνδρου τοῦ Ἀγαμηδίδα, βασιλεύοντος μὲν ΚΛΕΕΣΤΩΝΑΙΩΝ, τετάρτου δὲ ἀπογόνου Κτησίππου τοῦ Ἡρακλέους. Поскольку здесь должно подразумеваться какое-то дорийское государство, ΚΛΕΩΝΑΙΩΝ, предположение Кюна, кажется наиболее вероятным; и все сомнения снимаются сравнением с Ælian N.A. XII. 31., где, однако, Терсандр назван

сыном Клеонима, а не Агамедидаса. Возможно, Павсаний имеет в виду "Терсандр, сын сына Агамеда".

299.

Sophocl. Acris. ap. Hesych. in ἀκτίης. Scymnus Chius 526. из Ephorus, Polyb. V. 91. 8. Conon. 7. Диодор. XII. 43. XV. 32. XVIII. 11. Strab. VIII. p. 389. Элиан. V. Н. VI. 1. Плутарх. Demetr. 25. Павсаний. II. 8. 4. Ἐπιδαύριοι καὶ Τροιζήνιοι, οἱ τὴν Ἀργολίδα ἀκτὴν ἔχοντες. Он отличается от Ἀργολικὸς κόλπος, который является южным побережьем.

300.

Об этих сомнительных названиях (Ἀγαῖος, Ἀγραῖος) см. Æginet. p. 40. Это имя было распространено в Македонии в более поздние времена; см. Harpocrat. в Ἀργαῖος.

301.

Об этом говорит Павсаний. См. также Ямблих Пифагор. 2. о колонии эпидавров на Самосе. Aristotle ap. Strab. VIII. p. 314, утверждает, что ионийцы пришли *вместе* с гераклидами из аттического Тетраполиса в Эпидавр. Первая версия, безусловно, наиболее вероятна.

302.

Æginet. p. 43.

303.

Pausan. II. 30. 9.

304.

Книга II. гл. 2, § 8. Согласно Павсанию II. 30. 9. Анафлит и Сфетт, сыновья Трезена, перешли в Аттику и дали свои имена двум районам, которые так называются. См. Приложение II.

305.

Павсаний. II. 33. 1.

306.

Пиф. IV. 49.

307.

Strab. VIII. p. 312. 377.

308.

Plutarch. de Def. Orac. p. 620. Paus. X. 18. 4.

309.

См. кн. III. гл. 4, § 2.

310.

Это следует из Thucyd. V. 53. Κυριώτατοι τοῦ ἱεροῦ ἦσαν Ἀργεῖοι.

311.

Там же. Согласно Диодору XII. 18. лакедемоняне были обязаны посылать жертвы Аполлону Пифею (Πύθιος); но его рассказ путанный.

312.

Pausan. II. 35. 2. 36. 5. Сравните кн. II. гл. 3. § 4.

313.

Выше, гл. 2, § 4.

314.

Pausan. II. 28. 2. 34. 6.

315.

Стеф. Вуз. в Νέμεα, где, судя по контексту, τῆς Ἀργολίδος должен быть написан для Ἡλίδος.

316.

II. 8.

317.

Conon. 26. Etymol. Mag. in Ἀλήτης.

318.

Сравните p. 72, примечание f.

319.

Aristot. ap. Proverb. Vatic. IV. 4. Μηλιακὸν πλοῖον. Сравните Apostol. XIX. 89, а Суидас, Diogenianus VII. 31, объясняет это по-другому.

320.

Δέχεται καὶ βῶλον Ἀλήτης. См. Duris в Plutarch. Prov. Alex. 48. p. 593. Диогениан IV. 27. Зенобий III. 22. Suidas in δέχεται, Schol. Pind. Nem. VII. 155. Возможно, Суидас в ἀδηλώσας ссылается на эту историю.

321.

Orchomenos, p. 352. См. также Плутарх. Qu. Gr. 13. Доставка комка земли (распространенный символ передачи владения землей, Grimm Rechtsalterthümer, p. 110-21) также встречается в истории ионийской колонии, Lycophron 1378. и Tzetzes Chil. XIII. p. 468. v. 112.

322.

Thucyd. IV. 42. Сравните Polyæn. I. 39.

323.

Schol. Pind. Olymp. XIII. 56.

324.

Didymus Schol. Пинд. Olymp. XIII. 17. Conon ubi sup. Сравните Диодора в Euseb. Chronic. p. 35. (Fragment. 6. p. 635. Wessel.) Ephorus in Strab. VIII. p. 389 D, и Scymnus Chius, 526.

325.

Согласно Веллею Патерку.

326.

IV. 42.

327.

Orchomenos, p. 140. Согласно Конону ubi sup. Алет нашел сизифидов и ионийцев, смешавшихся с ними.

328.

Орхомен, p. 257.

329.

II. 4. 3.

330.

Пиндар. Olymp. XIII. 11. Сравните "Комментарий Боэция", стр. 213. Callimachus ap. Plutarch. Symp. Qu. V. 3. p. 213. Ἀλητιάδαι παρ' Αἰγαίωνι θεῷ Θήσουσιν νίκης σύμβολον Ἴσθμιάδος Ζήλω τῶν Νεμέηθε.

331.

Herodot. V. 92. 2. Это, возможно, может дать некоторое объяснение древнему родству между Кипселидами и Филаидами (см. Herodot. VI. 128.), если сравнить таблицу, Orchomenos, p. 465.

332.

II. 4. 4. ср. V. 18. 2.

333.

См. Blanchard Recherches sur la ville de Mégare, Mém. de l'Acad. des Inscr. tom. XVI. p. 121.

334.

Herodot. V. 76. Lycurg. in Leocrat. p. 196. Страбон IX. p. 293. XIV. p. 653. Конон 26. Scymnus Chius, 503.

335.

См. Raoul-Rochette III p. 56. который опустил замечательный отрывок из Pausan. VII. 25, согласно которому лакедемоняне частично взяли Афины. В Афинах был дельфийский род Клеомантидов, чей предок, как говорят, сообщил афинянам пророчество о смерти царя, Ликург в "Леократе", стр. 196.

336.

Лусопhr. 1388. и примечание Цетеса.

337.

См. особенно Schol. Pind. Nem. VII. 155. Schol. Аристоф. Ran. 440. Pausan. I. 39. 4.

338.

Schol. Pind. et Aristoph. ubi sup. Согласно Зенобию V. 8. мегаряне оплакивали дочь своего царя Клития и Вакха Коринфского.

339.

Об этом событии всегда рассказывается в пояснение к пословице; см. Schol. Pind. ubi sup. Schol. Plat. Euthydem. pag. 97. edit. Ruhnken. и Schol. Aristoph. Ran. 440 (из Демона). Сравните Аристоф. Eccles. 828. Zenob. III. 21. Ватикан. Prov. III. 13. Apostolius VII. 17. XIV. 97. Suidas, Hesychius, Dissen ad Pind. ubi sup. Вероятно, именно об этой победе мегарян Павсаний (VI. 19. 9.) прочитал в каком-то документе, что она произошла до начала Олимпиад, когда Форбас был пожизненным архонтом в Афинах; но, на мой взгляд, он ошибается, ссылаясь на сокровищницу Донтаса Лакедемонского (Olymp. 60.), в надписи которой неопределенно говорится о победе мегарян над коринфянами, в которой якобы принимали участие аргивяне. Форбас был архонтом со 173-го по 148-й год до первой Олимпиады, согласно Евсевию.

340.

Thucyd. I. 103. Diod. XI. 79. Плутарх Кимон. 17. Вероятно, именно в какой-то войне такого рода Орсипп из Мегары расширил территорию своего родного города, согласно Etymol. M. p. 242; он был завоевателем на 15-й Олимпиаде, см. кн. IV. гл. 2. прим. Pausan. I. 44. 1. и эпиграмму в Anthol. Pal. II. App. 272. См. Siebelis ad Pausan. ubi sup.

341.

См. рассказ у Плутарха. Qu. Gr. 17. p. 387.

342.

Выше, гл. 3. § 11.

343.

См. выше, гл. 3. § 3.

344.

Называется на дорийском диалекте Проклḗας, Kühn ad Pausan. III. 1. Согласно Полиэну I. 10. Прокл и Темен вместе завоевали Лакедемон.

345.

Ирод. VI. 52. и этому следуют Xen. Agesil. 8. Плутарх. Agesil. 19. [То же самое сохранилось во фрагменте Алкея (Mus. Crit. I. p. 432) ὥς γὰρ δὴ ποτε φασὶν Ἀριστόδαμον ἐν Σπάρτῃ λόγον οὐκ ἀπάλαμνον εἰπεῖν, как заметил Нибур (Niebuhr. История Рима, т. I. прим. 94. изд. 2)].

346.

Слова оракула, которые пересказывает Геродот, вероятно, были μᾶλλον δὲ γεραίτερον ἔστι γεραίρειν.

347.

V. 16. Также у Платона Leg. III. p. 683. Спартанец Мегилл на вопрос καὶ βασιλεὺς μὲν-Λακεδαίμονος Прокλῆς καὶ Εὐρυσθένης; отвечает, πῶς γὰρ οὐ, против своей национальной традиции.

348.

Пиндар Pyth. I. 65. говорит, что дорийцы, "спустившись с Пинда, сразу же взяли Амиклею". Сравните Воескh Comment, p. 479. Это столь же ошибочно, как и другое его утверждение, что Пилос пал во время вторжения, см. ниже, § 15. Согласно Ephorus ap. Strab. p. 364 D., Филоном Ахейский, предавший Лакедемон дорийцам, получил от них Амиклею в награду за свое вероломство и держал в вассальной зависимости νόμος Ἀμικλαῖος (на который, кажется, указывает его имя). Сравните Conon Narr. 36. Nicol. Damasc. p. 445. Vales.

349.

Servius ad Æn. X. 564. и Луцилий, там же, ср. Heyne Excurs. II. ad Æn. X. Sosibius ap. Zenob. Prov. I. 54.

350.

Pausan. III. 2. 6. ib. 12. 7. ib. 19. 5. В его время храм еще стоял. Сравните Orchomenos, p. 313-321.

351.

Pausan. VII. 6. 2. где говорится, что Преугенес, их предводитель, происходил от Амикла.

352.

Polyb. V. 19. 2.

353.

Ap. Schol. Eurip. Orest. 46. Simonides fragm. 177. ed. Gaisford.

354.

Εὔπυργος Θεράπια, ap. Priscian. p. 1328. Fragm. 1. ed. Welcker.

355.

Isthm. I. 31.

356.

Ἐν γυάλοις Θεράπνας Pindar Nem. X. 55. По мнению некоторых, δόκανα были гробницами такого описания.

357.

См. комментарий Диссена к Пиндару *ubi sup.* p. 471.- Относительно Елены в Ферапне см. Euripid. Hel. 211. и Tryphiod. 520. Schol. Lycophr. 143. Isocrat. Encom. Hel. p. 218 D. ἔτι γὰρ καὶ νῦν ἐν Θεράπναις (Μενελάῳ καὶ Ἑλένῃ) θυσίας ἀγίας καὶ πατρίους ἐπιτελοῦσιν οὐχ ὡς ἥρωσιν ἀλλ' ὡς θεοῖς. О Менелее см. Athenagoras Leg. p. 14. Α. Θεραπναῖος Ἀπόλλων Apollon. Rhod. II. 162. Ферапн, по мнению некоторых, был ἐν Σπάρτῃ, Schol. Apollon. et Pind. *ubi sup.*; по мнению других авторов, на которых ссылается Стефан. Byz., это была сама Спарта. Оба ошибаются.

358.

Впервые его обнаружил Гропиус.

359.

Polyb. *ubi sup.* См. гл. 4. § 3.

360.

Od. B. 327. 359. A. 459. N. 412. 414. Отрывок из Od. A. 10. также следует объяснить подобным образом.

361.

Pausan. III. 2. 6.

362.

Pausan. III. 2. 7. Phlegon Trallianus ap. Euseb. Arm. p. 130. Согласно Страбону VIII. p. 365 A., однако, он был завоеван Агисом. О войне между Спартой и ее периеками во времена Ликурга см. Nicol. Damas. fragm.

363.

Pausan. III. 22. 9.

364.

См. выше, гл. 3. § 4.

365.

Это теперь очевидно из восстановления фрагмента Эфора в Strabo VIII. p. 364 D. Χρῆσθαι δὲ ΛΑΙ ΜΕΝ ὁ[χυρώματι, Ἐπιδαύρῳ (или Γυθείῳ) δὲ ἐμπορίῳ διὰ τὸ] εὐλίμενον, Αἰγυῖ δὲ πρὸς τοὺς πολεμίους [ἐπιτειχισμῶ ταύτην] γὰρ ὁμορεῖν τοῖς κύκλῳ [πολεμίοις], ΦΑΡΙΔΙ δὲ [εἰς συνόδους] ἀπὸ

τῶν ἔντος ἀσφάλειαν ἔχούσῃ. Polybius II. 54. 3. называет Αἰγυῖτις пограничным округом Спарты, где не требуется никаких изменений. См. Meursius ad Lycophr. 831.

366.

νόμος Ἀμυκλαῖος, согласно Nicol. Damasc.

367.

См. Стефан. Byz. и Pausanias. Из этого города происходят Διοσκοῦροι Λαπέρσαι.

368.

Ἰαμεῖα πόλις Μεσσηνίων τῶν πέντε, Stephanus Byz. Сравните Pausan. IV. 14. 3. Μεσόλα πόλις Μεσσηνίας μία τῶν πέντε. Νικόλαος τετάρτῳ Stephanus. Из этого Эфора в Strabo VIII. p. 361 С. должно быть восстановлено таким образом, ὥστε τὴν Στενύκларон μὲν ἐν τῷ μέσῳ τῆς χώρας παύτης κειμένην ἀποδεῖ ξαι βασιλείον αὐτῷ τῆς βασιλείας, πέμψαι δὲ ἐς Πύλον τε καὶ Ῥίον [καὶ Μεσόλαν καὶ] Ἰαμίτιν ποιήσοντας ἰσονόμους πάντας τοῖς Δωριεῦσι τοὺς Μεσσηνίους. Сравните Μεσόλα καθήκουσα εἰς τὸν μεταξύ κόλπον τοῦ Ταυγέτου καὶ τῆς Μεσσηνίας, Strab. VIII. p. 360; Ῥον ἀπεναντίον Ταινάρου, ibid.

369.

Такое же окончание можно заметить в названии древнего лаконского города Ἰππτό-λα, Pausan. III. 26. 6. Steph. Byz.; и в древнем языческом названии Аргоса Ἀργό-λας.

370.

См. Геродот, Павсаний, Цицерон de Divin. II. 43.

371.

Cicero ut sup.

372.

См. выше, с. 90. прим. н. [Примечание переводчика: Это сноска к "Эпидавру", начинающаяся "Pausan. III. 16. 5.]"

373.

См. Valckenaer. ad Theocrit. Adonias. p. 266.

374.

Плутарх. Ликург. 2, 3.

375.

Плутарх. Ликург. 2. Lac. Apophth. p. 234.

376.

От чего - неясно, хотя, вероятно, от Μέσση гомеровского каталога, положение которого, однако, весьма неопределенно, поскольку он не связан с *городом* Мессеной.

377.

Orchomenos, p. 366. Территория Пилоса, согласно традиции, изложенной в Pausan. IV. 15. 4. когда-то простиралась до Καττροῦ σῆμα, близ Стениклара.

378.

Кресфонт, как и Аристомен, были именами в Мессении в поздние времена, Boeckh Inscript. No. 1291.

379.

Ap. Strab. p. 633 B. Он был одним из колофонцев, поселившихся в Смирне.

380.

Strabo, p. 355 D. Pausanias IV. 3. 3. и др. слишком общо говорят об изгнании несторидов.

381.

Паузан. IV. 18. 1. IV. 23. 1. Pindar Pyth. V. 70. не так точно; Λακεδαίμονι ἂν Ἄργεϊ τε καὶ Ζαθέᾳ Πύλῳ ἔνασεν ἅλκᾶντας Ἡρακλέος ἐκγόνους Αἰγίμιου τε (Ἀπόλλων).

382.

Apollod. II. 8. 5. Павсаний. IV. 3. VIII. 5. 5. Исократ Архидам. стр. 120. представляет лакедемонян как долгое время управлявших Мессенией, которую им отдали сыновья Кресфонта. Еврипид в "Меропе" рассказал эту историю следующим образом: Полифонт убил Кресфонта и завладел его царицей Меропой и империей; после этого ее сын Телефон, которого Меропа отправила к другу в Итолию, вернулся и после различных трагических сцен убил узурпатора с помощью хитрости. См. фрагменты "Меропы" и Hyginus, Fab. 137, с продолжением в Fab. 184. Повествование Аполлодора в большей степени совпадает с национальной традицией.

383.

Родословная: Эпитус - Кипселус - Меропа - Эпитус - Эпитида.

384.

Как явствует из нескольких отрывков в 4-й книге Павсания.

385.

II. 171.

386.

Павсаний. IV. 20. 2. 26. 5, 6. 27. 4. 33. 5. К этому времени, вероятно, относится афинянин Метапус, который восстановил древний культ Андании с некоторыми изменениями, Pausan. IV. 1. 5.

387.

Leg. III. p. 684.

388.

В последующем обсуждении, хотя и начатом несколько заранее, я все же принимаю как данность то, что изложено в моей *Æginetica*, p. 42. Древнее выражение Λιμοῶριεῖς относилось к этой миграции. См. Гесихий, Плутарх, Prov. 34. p. 590. Однако Дидим в Гесихии называет дорийцев, живших под горой Ὀἶτα, Λιμοῶριεῖς. См. выше, с. 44. прим. е. [Примечание переводчика: Это сноска к "Дорийцы как жители морского побережья"].

389.

Родийцы пришли из Аргоса, согласно Thucyd. VII. 57. Коаны также были аргивского происхождения, согласно Тациту. Ann. XII. 61.

390.

Эратиды относятся к Аргосу, согласно примечанию Боэция, Explic. ad Pind. Olymp. VII. p. 165. Клеобул также был Гераклидом, согласно Diog. Laert. I. 6. § 89.

391.

100 городов Крита, упомянутых в "Илиаде", по-разному согласовывались с 90 в "Одиссее", как видно из Schol. Venet. Catal. 156.- Согласно Эфору, Алфемен основал на Крите 10 городов, так что во времена Улисса их было только 90, а во времена Гомера - 100. Strabo X. p. 479. Именно в такой манере писал историю Эфор. "Пилемен лакедемонянин" в венецианском схолиасте, вероятно, лишь искажение имени. Конон 47. выводит Триполис Родосский от Алтæмена.

392.

VII. 99.

393.

В обоих мы находим поклонение змеям, инкубацию, обычай изготовления вотивных табличек и т.д.

394.

Pausan. III. 23. 4.

395.

Sprengel's Geschichte der Medicin, vol. I. pp. 343. 326. новая редакция.

396.

Rhod. Orat. II. p. 396.- Относительно асклепиадов в Книдосе см. в частности Theopompus in Phot. cod. 176.

397.

Sprengel, ibid. p. 554.

398.

Vitruvius II. 8. 12. Cum Melas et Areuanius ab Argis et Trœzene coloniam communem eo loco induxerunt, barbaros Caras et Lelegas ejecerunt.- Упоминаемые Тацитом 1200 лет со времени основания до Тиберия должны быть приняты за круглое число.

399.

Религиозные церемонии Галикарнаса, изображенные на его монетах, могут быть полностью прослежены вплоть до их происхождения. Голова Медузы и Афины, трезубец и голова Гефеста относятся к поклонению Афине и Гефесту в Трезене и Афинах: треножник, лира и головы Аполлона и Деметры - к сакре Триопии. В Косе преобладали знаки отличия Эскулапия, а также Геракла как отца Фидиппа.

400.

Callimach. ap. Steph. in v. Ἀλικάρνασσος. сравните Æginetica, p. 140.

401.

Vitruvius, ubi sup.

402.

См. кн. II. гл. 3. § 5.

403.

Дионис. Hal. Rom. Hist. IV. 25. вероятно, приписывает ему слишком большое влияние.

404.

Herodot. I. 144.

405.

Согласно рассказу о предках Гелона в Herodot. VII. 153.

406.

Сравните Геродота с Diod. V. 54.

407.

Diod. ubi sup.

408.

Сцимн Хиус, 549. Вероятно, с колонией Альтеменес.

409.

Например, ε [δοξε] ταυ βουλαι και τωι δαμωι φιλ ... θενευς επεστατει γνωμα πρυ [τανιων], и т. д. из бумаг Виллазона.

410.

См. цитаты из Виллазона в Мém. de l'Acad. des Inscr. tom. XLVII. p. 287. Надпись среди его бумаг относится к строительству храма Аполлона и Афродиты в этом месте. Поклонение Афродите, по-видимому, указывает на лаконскую колонию.

411.

О Фолегандре см. Мém. de l'Acad. tom. XLVII. p. 307. 339.

412.

Paus. II. 30. 8. Рауль-Рошетт ошибается, утверждая, что Сцилакс объявляет Карианду дорийской.

413.

Herodot. V. 121. Ἡρακλείδης Ἰβανωλίος, ἀνὴρ Μυλασεὺς как предводитель карийцев.

414.

Plut. de Mul. Virt. p. 271. 4. Polyæn. VIII. 56. Согласно Ликофрону, v. 1388. дорийская колония владела также Тингром и Сатниумом, которые были местами в Карию, согласно Цетесу, в заметках которого Ἰκαρίας должен быть дважды заменен на Καρίας.

415.

О Норикуме см. ниже, § 11. На монетах Синнады есть ΣΥΝΝΑΔΕΩΝ ΔΩΡΙΕΩΝ; также ΣΥΝΝ. ΙΩΝΩΝ, и оба вместе; также выражение Καστολοῦ (лучше Καστωλοῦ) πεδίων Δωριέων, Stephan. Byz. Ксенофонт дважды упоминает его в "Анабасисе", не указывая точно его местоположение.

416.

Сравните Steph. Byz. в Ἀραι , Ἰωνίας (это ложно. Они находились между Симом и Книдом, Athenæus VI. p. 262.) νῆσοι τρεῖς οὕτω λεγόμεναι διὰ τὰς ἀράς, ἃς Δωριεῖς ἐποίησαντο πρὸς τοὺς Πενταπολίτας, ὡς Ἀριστείδης. Согласно Диеухиду в "Атене", проклятие было во времена Триопа и Форбаса.

417.

Polyb. XVI. 12. 1.

418.

См. постановление ясиев, включающее постановление калимнийцев, на дорийском диалекте: Boeskh. Corp. Ins. Gr. No. 2671.

419.

Страбон VIII. р. 374 пытается придать преданию историческую окраску, полагая, что Пелопс изгнал Антеса. Сравните XIV. р. 656. Apollod. ap. Steph. in Ἀλικάρνασσος.

420.

Ар. Стеф. Рауль-Рошетт также воспринимает это, т. III. р. 31.

421.

II. 30. 8.

422.

Стеф. Byz. in Ἀθήναι. Поэтому Афины называются сыном Посейдона, Paus. II. 30, &c. Относительно Anthedæ как жрецов Посейдона см. галикарнасскую надпись в Corp. Inscript. No. 2655, а также комментарий Бозция. Хорошо известно, что Посидония на юге Италии получила поклонение Посейдону, а также свое название от тризенской колонии.

423.

Действительно, Пиндар представляет его обитающим в Аргосе, родном месте потомков Геракла, в то время, когда все Гераклиды жили там вместе без помех; а из Аргоса он отплывает на Родос.

424.

Olymp. VII. 24. О матери Тлеполема см. эпigramму, цитируемую ниже, р. 121 note s. [Примечание переводчика: Это сноска к "эпigramме Аристотеля", начинающей "Пеплус Троя"].

425.

В Илиаде E. 628 sqq. нет необходимости предполагать, что поэт хотел представить Тлеполема родосцем. В каталоге, действительно, упоминаются четыре островных грека: Нирей из Сима, Антиф и Фидипп из Коса и Тлеполем из Родоса (II. B. 653-680). Но три первых из них больше нигде не упоминаются. Таким образом, Тлеполем остается единственным греком из азиатских колоний на стороне ахейцев в "Илиаде", а связь каталога с другими частями поэмы не кажется столь тесной, чтобы доказать, что это исключение было задумано автором пятой книги. Поэтому Тлеполема следует рассматривать как грека из родной страны. Я убежден, что, согласно Гомеру, ни один враг Трои не приходит с восточной стороны Эгейского моря. О многочисленных расхождениях между каталогом и подлинными гомеровскими преданиями см. в "Истории литературы Древней Греции", гл. 2, § 9.

426.

II. B. 668. Когда Страбон XIV. р. 653 утверждает, что Тлеполем вывел не дорийцев, а ахейцев и беотийцев (как Гераклид из Фив), он следует не древней традиции, а хронологической системе своего времени. Предки Терона Родосского (Schol. Pind. Olymp. II. 14.) не имеют к этому никакого отношения: а Рауль-Рошетт, том. II. р. 272, смешивает различные рассказы.

427.

См. кн. II. гл. 12. § 6.

428.

Peplus Troj. Her. Epig. 27.

429.

Книга II. гл. 11. § 4.

430.

См. в частности Etymol. Mag. p. 219. 8. также Raoul-Rochette, tom. III. p. 157.

431.

Hecataeus ap. Stephan. Byz.

432.

Как утверждает Рауль-Рошетт, том. III. p. 251. ясно показывает на примере Геродота и Аристенета περὶ Φασηλίδος ap. Steph. Byz. в Γέλα и других словах.

433.

Eckhel D. N. III. p. 68. Согласно Strab. XIV. p. 671 D. Ῥοδίῳν καὶ Ἀχαιῶν, которое Рауль-Рошетт, том. III. p. 379, предлагает отнести его к Ахее на Родосе и опустить καὶ, но языческое название было бы скорее Ἀχαιεύς, чем Ἀχαιοῖς. Солон, линдиец с Родоса, называется основателем этого Соли в Киликии, Vita Arati, vol. I. p. 3. vol. II. p. 444. Buhle.

434.

Оба имени в Etymol. Magn. in v. Γέλα.

435.

Herodot. VII. 153. На монетах Телоса изображены голова Юпитера и краб, как и на монетах Агригентума; последний символ также присутствует на монетах Коса и Линда.

436.

Thucyd. VI. 4.

437.

Согласно поддельным письмам, которые правильно рассматриваются Бентли в нескольких отрывках его "Диссертации" (не замечая, однако, исторической связи), а также Леннепом в примечаниях.

438.

Согласно Hippostratus ad Pind. Pyth. VI. 4.

439.

Сравните, кроме Мерсия, Heyne, Nov. Comment. Gotting. II. cl. philol. p. 40 sqq. То, что Лион был родосской колонией, в последнее время, хотя и без всяких оснований, утверждал, вслед за отцом Колония, граф Вильгрин де Тайлефер, Antiquités de Vésone.

440.

См. Рауль-Рошетт, том. II. p. 124. который также верит в победу Персея над Сарданапалом.

441.

См. в частности Dio Chrysost. Orat. Tars. 33, pp. 394, 406, 408. Геракл назывался ἄρχηγός, и в день его праздника в его честь возводилась погребальная куча; ср. Athenæus V. p. 215 B. о Стефанефоре или жреце Геракла в Тарсе.

442.

Рауль-Рошетт, том. II. p. 403 sqq.

443.

Стеф. Byz. in Ἰώνη.

444.

Прибытие Диомеда Аргивского среди дауниан может также относиться к основанию Эльпии. Говорят, что он пришел с дорийцами. Антонин. Liber. 37.

445.

Polyb. Exc. Leg. XX. 7. II. Liv. XXXVII. 56.

446.

Ap. Strab. XIV. p. 676.

447.

Steph. Byz. in Γέλα. Сравните Athen. VII. p. 297, из Ὅροι Κολοφωνίων Геропифа, и Филостефана περὶ τῶν ἐν Ἀσίᾳ πόλεων.

448.

Книга II. гл. 2, § 7.

449.

Помпон. Мела I. 14. Традиция очень древняя. Strab. XIV. p. 668. у Каллина. τοὺς λαοὺς μετὰ Μόψου τὸν Ταῦρον ὑπερθέοντας τοὺς μὲν ἐν Παμφυλίᾳ μεῖναι, τοὺς δ' ἐν Κιλικίᾳ μερισθῆναι καὶ Συρίᾳ, μέχοι καὶ Φοινίκῃς. Относительно Мопсуса в Памфилии см. также Clem. Alex. Strom. I. p. 334.

450.

Strab. XIV. p. 675 и др.

451.

Philosteph. ubi sup.

452.

Родия, близ Фазелиса, также, без сомнения, родосская колония; и Мопсус (Theorompus ap. Phot. cod. 176) был ее основателем только в вышеуказанном смысле. Таким же образом, вероятно, был основан и Лирнес; сравните Raoul-Rochette, tom. II. p. 404 sqq., который, однако, ничего не понял из всего этого.

453.

De Div. I. 40.

454.

Книга II. гл. 2. § 7.

455.

Thucyd. III. 102.

456.

См. § 10.

457.

О чем говорят Плутарх. *Amator.* и Diodor. *Exc.* II. 228. p. 548. Весс. рассказывает об изгнании Архия, схолиаст относит это к Аполлонию IV. 1211, из рода Вакхиадов. Первые утверждают, что случайное убийство сына Мелисса стало причиной основания Сиракуз, вторые - Корсиры. Однако это опровергается Парийским мрамором, I. 47. Архияс δέκατος ἀπὸ Τημένου, поскольку вакхиады произошли от Алета, а не от Темена. В любом случае Архияс - это Гераклид. См. Воескh. *Explic. ad Pind. Olymp.* 6. p. 153. Сравните Gölner de situ *Syracusarum*, p. 5. sq.

458.

Strab. VII. p. 380 D.

459.

Strab. VI. p. 269. Сравните Scymnus Chius, v. 274.

460.

См. "Введение к шестой Олимпиаде" Бёкха.

461.

Книга II. гл. 9. § 4. гл. 10. § 1.

462.

Athen. IV. p. 167. от Деметрия Скепсия. Архилох упоминает об этом Эфиопе (Siebel. *Fragm.* p. 233).

463.

Клемм. *Alex. Strom.* I. p. 298. Его προσόδιον был написан до Мессенских войн, примерно в то же время.

464.

Adonias. 53. Сравните Thucyd. VI. 77. ὅτι οὐκ Ἴωνες τάδε εἰσὶν, ἀλλὰ Δωριεῖς, ἐλεύθεροι ἀπ' αὐτονόμου τῆς Πελοποννήσου τὴν Σικελίαν οἱ κοῦντες.

465.

Dio Chrys. *Or.* XXXVIII. 4.

466.

Согласно Thucyd. VI. 5. Рауль-Рошетт, III. p. 319. поддерживает противоположное мнение.

467.

Thucyd. I. 108. где, очевидно, имеется в виду Халкис.

468.

Raoul-Rochette, *ib.* p. 290. Монеты Ализии не обязательно доказывают ее коринфское происхождение, так как варварские города часто перенимают черты соседних греческих городов. Геродот IX. 28. не дает никаких оснований предполагать, что Палея была коринфской колонией; однако и здесь, и в Thucyd. I. 27. она предстает как тесно связанная с Коринфом.

469.

Я так считаю, потому что он был основан Гераклидами, то есть Вакхиадами, согласно Anton. *Lib.* 4; следовательно, там также существовало поклонение Гераклу. Сравните также

относительно переселения дорийцев в Амбракию эпиграмму Дамагета в *Palat. Anthol.* VII. 231.

470.

Γόρυος, вероятно, наиболее правильная форма из тех, что встречаются в *Plut. Conv.* VII. Sap. 17. p. 42. *Strab.* X. p. 452, 7. p. 325. *Scymn.* Ch. 427. Антонин. *Lib.* I. 4. p. 23. Теухн., который один считает его братом Кипсела. См. кн. III. гл. 9. § 6. прим. Форма ΓΟΡΓΟΣ также подтверждается монетой из Амбракии. См. *Raoul-Rochette, Annali dell' Istituto di corrisp. archeol.* 1829, p. 316.

471.

Thucyd. II. 68.

472.

См. *Boeckh. Corp. Inscript.* No. 43.

473.

Плутарх. *Themist.* 24.; но вся история изложена неточно.

474.

Таким образом, *Schol. Apollon.* IV. 1212., и у Тимея в V. 1216.

475.

Однако Тимей *ubi sup.* помещает Херсикрата через 600 лет после Троянской войны, дату которой он установил (согласно *Censorinus de Die Nat.* 21.) за 417 лет до первой Олимпиады; следовательно, дата, которую он дает Херсикрату, - *Olymp.* 46. 3. 594. До н. э. во времена Кипселиды. Но поскольку едва ли можно поверить, что Тимей мог так низко поместить основание Корсиры, вероятно, что он установил более раннюю дату Троянской войны, согласно Клинтону (*Clinton F. H.* vol. I. p. 135. ω. III. p. 490). Сравните *Mustoxidi Illustrazioni Corciresi*, I. 5. p. 65.

476.

Thucyd. I. 47.

477.

Strab. VII. p. 326. *Scymn.* Ch. 620.

478.

Scymn. Ch. 412. Согласно *Raoul-Rochette*, IV. p. 86. он был основан в то же время, когда Дионисий основал Лиссу.

479.

Orchomenos, p. 297.

480.

Thucyd. I. 13.

481.

μάλιστα ὑπὸ ἀποίκων στερρόμεθα, слова коринфян в *Thucyd.* I. 38. Сравните I. 26. Плутарх Тимол. 3.

482.

I. 56. См. кн. III. гл. 8. § 5.

483.

Согласно Евсевию. См. Raoul-Rochette, III. p. 233.

484.

Согласно Исихию Милесию де Константу, p. 48. основателя звали Диней.

485.

Положение Византии с политической и торговой точки зрения хорошо описано Полибием IV. 44.

486.

Дионис. Byzant. de Thracio Bosporo в Hudson's Geogr. Min. vol. III. жертвы приносились ей в первый день года. Комментарий Хейна. Rec. Gotting. tom. I. p. 62. достаточно полно рассмотрел басни об Ио в Византии, но не проследил происхождение традиций.

487.

Там же.

488.

См., кроме других, Palat. Anthol. VII. 169. Почему Рауль-Рошетт не допускает здесь, как и в других местах, предположение о существовании древней колонии под руководством Ио, аргивской принцессы?

489.

См. Дионисий. Кое-что на эту тему есть и у Гесихия. Кроме имен, указанных в тексте, есть Афина Экбасия-Артемида Диктинна (также *Lucifera in piscinis*), Аякс Теламоний и Ахилл-Рея-Геката и Фортуна-Диоскуры-Амфиараус ἐν σικαῖς, Афродита-хранительница мира, и Афродита Πάνδημος.

490.

С которой временами возникали разногласия. См. Aristot. Pol. V. 2. 10.

491.

См. кроме постановлений Демосфена, Constantin. Porph. Them. I. p. 1452. в Meursii Opp.

492.

Μεταμβριανων и Μεσαμβριανων на монетах.

493.

Согласно Scymnus Chius, v. 714.

494.

Plut. Qu. Gr. 57. Æginetica, p. 67. Вероятно, в Перинф в это время также прибыла партия дорийских колонистов, поскольку византийцы называют его союзным городом (Demosth. de Corona, p. 255), и там было распространено поклонение Гераклу. Сравните Panofka Res Samiorum, p. 22, где, однако, несколько отрывков применены неверно.

495.

Априан, *Periplus of the Pontus Euxinus*, p. 14. Хадсон. Сравните Orelli *Heracleot*. p. 115. Рауль-Рошетт относит его к 30-й Олимпиаде, но, согласно Сцимнусу Хиусу, 231, основание произошло во времена Кира.

496.

Мегара была основана в том же году, что и Наксус, *Olymp.* 11. 3, согласно Эфору (у Страбона и Сцимнуса); согласно более точному Фукидиду - несколько позже, за 245 лет до разрушения Гелоном. Гелон царствовал с *Olymp.* 72. 2, в Геле - с *Olymp.* 73. 4, до 75. 3, в Сиракузах (Böckh ad *Pind. Olymp.* I. *Explic.* p. 100). Из рассказа Геродота VII. 156, следует, что он завоевал Мегару в промежутке между *Olymp.* 74. 1-3; в таком случае фундамент должен был упасть около *Olymp.* 13. 1, 728 г. до н. э. Тогда, согласно Фукидиду, прибытие Ламиса Мегарейского должно было произойти за несколько лет до этого. Это событие совпало с основанием Леонтины, которое произошло через пять лет после основания Сиракуз: следовательно, это не может быть согласовано с рассказом Евсевия, который датирует строительство Сиракуз *Olymp.* 11. 4. (Hieron. *Scal.*) Утверждение из Парийского мрамора согласуется лучше, т. е. *Olymp.* 5. 3. Рауль-Рошетт, III. p. 214, опирается на ложные предположения. Сравните Heyne *Opusc. Academ. tom. II. pp. 259. sq.*

497.

См. Passow ad *Theogn.* 773. Welcker ad *Alcman.* p. 85, добавляет Schol. *Platon.* p. 220. См. также Welcker's *Theognis*, p. 14. В литературной истории много случаев, когда одни и те же лица называются гражданами материнского государства и колонии; например, Архилох был парижанином и тасийцем; Протагор и Гекатей Младший были гражданами Теоса и Абдеры; Терпандр принадлежал к Арне в Беотии и Лесбосу одновременно; Мимнерм был одновременно колофонцем и гражданином Смирны и т. д.

498.

См. *Orchomenos*, pp. 313-359. Thirge's *Res Cyrenensium* (1828), pp. 23-35. О семье Гераклидов см. интересные отрывки Синезия, Катакт. (p. 10. Morell.) и Феодора Метохита в *Supplem. ad Nicol. Damasc. Orellii*. Рассказ последнего очень запутан.

499.

Pind. Pyth. IX. Böckh *Explic.* p. 325. Thirge *ibid.* 121 sq.

500.

Δωρικοί τάφοι, Synesius, *ubi sup.*

501.

Herodot. I. 174. Диодор V. 53. говорит об аргивско-лакедемонской колонии в этом районе.

502.

V. 9. 53. Tzetzes ad *Lycophr.* 1388, называет его Ἰππότης ὁ Ἀλήτης, но я вряд ли могу думать, что он тот же самый, что и предок коринфских Гераклидов.

503.

Diodor. V. 53.

504.

Также в Нисире, судя по его монетам.

505.

Я говорю об этом на основании прекрасных рисунков М. Гюйо, среди которых есть план Цнидоса; точный план гавани мне показал капитан Бофор. Сравните Кларк, часть II. § 1, табличка 13.

506.

Диодор V. 9 сообщает, что в 50-ю Олимпиаду (580 г. до н. э.) цнидцы отправили колонию в Липару под руководством трех потомков своего земляка Гиппотеса - Горгуса, Тестора и Эпитерсида, которые вместе с 500 прежними жителями основали государство. Теперь естественно было назвать бога ветров Эола, который, как предполагалось, жил на этих островах, сыном нового национального героя, Гиппотеса; таким образом, он стал Αἴολος Ἰπποτάδης. Если это так, то имя Ἰπποτάδης в "Одиссее" (К. 2. 36.), несомненно, *более позднее*, чем гомеровская эпоха; это можно предположить на основании заявления ученого Асклепиада, что гомеровский Эол был сыном Посейдона (а не Гиппотеса), которое он вряд ли мог бы сказать, если бы во всех копиях "Одиссеи" было Ἰπποτάδης.

507.

См. особенно Pausan. X. 11. 3, от Антиоха, и Диодор V. 9, вероятно, от того же автора.

508.

Псевдо-Плутарх, de fluv. Mars. Eustath. ad Dionys. Perieg. 321.

509.

См. Strab. XII. p. 570. Надпись на их монетах: Σελγέων Λακεδαιμονίων ὁμόνοια. Сравните Mionnet Descript. III. p. 525. Raoul-Rochette, tom. II. p. 427, с которым я не совсем согласен. См. также Nicephorus Blemmidas, ed. Spohn. p. 13.

510.

Дионис. Perieg. 860, где я считаю, что "амиклеяне" - это не просто поэтический орнамент, хотя на это свидетельство не стоит сильно полагаться. Сравните Евстафий ad 1.

511.

См. аргументы Рауля-Рошетта, том. II. p. 428.

512.

Lycophr. vv. 452, 593. Strab. XIV. p. 682. Λακεδαίμων ἐν Κύπρῳ Eustath. ad Homer. p. 293. 45. ed. Rom. Голги на Кипре были основаны сикионцами (Steph. Byz. in Γόλγοι), и это была *единственная* колония, посланная этим государством, за исключением Фестуса на Крите, куда, как говорят, отправился Гераклид из Сикиона; см. [гл. 5. § 2](#).

513.

Ut fertur, octavus ab Hercule, Schol. Vetust. ad Hor. Carm. II. 6. 12; и так же Servius ad Virgil. Georg. IV. 125. Aen. III. 551. Сравните, что касается Фалантиады, Steph. Byz. in Ἀθήναι. Каллимах упоминается в стихе, цитируемом Schol. ined. ad Dionys. Perieg. (Spohn. Opusc. Niceph. Blemm. 29.) πάντες ἀφ' Ἡρακλῆος ἐτήτυμον ἔστε Λάκωνες по предположению Гетлинга.

514.

Ἰακίνθου или Ἀπόλλωνος Ἰακίνθου τάφος, Polyb. VIII. 30. 2.

515.

Ib. VIII. 35. 8.

516.

Scymn. Ch. 330.

517.

Strabo VI. p. 264, от Антиоха.

518.

Herodot. III. 138. IV. 164.

519.

Страбон VIII. с. 387.

520.

Pausan. III. 3. 1. Jamblichus Vit. Pythag. 10. Raoul-Rochette, III. p. 187.

521.

См. [кн. II. гл. 3.](#)

522.

Metam. XV. 15. Grates agit ille parenti Amphitryoniadæ.

523.

См. Pausan. *ubi sup.* Недавно обнаруженные фрагменты Полибия подтверждают участие Спарты в колонизации Локри, р. 384. Май, поскольку в них упоминается отправка локрийских вспомогательных войск к спартамцам как причина основания Локри в Италии.

524.

Юстин XX. 2.

525.

Thucyd. VI. 44. Raoul-Rochette, p. 194, выводит его от дорийцев, которые ранее поселились на мысе Зефириум: но даже если там были дорийцы, они должны были быть мегарейцами.

526.

Объяснение традиции о лакедемонянах среди сабинян и самнитов увело бы нас слишком далеко от нашей темы. Примечательно, что, согласно Силию Италику, эти лакедемоняне пришли из Амиклеи и Ферапны, древних поселений ахейцев. По многим причинам я должен обойти вниманием и критские колонии.

527.

Paus. III. 2. 7.

528.

Война с Кносом очень маловероятна и почти невозможна; Paus. II. 21. III. 11. Vell. Paterc. I. 4. (Lacedæmonii in Asia Magnesiam), вероятно, имел некоторое представление о доле спартамцев в этих критских колониях, о чем будет сказано [в кн. II. гл. 3.](#)

529.

Pausan. V. 20. I, согласно Клавдию, Плутарх. Lycurg. I.

530.

Λυκοῦργος ὑπὸ πάντων συμφώνως ἰστορεῖται μετὰ τοῦ Ἰφίτου τοῦ Ἡλείου τὴν πρώτην ἀριθμηθεῖσαν τῶν Ὀλυμπίων θέσιν διαθεῖναι, Athen. XIV. p. 635 F.

531.

Pausan. V. 8. 3. ἐξ οὗ γὰρ τὸ συνεχὲς ταῖς μνήμαις ἐπὶ ταῖς Ὀυμπιάσιν ἐστί-.

532.

γράμματα Ἡλείων ἐς τοὺς Ὀλυμπιονίκας, Pausan. V. 21. 5. VI. 2. 1.

533.

См. Aristodemus ap. Syncell. Chron. p. 196 С. Сравните Goeller de Situ Syracusarum, p. 198.

534.

Pind. Olymp. VII. 86. ἐν Μεγάροισιν τ' οὐχ ἕτερον λιθίνα ψᾶφος ἔχει λόγον. Сравните Boeckh Explic.

535.

Plutarch de Musica, 3. 8.

536.

Sturz. Hellenici fragment. p. 79 sqq. ed. 2.

537.

Agesil. 19.

538.

В Colot. 17. p. 268. Λακεδαιμόνιοι τὸν περὶ Λυκούργου χρησμὸν ἐν ταῖς παλαιοτάταις ἀναγραφαῖς ἔχοντες. Об этом оракуле см. Theodoret Græc. Affect. 9. 10. Max. Tyr. Diss. XXIX. p. 72. Оракул в CEnomaus (Euseb. Præp. Ev. V. p. 113.), очевидно, является современной подделкой.

539.

Выше [гл. 5. § 14](#). Еврисфен, согласно Евсевию, царствовал 42 года.

540.

Суидас в Χάρων.

541.

Athen. XI. p. 475 В. о карχήσιον.

542.

XII. 12. 1.

543.

Плутарх. Ликург. I. Diod. I. 5. который называет ἀναγραφὴ царей παράπηγμα. Евсевий говорит, что в начале олимпиад Lacedæmoniorum reges defecerunt, эта ошибка возникла из-за заканчивающихся здесь списков, которые были сделаны для вычисления предыдущих периодов.

544.

Apollod. ap. Diod. ubi sup. Eratosthenes ap. Clem. Alex. Strom. I. p. 336. ed. Colon. Сравните Tatian. adv. Græcos, p. 174. Censorinus de Die Natali 21. Euseb. Scalig. p. 23. Cicer. de Rep. II. 10. который также следовал Χρονικὰ Απολλοδόρα.

545.

Я не утверждаю, что хронологические данные в спартанских списках представляют собой *подлинный документ*, как и те, что содержатся в каталогах жриц Ере и в списке галикарнассских жрецов (Boeckh Corp. Ins. Gr. No. 2655). Хронологические выкладки в

спартанских списках могли быть сформированы на основе несовершенных памятников; но александрийские хронологи должны были найти такие таблицы в существовании, поскольку они не могли быть получены простым вычислением; и все же дата 328 лет до 1-й Олимпиады была полностью основана на них.

546.

Ap. Clem. comp. Diod. de Virt. et Vit. p. 547, ed. Vales.

547.

P. 411. Fragm. ed. Heyn. from Tatian and Clemens I. p. 327. comp. p. 309. Pausan. III. 2. 4. Цитирование Евсевием Аполлодора на 18-м году жизни Алкамена неверно, как видно из Плутарха. Lycurg. I.

548.

I. 65. Павсаний. III. 2. 3.

549.

Элиан. V. Н. IX. 41.

550.

Симонид. ап. Плутарх. Лыс. 2. и ср. Schol. Plat. Rep. X. p. 474. 21 Беккер. Последний также, согласно Aristot. Polit. II. 7. 1. Ephorus ap. Strab. X. p. 482. Сравните Dieuchidas, ap. Плутарх. Lycurg. 2. et Clem. Alex. Strom. I. p. 328. ed. Colon, (p. 390 Potter). ср. Strab. X. p. 481. Он принял Ликурга за сына Полидекта и младшего брата Евномия и поместил его через 290 лет после взятия Трои. Дионис. Hal. Arch. Rom. II. 49. называет Ликурга дядей Евномия, которого он, вероятно, помещает вместе с Геродотом (VIII. 131.) *после* Полидекта. Фукидид I. 18. помещает Ликурга незадолго до 800 г. до н. э. Тимей избежал трудностей, предположив, что Ликургов было двое. Больше всего с этим не согласен Ксенофонт (Rep. Lac. 10. цит. по Plutarch. Лыс. I.), который говорит, что Ликург жил κατὰ τοὺς Ἡρακλείδᾱς, т. е. κατὰ τὴν Ἡρακλείδων κάθοδον.

551.

VIII. 131.

552.

См. Clinton, F. H. vol. I. p. 144. Это же объяснение уменьшает трудности, связанные с родством Ликурга; однако остается большое расхождение между Геродотом (где предложенная Маршамом поправка не соответствует контексту) и Ксенофонтom.

553.

Даты этих событий приводятся, несомненно, на основе александрийских хронологов, Диодором, fragm. 6 p. 635, где (вместе с Весселингом после Дидима) необходимо принять 30 лет от возвращения Гераклидов до царствования Алета, что дает правильное вычисление. Это упустил из виду Евсевий, поскольку он делает Алета современником Эврисфена. См. Армянский Евсевий, стр. 16. Mai.

554.

См. выше, с. 136. прим. t. [Примечание переводчика: Это сноска на "район Лаконии"].

555.

Æginetica, p. 62. Comp. Theocritus XVII. 27.

556.

Как можно справедливо заключить из V. 4. 3.

557.

V. 4. 4 В надписи в Олимпии (Brunck. Anal. II. p. 193.) он назван сыном Хемона; согласно общей традиции, он был сыном Праксониды. У Евсевия (Hieronym.) должно быть написано: Iphitus Praxonidis vel Aemonis f.

558.

I. 66, 67.

559.

Об этом слове см. Boissonade, Classical Journal, vol. XX. p. 289.

560.

Boeckh Inscript. No. 11.

561.

Например, Wolf Proleg. Homer. p. 67.

562.

Из Clem. Alexand. Strom. I. p. 308.

563.

О дате Терпандра см. кн. IV. гл. 6. § 1. прим.

564.

Scymnus Chius, v. 313. Strabo VI. p. 259.

565.

Плутарх. Лус. 13. Слова которого следует понимать так: "Ликург не принимал никаких писанных законов, а лишь санкционировал существующие обычаи". Однако эти ῥήτραι, очевидно, были не просто ἔθη, а прорицательными диктами, выраженными определенными словами, которые сохранились с древних времен. Плутарх. Agesil. 26. называет их Αἱ καλούμεναι τρεῖς ῥήτραι, а также de Esu Carn. II. 1. ὁ θεῖος Λυκοῦργος ἐν ταῖς τρεῖσι ῥήτραις; следовательно, это было в определенной степени фиксированное число. - Одно из этих самых положений было μὴ χρῆσθαι νόμοις ἐγγράφοις.

566.

Плутарх, de Pyth. Orac. 19. αἱ ῥήτραι, δι' ὧν ἐκόσμησε τὴν Λακεδαιμονίων, πολιτείαν Λυκοῦργος, ἐδόθησαν αὐτῷ καταλογάδην.

567.

Дельфийская надпись в Boeckh Corp. Inscript. n. 1711. Критская надпись в Chishull Ant. Asiat. p. 135. Самианец и приенианец в Чандлеровском инскрипте. p. 1. 38. 1, 2, 3. Marm. Oxon. p. 25.

568.

Я согласен с Крейцером (Creuzer Histor. Ant. Fragm. p. 122. что нет необходимости *всегда* переделывать писателей, касающихся ὄροι, в ὠρόγραφοι, т. е. хронологов. Приведенные выше саамские надписи прямо относятся к историческим сочинениям; так неужели же мы должны изменить в Иродиане стр. 7 (где см. цитированные отрывки) и в стр. 39. ἐν Σαμίων ὄροις?

569.

Monumenta saxi sculpta et ære prisco, Tacitus Annal. IV. 44.

570.

Я упоминаю Эвмела в этом месте, как лирического поэта в современном смысле слова, в связи с его ῥῆμα προσόδιον для мессенской Теории на Делос, Pausan. IV. 4. 1.

571.

Περὶ νομοθετῶν. Однако он должен был либо выдумать сам, либо перенять чужие выдумки, если упоминает *имена* двадцати помощников и друзей Ликурга, Plutarch. Lys. 5.

572.

Плутарх. Лус. 31. and 11.

573.

См. кн. II. гл. 10. § 2.

574.

В древности он славился своей мягкостью. Плутарх в "Жизни Ликурга" и de Adul. 16. С другой стороны, Гераклид Понтийский 2. καὶ τὸν Χάριλλον (ΧΑΡΙΛΑΟΝ) τυραννικῶς ἄρχοντα μετέστησε.

575.

Плутарх. Лус.

576.

Книга III. гл. 1. Имена Эвнома как отца и Эвкосма как сына Ликурга (Pausan. III. 16. 5.) относятся к классу, указанному выше, p. 69. note g. [Примечание переводчика: Это сноска к "Захвату Эгиалеи", начинающаяся словами "Имя Тисамена"].

577.

Только Плутарх. Lysurg. 23. и Гераклид. Pont. 2. καὶ κοινὸν ἀγαθὸν τὰς ἐκεχεΐρας (вероятно, имеются в виду пифии) κατέστησε. Рассказ Гермиппа, очевидно, по крайней мере частично, выдуман.

578.

Этот Клеостен упоминается в Phlegon Trallianus ap. Meurs. Opera, vol. VII. p. 128. и Schol. Plat. Rep. V. p. 246, 7. Bekker.

579.

Συνχώρημα Ἑλλήνων ἱερὰν καὶ ἀπόρθητον εἶναι Ἠλείαν, Polyb. IV. 73. который называет мирное существование элейцев в ранние времена ἱερὸς βίος; Strab. VIII. p. 357. Диод. Excerpt, p. 547. Wessel., где лакедемонянам приписываются весьма абсурдные мотивы.

580.

Isthm. II. 23. Boeckh Explic. p. 494. Schneider Lexicon in v. et ad Xen. Hell. IV. 7. 2.

581.

Определение этого времени было несколько неоднозначным. См. Thuc. V. 49. ἐπαλλέλλειν - подходящее слово для объявления.

582.

Ирод. VI. 19. См. также V. 77.

583.

Фукид. V. 49. comp. Pausan. V. 6, 4. VI. 3, 3.

584.

Как в известном договоре между элейцами и геренцами, αἱ δὲ μά συνέαν, τάλαντόν κ' ἀργύρῳ ἀποτίνοιαν τῷ Διὶ Ολυμπίῳ

585.

Thuc. V. 31.

586.

Thuc. III. 8, 14.

587.

Pausan. IV. 4.

588.

Книга II. гл. 3, § 2.

589.

Pausan. IV. 2. 1.

590.

Плутарх Ромул. 25. Sympos. Qu. IV. 1. 1. Sept. Sap. Conviv. 16. Polyæn. II. 31. 2. Плин. Н. N. XI. 70.

591.

См. Фульгенций в Staveren Mythograph. Latin, p. 770. Si quis enim centum hostes interfecisset, Marti de homine sacrificabat apud insulam Lemnum, quod sacrificatum est a duobus, Aristomene Gortynensi et Theoclo Eleo, sicut Sosicrates scribit. Apollodorus ap. Porphy. de Abstin. II. 55. p. 396. (ср. Meursius, Misc. Lac. II. 14.) говорит, что лакедемоняне также принесли в жертву Марсу человека.

592.

Paus. IV. 15. 5.

593.

Polyæn. II. 31. 3. Плин. XI. 70. Валер. Максим. I. 8. ext., 15.

594.

Стефан Византийский, который цитирует Геродота, Риана и Плутарха. Геродот, однако, не упоминает об этом предмете. То, что говорит Стефан, взято из Plutarch de Herodot. Maled. 2. p. 291. где, однако, для φησὶν αὐτὸς, вероятно, следует писать φασὶν αὐτόν.

595.

Исократ (Archidam. 11.) связывает Мессенскую войну с убийством Кресфонта и рассказывает, что спартанцы были воодушевлены оракулом: очевидно, в это время повествование не получило той формы, в которой оно было представлено впоследствии. Тем не менее он упоминает о двадцатилетней осаде (на основании авторитета Тиртея), § 66.

596.

См. Антип. Sidon. VII. 161. Anthol. Palat.

597.

Паузан. IV. 16. 4. VI. 32. 5. IX. 39. 5.

598.

Lycurgus in Leocrat. 15. p. 155. comp. Isocrates Archidam. 10.

599.

Pausan. IV. 27. 4.

600.

Также Эсхил Александрийский писал Мессениаку, Athen. XIII. p. 599 E.

601.

См. Athen. XIV. p. 857 D. Диодор, вероятно, следует за ним, поскольку он представляет Клеонниса в первой войне и Аристомена сражающимися вместе, Fragm. N. p. 637, Wessel. В XV. 66. он подразумевает его среди ἔνιοι. Бойвен и Весселинг тщетно пытаются примирить эти противоречия. Подлинность фрагмента Диодора, однако, сомнительна.

602.

IV. 15. 1.

603.

О Риане см. у Якобса в Index Auctorum к Антологии.

604.

См. Strabo, VIII. p. 362.

605.

Например, по рассказу мессенцев, которому следовал Мирон (Pausan. IV. 6. 2), Аристомен убил царя Феопомпа (вопреки мнению Тиртея, как видно из Плутарха Агида 21.).

606.

Теперь я укажу на некоторые случаи современного вымысла в повествовании Павсания. Рассказ о Полихаресе и Евфне предполагает большую власть в Ареопаге, чем та, которой он когда-либо обладал; ссора вообще не входила в компетенцию аргивских амфикитионов. Кроме Павсания, см. Диодор Экзерпт, р. 547, который в целом следует тем же авторитетам. Критские лучники, должно быть, были привезены Рианом из его собственной страны; несомненно, что в столь ранний период там не было наемников. Как могли коринфяне отправиться в Лаконию, не пройдя через вражескую страну, и кто бы позволил им свободно пройти? Бегство посвященных в Элевсис противоречит всякой вероятности; и это тем более вероятно, что во второй войне они были спокойными зрителями, Pausan. IV. 16. 1. Тем не менее нам говорят, что священные факелоносцы (δαδούχοι) сражались в Афинах в военном строю. Расположение легковооруженных войск в отдельных корпусах (IV. 7. 2.) противоречит рассказу Тиртея и древнему обычаю, ср. IV. 8. 4. Οἱ Μεσσήνιοι δρόμῳ ἐς τοὺς Λακεδαιμονίους ἐχρῶντο (IV. 18. 1.) противоречит Геродоту (VI. 112). Многие события приписываются очень невероятным причинам, например, что они покинули укрепленные города (IV. 9. 1.) из-за нехватки денег. Совершенно не указана причина подчинения Мессении. То, что аргивяне пришли в частном порядке, а не по приказу государства, следует из Herodot. VI. 92. Оракул в IV. 9. 2. в ямбических стихах относится к позднему времени, но все же более древнее, чем соответствующее прорицание в гекзаметрах, сохраненное Евсевием Прæпом. Ev. V. 27. p. 130. ed. Steph. Стих в Pausan. IV. 12. 1. ἀλλ' ἀπάτη μὲν ἔχει γαῖαν Μεσσηνίδα λαὸς, относится к мошенничеству Кресфонта при первоначальном разделении. В оракуле в Pausan. IV. 12. 3. и Евсевия ubi sup. должно быть написано: ἦ γὰρ Ἀρης κείνων εὐήρεα τεῖχη, Καὶ τευχέων στεφάνωμα πικροῦς οἱ κήτορας ἔξει. Откуда были взяты эти оракулы, неизвестно: нелегко

решить и вопрос о датировке таких коротких произведений. (Приведенный выше оракул по-другому, и, возможно, более правильно, дополнен Лобеком ad Phrynich. Par. p. 621.)

607.

См. "Фрагменты" в изложении Франка, Callinus, p. 168.

608.

Ap. Strab. VIII. p. 362.

609.

По Павсанию и Диодору de Virt. et Vit. p. 540.

610.

Pausan. IV. 4. 4.

611.

Юстин. III. 5. говорит о восьмидесяти годах. Тридцать девять лет, вероятно, слишком короткий срок; поскольку спартанцы не вступали в брак до тридцати лет (кн. IV. гл. 4. § 3.), разница между дедами и внуками должна была составлять в среднем шестьдесят лет. Если бы этот промежуток составлял всего тридцать девять лет, то большинство участников второй войны были бы *сыновьями* завоевателей Итомеи.

612.

Та же дата указана в Парийском мраморе, Ер. 34. Но Павсаний IV. 15. 1. доказывает *только на основании Тиртея*, что Риан был неправ, называя Леотихида современником *второй* войны; следовательно, эти цифры не могут иметь большого авторитета. Однако у Павсания были разные способы судить: например, после изгнания и порабощения жителей ни один мессенец не попал в Ὀλυμπιονίκαι, Pausan. VI. 2. 5. Однако разные писатели значительно отличаются друг от друга. Динарх в Demosth. p. 99. 29. помещает подчинение мессенцев за 400 лет до их восстановления (370 г. до н. э.); Ликург в Leocrat. p. 155. 500; Исократ Архидам. p. 121 В. только 300; но Беккер читает 400 по рукописи, что лучше согласуется с ранней датой Исократов для подчинения мессенцев. Плутарх Reg. Apoph. p. 126. только за 230 лет до освобождения Эпаминондасом.

613.

Последовательностью отрывков Диодора было доказано, что он помещает вторую Мессенскую войну в то же время, что и Евсевий: Krebs Lectiones Diodoreæ, Epimetrum. Теперь Евсевий помещает начало второй войны в Olymp. 35. 3. (638 г. до н. э.), а Тиртэй - Ol. 36. 3. (636).

614.

Pausan. IV. 6. 2. (ср. Frank, Callinus, pp. 172, 196. который предлагает Polydôrô без всяких оснований); см. Polyæp. I. 15.

615.

См. выше, гл. 5. § 12, 13.

616.

Strabo VIII. p. 360.

617.

Во времена Августа он находился в Мессении. Название Недон сохранилось только у Ἀθηναῖοι Νέδουσία.

618.

IV. 4. 2.

619.

У Страбона V. p. 257. почти такой же рассказ о лакедемонянах, как и у Павсания; так же поступают и Гераклид Понтийский, и Юстин. III. 4.

620.

Annalium memoria vatumque carminibus, Tacit. Annal. IV. 43.

621.

Паузан. IV. 14. 2. См. выше, [гл. 5. § 13.](#)

622.

Вероятно, традиция сохранила некое сообщение о жертвоприношении Артемиде Орфии (Ифигении), о котором см. кн. [II. гл. 9.](#)

623.

О той же экспедиции упоминает и Плутарх, de Superstit. 7. p. 71, Hutten.

624.

Fragm. 25.

625.

Pausan. IV. 4. Strabo VI. p. 257.

626.

IV. 14. 2. 23. 3.

627.

Поэтому Гераклу Мантикулу поклонялись в Мессане, Pausan. IV. 23. 5. IV. 26. 3.

628.

См. в частности Thucyd. VI. 5.

629.

Strabo ubi sup. Регины считали мессенцев из Наупакта своими родственниками, Pausan. IV. 26. Мы можем пропустить часто исправляемую ошибку Павсания относительно Анаксила (последняя у Якобса, Amalthea, I. p. 199. где Бентли забыт).

630.

Тем не менее, следует отметить, что Дионисий Периег. 376. упоминает амиклейцев как колонистов в Тарентуме, что, вероятно, не является простым поэтическим приукрашиванием.

631.

Ἀνδανία.-ἐκ ταύτης Ἀριστομένης ἐγένετο, Steph. Byz. Слова οὕτω γὰρ καὶ ἡ Μεσσήνη Ἀνδανία ἐκαλεῖτο, ἣν οἰκίσαι φασὶ τινὰς τῶν μετὰ Κρεσφόντου καὶ οὕτω καλέσαι, и т. д. содержат две ошибки; ср. Pausan. IV. 26. 5.

632.

Весь следующий отрывок, очевидно, взят из Tyrtaeus, VIII. p. 362. τὴν μὲν πρώτην κατακτ. φησὶ Τυρταῖος-γενέσθαι. τὴν δὲ δευτέραν, καθ' ἣν ἐλόμενοι συμμάχους Ἥλειους καὶ Ἀργείους [καὶ Ἀρχάδας addendum] καὶ Πισάτας ἀπέστησαν, Ἀρκάδων μὲν Ἀριστοκράτην τὸν Ὀρχομενοῦ

βασιλέα παρεχομένων στρατηγόν, Πισατῶν δὲ Πανταλέοντα τὸν Ὀμφαλίωνος. Страбон, р. 355 С., утверждает, что при ἐσχάτῃ κατάλυσις τῶν Μεσσηνίων элейцы помогали спартамцам. Поэтому они должны были встать на сторону последних из ненависти к Пизе. Со Страбоном согласна статья Фаворина в v. Αὐγείας, р. 134. о том, что "лакедемоняне лишили пизанцев этой привилегии за связь с Мессенией и отдали ее элеянам, которые приняли их сторону". Но если Элида была дружественна, а Пиза враждебна спартамцам, то Панталеон вряд ли мог получить агонотесию, когда Спарта одолела всех своих врагов и победоносно завершила войну. Соответственно, 34-я Олимпиада, которую Панталеон праздновал без элейцев, вероятно, пришлось на период второй войны.

633.

Согласно Павсанию, также сикионцы.

634.

Павсаний. VI. 22. 2.

635.

Плутарх de sera Num. Vind. 2. р. 216. соглашается с Павсанием и утверждает, что война длилась более двадцати лет.

636.

Ар. Polyb. IV. 33. 2. Слова надписи следующие:-.

πάντως ὁ χρόνος εὔρε δίκην ἀδίκῳ βασιλῇ,
εὔρε δὲ Μεσσήνη σὺν Διὶ τὸν προδότην
ῥηιδίως. χαλεπὸν δὲ λαθεῖν θεὸν ἄνδρ' ἐπίορκον.
χαῖρε Ζεῦ βασιλεῦ, καὶ σάω Ἀρκαδίαν.

637.

См. Aeginetica, р. 65.

638.

Какой город все еще управлялся царями во время Пелопоннесской войны, Плутарх Parallel. 32. р. 430. В этом странном сочинении произвольные вымыслы любопытно перемешаны с учеными замечками.

639.

Генеалогию орхоменских, эпидаврских и коринфских князей см. ниже, [гл. 8. § 3.](#) прим.

640.

Битва ἐπὶ τῇ Μεγάλῃ Τάφρῳ περὶ Τάφρον (Polyb. IV. 33. Pausan. IV. 6. 1. 17. 2.), в котором Аристократ, как предполагается, предал мессенцев, упоминается также Тиртеем; но его рассказ об этом совершенно отличается от рассказа Павсания, а именно: спартанцы были специально поставлены перед траншеей, чтобы не могли убежать. Eustratius ad Aristot. Eth. Nic. III. 8. 5. fol. 46. καὶ οἱ πρὸ τῶν τάφρων καὶ τῶν τοιούτων παρατάττοντες. τοῦτο περὶ Λακεδαιμονίων λέγοι ἄν; τοιαύτην γάρ τινα μάχην, ὅτε πρὸς Μεσσηνίους ἐμαχέσαντο, ἐπολέμουν, ἧς καὶ Турταΐ ος μνημονεύει.

641.

Согласно Павсанию.

642.

Pausan. IV 15. 4. То, что он говорит в IV. 24. 1. с этим, однако, не очень согласуется.

643.

Ирод. III. 41. Что лакедемоняне в начале второй войны посвятили в Олимпии статую Юпитера высотой в двенадцать футов с надписью в Pausan. V. 24. 1. является лишь предположением ἐξηγηταί.

644.

Отрывок из Strabo VIII. p. 362. должен быть оформлен таким образом: "Тиртеус говорит, что произошло второе завоевание Мессении", ἡνίκα φησὶν αὐτὸς στρατηγῆσαι τὸν πόλεμον τοῖς Λακεδαιμονίοις, καὶ γὰρ εἶναί φησιν ἐκεῖθεν ἐν τῇ ἐλεγείᾳ ἣν ἐπιγράφουσιν Εὐνομίαν; Αὐτὸς γὰρ Κρονίων-νῆσον ἀφικόμεθα. ὅτε ἡ ταῦτα ἈΚΥΡΩΤΕΟΝ τὰ ἐλεγεία (для ἡκύρωται τὰ ἐλ. в некоторых MSS. есть ΗΚΥΡΩΤΑΙΟΝΤΑ), ἡ Φιλοχόρῳ ἀπιστητέον καὶ Καλλισθένει καὶ ἄλλοις πλείοσιν εἰ ποῦσιν ἐξ Ἀθηνῶν καὶ Ἀφιδνῶν ἀφίκεσθαι. Comp. p. 52. n. d., и Porson's Adversaria, p. 39. Но нет ничего удивительного в том, что Тиртэй, живший среди дорийцев, говорит обо всем народе в первом лице множественного числа, не упоминая о своем собственном происхождении. Точно так же Тиртэй говорит о спартанском народе как о целом, Μεσσήνην εἶλομεν εὐρύχορον, Pausan. IV. 6. 2. Сравните стихи Мимнермуса в Strab. XIV. p. 634. Лаконский город Aphidnae, из которого, как предполагается, происходили Leucippidae, возник, вероятно, по какому-то недоразумению. (Steph. Byz. in v.) Архимброт также, отец Тирта (Suidas in v.), выглядит как этимологическая выдумка; Ἀρχίμβροτος, "правитель людей".

645.

О поражении спартанцев от аргивян см. [ниже](#), § 13.

646.

Callisthenes ap. Polyb. IV. 33. 2. Аристомен, согласно Павсанию. IV. 24. женил свою сестру и дочерей на людях из Фигалеи, Лепреума и Герцеговины. Об этом упоминается в стихе из пятой книги Риана в Steph. Byz. in v. Φιγάλεια, τὴν μὲν ἀνήγετ' ἄκοιτιν ἐπὶ κραναὴν Φιγάλειαν, viz. Tharyx.

647.

Об этом обстоятельстве повествует Риан в шестой (вероятно, последней) книге, в которой упоминается Атабирум, город на Родосе, Steph. Byz. in v. Ἀτάβυρον.

648.

Аристотель Полит. II. 6. 8. говорит о войнах с Аргосом, Аркадией и Мессенией до времен Ликурга; но, вероятно, он ошибается. Согласно Polyæn. VIII. 34. тегейцы взяли в плен царя Теопомпа (если, конечно, имеется в виду *царь*): и тот же авторитет утверждает II. 13. что Мантинея была захвачена Эврипоном.

649.

Pausan. VIII. 39. 2.

650.

Pausan. VIII. 48. 3. относительно Ἄρης γυναῖκοθοίας, ср. III. 7. 3.

651.

Ирод. I. 67. Паузан. III. 3. 5. comp. Dio Chrys. Orat. XVII. p. 251. С. Речь тегейцев у Геродота IX. 26. Polyænus I. 11.

652.

В это время, вероятно, был произнесен оракул, который давал спартанцам такие обманчивые обещания: Δώσω τοι Τεγέην ποσεικροτον ὀρχήσασθαι, Καὶ καλὸν πέδιον σχοίνῳ

διαμετρήσασθαι, Herod. I. 66. Двусмысленность заключается в слове ὀρχήσασθαι, которое может быть производным от ὄρχος. Также διαμετρήσασθαι означает состояние гелота или кларотеса, который получает отмеренный участок земли для обработки.

653.

См. об уловке царя Ἰλνης (Ἰλεις Casaubon) в Polyæn. I. 8.

654.

См. ниже, гл. 9. § 1.

655.

Выше, гл. 5. § 1, 4, 5.

656.

Pausan. IV. 5. 1. Амфикионы приняли решение относительно Тиреи, Плутарх Параллель. Hist. Gr. et Rom. 3.

657.

Ирод. VI. 92. sqq.

658.

Об этих амфикионах см. Ste Croix Gouvernemens fédératifs anciens, p. 100. который, однако, относится к этому вопросу со свойственной ему небрежностью. См. Boeckh Corp. Inscript. n. 1121. ср. n. 1124. Maffei in Muratori, 561.

659.

Я не должен сейчас осмеливаться делать такие позитивные утверждения, как те, что были сделаны в моей Æginetica, p. 54.

660.

III. 2. 2. III. 7. 1.

661.

Paus. III. 2. 2. III. 7. 1.

662.

III. 7. 3. и, следовательно, возможно, CEnomaus ap. Euseb. Præp. Ev. p. 133. Steph.

663.

II. 26. 5. III. 7. 5. IV. 8. 1. IV. 14. 2. IV. 43. 6.

664.

Так, согласно Геродоту, Гермiona и Асина ἡ πρὸς Καρδαμύλῃ τῇ Λακωνικῇ, которая тогда, вероятно, была ближайшим важным местом, принадлежали к дриопийцам; comp. Theopompus ap. Strab. p. 373.

665.

См. Boeckh. Inscript. n. 1193.

666.

Æginetica, pp. 51-63.

667.

Что касается владычества его брата в Македонии, отношение этого рассказа к рассказу Геродота VIII. 137. представляется мне следующим образом. Оба описывают одно и то же событие; но последнее является грубой местной традицией Македонии, сформировавшейся среди народа, у которого было мало исторических воспоминаний; первое происходит от аргивской традиции, и, хотя, как и другое, не является чисто историческим, все же связано вместе более вероятным образом. Κάρανος, возможно, является лишь другой формой Κοίρανος; см. у Гесихия в Κοράννος. Рассказ Еврипида о том, что Архелай, сын Темена, взял город Эге в Македонии, куда он пришел как козопас в большой беде (Hyginus Fab. 219; Dio Chrysost. p. 70.), является самым необоснованным. Был ли Исократ (ad Philipp. p. 88. D.) знаком с традицией о Каране или следовал рассказу Геродота, неизвестно. Есть также расхождение в рассказе Константа. Porphyg. Them. I. p. 1453. См. [Приложение I. § 15.](#)

668.

Æginetica, p. 57. ср. Addenda, p. 199.

669.

И *только* серебро (а не τό τε ἄλλο καὶ τὸ ἀργυροῦν, как говорит Страбон), поскольку медь не чеканилась до гораздо более позднего периода, а золото впервые было отчеканено в Азии. В Etymologicum Gudianum, p. 549. 58. неточно говорится, что Фидо уменьшил меры.

670.

См. кн. III. с. 10. § 12. Древние македонские монеты чеканились по тому же стандарту.

671.

Polyb. II. 37. 10.

672.

См. в целом Julian. Epist. ad Arg. 35. p. 407.

673.

Согласно Евсевию, p. 1297. ed. Pont. Павсаний помещает τὸν περὶ τῆς Θυρεάτιδος ἀγῶνα в конце царствования Феопомпа, в ту же дату; Солин, с. 13. в семнадцатый год Ромула.

674.

Иначе Геродот не мог бы сказать о кинурийцах: ἐκδεῶριεύονται ὑπὸ τε Ἀργείων ἀρχόμενοι καὶ τοῦ χρόνου. Сравните Æginetica, p. 47.

675.

Pausan. II. 24. 8.

676.

В дополнение к отрывкам из Æginetica ubi sup. см. эпиграммы Симонида VIII. 431. Диоскорида VII. 430. Дамагет 432. Никандр 526. Херемон 720. Гетулик 244. в Палатинской антологии. Согласно Исократу Архиду. с. 136. Д. 300 спартанцев уничтожили всех аргивян. Это замечательное продолжение легенды о том, что Перилай, сын Алкинора, который слишком рано ушел (Herod. I. 82.), победитель на Немейских играх, убил Отриадаса, Pausan. II. 20. 6.- Приношения аргивян за битву при Тирее, а также тегеатов за победу над Спартой в Дельфах (Pausan. X. 9. 3, 6.), судя по датам искусников, не могли быть сделаны раньше 100-й Олимпиады (380 г. до н. э.).

677.

Следовательно, их учреждение (согласно Евсевию, Olymp. 27. 3. 678 г. до н. э.) происходит от этого события. См. Athen. XIV. p. 631. Ruhnken ad Tim. p. 54. Исихий в Θυρεατικοὶ στέφανοι. Apostolius VI. 56.- Сравните с Мансо, Спарта, I. 2. p. 211.

678.

Лукиан Икароменипп. с. 18. называет Кинурию, взятую действительно с высоты птичьего полета, χωρίον κατ' οὐδὲν φακοῦ Αἰγυπτίου πλατύτερον, "не шире боба".

679.

Pausan. IV. 24. 1. IV. 35. 2.

680.

Согласно Евсевию в Olymp. 51. 6. ed. Pontac. comp. Corsini Dissert. Agon. p. 51.

681.

Как показал Диссен, ad Pind. Nem. IV. p. 381.

682.

На основании этого я объяснил Ирод. VIII. 73. в моей Æginetica, p. 47, где, однако, σύνοικοι после персидской войны не отличаются от прежних Περιῶσι.

683.

I. 18. и сравните I. 76. и I. 122. См. также Геродот V. 92. 1. ἄπειροι τυράννων καὶ φυλάσσοντες δεινότατα τοῦτο ἐν τῇ Σπάρτῃ μὴ γενέσθαι, Сосикл Коринфский говорит спартамцам: "Небо и земля изменятся, прежде чем вы упраздните свободные правительства (ἰσοκρατίαι), чтобы ввести тиранию." См. также Дионис. Halicarn. Lys. 30. p. 523. Сиракузяне также свергли многих тиранов, прежде чем у них появился свой собственный, Aristot. Polit. V. 8. 18.

684.

Tyrtæus Fragm. 3. v. 8. Гайсфорд.

685.

Libanius in Sever, vol. III. p. 251. Reisk.

686.

Polit. V. 9. 21.

687.

Однако этот ряд не вполне определен, поскольку Геродот VI. 126. доходит только до Андреаса. Аристотель просто говорит: Ὁρθαγόρου παῖδες καὶ αὐτὸς Ὁρθαγόρας, а Плутарх, de sera Num. Vind. 7 (см. Wyttenbach. p. 44). Ὁρθαγόρας καὶ μετ' ἐκείνον οἱ περὶ Μύρωνα καὶ Κλεισθένην. Из новых Экзерптов Диодора, VII-X. 14. Script. Vet. Nov. Coll. vol. II. p. 11. Май, похоже, что Андреас и Ортагор, вероятно, одно и то же лицо: ведь Андреас, как утверждается, был также поваром, благодаря которому династия была впервые возведена на престол.

688.

Pausan. VI. 19. 2. II. 8. 1. где вместо Πύρρων написано Μύρων.

689.

Ирод. I. 163. и др.

690.

Аристотель. Pol. V. 10. 3. Ибо то, что говорит Аристотель, μεταβάλλει καὶ εἰς τυραννίδα τυραννίς, ὥστερ ἡ Σικυῶνος ἐκ τῆς Μύρωνος εἰς τὴν Κλεισθένους, подразумевает, что тирания не перешла спокойно от Мирона к Клисфену, а последний вновь овладел ею силой.

691.

Книга III. гл. 4. § 3.

692.

Ирод. V. 67. Ἀργείοισι πολεμήσας.

693.

См. кроме Геродота, Diodor. Exc. 2. p. 550. с примечаниями Весселинга.

694.

Геродот, за которым следует Dio Chrysost. III. p. 43 В. Я бы теперь в этом отрывке Геродота (V. 67.) сохранил λευστήρα, где Казобон предложил ληιστήρα; однако не в пассивном смысле, а согласно грамматической форме, для камнеметателя, т. е. γύμνης или ψιλοῶς, большая масса легковооруженных солдат была снабжена пращами. Сравните, например, Thuc. I. 106. οἱ ψιλοὶ κατέλευσαν. - "Адраст - царь аргивян, а ты - общий раб", - говорит оракул Клисфену.

695.

Павсаний. II. 9. 6. X. 37. 4. Schol. Пиндар. Nem. IX. 2. Polyæn. III. 5. Примечательно, что Спарта не принимала участия в этой войне.

696.

См. Boesekh Explic. Pindar. Olymp. XII. p. 206.

697.

Pausan. II. 9. 6.

698.

Pausan. X. 7. 5.

699.

Ибо тирания длилась, согласно Аристотелю и Диодору, p. 11. Май, 100 лет, т. е. примерно с 26-й по 51-ю Олимпиаду, 676-576 гг. до н. э.

700.

Ирод. V. 68.

701.

Ирод. VI. 128.

702.

Strab. p. 378. Около 200 человек, согласно Диодору ап. Синцелл. Cronograph. p. 178. Par.

703.

Ирод. V. 92. 2.

704.

Aristot. Pol. V. 8. 4. V. 9. 22.

705.

Элиан. V. II. I. 19.

706.

Об уловке Кипсела по этому поводу см. Polyænus V. 31. 1. То, что вакхиец Демарат отправился в это время в Италию, весьма вероятно; но то, что Тарквины произошли от него, - вымысел. См. Niebuhr's History of Rome, vol. I. p. 215.

707.

Согласно Евсевию, что согласуется с 447 годами Диодора (Fragm. 6. p. 635. Wessel.), от возвращения Гераклидов до Кипсела. Нелегко понять, какие основания были у Страбона считать владычество вакхиадов 200 годами, VIII. p. 378. Согласно Диодору, они были пританами всего 90 лет.

708.

Aristot. ubi sup.

709.

Плутарх. Sept. Sapient. 21. ср. Sympos. Qu. VIII. 4. 4. p. 361.

710.

Ирод. V. 92. 6. согласно Schol. Plat. Hipp. Maj. p. 135 Ruhnk. он был πρῶτον δημοτικὸς, как следует читать в Apostol. XX. 47.

711.

Ирод, ubi sup. Aristot. Pol. III. 8. 3. V. 8. 7. V. 9. 2.

712.

Aristot. Pol. V. 9. 2.

713.

Николай Дамаскин.

714.

Аристотель. Pol. V. 9. 22. Гераклид. Pont. 5. Nicol. Дамасск.

715.

Βουλὴν ἐπ' ἐσχάτων, Гераклид. Сравните Aristot. Pol. V. 6. γίνονται δὲ μεταβολαὶ τῆς ὀλιγαρχίας καὶ ὅταν ἀναλώσωσι τὰ ἴδια, ζῶντες ἀσελγῶς. καὶ γὰρ οἱ τοιοῦτοι καινοτομεῖν ζητοῦσι, καὶ ἢ τυραννίδι ἐπιτίθενται αὐτοὶ, ἢ κατασκευάζουσιν ἕτερον.

716.

Там же.

717.

Книга III. гл. 3. § 3.

718.

Гераклид. Возможно, для προαγωγοὶ следует писать проσαγωγοὶ (как ποταγωγίδες из Сицилии, кн. III. гл. 9. § 7. прим.).

719.

См. кн. II. гл. 10. § 7.

720.

О колоссах и жертвоприношениях Кипселиды см. Aristot. Polit. V. 9. 2. Theophrast. ap. Phot, in Κυφελίδων ἀνάθημα. Ephorus ap. Diog. Laërt. I. 96. Pausan. V. 2. 4. Plato Phædr. p. 236 et Schol. p. 313. ed. Bekker. Strabo VIII. p. 353. 378. Plutarch de Pyth. orac. 13. См. кн. III. гл. 10. § 12.

721.

Геродот. Сравните Антенор и Дионисий Халкидонский у Плутарха, de Malign. Herod. 22. p. 302. и изящную легенду в Pliny H. N. IX. 41.

722.

См. выше, гл. 6. § 8. Кроме Горгуса, в Амбракии был еще тиран по имени Периандр, Aristot. Polit. V. 8. 9. Плутарх. Amator. 23. p. 60. Возможно, сын Горгуса.

723.

То ли к этому человеку, то ли к Периандру, то ли к Кипселу была, по словам Стесихора (ар. Strab. VIII. p. 347.), послана в качестве невесты прекрасная Радина из Самоса, но она была убита из ревности. То, что это был ионический Самос, доказывает против Страбона Павсаний (Pausan. VII. 5. 6.

724.

Существует некоторая сложность в хронологии этой семьи; ниже приводится генеалогическая таблица.

[Примечание переводчика: Здесь приведены связи, указанные в таблице:

Аристократ из Орхомена: Отец Аристодема и Эристины.

Эристия вышла замуж за Прокла из Эпидавра и родила Мелиссу.

Аэтион родил Кипсела, который родил Горгуса и Периандра, женившегося на Мелиссе.

Мелисса и Периандр родили Кипсела и Ликофрона].

Есть также Гордий и Псамметих, о которых ничего не известно. См. Æginetica, p. 64. sqq. Периандр правил с Olymp. 38. 1. (Евсевий) до Olymp. 48. 4 (Sosicrates ap. Diog. Laërt. I. 74.), 44 года по Аристотелю. Это не противоречит факту, упомянутому Геродотом V. 95 и Аполлодором (p. 411. Heyn. comp. Timæus ap. Strab. 13. p. 600. A. Aristot. Rhet. I. 15. 14.), что он решил между Афинами и Митиленой вопрос о Сигеуме, так как афинский Фрион (победитель на 36-й Олимпиаде, Африкан) спорил по этому же вопросу с Питтаком в Олимпе. 43. 1. (Евсевий), до времени Писистрата. Сравните Polyænus I. 25. Plutarch de Herod. Malign. 15. Diog. Laert. i. 74. Festus in Retiarii. Schol. Æsch. Eumen. 401. Повествование Геродота выстроено не совсем в хронологическом порядке. Периандр, однако, царствовал, согласно Геродоту I. 20. на пятом году правления Халиатта (Olymp. 41), и перед смертью послал ему в подарок корсирских мальчиков, в третьем поколении (т. е. в 16-й Олимпиаде), до осады Самоса лакедемонянами (Olymp. 63.), как справедливо исправил Панофка (Res Samiorum, p. 30.) в Herod. III. 48. (γ' ὑενεῖν πρότερον) из Плутарха, de Malign. Herod. 22. Кипсел, согласно Геродоту, царствовал тридцать лет и, следовательно, взойшел на престол в Olymp. 30. 3.; Кипселиды правили в общей сложности 76-1/2 лет (согласно моей редакции Aristot. Pol. V. 9. 22); Прокл царствовал примерно с 35-й по 49-ю Олимпиаду; Аристократ восходит к 25-й Олимпиаде.

725.

Æginetica, p. 64.

726.

Который сам стремился к тирании Афин уже в 42-ю Олимпиаду. Thucyd. I. 126. Heinrich, Epimenides, p. 83.

727.

Aristot. Rhet. I. 2. 19. Polit. V. 4. 4.

728.

Как Эннеакрун из Писистратид. Pausan. I. 40. 1. I. 41. 2. Theognis v. 894. ὡς куψελλίζον Ζεὺς ὀλέσειε γένος не может вполне относиться к factio Cypselidarum, особенно если это имеет какую-либо связь с тем, что предшествует, относительно персидской войны; Но куψελλίζειν должно означать "быть глухим", "иметь закрытые уши", от куψέλη.

729.

Я упомяну только тиранов в дорийских государствах: Клеобул в Линдосе, который был похож на Периандра, Плутарх, de EI 3. p. 118. comp. Clem. Alex. Strom. IV. p. 523 B. (Диагорида, однако, все еще продолжали жить в Иалисе). Кадм на острове Кос, история которого, должно быть, восходит к Herod. VI. 23. и VII. 164. быть следующей. Скиф, тиран Занкла, изгнанный саамитянами (Olymp. 70. 4. 497 до н. э.), бежал к персидскому царю и оставался главным при его дворе. Сыну Скифа, Кадму, персидский царь, вероятно, подарил остров Кос. Хотя на это можно возразить, что Кадм не мог быть сыном Скифа *Занклийского*, так как последний, по словам Геродота, умер в Персии (ἐν Πέρσῃσι), тогда как Кадм унаследовал тиранию от своего отца (πατὴρ πατρός); На это можно ответить, что Скиф, *несмотря на то*, что царь передал ему управление Косом, все же жил не там, а при персидском дворе, как, как мы знаем, было и с Гистиеем. Однако впоследствии, до 75-й Олимпиады (480 г. до н. э.), заключив договор с саамийцами, он вернулся в свою древнюю страну. За ним последовал комический поэт Эпихарм, Суидас, в ст. Ἐπίχαρμος. При отъезде из Коса он дал государству свободу и учредил сенат (βουλή). Он был современником Гипполоха Асклепиада и предком Фессала по материнской линии. См. 7-е Послание Гиппократата. В Сицилии Олеандр и семья Гиппократата, Гелон и Гиерон в Геле, а затем в Сиракузах; Фаларис, а затем Терон и Фрасидей в Агригентуме; Анаксилай в Регии и Занкле; Панэтий (Olymp. 41. 3. 614 г. до н. э.) в Леонтинах. См. Aristot. Pol. V. 8. 1. V. 10. 4. Возможно, тираном был и Аристофилид Тарентумский (Herod. III. 136.). Тираны существовали также в Италии, в Кротоне, Сибарисе и Киме.

730.

Ап. Плутарх, de Herod. Malign. 21. p. 308. Сравните Мансо, Спарта, I. 2. p. 308.

731.

Хотя они были гостями Спарты, τὰ γὰρ τοῦ θεοῦ πρεσβύτερα ἐποιοῦντο ἢ τὰ τῶν ἀνδρῶν, Herod. V. 63. 90. Thuc. VI. 53. Аристоф. Lysist. 1150, &c.

732.

См. Aristot. Pol. V. 5. 1. и его πολιτεία Ναξίων в Athenæus VIII. p. 348. Согласно Herod. I. 61. 64. Лигдамис был введен в управление Писистратом около 60-й Олимпиады (540 г. до н. э.). Comp. Heyne Nov. Comment. Gott. II. Class. Phil. p. 65.

733.

См. выше, § 2. Сикион подарил корабли Клеомену около 65-й Олимпиады, или 520 г. до н. э.

734.

До времени Гистиея.

735.

Ликург. 30.

736.

Ирод. III. 54. Плутарх. de Herod. Malign. 21.

737.

Это следует из Плутарха ubi sup. и Cimon c. 16. Herod. VI. 12. Pausan. III. 7, 8.

738.

Ирод. VII. 159.

739.

Согласно Pausan. III. 4. 1. Поэтому до Olymp. 65. 1. или 520 г. до н. э., так как Клеомен был тогда царем, что видно из сравнения с Иродом. VI. 108. с Thucyd. III. 68. В тот год он находился в окрестностях Платеи. Согласно Плутарху. Lacon. Apophth. p. 212. Клеомен был регентом в 63-ю Олимпиаду (525 г. до н. э.), когда саамы пришли в Спарту: однако это слишком большая продолжительность его правления, (которое, по словам Геродота, было *недолгим*), т. е. примерно с 525 по 491 г. до н. э.

740.

Судя по всему, этот лес находился недалеко от Сепеи на территории Тирина. Апостолий IV. 27. утверждает, что битва произошла на берегу Ἰσθμοῦ Λόφος. О стратагеме Клеомена после Геродота рассказывает Полиэн I. 14.

741.

Чудесное повествование Геродота VI. 77 sqq. также не имеет связи, поскольку в нем нет объяснения двух первых стихов оракула, ἀλλ' ὅταν ἡ θήλεια, которые, однако, должны были относиться к какому-то реальному событию. Или Геродот относит θήλεια к Юноне? Павсаний II. 20. сомневается, понимает ли это Геродот. Но история Телесилла у Павсания, Плутарх. de Mul. Virt. 5. p. 269. и Полиэна VIII. 33. является очень сказочным. Праздник Ὑβριότης не мог иметь такого исторического происхождения, а должен был относиться к мистическим обрядам каких-то элементарных божеств. Число убитых аргивян, согласно Плутарху и Полиэну, составляло 7777 человек, по другим данным - 6000 (также предание о семидневном перемирии в Plut. Lac. Apoph. p. 211.). Это битва ἐν τῇ ἐβδόμῃ ἰσταμένου, но в каком месяце, мы не знаем, Pol. V. 2. 8. Plut. Mul. Virt. ubi sup. Другие помещают его в νοῦμηνία четвертого месяца, древнее Гермеса, но только потому, что тогда праздновались Ὑβριότης. См. Clem. Alex. Strom. IV. p. 522. ed. Sylb. Suidas in v. Τελέσιλλα.

742.

Об этих рабах см. кн. III. гл. 3. § 2.

743.

Polit. V. 2. 8. Плутарх путает рабов-бондов с перизками.

744.

См. Schol. Ven. ad Il. B. 108. о девяти деревушках (островах) близ Аргоса.

745.

Pausan. VIII. 27. 1.

746.

Страбон VIII. с. 376. отличает Орнею κώμη τῆς Ἀργείας от города близ Сикиона, как и в том же месте κώμη по имени Асине, с. 373 В.

747.

Diod. XI. 65.

748.

Strabo p. 377. Однако вскоре Клеона снова появляется как дружественное государство.

749.

Гл. 7. § 15. Клеона в то время вела войну с Коринфом, Плутарх. Цимон. 17.

750.

Pausan. VII. 25. 3. Сравните. Диодор XI. 65. Примечательно, как быстро Микены канули в Лету среди афинян. Эсхил ни разу не упоминает о ней; последующие поэты часто путают ее с Аргосом. В "Электре" Софокла на протяжении всей пьесы существует самое путаное представление об этой местности; сравните Elmsley ad Eurip. Heraclid. 188. О разрушении Микен см. Brunck Analect. tom. II. p. 105. n. 248.

751.

Паузан. II. 25. 7. ср. II. 17. 5. VIII. 46. 2. Об эмиграции см. Strabo VIII. p. 373 В. и Ephorus lib. VI. ap. Steph. Byz. in v. Ἀλιεῖς. ὅτι οὗτοι Τίρυνθοί εἰσιν, и т. д. У Стефана в ст. Τίρυνς, а также у Страбона ubi sup. говорится о гермионцах в Халии. В оракуле много необычного: ποῖ τὸ λαβῶν καὶ ποῖ τὸ καθίξω καὶ ποῖ τὸ οἴκησιν ἔχων ἀλιέα τε κεκληῖσθαι. См. Приложение. V. § 11.

752.

Ирод. VIII. 43. Однако гермионяне сохранили свои древние связи и в более поздний период; см. выше, гл. 7. § 13.

753.

Pausan. II. 34. 5. Страбон добавляет разрушение Асина, но это произошло в гораздо более ранний период. Утверждение Страбона (p. 373 D.) о том, что микенцы использовали Эйон в качестве своего ναύσταθμον, должно, если оно верно, относиться ко времени до 75-й Олимпиады или 480 года до н. э.

754.

Pausan. II. 25. 1.

755.

Diod. XII. 75.

756.

Ирод. VII. 148.

757.

Herod. I. 30. где ἀστυγείτονες - это мегарцы, а не элевсинцы.

758.

Pausan. I. 40, 45. Strabo IX. p. 271. Ирод. Вит. Гомер. с. 28. Polyæn. Strateg. I. 20. 1, 2. Диоген. Laërt. I. 48. Квинктил. V. 11.

759.

Плутарх. Comp. Solon, et Public. 4.

760.

Павсаний. I. 40. 4.

761.

Плутарх. Солон. 10. 12. подтверждается Илианом. V. Н. VII. 19. В Дельфах стояла статуя Аполлона, вооруженного копьем, о которой упоминает Плутарх Pyth. Oрас. 16. p. 273. и Павсаний. X. 15. 1. которая была принесена в жертву мегарянами после победы над Афинами, т.е. после победы, одержанной в Olymp. 83. 3. см. кн. III. гл. 9, § 10.

762.

Pausan. V. 23. 1. ср. Æginetica, p. 126.

763.

Они расположены в следующем порядке: Коринф, Сикион, Мегара и Эпидавр - в более поздний период, после разрушения Эгины.

764.

Ирод. VIII. 72.

765.

Καὶ ἄλλα γέρρα μεγάλα καὶ-IX. 26. Thucyd. V. 67. О верности Флия по отношению к Спарте см. Theodoret. Græc. Affin. IX. 16.

766.

Thuc. II. 9.

767.

Thuc. V. 29.

768.

Herod. IX. 77.

769.

Ирод. VIII. 72.

770.

Ирод. VII. 202.

771.

παράσταται, Diod. XV. 12. См. также Xen. Hell. V. 2. 3.

772.

Thuc. V. 29. 33.

773.

Thuc. IV. 134. Об этой внутренней войне см. ниже, § 9.

774.

Thuc. V. 29. См. кн. III. гл. 4, § 7.

775.

Ἠγεῖσθαι, ἡγεμονεύειν, Thuc. I. 71. Коринфский оратор говорит спартамцам: τὴν Πελοπόννησον πειρᾶσθε μὴ ἐλάσσω ἐξηγεῖσθαι (ad finem) ἢ οἱ πατέρες ὑμῖν παρέδοσαν.

776.

Thuc. II. 10. περιήγγελον κατὰ τὴν Πελοπόννησον.

777.

Также корабли, орудия для осады и т. д. Thucyd. III. 16. VII. 18.

778.

Для экспедиции без Пелопоннеса τὰ δύο μέρη, т. е. две трети от целого, по-видимому, было обычной пропорцией, Thuc. III. 15. Demosth. in Neær. p. 1379.

779.

Ἀργυρίον ῥητόν. Thuc. II. 7.

780.

Boeckh Inscript. No. 1511. Вероятно, относится ко времени Лисандра.

781.

Ὡς οὐ τεταγμένα σιτεῖται πόλεμος, Плутарх. Cleomen. 27. (Ἀρχίδαμος ὁ παλαιός, т. е. второе, ὑπὸ τὴν ἀρχὴν τοῦ Πελοποννησιακοῦ πολέμου). Сравните Плутарх. Demosth. 17. Crassus 17. Reg. Arorhth. p. 126. и Lacon. Arorhth. p. 202. Хаттен. В этом отрывке апофтегма ошибочно приписывается Архидаму Третьему, хотя Пелопоннесская война упоминается в связи с ней.

782.

Thuc. I. 141.

783.

Thuc. V. 54. Клеомен также, Herod. V. 14. скрывает истинную цель; но войско вскоре расходится.

784.

Thuc. ubi sup.

785.

См. кн. III. гл. 12. Армия в 10 000 человек, хотя и состояла полностью из наемников, во многих отношениях напоминала союзную армию и подчинялась спартанской дисциплине.

786.

Thucyd. II. 10.

787.

I. 141.

788.

Там же.

789.

Thucyd. I. 125. καὶ τὸ πλῆθος ἐψηφίσαντο. V. 30. κύριον εἶναι ὅτι ἂν τὸ πλῆθος τῶν συμμάχων ψηφίσηται ἢν μὴ τι θεῶν ἢ ἥρώων κώλυμα ᾖ. V. 17. мегарцы, элеаты, коринфяне и беотийцы перевесили. Но, согласно I. 40, 41, *только* голоса коринфян помешали пелопоннесцам оказать помощь саамийцам, т. е. они дали перевес стороне, выступающей против войны.

790.

Кроме Геродота V. 93. см. Dio Chrys. Orat. XXXVII. p. 459. 15.

791.

Thucyd. I. 67.

792.

Thuc. ubi sup. Xenoph. Hell. V. 2. 11. 20.

793.

Ирод. IX. 9. где, однако, он отличается от ἄγγελοι. Сравните Плутарха де Малигна. Herod. 41. Polyæn. V. 30. 1. Плутарх Фемистокл. 6.

794.

См. договор в Thucyd. V. 77, 79.

795.

Thucyd. I. 28. ср. V. 79.

796.

V. 31.

797.

V. 7, 9. κατὰ πάτρια δίκας δίδοναι τὰς ἴσας καὶ ὁμοίας. Выражение κατὰ πάτρια вовсе не относится к древним договорам дорийцев. Выражение πατρῷοι σπονδαὶ в Pausan. III. 5. 8. вероятно, относятся к традиции, упомянутой выше, [гл. 5. § 16](#).

798.

Thucyd. ubi sup. τοῖς δὲ ἔταις κατὰ πάτρια δικάζεσθαι.

799.

Ирод. VI. 84.

800.

VI. 108. ἐδίδοσαν σφέας αὐτούς.

801.

V. 70.

802.

V. 49. 70.

803.

Согласно Юстину XIX. 1. Сицилийские государства также обращались к Леониду за помощью против Карфагена. Насколько всеобщим было уважение к Спарте в то время в Греции, показывают несколько отрывков у Пиндара, которые иначе не понять, например, Pyth. V. 73.

804.

См. [Приложение IV](#).

805.

Pers. 819.

806.

Thuc. II. 71. III. 58. 68.

807.

Ирод. IX. 106.- Эти σπονδαὶ также, вероятно, являются ζυνθῆκαι, согласно которым афиняне желали δίκας δοῦναι в начале войны, Thuc. I. 144, 145.

808.

Thuc. I. 95.

809.

Diod. XI. 50.

810.

Thuc. VI. 82. αὐτοὶ δὲ τῶν ὑπὸ τῷ βασιλεῖ πρότερον ὄντων ἡγεμονες καταστάντες.

811.

Об этом пишет Эйхштедт в примечаниях к переводу "Истории Греции" Митфорда; также Моше в диссертации *De eo quod in Cornelii Vitis faciendum restat*. Francof. 1802; и, наконец, Дальманн в своих *Forschungen auf dem Gebiet der Geschichte*, vol. I. p. 1-148. с большой ясностью и точностью.

812.

Ирод. VI. 42. См. мою рецензию на работу Кортюма, *Göttingische Anzeigen*, 1822. p. 117.

813.

Thuc. VIII. 5. ср. 46. ὅσοι ἐν τῇ βασιλέωσ Ἑλλήνες οἰκοῦσι, официальное выражение, часто встречающееся.

814.

Плутарх. Themist. 29. Thucyd. I. 138. Diod. XI. 57. Его сыновья также, по-видимому, владели ими, согласно Pausan. I. 26. 4.

815.

Ксеноф. Ад. III. 1. 6. К этой семье принадлежит и Прокл, который женился на дочери Аристотеля (когда тот был в Атарнее) и имел от нее двух сыновей, Прокла и Демарата, Sextus Empiricus adv. Mathem. p. 51 B. ed. Col.

816.

Ксеноф. ubi sup.

817.

Thucyd. V. 1.

818.

Herod. IX. 35. Паузан. III. 11. Исократ. Archid. p. 136 A. Отсюда же Леотихид в 469 г. до н. э. отправился в Тегею в изгнание, Herod. VI. 72. Геродот IX. 37. также упоминает о раздоре между Тегеей и Спартой перед Персидской войной.

819.

Fragm. 21. Гайсфорд.

820.

В это время Тегея также помогала Аргосу против Микен; выше, [гл. 8. § 7](#).

821.

Полиэн I. 41. 5. путает Архидама III. и II. Платон Leg. III. p. 692. не имеет точного представления о времени этой войны, о которой Диодор XI. 64, дал совершенно неверное и непоследовательное представление.

822.

Plin. H. N. II. 79, 81. Cicero de Divin. I. 50.

823.

ἄγος Ταινάριον. См. Thucyd. I. 128. Ælian. V. H. VI. 7. Suidas in Ταινάριον κακόν. Apostolius XVIII. 92. Prov. Vat. IV. 12. Плутарх. Пров. Ал. 54. Павсаний. IV. 24. 2. который упоминает лакедемонян вместо гелотов.

824.

Фукид. I. 101. ἧ καὶ Μεσσήνιοι ἐκλήθησαν οἱ πάντες.

825.

Ирод. IX. 64.

826.

Если в Ирод. IX. 35. можно допустить изменение πρὸς Ἰθώμῃ. Выражение Павсания III. 11. πρὸς τοὺς ἐξ Ἰσθμοῦ Ἰθώμην ἀποστήσαντας составлено из отрывка Геродота, который он читает так, как мы его теперь имеем, и Thucyd. I. 101. οἱ Εἰλωτες-ἐς Ἰθώμην ἀπεστήσαν.

827.

Thucyd. II. 27. IV. 56.

828.

Ксеноф. Ад. V. 2. 3.

829.

Thucyd. III. 54.

830.

Аристоф. Lysistr. 1138. 4000 гоплитов, о которых упоминает Аристофан, составляли примерно третью часть афинских сил (Thuc. II. 13); а поскольку платейцы также отправили τὸ τρίτον μέρος из своего числа на помощь спартамцам (ib. III. 54. ἰδίᾳ в отличие от остальной части Беотии), то это, вероятно, был контингент, установленный для подобных случаев. Платея, следует отметить, была в дружеских отношениях со Спартой после Павсания и была связана с этим государством проξενία, которой сын платейского полководца Аримнеста обязан своим именем Лакон, Thuc. III. 52, где следует читать Ἀρίμνηστον, или наоборот, у Плутарха Aristid. 11. и 19. Ἀείμνηστος следует читать как Ἀρίμνηστος.

831.

Фукид. Сравните Manso, Sparta, vol. I. p. 377. Должно быть, в то время они также злились на афинян из-за Тасоса.

832.

Эти συνθῆκαι, я полагаю, можно смело отнести к этому времени; из этого следует, что Аристотель, цитируемый Плутархом, Qu. Rom. 52. p. 343. и Qu. Gr. 5. p. 380. приводит отрывки из текста из-за выражения χρηστὸν ποιεῖν, означающего "убивать". Сравните у Гесихия: χρηστοὶ οἱ καταδεδικασμένοι. На то, что аркадяне определенным образом вели войну за гелотов, намекает и Зенобий Прот. I. 59.

833.

Thucyd. III. 112. IV. 3. ср. VII. 57. οἱ Μεσσήνιοι νῦν καλούμενοι.

834.

Thucyd. I. 102. Однако σπονδαὶ Παυσανίου все еще оставалось в силе (συνθῆκαι в сар. 144).

835.

Æginetica, p. 179. и см. Boeckh ad Pind. Pyth. VIII. Dissen ad Nem. VIII. 15.

836.

См. прекрасное объяснение Боэция ad Pind. Isthm. VI. p. 532.

837.

Об олигархических неурядицах в Olymp. 80. 4. (457 г. до н. э.) и вероятной доле участия в них Кимона см. точное обсуждение в "Historia Juris Attici de Bonis damnatis" Мейера, p. 4. n. 11.

838.

Thuc. I. 118. τὸ δὲ τι καὶ πολέμοις οἱ κείοις ἐξειργόμενοι.

839.

См. "Общественное хозяйство Афин" Боэция, т. II, с. 396, прим.

840.

Thucyd. I. 115. Νίσαιαν καὶ Πηγὰς καὶ Τροιζῆνα καὶ Ἀχαΐαν; ибо в таком порядке следует читать эти слова. Таким образом, Ахайя - это район на севере Пелопоннеса, который действительно не принадлежал Афинам, но в списках спорящих сторон значился как принадлежащий афинской стороне (об этих списках см. Фукид. I. 31, 40.), а в это время перешел к лакедемонянам. См. Thucyd. IV. 21. Сравните очень путанный рассказ Андокида Περί εἰρήνης и заимствованный из него рассказ Эсхина.

841.

Thucyd. I. 40. См. выше, с. 200. прим. е. [Примечание переводчика: Это сноска на "сильную оппозицию", начиная с "Thucyd. I. 125."]

842.

Смысл статьи в тридцатилетнем перемирии, Thucyd. I. 35. может быть только таким: государства, не входящие в союз, могут присоединиться к любой стороне, какой пожелают, и таким образом они входят в договор, а союз гарантирует их безопасность. Но если государство, уже находящееся в состоянии войны с другим государством, участвующим в договоре (ἔνσπονδος), получает помощь, то война такого рода подобна той, которую ведет конфедерация государства, оказывающего помощь.

843.

Thucyd. II. 54.

844.

Азиатские города не являются исключением; на Родосе также дорийский дух восстал против Афин в лице благородного Дориея.

845.

Thucyd. III. 86. за исключением Камарины.

846.

Thucyd. II. 8. ср. 11.

847.

Thucyd. I. 118. 123. Плутарх. Pyth. Or. 19. p. 276.

848.

Спартанцы поначалу были весьма презренны на море; в частности, Алкидас был лишен всякого таланта, Thucyd. III. 30, 31. sq.

849.

Thucyd. I. 103. V. 82.

850.

I. 121. ср. Isocrat. de Pace, p. 174, E. οἱ συνάγοντες ἐξ ἀπάσης τῆς Ἑλλάδος τοὺς ἀργοτάτους-πληροῦντες τούτων τὰς τριήρεις.

851.

См. в частности Thucyd. II. 11. V. 6.

852.

Фукидид с большой изобретательностью, но с самым горьким хладнокровием изложил принципы афинской политики на Мелийской конференции.

853.

Согласно Thucyd. III. 82. πλήθους ἰσονομία πολιτικὴ καὶ ἀριστοκρατία - это ὀνόματα εὐπρεπῆ, какими они в то время действительно были; но не τὸ κατὰ τὰ πάτρια πολιτεύεσθαι.

854.

Ubi sup.

855.

Τὸ εὖηθες, οὗ τὸ γενναῖον πλεῖστον μετέχει, - прекрасное выражение Фукидида, ib. 83.

856.

Плутарх, Reg. Apophth. p. 127.

857.

В заключение замечу, что владения пелопоннесских государств в этой войне, как они договорились друг с другом в ее начале и как их сохранила Спарта (Thucyd. V. 31. cf. V. 29.), представлены на прилагаемой карте Пелопоннеса.

858.

Против Миртила у Дионисия Галицкого. I. 23. который, однако, вероятно, был обманут, спутав Кабира с Аполлоном (см. Orchomenos, p. 455).

859.

Храмы: во-первых, храм Аполлона Онкея в Тельпусе, связанный с Гераклом, Pausan. VIII. 25. 3. Antimach. p. 65. ed. Schellenberg. Родные боги в этом случае - Деметра, Эринии и Посейдон. Во-вторых, к северу от Фенея находятся храмы Аполлона Пифия и Артемиды; говорят, что они были построены Гераклом после завоевания Элиды, Pausan. VIII. 15. 2.: ср. Aristot. Miraб. Auscult. 59. и ниже, [гл. 12. § 3](#). В-третьих, в Тегее храм Аполлона Аггея, связанный с Критом, Pausan. VIII. 53. 1. В-четвертых, храм Аполлона Эпикурия в Фигалее,

построенный в начале Пелопоннесской войны, Pausan. VIII. 41. 5. В-пятых, пифийский или паррасийский Аполлон, близ горы Ликей, Paus. VIII. 38. 6. (храм Πύθιον в Paus. ibid. Πύτιον в аркадской надписи, Воескh, No. 1534.), несомненно, правильнее было бы назвать Аристеем. В-шестых, Аполлон Цереатас в Ифитисе, близ Карниума, вероятно, происходил из Мессении, Paus. VIII. 34. 3.

860.

Liv. III. 63. IV. 25, 29. Асконий в Cicer. Orat. in toga cand. vol. II. p. 1. p. 525. ed. Orelli. Сакры фалисков на горе Соракте были, как и другие жители этого города, наполовину греческими, Virg. Æn. XI. 785. Плин. Н.Н. VII. 2. Сравните Spangenberg de Rel. Latin. p. 38. Салийские жрецы не упоминали имя Аполлона, Arnobius adv. Gent. II. 13. Аплу у этрусских патеров (Demster Etrusc. Reg. tab. 3. 4. Gori II. p. 93.) - фессалийское имя.

861.

Apollodorus I. 7. 6.

862.

Книга I. гл. 1.

863.

Долина Темпы была любимым местом Аполлона; см. Гимн Каллимаха в Del. 152. Горат. Carm. I. 21. 9. Мелисс в своем историческом труде о Дельфах, похоже, вывел поклонение Аполлону из пределов Македонии, как можно предположить из фрагмента, процитированного Цетесом в "Гесиоде" (Tzetzes ad Hesiod. Op. 1. p. 29. ed. Gaisford. Из-за близости этого великого храма поклонение Аполлону было очень распространено в Македонии, на монетах которой часто встречаются его символы.

864.

Воескh. Corp. Инскрипт. No. 1767. Другая надпись, найденная около древнего Атракса (Турново), может быть написана так на общем диалекте: Ἀπόλλωνι Κερδ.... Σωσίπατρος Πολεμαρχίδαῖος ὁ θύτης ἀνέθηκε ἱερομνημονήσας καὶ ἀρχιδαφνηφορήσας. См. Воескh. Corp. Inscript. No. 1766. и Expl. Pind. p. 336. Classical Journal, vol. XXVI. p. 393.

865.

Δυσσεΐα ἢ ἐν τοῖς Τέρπεσι δάφνη. τὸ δὲ αὐτὸ καὶ Δηλία, Hesychius p. 1040. ed. Alberti. Laurus Penei filius, Fulgent. 13.

866.

Κατὰ τὴν ὁδὸν ἣν νῦν ἱερὰν καλοῦμεν, Plut. Quæst. Græc. 12.

867.

Илиан V. Н. III. 1. ошибается в последовательности районов.

868.

Храм Аполлона и Дианы в Либее, Pausan. X. 33. 2.

869.

Стеф. Byz. in Δεῖπνιάς, с фрагментом Каллимаха. Связь Лариссы и Дельф доказывается древним жертвоприношением, о котором упоминает Павсаний (Pausan. X. 16. 4. Неизвестно, находились ли на этой дороге Филлус с храмом Аполлона Филея и Ихне с храмом Фемиды, оба города в Фессалиотисе, Strabo IX. p. 435.

870.

Илиада. II. 766. ср. XXIII. 383 sqq. Πηρεΐη упоминается как место пастбищ; и упоминается в схолиях к этому отрывку, Стефаном Византийским и Гесихием, как место в Фессалии, но, вероятно, только из этого отрывка. В орфической Аргонавтике пастбища располагаются на берегу Амфриса, который находится недалеко от Фереса.

871.

Гесиод, Скут. 17, 58. Παγασίτης Ἀπόλλων παρὰ Ἀχαιοῖς ἐν Παγασαῖς καὶ παρὰ θεσσαλοῖς, Hesychius. В Apollon. Rhod. I. 404, 411. аргонавты изображены строящими храм Аполлона Актія и Эмбасія в Παγασе.

872.

Schol. Aristoph. Nub. 133. где вместо ἡλίου написано Ἀπόλλωνος, обычное искажение, так как оба слова обозначались одним и тем же сокращением. См. Gaisford ad Hesiod. Theog. 709.

873.

Scut. 477. Eurip. Herc. Fur. 389. Сравните Orchomenos, p. 251. Cycnus dwelt ἐν παρόδῳ τῆς θαλασσίας, according to Stesichorus ap. Schol. Pind. Olymp. X. 19. (Mus. Crit. vol. II. p. 266.) Schol. II. Ψ. 346. у циклических поэтов, ἐν τῷ τοῦ Παγασαίου Ἀπόλλωνος ἱερῷ ὃ ἐστὶ πρὸς Τροίῳ, (читается у Генриха Τραχῖνι, см. Scut. 469). Павсаний помещает битву на Пенее, I. 27. 7. См. также Schellenberg's Antimachus, p. 67.

874.

Scut. Herc. ad fin.

875.

Справедливо предположить, что Стесихор настолько изменил басню, что заставил Цикна построить Аполлону храм из черепов; и нет необходимости вместе с Хейном ubi sup. заменять Марса на Аполлона. См. также Sturz ad Hellanic. Fragm. 121. p. 137.

876.

Tzetzes ad Hesiod. Scut. p. 194. ed. Heins.

877.

Chishull Antiq. Asiat. p. 134. Æginetica, p. 154. На монетах Кноса изображена голова Аполлона. Омфалийская равнина близ Кноса (Callim. Hymn. Jov. 45.) связана с камнем Омфалос в Дельфах, но оба они относятся к поклонению Зевсу.

878.

Odyss. XIX. 188. Pausan. I. 18, 5. Strabo X. p. 476. См. "Илитию" Бёттигера, с. 18. Эйнатус, откуда происходит Илития Эйнатинская, вероятно, находился по соседству.

879.

Каллим. Гимн. Apoll. 33. Географическое положение этих мест частично основано на исследовании в "Крете" Хоэка, т. I, гл. 1.

880.

Steph. Византия в Πύθειον. На его монетах изображена голова Аполлона.

881.

См. кн. I. гл. 5. § 2.

882.

Последний под названием φυτία, с праздником Ἐκδύσις, Антонин. Liberal. 17. Волк на его монетах также обозначает Аполлона.

883.

Стеф. Byz. in Τάρρα. Сравните Theophrast. Hist. Plant. II. 2. Оракул (сохраненный CEnomaus, Euseb. Præp. Evang. p. 133 ed. Steph.) призывает жителей Фестуса, Тарры и Полиррума совершить искупления (καθαροὶ) перед пифийским Аполлоном.

884.

Павсаний. II. 7. 7. X. 16. 3. comp. Tibullus IV. 1, 8.

885.

Κρητικὰ Александра, lib. I. ap. Schol. Apoll. Rhod. IV. 1492. comp. Pausan. VIII. 53. 2.

886.

Антонин. Liber. 30. comp. Verheyk.

887.

Pausan. X. 16. 3. Отсюда коза на монетах Элира. Также волчица на монетах Кидонии, сосущая маленького Кидона.

888.

Тарра - родительское государство Заппа, на монетах которого изображен Аполлон или лира. Возможно, это место получило от этого культа право убежища: см. Spanheim de Præst. Num. p. 342. Есть и другие следы поклонения Аполлону на Крите, например, храм в Алларии. Chishull. Ant. Asiat. p. 137. Оакс назывался сыном Аполлона, Servius ad Virg. Ecl. I. 66. На древних монетах Элевтерны Аполлон держит в правой руке шар (т. е. яблоко, μήλα ἱερὰ τοῦ Θεοῦ, Luc. Anach. 9), а в левой - лук. Также на монетах Ритимны. На монетах Тилисса изображен юноша с козлиной головой в правой и луком в левой руке; это, несомненно, Аполлон. Тот же бог изображен на монетах Пржесса, Аптеры, Херсонеса и Раукуса.

889.

Согласно Аполлодору I. 3. 4, по имени Талия; согласно Страбону X. p. 473. по имени Рития (что относится к городу Ритиум под горой Ида).

890.

Утверждение Богослова в Cicero de Nat. Deor. III. 23. p. 616. ed. Creuzer.

891.

Æn. IV. 146. Сравните Heyne, vol. II. p. 736.

892.

Гл. 2. § 14.

893.

Аний, сын и жрец Аполлона, называется наместником Радаманта на Делосе. Diod. V. 62. 79. Comp. Pherecydes Fragm. 74. ed Sturz.

894.

ὀργίονας, οἱ θεραπεύσονται Πυθοῖ ἐνὶ πετρήεσσι, ἱερά τε ῥέξουσι καὶ ἀγγελέουσι θέμιστας.

895.

См. Orchomenos, p. 493.

896.

Эта этимология была известна древним мифологам, Cornuficius Longus ap. Serv. ad Æn. III. 332. In memoriam gentis ex qua profectus erat (Cretæ,) subjacentes campos Crisæos vel Cretæos appellasse.

897.

В гомеровском гимне пифийскому Аполлону, в ст. 90. 103. и других отрывках, Пифо указывается как ἐν Κρίσσῃ, то есть "на территории Криссы, в границах Криссеи".

898.

Именно к этому, вероятно, относится стих 265 гимна. О треножнике в адитуме в Криссе см. Epist. Hippocrat. VIII. Во времена Павсания сохранялись статуи Латоны, Артемиды и Аполлона, X. 37. 6.

899.

Гимн. XXVII. 14. Heraclitus ap. Плутарх. Pyth. Orac. p. 404.

900.

Ниже, [гл. 3. § 3.](#)

901.

Ion v. 418. (Matthiæ). οἱ πλησίον θάσσουσι τρίποδος ... Δελφῶν ἀριστεῖς οὐς ἐκλήρωσεν πάλος.

902.

Κοίρανοι Πυθίκοι, v. 1219. Δελφῶν ἄνακτες, v. 1222. Πυθία ψῆφος, ст. 1250. ср. ст. 1111. ἀρχαὶ αἰπιχώριοι χθονός.

903.

Ирод. V. 72. Сравните VI. 66. Κόβωνα τὸν Ἀριστοφάντου, ἄνδρα ἐν Δελφοῖσι δυναστεύοντα μέγιστον. Δυναστεύειν также используется Геродотом в отношении аттических Евпатридов (VI. 35.); ср. VII. 141.

904.

Плутарх. Quæst. Græc. 9. p. 380.

905.

Pausan. X. 6. 2.

906.

Страбон IX. p. 418. Schol. Apoll. Rhod. II. 711. Сравните Callimachus ap. Steph. Byz.

907.

Dodwell's Travels, vol. I. p. 189.

908.

Ликорея, по-видимому, получила свое название от поклонения Аполлону Лицею, или Ликорею; см. Каллимах. Гимн. Apoll. 19. Λυκωρέος ἔντεα Φοίβου, часто встречается в Антологии, у Суидаса и т. д.

909.

См. Приложение V. ad fin.

910.

Об этой связи см. Zoëga, Bassirilievi, tom. I. on tav. 81. Æginetica, p. 154. Raoul-Rochette, Etablissement des Colonies Grecques, tom. II. p. 164. Имя Коретаса, предполагаемого открывателя оракула (κώρης для κούρης Dorice), также критское, Плутарх, de Defect. Orac. 21. 46. Похоже, что названия Κόρης (иначе Κώρης, Κούρης,) Κορησσός на Сеосе, с храмом Аполлона Сминтея, Κορησία λίμνη, на Крите (Steph. Byz.), Κορησσός, священный холм близ Эфеса, Κρήσος, эфесский герой (Paus. VII. 2. 4.), и название самого Крита - все этимологически связаны.

911.

Паузан. X. 7. 2.

912.

ἀνθρώπων ἀπαρχή, Плутарх, Thes. 16.

913.

Orac. ap. Pausan. X. 6. 6.

914.

Согласно циклическим поэтам, см. Orchomenos, pp. 188. sqq.

915.

Цитируется Павсанием. X. 31. 2.

916.

Κρητίδαι: μάντεις ἀπὸ Κρήτης, Фотий.

917.

Как полагает Рауль-Рошетт, хотя его работа содержит очень ценные материалы для этого исследования, Histoire de l'Etabl. des col. Grecques, tom. II. p. 137-173.

918.

О связи Крита и Азии см. Heyne, Excurs. ad Æn. III. 102.

919.

I. 173. ср. VII. 92. Согласно Геродоту, Европа также прибыла в Ликию (IV. 45.), т. е. традиция.

920.

Герод. I. 173. Comp. Boeckh ad Platon. Min. p. 55. Гераклid. Pont. 15.

921.

См. Steph. Byz. in v. cf. Herod. I. 176.

922.

Augustinus de Civ. Dei XVIII. 12.

923.

Аппиан, Bell. Civ. IV. 78.

924.

II. XVI. 666.

925.

Переселены в Киликию, Зосима I. 57. Diodorus ap. Phot. Biblioth. cod. 244. p. 377. ed. Bekker.

926.

О первом см. Strabo XIV. p. 666. cf. p. 651, о втором - Diod. V. 56.

927.

Menecrates in Lyciacis ap. Antonin. Liber, c. 35.

928.

Σύεσσα καλύβη τις ἐν Λυκίᾳ ἀπὸ Συέσσης γραός τινος ὑποδεξάμενης τὴν Λητώ. Стеф. Byz.

929.

Оба варианта происхождения названия Патара - от имени сына Аполлона (Hecataeus ap. Steph. Byz. in v. Cp. Eustath. ad Dionys. Perieg. 129. Tzetz. ad Lycophr. 920.), а другой от πατάρα, κιστῖς, относится к поклонению Аполлону.

930.

Каллим. Hymn. Del. 1. и примечание Шпанхайма. Геродот говорит неопределенно, ἐπεὶ γένηται, I. 182. Cp. Serv. ad AEn. IV. 143.

931.

Alexander ap. Steph. Byz. in v. Eustath. ubi sup. О храме см. надписи в Walpole's Travels, p. 541. и Beaufort's Caramania.

932.

Pausan. VII. 21.3.

933.

Ирод. I. 78. Apostolius XVIII. 25. из Дионисия ἐν κτίσεσιν, Herodian. ap. Eustath. ad Dion. Perieg. 860.

934.

На монетах Патары, Фазелиса, Ксанфа, Кидны, Крагуса, Аполлонии, Коридалла, Лимиры и Олимпа изображены голова Аполлона, треножник, лира, олень и подобные символы. Cp. Стеф. Byz. Δάφνη ἐν Λυκίᾳ. Аполлон Ἐρεθύμιος у ликийцев, Hesych. in v. Возможно, это искажение Ἐρυθίβιος, как называли Аполлона на Родосе, Strabo XIII. p. 613. См. ниже, [гл. 5. § 4](#).

935.

См. Strabo XIV. p. 683. из Хедилуса или какого-то другого поэта. О священном олене Аполлона в Куриуме см. Aelian. Nat. Anim. XI. 7.

936.

Страбон XIII. p. 611. Scylax, p. 26. Сравните неясную глоссу Исихия в Πυθίων ἀνακτόρων.

937.

Об этом храме см. Heyne ad Il. A. 39. Согласно Страбону XIII. p. 604. существовали сминтеи у Хамаксита в Иолисе, у Париума, у Линдуса на Родосе и в других местах. Некий Филодем, или Филомнест, написал трактат о Σμινθεῖα на Родосе, Athen. III. p. 74 F. 445 A.

938.

Жители Тенеи, деревни близ Коринфа, как говорят, были переселены Агамемноном с Тенедоса. О том, что они действительно поклонялись Аполлону так же, как и тенеждане, свидетельствует Аристотель ap. Strab. p. 380. Paus. II. 5. 3. А поклонение Аполлону было перенесено с помощью Архия из Тенеи в Сиракузы, Страбон, там же. См. [кн. I. гл. 6. § 7](#).

939.

A. 37-39.

940.

Strabo XIII. p. 591. Hesych. in Θύμβρα. Schol. Il. X. 430. Servius ad Æn. III. 85. Сравните Choiseul Gouffier, Voyage Pittoresque, tom. III. to pl. 25. Walpole's Memoirs, p. 609. Басня о Пане, сыне Тимбриса и учителя Аполлона в гадании (Apollodor. I. 4. 1.), также имеет отношение к этой истории.

941.

Il. V. 446. VII. 83.

942.

Il. II. 827. IV. 119. V. 105. c Schol. Мин.

943.

Гесихий в Лукаῖον. Есть также много других признаков поклонения Аполлону на этом побережье, Strabo XIII. p. 618; в Приапе, Schol. Lycophr. 29; Аполлон Πασπάριος в Парии и Пергаме (Hesych. in v.); на монетах Гаргары, Гермы, Лампсака, Атарнея, Неандрии, Абидоса и Новой Трои.

944.

Эолийцы построили храм киллейскому Аполлону в Колоне, Страбон XIII. с. 613. от Даеса из Колона.

945.

Strabo XIII. p. 604. τοῖς γὰρ ἐκ τῆς Κρήτης ἀφίγμένοις Τεύκροις, οὓς πρῶτος παρέδωκε Καλλῖνος, и т. д. Не похоже, что под этим можно, вместе с Франком, Callinus, p. 31, понимать только упоминание *имени* тевкрийцев.

946.

Последнее подтверждается древним именем Кефалиона, жителя тевкрийского города Гергиса (ap. Steph. Byz. in Ἀρίσβη. Eustath. ad Il. p. 894.): но его Τρωικὰ было подделкой александрийского писателя по имени Гегесианакс (Athen. IX. p. 393 B). Ликофрон, т. 1302. называет Тевсера, Скамандра и Арисбе критянами.

947.

Во фрагментах Николая Дамаскина, p. 442. ed. Vales.

948.

Илиада. VII. 452. XXI. 442. какие отрывки не согласуются. Гесиод в Her. Geneal. ap. Schol. Lycophr. 393. Hellanicus ap. Schol. Il. XX. 145. Coluthus v. 309.

949.

Надпись в "Мемуарах" Уолпола, p. 104.

950.

Энеида. II. 318. 430.

951.

Илиада. XV. 522.

952.

Ахилл был убит Аполлоном, согласно Гомеру, Аретину и Эсхилу в ψυχοστασία (Heyne ad Il. XXII. 359. Tychsen ad Quint. Smyrn. Comment. p. 61); Неоптолем был убит в Пифо. По той же причине Ахилл убивает Теннеса, сына Аполлона (Tzetzes ad Lycophr. 232.), в храме которого было запрещено произносить имя фтийского героя (Plutarch Quæst. Gr. 28. p. 933).

953.

Илиада. V. 446.

954.

Ирод. V. 122. VII. 43. Он находился на территории Лампсака (Strabo XIII. p. 589.), на горе Ида (Athen. VI. p. 256 C.), напротив Дардануса (Herod.); деревня Мермесс, в 240 стадиях от Александрийской Трояды (Pausan. X. 12. 2), была κώμη Γεργιθία, Suidas в v. Также в Schol. Plat. Phædr. p. 61. Ruhnken. p. 315. Беккер пишет: ἐν κώμῃ Μερμήσσω-περὶ τινὰ πολίχνην Γεργίθα или Γεργίθον для Μαρμυσσῶ и Γεργετίωνα.

955.

Ксеноф. Hell. III. 1. 10.

956.

Илиада. XX. 307. Сравните замечания А. В. Шлегеля по этому поводу в его знаменитой рецензии на "Римскую историю" Нибура.

957.

Steph. Byz. в Γεργίς, из Флегона.

958.

Это можно почерпнуть из путаного рассказа Клеарха из Соли ἐν Γεργιθίῳ в Athen. VI. p. 256. ср. XII. p. 524 A. Strab. XIII. p. 589 D.

959.

Plin. H. N. XXXIV. 8.

960.

Heyne Exc. ad Æn. VI. 3. Скала называлась Ζωστηρία κλιτὺς (Lycophr. 1278), как аттический мыс с храмом Аполлона.

961.

См. tabula Iliaca, ΜΙΣΗΝΟΣ.

962.

Od. IX. 197.

963.

Diod. V. 79. Сравните Raoul-Rochette, tom. II. p. 160.

964.

Пиндар, в Pæan. ap. Tzetz. ad Lycophr. 445.

965.

Ephorus ap. Strab. XIV. p. 634 D.

966.

Callimachus apud Clem. Alex. Strom. V. p. 570. Strab. IX. p. 421. Conon Narr. c 33, 44. Stat. Theb. VIII. 198. Комментарий Геснера. Soc. Gotting. vol. IV. p. 121. Ionian Antiquities, vol. II. new ed.

967.

Квинтилиан. Inst. Orat. XI. 3. p. 305. Bipont. Est interim et longus et plenus et clarus salis spiritus, non tamen firmæ intentionis, idemque tremulus. Id βράνχον Græci vocant. Это именно голос восторженных священников и пророков.

968.

Существовала также семья прорицателей по имени Εὐαγγελίδαι, Conon Narr. c. 44.

969.

Strabo IV. p. 139 B. Æginetica, p. 151.

970.

Clem. Alex. Strom. V. 8.

971.

Об этом см. D'Orville ad Chariton. p. 349. и Quintus Smyrnæus I. 283.

972.

Ирод. II. 159.

973.

Пифий и Комей. Афины. IV. p. 149. Е. Аммиан. Марцеллин XXIII. 6.

974.

Schol. Apoll. Rh. I. 966. Отсюда и приношения кизиценцев в Дидимеуме, Chishull Ant. Asiat. p. 67. В образе Ἐκβάσιος у Аполлона на монетах нога опирается на *рыбу*.

975.

На монете Парима, хранящейся в кабинете М. Алье де Отероша, изображена статуя Аполлона на берегу моря, с надписью ΑΠΟΛΛΩΝΟΣ ΑΚΤΑΙΟΥ ΠΑΡΙΑΝΩΝ, согласующейся со Страбоном XIII. p. 588.

976.

Strabo VII. p. 319 B. Аполлон Ἠῶς на острове Тиния (Аполлония, Дафнуса). Apoll. Rhod. II. 686. Schol. ad 1. Plin. Hist. Nat. VI. 12. вероятно, милезский: также Аполлоний Φιλήσιος в Трапезусе на Эвксинском море, Arrian. Peripl. p. 2.

977.

Собраны в "Antiquités Grecques du Bosphore Cimmérien" Пауля-Рошетта, pl. 5, 7, 8.

978.

Циклическая Фиваида в Schol. Apoll. Rh. IV. 308. Аполлод. III. 7. 4. Diod. IV. 66. Pausan. VII. 3. 1. IX. 33. 1.

979.

Его называли и Ῥάκιος, и Λάκιος, потому что в критском диалекте ῥάκος и λάκος были взаимозаменяемыми формами, Schneider ad Nicand. Alexipharm. 11. p. 83. Сравните [кн. I. гл. 6. § 5.](#)

980.

Прокл Хрестоматийный.

981.

Страбон XIV. с. 675. Conon Narr. 6. Тацит. Ann. II. 54. О храме см. Locella ad Xenoph. Ephes. p. 128. ed. Peerlkamp.

982.

Diod. XV. 18. Strabo ubi sup.

983.

Hecataeus ap. Steph. Byz. in Γρῦνοι. Strabo XIII. p. 622. Гермей из Метимны написал трактат о гринейском Аполлоне, Athen. IV. p. 149. Е. Отсюда храм Аполлона, сибилла и Аполлон δαφνηφόρος на монетах Мирины, город которой также отправил χρυσᾶ θέρη в Дельфы, Plutarch. de Pyth. Orac. 16. p. 273.

984.

Малус, сын Манто, элланец ἐν Λεσβικοῖς apud Steph. Byz. in Μαλλόεις. Thucyd. III. 3. Точно так же на Лесбосе Аполлон Ναπαῖος (Hellanicus ap. Steph. Byz. in Νάπη. cf. Strab. IX. p. 429. Suid. в Ναπαῖος. Macrobi. Sat. I. 17. монеты Напе с изображением Аполлона в работе Мионнета), Λεπτεύμνιος, Antigon. Caryst. 17. и Ἑρέσιος, Hesych. in v. In Schol. Aristoph. Nub. 144. для ΓΟΝΝΑΠΑΙΟΥ Ἀπόλλωνος пишут ΤΟΥ ΝΑΠΑΙΟΥ Ἀπόλλωνος.

985.

Strabo XIV. p. 675 C. Arrian. II. 5. Отсюда, возможно, и поклонение Аполлону пришло в Тарс, Osann. Syllog. Inscr. p. 141.

986.

Книга I. гл. 5. § 4.

987.

Pausan. II. 32. 2. Ἄρτεμις σώτειρα, привезенный с Крита в Трезен, ib. 31. 1.

988.

Paus. II. 31. 7. 11. Храм Аполлона Теариуса в Трезене был, согласно Pausan. ib. 31. 9. древнейшим в Греции. Аполлон соединился с Левкотеей, Элиан. V. Н. I. 18.

989.

Называется Ψυχотпорπεῖον, как и учреждения в Феспротии, в Фигалее и Гераклее Понтийской. См. кн. I. гл. 1. § 6.

990.

Плутарх, de sera Num. Vind. 17. p. 256. Hesych. in τέττις ἔδραν.

991.

Таким образом, Strabo VIII. p. 368. название происходит от Делоса. Также называется Ἐπιδήλιον.

992.

Pausan. I. 42. 1. 2. conf. Эпиграмма. Adespot. 3. p. 193. Брунк. Analect. Meziriac ad Ovid. Epist. vol. I. p. 448.- Также Мегарей, сын Аполлона, в Steph. Byz. in Μέγαρα. comp. Диухидас из Мегары в Schol. Apoll. Rhod. I. 517.

993.

V. 773. Φοῖ βε ἄναξ, αὐτὸς μὲν ἐπύργωσας πόλιν ἄκρην, Ἀλκαθόω Πέλοπος παιδὶ χαρίζομενος.

994.

Δεκατηφόρος, ὃς δεκάτην φέρει, т. е. здесь "тот, кто *принимает* его", Paus. I. 42. 1. 5. Сравните аргивскую надпись (Воескh № 1142. Δεξιστρατος Αρχιππ. Απολλωνι δεκατ-.) Аполлону в Мегаре также поклонялись под именами Пифия (Schol. Pind. Nem. V. 84. Philostrat. Vit. Soph. I. 24. 3.), Архагета, Простатериуса, Карния и Агрæя. О треножнике и Дельфине на монетах Мегары см. Rouqueville, tom. IV. p. 131. против Кларка, т. II. раздел II. p. 768.

995.

Из Мегары Калхедон (см. монеты) получил свое поклонение и оракул Аполлона (Dionys. Byz. p. 23.) Неподалеку находился Демонес; и Аполлон из демонесской меди упоминается в Pseud. Aristot. de Mirab. 59. Jungermann ad Poll. V. 5. 39. В Византии, также мегарской колонии, был храм Аполлона на мысе Метопон, согласно Дионисию де Босп. Фракия. Кроме того, Византия, очевидно, получила от своего родительского города, но в преувеличенной форме, традицию об основании города Аполлоном и о том, что этот бог поместил свою лиру на башне. Отсюда семь звучащих башен (Hesych. Miles, ap. Codin. p. 2. 3. Dionys. Byz. p. 6. Dio Cass. LXXIV. 14): также басня о дельфине, очарованном звуком лиры (Dionysius pag. 9. Gyllius de Constantinop. pag. 285.), очевидно, относится к мегарскому культу.

996.

Гомер. Гимн. Cer. 126.

997.

См. Pherecydes ap. Schol. Od. XI. 320. Аполлод. II. 4. 7. Observ. ad Apollod. p. 333.

998.

Κεφαλίδαι γένος Ἀθήνησιν, Hesychius.

999.

Paus. I. 37. 4.

1000.

См. Strabo X. p. 452. Thuc. III. 94. Propert. III. 9. ad fin. Servius ad Æn. III. 271. Dodwell, vol. I. p. 53. Hughes, vol. I. p. 402. имеет лейкадскую надпись Ἀπολλωνιάται ὠκοδόμησαν.

1001.

Aristot. in Ithac. Rep. ap. Etymol. M. в Ἀρκείσιος, Гераклид. Pont. 17 и 37. ed. Koehler. Heyne ad Apollod. II. 4. 7.

1002.

Аполлод. III. 15. 1. Согласно древнему Харону из Лампсака, первым совершил этот прыжок Фобус из Фокеи, Plutarch. Virt. Mul. p. 289.

1003.

Κατ' ἐνίαυτον, Strabo X. p. 452. Овидий. Фаст V. 630. Tristia Leucadio sacra peracta modo. Photius Lex. Λευκάτης. σκοπελὸς τῆς ἡπείρου, ἃφ' οὗ ῥίπτουσιν αὐτοὺς εἰς τὸ πέλαγος οἱ ἰερεῖς.

1004.

Фотий в Τευμησία, из ἐπικὸς κύκλος.

1005.

Stesichorus apud Athen. XIV. p. 619. D. и Сапфо. Сравните Hardion. Sur le sault de Leucade, Mém. de l'Acad. des Inscript. tom. VII. p. 245.

1006.

См. Hesych. in θόρικος. Ptolem. Nephæst. 7.

1007.

Фрагмент Παρθένια, p. 595. ed. Boeckh.

1008.

См. ниже, [гл. 11. § 8.](#)

1009.

Od. VII. 322.

1010.

Плутарх, de Def. Orac. 5.

1011.

В соответствии с изменением Τεγύρας на Τανάγρας в fragm. incert. 14. Boeckh.

1012.

См. Orchomenos, p. 220. Boeckh в "Берлинских сделках" об оратории против Мидия, ниже, [гл. 8. § 4.](#)

1013.

Паузан. IX. 10. См. Stanley ad Æsch. Eum. 21.

1014.

Ирод. VIII. 134. Soph. Œd. T. 21. μαντεῖα σποδῶ Philochorus ap. Schol. ad 1.

1015.

Hesych. in v. Также и жребий, сожженный в священном огне, по словам того же грамматика, φрукτὸς Δελφοῖς κυῆρος. Сравните Boeckh Explic. Pind. Ol. VIII. 2. и Плутарха de Frat. Am. 20. К этому обычаю также относятся Φοίβου ἐσχάραι в Eurip. Phœn 292, и имя древнего жреца дельфийского оракула πύρκεων. См. Эвмолпию в Paus. X. 5. 3.

1016.

Камень Манто перед храмом, Paus. IX. 10. μαντίων θῶκος. Pind. Pyth. XI. 6.

1017.

Змея Кадма у более поздних писателей также называется Касталием и Δελφίνιος, Creuzer ad Nonni Narr. in Melet. vol. I. p. 93.

1018.

Аполлон Полиус также находился без ворот в Фивах, Paus. IX. 12. 1. Аполлону также поклонялись в деревне Калидна близ Фив, Androtion ap. Steph. Byz. in Κάλυδνα.

1019.

Ниже, [гл. 11. § 7.](#)

1020.

См. Орхоменос, стр. 234, 393.

1021.

См. работу автора De Minerva Poliade, p. 2.

1022.

Herodot. I. 56. VII. 94. VIII. 44.

1023.

Поэтому Ион называется πολέμαρχος или στρατηγὸς афинян, Herod. VIII. 44. Paus. I. 31. 2. II. 14. 2. VII. 1. 2. и т. д. Поэтому и Еврипид говорит (Ion 1319), что "щит и копье были всем достоянием Ксута".

1024.

Цицерон de Nat. Deor. III. 22. 23. Lydus de Mens. p. 105.

1025.

См. Phanodemus ap. Athen. IX. p. 392. Плутарх, ap. Euseb. praep. ev. II. p. 99. fragm. 10. p. 291. ed. Hutten. Euseb. Canon. 497. comp. Paus. I. 18. 5. Легенды такого рода были значительно усилены аттическими ораторами, которым, как Гипериду перед Амфикионами, приходилось защищать притязания Афин на Делос.

1026.

Μηδὲν προσήκων Ἑρεχθείδαις, Plutarch Thes. 13.

1027.

Ξοῦθος - "яркий" "сияющий" бог, другая форма ξανθός. См. ниже, [гл. 6. § 7](#). Αἰγεὺς, от αἶγες, "волны моря", эквивалентно Ποσειδῶν Αἰγαῖος.

1028.

Плутарх Фес. 5.

1029.

Strabo IX. p. 392. после Софокла и Филохора. Ср. Schol. Aristoph. Lys. 58. Vesp. 1218. Schol. Eurip. Hipp. 35.

1030.

Philochorus apud Schol. Soph. Œd. Col. 1047. ed. Elmsl.

1031.

Сравните "Историю бургада Ἐποῖ la sacrée" Барбье дю Бокажа в конце "Плана Платеи" Стэнхоупа.

1032.

Поэтому Софокл ubi sup, называет район Элевсиса Πυθίας ἀκτάς. Схолиаст путает Ἐποῖ племени Гиппопонтис с Ἐποῖ племени Айантис. Ситуацию с питией правильно трактует Рейзиг (Reisig Enarr. Œd. Col. p. 134).

1033.

В отрывке Филохора ubi sup. читается οἱ ἐκ τοῦ γένους Πυθιάδα καὶ Δηλιάδα, ибо οἱ ἐκ τοῦ γένους Πυθίαι δὲ καὶ Δηλιάδες.

1034.

Δηλιασταὶ встречается в законах Солона, Athen. VI. p. 234 E. Πυθαῖσταὶ упоминаются в Steph. Byz. в Πυθῶ.

1035.

Strabo IX. p. 404 C. Eurip. Ion. 285. Ο Πιφίи см. Thuc. II. 15. VI. 54. Isæus p. 113. 187. Suidas in Πύθιον. Suidas, Hesychius, Prov. ἐν Πυθείῳ

1036.

Strabo IX. p. 404. Стеф. Byz. in ἄρμα. Eustath. ad Il. β' 499. Hesych. in ἀστράπτει. Prov. in ὅταν δι' Ἄρματος.

1037.

Pausan. Dodwell vol. II. p. 170.

1038.

См. Æsch. Eum. 12. πέμπουσι δ' αὐτὸν καὶ σεβίζουσιν μέγα κελευθοποιοὶ παῖδες Ἡφαίστου. Сравните Ephorus ap. Strab. IX. p. 422 D. Aristid. Panath. vol. I. p. 329. Orchomenos p. 36. 188.

1039.

Эта редкая традиция сохранилась в Schol. Æsch. Eum. 13. Schol. Aristid. p. 107. ed. Frommel.

1040.

Это объясняет Ирод. VI. 34. ἰόντες δὲ οἱ Δόλογχοι τὴν ἰρὴν ὁδὸν διὰ Φωκέων τε καὶ Βοιωτῶν ἦσαν. καὶ σφεας ὥς οὐδεὶς ἐκάλεε, ἐκτράπονται ἐπ' Ἀθηνέων.

1041.

След правильной традиции есть в Diod. IV. 60. ср. Serv. ad Æn. VI. 14. Поэты сделали погребальные игры Лая мотивом этого путешествия.

1042.

Ἐν πολιτείᾳ Βοττιαίων ap. Плутарх. Thes. 16. cf. Qu. Gr. 35. Conon. Narr. c. 25.

1043.

Плутарх Фес. 15. Diod. IV. 61. Овидий. Metaph. VIII. 171.

1044.

Главный отрывок о септенарном числе мальчиков и девочек, отправленных на Крит, принадлежит Сервию ad Æn. VI. 21. Septena quotannis (κατ' ἐνιαυτὸν) quidam septem pueros et septem puellas accipi volunt, quod et Plato dixit in Phædone (p. 58.) et Sappho in Lyricis (p. 255. in Wolf's Poetr. Gr.) et Bacchylides in Dithyramhis (p. 17. ed. Neue.) et Euripides in Hercule (v. 1331.), quos liberavit secum Theseus.

1045.

Посещение Наксоса первоначально означало перенос на этот остров культа Диониса и Ариадны, обряды которых сохранялись на празднике Ὅσχοφόρια, хотя и смешивались с лавроносным шествием Аполлона.

1046.

Воескh Economy of Athens, vol. II. p. 150. Эрисихтон, как говорят, отправил ξόανον с теориями на Делос, Плутарх Fragm. 10. p. 291. ed. Hutten.

1047.

Это подтверждает факт, который мы собрали из других источников, а именно, что Таргельский Аполлон был тем же самым богом, которому поклонялись на Делосе и Крите.- Древнее письмо на эту тему сохранилось в Дафнефореуме в Филе в Аттике, Theophrastus ap. Athen. X. p. 424 F. Происхождение Таргелии также связывается с Критом традицией, согласно которой этот праздник возник из обрядов искупления за убийство Андрогее, Helladius ap. Phot. in Gronov. Thes. Ant. Gr. vol. X. p. 978.

1048.

Paus. I. 18. 5. τὰ μὲν δὴ δύο ξόανα εἶναι Κρητικά. См. выше, [гл. 1. § 5](#).

1049.

Pyth. I. 31. Сравните Dodwell, vol. I. p. 532.

1050.

Плутарх Фес. 12. 14. 18. ср. Paus. I. 19. 1. По возвращении Тесей приносит жертвы Аполлону и Диане, как οὐλίοι θεοὶ, Pherecydes ap. Macrob. Sat. I. 17. frag. 59. ed. Sturz. comp. Spanheim ad Callim. Hymn. Apoll. 40. 46.

1051.

См. Pollux VIII. 10. 119.

1052.

Demosth de Coron. p. 274. ср. Aristot. ap. Harpocrat. in Ἀπόλλων πατῶος. У ахейцев были πατῶοι θυσίαι в Дельфах, Demosth. Epist. p. 1481. Аттический титул Аполлона πατῶος объясняется тем, что он был πατήρ Иона; возможно, однако, что он был назван так как бог пátpai ионийцев. Аполлон также назывался λεσχηνόριος в Афинах (Плутарх Еї 2. стр. 217. Suidas in v.); возможно, как титулярное божество 360 Δέσχαι 360 γένη в Афинах, Proclus ad Hesiod. Op. et Di. p. 116. Heins. Cleanthus ap Harpocrat. in λέσχαι, Meursius ad Lycophr. 543.

1053.

γεννῆται Ἀπόλλωνος πατῶου καὶ Διὸς ἑρκείου, Demosth. adv. Eubulid. p. 1315. 15. Pollux VIII. 85.

1054.

Как следует из Платона, Euthyd. p. 302 B. cf. Schol. et Heindorf. p. 404.

1055.

Pollux VIII. 122.

1056.

Каллим. Гимн. Apoll. 69. с Schol. и Spanheim. Арфократ. в Βοηδρόμια. Suidas и Etym. M. в Βοηδρομεῖν. Поэтому архонт Полемарх отправлял правосудие в Ликее, храме Аполлона Ликейского, возле статуи волка, Suidas in ἄρχων. Bekker Anecd. vol. I. p. 449. Хесих. в ἐπιλύκιον. Лукаμβί с ἀρχή полемарха, согласно Кратину, Hesych. in v. И вообще все дворы в Афинах находились под защитой волка, т. е. Аполлона, Eratosth. ap. Harpocrat. в δεκάζων, Lexic. и Paræmiogr. в λύκου δέκας. Etymol. M. in δεκάσαι.

1057.

B Colot. p. 31.

1058.

Thes. 25. Согласно Платону Rep. IV. p. 427. Аполлон - пátριος ἐξηγητῆς афинян.

1059.

Отсюда Дорофей (ар. Athen. IX. p. 410 A.) ἐν τοῖς τῶν εὐπατριδῶν (а не τῶν θυγατριδῶν) πατρίοις относился к очищению суппликантов.

1060.

Ниже, [гл. 8. § 6.](#)

1061.

Представляя представление о том, что Ксуф был отцом Иона, как простой обман Ксуфа.

1062.

Например, ст. 668. Ὑμῖν δὲ σιγᾶν, δμῳῖδες, λέγω τάδε, Ἦ θάνατον εἰπούσαισι πρὸς δάμαρτ' ἐμήν.

1063.

V. 591. Εἶναί φασι τὰς αὐτόχθονας Κλεινὰς Ἀθήνας οὐκ ἐπείσακτον γένος, &c.

1064.

Мнение, принятое в тексте об "Ионе" Еврипида, было одобрено, после первой публикации этой работы, Германом в предисловии к его изданию этой трагедии, стр. 32.

1065.

Ниже, [гл. 5, § 2.](#) [гл. 8. § 15.](#)

1066.

[Книга I. гл. 5, § 3.](#) comp. Pausan. II. 24. 1. Его также называли Δειραδιώτης, от высоты. Там также проводились гадания, Telesilla ar. Pausan. II. 35. 2-36. 5. Πυθαεὺς и Κρηταεὺς - дорические формы; герой Пифей не может быть отделен от бога. Зевс, Аполлон и Геракл были божествами города Аргоса, Liv. XXXII. 33.

1067.

Фукид. II. 47. Sophocl. Electr. 7. Отсюда Λύκειος ἀγόρα, Sophocles, Hesych. in v. Аргивские монеты с волком относятся к этой статуе, comp. Pausan. VIII. 40. 3. Здесь также находился оракул, Plut. Pyrrh. 31. 31. где написано: ἡ τοῦ Λυκείου προφῆτις Ἀπόλλωνος. В Аргосе также стояла статуя Аполлона Ζωτεάτας, Hesych. in v. A temple of Latona, Pausan. II. 21.

1068.

Alcman Fragm. 35, 36. ed. Welcker. Ирод. I. 69. comp. Bast. ad Gregor. Corinth, p. 187. В Спарте, по словам Гесихия, Λυκιάδες κόραι τὸν ἀριθμὸν τριάκοντα αἱ τὸ ὕδωρ κομίζουσαι εἰς τὸ Λύκειον (вид гидрофории).

1069.

Pausan. II. 9. 7. О древнем храме Аполлона и медной статуе см. в Pseud.-Aristot. Mirab. Auscult. p. 59. Pausan. II. 11. 2. Polyb. XVII. 16. 2. Предание о его основании Эпоеем не заслуживает внимания. Клисфен был тем человеком, который учредил Пифийские игры, Schol. Pind. Nem. IX. 49, 76. comp. Boeckh and Dissen Explic. p. 451. Аполлон имел там ἱερὰ χώρα; Polyb. ubi sup. Liv. XXXII. 40.

1070.

Pausan. IV. 15. 5. У мессенцев в Наупакте также был храм Аполлона (Thucyd. II. 91.); а монеты мессенцев Сицилии служат доказательством того же поклонения. Что касается древнего храма в Ипее, то Pausan. IV. 34. 4.

1071.

Ирод. VI. 57.

1072.

Аполлон Акрейтас, Pausan. III. 12. 7. В Торнаксе Аполлон Пифейский, III. 11. 2. Хесих. в Θόρναξ, ср. в θοράτης. Аполлоний Малеатский, Pausan. III. 12. 8. Thucyd. VII. 26. Аполлон Λιθήσιος, Steph. Byz. Suid. in v. comp. Pausan. II. 27. 8. Аполлон в Геронтре, Boeckh Inscript. No. 1334.

1073.

Ирод. II. 32. Плутарх Арат. 40. Павсаний. II. 5. 4. Хесих. в Ζωτελιστής. В Коринфе Аполлон, как и в Аргосе, был ἀγορῆς καλλίχορου πρύτανις, Симонид в Palat. Anthol. VI. 212. О храме Аполлона в Сикионе, также на рыночной площади, Ampel. Liber. Memor. 8.

1074.

Pausan. II. 26. 3. Сравните надписи храма Эскулапия, Boeckh. Inscript. Nos. 1175, 1176. Храм Аполлона Египетского относится ко времени Антонинов.

1075.

На этом острове храм Аполлона был связан с Феарионом (см. Dissen ad Pind. Nem. III. p. 376.), с поклонением Аполлону Δελφίνιος, Οἰκιστής и Δωματίτης, и праздником Гидрофории. Æginetica, p. 150. cf. 135.

1076.

Выше, [гл. 2. § 8](#). Пифийские игры, согласно Павсанию. II. 32. 2. основанные Диомедом, вероятно, относятся к более позднему времени.

1077.

ἀρχηγέτης, δωματίτης, οἰκιστής (Æginetica, p. 150, note k); ибо, как говорит Каллимах (Hymn. Apoll. 55.), Φοῖ βος ἀεὶ πολίεσσι φιληθεῖ Κτιζομένης.

1078.

Pausan. IV. 4. 1. 33. 3. ср. V. 25. 1.

1079.

Thucyd. V. 18. IV. 118.

1080.

Среди ахейцев в Патре. Паузан. VII. 21. 4.- из Эгиры. id. VII. 26. 3. ср. предание о Болине, id. VII. 23. 3.

1081.

Pausan. VIII. 53. 1.

1082.

ἥρος ἐπερχομένου. Феогнис из Мегары, т. 777.

1083.

Pausan. V. 4. 2.

1084.

Об этой вражде, на которую ссылается так много легенд, см. Pausan. V. 2. 4. VI. 16. 2.

1085.

То, что Зевс был главным богом элейцев, явствует из объединенного храма в Эгиуме и других местах.

1086.

Hesychius in v.

1087.

Pausan. V. 15. 4. -τὸν μὲν δὴ παρὰ Ἡλείοις θέρμιον καὶ αὐτῷ μοι παρίστατο εἰ κάζειν, ὡς κατὰ Ἀτθίδα γλῶσσαν εἶναι θέρμιον; для последнего θέρμιον Буттманн исправляет θέσμιον; и очевидно, что θέρμα было элеатским для θέσμα, "священное постановление или перемирие". См. Приложение V. § 2. Также Термы, место в Панэтолии, получили свое название от этого слова, которое, вероятно, имеет этолийско-элейское происхождение. О его храме Аполлона см. Polyb. XI. 4. 2.

1088.

Pausan. IV. 4. 4.

1089.

Возможно, это было началом связи с Критом, на который указывает название Ἰδαῖον ἄντρον в Олимпии (Pind. Olymp. V. 42. Деметрий ἐν νεῶν διακόσμῳ в Схолии. Bockh ad Schol. and Explic. p. 150.), и предание о том, что Клименус, потомок иддейского Геракла, прибыл в Пизу вскоре после потопа Девкалиона и основал там храм, относятся; ср. Pausan. V. 8. 1. VI. 21. 5. V. 14. 6.

1090.

Bockh ad Pind. Olymp. III. 18. p. 138. Explic. Tzetzes ad Lycophr. 41. не говорит об этом событии с такой же точностью, как Schol. Pind. Olymp. III. 39. Ср. также Wurm de Ponderum, etc. § 90. p. 174.

1091.

См., в частности, Филострат Вит. Аполлон. V. 25. p. 208. Cic. de Divin. I. 41. относительно Теллиады, Herod. IX. 37. VIII. 27. Эти прорицатели называются μάντεις Ἡλείων πρόμολοι у алтаря Олимпии в оракуле во Флегоне p. 129. in Meursii Op. vol. VII.

1092.

Pausan. VI. 17. 4.

1093.

Pausan. V. 8. 1.

1094.

Корпус Боеция. Инскрипт. No. 1711.

1095.

Как следует из гомеровского "Гимна Аполлону".

1096.

См. Porphy. de Abstin. II. 17. comp. Apostol. VI. 93. и рассказ Исопа; также пословицу, Δελφὸς ἀνὴρ στέφανον μὲν ἔχει, δίψει δ' ἀπόλωλεν.

1097.

Hom. Hymn. Apoll. 535.

1098.

λαὸς οἰκκῆτῳ θεοῦ, Eur. Androm. 1092.

1099.

Плутарх, de Pyth. Orac. 16. p. 273. Фессалийцы по крайней мере каждый год приносили Аполлону обет гекатомбы из мужчин Καταβάτης. Schol. Eur. Phœn. 1416. Зенобий в θετταλῶν σόφισμα.

1100.

Sosicrates ap. Suid. vol. I. p. 621. Hesych. p. 1026. Apostol. VII. 37. Prov. Vat. App. II. 94. и Steph. Byz. в Δούλων πόλις, с которым он упоминает ἱερόδουλοι. Вероятно, мы можем увидеть аналогичное рабство в даре золотых треножников, которые Θηβαγένης должны были приносить в определенное время в исменский храм Аполлона, Orchomenos, p. 397. Аполлон Несиотес в Халии в Беотии также обладал иеродулами, Boeckh. Inscript. No. 1607. Делийские Ἑκατηβελέταο θεράπναι (Hom. Hymn. Apoll. 157) были того же типа, что и хор в Phœnissæ. В Дидимеуме (Inscript. in Walpole's Travels, p. 582) были οἱ περὶ το μαντεῖον παντες και οἱ το ἱερον κατοικουντες και οἱ προσχωροι, мальчики, отправленные туда как военная добыча, Conon. Narr. c. 44.

1101.

ἀνάθημα πόλεως ἢ τινὸς πραθεῖς ὑπο.

Eurip. Ion. 322.

ἱερὸν τὸ σῶμα τῷ θεῷ δίδωμ' ἔχειν.

Вер. 1299.

1102.

Boeckh in Hirt Ueber die Hierodulen, p. 48.

1103.

См. кн. III. гл. 4.

1104.

Diod. IV. 66. Pausan. VII. 3. 1. см. выше, [гл. 2. § 7.](#)

1105.

Apostol. VII. 34. где для Ἀθηναίων читается Ἀργείων. Suidas in δόρυ κηρυκεῖον. Orchomenos, p. 118.

1106.

Herod. VII. 132. Ксеноф. Ад. VI. 3. и 5. ἐλπίς δεκατευθῆναι τὸ πάλαι λεγόμενον Θηβαίους. Не земля, а сам народ должен был быть истреблен.

1107.

См. выше, с. 46, прим. н. [Примечание переводчика: Это сноска на "дорийцев или малийцев", начинающаяся "Aristot. ap. Strab."]. Etymol. M. p. 154. 7.

1108.

Apollod. II. 7. 7. ср. Diod. IV. 37.

1109.

Pausan. II. 35. 2. Аполлону также поклонялись под именами Ὀρίος и Πλατανίστιος. О дриопах как поклонниках Аполлона см. Pausan. IV. 34. 6. Tzetz. ad Lycoph. 480. Prob. ad Virgil. Georg. III. 7. Антон. Liberal. с. 32. Этимол. М. р. 288. 32. Heyne ad Æn. IV. 143. vol. II. р. 736. ed. 3. Согласно Павсанию, они сохранили это поклонение и в мессенских поселениях. Согласно Конону, с. 29. по случаю возвращения из Трои они отправили десятину (δεκάτη).

1110.

См. выше, б. I. гл. 2. § 4.

1111.

Ver sacrum vovere, т. е. quæcunque vere proximo nata essent immolatueros, Festus in v. Mamertin. Trecenta millia hominum, velut ver sacrum, miserunt, Justin. XXIV. 4.

1112.

Согласно замечательному рассказу Parthen. Erot. 5. они были δεκατευθέντες ἐκ Φερῶν ὑπ' Ἀδμήτου, и вел их Левкипп ликиец. Strab. XIV. 647. меняет историю: Δελφῶν ἀπόγονοι, τῶν ἐποικησάντων τὰ Δίδυμα ὄρη (у Pheræ, Orchomenos, p. 192.) ἐν Θετταλίᾳ.

1113.

Plato Leg. XI. p. 919 D. comp. Boeckh In Minoem et Leges, pag. 68. Магнесия, восстановленная в соответствии с вымыслом Платона, посвящает Аполлону и Гелию, κατὰ τὸν παλαιὸν νόμον, трех мужчин в качестве ἀκροθίνιον, ibid. XII. p. 945. См. также Apollod. Fragm. p. 386. Conon Narr. с. 29. Varro 3. Rer. Human. apud Prob. ad Virg. Ecl. VI. Критяне в азиатской Магнезии, Strab. XIV. p. 636. Schol. Apollon. Rhod. I. 584.

1114.

Парфений упоминает Κρητιναῖον и Leucophryne вместо Magnesia.

1115.

Boeckh Corp. Inscript. 2910; и см. особенно Конон ubi sup.

1116.

Aristot. and Theophrast. ap. Athen. p. 173 F.

1117.

Semus ἐν Δηλιακοῖς ap. Athen. ubi sup.

1118.

Именно к нему относится гомеровский гимн пифийскому Аполлону, ст. 1; также монеты Магнесии (Apollo supra Mæandrum stans). Рядом с Магнесией также находилось место, называемое Аполлония.

1119.

X. 32. 4.

1120.

Отсюда имя Аполлона Гилата в Lycoph. 447; где Цетес путает. Аполлон Хилат в Амамассе на Кипре, Steph. Byz. in v. In Athen. XV. p. 672 E. для ὙΒΛΑ ὙΛΑΙ. Спросить, есть ли Гиера. Приходи, Liv. XXXVIII. 12, 13. то же самое место? Магнесия на Сипиле также поклонялась Аполлону, τὸν ἐν Πάνδοις, Marm. Oxon. 26. 85.

1121.

См. Frank Callinus, p. 89. Liebel Archil. p. 202. Об основании Магнесии см. Ruhnken on Velleius I. 4. Kanne on Conon, c. 29. Raoul-Rochette, tom. II. p. 387.

1122.

Плут. Quæst. Græc. 13. 26.

1123.

Регент в Тимее (Strab. p. 260 C. Antig. Caryst. 1), ἡ ἐροῦς εἶναι τοῦ θεοῦ τοὺς προγόνους αὐτοῦ, καὶ τὴν ἀποικίαν ἐνθένδε ἐστάλθαι. cf. VI. p. 257 D. Creuzer Fragm. Xanth. p. 373. ср. p. 178.

1124.

Об омовении в семи реках, священном лавровом дереве и т. д. см. Varro ap. Prob. Præf. ad Virg. Ecl. и сравните превосходную диссертацию Германа о "Глауции" Эсхила, Opuscula, vol. II. p. 59.

1125.

Pausan. V. 25. 1. На регийских монетах изображены голова Аполлона, лира, треножник и кортик.

1126.

См. в частности Tacit. Annal. IV. 14.

1127.

Основан, согласно Каллиму. Epigr. XLI. 2. Акисием Пеласгием, которому *по этой причине* приписывается создание Амфикионийского собора.

1128.

Илиан. V. H. III. 1. Liv. XXXIX. 24. comp. Plutarch de Def. Orac. 14.

1129.

О городах, включенных в лигу, см. выше, [кн. I. гл. 6. § 2](#). Об играх на празднике - Herod. I. 144.

1130.

Нептун и нимфы также относились к числу божеств Триопии, Schol. Theocr. XVII. 69. Comp. Bockh ad Schol. Pind. Pyth. II. 27. p. 314. О поклонении Аполлону в Галикарнасе см. Inscript. in Walpole's Travels, p. 576. Аполлон Телхиний в Линде (см. Meurs. Rhod.), в Камеире ἐιγεννήτης и ἐπιμήλιος. Макр. Sat. I. 17. в Анафе, Аполлон Иглетский, Æginetica, p. 170. note a; ср. выше, p. 116. note z.

1131.

Я принял мнение Сте Круа, Gouvernemens fédératifs, p. 156. что федеральный праздник двенадцати эолийских городов проходил в Гринеме, главным образом из-за алтарей двенадцати богов и Ἀχαιῶν λιμὴν в этом месте, и утверждения Сцилакса.

1132.

Согласно Страбону X. p. 487. здесь, как и на Делосе, существовали ἐστιατόρια для собрания; и в тенийской надписи (Bockh Corp. Ins. Gr. No. 2329) один гражданин восхваляется за то, что взял на себя θεαροδοκία для Делийцев, должность приема θεωροῖ, вид λειτουργία. Spanheim ad Callim. Hymn. Del. 325.

1133.

Ἰστίη νήσων, Callim. Hymn. Del. 325. et Spanheim ad 1.

1134.

Hom. Hymn. ad Apoll. Del. 141. Монеты похожи на монеты Делоса: название также напоминает нам о горе Синт. (Hemsterh. ad Aristoph. Plut. p. 311.)

1135.

Аполлония на этом острове, Steph. Византия. Сравните монеты.

1136.

В частности, в Карфее, Pind. Isthm. I. 6. Athen. X. p. 456 E. Возможно, Δήλιον, согласно Dissen. Explic. p. 484. Πύθια в том же месте, Anton. Lib. с. 1. О хорах Аполлона в Карфее см. Bockh Corp. Insc. Gr. Nos. 2361-3. Сминтеум в Корессе и Писсе, Strabo X. p. 486.

1137.

Аполлон Трагий, Steph. in Τραγία. Аполлон Ποίμνιος, Macr. Sat. I. 17. Hipponax ap. Schol. Aristoph. Ran. 658. Δήλιον на Наксосе. Aristot. Plut. Virt. Mul. p. 289. ed. Hutten. Parthen. Erot. 9. comp. Obs. Misc. Bat. vol. VII. p. 24. Кроме этих, было много других ионических храмов Аполлона на Самосе, в Эвбее и т. д.

1138.

См. выше, [кн. I. гл. 6. § 12.](#)

1139.

Элиан. V. H. II. 26. Tzetzes ad Lycoph. 911. Весселинг исправляет Ἀλαῖος на Ἄλιος в Aristot. ubi sup. comp. Heyne Opusc. Acad. vol. II. p. 178. с Creuzer Symbolik. II. p. 200. Птица на монетах - не орел, а ворон (Mionnet Descr. planche 60), comes iripodum.

1140.

Сто двадцать стадий от Кротона, Aristot. Mirab. Ausc. p. 1098 C. Justin. XX. 1. Etym. Mag. in Ἀλαῖος.

1141.

Ap. Strab. VI. p. 265 C.

1142.

О статуе Аристея на рыночной площади Метапонта, рядом со статуей Аполлона, см. Herod. IV. 15. и о медном лавровом дереве в том же месте, Athen. XIII. p. 605 C. В храме Аполлона, Плутарх περὶ τοῦ μὴ χρᾶν 8.

1143.

Каулония в Италии также примечательна этим поклонением, на древних монетах этого города изображен Аполлон, несущий лавр или лук, с оленем.

1144.

Thucyd. VI. 3. ΑΡΧΑΓΕΤΑ ΠΟΛΛΩΝΟΣ, на монетах Тауромениума и Энны. Что касается *Сицилии*, то в Сиракузах был храм Аполлона Теменита Пифия, Cic. Verr. IV. 53. Steph. Byz. in Συρακοῦσαι. comp. Aelian. V. H. I. 18. Letronne Topographie de Syracuse, p. 26. Göller de Situ Syrac. p. 59. также Аполлона Δαφνίτας, Etymol. p. 250. 38. В Геле перед городом стояла колоссальная статуя Аполлона, Timæus apud Diod. XIII. 107. Аполлинарианские обряды эрбитцев и их колонии Алеса, Diod. XIV. 16. Inscript. ap. Castelli, p. 109 sqq. В Лилибее, судя по монетам, Аполлон Либирий близ Пахинума. Macr. Sat. I. 17. Месяц Далий в Сицилии, Castelli Prol. 73.

1145.

Надпись в Олимпии, ap. Pausan. V. 22. 2.

1146.

Plut. de Pyth. Orac. 16. p. 273. Также в Мирине в Эолисе. Comp. ch. 2. § 7.

1147.

Orchomenos, p. 327 sqq.

1148.

Аналогичная традиция в Синопе, Philostephanus ap. Schol. Apoll. Rh. II. 953. Diod. IV. 71.

1149.

Ирод. IV. 32. См. также Гомер. Гимн. VII. 29.

1150.

X. 5. 4.

1151.

См. выше, гл. 1. § 3.

1152.

Так я пишу для Ἀμάδοκος в Paus. I. 4. 4. и Λαοδόκος, ib. X. 23. 3. в связи с Лаодикой Геродота. Геродот VIII. 39. упоминает по аналогичному поводу местных героев Филака и Автоноя.

1153.

Scholl. Apoll. Rh. II. 675. если только Cluver. Germ. Ant. I. p. 16, прав, исправляя Κελτοῦς на Δελφοῦς.

1154.

См. прекрасный фрагмент в прозе в Himerius Orat. XIV. 10. с которым согласен Цицерон de N. D. III. 23.; см. примечание Хайндорфа. Возможно, именно к этой оде относятся слова Плутарха, De Mus. 14. δῆλον ἐκ τῶν χορῶν καὶ τῶν θυσιῶν, ἃς προσῆγον μετ' αὐλῶν τῷ θεῷ καθάπερ ἄλλοι τε καὶ Ἀλκαῖ ος ἔν τινι τῶν ὕμνων ἰστορεῖ.

1155.

В этой части произошло то, что Павсаний X. 8, 5. приводит из προοίμιον ἐς Ἀπόλλωνα Алкея, что вода Касталии происходит из Кефиса.

1156.

Diod. II. 47. где только этот период указан неверно. О том, что сбор урожая начинается с восходом Плеяд, говорит Гесиод. Op. et D. 381. Сравните рассказ в Eratosth. Catast. 29.

1157.

Тишбейн И. 8. 9. с правильным объяснением Италинского. Как и на вазе в Тишбине IV. 8. треножник изображен стоящим рядом с фигурой, что является определенным доказательством того, что речь идет об Аполлоне.- Тем не менее, некоторые очень уважаемые антиквары все еще придерживаются мнения, что фигура - это *Триптолем*, а не Аполлон; действительно, Институт археологии в Риме недавно опубликовал расписную вазу (I. Distrib. pl. 4.), на которой Τριπτολέμος написан этой фигурой в том же положении и с теми же аккомпанементами; отсюда мне кажется вероятным, что в древности представления, связанные с этой композицией, не были фиксированными. Ваза в Миллине I. 46. изображает Аполлона Дафнефора в сопровождении гиперборея в костюме Аримаспы.

1158.

Paus. X. 5. 5.

1159.

XXI. 3.

1160.

Ἐπομαυς ap. Euseb. Præp. Evang. p. 133. Стеф. цитирует предполагаемый оракул пророчицы по имени Астерия, согласно которому жители и жрецы Делоса происходили от гиперборейцев.

1161.

Aristot. Hist. An. VI. 35. Antig. Caryst. 61. p. 111. ed. Beckmann. Schol. Apoll. Rh. II. 124.

1162.

Ирод. IV. 35. Опис и Гекаэрг, согласно Псевдо-Платону Axioch. pag. 371. A. Servius ad Æn. XI. 858. То обстоятельство, что θήκη этих дев была повернута на восток, показывает, что она относится к критскому времени, поскольку дорийцы клали своих мертвых на востоке, а ионийцы - на западе. См. кн. IV. гл. 1. § 2.

1163.

περφέρες, также ἀμαλλοφόροι и ὑλοφόροι. См. Porphyr. de Abstin. II. 19. Rhoer ad 1 и Spanheim ad Callim. Hymn. Del. 283.

1164.

Додона была гиперборейской, согласно Etymol. M. in Δωδωναῖος.

1165.

Plutarch de Musica 14.

1166.

Согласно Геродоту и Callim. ad Del. 281. ср. Plin. H. N. IV. 26. Mela III. 5. Салмасий считает дары θυμάτων ἀπαρχαὶ , prosiciæ hostiarum, у Мелы; но они, несомненно, были primitiæ frugum, Exerc. Plin. p. 147.

1167.

Невозможно определить конкретную дорогу, поскольку Павсаний I. 31. 2. упоминает одну, которая касается Аттики, где также были обряды или святилища, τὰ ἐξ Ὑπερβορέων, Chrysost. Epist. ad Tit. Rom. 3. vol. XI. p. 744 E. ed. Montfaucon. См. ниже, § 6.

1168.

Heyne Excurs. ad Æn. IV. 2. Он также приезжает на Делос весной.

1169.

Tischbein II. 12. Сравните монеты Халкидона ap. Valliant. et Theupoli. В качестве комментария приводится начало гимна Каллимаха Аполлону.

1170.

Выше, гл. 1. § 2.

1171.

Ирод. IV. 13. Утверждение Геродота точно подтверждается фрагментом Аристия в Tzetz. Chiliad. VII. 144. который может быть подлинным. В ст. 688. для καὶ σφᾶς ἀνθρώπους должно быть написано καὶ φᾶς' ἀνθρώπους (φασί).

1172.

Φοιβόλαμπος. Иседоны впервые упоминаются Алкманом, который называет их Ἀσσεῖδονες, Steph. Byz. в Ἰσσηῖδονες. Он также упоминает рипейцев, Schol. Soph. Œd. Col. 1312.

1173.

Ap. Steph. Byz. in Ὑπερβόρειοι.

1174.

Два последних пункта упоминаются также Hellanicus ap. Clem. Alex. Strom. I. p. 305. Более поздние авторитеты по этому вопросу я обхожу стороной.

1175.

Ирод. IV. 25.

1176.

Олимп. III. 14. ср. Olymp. VIII. 41. Pyth. X. 31. Isthm. V. 22.

1177.

Ap. Schol. Apoll. Rh. IV. 284.

1178.

Эту мысль считает первоначальной Восс, который полагает, что вся басня о счастливых гиперборейцах - выдумка испанских моряков, Ad Virg. Georg. II. p. 381. Weltkunde, Jena Journal Quart. II. p. 20, 29. sqq.: о грифонах ib. Quart. IV. Его мнения косвенно придерживается Уккерт, "География", т. II. стр. 237.

1179.

См. особенно Apollon. Rh. IV. 284. который, согласно "Схолии", следует за Эсхилом.

1180.

Борей, согласно Софоклу ap. Strab. VII. p. 204. носил Орифию.

Ὑπέρ τε πόντον πάντ' ἐπ' ἔσχατα χθονὸς,
Νυκτός τε πηγὰς οὐρανοῦ τ' ἀναπφυᾶς,
Φοίβου τε παλαιὸν κῆπον.

1181.

Hellanicus ubi sup. Simonides and Pindar ap. Strab. XV. p. 1038 B. Æschyl. Choëph. 371.

1182.

Pyth. X. 56.

1183.

Сравните αἶθρια στέφη, Suidas в στέφος-τὰ ἐξ Ὑπερβορέων κομιζόμενα, ἡ ἀεὶ ἐν ὑπαίθρῳ τιθέμενα. Cratinus ap. Hesych. in v. Bekker. Anecd. p. 355. 30. Classical Journal vol. VI. p. 369.

1184.

Ap. Ælian. N. A. XI. 1. Сравните Creuzer Vet. Historic. fragm. p. 85. Этот Гекатей все еще верил в реальное существование гиперборейцев, Schol. Apoll. Rh. II. 615. Steph. Byz. in Καραμβύκαι.

1185.

Comp. Callim. fragm. 187. Βœus и Simmias ἐν Απόλλωνι ap. Anton. Liber, с. 20. Tzet. zes Chil. VII. 144. v. 677. (cp. Brunck Anal. vol. II. p. 525.) Gesner comment. Soc. Gotting. vol. II. p. 33.

1186.

Boeckh. Corp. Inscript. No. 1688. lin. 14.

1187.

Мела и Плин. ubi sup. ср. Эллинский. ubi sup. Примечательно, что этот обычай прыгать с высоких скал встречается в скандинавских легендах точно таким же образом, как и у гиперборейцев. См. Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, p. 486.

1188.

De Nat. Deor. III. 23.

1189.

Также Etymol. M. в νόμοι κιθαρ. p. 607. Относится к музыке (от νόμος, напряжение) у Schol. Pind. Nem. V. 42. Procl. Chrestom. p. 282. 13. in Gaisford's Hephæstion.

1190.

Pyth. IX. 64. Boeckh. Explic. p. 324.

1191.

Orchomenos, p. 348.

1192.

Паррасийский Аполлон на горе Ликей (Paus. VIII. 38. 2.) первоначально был Аполлоном Номием.

1193.

Цицерон о Дивееве (Cicero de Div. I. 57. 130. от Гераклида Понтийского.

1194.

Schol. Apoll. Rh. II. 500. частично из Bacchylides, Pherecydes fragm. 42. ed. Sturz.

1195.

Schol. Apoll. Rh. II. 514. ср. Schol. II. α. 766.

1196.

Clem. Alex. Protrept. p. 8. ср. Porphy. Vit. Pythag. § 16. Cyrill. adv. Julian, p. 542.

1197.

Утверждение, что Пифагор поместил в Дельфах на могиле надпись с такими словами: "Аполлон, сын Силена", - это путаная и баснословная история позднейших времен, Porphr. ubi sup. Дикая олива была священна для Аполлона Номия, согласно Феокриту XXV. 20; его считали автором разновидности эпилепсии, Hippocrat. de Morbo Sacro, p. 303.

1198.

Ниже, [гл. 8. § 15.](#)

1199.

Гесиод. fragm. 21. ed. Gaisford.

1200.

Paus. VIII. 30.

1201.

Аполлон изображен с короной из колосьев на голове, на гемме в "Дактилитеке" Липперта I. с. 62. No. 145. Иногда на монетах также присутствует только зерно кукурузы с символами Аполлона, например, на монетах Гефестии и Абдеры.

1202.

Σμίνθοι ἀρουραῖοι, Æschylus ap. Ælian. Hist. An. XII. 15.

1203.

Strabo XIII. p. 604. Schol. II. α. 89. Ælian ubi sup. Tzetz. ad Lycoph. 1302. Аполлон держит в руке мышь на монете Адриана, принадлежащей александрийской Троаде Mionnet. tom. II. p. 644. Расписная ваза в Тишбейне II. 17. вероятно, относится к священным мышам Сминтеума; о них см. Heraclid. Pont. ap. Strab. ubi sup. Согласно Поллуксу IX. 6. 84. аргивяне изображали мышь на своих монетах (как эмблему Аполлона); у Эккеля ничего подобного нет; в коллекции мистера Пэйна Найта есть очень маленькая древняя золотая монета такого типа. См. Knight on the Symbolical Language of Mythology, § 128. note.

1204.

Страбон XIII. с. 613.

1205.

Philochorus ap. Schol. Vulg. ad Od. XX. 155. ср. ad XXI. 258.

1206.

Плутарх Дион. 23.

1207.

Плутарх Дефект. Orac. 7, 12. de Pyth. Orac. 12. Symp. Quæst. III. 10.

1208.

Æginetica, p. 27. Аполлон Ἥλεις в Аргосе (Paus. VIII. 46. 2.) вряд ли является Ἥλιος.

1209.

Трезенский Ὠρος (Paus. II. 30. 6.) был, вероятно, богом времен года, а затем солнца; но ὦρα и египетский Горус, несомненно, не могут иметь никакой этимологической связи.

1210.

Ирод. VI. 97. Pseudo-Plat. Axioch. p. 371 A. comp. Æsch. Pers. 206.

1211.

См. ниже, гл. 6. § 10. [Примечание переводчика: В этой главе нет такого раздела].

1212.

Eurip. Phaeth. fr. 2. Matthiæ. Ἀπόλλω δ' ἐν βροτοῖς σ' ὀρθῶς καλεῖ Ὅστις τὰ σιγῶντ' ὀνόματ' οἶδε δαιμόνων.

1213.

Fragm. 48. Той же доктрины придерживались Аполлодор (Macrobian. Sat. I. 17.) и Филохор, согласно которому среди тритопаторов был Гелий-Аполлон, ap. Strab. XIV. p. 655.

1214.

С. 24. Только следующее повествование взято из "Бассаридов" Эсхила; ср. Timotheus περὶ κοσμοπούας ap. Euseb. Scalig. p. 4.

1215.

Этот факт относится к фактическому поклонению солнцу во Фракии, Софокл в Tereo ap. Schol. II. XV. 705.

1216.

Отрывки, в которых он рассматривается как бог солнца, фрагмент в J. Diaconus и гимн, относятся к наиболее позднему времени. Сивиллинский оракул в Зосиме II. 6, где Аполлон называется Гелием, относится к александрийской эпохе; также очень поздним является странный гимн в Analecta Брунка, vol. II. p. 518. Более того, монеты, на которых Аполлон изображен с лучами вокруг головы, насколько я могу судить, все относятся к эпохе императоров.

1217.

Аполлон γενέτωρ с Делоса, вероятно, был назван так с фиксированной, хотя и неясной ссылкой, как и Аполлон πατρίωος, которого орфические философы в Macrobi. Sat. I. 17. также объясняли как *прародителя* в целом. См. выше, [гл. 2. § 15](#).

1218.

Orchomenos, p. 383. Сравните Schwarz Miscell. Polit. hum. p. 89. Creuzer Symbolik, vol. III. p. 166.

1219.

Od. XV. 402. ср. III. 280. XI. 171. Ил. XXIV. 759. Артемида убивает для него женщин, как у Пиндара Pyth. V. 10. Об Артемиде и Аполлоне, как богах смерти, см. в Opusc. Lat. P. 11. n. 12. p. 293 sqq.

1220.

Ἑκατος, ἐκάεργος, ἐκηβόλος, ἐκατηβελέτης, ἀφήτωρ.

1221.

Il. IV. 508. VII. 21.

1222.

XV. 308. XVI. 703.

1223.

См. Pind. Pyth. IV. 86.

1224.

Hom. Гимн. Apoll. Del. 13.

1225.

Гомер представляет Афродиту как покровительницу Энея и антагониста Диомеда, а также Ареса в битве за троянцев в невыгодном свете; и с явной иронией описывает слабость богини и жестокую уверенность бога. Подобным образом Диана и речной бог Скамандр иногда играют очень недостойную роль. Один только Аполлон всегда сохраняет достоинство.

1226.

Ил. XXI. 464. ср. XXIV. 40. ὥ οὐτ' ἄρ φρένες εἰ σὶν ἐναίσιμοι.

1227.

Il. XXIV. 606.

1228.

Od. XI. 517.

1229.

Il. VIII. 227. Он побеждает Форбаса в боксерском поединке, Эврита - в состязании по стрельбе из лука, на которое тот бросил вызов всем богам; поэтому предполагается, что он вообще руководит состязаниями с кестуном (Il. XXIII. 660. Plutarch. Quæst. Symp. VIII. 4); а среди дорийцев, которые любили полевой спорт, он особенно считался покровителем лучников и охотников. Il. XXIII. 872. Soph. CEd. C. 1091. Pollux V. 5. 39.

1230.

Ἦναξ Ἄπολλον, καὶ σὺ μὲν τοὺς αἰτίους Πήμεινε, καὶ σφᾶς ὅλλυ' ὥπερ ὀλλύεις. Fragm. 79. ed. Gaisford. Сравните Blomfield ad Æsch. Agam. 66. Gloss.

1231.

Ἀπὸ σ' ὀλέσειεν Ἄρτεμις τε χῶπόλλων, Fragm. 16. ed. Welcker.

1232.

Æschyl. Agam. 1091. Plato Cratyl. p. 405. и Eurip. Phaeth. (выше, с. 306. примечание m. [Примечание переводчика: Это сноска к "wont to destroy them", начинающаяся "Ἦναξ Ἄπολλον."] указывают на то же самое происхождение.

1233.

Hermann Ueber das Wesen der Mythologie, p. 107.

1234.

Pausan. I. 43. 7. Anthol. Palat. VII. 154. На монете из Пруссии Аполлон изображен с бичом в руке, Mionnet Descript. tom. II. p. 482.

1235.

Ирод. III. 52. Walpole's Travels, p. 541. В азиатской надписи из кодекса Шерарда эти штрафы называются ἱεραὶ δραχμα. Шерард. эти штрафы называются ἱεραὶ δραχμαί.

1236.

Agamem. 55.

1237.

Геллий Н. А. В. 12.

1238.

Schol. Eurip. Phœn. 1446.

1239.

Plut. Quæst. Græc. 24.

1240.

Plut. de Ei 21. p. 246. de Defect, Orac. 7. p. 309. non posse suav. vivi sec. Epicur. 23. p. 124. Возможно, к этой теме следует отнести и Аполлония Филесия.

1241.

Ἀκήσιος. Paus. VI. 24, 5. ἀκέστωρ, Eurip. Androm. 900.

1242.

Ἐπακούριος, Paus. VIII. 32-41. 5.

1243.

Ἀλεξίκακος, ibid. I. 3. 3. Aristoph. Pac. 420. Сравните: Visconti, Museo Pio-Clement. I. p. 27.

1244.

Ἀποτροπαῖος, Orac. ap. Demosth. in Mid. p. 331. 27. Inscript. in Walpole's Travels, p. 547. No. 38. Stuart's Antiquities of Athens, vol. I. p. 25. называются проστάτης, в колониях на Понте, выше, [гл. 2. § 6.](#) comp. Soph. Trach. 208. с примечанием Германа. На него ссылаются в его образе Простатήριος, чтобы предотвратить ночные страхи, в Soph. Elec. 638; в Aj. 187 он предохраняет от безумия; в Eurip. Herc. Fur. 821, ярость. Πύθιοι καὶ σωτήριοι θεοί. Воескh Corp. Инскрипт. No. 1693.

1245.

Pind. Pyth. v. 63. ср. IV. 270. Аристоф. Plut. 8. Soph. Œd. T. 149. Каллим. Гимн. Apoll. 72. См., однако, Il. XVI. 527. Его называли Λοῖμιος в Линде, Macrobian. Sat. I. 17. Медик в Риме около 416 г. по Р.Х. Ἰατρὸς, Tzetzes ad Lycophr. 1206.

1246.

Demosth. in Mid. ubi sup.

1247.

Il. v. 401, 899. с Schol. Venet. ср. Od. IV. 232. Аристарх считал Аполлона и Пэона у Гомера тождественными, однако Гесиод различает их во фрагменте в Eustath. ad Od. p. 1493. Schol. Min. ad 1. (ср. Hemsterhuis в Gaisford's Poetæ Min. p. 551), а также, возможно, в Brunck's Analecta, vol. I. p. 67.

1248.

Hom. Hymn, ad Apoll. Pyth. Eurip. Ion 128, 140. Пеан Пиндара во фрагментах.

1249.

Proclus apud Phot. ἡ δῖος ἀπέκειτο τῷ Ἀπόλλωνι καὶ τῇ Ἀρτέμιδι.

1250.

Hom. Hymn. 272, 320.

1251.

Proclus ubi sup. Hesych. In Soph. Œd. T. 152. песня хора, напоминающая пеан, имеет такие слова; Φοῖβος-σωτήρ θ' ἵκοιτο καὶ νόσου παυστήριος. ср. Schol. ad v. 114. et Suid. in ἡνίων.

1252.

Каллим. Гимн. Apoll. 21. Нæниæ и пæаны противопоставляются друг другу. Эврип. Iph. T. 183. Бог смерти не был почитаем ни одним из пеанов. Æsch. Niob. Frag. 5. Пеаны к Аиду, фурии и т. д. - это оксюморон; см. Monk ad Eurip. Alc. 431.

1253.

Сравните рæанс спартанцев в Гимнопедии за битву при Фермопиле. Etymolog. Mag. p. 243, 4. Аполлон и Артемида, боги победы, Soph. Trach. 207.

1254.

См. Æschyl. Theb. 250. Упоминаемый здесь ὀλυλυγμός (ululatus) был отчасти тем ἔλελεῦ, который, согласно Плутарху Thes. 22. происходил при пении пеана и во время возлияния (в этом отрывке σπένδοντες, очевидно, имеет правильное значение). Поэтому Аполлон называется ἔλελεῦς в Macrobian Sat. I. 17. Отсюда же происходит и ἔλελίζειν, о котором часто упоминает Ксенофонт, но отличает его от пеана и представляет как исполняемый Эниалу или Аресу, Anab. I. 8. 18. ср. V. 2. 14. Hell. II. 4, 17.

1255.

Каллим. Apoll. 113. Apoll. Rhod. II. 710. ср. Athen. XV. p. 701. C. Duris ap. Etym. Mag. in ἡίε.

1256.

Thuc. VII. 44. ср. IV. 43.

1257.

Æsch. Опять. 99.

1258.

Еврип. Hippol. 1373. Æsch. ap. Stob. Serm. p. 121.

1259.

Æsch. Agam. 518.

1260.

Tzetz. ad Lycoph. 352.

1261.

Dieuchidas in Megaricis ap. Schol. Aristophan. Весп. 870. Арфократ. В Teree (происходящей из Спарты) Paus. VIII. 53. I. 2.

1262.

Выше, гл. 4. § 2.

1263.

Demosth. in Mid. p. 331. comp. Varro ap. Porphyry. ad Horat. Carm. IV. 6. 28. ex responso sui (Pythii) oraculi in viis publicis urbis suæ Athenienses statutis altaribus sacrificare Apollini instituerunt et Agyeum appellare. Также Eurip. Ion 186. на которую ссылается Евстафий. ad Il. p. 166. Rom. ссылается. За Варро, вероятно, следует Еванфий De Tragœdia et Comœdia: Athenienses cum Apollini Nomio vel Ἀγυιαίῳ (как исправляет Osann. Auctar. Lex. p. 82.), т. е. pastorum vicinorumque (читается vicorumque) præsidi deo constructis aris festum carmen solenniter cantarent.

1264.

Schol. Aristoph. Vesp. 870. Thesm. 496. Eq. 1317. Schol. Eurip. Phœn. 634. Арфократ. Hesych. Helladius ap. Phot. cod. 279. p. 1596. Plautus Mercat. IV. 1. 9. Steph. Byz. in Ἀγυιαί, также Otto de Diis Vialibus, et Zoëga De Obeliscis p. 210. Agyieus часто встречается на монетах вместо других эмблем Аполлона, где нумизматы не признавали этот символ. См. монеты Аполлонии в Эпире, Аптеры на Крите, Мегары, Византии, Орикуса, Амбракии, где статуя окружена филями.

1265.

Эврип. Ion. ubi sup.

1266.

κυισσῶν ἁγυιάς, Demosth. ubi sup. и Stephens's Thesaurus, ed. Lond. vol. I. p. 1048.

1267.

Ἀβέλιος, критяне и памфилийцы, Hesych. in v. Comp. Hemsterhuis ad Hesych. in θάβακον, Koen ad Greg. Corinth. p. 354. ed. Schæfer. βέλα ἥλιος καὶ αὐγῇ, лаконизм по Исихию.

1268.

Шуточная этимология Платона от πολεῖν, а абсурдная - от ἀπολύς, упоминаемая Цицероном de Nat. Deor. II. 27. Плутарх, de Ei 9. p. 228 (потому что Аполлон был τὸ ἔν, De Iside 76. p. 207). ср. Macrob. Sat. I. 17. и др. в Etymol. M., я могу быть освобожден от рассмотрения.

1269.

Maittaire, p. 152, 264.

1270.

Festus in v. Comp. Schneider, Lat. Gram. vol. I. 1. p. 12.

1271.

По-видимому, существуют две радикальные формы, имеющие почти одинаковое значение, от которых может быть образовано слово ΑΠΕΛΛΩΝ. Первая ФЕΛ или ФЕΛΦ, VOLVO, "катиться", "сжиматься", и ЕΛ, "толкать, ударять, водить" и т. д. Ἐλάσαι, ἐλαύνειν и т. д., очевидно, являются производными от этого ЕΛ; от которого, вероятно, происходит ἀπέλλων или ἀπόλλων, поскольку Гомер постоянно использует φέλῳ, но ἐλάσαι и т. д., а также Ἀπόλλων, без дигаммы.

1272.

См. Apollon. Lex. Hom. p. 833. ed. Villosion. Schol. Apoll. Rh. II. 301.

1273.

Aesch. Suppl. 222. Pindar Pyth. IX. 66. Плутарх, de Ei 20. p. 243. De Exilio 17. p. 386. Apollo sanctus, Cicero Tusc. Quaest. IV. 34. Montfaucon Inscript. vol. I. pl. 52. No. 10. Термин φοιβονομεῖσθαι использовался в отношении фессалийских прорицателей, когда они жили отдельно на ἀποφράδες ἡμέραι, Плутарх, de Ei.

1274.

Plutarch. de Def. Orac. 2.

1275.

Theophrast. de Lapid. 37.

1276.

Сравните φοῖβον ὕδωρ Apollon. Lex. in v. Lycophr. v. 1009.

1277.

Sturz. de Lingua Macedonica.

1278.

Агамемн. 1084, 1088. ср. Eurip. Alcest. 22.

1279.

Aesch. Theb. 696, 865. Eurip. ap. Plutarch, de Ei 20. p. 246. λοιβαὶ νεκύων φθιμένων ἀοιδαὶ ὅς ὁ χρυσοκόμας Ἀπόλλων οὐκ ἐνδέχεται, который Герман принял в Eurip. Suppl. 999. Hesych. in ἀκερσεκόμης. Creuzer Meletem. vol. I. p. 31.

1280.

Paus. X. 14. 4. Здесь регистрировались имена главных жриц, Plutarch. Pericl. 21.

1281.

Плутарх. Пирр. 32. Об Афинах см. выше, с. 264. прим. с. [Примечание переводчика: Это сноска на "праздник Боэдромии", начинающийся "Каллим. Гимн"]. О святости волчицы там, Schol. Apoll. Rh. II. 124.

1282.

Elect. 6. ср. Schol. ad 1. et ad Aesch. Theb. 147. Plutarch. de Sol. Anim. 9. p. 155. Hesych. in λυκοκτόνος. Paus. II. 9. 7.

1283.

Il. XV. 239. ср. Антонин. Liber. с. 28. Илиан. Н. А. X. 14. Аристоф. Av. 516. [Переводчики полагают, что в отрывке из Гомера имеется в виду не что иное, как то, что Аполлон летел стремительно, как стремительно летит ястреб].

1284.

Od. XV. 525. Аполлону γυτταῖϋς, "богу стервятников", поклонялись на вершине холма близ Эфеса, Конон, Narr. с. 35. Существовал также вид волка, называемый κίρκος, Orpian. Syneg. III. 304.

1285.

Aesch. Theb. 147. καὶ σὺ, Λύκει' ἄναξ, λυκείος γενοῦ στρατῷ δαΐῳ где см. Blomfield. Comp. Agam. 1266, и Soph. Œd. T. 203. Λύκει' ἄναξ τὰ σὰ βέλεα. В более мягком смысле в Aesch. Suppl. 694. Soph. Œd. T. 920. Elect. 656. В последней трагедии Аполлон предстает во всеоружии своих самых высоких и благородных качеств. См. особенно v. 1379.

1286.

См. Voss on Virgil's Georg. p. 408. Комментарий Крейцера. Herod. vol. I. p. 417.

1287.

Il. IV. 101, 119. ср. Heyne.

1288.

См. Hom. Hymn. ad Apoll. Pyth. 266.

1289.

Schol. Soph. Elect. 6.

1290.

Возможно, Аполлон ἔναυρος в Hesych. in v. относится к этому классу атрибутов. Также существовали храмы Аполлона на мысах Leucæ, Leucatas.

1291.

Аристотель. Н. А. VI. 29. Иначе Aelian. Н. А. IV. 4. Апостол. XII. 18. comp. above, p. 287. note n. [Примечание переводчика: Это сноска на "двенадцать дней и ночей", начиная с "Aristot. Hist. An. VI. 35."]

1292.

Apostol. XII. 21.

1293.

Из современников см. Пейн Найт, Символ. Lang. § 124. Gail Philologue, tom. I. p. 300, (comp. Boissonade in Millin's Magasin Encyclopédique, tom. 118. p. 346.), где Λοξίας приводится в связь с Λυκεῖος. Мне кажется вероятным, что слово Λοξίας впервые выразило косое положение лучника, который всегда имеет ὄμματα λοξά.

1294.

Comp. Paus. VI. 8. 2.

1295.

Theopompus apud Polyb. XVI. 12. 7. Плутарх. Quæst. Gr. 39. p. 398. Paus. VIII. 38. 5. О ἄβατον см. Amphis ap. Hygin. Poet. Astron. II. 1 p. 35. cf. IV. p. 362. ed. Muncker.

1296.

Pausan. X. 24. 4. Comp. Pindar Pyth. IV. 4. Ζεὺς βασιλεὺς почитался в Дельфах, Xenoph. Anab. V. 9. 22. А также Ζεὺς εὐπτονος, Hesych. in v. Возможно, также, что бог Ἑλωὸς, которого Hesychius (in v.) называет дорийским Гефестом, может быть настоящим Зевсом; предположение, которое подтверждается тем обстоятельством, что храмы Зевса в Додоне и в Лаконии назывались Ἑλλὰ, Гесихий в v. ср. в Ἑλα. То, что это Elous могло первоначально происходить от El или Eloha народа Израиля, я не отрицаю; но это этимология, которая не приводит ни к чему, кроме безнадежных и неопределенных догадок.

1297.

Ἑκατος Διὸς υἱὸς, Aleman ap. Nephæst. p. 66. ed. Gaisf.

1298.

Æsch. Eumen. 19. 616. Сравните ἱέρειαι в Macrobius Sat. V. 22. Schol. Soph. Œd. Col. 791. Soph. El. 660.

1299.

Об исключении мессенцев см. выше, с. 151. прим. t, [Примечание переводчика: Это сноска к "Терпандру", начинающаяся словами "Я упоминаю Эвмела"], а о месте его рождения в Тегире - выше, гл. 2. § 11. Аполлон, как говорят, родился в Амфигении в Трифилии, Steph. Byz. in v. и там был храм Латоны, Strab. VIII. p. 349. Antimachus Fragm. 78. p. 111. ed. Schellenberg.

1300.

Ἐν χρόνῳ т. е. "для его рождения требовалось время"; "прошло некоторое время, прежде чем Аполлон мог родиться", Pindar ap. Clem. Alex. Strom. I. p. 383. ed. Potter.

1301.

Гомер, Гимн. Apoll. 305. comp. Hygin. Fab. 54.

1302.

Fragm. Prosod. I. p. 587. ed. Boeckh.

1303.

Пиндар там же.

1304.

Comp. Spanheim ad Callim. Гимн. Del. 36. 273.

1305.

Pindar Fragm. Prosod. 1. Воескh. Эта ода, должно быть, была написана до землетрясения в Олимп. 72. 3. см. Herod. VI. 98. что подтверждает утверждение Диссена о том, что Isthm. I. 4. не упоминается, поскольку эта поэма, как показывает тот же критик, была написана после Олимп. 80. 3. Геродот также не знал о землетрясении, произошедшем в начале Пелопоннесской войны (Thucyd. II. 8.), а Фукидид никогда не слышал о другом, произошедшем до его времени, и не читал сообщения Геродота. Comp. Mucian. apud Plin. H. N. IV. 12. Aristid. Orat. VI. p. 77. 78. Spanheim ad Callim. Del. 11. &c.

1306.

Выше, [гл. 2. § 13.](#)

1307.

Pausan. I. 18. 5. VIII. 21. 2. IX. 27. 2. Comp. Ирод. IV. 35. Смещение Эйлейтии и Судьбы, о котором говорит Олен, является лишь предположением Павсания.

1308.

Павсаний. IX. 27. 2.

1309.

Spanheim ad Callim. Del. 308.

1310.

Hom. Гимн. Apoll. 16. 19. Callim. Del. 206. Сравните карту острова в Choiseul Gouffier, Voyage Pittoresque, tom. I. pl. 31.

1311.

См. Æschyl. Eumen. 9. Theognis v. 7. Ирод. II. 170. Эврип. Ion 169. Ифиген. Taur. 1105. Колл. Apoll. 59. Del. 261.

1312.

Pausan. VIII. 48. 2. conf. Hom. Odys. VI. 167. Schol. ad Eurip. Ion. 932. Элиан. V. H. v. 4. Hygin. Fab. 53. 140. Catull. XXXIV. 8. О пальме как эмблеме Делоса на греческих вазах см. Tischbein I. 24. II. 12.

1313.

Strabo X. p. 486, &c.

1314.

Баснословную причину приводит Каллимах, Fragm. 9. Hygin. fab. 247.

1315.

В возрасте четырех дней, согласно Hygin. fab. 140. ср. Eurip. Ифиг. Taur. 1252. Macrobian. Sat. 1. 17.

1316.

Клеарх Солийский в Афинах. XV. p. 701 C. Duris ap. Etymol. Mag. в Ἰήϊε, где для ἧλιον читается Ἀπόλλωνα. comp. Bast ad Greg. Corinth, p. 834. Эта легенда согласуется с композицией на греческой вазе в Тишбейне III. 4. Платан встречается также в Theophrast. Hist. Plant. IV. 13. Plin. H.N. XVI. 44. и на барельефе на вилле Альбани, Zoëga de Obeliscis, p. 212.

1317.

Apoll. Rh. II. 707. comp. Jamblich. Vit. Pythag. 10.

1318.

Schol. Æsch. Eumen. 2.

1319.

Comp. Hygin. fab. 140.

1320.

Plutarch de Pyth. Orac. 17. Фонтан, о котором говорится здесь, а не в Касталии, - это тот, в котором, как предполагалось, обитает змея. Comp. Хесих. в Τοξίου βούνος; курган, воздвигнутый над Пифоном, в овраге около Дельф, который иногда помещают в Сикион, Paus. II. 7. 7.

1321.

Apoll. Rhod. II. 706. Schol. (где также Δελφύνης есть в MS.) Dionys. Perieg. 441. Tzetz. ad Lycophr. 208. ἡμίθηρ κόρη, согласно более поздним авторам, в Apollod. I. 6. 3.

1322.

Люциан де Астроль. 23. Символ козла связан с питоном (так как Αἴξ называется ребенком питона, Плутарх. Quæst. Græc. 12.), также река Αἰγᾶς, и πεδῖον Αἰγαῖον в Дельфах (Hesiod ap. Steph. Byz.), и ὀμφαλὸς Αἰγαῖος, Hesych. in v. cf. Pausan. X. 11. 4. и Diod. XV. 26. Это же животное было священным для Аполлона в Элире на Крите (см. выше, [гл. 1. § 5.](#)) и Тилиссе; на монетах этого города Аполлон изображен с козлиной головой в руке. На Делосе алтарь Κερατῶν, или Κεράτινος, был сделан из козьих рогов Аполлоном еще в детстве, Plutarch. Thes. 21. de Solert. Animal. 35. p. 201. Каллим. Гимн. Apoll. 51. Та же история была рассказана о Κεραιστῆς τόπος в Милете (Callim. ap. Etym. Mag. 584. 10.), где существовала странная история о козле, который давал молоко. Не приходится сомневаться, что коза первоначально была одним из нечистых животных поклонения Аполлону.

1323.

Аполлон, согласно Симониду (ap. Eustath. ad Il. p. 52. 39.), сразил чудовище сотней стрел (как объяснение ἐκατηβελέτης). Эта битва изображена на монетах Кротона; см. Eckhel Num. Anecd. plate I. No. 13.

1324.

Callim. ap. Tertull. de Cor. 7.

1325.

См., в частности, Boeckh de Metr. Pind. III. 4. p. 182. Pollux IV. 10. 81. называет представление ἄχρον αὐλημα Πύθιον.

1326.

Плутарх. Quæst. Gr. 12. p. 383. de Def. Or. 14. 21. Ephorus ap. Strab. IX. p. 422. также упоминает о сожжении καλιδᾶς, которое он называет σκηνή.

1327.

Orchomenos, p. 220.

1328.

У Плутарха de Def. Orat. 14. читается ἔφοδος ἥ αἱ Ὀεῖαι (также в Hesych. в αἰόδα) τὸν ἀμφιθαλῆ κόρον ἡμμέναις δασιὶν ἄγουσιν для ἔφοδος μὴ αἰόλα δὲ τὸν, женщины имеют то же имя, что и у Орхомена, Plutarch. Quæst. Græc. 38. Сравните Orchomenos, p. 166.

1329.

Выше, гл. 1. § 2; и о различных традициях Таррха, ib. § 5.

1330.

В стихе Софокла, цитируемом Плутархом de Def. Orac. 14. Алкестида говорит об Аполлоне, οὔμος δ' ἀλέκτωρ αὐτὸν ἦγε πρὸς μύλην, "Мой муж привел его на мельницу". Название трагедии, по-видимому, было Ἄδμητος; см. слова Плутарха ubi sup. Трагедия, говорю я; ибо, хотя Герман (Præf. ad Eurip. Alcest. p. xv.) считает, что эта строка из сатирической драмы, стихи, цитируемые в Schol. Pind. Pyth. IV. 221. которые, по-видимому, взяты из той же пьесы, явно имеют трагический характер. Об имитации рабства Аполлона см. также слова Плутарха ib. 15. αἶ τε πλάναι καὶ ἡ λατρεία τοῦ παιδὸς οἱ τε γιγνόμενοι περὶ τὰ Τέμπη καθαρμοί.

1331.

Hesych. in Ἀδμήτου κόρη.

1332.

См. особенно Æschyl. Eumen. 726. Eurip. Alcest. 10. Аполлод. I. 9.

1333.

См. Schol. Аристоф. Vesp. 1231. (но схолион Ἀδμήτου λόγον и т. д. не имеет к этому делу никакого отношения), и Zenob. Prov. Ἀδμήτου μέλος.

1334.

Eubemerus ap. Minut. Felic. c. 21. 2. Фульгент. Expos. Germ. Ant. p. 168. Porphyry. Vit. Pyth. 16.

1335.

Несколько монет, кажется, представляют эту люстрацию; например, одна из Халкидона, в Mionnet, № 88; одна из Перинфа, ibid. 329; см. также монеты Александрийской Трои в Mionnet, № 109, 115, 116.

1336.

Таким образом, Pherecydes ap. Schol. Eur. Alcest. 2. (ср. ap. Schol. Pind. Pyth. III. 96.), который черпал свои сведения у Гесиода. Гесиод передал эту традицию в той части Ἡοῖαι или каталога, где говорится о дочерях Левкиппа, одна из которых, как утверждается, была матерью Эскулапа. Tzetzes ad Hes. Theogon. 142. Сравните Athenagoras Legat. p. 134. и Schol. Eurip. ubi sup. Apollod. III. 10. 4. I. 9. 15. Diod. IV. 71. Excerpt. p. 546. ed. Wesseling. Орф. Argon. 176, также Eurip. Алкестис и Асклепиад в Схолии. Религиозную традицию передает Анаксандрид Дельфийский в Schol. Eurip. Alcest. 2. (περὶ τῶν συληθέντων ἐν Δελφοῖς ἀναθημάτων, Vatic. Prov. I. 5.) и Плутарх, возможно, из того же источника. Те, кто в Илиаде I. 399. написал καὶ Φοῖβος Ἀπόλλων, приписали его изгнание восстанию против Зевса. См. также Æschylus ap. Plutarch de Exilio 17.

1337.

II. XXI. 443. θητεύσαμεν εἰς ἐνιαυτόν. Также Ферекид и другие. Клем. Alex. Strom. I. p. 323. μέγα εἰς ἐνιαυτόν, от эпического поэта. Плутарх. Amator. 17. приводит весь стих; Ἀδμήτῳ πάρα θητεύσαι μέγα εἰς ἐνιαυτόν.

1338.

Schol. Apoll. Rhod. IV. 611; см. очень путаный рассказ в Eratosth. Catast. 29. с примечанием Шайбаха. p. 110.

1339.

Odyss. XI. 580 Pausan. III. 18. 7. (на амиклесском троне) X. 11. 1. Pind. Pyth. IV. 90.

1340.

Διὸς νημερτέα βουλήν, Hom. Hymn. Apoll. 132. comp. Hymn. Merc. 471, 533.

1341.

Илиан. V. Н. XI. 5. Также жертвоприношения лепешек в Афинах, Гарпократ и Гесихий в ἔνθρουπτα, Суидас в ἔνθρουπτος Ἀπόλλων. comp. Hemsterhuis ad Lucian. vol. II. p. 411. ed. Bipont.

1342.

См. выше, [гл. 2. § 2.](#)

1343.

Aristot. in Δηλίων πολιτεία ap. Diog. Laert. VIII. 13. Timæus ap. Censorin. de die nat. 2. (Tim. fragm. 62. ed. Goeller). Сравните Макробий Sat. III. 6. Clem. Alex. Strom. VII. p. 717. Porphy. de Abstinens. II. 28. (см. Rhoerp. 153.) Jamblichus Vit. Pythagor. 5. 7. Cyrillus in Julian. IX. p. 307 В. О роговом алтаре см. выше, p. [325](#), прим. d. [Примечание переводчика: Это сноска на "внутреннее святилище", начиная с "Lucian de Astrol. 23."]

1344.

Плутарх. Sept. Sapient. 14. Первые плоды года также разносили по аттическим Таргелиям, Гесихий в Θαργήλια.

1345.

Schol. Pindar. Argum. p. 298. ed. Boeckh.

1346.

См. в частности Crates ap. Schol. Aristoph. Eq. 725. Suidas in εἰρεσιώνη. Menecles ap. Suid. в διακόνιον. ср. в προηποσία. Thes. 22. Апостол. Пр. XXI. 24.

1347.

Также χύτρα ἁθάρησ καὶ ἔτνους, употреблявшаяся на этом празднике, относилась скорее к богам земледелия.

1348.

Древние греки считали зиму временем года, когда преобладают боги адских областей и существует состояние нечистоты; в то время как на весну и лето они смотрели как на чистое и священное время года.

1349.

Meursii Græcia Feriata in Θαργήλια. Сравните Orchomenos, p. 106. Историческое предание о первом φαρμακὸς, из сочинения Истра περὶ τῶν Ἀπόλλωνος ἐπιφανειῶν, сохранилось в Harpocration и Etymol. Magn. in v.

1350.

Parthen. Erot. 9. Гесихий в Θαργήλια ad fin., где исправление Хемстерхуиса не одобряется Велькером в "Mythologische Andeutungen" Швенка, p. 341.

1351.

Archilochus fragm. 46. ed. Gaisford.

1352.

Servius ad *Æn.* III. 57. из Петрония. Там поклонялись Аполлону Дельфийскому, Strabo IV. p. 179 В.

1353.

См. стихи Гиппонакса в Tzetzes Chil. V. 743. также в Athen. IX. p. 370 А. и его свидетельство в Plutarch de Musica 8. comp. Гесихий в κραδίης.

1354.

Выше, гл. 2. § 10.

1355.

Pausan. II. 7. 7. Возможно, существовала местная традиция, согласно которой Пифон был убит в Сикионе; см. выше, с. 324, прим. b. [Примечание переводчика: Это сноска на "поставляется из Стикса", начиная с "Plutarch de Pyth. Orac. 17."]

1356.

Плутарх. Thes. 18. Число очевидно из контекста.

1357.

Чтобы показать соответствие между священными временами года в Афинах и Дельфах, следует отметить, что в последних девять месяцев весны, лета и осени были священны для Аполлона, и в течение них жертвоприношения сопровождалась пэаном; в то время как три зимних месяца были священны для Вакха, и поэтому в них во время жертвоприношений играли дифирамбы (Plutarch. de Ei 9. p. 229.); и что в Афинах также праздновали праздники Вакха между Посейдеоном и Элафеболионом, а Аполлона - в остальные месяцы.

1358.

См. *Æginetica*, стр. 152. То, что Testamentum Epictetæ принадлежит Фере, доказывает Boeckh Corp. Inscript. Gr. No. 2448.

1359.

Schol. Pind. Pyth. Argument.

1360.

См. в частности Каллистена и Анаксандрида (того самого, который упоминался выше) у Плутарха. Quæst. Græc. 9. Фукидид V. 1. ср. 18. 24. также помещает пифийский праздник в конце Элафеболиона. Первый отрывок часто понимается неверно (например, Мансо, Спарта, т. III. ч. II. с. 193.): его смысл таков: "Ежегодное перемирие приостанавливалось; снова начиналась война, пока не наступали Пифийские игры". Не углубляясь в сложный вопрос о времени проведения пифии и не отрицая, что в более поздние века праздник был перенесен на осень, я думаю, что аргументы в тексте полностью оправдывают меня в предположении, что празднование победы над пифоном (а это празднование было главной темой пифии) происходило весной.

1361.

Это ясно из басни о Тесее, выше, гл. 3. § 14. [Примечание переводчика: В этой главе нет такого раздела].

1362.

Плутарх. Sympos. VIII. 1. 2. p. 342. de Ei 17. p. 238. Proclus ad Hesiod. Op. 767. Дионис. Hal. de Art. Rhet. 3. p. 243. ed. Reisk. comp. Valckenaer de Aristobulo Judæo § 37. p. 13.

1363.

Diog. Laert. III. 2. II. 24. Apollod. fragm. p. 413. 415. ed. Heyn. Вероятно, это вымысел, что Сократ родился в первый, а Платон - во второй день.

1364.

κωπῶ Дафнефория (Proclus ap. Phot. p. 987.) имеет некоторое сходство с εἰρεσιώνη, или оливковой ветвью, которую также носили вокруг на Фаргелии (Suidas in v.), и также называется ἰκετηρία, Schol. Aristoph. Eq. 725.

1365.

Афиняне, по словам Прокла, как сказано выше, почитали седьмой день как Ἀπολλωνιακῇ, δαφνηφοροῦντες καὶ τὸ κανοῦν ἀποστρέφοντες (ἐπιστρέφοντες Scalig.) καὶ ὑμνοῦντες τὸν θεόν.

1366.

Pontedera Antiq. p. 208. Согласно Scaliger Emend. Temp. vol. I. p. 54, это было древнее начало года; что отрицается Петавием Доктрином. Temp. I. 34. p. 42. Сравните Dodwell de Cyclis V. 12. p. 256.

1367.

Выше, [гл. 4. § 2](#). Вероятно, именно тогда отмечался праздник Феофании, Herod. I. 51.

1368.

О чем см. выше, [гл. 1. § 2](#). [гл. 2. § 12](#). [гл. 14. § 1](#). А о древних восьмилетних пифийских играх см. у Деметрия Фалерийского в Eustathius ad Od. γ'. p. 1466. ed. Rom. Schol. Med. ad Od. γ'. p. 267.

1369.

Ее, как и оливковую ветвь, всегда носил παῖς ἀμφιθαλῆς, мальчик, у которого были живы оба родителя.

1370.

См. стих одного эпического поэта, цитируемый Плутархом, Præc. Reip. ger. 19. p. 178. Ἦκομεν οἱ κτείναντες, ἀπότηρεπε λοιγὸν, Ἄπολλον.

1371.

Æsch. Choeph. 1035. Eumen. 43. στέμματα Δελφικά. Suidas in Ἐμπεδοκλῆς.

1372.

Евмен. 326.

1373.

Там же. 238, 280, 446, 581. Это изгнание также представлено на нескольких вазах; см. Tischbein II. 16. и более полно в вазах Миллина II. 68. Monumens inédits I. 29. где см. точное объяснение. Орест сидит, полустоя на коленях, на ὄμφαλος, покрытом сеткой, точно так, как описывает Эсхил: по бокам от него - Афина и фурии; рядом с треножником - священный лавр с филиями и вотивные таблички; около него - Аполлон, стоящий с лавровым венком и откинутой мантией; на заднем плане - дух Клитемнестры и Пилады. На вазе из Британского музея (№ 102) Орест изображен стоящим на коленях с мечом в руке и сброшенной с головы дорожной шапкой перед алтарем; с одной руки спадают шерстяные нити в виде цепи; рядом

с ним стоит Аполлон с лавровой ветвью и патерой в одной руке, а в другой, как видно, ножницы, которыми он собирается отрезать прядь своих волос. См. также Museo Pio Clementino, V. pi. 22.

1374.

Ap. Schol. Eurip. Orest. 268. Очищение Ореста также относилось к очень древнему храму Аполлона в Трезене; перед ним было здание, называемое шатром Ореста (σκηνὴ Ὀρέστου); там он жил в уединении от мира, пока не очистился, и из материалов, использованных при очищении (то, что Гомер называет λύματα), которые были похоронены рядом, произрастал лавр, как говорят, Pausan. II. 31. 11. comp. I. 22. 2. и выше, [гл. 2. § 8](#). Предполагается, что его также совершали в Региин; см. отрывки, процитированные выше, с. 278, прим. о. [Примечание переводчика: Это сноска к "Обрядам и праздникам", начиная с "Относительно омовения"]. ἐνιαυτισμός, или уединение Ореста, произошло в Паррасии, согласно Schol. Eurip. Orest. 1678.

1375.

Hellanic. fragm. 98. ed. Sturz.

1376.

В более поздние времена эфеты решали дела о непреднамеренных и оправданных убийствах в Палладии, Дельфинии, Пританеуме и Фреатисе, а Ареопаг, суд по делам об убийствах, был отдельным: но в ранние времена эти аристократические судьи, похоже, заседали во всех пяти судах, каждый из которых обладал *полной* юрисдикцией. Demosth. in Macart. p. 1069. 7. Они были ἀριστίων ἀιρεθέντες, согласно Pollux VIII. 125. Филохор (ap. Maxim. Proœm. ad S. Dionys. Areop. p. 19. fragm. ed. Siebel.) дает то же число для ареопагитов, т. е. как они были до времени Солона.

1377.

Pollux ubi sup. Это объясняет, как Ареопаг мог быть очень древним (Aristot. Polit. II. 8. 2. &c.) и при этом *никогда не* упоминаться Драко, который говорил только об эфетах, Плутарх, Solon. 29.

1378.

Суидас в ἀπενιαυτίσαι. Гесихий в ἀπενιαυτισμός. Schol. Eurip. Hippol. 35. и см. примечание Барнса. Срок изгнания всегда назывался ἐνιαυτός (Apollod. II. 8. 3. ср. III. 4. 2.) и обычно составлял восемь лет (ἐνναετηρίς) в древние времена (см. ниже, [гл. 11. § 9](#)); но в Афинах он, вероятно, не был определен.

1379.

Ἐὰν θέλωσι Demosth. ubi sup.

1380.

Ἐὰν γινῶσιν οἱ πεντήκοντα καὶ εἴς ἑκόντα κτεῖναι ibid. cf. Pantænet. p. 983. 15. in Nausimach. p. 991. 3. где изменение Рейске ошибочно. См. также, в частности, θεσμοί в речи Демосфена против Аристократа. Платон тоже хотел бы, чтобы экспирация и очищение происходили только в случае невольного убийства, de Leg. IX. p. 869. Сложение отношений за умышленное убийство противоречило всем принципам права (см. Pseudo-Demosth. in Theocrin. p. 1330. extr.); так же обстоит дело и в II. VI. 632. упоминается как исключение. См., однако, Apollod. II. 7. 6.

1381.

Об этом подробнее будет сказано ниже, в [гл. 11. § 9](#). В этом месте я лишь замечу, ссылаясь на утверждение Лобека (de Præc. Myst. II. p. 6.), "что все оправдания в героической мифологии были придуманы историками", что, согласно Арктину (*Æthiopis ap. Prod. Chrestom. comp. Tychsen de Quinto Smyrnæo* p. 61.), Ахилл после убийства Терсита бежал на Лесбос, чтобы быть там оправданным Улиссом после жертвоприношений Аполлону и Диане. Это действительно может быть показано из Схолии к II. XXIV. 484. что первоначальное чтение в этом отрывке было не *ἀνδρὸς ἐν ἄφνειοῦ*, а *ἀνδρὸς ἐν ἀγνίτῳ*, "в доме изгоняющего, или очищающего". См. "Аглаофамус" Лобека, т. I. с. 300. т. II. с. 1351.

1382.

Выше, стр. [264](#). прим. с. [Примечание переводчика: Это сноска к "празднику Боэдромии", начинающаяся словами "Каллим. Гимн"].

1383.

Ниже, § 17.

1384.

См. кн. III. гл. 11. § 4.

1385.

Æschyl. Eum. 62.

1386.

Феокрит. *Id.* XXIV.

1387.

Плутарх. *Conviv. Sept. Sapient.* 14.

1388.

Voesekh's Economy of Athens, vol. II. p. 150. Сравните также факт, упомянутый в первом поддельном Послании Эсхина, p. 658. ed. Reisk.

1389.

Hesych. in v.

1390.

См. *Casaubon ad Theophrast. Char.* 16.

1391.

Поэтому Манто также называется Дафной; а один из сыновей Приама, пророк, был назван *αἴσακος*, т. е. лавровый лист, *Apollod. III. 12. 5. ср. Hesych. in v.*

1392.

Tischbein I. 33. Миллин. Вазы, том. I. pl. 6.

1393.

Плутарх, *Sympos. III. 9. 2. p. 148. ed. Hutten. Schol. Od. XIX. 86. διὰ τὸ κουροτρόφον τοῦ Ἀπόλλωνος*. Сравните *Eustathius* p. 683. 40. ed. *Bas. Hesych. в κορυθαλία*, где так называется оливковая ветвь. См. также "Символику" Крейцера, т. II. с. 161.

1394.

Ἀλήθεια часто используется в оракулах для обозначения подтверждения событиями предсказания; так, Антифон написал трактат περὶ τῆς ἀληθείας, т. е. об исполнении оракулов. Аполлон называется ἀληθῆς у Трифиодора в ст. 641, где см. примечание Вернике. Спартанцы называли прорицателей καταλαθισταὶ, Hemsterhuis ad Tim. p. 113.

1395.

См. в частности Plin. jun. Epist. V. 6.

1396.

Выше, гл. 1. § 2.

1397.

Метаморфозы Овидия и Hyginus fab. 203. где см. примечание Мункера. По преданию, это происходило в Амиклее, в Кларосе, а также на берегах Ладона; в последнем случае - из-за Аполлона Онкея. На нескольких монетах Метапонта, например, на двух в парижском кабинете, Аполлон изображен возлагающим или сажающим лавр на низкий алтарь; и он часто рисуется с лавром в руке, иногда перевязанным шерстяными нитями.

1398.

См. Од. IX. 200. XX. 278. Паузан. I. 21. 9.

1399.

См. в частности Od. XVI. 403. и Hom. Гимн. Apoll. 394. Сравните Ælian V. H. III. 43, 44. Diod. V. 67. Арфократия в θεμιστεύειν и т. д. Фемиде поклонялись вместе с Аполлоном в Дельфах (об этом также, кажется, говорится в испорченной глоссе Гесихия в θέμις) и в Дидимее, Chishull Ant. Asiat. p. 67.

1400.

Ар. Плутарх, de Pyth. Orac. 21. p. 282. (p. 333. ed. Schleiermacher.) Herod. VII. 111. также в определенной степени восхваляет простоту дельфийских оракулов, как и Филострат Vit. Apollon. VI. 11.

1401.

Hom. Hymn. 24. Æsch. Choëph. 1037. Эврип. Ion 474. Плутарх. Num. 9.

1402.

См. Plato de Rep. IV. p. 179. 7. Leg. VI. p. 428. 12. ed. Bekker.

1403.

Гадание по снам Еврипид (Iphig. Taur. 1264) также противопоставляет пророчествам Аполлона; к нему же он относит и бой между богиней Γαῖα и Фебом.

1404.

Все регулярные гадания были ранними, согласно Pausan. I. 43. 3.

1405.

Выше, гл. 2. § 14.

1406.

Гимн. Hom. III. 213, 544. Софокл. Ed. T. 965. Александр Δελφικὰ ap. Steph. Byz. in Πάρνασσος, Paus. X. 6. 1. comp. Plin. H. N. VII. 57.

1407.

Μάντεις Πυθικοῖ при жертвоприношении, Eurip. Androm. 1107, 1116. см. выше, [гл. 2. § 12. гл. 3. § 2.](#)

1408.

Hom. Hymn. III. 552. Каллим. Гимн. Apoll. 45, и Schol. Etym. Magn. p. 455. 51. Anecd. Bekk. p. 265. Zenobius V. 75. Steph. Сравните Исихия в неясной глоссе Θριῶ и вазу в "Diverses Peintures" Миллингена 29. Κλήροι в Дельфах также упоминаются Плутархом de Ei 16.

1409.

Il. I. 602. Гесиод. Scut. 200; см. примечание Генриха. Так же и на сундуке Кипсела, со стихами в Paus. V. 18. 1, и Пиндара Nem. V. 24.

1410.

Hom. Гимн. Apoll. 200. Pindar Fragm. 115. ed. Boeckh. Сам Аполлон, будучи мальчиком, изображен танцующим на треножнике на монете Коса (Mionnet tom. III. p. 401).

1411.

Orchomenos, p. 381.

1412.

См., например, Athen. XIV. p. 636 E. Следовательно, κίθαρос был рыбой, священной для Аполлона, Apollod. Fragm. p. 395. ed. Heyn.

1413.

См. гомеровский гимн Гермесу. Но даже там лиру часто путают с китарой (*семиструнной* в ст. 51, что доказывает, что этот гимн более поздний, чем время Терпандра). Сравните. Apollod. III. 10. 2, где говорится, что Аполлод получил трубу (σύριγξ) также от Меркурия, и Eratosth. Catast. 24. Эолийские лирические поэты часто упоминали эту басню, и поэтому она часто встречается у Горация.

1414.

Pyth. V. 63.

1415.

Fragm. Pæan. 2. ed. Boeckh.

1416.

Частое использование музыки в медицине в древнейшие времена, конечно, не выдумка; так, Аполлон, когда игрок на кифаре и ἰατρόμαντις, имел кабинеты, почти родственные друг другу, Æsch. Suppl. 261. Eumen. 62.

1417.

Paus. X. 7. 2. Согласно Schol. Pind. Pyth. Argum. 3. он сам был καθαρτής.

1418.

Plutarch de Music. 42.

1419.

Diog. Laert. VIII. 24. Jamblichus Vit. Pythag. 26 и др.

1420.

Поэтому флейтисту не разрешалось входить в храм Теннеса, сына Аполлона, Diod. V. 83.

1421.

Эта басня и различные ее изображения в древнем искусстве хорошо известны. См. Boettiger in Wieland's Attisches Museum, vol. I. p. 285. Visconti Museo Pio-Clementino V. 4. Millin. Vases vol. I. pl. 6. Аккомпанемент на пластине, приведенной Тишбейном IV. 6. показывают, что имеется в виду Фригия, а те, что в I. 33. и Millingen pl. 6. что Дельфы.

1422.

Il. X. 13. Отрывок XVIII. 495. нельзя считать столь же древним, см. Евстафий и венецианский схолиаст.

1423.

Гесиод. Scut. 281.

1424.

Athen. XIV. p. 624 B. Welcker ad Alcman. p. 6. Fragm. 86.

1425.

См. Marm. Par. Ep. 10. и комментаторов.

1426.

Boeckh ad Pindar. Fragm. p. 292.

1427.

Алкман. Fragm. 38. ed. Welcker. Plutarch de Mus. 14.

1428.

Aristoxenus ap. Plutarch. de Mus. 15. Этот же музыкант сочинил νόμος Полукέφαλος в честь Аполлона, Plut. ib. 7. Boeckh ad Pind. Pyth. XII. p. 345.

1429.

См. "Историю греческой литературы" автора, гл. 12. § 6.

1430.

Plutarch de Mus. 14. Paus. V. 7. 4. V. 14. 4. τὸ Πύθιον, Athen. XII. p. 538 F.

1431.

Или *совершенный* (τέλειοι αὐτοί), Аристид о музыке. 2. p. 101. ed. Meibom.

1432.

Paus. II. 22. 9. X. 9. 3.

1433.

Paus. IX. 29. 3. Philochorus ap. Eustath. ad Il. p. 1163. 57. ed. Rom.

1434.

Conon Narr. c. 19. Paus. II. 19, 1 (его гробница находилась в храме Аполлона). comp. Propertius II. 10. 8. Ο θρῆνος Ἀργεῖος упоминает Аристид Элейский. p. 259. Аполлон - только его поэтический отец (Apollod. I. 3. 2. Theocritus, Eustathius); но его мать Псамафа и его брат Псамаф должны иметь какое-то значение. С упомянутой в тексте церемонией был связан праздник Арнис или Цинофонтис, на котором публично забивали несколько собак. Элиан. N. A. XII. 34. Statius Theb. VI. 65. Conon ubi sup. Athen. III. p. 99 F. Собака, как это часто случалось в древней мифологии, очевидно, олицетворяет Сириус и вообще палящий летний зной,

столь гибельный для всей растительности. Поэтому кажется, что они уничтожили эмблему этой силы, от которой погиб Нарцисс.

1435.

Hesiod ap. Eustath. ubi sup.

1436.

Hom. Il. XVIII. 569. Hesiod ubi sup. Euripides ap. Athen. XIV. p. 619 C.

1437.

См. Stanley ad Æsch. Agam. 123. Собственное имя, возможно, было οἴτος Λίνου, а первые слова - αἴ Λίνε.

1438.

Pollux I. 1. 38. ср. Il. ubi sup.

1439.

Варварское Αἴλινοι в Eurip. Orest. 1402.

1440.

Schol. Apoll. I. 1135.

1441.

Orchomenos, p. 293.

1442.

Æsch. Pers. 1059 (где это меланхоличная мелодия к причитаниям хора) и Schol. Eustath. ad Dionys. Perieg. 791.

1443.

Æsch. Pers. 941. и Schol. Eustath. ubi sup. Pollux IV. 7. 54.

1444.

Schol. Theocrit. X. 41. Апостол. XII. 7. Исихий в Μαριανδυνῶν θρῆνος.

1445.

Pollux IV. 10. 76.

1446.

Il. 79. comp. Clearchus ap. Hesych. Pollux ubi sup.

1447.

Eustath. ad Il. A. 20. Имя Синирас было изменено так, чтобы походить на Κινυρός. Любовь, которую питал к нему Аполлон (Pind. Pyth. II. 16. ср. Schol. Theocrit. I. 109), означает лишь, что он любил музыку.

1448.

Paus. X. 7. 2. О древности музыкальных состязаний в Дельфах см. Plutarch Sympos. II. 4. 1. p. 83. Деметрий Фалерей, цитированный выше, p. 338, примечание е. [Примечание переводчика: Это сноска на странице 337 к "древнейшим временам, устроенным", начинающаяся словами "О которых см. выше"]. Philostrat. Вит. Аполлон. Tyana. VI. 10.

1449.

Proclus ap. Phot. Χρυσόθεμις ὁ Κρής πρῶτος στολῇ χρησάμενος ἔκπρεπεϊ , καὶ κιθάραν ἀναλαβὼν εἰς μίμησιν τοῦ Ἀπόλλωνος μόνος ἦσε νόμον.

1450.

Суидас в νόμος κιθαρωδός.

1451.

Каллим. Гимн. Del. 304. comp. Apoll. Rhod. I. 537.

1452.

Proclus ubi sup.

1453.

Плутарх де Музыка. 4. из Тимофея.

1454.

См. отрывки, цитируемые Фабрицием, т. I. с. 207. 210. ed. Harl. Он также назывался versus Deliacus, если верно чтение в Atilius Fortunatus, p. 2690. ed. Putsch. В Милете также были древние гекзаметрические гимны Аполлону и Зевсу, которые приписывались Бранху, Terent. de Metris 5, 165. comp. Clem. Alex. Strom. p. 647.

1455.

Гераклид. Pont. ap. Plutarch de Music. 3. comp. Schol. Od. XVI. 432. Syncellus Chronogr. p. 162. Fabricius vol. I. p. 214. ed. Harles.

1456.

Плутарх де Музыка. 5.

1457.

Гимны Терпандра, как и древнейшие песни, были частично в гекзаметре, ἔπη (Plutarch Symp. III. 4. Proclus ubi sup.): однако Терпандр был первым, кто ввел большое разнообразие в метр.

1458.

Причиной того, что фракиец Фамирис назван сыном Филаммона (Paus. IV. 33), вероятно, является близкое соседство дельфийцев и фракийцев Парнаса.

1459.

Il. I. 473. ср. XXII. 391.

1460.

Plat. Symp. 4. Philochorus ap. Athen. XIV. p. 630 sq. cf. IV. p. 179. XI. p. 503 E. из Антифана, Xenoph. Symp. 2. 1. Отсюда τελεσίερος, Hesych. in v.

1461.

Hom. Hymn. Apoll. 514 sqq. На Делосе также пели пеаны вокруг алтарей, Eurip. Herc. Fur. 690.

1462.

Ксеноф. Ages. 2. 17. Отрывок из Athenæus XIV. p. 631 C., если он правильно написан, не относится к этому моменту. Всегда был человек по имени ἑξάρχων, который сопровождал песню на инструменте. Так, Архилох Фрагм. 50. ed. Gaisford. αὐτὸς ἑξάρχων πρὸς αὐλὸν Λέσβιον παίηονα (после времени Терпандра), Vit. Sophocl. μετὰ λύρας τοῖς παιανίζουσιν ἑξῆρχε. Сравните стихи о груди Кипсела, процитированные выше, с. 349. прим. 2.

1463.

Plutarch de Et 16.

1464.

Jamblich. Vit. Pythag. 25.

1465.

См. Menander de Encom. p. 27. ed. Heeren.

1466.

Il. XVIII. 590. ср. Od. IV. 18.

1467.

Sosibius ap. Schol. Pind. Pyth. II. 127. и Simonides ap. Athen. V. p. 181 B. Plutarch Sympos. IX. 15. объясняется Боэцием ad Pind. Fragm. p. 597.

1468.

Lucian. de Saltat. 16.

1469.

Нот. Гимн. Apoll. 162. πάντων δ' ἀνθρώπων φωνὰς καὶ κρεμβαλιαστὺν μιμεῖσθαι ἴσασιν. Кρεμβαλιαστὺς означает экстравагантные жесты, такие как хлопанье в ладоши, удары кастаньет и т. д.

1470.

См. Плут. Thes. 21. Каллим. Hymn. Del. 317. с примечанием Спанхейма. Предводитель танца назывался γερανοῦλκός (Hesych. in v.) Также раздавались удары, отсюда выражение Δήλου κακὸς βωμὸς (Hesych. in v.); кроме того, совершались различные повороты и витки, παραλλάξεις и ἀνελίξεις (Dicæarchus apud Plut. ubi sup.): в состоянии покоя хор стоял полукругом, с предводителями на двух крыльях, Pollux IV. 4. 101.

1471.

Athen. XIV. p. 630. Сравните сохранившиеся фрагменты пеанов Пиндара.

1472.

Плутарх о музыке. 9, 10. Schol. Pind. Pyth. II. 127. О том, что гипорхема была родной в Спарте, можно судить по Pindar Fragm. 8. p. 603. ed. Bockh.

1473.

Плутарх де Музыка. 10. где для ΜΑΡΩΝΑ καὶ Κρητικὸν ῥυθμὸν, вероятно, следует писать ΠΑΙΩΝΑ. Фрагмент пеана в пеонах в Aristot. Rh. III. 7. 6.

1474.

У Вакхилида он называется ἄβρόν τι μέλος.

1475.

Pind. Olymp. XIV. 12. и Schol.

1476.

На Делосе была древняя статуя, согласно Плутарху де Музыка. 14, которой подражали Тектей и Ангелион (Pausan. IX. 35. I.); чья работа, возможно, скопирована на гемме в "Мифологической галерее" Миллина, стр. 33. No. 474. Comp. Macrobian. Sat. I. 17. В руках у

Граций были флейта, лира и труба. На Делосе была еще одна древняя статуя (ξόανον), которую упоминает Эрисихтон, Плутарх, *Fragm.* 10. p. 291. ed. Hutten.

1477.

Orchomenos, p. 182. и см. Panyasis *Fragm.* I. 14. 18. ed. Brunck.

1478.

Также Гиацинтия в Amyclæum, Strab. VI. p. 278. Гиацинт был сыном Амикла и Диомеды, дочери Лапита (названной так из-за расположенного поблизости Лапития), согласно Apollod. III. 10. 2. Амикла вместо Гиацинта упоминает Симмий περὶ μηνῶν, ap. Стеф. Byz. in Ἀμύκλα.

1479.

Orchomenos, p. 327. Месяц Гиацинт был также введен в Сицилии эгидой, Castelli *Prol.* XII. p. 74.

1480.

Сам Гиацинт называется Καρνείος в Coluthus *Rapt. Hel.* 237.

1481.

Paus. II. 35. 4.

1482.

Paus. III. 19. ср. IV. 33. 5.

1483.

Гесихий в Πολύβοια; и см. ниже, [гл. 10. § 3.](#)

1484.

Поклонение мертвым также совершалось πάρθενοι Ὑακινθίδες Атея.

1485.

Eurip. *Hel.* 1490.

1486.

Короны из плюща дарили на Гиацинте, согласно Aristot. ap. Macrobian. *Sat.* I. 18. Отсюда, возможно, и Κισσεὺς Ἀπόλλων из Æschylus ap. Macrobian. *ibid.* с исправлением Лобека ad Soph. *Aj.* 814. См. *Classical Journal* XIX. p. 111.

1487.

Мансо, Спарта, т. III. ч. II. стр. 201. правильно следовал Додуэллу в этом вопросе, чьи аргументы также убеждают меня.

1488.

Хесих. Σταφυλοδρόμοι τινὲς τῶν Καρνεατῶν παρорρμῶντες τοὺς ἐπὶ τρύγῃ. Иной рассказ приводится в "Anecd." Беккера, p. 305.

1489.

Клеменс Александрийский. (Str. I. p. 349.) делает вывод из двух стихов древней поэмы Euripia, что Аполлон также был представлен в Дельфах как κίων ὑψηλός; но они ничего не доказывают, так как высокая колонна, на которой висели оружие и трофеи, была, конечно, не самим богом.

1490.

Называется Κουρίδιος, Hesych. in v. Sosibius ap. Zenob. *Prov.* I. 54. *Apostol.* II. 54.

1491.

Paus. III. 11. Возможно, это была обычная форма карнейского Аполлона, Paus. III. 26. 5.

1492.

Выше, с. 195. прим. к. [Примечание переводчика: Это сноска на "прежде чем завоевать", начинающаяся "Plutarch. Солон. 10. 12."]

1493.

Aristides ap. Steph. Byz. comp. Plutarch Pyth. Orac. 12. p. 266. Апостол. XVIII. 28. и монеты Тенедоса (Mionnet tom. II. p. 671.); монеты Питаны (tom. II. p. 627. No. 722.) Иасоса (tom. III. p. 352.), и особенно монеты Фиатейры (Buonarotti Medaglie Antiche IX. 9.), на которых символ топора различным образом сочетается с Аполлоном.

1494.

Последний бог назывался титулом Χρυσῶρεϋς (Strab. XIV. p. 660.); следовательно, эпитет χρυσῶρ, применяемый к Аполлону, первоначально (например, в II. V. 509. см. примечание Heyne и ad Apollod. p. 274.) означал его золотые доспехи, хотя Пиндар (Pyth. V. 104.) использует его для золотых украшений его кифары; но в оракуле Бациса он снова применяется к Артемиде, т. е. к *вооруженной* богине (Herod. VIII. 77. Сравните Mitscherlich и Ilgen ad Hom. Hymn. Cer. 4. Boeckh Explic. Pind. p. 293.)

1495.

Путешествия по Греции, т. II. стр. 200. pi. 7. Alcuni bassi-relievi della Grecia, Roma 1812. Аполлон на Капитолийском пути, по-видимому, является копией, но гораздо более современной, того же оригинала. Такую же форму Аполлона можно наблюдать и на рельефах с переносом треножника.

1496.

Pind. Pyth. V. 42. В Teree также был показан позолоченный Аполлон критянина Хейрисофа, см. Thiersch, Ueber die Kunstepochen, vol. II. p. 25.

1497.

Трифидор. 643. и см. кн. IV. гл. 1. § 3. О Δελφική μάχη см. Аристотель Polit. I. 1. 5. и Гесихий в ст. Сравни Hom. Гимн. Apoll. 535. В Тарсосу также использовали священную μάχη, закаленную в воде Цидны, Plutarch de Defect. Orac. 41. p. 368.

1498.

В этом храме также находилась деревянная статуя Аполлона, θύϊος (вероятно, θύϊνος) Ἀπόλλων, Гесихий.

1499.

Об этом рассказе см. статью Ueber den Apollon des Kanachos, в Kunstblatt за 1821 г., № 16. Это также служит подтверждением предположения Висконти, что барельеф из музея Пио-Клементино V. 23. представляет Менелая, посвящающего оружие Эвфорба дидимейскому Аполлону; ибо бог на колонне имеет почти такую же форму, о которой идет речь. К копиям этого Аполлона теперь можно добавить множество.

1500.

Strab. VII. p. 319 B. comp. Pliny N. H. IV. 27. XXXIV. 18.

1501.

Pausan. I. 4. 3. Читатель должен остерегаться предположить вместе с Висконти (Museo Pio-Clementino tav. I. p. 26. tav. 7. p. 93.), что эти статуи Аполлона в храмах имели изящные пропорции и легкий характер более поздних произведений искусства.

1502.

Æginetica, p. 106. Об античных статуях Аполлона см. также Winckelmann's Kunstgeschichte vol. I. p. 191. note. vol. III. p. 548.

1503.

Это важное утверждение приводится в Aristides Fragm. ap. Mai. Vet. Script. Nov. Syll. I. 3. p. 41. Он впервые полностью объяснил эпигramму Антипатра на Аполлона Онатаса, Brunck Analect. vol. II. p. 14. No. 30.

1504.

Статуя Аполлона работы Мирона упоминается Цицероном в Verr. II. 4. 43.

1505.

Например, статуи Митилены, Кротона, а также Филиппа Первого.

1506.

Например, голова в Лувре, № 133. Каталог де Кларака.

1507.

Бронза, найденная в Аргосе, того же характера, упоминается Пукевилем, Voyage en Grèce, tom. IV. p. 161. Головы, имеющие большое сходство с бельведерским Аполлоном, встречаются во многих коллекциях, некоторые из них имеют еще более героические формы.

1508.

Лукиан. Анахары. с. 7. На монете из Фессалоник пифийский Аполлон изображен в такой позе, с лавром в правой руке, кифарой рядом и луком у ног (Mionnet № 396.); подобно монетам из Гермы, Аполлонии в Мисии, Халкидона и Коса.

1509.

Статуя этого класса в музее Пио-Клементино I. tav. 13. является, по предположению Висконти, копией палатинского Аполлона из Скопаса, Plin. N. H. XXXVI. 4. 7. Эта форма Аполлона Мусагета была наиболее популярна во времена Нерона. Замечательная статуя этого бога описана и изображена Раффеем в его Ricerche sopra un Apolline delta villa Albani. Он изображен сидящим, полуодетым, на треножнике, покрытом кожей, с правой рукой на коленях (для поцелуя, как было принято в храмах); в левой руке - змея; ноги опираются на кортину, также покрытую кожей; сбоку - львиная шкура; волосы переплетены с лавровыми листьями и спадают широким пучком по спине. Стил не очень древний и не очень хороший, но символы и положение необычны во многих отношениях.

1510.

См. Ephorus ap. Strab. IX. p. 423. и Юлиан (ap. Cyrill. p. 153.) по этому вопросу.

1511.

Выше, [гл. 3. § 7.](#) и кн. III. гл. 9. § 16.

1512.

Porph. Vit. Pythag. 41. Согласно Aristoxenus apud Diog. Laert. VIII. 21. основополагающие доктрины своей философии он получил от Фемистоклеи, пифийской жрицы. См. Fabric. Bibl. Græc. vol. I. p. 881. ed. Harles. and Apostol. Prov. XVII. 86.

1513.

Одной из важных частей пифагорейского культа был пеан, который исполнялся на лире в весеннее время человеком, сидящим посреди круга слушателей: это называлось κάθαρσις, или очищение. См. Schol. Ven. Il. XXII. 391. Jamblich. Vit. Pythag. 25. Porphy. Vit. Pythag. 32. Это, очевидно, применение древних обрядов поклонения Аполлону. Пифийский оракул также предписывал грекам Нижней Италии петь весной пэаны в качестве средства искупления. Aristoxenus p. 93. ed. Mahn. apud Apollon. Hist. Mir. 40.

1514.

См. "Символику" Крейцера.

1515.

Пиндар. Нем. VI. 42. IX. 4. Сравните Гимн. Гомер. XXVII. 14. и ἀρὰ Ἀμφικτυόνῃν в Æschin. Ctesiph. p. 70. 36. Ἀπόλλωνος τοῦ Πυθίου καὶ τᾶς Λατὸς καὶ τᾶς Ἀρτάμι[τος] в большой дельфийской надписи в Boeskh No. 1688. Вся семья была также в храме в Цирре, Pausan. X. 36. 7.

1516.

См. выше, [гл. 7. § 6.](#)

1517.

Пиндар. Нем. IX. 4. В Спарте также Аполлон Пифей был соединен с Латоной и Артемидой, Pausan. III. 11.

1518.

Chishull's Antiq. Asiat. p. 133. Артемида Кнагия в Спарте прибыла с Крита, согласно Павсанию. III. 18. 3. Амнисийские нимфы Артемиды, Каллим. Гимн. Dian. 15. См. выше, [гл. 1. § 5.](#)

1519.

Выше, с. [342](#), примечание с. [Примечание переводчика: Это сноска на "жажду мести", начинающаяся словами "По этому поводу"].

1520.

Антонин. Либерал. с. 1.

1521.

Надпись в "Путешествиях Уолпола", с. 578. ὑδροφόρος Ἀρτέμιδος Πυθίης.

1522.

Выше, [гл. 2. § 3.](#)

1523.

Σαρπηδονία в Киликии, Strab. XIV. p. 676.

1524.

Hyginus fab. 186. Пришла ли Артемида Регийская (Thuc. VI. 44.) из Дельф (выше, [гл. 3. § 5.](#)) или из Эвбеи (где ей поклонялись под именем Προσηΐα в Артемизиуме, Амаринфии, близ

Эретрии, на горе Котилеум и по всему Эврипу, Callim. Гимн. Dian. 188.) является неопределенным.

1525.

Ирод. IV. 33. где поклонение гиперборейской Артемиде также приписывается фракийским и пеонийским женщинам. Сравните Tzetzes ad Lycophr. 936. Гимн Олена, Pausan. V. 1.4. представляет Деметру Ἀχαΐα как приходящую из страны гиперборейцев на Делос; но ахейская Деметра не может иметься в виду; поэтому я бы написал ΑΦΑΙΑ, как Артемида называлась в Эгине. ἀποδηρίαῖς Артемиды в аргивской легенде (Menander de Encom. 4. p. 38. ed. Heeren), возможно, относится к этому.

1526.

См. Каллим. Hymn. Del. 292. Меланопус из Cume ap. Pausan. ubi sup. cf. I. 43. 4. Etymol. Mag. p. 641. 56. Относительно Οὐτίς см. английское издание "Тезауруса" Стивенса, т. I. ч. 4. с. 551.

1527.

Так Аполлон назывался Ἐπόψιος у Гесихия.

1528.

Таким образом, Немезида также называлась Οὐτίς, как в надписи Герода Аттика.

1529.

Palæphat. 52. Apostolius VI. 44.

1530.

Поется у тризенцев, которые поклонялись Ликею, Schol. Apoll. Rhod. I. 972.

1531.

Од. XI. 171. Сравните Il. VI. 428. Од. XX. 60. Причина, по которой она убивает Ариадну (Од. XI. 324.), объясняется Ферекидом в "Схолии". Λέων γυναιξί (Il. XXI. 483.), вероятно, только как богиня смерти, а не как Павсаний IV. 30. 3. и Евстафий объясняют ее. Ἄ γυναικῶν μὲν ἔχει κράτος в аттическом Сколионе двусмысленно.

1532.

Артемида у Гомера, во-первых, является полным образом своего брата, как вооруженная луком (ιοχέαῖρα, χρυσήλακτος, τοξοφόρος Il. XX. 39, 71. XXI. 483. Од. IV. 122. VI. 102 и др.); как прекрасная и сильная дева (Од. IV. 122. VI. 151. XVII. 37. XIX. 54.); как убивающий женщин внезапно и без болезни (Ил. VI. 428. XIX. 59. Од. XI. 171, 323. XV. 476. XX. 61, 80.), иногда мягко (Од. XV. 409. XVIII. 201.), в другое время в гневе (Ил. VI. 205.); как карающая смертью детей Ниобы (Ил. XXIV. 606.) и Ориона (Од. V. 123.); как коуротρόφος, а потому дарующая рост девственницам (Од. XX. 71. ср. VI. 107.); как иногда исцеляющая (Ил. V. 447.); как почитаемая хорами певцов, причем сама возглавляющая хор (Ил. XVI. 183. ср. Гимн. XXVII. 18.). Кроме того, есть еще аркадское представление об Артемиде, лесной нимфе; ее хор играет в лесу (Од. VI. 106.); она радуется кабанам и оленям (VI. 104.) и, вооружившись луком, становится охотницей (Il. V. 51. XXI. 485.). Этолийская Артемида, которая требует θαλύσια (Il. IX. 533.), опять же другого рода.

1533.

Pausan. IV. 13. 1.

1534.

Каллим. Гимн. Dian. 124.

1535.

Аполлод. I. 7. 4.

1536.

Павсаний. I. 4. 5. Euphorion ap. Schol. Od. V. 120. Fragm. 108. ed. Meineke, &c.

1537.

Etym. Mag. p. 443. 20. В Мелите во Фтии Артемида в некоторых отдельных культах называлась Ἀσπαλῖς, Ἀμειλήτη, Ἑκαέργη, Antonin. Либерал. 13.

1538.

Ей поклонялись под именем Δαφναία в Ласе, Pausan. III. 24. 6. и Δαφνία в Олимпии, Strab. VIII. p. 343.

1539.

Etymol. M. p. 657. 6. Sophocl. Trach. 210. в соответствии с пунктуацией Зайдлера; выше, p. 309, прим. h. [Примечание переводчика: Это сноска к "в честь Аполлона", начинающаяся "Proclus apud Phot."].

1540.

В Трезене, Pausan. II. 31. 6.

1541.

Выше, [гл. 6. § 3](#). Также προθυραία и προπυλαία, Spanheim ad Callim. Dian. 38.

1542.

Etym. Mag. p. 356. 10. Gudian. p. 17. 23. Сравните выше, с. 312, прим. b. [Примечание переводчика: на этой странице нет такого номера сноски]. Алкман использовал форму Ἀρτέμιος, Eustath. p. 1618. 29. Месяц Ἀρταμίτιος на Крите, Chishull's Antiq. Asiat. p. 126; и в Сицилии, см. Castelli Proleg. ad Inscript. Sic. p. 69. Ἀρταμίτιος на Корсире, согласно надписям; Ἀρτεμιτία в Киринее, Thrige Hist. Cyren. p. 218. Ἀρταμίτι в корсирской надписи, Mustoxidi, Illustrazioni Corciresi, vol. II. p. 88. comp. Chandler. Inscript. p. 82. No. 145. Koen. ad Greg. p. 305. Steph. Byz. in Ἀρτεμίσιον.

1543.

См. Plato de Rep. p. 406. Strab. XIV. p. 635.

1544.

Гесихий в Καλαοΐδια.

1545.

II. XVI. 183.

1546.

Welcker ap. Dissen. Explic. Pind. p. 453.

1547.

См. стихи в Clem. Alexand. Strom. I. p. 523. ср. Pausan. X. 12. 1.

1548.

Pausan. VIII. 5. 8. ср. 13. 1, 4. Храм находился на границах Мантинки и Орхомена 12. 3. Это также видно из Polyæn. VIII. 34. что тегейты отправляли священные процессии к Артемиде Фенейской.

1549.

Eumelus ap. Apollod. III. 8. 2. Асий и Ферекид рассказывают о другом.

1550.

Pausan. VIII. 35. 7. Сравните Сапфо в Pausan. I. 29. 2. *Æginetica*, p. 31. Артемиду называли, кат' ἔξοχην, прекрасной, ἃ καλὰ, Feder ad *Æsch. Agam.* p. 9.

1551.

Каллисто еще Гесиод называл созвездием Медведицы, Hygin. *Poët. Astron.* I. p. 356. Лактанций. 6.

1552.

Легко предположить, что, как Аполлон Ликей был представлен в Дельфах в виде волка, так и медведь стал символом Артемиды у аркадян.

1553.

Исключений немного; например, возможно, Аполлон Цереатас в Эпитисе, Pausan. VIII. 34. 3.

1554.

Ап. Menand. de Encom. 3. p. 33. frag. 33. ed. Welcker. Она называлась Лукоῦτις на горе Мæналум, Paus. VIII. 36. 5. Κνακεῖτις около Тегеи, ib. 53. 5; Кеδρεῖτις в Орхомене, ib. 13. 2 (назван так по кедру, на котором стояла статуя); Στυμφαλία в Стимфале, ib. 22. 5. comp. Eustath. ad Il. II. p. 228. ed. Basil; Σκιαδῖτις в Скии, близ Мегалополя, Paus. VIII. 35. 5; Κνακαλησία и Κονδυλεῖτις в Кафие, ib. 23. 3; Νεμιδία в Тейтее, Strabo VIII. p. 342; в Лаконии Δερρεῖτις, Paus. III. 20. 7. Стеф. Визант. в Δέρρα. Гимн Артемиде Дерриатис, или Дерεῖτις, назывался Κάλαβις; существовал также непристойный танец, Eurpolis, ap. Athen. XIV. p. 619. Гесихий. Καρυῖτις у карийцев, Paus. III. 10. 8. Исихий в Καρύαι. Ἰσσωρία у Питаны, Paus. III. 14. 2. Polyæn. II. 1. 14. Каллим. Гимн. Dian. 172. Плутарх Ages. 32. и Гесихий (согласно Павсанию, Артемиды Иссория или Лимнея была не собственно Артемидой, а Бритомартис); Οἰνωῖτις близ Аргоса, Steph. Визант. в Οἶνη, Исихий в Οἰνωῖτις. Σαρωνίς у Трезена, Paus. II. 30. 7. Achæus tragicus ap. Hesych. в Σαρωνίς; Коруфаία в Эпидавре, Paus. II. 28. 2. Стеф. Визант. в Κоруφαῖον (Clarke, Travels, vol. II. part II. p. 603. нашел, посредством надписи, то, что, вероятно, является руинами храма на горе Корифей); -Ἀλφειαία в Летрини, Paus. VII. 22. 5; Кокκόка в Олимпии, ib. V. 15. 4; Τρικλαρία в Патре, ib. VII. 19. 1 (объединенный храм трех древних κῶμαι); Ἀκταία в Пеллине, Plutarch. Arat. 32.

1555.

Как и Λιμνῖτις в Тегее, Paus. VIII. 53. 5; в Эпидавре-Лимере, ib. III. 23. 6.; в Питане, близ Спарты, ib. 14. 2; в Λιμναία в Коринфе, ib. II. 7. 6; и особенно в знаменитом λιμναῖον, на границе Лаконии и Мессении, Paus. IV. 4. 31. Тацит. Ann. IV. 43. Отсюда, согласно Страбону p. 362. произошел Лимнеум в Лаконии. В Трезене она была δέσποινα λίμνης и ипподромом, Eurip. Hippol. 230. Как Ἑλεία в Мессене, Hesych. в ἐλεία, вероятно ἐλεία; и в Alorium, на границах Аркадии, Strabo VIII. p. 350. где для Ἠλείας должно быть, вероятно, написано Ἑλείας.

1556.

Paus. II. 3. 5. III. 22. 6. IV. 35. 6.

1557.

Paus. III. 29. 7.

1558.

Под названием ἡμερησία, Paus. VIII. 18. 8. Pherecydes p. 132. ed. Sturz. Каллим. Гимн. Dian. 235. Polyæn. IX. 34. 6. Об этом фонтане см. Callim. fragm. 75. Аристотель. Mir. Auscult. p. 1102 В.

1559.

Paus. V. 15. 4. В Византии также был в piscina templum Dianæ Luciferæ et Veneris Placidæ, Dionys. de Thrac. Bosporo. На Самосе также была Артемида Χησιὰς и Ἰμβρασίη, Callim. Гимн. Dian. 228. Катулл называет ее amnium domina, XXX. 12; Гораций - lætam foliis et nemorum coma, Carm. I. 21. 5.- Аполлоний Родий также называет ее νηροσόος, I. 569; Каллимах, λιμένεσσιν ἐπίσκοπος, Hymn. Dian. 39.

1560.

Strab. VIII. p. 343. Paus. VI. 22. 5. Herodotus ap. Schol. Pind. Olymp. V. 10. Dissen ad Nem. I. p. 350. Еще один храм Артемиды в этом регионе упоминается в Polybius IV. 73. 4.

1561.

Как показывает Страбон, ubi sup. Comp. Demetrius Scepsius ap. Athen. VIII. p. 376 В.

1562.

Paus. VIII. 41. 4.

1563.

Strab. VI. p. 270. Creuzer's Meletemata, vol. I. p. 78, &c.

1564.

Pind. Olymp. VI. 5. 6. См. Boeckh Exp. Pind. p. 152. sq.

1565.

Paus. V. 14. 5. Schol. Pind. Nem. I. 3. Olymp. V. 10.

1566.

Paus. VI. 22. 5.

1567.

Pind. Pyth. II. 7. comp. Boeckh Exp. p. 244. О храме в Ортигии см. D'Orville's Siculis, p. 196. и Boeckh, ibid. p. 243. Прекрасные женские головы на тетрадрахмах Сиракуз, с волосами, переплетенными тростником, в окружении четырех рыб, вероятно, представляют реку Артемиду.

1568.

Ibycus ap. Schol. Theocrit. I. 117.

1569.

Diod. V. 3. Schol. Pind. Nem. I. 2.

1570.

Ap. Hesych. p. 36. 18.

1571.

Пиндар Нем. I. 1. называет Ортигию местом отдыха Алфея; и он же, возможно, считает Артемиду объектом преследования.

1572.

См. прекрасное примечание Диссена к Pind. Nem. I. p. 350.

1573.

Paus. VIII. 37. 2.

1574.

См. Paus. VIII. 10. 4. Каллим. Гимн. Dian. 107. В Элисе она носила имя Ἐλαφιάϊα, Paus. VI. 225. Отсюда Ἐλαφιβόλῖα (Anecd. Bekk. p. 249.), широко распространенный праздник (например, Plutarch. Virt. Mul. p. 267.) Символ оленя, однако, кажется, был общим для всех различных ветвей поклонения Артемиде; так, в коллекции г-на Пэйна Найта есть монета, на которой она изображена с оленьими рогами, которую он приписывает Делосу.

1575.

О человеческих жертвоприношениях Артемиде на реке Амейлих, которые были отменены поклонением Дионису Эсимнету в Патре, см. описание в Paus. V. 19. 1. Человеческие жертвы также приносились той же богине вблизи Мегалополя, Tatian adv. Græcos I. p. 165 A. Сравните Knight on the Symbolical Language of Mythology, § 143.

1576.

Λόμβαι. αἱ τῇ Ἀρτέμιδι θυσιῶν ἄρχουσαι ἀπὸ τῆς κατὰ τὴν παιδιὰν σκευῆς, οἱ γὰρ φάλητες οὕτω καλοῦνται. Hesychius.

1577.

Агам. 144.

1578.

Εὐρίππα у Фенея, Paus. VIII. 14. 4. ἵπποσόα, Pind. Olymp. III. 27. comp. Bockh Expl. Pyth. II. 8. p. 244. Поэтому Артемиды (χρυσήνιος) часто изображается на вазах в колеснице с лошадьми; в Callimach. Гимн. Dian. 110. и на барельефах Фигалеи ее сопровождают козлы.

1579.

Под названием κορυθαλλία в Тиассе, близ Спарты, у Клета, Athen. IV. p. 139; также кούροτρόφος, φιλομείραξ, Diod. V. 73. (и см. примечание Весселинга.) Paus. IV. 34. Гимн. Orph. XXXVI. 8. comp. Spanheim ad Callim. Dian. 6. Эти имена, однако, могут быть отнесены к поклонению Аполлону; выше, [гл. 8. § 7](#). Ей поклонялись под общим эпитетом σῴτειρα в Пегее (Paus. I. 44. 7.), Мегаре (I. 40. 2.), Бее (III. 22. 9.), Пеллине (VII. 27. 1.), Фигалее (VIII. 39. 3.) и в Сиракузах, как мы знаем по их монетам. См. Dorville's Sicula, p. 327. sq.

1580.

Выше, [гл. 6. § 2](#), [3. гл. 9. § 2](#).

1581.

Еврип. Hupsipyl. и Aristoph. Lemn. ap. Harpocrat. in ἀρκτεῦσαι. См. Orchomenos, p. 309.

1582.

Апостолий VIII. 19.

1583.

Bockh not. Crit. ad Pind. Olymp. XIII. 109. В Милете также был праздник Артемиды под названием Νηληϊς, Plutarch Mul. Virt. p. 287. ed. Hutten. Был также храм Артемиды в Пигеле, недалеко от Эфеса, который, как говорят, был построен Агамемноном, Strab. XIV. p. 639. Также на монетах Милета, Mionnet Description, &c. tom. III. p. 186.

1584.

Каллим. Гимн. Dian. 225. Schol. ad Callim. Гимн. Jov. 77. Χιτώνη Ἄρτεμις, Steph. Byz. in v.; у ионийцев κιθωνέα (вероятно, κιθωνέη) Ἄρτεμις Hesych. in v. Также Артемида Χιτώνεα в Сиракузах, Athen. XIV. p. 629 E.

1585.

Paus. I. 23. 9. I. 33. 1. ср. III. 17. 6. Эврип. Troad. 1462. sqq. Каллим. Гимн. Dian. 173. Евфорион также поместил жертвоприношение Ифигении в Брауроне, fragm. 81. ed. Meineke.

1586.

Аргивяне, Стесихор и Евфорион, согласно Paus. II. 22. 7. Антонин. Liber. 27. Tzetzes ad Lycophr. 183.

1587.

Paus. III. 16. 6. Hygin. fab. 261. Comp. Комментарий Крейцера. Herod. p. 244. Из этого храма была унесена Елена, согласно Плутарху Thes. 31. ср. Hygin. fab. 79; имя которой напоминает нам ο Ἑλενηφοροῦντες Артемиды Брауронской.

1588.

διαμασίγῳσις предшествовал φοῦαξιρ, ἡ ἐπὶ τῆς χώρας σωμασκία τῶν μελλόντων μαστιγοῦσθαι, Гесихий. Слово φοῦαξιρ, по-видимому, происходит от φοῦα, по-лаконски φύα, а ἄξιρ или ἄξις сокращено от ἄσκησις. См. Приложение. V. § 4. Comp. Hemsterhuis and Valcknaer ad Adonias. p. 277. На этом празднике были и другие игры, Boeckh. Inscript. No. 1416. ἐπὶ Ἀλκίππου νικάσας τὸ παιδικὸν κέλῃτι Ἀρτέμιτι Ὀρθία.

1589.

Плутарх. Arist. 17.

1590.

Прод. Chrestomath. ap. Nephæst. Гайсфорд.

1591.

Ap. Etym. Mag. in Ταυρόπολον.

1592.

Paus. I. 43. 1.

1593.

Theognis Paræen. 11. Дикеарх. Anagr. 88. Плутарх. Ages. 6. Etymol. Magn. p. 747. Tzetzes ad Lycophr. 183. Siebelis ad Phanod. pp. 6. 9.

1594.

См. путанный рассказ у Плутарха. Mulier. Virt. 7. Quæst. Græc. 21. Polyæn. VII. 49.

1595.

Orchomenos, p. 311.

1596.

Etym. Magn. p. 815, sq.

1597.

Hygin. fab. 121. о двух Хрисеях.

1598.

Uhden, Berlin Transactions for 1815, p. 63. Millingen Diverses Peintures, planche 51. Welcker ap. Dissen. Expl. Pind. p. 512. Сравните Buttmann ad Sophod. Philoct. ad Argum. Metr. p. 57.

1599.

Тема картины, упоминаемой Филостратом. Icon. 17. Dio Chrysost. Or. LIX. p. 577. 21.

1600.

Millingen ibid, planche 50.

1601.

Herod. IV. 87.

1602.

Etym. Magn. ubi sup. Dionysius de Bosporo Thracio p. 22. ed. Hudson. Hesychius Milesius de Constantinopoli.

1603.

Аммиан XXII. 8. Антонин. Либерал. 27. Perizonius ad Ælian. V. H. II. 25. Hemsterhuis ad Poll. IX. 12. p. 982.

1604.

Herod. IV. 103. Comp. Scymnus Chius v. 88. Strab. VII. p. 508. XII. p. 535. Mannert's Géographie, vol. IV. p. 279. (изд. 1820 г.).

1605.

См. Каллим. (fr. 417.) и Eratosthenes ap. Steph. Byz. in Αἰθιοπία, Hesychius in Αἰθιοπαῖδα.

1606.

Храм Артемиды Ортосии в Тевтрании на Кайкусе, Плутарх, de Fluv.; Таврической Артемиды в Тмолии на Пактоле, там же; Артемиды Орфии в Каппадокии, Paus. III. 16. 6.; и Ифигении в Комане, Дион Кассий XXXV. 11. Comp. Steph. Byz. in Ἰφίγον, Plutarch de Fluv.; и особенно Strab. XII. p. 537. относительно Артемиды Перасии в Кастабале.

1607.

Эсхил разгласил нечто, относящееся к мистериям в "Ифигении", Eustratius ad Aristot Eth. Nic. III. 1. См. выше, § 4.

1608.

Ирод. III. 48. Steph. Byz. в Ταυροπόλιον. Там же ее называли Κατροφάγος, Исихий в v. Сравните Panofka Res Samiorum, p. 63.

1609.

Strab. XIV. p. 639. Каллим. Гимн. Dian. 187. Таврополиум на острове Икария в Персидском заливе (где также поклонялись Аполлону Таврополю) был основан, вероятно, только после Александра, Ælian. N. A. II. 9. Дионис. Perieg. 611.

1610.

Liv. XLIV. 44. и монеты. Также в окрестностях Магнезии на Сипиле, Marm. Ocho. XXVI. 1. 60.

1611.

Софод. Aj. 174.

1612.

См. особенно Strab. V. p. 239. На монетах она изображена сидящей на бегущем быке, что Аполлодор объясняет периодическим ходом богини, имея в виду луну, p. 402. ed. Heyne. Comp. Etymol. M. в Ταυροπόλιν. Apostolius XVIII. 23. См. также Spanheim ad Callim. Гимн. Dian. 174, 187.

1613.

О положении которого см. Locella ad Xenoph. Ephes. p. 87. Сравните Caylus Mém. de l'Acad. tom. XX. pp. 428-441. Choiseul Gouffier Voyage pittoresque, tom. I. p. 191.

1614.

Ирод. II. 10. Артемида посетила сына Кайстера, согласно Каллимаху (Callimachus fragm. 102. ed. Bentl.

1615.

В Коринфе, Paus. II. 2. 5. Алеа, id. VIII. 23. 1. Эфес в Массилии, Strabo IV. pp. 179, 184. при основании которого была жрица по имени Аристарх (ср. Ἀρισταρχεῖον Артемиды в Элиде, Plutarch. Quæst. Græc. 47).

1616.

Своеобразный характер носили также жертвоприношения петрушки и соли в Дейтисе в Эфесе, Etym. Mag. in Δαιτίς.

1617.

Мегабизи, названные так еще во времена Ксенофонта. Также Μύξος было именем священника, Apostol. V. 44. Служители богини, в соответствии с их различными классами, назывались μελλιερῆς, ἱερῆς и παριερῆς, согласно Плутарху An Seni sit ger. Resp. 24. p. 130. ed. Hutten.

1618.

πρωτοθρονίη, Paus. X. 38. 3.

1619.

Латона, как говорят, родила ее в Кориссе в Эфесе, Steph. Byz. in Κόρισσος.

1620.

Объединение Аполлона Колофонского, эфесской Дианы и Немезиды Смирнской на монетах этих городов во времена императоров является лишь взаимным комплиментом. В речи эфесцев в "Анналах" Тацита (Tacitus Annal. III. 61. явно много неточностей. Ἀπόλλων Ἀμαζόνιος в Paus. III. 25. 2. представляет собой необычный курьез.

1621.

Ἀμρὰς, ἡ τρόφος Ἀρτέμιδος. καὶ ἡ μήτηρ καὶ ἡ Ῥέα καὶ ἡ Δημήτηρ, Hesychius.

1622.

Etymol. Mag. p. 511. 56. Gudian. p. 320. 26.

1623.

См. Lobeck, Aglaophamus, vol. II. p. 1166.

1624.

Ap. Paus. VII. 2. 4. Φραγμ. Incert. 56. ed. Boeckh. См. Каллим. Гимн. Dian. 240. sqq. Paus. IV. 31. 6. Стеф. Byz. в Ἐφεσος. ср. в Σίσυρβα, Κύννα. Etym. Mag. в Ἐφεσος. Плутарх Quæst. Græc. 56. p.

407. ed. Hutten. Hyginus fab. 223, 225. Противоположное утверждается в Eusebius Chron. n. 870. Ἀμαζόνες τὸ ἐν Ἐφέσῳ ἰερὸν ἐνέπρησαν.

1625.

Вазы Моисея, пластина 133.

1626.

Hecataeus ap. Steph. Byz. in Ἀμαζ. Согласно Гераклиду Понтийскому 33. их поселения простирались от Микале до Питаны, Diod. III. 55. от Дионисия Самосского, Ephorus ap. Strab. XII. p. 550. ср. XIII. p. 623 и т. д. См. Steph. Byz. в Ἀναίᾳ о месте под названием Анэя напротив Самоса, где была похоронена амазонка с таким именем. Жители назывались Ἀναῖται. Возможно, здесь поклонялись Артемиде Анаитис.

1627.

Предложено Тёлькеном, Ueber das Bas-relief, &c. p. 210. и одобрено Бёкхом в Hirt Ueber die Hierodulen, p. 55.

1628.

Paus. VII. 2. 5.

1629.

Ахилл. Тат. Clitoph. VII. p. 431.

1630.

Il. III. 185.

1631.

Ап. Strab. XII. p. 819 C. fragm. incert. 57. p. 645. ed. Boeckh.

1632.

Æschyl. Prometh. 723. Pherecydes ap. Schol. Apoll. Rhod. II. 370. Ирод. IV. 110. Арриан Перипл. p. 16. Scymnus Chius v. 229. Creuzer Vet. Histor. Græc. p. 80. Согласно Schol. Apoll. ubi sup. (ср. 990.), во Фригии (в окрестностях Фермодона) было три города амазонок; неподалеку находилась Алкмония (Акмония Стеф. Визант.), где Гармония произвела амазонок на Марс.

1633.

Ксеноф. Hell. III. 2. 19.

1634.

Marm. Oxon. XXVI. 1. 84. Paus. I. 26. 4. III. 18. 6.

1635.

Heyne Antiquarische Aufsätze, vol. I. p. 109. Сравните с Paciaudi Monum. Pelop. vol. II. p. 13.

1636.

См. монеты в Mionnet tom. III. p. 137.

1637.

VI. 22. 1. Сицилийские греки также посвящали Артемиде женоподобный ионийский танец. Поллукс IV. 14, 104.

1638.

Сцилакс, стр. 39. Strab. XIV. p. 667. Каллим. Гимн. Dian. 187. Цицерон в Verr. I. 20. III. 21. Исихий, Суидас, Фотий и др. в Περὺαία θεός. Apostolius IX. 91. где вместо παναγαῖα читается

περγαία. В Перге также поклонялись сирийскому Адонису под именем Абоба, Гесихий в Ἀβωβα.

1639.

Изображался на монетах как *signum informe*.

1640.

Например, Артемида Κινδυὰς Баргилейская, Polyb. XVI. 12. 3; Артемида Ἑστιάς; из Иасба, ibid. ΑΣΤΙΑΣ Inscript. Chandler, p. 19. n. 57; богиня ἱερὰ κώμη; в Фиатейре, называемая Ὀρεΐτις, Polyb. XXXII. 25. 11. Inscript. in Walpole's Travels, p. 575; мисийская Артемида, Paus. III. 20. 8. ср. Callim. Гимн. Dian. 116; астиринская Артемида под горой Ида, Strab. XIII. p. 606, 613; боританская Артемида в Лидии, Eckhel Doct. Num. vol. III. p. 121; Артемида Адрастея в Малой Фригии, Арфократия в Ἀδράστεια и др.

1641.

Θυάδα, φοιβάδα, μαινάδα, λυσσάδα, Plut. de Superst. 9. p. 75.

1642.

Athen. XIV. p. 636 A.

1643.

От этого храма произошел Олимпиадум в Сиракузах (см. выше, [кн. I. гл. 6. § 7.](#)), жрец которого, называемый Ἀμφίπολος, был высшим годовым должностным лицом, Thucyd. VII. 65, 70. Diod. XVI. 70. Exc. Virt. et Vit. p. 558. Cic. Verr. II. 51.

1644.

Creuzer Symbolik, vol. II. p. 575. Ἦρας Προσυμναίας ἱερὸν, Pseudo-Plutarch de Fluv. Strab. p. 573, вероятно, не совсем правильно отличает храм Ере в Просимне от знаменитого. Имена Просимна и Просимнус также встречаются в Лерне и в Гортине в Аркадии. Надпись Гортины в Воескh № 1535, ἡ πατρα των προσυμναιων νικομαχην αριστοθεμιτος δαδουχησαν.

1645.

Pausanias III. 13. Sturz Pherecydes, p. 79. См. особенно Heyne ad II. Δ. 52. Считается, что храм построила Эвридика, дочь Акрисия. К утверждению Павсания III. 15. 7. μόνοις δὲ Ἑλλήνων Λακεδαιμονίοις καθέστηκεν Ἦραν ἐπονομάζειν αἰγοφάγον καὶ αἶγας τῇ θεῷ θύειν (ср. Hesych. в Αἰγοφάγος Χήρα ἐν Σπάρτῃ с Welcker на Schwenck's Etymologische Andeutungen, p. 294.), можно возразить, что тот же обычай преобладал в Коринфе; см. Фотий Лекс. в ἡ δὲ αἶξ τὴν μάχαίραν, p. 613. Зеноб. Притч. I. 27. Диоген. Prov. I. 52.

1646.

Thucyd. V. 75.

1647.

См. Orchomenos, p. 267.

1648.

Главным храмом на Корсире был храм Ере, Thucyd. I. 24. III. 75, 79. Также в Сиракузах, Aelian. V.H. VI. 11, &c.

1649.

Orchomenos, p. 297. Утверждаемая там божественность Медеи полностью доказывается свидетельством Афинагора Legat. p. 14. что Гесиод и Алкман называли ее богиней.

1650.

Ей поклонялись под титулами Εἰλήθουα и Γαμηλῆ, Гесикий в Εἰλήθουα, Eustath. ad Hom. p. 1156.

1651.

Athen. XV. p. 672.

1652.

Гесикий в v. См. также "Символику" Крейцера, глава которой о "Здесь" содержит многое в духе древней религии, и Велькер о Швенке, p. 268.

1653.

В Спарте также существовало аркадское поклонение Афине Алее, Xenoph. Hell. VI. 5. 27.

1654.

Pausan. III. 18.1. Плутарх Ликург. 11.

1655.

Павсаний. II. 24.

1656.

Клем. Alexand. Protrept. p. 29. ed. Sylburg.

1657.

Ἀκρία Ἀθηνᾶ ἐν Ἄργει. Также Здесь, Артемида и Афродита, см. Hesych. в Ἀκρέα.

1658.

Но с особой ссылкой на Беллерофона. От Пегаса произошла богиня Гиппия, Pind. Olymp. XIII. 97, алтарь которой был примечателен главным образом обрядом инкубации. Ἑλλωτία, как мы также узнаем из схолии Пиндара, как и Ἀλέα, является богиней света. В Сиракузах также существовало поклонение Афине, Diod. de Virt. et Vit. p. 549. ed. Wesseling.

1659.

Boeckh Explic. ad Pind. Olymp. II. 1. p. 123. V. 9. p. 148, и особенно Polyb. IX. 27. 7. с Тимеем в Steph. Byz. in Ἀτάβυρον. Афина Полиас из Трезена была введена ионийцами, как показывают другие поклонения этого города.

1660.

Ее всегда называли "Линдийской" даже в городе Родос, Meurs. Rhod. I. 6. Сравните Apostolius XVII. 17.

1661.

Strabo X. pag. 472. ὡς εἶεν Κορύβαντες δαίμονες τινες, Ἀθηνᾶς καὶ Ἥλιου παῖδες. Так правильно указывать на эти слова.

1662.

II. 171.

1663.

Только мессенцы сделали Деметру из Андании главной богиней государства; см. [кн. I. гл. 5. § 16](#).

1664.

Корпус Бозция. Инскрипт. № 1197, 1198, 1199. Comp. Paus. II. 35. 3. Возможно, имя Гермiona также относится к поклонению χθόνιοι θεοί, см. Hesych. in Ἑρμιόνη.

1665.

Athen. XIV. pag. 624 E. Сравните гимн Филика из Корсиры, *Нерхæst.* p. 53. ed. Gaisford. и стихи Аристокла ap. *Ælian*, de N. A. XI. 4.

1666.

Boeckh Inscript. No. 1193.

1667.

Паузан. II. 22. 2. Δήμητρός ἐστὶν ἰ ἐρὸν ἐπὶ κλησὶν Πελασγίδος ἀπὸ τοῦ ἰδρυσαμένου Πελασγοῦ τοῦ Τριόππα.

1668.

Hellanicus ap. Athen. X. p. 416 A. et Steph. Byz. in v. Τριόπιον. Гимн Каллимаха. Cer. 24. Инскрипт. Herod. Attici; и сравните превосходное объяснение Boeckh ad Schol. Pind. Pyth. II. 27. pag. 315.

1669.

См. Orchomenos, p. 195.

1670.

Ирод. VII. 153. Schol. Pind. ubi sup.

1671.

Orchomenos, p. 337.

1672.

Ibid. pag. 257. впоследствии распространилась на всю Сицилию. Boeckh Explic. Pind. Olymp. II. p. 123. Κόρης παρὰ Σικελιώταις Θεογάμια καὶ Ἀνθεςφόρια, Pollux I. 37. Θεογάμια, вероятно, были связаны с праздником ἀνακαλυπτῆρια (Schol. rec. ad Olymp. VI. 160), и этот праздник происходил из Фив. Кизик, основанный тирренскими пеласгами (выходцами из Беотии), также считался ἐμπροίκιον Зевса для Прозерпины, Appian. Bell. Mithridat. 75. comp. Steph. Byz. in v. Βέσβικος.

1673.

Праздник Θεσμοφόρια в Сиракузах (Athen. XIV. p. 647 A. Θεσμοφόρων τέμενος, Plutarch Dio 56. месяц Фесмофорий, см. Кастелли), Κούρεια Plutarch ubi sup. comp. Diod. V. 4. sqq.

1674.

См. кн. I. гл. 6. § 7. и выше, § 1.

1675.

Плут. Тимолеон 8. Diod. XVI. 66. Деметра ἐποικιδίῃ в Коринфе, согласно Гесихию.

1676.

Паузан. Мистическое поклонение Дамии и Авксии в Эпидавре и Трезене также было связано с поклонением Деметре, как сообщает рукопись Scholiast ap. Mitscherlich ad Hymn. in Cerer. 122. заявляет. Но Δημήτηρ Ἀζησία (Sophocle. ap. Hesych. in v. comp. Valcken. Adonias. p. 292) и Δημήτηρ Ἀμαία (Suidas in v.) не должны быть смешаны с этими богинями.

1677.

Pausan. III. 20. 5. 6. ср. Исихий, Ἐλευσίνα ἀγῶν θυμελικὸς ἀγόμενος Δήμητρι παρὰ Λάκωσι.

1678.

III. 14. 5. Сравни Исихий в Ἐπιτολλὰ и Ἐπικρῆναι.

1679.

Священники, вероятно, назывались Ταυναρίοι, см. Хесих. в ст. Ταυναρία.

1680.

Ἀμφιβαῖος, т. е. Ἀμφι-αῖος, Boeckh Explic. Pind. Pyth. IV. p. 268. также Πελλάνιος по Исихию.

1681.

Æginetica, p. 148. и см. Plat. Sympos. IX. 6. p. 410.

1682.

Отсюда также священный месяц Герестий в Трѳезене (Athen. XIV. p. 639), который указывает на Эвбею.

1683.

См. выше, [гл. 3. § 2.](#) о древнем различии между Истмийскими и Олимпийскими играми.

1684.

Ælian V. H. III. 42. Schol. Aristoph. Av. 963. Pac. 1071.

1685.

Pausan. III. 13. 4. Здесь также, как и в Афинах, существовал Διόνυσος ἐν Λίμναις, Strab. VIII. p. 363. См. выше, [гл. 9. § 3.](#) относительно Dymænae.

1686.

Pausan. II. 23, 24. 37. Сравните Гесихий в Ὑαργίδες.

1687.

См. выше, [кн. I. гл. 5. § 3.](#) Флиус, из-за этого поклонения, был местом рождения σατυρικοῖ ποιητῶν Аристия и Пратина.

1688.

Pausan. II. 7. 6. Также Διόνυσος Χοιροψάλης в этом городе, Clem. Alex. Protrept. p. 25.

1689.

О короне ἰάκχα см. Athen. XV. p. 678. Сравните Исихия в θιακχὰ и ἰάκχα.

1690.

О праздновании которого, по-видимому, говорится в древней эпиграмме в Athen. XIV. p. 629 A.

1691.

Ирод. V. 67. Слово ἀπέδωκε доказывает, что трагические хоры первоначально были посвящены Вакху. Возможно, Адрастея была привита к Дионисии.

1692.

Athen. XIV. p. 21, 622. Именно на них ссылается Epigr. Onestæ 2. Comp. Hermann ad Aristot. Poet. 3. p. 104.

1693.

Почитался под титулами Βακχεῖος и Λύσιος в этом городе, Pausan. II. 2. 5.

1694.

Olymp. XIII. 18. и см. Boeckh's Explic.

1695.

πολύξενοι νεάνιδες, Pindar Schol. Fragn. 1.

1696.

σὺν δ' ἀνάγκῃ πᾶν καλὸν, Pindar ibid. Относительно ἱερόδουλοι см. Hirt Ueber die Hierodulen и др. Я только добавлю, что некоторые из них назывались κατάκλειστοι, т. е. заключенными в одиночных кельях (Исихий в ст.); но причина этого названия не очевидна.

1697.

Афродита Εὐδωσὼ (Исихий в ст.) и Афродита Βαϊῶτις (ibid.) в Сиракузах происходили из Коринфа; см. Clem. Alex. p. 25.

1698.

То есть на тех, которые ложно приписываются сифнийцам и серифийцам (ΣΕ или ΣΙ), но встречаются в большом количестве в районе Сикиона.

1699.

Hesych. in Βάκχου Διώνης.

1700.

Зеноб. Prov. IV. 21. Диоген. V. 21.

1701.

Pausan. III. 15. 8. III. 23. 1. Плутарх Instit. Lac. p. 253. Tzetzes ad Lycophr. 449. Однако она также была представлена вооруженной в Коринфе, Pausan. II. 4. 7.

1702.

Гесихий в ст. По мнению великого этимолога, Κίπρις - это просто Киприан. Сравните Meurs. Miscell. Lacon. I. 3.

1703.

Pausan. II. 32. 6. а о тризенском поклонении Афродите см. Valckenaer ad Euripid. Hippolyt. 32. О жертвоприношениях свиноматки Афродите в Аргосе во время ὑστῆρια см. Athen. III. p. 96 A. Callimach. Fragn. 102 ed. Bentr. Афродите там поклонялись с титулом Περιβασίη, Clem. Alex. Protrept. p. 24. ed. Sylburg.

1704.

См. Timæus apud Zenob. Prov. I. 31.

1705.

Thuc. VI. 20.

1706.

Книга I. гл. 6. § 1.

1707.

Orchomenos, p. 199.

1708.

Pausan. II. 10. 3.

1709.

Paus. II. 26. 7. Тацит. Annal. XIV. 18. comp. Каллимах. Epigr. 58.

1710.

Сравните несколько иное мнение Боэция (Voeskh Expl. Pind. p. 288.

1711.

См. Heyne ad Apollod. III. 15. 7.

1712.

Paus. III. 18. 4. ib. 9. 35.

1713.

Athen. XIII. p. 361.

1714.

В надписи, найденной в Спарте, Элевтерия, Посейдея и Эротидея встречаются как праздники, Corp. Inscript. 1430. и см. примечание Бёкха.

1715.

Плутарх de Amore Pat. I. p. 36. comp. Zoëga de Obeliscis, p. 225. выше, p. 103. прим. а.
[Примечание переводчика: Это сноска к "Кастору и Поллуксу", начинающаяся словами "Εν γυάλοις Θεράπνας"]. В Аргосе были древние фигуры Διοσκοῦροι Дипина и Сциллиса, Paus. Clem. Alex. Protrept. p. 31 A.

1716.

Как ἐπίκλητοι в Herod. V. 35. так и лакедемоняне, вероятно, послали статуи Тындаридов (οἱ ἐπὶ Σάργῳ) на помощь дорийцам, как эгинетяне послали эакидов в Саламин, Æginetica, p. 163. Очень неясен вопрос о Κάστωρ Μίξαρχαγέτας аргивян (Plutarch Quæst. Gr. 23. p. 393.).

1717.

Так у спартанцев Формион, Paus. III. 16. 3. в доме азанийца из Пагуполиса, Herod. VI. 127. Отсюда также Θεοξένια из Διοσκοῦροι в Агригентуме, Voeskh Expl. Pind. Olymp. III. p. 135.

1718.

Pseudo-Plat. Alcib. II. p. 148. Плутарх. Inst. Lac. p. 253.

1719.

Plat. ubi sup. ср. Плутарх, Ликург. 19. Сравните соответствующее выражение дельфийского оракула, Porphy. de Abstin. II. 15.

1720.

Исключение составляет поклонение Аммону, которое было введено в Спарте Лисандром, Orchomenos, p. 359.

1721.

Отсюда фракийский Котито, Eurpolis ap. Hesych. Suid. in Θιασώτης, Κότυς.

1722.

Ἡρακλῆς γενάρχας в спартанской надписи, Voeskh, № 1446.

1723.

См. Bentley Epistol. ad Mill. p. 503. Jacobs Animadv. ad Anthol. Gr. vol. I. 2. p. 286. Weichert Ueber Apollonios, p. 246. Поэма называется Ἡρακλεία в Paus. IV. 2. 2.

1724.

Od. VIII. 228. Феокрит. XXIV. 105. Аполлод. II. 4. 9. ср. II. 4. 11.

1725.

Тема поэмы - несчастья Иоле - в общих чертах изложена в "Эпилоче" Каллимаха. (Strab. XIV. p. 638). Подробности сообщает Аполлодор II. 6. 1. II. 7. 7, который соглашается с Геродотом ap. Schol. Eurip. Hipp. 550. где также цитируется Ὀηβαίων παράδοξα Лисимаха, Soph. Trach. 205. Schol. ad v. 358. которые следуют за Ферекидом и Менекратом, Diod. IV. 31, 37. Schol. II. V. 392. где для Βοιωτίας пишут Εὐβοίας. comp. Scythinus ap. Athen. XI. p. 461 F. Hyginus Fab. 29, 35. Plutarch de Def. Orac. 13. p. 322. Имена родственников Иолы варьируются. См. Hesiod ap. Schol. Trach. 266. в редакции Бенгли, Creophylus, цитируемый Бенгли, и Diod. ubi sup.

1726.

Soph. Trach. 354, 858. comp. Hermann ad v. 326.

1727.

Книга I. гл. 1. § 4.

1728.

Hecataeus ap. Paus. IV. 2. 2. Strabo X. p. 448.

1729.

Следовательно, Pherecydes ap. Schol. Soph. Trach. 354. помещает его в Аркадии, ἐν Θούλῃ Ἀρκαδίας, возможно, ἐν ΘΩΜΗΙ, т. е. Ἰθώμῃ. Деметрий из Скепсиса в Strabo VIII. p. 339. отождествляет Æchalia и Andamia, ср. X. p. 448. Страбон в этом отрывке также упоминает Æchalia в Трахинии и еще одну Æchalia в Этолии, comp. Eustath. ad II. p. 298. ed. Rom.

1730.

II. 594.

1731.

XXI. 13.

1732.

Ubi sup. Павсаний также следует местной традиции, IV. 33. 5. ср. 27. 4.

1733.

Schol. Soph. ubi sup.

1734.

Книга I. гл. 1. § 8.

1735.

Ubi sup. Также Скифин, Софокл и Аполлодор ubi sup. Согласно Schol. Apoll. Rh. I. 87. и Schol. Ven. ad Catal. 103. νεώτεροι в целом. Вероятно, все они помещают этот подвиг после приключений в Трахинии и непосредственно перед смертью, ср. Tzetz. ad Lycoph. 50.

1736.

II. B. 730. comp. Steph. Byz. in Οἶχαλία. Eustath. ad II. p. 330. ad Od. p. 1899. ed. Rom. и см. местную традицию в Paus. IV. 2. 2.

1737.

Odyss. и Pherecyd. ubi sup. cf. Soph. Trach. 38. В "Одиссее", однако, совсем другая история, а именно, что смерть Ифита (которая, к тому же, была мирной, ἐν δώμασιν, XXI. 33., но причиненная Аполлоном VIII. 227.) *предшествовала* убийству Ифита.

1738.

Выше, гл. 1. § 3.

1739.

Apollod. II. 7. 7. Diod. IV. 37.

1740.

Выше, гл. 3. § 3.

1741.

Возможно, Ἡρακλῆς Ἡπιάλητα πνίγων (кошмар) Софрона был пародией на эту басню, Eustath. ad II. p. 571. ed. Rom.

1742.

Æsch. Agam. 1038. καὶ παῖδα γάρ τοί φασιν Ἀλκμήνης ποτὲ Πραθέντα τλῆναι καὶ ζύγων θιγεῖν βίᾳ. См. ниже, § 8.

1743.

Schol. Od. XXI. 23. ср. Apollod. II. 6. 2.

1744.

Эриней, согласно басне, сохранившейся в странной апокрифической надписи, был местом битвы между Гераклом и Калхасом Мопсусом. Воескh, No. 1759. Κάλχαντα Μόψον δικαίως Ἡρακλῆς χλεύμενος (т. е. χολούμενος) περὶ ἔρινεοῦ, πλήξας αὐτὸν τῷ κολάφῳ καὶ ἀποκτείνας τέθαπεν ἐν Ἐρίνεῳ В транскрипте есть δίκαιος и τεθαψεν; для которых Герман сделал вышеуказанную поправку. Сама надпись является выдумкой либо последнего периода античности, либо средневековья. Та же легенда, с дополнительными обстоятельствами и другим местом действия, рассказывается Цетесом в Ликофе. 980. Согласно Гесиоду, состязание происходило между двумя пророками, Калхасом и Мопсусом, fragm. 14. ed. Gaisford.

1745.

. I. гл. 2. § 4. В. II. гл. 3. § 3.

1746.

Schol. Soph. Trach. 40.

1747.

Steph. Byz. in Τραχίς. Marm. Farnes. 1. 66. с поправкой Heyne ad Apollod. p. 191.

1748.

Paus. II. 23. 5.

1749.

В. I. гл. 3. § 9.

1750.

Аполлод. Diod. и т. д. Софокл, однако, называет ее уроженкой Плерона, Trach. 7.

1751.

Описана Архилохом, согласно Schol. Ven. ad Il. XXI. 237.

1752.

Archilochus ap. Schol. Apoll. Rh. I. 1213. Эта сцена очень грубо изображена на древней вазе (Hancarville IV. 31.), с надписью ΔΑΙΑΝΕΙΡΑ ΝΕΣΣΟΣ, как следует читать.

1753.

См. стих в Strabo VIII. p. 342. Стеф. Визант. в Ὀλένοϛ, который, однако, вероятно, относится к рассказу в Apollod. I. 8. 4.

1754.

Согласно Hyginus Fab. 31, 33. Деянира - дочь Дексамена. Schol. Каллим. Hymn. Del. 102. называют самого Дексамена кентавром; и, таким образом, на вазе лучшей эпохи Геракл изображен борющимся с ним за Деяниру, с надписью ΟΙΝΕΥΣ ΔΕΞΑΜΕΝΟΣ ΔΕΙΑΝΕΙΡΑ слева направо, Millingen Diverses Peintures 33.

1755.

Bacchylides ap. Schol. Od. XXI. 295. с примечанием Буттмана.

1756.

Raoul-Rochette, Etabliss. des Col. Grecques, tom. I. p. 219.

1757.

Путешествия Хьюза, т. II. p. 313. Pouqueville, vol. I. p. 471.

1758.

Heyne ad Il. II. 659. Мнение Страбона, что в басне Гомера и Геракла имеется в виду Эфира в Элиде (VII. p. 328. VIII. 338.), опровергается отрывками самого Гомера.

1759.

Некоторые из этих басен были смешаны с войной против Пилоса, а некоторые (например, похищение Цербера) перенесены в Теснарум и Гераклею Понтийскую; последняя, вероятно, впервые была создана Геродором, который был уроженцем этой Гераклеи, см. Heeren de fontibus Plutarchi, p. 17. Сравните монету Гераклеи в Мионне, № 160, на которой Геракл изображен приводящим Цербера к статуе Деметры.

1760.

Илиада. II. 657.

1761.

Страбон IX. с. 443. Polyæn. Strateg. VII. 44. Вуаль. Paterc. I. 3. 2. Schol. Apoll. Rh. III. 1089. См. Воескh Expl. Pind. Pyth. X. p. 332. Цари молоссов также считали себя потомками некой Ланассы, дочери Клеодэя, из племени гиллинов, Плутарх Pyrrh. 1. Юстин. XVII. 3.

1762.

Илиада. II. 678. Сравните: [б. I. гл. 6. § 3.](#)

1763.

Аполлод. II. 5. 10.

1764.

Ib. I. 6. 4. где он случайно упоминается в более ранней традиции.

1765.

Ап. Арриан. II. 16. frag. p. 50. ed. Creuzer.

1766.

P. 23. ed. Gronov. Гора Абас и река Антемоис в Эритее, согласно Аполлодору, вероятно, также должны быть отнесены к этому району. По крайней мере, абанты были именно в том месте, где находится Эрифия, на реке Аусе, недалеко от Орикума. Согласно Аристотелю. Мирабо. § 145. Эритее находилась на территории энианов. Геракл угнал туда волов из Китеры Персефаса. Сравните Антонин. Liberal, с. 4. πολεμήσαντας γὰρ αὐτῷ Κελτοὺς καὶ Χάονας καὶ Θεσπρώτους καὶ σύμπαντας Ἡπειρώτας ὑπ' αὐτοῦ κρατηθῆναι, ὅτι τὰς Γηρυόνου βοῦς συνελθόντες (ἤθελον) ἀφελέσθαι. Кельты происходят от некоторых герсионцев; см. Diod. V. 24. Etymol. M. p. 502. 50. См. также Аппиан, Bell. Civ. II. 29.

1767.

Ирод. IX. 93. Conon, Narr. с. 30. С этой басней связаны две примечательные легенды: во-первых, о наказании слепотой любого, кто пренебрегал поклонением Солнцу; во-вторых, о том, что греческие боги сами насылали волков на их стада. Солнечный скот в "Одиссее" - это только скот Тейнарума и Эпира, перенесенный на большее расстояние: была также баснословная причина для νηθάλοι θυσίαι Солнца, так как они совершались во многих городах Греции, Od. XII. 363.

1768.

Paus. II. 1. 6, &c.

1769.

Proxenus ἐν Ἡπειρωτικοῖς ap. Suid. et Apostol. in λαρινοὶ βόες. Сравните Лик из Региона, там же. Ælian, N. H. XII., 11. III. 33.

1770.

Ирод. VII. 216.

1771.

Peisander ap. Schol. Aristoph. Nub. 1047. τῷ δ' ἐν Θερμοπύλῃσι θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη Ποίει θερμὰ λοετρὰ παρὰ ῥήγμιν θαλάσσης, на стихи которого ссылается Зенобий Prov. VI. 49. Сравните Ruhnken ap. Heyn. ad Æn. II. Exc. I. p. 287. Wesseling ad Diod. IV. 23. Ирод. VII. 176. Филеас ap. Harpocrat. in Θερμοπύλαι. Басня была перенесена на горячий источник близ Гимеры в Сицилии, Voeskh Explic. Pind. Olymp. XII. p. 210.

1772.

Каллим. Гимн. Dian. 159. Schol. ad 1. Arrian ap. Eustath. ad Dionys. Perieg. p. 107. Φρίκιον ὄρος следует отличать от места, где Геракл убил кентавра, Steph. Byz. in Φρίκιον.

1773.

Strabo IX. p. 428. Часть ᾘἔτα, где, как говорят, стояла погребальная куча, называлась Pyra; Theophrast. Hist. Plant. IX. 10. Livy XXXVI. 30.

1774.

Steph. Byz. in Τύφρητος. Трахисские ἀσέληνα ὄρη упоминаются в четырнадцатой книге Гераклеи Рианской, Etymol. M. in v. Suidas in Πίανος.

1775.

Strabo XIII. p. 613. Diod. XII. 59. монеты в Eckhel Num. Anecd. tab. 6. p. 89. Dodwell's Travels vol. I. p. 76. Clarke's Travels vol. IV. p. 197.

1776.

Scythinus and Polemon ap. Athen. XI. p. 461.

1777.

Heyne ad Apollod. II. 4. 6. с осуждением замечает: "Herculis Thebani facta et fata ad Thebanas historias accommodare difficile est".

1778.

Здесь ежегодно приносились жертвы восьми детям Геракла. См. Pausan. Pind. Isthm. III. 79. и Хрисипп в "Схолии". Могилы Амфитриона, Иолая и Алкмены, а также гимнасий для Иолайских или Гераклеяских игр находились перед воротами Пхетиды, Pind. Pyth. IX. 82. Nem. IV. 20. Schol. et Dissen. Explic. p. 382. где этот предмет очень ясно объясняется.

1779.

Ап. Антонин. Liberal. c. 33.

1780.

Marini Ville Alban. p. 150. Сравните "Амальтею" Беттигера, т. I. c. 130.

1781.

Другие версии этой истории можно найти у Цицерона De Nat. D. III. 16, где см. примечание Крейцера, и в Paus. X. 13. 4. См. также Visconti, Museo Pio-Clementino, II. 5. Zoëga, Bassirilievi, vol. II. p. 98.

1782.

Освящение на подножии канделябра в Дрездене. Искупление на коринфском путале в подлинном архаическом стиле, опубликованное Додуэллом в его "Путешествиях и коллекции барельефов", Рим, 1820 год. Впоследствии она перешла во владение покойного лорда Гилфорда. На ней Аполлон, Артемида и Латона встречаются с Палласом, Геркулесом и Алкменой или какой-то другой женщиной: Грации следуют позади. Возможно, это копия сицилийской группы Дипина и Сциллиды (Plin. H. N. XXXVI. 4.), если только она также не изображала состязание, как и та, что в Paus. ubi sup. Подобная композиция есть на вазе в Millingen's Vases de Coghill, pl. 11. Аполлон δαφνηφόρος, сидящий у треножника с Артемидой и Латоной, принимает Геракла; богиня со скипетром (Веста, согласно Зоегу) и Гермес стоят рядом. На этом сюжете Геракл всегда изображен юношей.

1783.

Так же его труды были изображены на метопах дельфийского храма, Eurip. Ion. 196, 239.

1784.

См. легенду о Триподиске в Paus. I. 43. 7. comp. above, p. 14.

1785.

Плутарх de sera Num. Vind. 12. p. 245.

1786.

Он воздвиг три статуи из демонесской меди; выше, p. 250. прим. I. [Примечание переводчика: Это сноска к "священной десятине", начинающаяся словами "Из Мегары"]. Comp. Callim. fragm. 75. v. 5.

1787.

Она действительно может быть собрана только с монет. См. Висконти, Mus. Pio-Clement. tom. VII. 4. b. No. 11. Mionnet Descript. tom. II. p. 109. No. 94. и Planches LIII. 4. Pouqueville, Voyage, tom. IV. p. 208. Я также видел подобную монету в коллекции лорда Нортвика.

1788.

Выше, [гл. 2. § 11](#). Следовательно, сцена "Радаманта" Еврипида была разыграна в Беотии, fragm. 1.

1789.

Плутарх, Лисанд. 18. De Socrat. Genio 5. Tzetzes ad Lycoph. 50. Аполлод. II. 4. 11. Ферекид ап. Антонин. Liberal, с. 32. fragm. 50. ed. Sturz. comp. Visconti ad Herod. Att. Inscript. Triop. fin.

1790.

Pherecydes ubi sup. Paus. IX. 16. 4.

1791.

Orchomenos, pp. 84. 208. О Геракле Ἰττποδῆτης см. рассказ в Плутархе, Параллель, с. 416.

1792.

Наиболее подходящий отрывок находится в теократической поэме XXIV. 100. где, однако, можно обнаружить много александрийского вымысла.

1793.

См., среди прочих авторов, Alcidas Rhetor adv. Palamed. § 25. ed. Bekker. где для Τέννος написано Λίμος, с двумя рукописями.

1794.

Ниже, [гл. 12. § 1](#).

1795.

См. Воескh Explic. Pind. Olymp. III. 18. выше, [гл. 3. § 2](#). В Немее воздавались почести 360 предполагаемым спутникам Геракла, Ælian, V. H. IV. 5; очевидно, имеется в виду год, состоящий из 360 дней.

1796.

Heyne ad Apollod. Dissen. Expl. Pind. p. 509.

1797.

Безумие Геракла также имеет место в Κύπρια ἔπη, как следует из выдержки Прокла (в конце "Гефестиона" Гейсфорда); но в этой поэме оно, если я правильно понял контекст, было представлено как вызванное любовью и соблазнением Геракла.

1798.

Эврип. Herc. Fur. Paus. IX. 11. 1.

1799.

В этом храме под алтарем был выставлен λίθος σωφρονιστήης, который привел его в чувство, Paus. IX. 11. 5.

1800.

Именно к этому относятся стихи Паниасиса, в которых Геракл описывается как пришедший через Парнас в Касталию (fragm. 7. ed. Gaisford).

1801.

Apollod. II. 5. 11. conf. Heyn. Согласно Herodorus apud Schol. Soph. Trach. 253. Геракл после этого служит ἐνιαυτὸς три года; так же и Аполлод. II. 6. 4. См. выше, [гл. 11, § 2](#).

1802.

Выше, [гл. 7. § 9](#). [гл. 8. § 4](#). Стихи из Гераклеи Паниасиса, Fragm. 4. ed. Gaisford, по-видимому, были произнесены Гераклом в качестве утешения за свое рабство. Сравните. Илиада XXI. 443. По-видимому, они неправильно применены Хейном к Аполлоду (Heyne ad Apollod. II. 7. 3. p. 188.

1803.

Herod. VI. 116. Paus. I. 15. 4. 32. 4. Harpocrat. in Ἡρακλῆς. Schol. Pind. Ol. IX. 92. XIII. 184. ср. Boeckh Explic. p. 193. Elmsley ad Eurip. Heraclid. 32.

1804.

Aristoph. Ran. 504. Schol. ad 1. et ad 664. Schol. Apoll. Rh. I. 1209. Harpocrat. в Μελίτη, Hesych. в ἑκ Μελίτης, Μήλων et Διομεΐα, Suidas в Διομεΐα. Tzetzes Chil. VIII. 192. Comp. Corsini Fast. Att. II. p. 335. где, однако, есть некоторые неточности.

1805.

Вместе с Гебой, Алкменой и Иолаем, Paus. I. 19. 3. Этот храм часто упоминается.

1806.

Paus. I. 31.

1807.

Diog. Laert. III. 41.

1808.

Стеф. Byz. in Ἑχελίδαι. Отсюда, по мнению некоторых писателей, танец, называемый τετράκωμος, получил свое название, Pollux IV. 14. 99. 105. Athen. XIV. p. 618. Хесих. в τετράκωμος. Неподалеку, на дороге в Саламин, находился храм Геракла, Плутарх Фемист. 13.

1809.

Книга I. [гл. 3. § 5](#).

1810.

Диод. XII. 45. Schol. Soph. Œd. T. 701.

1811.

Плутарх, Тезисы, 35. Еврип. Herc. Fur. 1333.

1812.

См. Κυκλικοὶ в Schol. II. T. 242. Herod. IX. 73. Paus. I. 41. 4. III. 18. 3. Исократ. Энком. Helen, p. 211 E. Плутарх, Thes. 32. Стеф. Byz. и Harpocrat. в Τιτακίδαи. К этому же относится стих Каллимаха, Frag. 234. ἄνδρ' ἐλαίοι (пишем Ἑλαον) Δεκελειόθεν ἀμπρεύοντες, "таща Элата из Децелеи", т. е. в качестве проводника в Афидну. Согласно Алкману (Fragm. 3. ed. Welcker) и надписи на груди Кипсела (Paus. V. 19. 1.), они даже завоевали Афины. Как это связано с глоссой у Гесихия, Ἀσαναίων πόλιν τὰς Ἀφίδνας, которая, вероятно, относится к Алкману, не ясно.

1813.

Выше, [гл. 10, § 8](#).

1814.

См. кн. I. гл. 3. § 2.

1815.

Разительное различие между ними было отмечено, в частности, Дио Хризостом (Dio Chrysost. Orat. 47. p. 523. До н. э. Александрийский вымысел о *двенадцати* трудах удовлетворительно рассмотрен Зоэгой (Bassiril. II. p. 46.), а также Уваровым (Ouwaroff, Examen critique de la Fable d'Hercule.

1816.

Schol. Pind. Nem. Arg. p. 425. ed. Boeckh. По преданию, Аргус пас здесь священных коров.

1817.

Ap. Schol. Apoll. Rhod. I. 498. comp. Orph. Fragm. 9. Фрагмент Epimenides ap. Ælian. Nat. Anim. XII. 7. также упоминает эту басню, а Геродор apud Tatian. I. p. 164. (ap. Justin. Martyr, ed. Col.), где для Ἡροδότου следует читать Ἡροδώρου, и снова Евфорион Fragm. 47. p. 111. ed. Meineke. К собранным здесь отрывкам добавим Hesiod. Theog. 331. Пиндар Fragm. inc. 100. p. 660. ed. Boeckh. Каллим. Fragm. 82. Плутарх de Facie in Orbe Lunæ 24. de Fluv. 18. 4. Steph. Byz. in Ἀπέσας. comp. Hygin. Fab. 30.

1818.

Сравните вазу, опубликованную Миллином. Il. tab. 75. с описанием метопы на храме в Дельфах в Eurip. Ion. 196. На груди Кипсела, однако, он представлен как убивающий их стрелами.

1819.

Heinrich Proleg. in Hesiod. Scut. pag. 69. Dissen. Explic. Pind. Isthm. V. p. 525. Buttmann ad Soph. Philoct. 726. На груди Кипсела Геракл был изображен со стрелами, а также с мечом: он называется αἰχμητῆς в Archilochus Frag. 60. ed. Gaisford.

1820.

Odyss. XI. 600. ср. VIII. 224. II. V. 393.

1821.

Athen. XII. p. 512 F. Strab. XV. p. 688. Эратосф. Катастр. 12. Suid. в Πεῖσανδρος comp. Schol. Apoll. Rhod. II. 1197. относительно медной дубины Геракла, упоминаемой Пейсандром.

1822.

См. выше, т. I, гл. 3, § 5.

1823.

Comp. Isocr. Archid. p. 119 D. Marm. Farnes. p. 152. in Marini and others.

1824.

Я понимаю ἐν Πύλῳ ἐν νεκύεσσι, Il. III. 395 так же, как Павсаний - VI. 25. 3. Аполлод. II. 7. 3. О ранении Аида упоминает также Паниасис, Arnob. adv. Gent. IV. 25. Согласно тому же автору (ap. Clem. Alex. Protr. p. 25. ed. Sylb.), Аид был также ранен при Пилусе. Отрывок в Илиаде V. 392. оставляет это неясным. Comp. Schol. Venet. ad Il. XI. 689. Lycophr. 39. с комментарием Цетеса. Ранение Ареса связано с вышеописанным у Гесиода Scut. 368. битва с Аполлоном и Посейдоном у Пиндара Olymp. IX. 33. Boeckh Expl. p. 189.

1825.

Тем не менее, вблизи Пилоса Трифилика также находилось святилище Аида на горе Минте.

1826.

Schol. Il. V. 392. Venet. Il. 336. из Κατάλογοι Гесиода. Diod. IV. 31.

1827.

Apollod. II. 6. 2. Schol. Venet. Il. II. 88. Marm. Farnes. p. 151.

1828.

Ch. 11. § 1.

1829.

Olymp. XI. 57. Имена завоевателей, возможно, были взяты из общественных реестров, ἀναγραφαί, которые обычно восходили к мифическому периоду, как и имена жриц Ере в Аргосе (см. [кн. I. гл. 7. § 2](#)). Сравните с *ibid.* v. 59. Etym. Mag. Δαιτήριον ἐν Ἰλιάδι, читается ΗΛΕΙΑΙ; место, где Геракл распределял добычу в Элейской войне.

1830.

При условии, что Дорикл - это тот самый Δорυκλῆυς, о котором говорится в Apollod. III. 10. 5.

1831.

Polyb. XII. 26. 2 сл. выше, [гл. 3. § 2](#).

1832.

См. Pind. Olymp. III. 14. Где связь, по-видимому, следующая: Геракл, преследуя оленя Артемиды, прибывает в страну гипербореев, у истоков Истера, и видит там прекрасные оливковые деревья. Впоследствии, собираясь основать Олимпийские игры, он вспоминает об этих деревьях и добывает несколько молодых побегов, чтобы засадить ими голые и солнечные равнины Элиды. О κότινος Олимпии см. Schneider Index Theophrast. vol. V. p. 424.

1833.

Pausan. VIII. 25. 5. 15. 2. comp. above, p. [220](#), note b. [Примечание переводчика: Это сноска на "некоторое внешнее влияние", начиная с "The temples are"].

1834.

См. карту Пелопоннеса.

1835.

Apollod. II. 6. 3.

1836.

См. Heyne Excurs. 14. ad Æn. III. Отсюда была отправлена колония Гераклея.

1837.

ΟΙΚΙΜΤΑМ на монетах, т. е. οἰκιστής.

1838.

Jamblich. Vit. Pythag. 10.

1839.

Mus. Pembrock. P. II. tab. 16. Eckhel N. Anecd. tab. I. № 13, от объяснения которого мое отличается в некоторых отношениях.

1840.

Аристотель. Мираб. Ausc. § 115.

1841.

Athen. X. p. 441 A. из Ἰταλίκῃ Алкима.

1842.

См. кн. I. гл. 6. § 3.

1843.

Плутарх. Quæst. Græc. 58. p. 409. Nicomachus ap. Lyd. de Mensibus, p. 93.

1844.

Dissen. Expl. Pind. Isthm. V. p. 525. Возможно, это можно почерпнуть из Ovid. Metam. VII. 369. что на этом празднике женщины переодевались в коров. Возможно, праздник Геракла был связан с праздником Ере, о котором см. Athen. VI. p. 262.

1845.

Laur. Lydus de Magistr. III. 64. p. 268. О связи между лидийским поклонением Сандону или Сандесу и эллинским поклонением Гераклу см. статью автора в Рейнском музее, т. III. с. 22-39.

1846.

Steph. Byz. in Ἀκέλη.

1847.

Berosus ap. Agath. Hist. Justin. II. p. 62. ed. Vulcan.

1848.

Strabo XII. p. 564 B. Solinus 42, &c. comp. Orchomenos, p. 293.

1849.

Κτιστήс на монетах.

1850.

Ap. Schol. Apoll. Rhod. I. 131. Следовательно, впоследствии эта генеалогия была перенесена на Гиласа. В спартанской басне Элакат был представлен как παιδικὰ Геракла (Sosibius ap. Hesych. in Ἡλακάτια).

1851.

См. фрагменты Литириев Сосифея, Hermann, Opuscula, vol. I. p. 54. и выше, гл. 8. § 12.

1852.

Среди отрывков, цитируемых в "Символике" Крейцера, т. I. с. 326. следует особо отметить отрывки Ферекида, Пиндара и Аполлодора.

1853.

Aristot. ap. Ælian Var. Hist. V. 3. comp. Schwarz de Columnis Herculis, Opuscula, vol. II. p. 205. Peringer de Templo Herculis Gaditani. О Геракле-Бриарее см. также Zenob. Prov. οὗτος ἄλλος Ἡρακλῆс.

1854.

Африканский геркулес Maceris, по Павсанию. X. 17. 2; финикийский Διωδῶс, согласно Euseb. Scal. p. 26. в греческом тексте. Острова Геркулеса близ Нового Карфагена в Испании, Athen.

III. p. 121 A. Мы также находим Иолая, связанного с карфагенским Гераклом, Polyb. VII. 9. 2. Eudoxus ap. Athen. IX. p. 392 D.

1855.

Pausan. ubi sup.

1856.

Саллюст. Bell. Jugurth. 21. В этом отрывке также упоминается его смерть в Испании. Comp. Strabo XVII. p. 828.

1857.

Pollux I. 4. 45.

1858.

Eudoxus ubi sup. Eustath. ad Il. p. 1702. 50. Зенобий в ὄρθῳ ξῶσθαι. Сравните с этими отрывками очень остроумное объяснение этой басни в "Идеях" Херена, т. I. ч. 2. с. 129.

1859.

Ирод. V. 43. Paus. III. 16. 4.

1860.

Отсюда также легенда о том, что Геракл был подвержен эпилепсии.

1861.

Od. XI. 605.

1862.

Это поклонение, несомненно, возникло в Дельфах, поскольку дельфийский оракул в Demosth. in. Mid. p. 531. 7. приказывает афинянам приносить жертвы περὶ ὑγιείας верховному Зевсу, Гераклу и Аполлону проοστатήριος. О Геракле ἀλεξίκακος см. Libanius Ep. 12. Dio Chrysost. Orat. I. p. 17. Schol. Aristoph. Nub. 1375. и Schol. Apoll. Rh. I. 1218. comp. Marini Ville Alban. p. 141. No. 152. Этот характер героя обычно упоминается в восклицаниях Ἡράκλεις, Me Hercules; и как таковой, ему приносили в жертву овец (в других случаях обычно приносили свиней); его называли Μήλων в Фивах, Pollux I. 1. 27. 30. и в Мелите в Аттике; см. Apollod. ap. Zenob. V. 12. Hesych. in Μήλων. Schol. Aristoph. Pac. 42. cp. 740. Suidas in Μήλιος.

1863.

Strab. XIII. p. 613. Это, однако, не первоначальный греческий Геракл; выше, § 8. Гераклу ἀπόμυιος (отгоняющему мух) поклонялись в Риме, согласно Clemens Alexand. Protrept. I. p. 24. ed. Sylb. a title of Zeus at Olympia.

1864.

Согласно Павсанию, который также сообщает о нескольких дейдалийских деревянных изображениях Геракла. Однако божественное поклонение в Сикионе (Paus. II. 10. 1.) может быть отнесено к иддейскому Дактилю, поскольку этот город был древне связан с Фестусом.

1865.

Pind. Nem. I. 67. (cp. VII. 90) изображает Геракла участвующим в этом состязании с богами, вероятно, за некоторое время до его обожествления. Первые изображения Геракла-гиганта-разрушителя встречаются на троне амиклесского Аполлона. Pausan. III. 18. 7. и на некоторых очень древних вазах.

1866.

При возлияниях Гераклу в кубке не оставалось ни капли, Athen. XII. p. 1512 F. Желаящие совершить возлияния подносили ему меру вина, Hesych. in Οἰνιστήρια.

1867.

Например, Эпихарм в "Бусирисе" и "Браке Гебы" (часто цитируется у Афиней), а также Ринтон в "Геракле". См. Athen. XI. p. 500 F.

1868.

См. например, Eubulus ap. Athen. XIII. p. 567.

1869.

Об этой поэме см. Fabric. Biblioth. Gr. vol. I. p. 378. ed. Harles. Фермопилы, по-видимому, были самым ранним местом действия этой басни (Herod. VII. 216. выше, [гл. 11. § 5.](#)), но в этой поэме сцена, возможно, разыгрывается в Æchalia в Эвбее; по крайней мере, Цетес, перечисляя поэмы, приписываемые Гомеру, упоминает Κέρκωπες рядом с Οἰχαλίας ἄλωσις (ap. Bentr. Epist. ad Mill. p. 505, ed. Lips.). - Отсюда Диотима, в своей поэме о трудах Геракла, называет Серкопов Æchalians, viz., в Эвбее, откуда они опустошали территорию Беотии (Suidas in Εὐρύβατος. Apostol. IX. 33. Schol. Lucian. Alexand. 4. 71.): Ишрион Сардийский в своем Эфесе, вероятно, первым пересадил их в Лидию (Lobeck de Cercoribus el Cobalis p. 7.), а Ксенагор - в Питекантропы (очевидно, в своем трактате περὶ Νήσων, ap. Harpocrat. in Κέρκωπες. Lactant. Fab. XIV. 3. Зенобий, Апостол. XI. 24.). Среди афинских комических поэтов Гермипп и Платон обрабатывали эту басню; но композиция в Ганкарвилле III. 88., в которой Геракл протягивает двух обезьяноподобных Серкопов в сетях или клетках Эврисфею, сидящему на троне, кажется изображением итальянского фарса.

1870.

Millingen Peintures Inédites pl. 35. Tischbein III. 37. См. Tzetz. ad Lycophr. 691.

1871.

См. Reinganum's Selinus, plate 3. (Leipsig. 1827).

1872.

Μὴ τευ μελαμπύγου τύχοις. См. это выражение у паремииографов, Фотия, Суидаса и т. д., Diod. IV. 31. и др. Пословица встречается у Архилоха, fragm. 106. ed. Gaisford.

1873.

Athen. VI. p. 260. из Гегесандра, там же. XIV. p. 615 D. из Телефана. Возможно, Геракл имел παράσιτοι здесь, а также у Синосарха и других демонов. См. Диодор Синопский в Athen. VI. p. 239 E.

1874.

Книга IV. гл. 6. § 9. 10. гл. 7.

1875.

Наши знания о Македонии значительно расширились благодаря путешествиям Ф. К. Х. Л. Пукевиля из Янины в Гревено и Касторию, Г. Пукевиля из Гилана в Меццово и исследованию развалин Пеллы Барбье дю Бокажем (младшим); хотя в "Путешествии в Грецию" (т. II) первого из названных авторов некоторые необычные представления, вытекающие из несовершенного знания древней географии (напр, например, о Галиакмонте), несколько запутывают описание. Однако "Карта современной Греции" Ж. Д. Барбье дю Бокажа - работа очень точная, и в прилагаемой карте она неизменно соблюдается.

1876.

Его подъем в этих горах и прохождение через Пеонию (Liv. XXXIX. 53. Strabo VII. p. 327. cf. Exc. 9. p. 330. ed. Casaub. Ptolem. p. 82. ed. Montan.). доказывают, что это современный Кара-Су.

1877.

Страбон VII. 9. p. 330. утверждает, что Лудияс вытекает из озера, на котором расположена Пелла, которое сейчас является озером Дженидж. (По современным картам неправда, что озеро образовано ἀπόσπασμα из Аксиуса; но в древние времена болота простирались и к востоку от Пеллы, Liv. XLIV. 46.) Сравните Страбон VII. 8. p. 330. Из Геродота VII. 127. что Лидия была рядом с Аксием. Λοιδίαις - чтение, найденное Гарпократом в Æschines de Fals. Leg. p. 44.

1878.

Herod. VII. 127. Сцилакс соглашается с Геродотом, p. 26. ed. Hudson, где места идут в следующем порядке: "Пидна, Метона, устье Галиакмона, Алор, Лидия, затем Пелла, Акий, Эхеидор и Термы". С другой стороны, Страбон, который представляет Галиакмон впадающим в море около Диума (VII. 8. p. 330.), возможно, путая его с Геликоном (Pausan. IX. 30. 4.), поддерживается Птолемеем, p. 82. "Фессалоники, Эхеидор, Акий, Лидия, Пидна, Галиакмон, Дион, Фарибас (читай Бафирас), Пеней".

1879.

Плутарх де Экзилио 10.

1880.

Или Лакмус, в горах которого берут начало реки Ауз и Инах, ответвление реки Ахелус, Гекатей ап. Strab. VI. p. 271. VII. p. 316. Steph. Byz. in v. Λάκμων. Sophocles ap. Strab. VI. p. 271. Herod. IX. 93. Лингус из Ливия XXXII. 13. почти такая же гора.

1881.

Птолемей. Кажется очевидным, что Καναλόουια ὄρη Птолемея, в которой возвышается Галиакмон, и Κανδαουία ὄρη перед Лихнидом, у Страбона, Сезара, Цицерона и в Tab. Peutinger. *одно и то же* имя, и что отрывок Птолемея испорчен. Хребет, действительно, сломан родом.

1882.

См. следующее примечание.

1883.

Страбон VII. Exc. 11. p. 330. Этот Бермиус является продолжением горы Барнус, у подножия которой проходит Виа Эгнатия (Strab. VII. p. 323.), и такой же, как Бернус Диодора, fragm. 27. p. 229. ed. Bipont, или Бора из Livy XLV. 29. 30. где следует различать то, что должным образом относится к regio, и то, что является adjicitur. См. ниже, с. 459, примечание п. [Примечание транскриптора: на этой странице нет такого номера сноски].

1884.

Mannert's Geographie, VII. p. 516.

1885.

Ниже, § 17.

1886.

Ниже. § 11.

1887.

VII. 113.

1888.

Геродот (*ubi sup.*), по-видимому, также называет гору между Стримоном и Ангитами Пангеем.

1889.

Herod. VII. 123. *ср.* 127.

1890.

Ирод. VII. 124.

1891.

Thuc. I. 58.

1892.

II. 99.

1893.

Ирод. VII. 115. Диодонис XXVII. p. 229. также помещает Бисалтæ к западу от Стримона; несколько иначе Liv. XLV. 29, 30. Сравните превосходные "Диссертации о Геродоте и Фукидиде Фракии" Гаттерера и комментарии к ним. Gotting. vol. 5. p. 33.

1894.

Herod. VII. 124. *ср.* 127. Однако необычно, что Ксеркс отправился из Аканта в Термы в Мигдонии, за Пеонией (на Аксиусе?) и Крестоникой. Эта Крестоника, вероятно, отличается от Крестонæй у истоков Эхеидора и является округом Халкидики. См. "Этрускер" автора, т. I. с. 96. Ἐν τῇ Κρηστωνίᾳ παρὰ τὴν τῶν Βισαλτῶν χώραν, Pseud-Aristot. Mirab. Auscult. p. 710. ed. Casaubon.

1895.

Herod. VII. 127.

1896.

VII. 123. Βοττιαῖδα, τῆς ἔχουσι τὸ παρὰ θάλασσαν στεινὸν χωρίον πόλις Ἰχναί τε καὶ Πέλλα. Из этого не следует, что Пелла, по мнению Геродота, была прибрежным городом.

1897.

Аполлона, согласно Гесихию в Ἰχναίην. Македония была названа от него Ἰχναίη каким-то поэтом, Гесихием и Суидасом в v. Город упоминается Эратосфеном *ap. Steph. Byz. Plin. H. N. IV. 17.* и Мела II. 3. Стефан Византийский отождествляет с этим городом тот, что в Фессалии. Фемиде поклонялись в Ихне, согласно Страбону IX. p. 435.

1898.

Strab. VII. 8. p. 330. Сравните Scylax и Æschines выше, в примечаниях с и d.

1899.

Strab. VII. 9. p. 330.

1900.

В Полибий V. 97. 4. Bottia и Amphaxitis также упоминаются вместе.

1901.

Βοττία в II. 99. следует, вероятно, писать Βοττιαία, как и в II. 100. (или наоборот; см. примечания с и f на этой странице и Etym. Mag. в v.) [Примечание переводчика: Примечание с начинается с "In Polybius V. 97. 4.", а примечание f начинается с "Thucyd. I. 65."]

1902.

См. ниже, с. 465, прим. k. [Примечание переводчика: Это сноска к "согласно Геродоту", начинающаяся "VIII. 127."]

1903.

Thucyd. I. 65, II. 79, 101. Отрывок из Theopompus ap. Steph. Byz. в ст. Αἰόλιον следует писать так: πόλιν Αἰόλιον τῆς Βοττικῆς (vulg. Ἀττικῆς) μὲν οὔσαν, πολιτευομένην δὲ μετὰ τῶν Χαλκιδέων. Однако у Фукидида жители всегда называются Βοττιαῖοι. Βοττιαία для Βοττικῆ, Dionysius ad Amm. I. 9. Великий этимолог в Βοττεία также замечает различие между Βοττικῆ и Βοττιαία; где пишут Βοττικῆ ἢ Χαλκιδικῆ γῆ (ΧΑΛΚΙΔΙΚΗ для ΧΑΛΔΑΙΚΗ).

1904.

VII. 127. Сравните выражение οἱ οὐρίζουσι γῆν Βοττιαῖδα τε καὶ Μακεδονίδα, с VII. 123. ὃς οὐρίζει χώραν τὴν Μυγδονίην τε καὶ Βοττιαῖδα.

1905.

Pausan. IX. 30. 3. χώραν τὴν ὑπὸ ὄρος, τὴν Πιερίαν. Ливий XLIV. 43. называет горный лес над Пидной Pieria sylva.

1906.

Со Страбоном VII. 8. p. 330. который считает, что Пелония простирается до Аксия (как и Птолемей, p. 82.); хотя впоследствии он помещает Алор к югу от Лидии, и все же в Боттиэе. Однако в этом отрывке много путаницы.

1907.

См. ниже, § 17.

1908.

VIII. 8. p. 330.

1909.

Liv. XLIV. 9, 20. Поэтому и Павсаний (IX. 30. 3. X. 13. 3.), по-видимому, отличает Диум (τὸ ὑπὸ τῇ Πιερίᾳ), а Страбон (IX. p. 410. X. p. 471.) Лейбетрум от Пиерии. С другой стороны, Арриан (Arrian. Anab. I. 11. помещает ξόανον Орфея в Лейбетру (Plutarch Alexand. 14.) в Пиерии.

1910.

Я поместил Диум у руин в Б. дю Бокаж; Платамона, возможно, древний храм Геракла.

1911.

VII. 8. p. 330. comp. Wesseling ad Anton. Itin. p. 328. и Drakenb. ad Liv. XLII. 51. Цитиум Ливия следует искать вблизи Эдессы.

1912.

XLII. 53.

1913.

II. 99.

1914.

Liv. XLV. 30.

1915.

Liv. XLII. 53. Сравните с Плутархом. Æmil. 9. βιαζόμενον κατὰ τὰς Ἑλιμίας (перевалы Элимеи?).

1916.

Liv. XLIII. 21. См. выше, § 2.

1917.

Steph. Byz. in Παραυαῖοι. По Арриану I. 7. ἄκρα Τυμφαίας и Παραυαίας, между Элимеей и Фессалией. Плутарх Qu. Gr. 13. cf. 26. помещает Параузею в Молоссию, Стефана в Феспротис, а также Тимфею. Comp. Thuc. II. 80. Сейчас он называется Загори. См. Geographische Ephemeriden, vol. XVII. p. 429.

1918.

Strab. VII. p. 325. ср. 326. Парорæа в Пæонии, Liv. XLII. 51. Plin. IV. 17. следует отличать от него.

1919.

Strab. VII. p. 327. ср. 326. Liv. XLV. 30. Согласно Марсиасу в Steph. Byz. in v. Αἰθικία, Æthicia лежала между Tymphæa и Athamania. В Liv. XXXII. 13. следует, вероятно, написать: in Tymphæa terra Molottidis, куда вы попадете, поднявшись по течению Ауса. Плутарх Pyrrh. 6. соединяет Stymphæa и Parauæa: τὴν τε Στυμφαίαν καὶ τὴν Παραυαίαν τῆς Μακεδονίας. Comp. Niebuhr's Römische Geschichte, vol. III. p. 536.

1920.

См. особенно Polyb. II. 5. Scylax, p. 10. См. Фукидид, Ливий и Страбон, как указано выше. В Proxenus ap. Steph. Byz. в ст. Χαονία, для Ταραύλιοι, Ἀμύμονες читается Παραυαῖοι, Ἀτίντανες. Оно упоминается в Псевдо-Аристоте. Mirab. Auscult. p. 704. ed. Casaub. что Атинтания граничит с Аполлониатисом; и поэтому в p. 710. для Ἀτλαντίνων читается Ἀτιντάνων, или Ἀμαντίνων.

1921.

В Liv. XXXI. 40. Сульпиций отправляется из Элимеи в Орестис, а оттуда в Дассаретис (на озере Лихнид, XXVII. 32. около Линкестиса, XXXI. 33. XXXII. 9. ср. Polyb. V. 108. Ptolem. p. 83,) и завоевывает Пелион на Эригоне (см. Арриан I. 5.).

1922.

Μακεδόνων οἱ Ὀρέσται, Polyb. XVIII. 30. Liv. XXXIII. 34. ср. XLII. 38.

1923.

Или Ὀρεστιάς, Strab. VII. p. 326.

1924.

Liv. XXXI. 40.

1925.

Маннерт отрицает это (VII. p. 519.); но без авторитета какой-либо хорошей карты. См. Rouqueville tom. II. p. 322. Орестия находилась за пределами Македонии, согласно Steph. Byz.

1926.

Это следует из следующих отрывков, Plin. H. N. IV. 15. In Thessalia autem Orchomenos Minyeus ante dictus, et oppidum Almon ab aliis Salmon. Schol. Apollon. II. 1186. δύναται δὲ καὶ Ὀρχομενοῦ

μνημονεύειν τοῦ μεθορίου Μακεδονίας καὶ Θεσσαλίας. Стеф. Byz. Μινύα πόλις Θεσσαλίας ἡ πρότερον Ἀλμωνία; Diod. XX. 110. где Орхомен и Диум упоминаются вместе как города, существовавшие в Olymp. 119. 3; Eustath. ad Il. IX. p. 661. 4. ed. Bas. (ср. Il. p. 206. 22.), который утверждает, что фессалийский или македонский Орхомен в его время назывался Чарменас. См. Орхомен, с. 139, 249. где также показано, что халмопийцы, или салмониане, были древним племенем минийцев.

1927.

Ливий XLV. 30. говорит об Эордее, Линкестисе, Пелагонии, Атинтании, Тимфее и Элимиотисе: frigida hæc omnis duraque cultu et aspera plaga est.

1928.

Среди македонских языческих названий, таких как Линкестæ, Орестæ, Диастæ (Steph. Byz. in Δῖον), могут быть также включены Киррæстæ (Plin. H. N. IV. 17.) из области Кирр (Thuc. II. 100. Diod. XVIII. 4. Steph. Byz. in Μανδραϊ).

1929.

Thuc. IV. 83. 124, 129. Liv. XXVI. 25. XXXI. 33. см. с. 459, прим. m, [Примечание переводчика: Это сноска к "Эдессе и Пелле", начиная с "Strab. VII. p. 323."] p. 460, note x, [Примечание переводчика: Это сноска к "Линкестису", начинающаяся "У дороги."] и § 27.

1930.

Thuc. IV. 124. τὰς τοῦ Ἀρριβαίου κώμας. Гераклея Линкестис, по-видимому, была поздним поселением.

1931.

Thuc. IV. 127.

1932.

Strab. VII. p. 323. Эта дорога, которая, согласно табл. Peutinger. и Itin. Anton. p. 318, 329, проходит через Лихнид, Гераклею Линкестис, Целле, Эдессу, Пеллу и Термы, очевидно, в высших частях следовала в направлении *древнего перевала*, εὔπορος ὁδὸς διὰ τῆς Δασσαρήτιδος (см. с. 458, прим. а [Примечание переводчика: Это сноска к "Иллирийским дассаретянам", начинающаяся словами "In Liv. XXXI. 40."]) κατὰ Λύκων, Plut. Flamin. 4. а также Liv. XXXII. 9. где для Lychnidum читается Lyncum.

1933.

Это следует из Liv. XLV. 29. Quarta regio trans Boram montem (по отношению к которому tertia regio была versus septentrionem, а значит versus meridiem этого), и XLV. 30. Quartam regionem Eordæi et Lyncestæ et Pelagones incolunt.

1934.

Например, как в Ливии XXVI. 25. ср. XXXI. 33. где также упоминается река Бевус, вероятно, один из рукавов, которые, согласно Страбону VII. p. 327, впадают в Эригон ἐκ Λυγκηστῶν.

1935.

В Liv. XLII. 53. Персей идет из Пеллы через Эордэю в Элимею. Озеро Бегорритов, по-видимому, является озером Цитрины.

1936.

См. выше, примечание n. [Примечание транскриптора: Это сноска к "к югу от него", начинающаяся словами "Это следует из Лив"].

1937.

Арриан I. 7. Река Эордайкус, *ibid.* I. 5, вероятно, течет из Эордеи в Эригон.

1938.

Liv. XXXIX. 53. Strab. VII. p. 327. Места, Bryanium, Alcomenæ, Stymbara (Stubera Livy, Στύβερα Polybius). В Ливии XXXI. 39, 40. Сульпиций следует по горной дороге из Стуберы в Эордэю, а затем в Элимею; ср. Polyb. XVIII. 6. 3.

1939.

Liv. XXXIX. 53.

1940.

См. выше, с. 459, прим. s. [Примечание переводчика: Это сноска на "вдоль Эригона", начинающаяся "Liv. XXXIX. 53."]

1941.

По дороге через Пелагонию и Линкум и Боттизам в Фессалии, Liv. XXVI. 25. О том, что она граничит с Деуриопом, свидетельствует Liv. XXXI. 39.

1942.

Liv. XXXI. 28, 33. comp. Gatterer Commentat. tom. VI. p. 67.

1943.

Thucyd. II. 99. τῆς Παιονίας παρὰ τὸν Ἄξιον ποταμὸν στενὴν τινα καθήκουσαν ἄνωθεν μέχρι Πέλλης καὶ θαλάσσης. Та же полоса земли была включена Эмилием Павлом в его *tertia regio*, согласно Ливию XLV. 29. *Adjecta huic parti regio Pæoniæ, qua ab occasu præter Axium amnem porrigitur.*

1944.

См. выше, р. 454, примечание р. [Примечание переводчика: Это сноска на "из Боттиаиса", начинающаяся "Herod. VII. 123."]

1945.

II. 99. где Ситалций собирается совершить поход в Нижнюю Македонию, страну Пердикки, от Добера катὰ кориφῆν. Затем он вторгается (II. 100.) в Эйдомену, Гортинию, Аталант и Европу (*Europos ad Axium amnem*, Plin. IV. 17.), вероятно, места в Пелонии, но точно не в Боттиэю или Мигдонию.

1946.

II. 98. Παίονες Δόβηρες, Herod. VII. 113.

1947.

II. 98.

1948.

Ирод. V. 15. О поселениях синтийцев см. Mannert. vol. VII. p. 502.

1949.

Добер совпадает с современным Дойраном. Κερκινίτις λίμνη, Arrian I. 11, вероятно, является озером около Дойрана.

1950.

τῶν γὰρ Μακεδόνων εἰσί.

1951.

ὑπήκοα, как Магнетий к фессалийцам.

1952.

Те из Пердикки.

1953.

τὴν παρὰ (по Беккеру) θάλασσαν νῦν Μακεδονίαν.

1954.

Содержание опущенных пунктов приводится ниже.

1955.

VII. 128. ср. 131, 173.

1956.

См. кн. I. гл. 1. § 3.

1957.

Выше, с. 457, прим. s. [Примечание переводчика: Это сноска к "Камбунийским горам", начинающаяся с "Liv. XLII. 53."]

1958.

Таким образом, Thuc. IV. 83. comp. Xenoph. Hell. V. 2. 38.

1959.

Выше, с. 458, прим. b. [Примечание переводчика: Это сноска к "Орестию Македонскому", начинающаяся словами "Μακεδόνων οἱ Ὀρέσται"]. Фукидид II. 80. отличает Орестæ от македонян, т. е. от тех, кто принадлежал Пердикке.

1960.

Thuc. II. 80. Возможно, судя по его имени, он принадлежал к роду Алеуадов.

1961.

Thuc. IV. 79. 83.

1962.

Strab. VII. p. 326. Comp. book I. ch. 7. § 15.

1963.

Περδίκκας ἦγεν ὧν ἐκράτει Μακεδόνων τὴν δύναμιν против Arrhibæus, Thuc. IV. 124.

1964.

Herod. VIII. 137, 138.

1965.

II. 100. Согласно Геродоту, это были Пердикка, Аргей, Филипп, Аэроп, Алкет, Аминтас, Александр и Пердикка.

1966.

Эдесса на улице Эгнатия, 28. м. п. от Пеллы, 62-66. от Гераклеи Линкестис (Antonin. Itinerar. pp. 319, 330; табл. Peut. дает менее точные 45 и 77 м. п.) - это, вероятно, современная Водина.

1967.

См. Dexippus ap. Syncell. p. 262. Euseb. Scal. p. 47. cf. 37. Юстин VII. 1. Solin. IX. 14. Дексипп цитирует Теопомпа для Карана. Марсий (возможно, современник Александра и Антигона) рассказал басню о Кене, преемнике Карана, Etym. Mag. p. 523. 40. Etym. Gud. p. 332. 41.

1968.

Diod. XIX. 52. XXII. p. 307. Bip. Plin. IV. 17. Solin. IX. 14. comp. Юстин. VII. 2.

1969.

См. ниже, § 17.

1970.

Ирод. V. 21. VIII. 136. Юстин VII. 3.

1971.

Следовательно, история о том, что Ксеркс отдал Александру всю страну между горами Олимп и Хем (Юстин VII. 4.), не является полностью баснословной.

1972.

Gatterer Commentat. vol. IV. p. 96. vol. VI. p. 15. более точен в этом вопросе, чем Porpo Thucyd. vol. II. p. 421.

1973.

Ирод. VII. 112. Хотя Ἡῶν ἐπὶ Θράκης в Thuc. IV. 7. не может быть тем, что на Стримоне, однако Евстафий ad Il. II. 566. p. 217. ed. Bas. ошибается, отличая Ἡῶν в Пиерии от того, что на Стримоне (comp. Steph. Byz. in Ἡῶν, Schol. Thuc. I. 98.); и Raoul-Rochette, Histoire des Colonies Grecques, tom. III. p. 207, не должен был следовать ему, поскольку Пиерия, то есть Новая Пиерия, доходит в этом пункте до Стримона. Но Ἡῶν Фукидида находится не в Пиерии, а в Халкидике.

1974.

Thuc. II. 99.

1975.

Выражение Фукидида, καὶ ἔτι καὶ νῦν Πιερίκῳ κόλπος καλεῖται, доказывает, что это обстоятельство имело место задолго до того. Отсюда возникли баснословные родословия Пиерия и Эматия, сыновей Македонского, и т. д.; Marsyas ap. Schol. Il. XIV. 226. comp. Pausan. IX. 29. 1.

1976.

VIII. 127. Фукидид также включает боттиевцев, I. 57. (ср. IV. 57.) среди тех ἐπὶ Θράκης. Βοττιαῖοι ἐν Θράκῃ, Callimachus fragm. 75, 41.

1977.

Herod. V. 94. О положении Антема см. Plin. H.N. IV. 17. Отсюда τάγμα Ἀνθεμουσία македонской армии, Гесихий в ст. Ἰλῆ ἐταίρων Ἀνθεμουσία, Арриан II. 9. [См. Thirlwall's Hist. of Greece, vol. V. p. 194. note].

1978.

Возражение, которое может быть получено из Thucyd. I. 58. где, согласно старому чтению, Мигдония отличается от царства Пердикки, устраняется опущением τε после Μυγδονίας, которое Беккер и Поппо исключили, с хорошими MSS.

1979.

Различие, проводимое Цетесом в Lycoph. 419. между Ἰδωνες и Ἰδωνοί, а именно, что первые жили на побережье, а вторые внутри страны, не может быть поддержано. Например, Thucyd. I. 100. называет жителей Амфиполя Ἰδωνοί.

1980.

VII. 114.

1981.

Ирод. V. 11, 24.

1982.

Thuc. IV. 107.

1983.

Но τὰ ἐντὸς Μακεδόνων ἔθνηα, Herod. VI. 44, - это не народы в Македонии (Heune Opuscul. Acad. IV. p. 164.), а те, что находятся между Македонией и Персией. См. "Афинскую экономику" Боэция, т. II. с. 483. прим.

1984.

Сорок стадий за Пидной, Страбон.

1985.

Плутарх Qu. Gr. 11.

1986.

Aristot. ap. Strab. X. p. 447. Conon Narr. с. 20. Raoul-Rochette, Histoire des Colonies Grecques, tom. III. pp. 198 sqq.

1987.

Пидна, однако, рано принадлежала македонцам, Thucyd. I. 137. Diod. XIII. 49. Сцилакс, стр. 26. называет Пидну и Метону греческими городами; но это ничего не доказывает в пользу их независимости.

1988.

Выше, с. 455, прим. g. [Примечание переводчика: Это сноска к "согласно Геродоту", начинающаяся с "VII. 127."] Никто, конечно, не станет различать γῆ ἡ Μακεδονίς и ἡ Μακεδονία.

1989.

Выше, § 16. Геродот также упоминает вместе, среди союзников Ксеркса, VII. 185, зордян (в Фисках, см. ниже, с. 468. прим. k [Примечание переводчика: Это сноска к "Фискам в Мигдонию", начинающаяся "Согласно Птолемию, с. 83."]), боттиев (около Олинфа) и халкидеев. О бригийцах см. ниже, § 30.

1990.

Кроме VII. 127. см. также VII. 173. о дороге из Нижней Македонии в Фессалию.

1991.

πρῶτοι (πρῶτον Bekker) ἐκτίσαντο.

1992.

Около перевала Волюстана, Liv. XLIV. 2, который вел в Элимею, p. 457, note s. [Примечание переводчика: Это сноска к "Камбунийским горам", начинающаяся с "Liv. XLII. 53."]

1993.

VII. 131.

1994.

V. 17.

1995.

Ирод. V. 15, 16.

1996.

См. Poppo Thucyd. vol. II. p. 434. Mannert, vol. VII. p. 495.

1997.

Herod. VIII. 116.

1998.

В Синцелле и Евсевии Скале чтение дарданийцев для эордов; последнее, очевидно, правильное чтение, сохранилось в армянском Евсевии, p. 168. ed. Mai., который следует Диодору.

1999.

Согласно Птолемею, p. 83. В Steph. Byz. следует, вероятно, писать: Ἑορδαῖαι, δύο χῶραι, Μακεδονίας καὶ Μυῦδονίας.

2000.

Thuc. II. 100. ср. I. 57. VI. 7.

2001.

Thuc. I. 57.

2002.

I. 59.

2003.

Согласно Schol. Thuc. I. 57.

2004.

Поэтому, возможно, мы могли бы разделить ξύμμαχα καὶ ὑπήκοα в начале главы и отнести первое скорее к Линку, а второе - к Элимее.

2005.

Aristot. Pol. V. 8.

2006.

Xen. Hell. V. 2. 38.

2007.

Athen. XIII. p. 557. C. cf. X. p. 436 C.

2008.

Следует выводить из Lycophron. Cass. 802. с Tzetzes.

2009.

Diod. XVII. 7.

2010.

Арриан VI. 28.

2011.

Плиний Н. N. IV. 17. упоминает альмопийцев, вместе с эордами, на берегах Аксия; а в Ptolemy p. 83. Альмопия - это страна рядом с Европой; именно туда, вероятно, бежали альмопийцы. Это также объясняет генеалогическую связь с Пелоном и Эдоном. Orchamēnos, p. 250, note 2.

2012.

Из древних войн македонцев, не упомянутых Фукидидом, я могу упомянуть баснословную битву между Караном и Циссеем (Pausan. IX. 40. 4.), вероятно, царем Цисса, близ Терм, что объясняет Страбон VII. ехс. 10. p. 330. фракийца Сиссея в II. XI. 221. Еврипид перенес эту войну, а также историю о козлах, в свою трагедию под названием "Архелай", возможно, написанную только из лести, fragm. 33. ed. Musgr. Hyginus Fab. 219. См. также Lycophr. 1237. О предполагаемой войне с фригийцами см. ниже, § 30.

2013.

См. Mannert, vol. VII. p. 281. В каталоге народов, однако, в Appian Illyr. 2. Пеонийцы и фракийцы (Mædi, Triballi) смешаны с иллирийскими племенами.

2014.

Herod. IV. 93. V. 3. Menander ap. Strab. VII. p. 297. Язык гетов был фракийским, Strab. VII. p. 303.

2015.

Herod. VII. 75, &c.

2016.

Согласно Страбону VII. p. 305, 315. ср. VII. p. 323.

2017.

Страб. VII. p. 316. Согласно этому отрывку, они простирались на север до иллирийских дарданов. Фракийцы за Крестоной, упоминаемые Геродотом в V. 3, вероятно, тот же народ.

2018.

Конон Нарр. с. 20. называет бисальцев фракийцами ("Αρῦλος также было фракийским именем, согласно Гераклиду. Понт. 41); а панæйцы, которых Фукидид II. 101. называет фракийцами, были эдонским народом, согласно Стефану (Stephanus Byz.

2019.

Страбон X. p. 471. не делает этого предположения, но, возможно, в VII. p. 321.

2020.

По Фукидиду II. 29. и более ранними авторами.

2021.

См. выше, с. 11.

2022.

Илиада XIV. 225. sqq.

2023.

Gatterer Commentat. VI. p. 37. Mannert, vol. VII. p. 487.

2024.

Солин. IX. 2, &c.

2025.

См. особенно Appian Illyr. I. Но поскольку в более поздние времена пеонийцев и иллирийцев смешивали (Appian Illyr. 14.), паунонийцев также называли иллирийцами.

2026.

Ирод. V. 13. comp. VII. 20, 75, и см. Prolegomena zur Mythologie, p. 351. Легенда о великой экспедиции тевкрийцев хорошо изложена в Lycophron v. 1341.

2027.

Однако Страбон VII. p. 295. приводит противоположную традицию мисийцев.

2028.

I. 196.

2029.

Gottleber ad Thucyd. I. 57.

2030.

Ирод. V. 20.

2031.

Herodot. V. 22. и см. примечание Валькенаера. Аттические ораторы явно преувеличивают; однако в том, что говорит Вейске о гиперболе, стр. 19. с другой стороны, возможно, есть небольшая гипербола.

2032.

См. Scylax, p. 12. и метрический Dicæarchus, p. 3. Comp. Salmas. Exercit. Plin. p. 100 A.

2033.

Отрывок Гесиода, по-видимому, взят из Ἡοῖα (выше, с. 4. прим. п [Примечание переводчика: Это сноска к "Гесиоду и Элладе", начинающая "Ap. Constant."]), и эти стихи дошли до нас уже после 40-й Олимпиады (Orchomenos, p. 358). После Гесиода Солин IX. 13. называет Македоса Deucalionis maternus nepos. comp. Eustath. ad Dionys. Perieg. 427.

2034.

Рассказ о греках, живших на Понте, согласно Herod. IV. 8-10.

2035.

Хотя Маннерт, т. VII. с. 492. считает македонцев иллирийскими и пеонийскими по происхождению, Comp. p. 421.

2036.

См. выше, p. 460. прим. z. [Примечание переводчика: Это сноска на "и побережье", начиная с "Thucyd. II. 99."] Плиний Н. N. IV. 17. кажется, говорит, что зорды были пеонийцами; и не исключено, что так оно и было, хотя отрывок Плиния испорчен. Геродот VII. 185. упоминает

вместе фракийцев, пеонийцев, эордов, боттиев, халкидян, бригийцев, пирийцев, македонян и перребийцев.

2037.

Например, Thuc. IV. 124.

2038.

Например, Фукидид II. 96. упоминает фракийцев между горами Хемус и Родопы, гетов и горных фракийцев вместе, как будто геты не были фракийцами. Случаи такого использования очень распространены; например, обычный случай с ионийцами и афинянами.

2039.

II. XIV. 226. И, следовательно, в Гимне пифийскому Аполлону, ст. 39. (согласно предположению Маттиа и Илгена), хотя Эматий там не очень подходит, а предшествующее слово (ни Λεύκον, ни Λίϋκον не на своем месте) остается неопределенным. Римские поэты, как известно, используют это имя в очень широком смысле, Heyne ad Virg. Georg. I. 492.

2040.

Plin. H. N. IV. 17. Юстин. VII. 1. Гелл. XIV. 6. 4. Солинус IX. 1. различает эдонийскую, мигдонийскую, пирейскую и эматийскую территории, а IX. 12. выводит название Эматии, как древнейшей Македонии, от автохтона Эматия. Tzetzes ad Hesiod. Op. I. Chiliad. VI. 90. утверждает на основании Дельфики Мелиссея, что Аероп, старший сын Эматииона, царствовал над Линком, который ранее назывался Пиерией, - очень путанный рассказ.

2041.

См. Юстин VII. 1.

2042.

Pag. 84.

2043.

У Птолемея это слово - Κύριος. См. выше, с. 458. прим. h. [Примечание переводчика: Это сноска к "Македонскому сгибанию", начинающаяся словами "Среди македонцев"].

2044.

II. 100. comp. Plin. H. N. IV. 17. Табула Пеутинга, которая помещает Идомену в 53 м. п. от Термы и в 35 от Стобоя (Истипа), очень хорошо согласуется с Фукидидом, Птолемеем и Плинием.

2045.

Поскольку он полностью отделяет Боттиэю от Пиерии.

2046.

XXIV. 8. Liv. XV. 3. Юстин VII. 1. говорит об Эматии: Populus Pelasgi, regio Boeotia dicebatur, где Bottiæa является более вероятным исправлением, чем Ræonia, и подтверждается ватиканскими фрагментами Диодора, р. 4. Mai.

2047.

I. 56. ср. VIII. 43. и см. [кн. I. гл. 1. § 10.](#)

2048.

I. 56. Δωρικὸν ἐκλήθη. И все же, по словам самого Геродота, они управлялись Дорусом в Хестизотисе.

2049.

Константин. Порфириог. II. 2. λέγεται δὲ καὶ Μακεδονίας μοῖρα Μακέτα, ὡς Μαρσύας ἐν πρώτῳ Μακεδονιακῶν. καὶ τὴν Ὀρεστιάδα (vulg. Ἠρέστειαν δὲ) Μακέταν λέγουσιν. См. выше, с. 458. примечание с. [Примечание переводчика: Это сноска к "долине Орестиса", начинающаяся словами "Или Ὀρεστιάς"]. Скимн называет македонян γηγενεῖς и считает их выходцами из Мацессы и Эматии, ст. 657.

2050.

Arrian Syr. 63. Ἄργος ἐν Ὀρεστείᾳ (ᾧθεν οἱ Ἀργεῖαδαι Μακεδόνες). О названии Аргеады см. Pausan. VII. 8. 5. и примечание Сибелиса. Возможно, вся легенда об аргивском происхождении македонских царей правильно относится к этому аргосскому Орестикону.

2051.

VII. p. 324. sqq.

2052.

Булини, около современной Валоны, Маннерт, т. VII. с. 388.

2053.

Около Эпидамна, согласно Thuc. I. 24. Аппиан. Bell. Civ. II. 39. и простирается вплоть до далматинцев, согласно Аппиану Иллир. 24.

2054.

Также около Эпидамна, согласно Liv. XXIX. 12. XLIII. 21. К югу от тавлантов, согласно Плину. Н. N. III. 26. Мела. II. 3. Страна Парфини называлась ἡ Πάρθος, Polyb. XVIII. 30. 12. как ἡ Λύγκος (Thuc. IV. 83.) ἡ Δευρίοπος выше, § 11. ἡ Κύρρος.

2055.

См. ниже, с. 481, прим. к. [Примечание переводчика: Это сноска к словам "с дассаретянами", начиная с "Сцимнуса Хиуса"].

2056.

Читать πλησέον δὲ που κατὰ (vulg. καὶ) τὰ ἀργύρια.

2057.

Кроме этого отрывка Дамастий известен только по своим серебряным монетам, Eckhel D. N. I. II. p. 164. Mionnet Descript. tom. II. p. 54.

2058.

Здесь имеются в виду жители окрестностей Аполлонии, см. ниже, р. 483, прим. а. [Примечание переводчика: Это сноска к "странным божествам", начинающаяся словами "Как энхилийцы"].

2059.

Вероятно, дассаретяне (сесаретяне) близ Лихнида.

2060.

В Северной Сицилии.

2061.

Больше нигде не упоминаются.

2062.

См. в частности Thuc. II. 80. Scymn. 444. Об их ἐκβάρβαρως см. у Плутарха Pyrrh. 1.

2063.

Scylax, p. 12. Dicæarchus, p. 3.

2064.

Pag. 10.

2065.

Иллир. 7.

2066.

См. выше, с. 458, прим. б. [Примечание переводчика: Это сноска к "Орестию Македонскому", начинающаяся словами "Μακεδόνων οἱ Ὀρέσται"].

2067.

Polyb. XVIII. 30. Liv. XXXIII. 34. Liberi Amantini et Orestæ, Plin. H. N. IV. 17. Следовательно, Стефан. Византия заставляет Орестиса дойти до Молоссии, в ст. Ὀρέσται. Этим принципам в целом следуют современные географы. Только Линк упоминается Стефом. Визант. в ст. πόλιν Ἰπείρου.

2068.

Согласно вероятному предположению Маннерта, т. VII. с. 390.

2069.

Strab. VII. См. Exc. 3. p. 329.

2070.

Это употребление впервые встречается в Cæsar Bell. Civ. III. 34. хотя там оно не совсем ясно; с другой стороны, Dio Cassius XLI. 49. ясно говорит: ἐν τῇ γῇ τῇ πρότερον μὲν Ἰλλυριῶν τῶν Παρθινῶν, νῦν δὲ καὶ τότε γέ ἦδη Μακεδονία νενομισμένη; границы указаны Плинием H. N. III. 26. (от Лисса до Орикума) и Птолемея. - Дексипп также, цитируемый Константином Порфирием de Them. II. 9. включает Эпидамн в Македонию, а в tabula Peutinger - только Македонию между Далмацией и Эпиром.

2071.

См. например, Thuc. I. 24. Liv. XLV. 26.

2072.

Я зашел бы слишком далеко, чтобы рассматривать здесь тезейскую, абантийскую, лаконскую и древнеионийскую κοινά.

2073.

Книга IV. гл. 2. § 4. Собственно фессалийское название было, согласно Великому Этимологу, ἄλληξ, отсюда allicula.

2074.

См. Этрускер, т. I. стр. 265.

2075.

Theophrast. Hist. Plant. III. 9.

2076.

Лексикон Шнайдера в πέτασος.

2077.

Плутарх Агат. 16. Пирр. 11. Иродиан. IV. 8. 5. Dio Chrysostom. Or. 72. p. 628. ed. Reisk. Pollux X. 162. Valer. Max. V. 1. ext. 4. Antipater Thessal. apud Brunck. n. 10. Suidas in Καυσίω. Сравните Valcknaer ad Adonias. p. 345.

2078.

Polyb. IV. 4. 5.

2079.

Геракл. Pont. 17.

2080.

Eckhel Doct. Num. I. 2. pp. 83. 155. 158. Ясное представление о каузии можно получить из изображений македонских монет в Pellerin Recueil de M. de Rois Pl. 1. n. 1. из Итолиана в Combe Numi Mus. Britann. Pl. 5. 24. 25. и иллирийских в Eckhel Numi. Vet. Anecd. (1775.) Pl. I. tab. 6. 22. 23.

2081.

Филипп, сын Аминтаса, сначала завоевал страну до озера Лихнит, Diod. XVI. 8. У тавлантов во времена Александра был свой царь, Арриан I. 5. Иллирийский царь Аргон правил (около 240 г. до н. э.) вплоть до Эпира, и атинтанцы были его подданными, Appian Illyr. 7. 8. Когда римляне впервые пришли в Иллирию, к ним присоединились парфяне и атинтаны, Polyb. II. 11. Атинтания была впервые завоевана Филиппом, сыном Димитрия, Schweighæuser ad Polyb. II. 5. p. 356. В результате мира он потерял только Лихнида (вместе с Дассаретисом, Polyb. V. 108.) и Парфения (т. е. Парфини), Polyb. XVIII. 30. 12. Liv. XXXIII. 34. Единственными странами, которыми даже Персей владел за горами, были Атинтания и Тимфея, Liv. XLV. 30. См. также Palmer Græc. Ant. I. 14. p. 78.

2082.

От ἄμθος, морской песок.

2083.

V. II. 1.

2084.

Suppl. 257.

2085.

Аполлод. III. 8. 1. Ælian de Nat. An. X. 48. Steph. Byz. in Ὠρωπός.

2086.

σύνοικοι, Herod. VII. 73.

2087.

Ирод. VIII. 138. Conon Narr. I. Об этих розах см. также Nicand. Fragm. 2. p. 278. ed. Schneider. Conon ibid. и Apollodorus ap. Strab. XIV. p. 680. также говорят о древних рудниках у горы Бермиус.

2088.

Из Thuc. I. 61. что Бермея *еще* не стала македонским владением; но, похоже, ἀπανίστανται означает просто "они готовятся покинуть Македонию".

2089.

В Herod. VII. 73. Conon ubi sup. Ксанф поместил его после, но, вероятно, *вскоре* после Троянской войны.

2090.

Юстин VII. 1.

2091.

Scymnus Chius v. 433. Strab. pp. 326, 327. В Диррахии были Βρίγες, согласно Аппиану В.С. II. 39. который утверждает, что они вернулись из Фригии; ср. Steph. Byz. in Βρύξ. Геродот действительно ясно отличает от Βρίγεςσφρύγες (VII. 73.) Βρύγοι Θρήκες (VI. 45. VII. 185.) в Македонии, которые восстали против Мардония и пришли с Ксерксом; и Страбон также, кажется, полностью отделяет Βρύγοι как иллирийский народ (в р. 327. пишут Βρύγων) от фракийцев Βρίγες, которые, как говорят, полностью покинули Европу (VII. р. 295): тем не менее, их имена и поселения, кажется, устанавливают национальное родство.

2092.

Мигдон, князь фригийцев, упоминается в Илиаде III. 186. Comp. Strabo VII. p. 295.

2093.

Аристотель ἐν τῇ Βοτταίων πολιτείᾳ ap. Плутарх. Thes. 16. Qu. Gr. 35. Похожую, хотя и более странную легенду о боттиевцах можно найти у Страбона VI. pp. 279. 282. Сравните Etymol. Magn. в Βόττεια. Критские традиции, возможно, нашли пристанище в храме в Ихне.

2094.

Thuc. II. 100. Plin. H. N. IV. 17. Имя Europus (Justin. VII. 1. говорит о древнем царе Европе в этой стране, а согласно Steph. Byz. Εὐρωπὸς и Ὀρωπὸς были сыновьями Македона) напоминает нам о демеровской Европе, гермионской Европе и критской Европе. Критское Ἰδομενεὺς подразумевает существование места с названием Ἰδομένη.

2095.

I. 57. Сравните Orchomenos, p. 444. note 1.

2096.

См. выше, р. 458, прим. f. [Примечание переводчика: Это сноска к словам "далеко от Пиерии", начинающаяся словами "Это очевидно"].

2097.

Πύθνα снова встречается в священной Питине на Крите. Поэтические ассоциации в основном связаны с районом над Диумом, где находились Пимпл и Лейбетрум.

2098.

См. выше, р. 472, прим. a. [Примечание переводчика: Это сноска к "узкой полоске земли", начинающейся "См. выше"]. Страбон, который называет зордов иллирийцами (выше, § 26.), тем не менее говорит только о македонских жителях Эордии. Гесихий и Цетес ad Lycophr. 1342. называют зордов македонцами. У Стефана Византийского в Ἀμυρος есть путанный отрывок об амирийцах, которые, согласно Суидасу, были зордами.

2099.

Liv. XLV. 30.

2100.

Сравните теперь Heyne Opusc. Acad. IV. p. 165. Macedonas e multis barbarorum populis, Thracum inprimis et Pelasgorum, quibus Græcorum exigua pars accesserat, coaluisse. Schlözer Weltgeschichte, vol. I. pag. 290. Македоняне, братья фракийцев и совершенно отличные от греков, среди которых они долгое время назывались варварами, скитались по своей горной стране, разделившись на 150 орд, когда Гераклид и др.

2101.

Солинус, IX. 16.

2102.

Thuc. II. 100.

2103.

Solinus, IX. 17.

2104.

XLV. 30. ferociore eos et accolæ barbari faciunt, nunc bello exercentes, nunc in pace miscentes ritus suos. Мирное общение между свободными и выносливыми народами предполагает определенную степень сходства. В настоящее время дикие Орестæ, как утверждается, сильно отличаются от мягких и общительных загорцев (парауэйцев), Geographische Ephemeriden, vol. XVII. p. 430.

2105.

Поскольку энхийцы, по-видимому, перенесли от вторжения беотийцев (Orchomenos, p. 231.) поклонение Кадму и Гармонии как в область Бутоя (Scylax, p. 9. Steph. Byz. in Βουθόη), так и в Кераунские горы (Dionys. Perieg. v. 391. Apoll. Rh. IV. 517. ибо в обоих местах были энхилеи). Сравните Аполлодор III. 5. 4. Scymnus Chius v. 437. Eustathius ad Dionys. Perieg. v. 389. Interpret. Virg. Æn. I. 243. ed. Mai.

2106.

Amerias ap. Hesych. in v.

2107.

Hesychius in Δευάδα.

2108.

Hesychius et Favorinus in v.

2109.

Hesychius in v.

2110.

Плутарх Алекс. 2. Polyæn. Stratag. IV. 1. Сравните Athenæus V. p. 198 E. Etym. Mag. et Suidas in Κλώδονες, Lycoph. v. 1237. Conon Narr. 45. Creuzer's Symbolik, vol. III. p. 194. sq.

2111.

Jovis templum, veterrimæ Macedonum religionis, Justin XXIV. 2. Архелай учредил Олимпийские игры (Арриан I. 11.), который сам был победителем на Олимпийских играх в Элисе, Solin. IX. 18. Возможно, также в Мусее в Македонии, согласно Арриану ubi sup.

2112.

Hesych. in Ἑδεσσαῖος.

2113.

Hesych. in Ἄρητος.

2114.

См. выше, с. 455, прим. з. [Примечание переводчика: Это сноска на "древний храм", начинающийся словами "Аполлона"].

2115.

Книга II. гл. 11. § 2.

2116.

Eckhel D. N. I. 2. p. 74. Македонская Венера, Зейрена (Hesych. in v.), возможно, была Зеринфией. Марс, согласно Гесихию, в Македонии назывался Thaumus или Thaulus.

2117.

Ирод. V. 6. Strab. VII. p. 315. Comp. Салмас. Упражнения. Plin. p. 169 A.

2118.

Polit. VII. 2. 6.

2119.

Согласно Hegesander ap. Athen. I. p. 18 A.

2120.

Ирод. V. 4; согласно Солинусу X. 2. apud plurimos.

2121.

Herod. V. 5. comp. Solinus X. 3.

2122.

Solinus X. 1. заключает Thracibus barbaris inesse contemptum vitæ ex quadam naturalis sapientiæ disciplina.

2123.

См. также Herod. V. 5. Heraclid. Pont. Polit. 27. Strab. VII. p. 297. Салмас. Упражнения. Plin. p. 112 A.

2124.

Ирод. V. 6. Heraclid. ubi sup. Solin. X. 4.

2125.

Солин. X. 5.

2126.

Thuc. II. 100. ἄνω ξύμμαχοι - линкесты и т. д.

2127.

Ксеноф. Hell. V. 2. 41. V. 3. 1. ср. Thuc. I. 61, 62.

2128.

Polyb. V. 27. 6. Курций VI. 8. 25. (с примечанием Фрейнсхайма) VI. 9. 34. Crophius Antiq. Maced. I. 6. II. 4.

2129.

Поэтому, например, нельзя делать вывод о различии между иллирийским и македонским языками в Polyb. XXVIII. 8. 9. что эти народы изначально имели разное происхождение. Штурц в "De Dialecto Macedonica et Alexandrina" недостаточно четко отделяет третий период от двух первых.

2130.

Например, Steph. Byz. in v. Βορμίσκος-οὗς κύνας τῇ πατρῴᾳ φωνῇ ἑστερικὰς καλοῦσιν οἱ Μακεδόνες. Варварское слово σκοῖδος, обозначающее своего рода управителя, которое использовал Александр в письмах и перенял Менандр (Photius, p. 523. 5.), вряд ли может быть восточным. См. также собрание Штурца в словах ἄβαγνα, ἄδδαι, ἄδῃ, ἄκρέα, ἄξος и др.

2131.

Атаманы были эфиротами, согласно Страбону, иллирийцами, согласно Стефану. Визант. в ст. Слова не греческие.

2132.

См. выше, Σανάδαι, и Athenæus III. p. 114 B. относительно македонского и атаманского слова δράμις или δράμιξ.

2133.

Этому факту можно верить на основании свидетельства Curtius VI. 9. 35.

2134.

Apollonius de Construct. III. 7. называет это македонским или фессалийским употреблением. Штурц, стр. 28. 5. делает главный вывод из этого, что македонский язык первоначально был почти таким же, как дорийский. Монеты, как я могу заметить, ничего не доказывают, так как они были отчеканены для общения с греками. Аделунг же считает македонцев фракийцами (к которым он относит и иллирийцев) с оттенком греческой цивилизации, Митридат, т. II, с. 359.

2135.

См. выше, с. 3. Примечания g и h. [Примечание переводчика: Это сноски к "родному диалекту", начинающиеся со слов "Сравните, например", и к "эолийскому", начинающиеся со слов "Например, номинативы"].

2136.

Выше, с. 467. примечание с. [Примечание переводчика: Это сноска к словам "на Пиерии", начинающаяся словами "У перевала Волустана"]. Поэтому Камбунийские горы теперь называются Волуца.

2137.

Выше, с. 453. прим. g. [Примечание переводчика: Это сноска к "Кандавской цепи", начинающаяся "Птолемей"]. Первый слог этого названия, по-видимому, тот же, что и у Cambunii montes, в котором вторая часть, вероятно, является словом βοῦνος, которое в современном греческом языке все еще означает "холм". В названиях македонских гор, Barnus, Vermius и Bertiscus (Птолемей), вероятно, присутствует тот же корень.

2138.

Павсаний. X. 6. 5. οἱ μὲν δὴ γενεαλογεῖν τὰ πάντα ἐθέλοντες, и т. д.

2139.

Ἕλληνας δ' ἐγένοντο θεμιστοπόλον Βασιλῆες Δῶρός τε Ξοῦθός τε καὶ Αἴολος ἵππιοχάρμης. Tzetzes ad Lycoph. 284. и Schol. Apoll. Rh. III. 1085. Другие поэмы Гесиода использует Шол. Hom. Od. χ'. 2.

2140.

Аполлодор I. 7, 3. Pausan. V. 1, 2. и т. д. Из того обстоятельства, что Ахей и Ион представлены как *единственные* сыновья Ксута, я выше сделал вывод, что ионийцы, вероятно, принадлежали к ахейской расе.

2141.

Schol. Hom. Od. κ. 2. οἱ δὲ λέγουσιν ὅτι Ἕλληνας γόνῳ μὲν ἦν Διὸς, λόγῳ δὲ Δευκαλίωνος. Сравните Pindar Pyth. IV. 167. который ссылается на эту басню, и Еврипа Мелана. IV. 2.

2142.

Il. II. 684. и ср. IX. 395, 474. XVI. 595. Стих ἐγχείρῃ δ' ἐκέκαστο Πανέλληνας καὶ Ἀχαιοῦς, II. 530, был правильно осужден александрийскими критиками.

2143.

Или, скорее, "около Фтии". Гомер различает Элладу и Фтию (Ил. IX. 395, 478, 479. Од. XI. 495.); тетрархия Фтиотис в более поздние времена включала обе.

2144.

Æginetica, p. 155.

2145.

Гесиод. Op. et Di. 526. Βράδιον δὲ Πανελλήνεσσι φαίνει. Сравните Strabo VIII. p. 370. Можно заметить, что в трех древнейших отрывках, где встречается собирательное имя греков, а именно: стих в "Трудах и днях", поддельная строка в "Илиаде" и отрывок в Ἡοῖαι, на который ссылается Страбон, они называются не Ἕλληνες, а Πανέλληνες.

2146.

Apollodorus I. 7. 6.

2147.

Hes. Theog. 129. 371.

2148.

Ап. Плутарх. Lycurg. 6. согласно некоторому изменению. См. кн. III. гл. 5. § 8.

2149.

Книга III. гл. 12. § 5.

2150.

Книга II. гл. 1. § 8.

2151.

См. кн. I. гл. 1. § 9.

2152.

См. в частности Plato de Leg. I. p. 636. VI. p. 752. Κνωσίους πρεσβεύειν τῶν πολλῶν πόλεων.

2153.

См. Strabo X. p. 476. ср. p. 481. после Ephorus.

2154.

Archilochus ap. Heraclid. Pont. πολιτ. Κρητῶν. fragm. 86. Gaisford.

2155.

Hom. Od. XIX. 175. sqq.

2156.

См. кн. III. гл. 1. § 8.

2157.

Затмение солнца, упомянутое Геродотом, однако, не согласуется и должно быть ошибкой. VII. 37.

2158.

Συλλεγομένων ἐς τωὐτὸ τῶν περὶ τὴν Ἑλλάδα Ἑλλήνων τῶν τὰ ἀμείνω φρονούντων, καὶ διδόντων οἴσι λόγον καὶ πίστιν, Herod. VII. 145.

2159.

VII. 157. ἔπεμψαν ἡμέας Λακεδαιμόνιοι [τε καὶ οἱ Ἀθηναῖοι] καὶ οἱ τούτων σύμμαχοι. Слова, заключенные в скобки, отсутствуют в семействе Пассионеев и Флорентийской МСС и, по-видимому, являются интерполяцией с ок. 161 г.

2160.

Ирод. VII. 176. где слова οἱ Ἕλληνες включают как войска, так и конгресс.

2161.

Первое - в первое полнолуние после солнцестояния, второе - около второго, Corsini Fast. Att. I. 2. p. 453.

2162.

Диодор говорит об указе такого рода, но клятва на перешейке - риторическая выдумка, XI. 29.

2163.

Pericl. 39. παρὰ τὰ κοινὰ δίκαια καὶ τοὺς γεγεννημένους ὄρκους τοῖς Ἕλλησι.

2164.

Аристид. 21. γενομένης ἐκκλησίας κοινῆς τῶν Ἑλλήνων, ἔγραψεν Ἀριστείδης ψήφισμα, συνιέναι μὲν εἰς Πλαταιὰς καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν τοὺς ἀπὸ τῆς Ἑλλάδος προβούλους καὶ θεωροὺς, ἄγεσθαι δὲ πενταετηρικὸν ἀγῶνα τῶν Ἐλευθερίων.

2165.

ἀναφορὰ εἰς τὸν πόλεμον, Plutarch. Aristid. 24.